Филип К. Дик

Жизнь и всевышние вторжения

Лоуренс Сутин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Филип К. Дик написал 45 романов и более 120 рассказов. По его произведениям сняты десятки экранизаций для кино и ТВ. Он признан во всем мире как один из величайших и влиятельных романистов нашего времени. «Филип К. Дик. Жизнь и Всевышние вторжения» Лоуренса Сутина одобрены семьей Дика как его официальная биография, которая освещает жизнь человека, разорвавшего узы жанра научной фантастики и глубоко повлиявшего на таких писателей, как Пинчон, Делилло, Дэвид Фостер Уоллес и Джонатан Летем. Захватывающая, красиво написанная и глубоко откровенная, книга является обязательным чтением как для поклонников Дика, так и для всех любителей современной литературы и кино.

- Лоуренс Сутин
  - ○
  - ○
  - ○ Благодарности
  - ○ Предисловие
  - ○ Вступление
  - ○ Глава 1
  - ○ Глава 2
  - ○ Глава 3
  - ○ Глава 4
  - ○ Глава 5
  - ○ Глава 6
  - ○ Глава 7
  - ○ Глава 8
  - ○ Глава 9
  - ○ Глава 10
  - ○ Глава 11
  - ○ Глава 12
  - ○ Хронологический обзор
  - ○ Источники и примечания
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51

- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95

- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139

- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183

- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227

- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271

- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315

- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320

Лоуренс Сутин
Филип К. Дик. Жизнь и Всевышние вторжения

Моим добрым и любящим родителям,
Джеку и Рошели Сутиным

© Е. Беренштейн, перевод на русский язык, 2020
© А. Валдайский, переработка, 2020
© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

«Остро написанная, добросовестная биография. Браво».

Арт Шпигельман,

лауреат Пулитцеровской премии за графический роман «МАУС».

Благодарности

Исследования и написание этой книги явились истинным приключением сверх первоначального ожидания. Те, кто считает поиск Филипом К. Диком ответа на вопрос «что есть Реальность?» не более чем метафизической уверткой, не взялись бы за то, чтобы написать его полную биографию.

Я в долгу перед столь многими людьми, которые посвятили мне свое время и оказали поддержку и понимание, что с моей стороны было бы неблагодарностью выделить лишь немногих из них, чтобы высказать им свое «спасибо». Но я должен упомянуть тех, чья поддержка была наиболее существенной. Мой литературный агент, Дороти Питтман, усердно продвигала мое предложение, в то время как те, кто «все знает», заявляли, что биография Филипа К. Дика никогда не будет иметь коммерческого успеха. Мой издатель, Майкл Питч, взял на себя риск приобрести эту книгу и в своей работе над рукописью, относясь с должным уважением к моему стилю и намерениям, он постоянно побуждал меня к большей ясности и глубине. Пол Уильямс, литературный душеприказчик Наследия Филипа К. Дика, оказывал полное содействие, о котором биограф просил; его личным убеждением было то, что рано или поздно правда непременно всплывет наружу. Энн Дик оказала мне существенную поддержку, дав многочисленные интервью и позволив воспользоваться ее превосходной книгой *Search for Philip K. Dick*[1]. Тесса Дик, Нэнси Хакетт и Клео Мини любезно ответили на мои вопросы об их жизни замужем за Филом. Лора Коэльо и Иза Хакетт, дочери Фила, тоже активно помогали. Тим Пауэрс, добрый и верный друг Фила, подробно поделился своими воспоминаниями, дневниками и личными контактами. Джозеф Моррис, мой добрый и верный друг, поделился со мной своими взглядами на эту книгу.

Я взял интервью более чем у сотни людей, которые знали Фила или обладали сведениями о нем, и я благодарен всем, кто – из любви и уважения к Филу – потратил время, чтобы побеседовать со мной или написать мне. За все ошибки и упущения в тексте ответственность лежит, конечно, только на мне. Но вот те люди, которым я особенно сердечно благодарен: Джеральд Акерман, Карен и Пол Андерсон, Александра Апостолидес, Крис и Грег Арена, Чарльз Беннетт, Джеймс Блэйлок, Хатт Бледжер, Чарльз Браун, Джейн Браун, Милдред Дауни Броксон, доктор Гарри И. Брайан, Гарри и Нита Басби, Джефф Вагнер, Рассел Гален, Эвелин Глаубман, Синтия

Голдстоун, Шерри Готтлиб, Рон Гуларт, Искандер Ги, Ричард Дэниэлс, Грания Дэвис, Томас Диш, Гонор Джексон, К. У. Джетер, Роджер Желязны, доктор Джордж Колер, Дин Кунц, Джерри Креси, Кэрол Карр, покойный Терри Карр, Лорен Кавит, Гвен Ли, Урсула К. Ле Гуин, Линда Леви/Тэйлор, Мириам Ллойд, Ричард Лупофф, Винсент и Вирджиния Ласби, Мишель МакФадден, Уиллис МакНелли, Стив Молк, Мерри Лу Мэлоун, Барри Молсберг, Дэвид Мэй, Энн Монбриан, Берни Монбриан, Джерри Найт, Маргарет Ниаринг, Кирстен Нельсон, Дж. Дж. Ньюком, Николь Пантер, Дэвид Пиплз, Хуан и Сью Перес, Серена Пауэрс, Дж. Б. Рейнольдс, Алан Рич, Грегг Рикман, Леон Римов, Бетти Джо Риверс, Линн Сесил, Грегори Сэндоу, Уильям Сарилл, Дорис Саутер, Роберт Силверберг, Джоан Симпсон, Джон Слэйдек, Норман Спинрад, Нит Спрэг, Барри Спатс, покойный Рой Скуайерз, Лу Статис, Э. М. Теруиллиджер, Джей-Энн Толман, Рэй Торренс, Майкл и Сьюзен Уолш, Мэри Уилсон, Роберт Антон Уилсон, Уильям Вольфсон, Ричард Волински, Дональд Уоллхейм, Глэдис Фабун, Хэмптон Фэнчер, Тим Финни, Пат Фланнери, Джеймс Френкель, Майкл Хакетт, Линда Хартинян, Дэвид Хартвелл, Линда Херман (библиотекарь особых собраний Калифорнийского университета в Фуллертоне), Нил Хаднер, Марк Херст, Дональд Шенкер, Том Шмидт, Арт Шпигельман, Д. Скотт Эйпел, Лоуренс Эшмид, Дик Эллингтон и Харлан Эллисон.

Мой величайший долг перед бесстрашным духом Филипа К. Дика.

Лоуренс Сутин

Миннеаполис

Май 1989

Предисловие

За семнадцать лет, прошедших с тех пор, как эта биография впервые появилась, репутация Филипа К. Дика чрезвычайно выросла. Объяснение этому, на первый взгляд, представляется очевидным: экранизации произведений Филипа Дика возникают с такой возрастающей скоростью, в которой они могут уступить только экранизациям Стивена Кинга. Но Стивен Кинг – плодовитый автор бестселлеров и до сих пор жив. Филип К. Дик умер более двух десятилетий назад, и ни одна из его книг не продавалась при его жизни достаточно хорошо. Далее, фильмы, снятые по произведениям Дика, за исключением первого из них – «Бегущий по лезвию» (1982), были ужасными. «Вспомнить все» принес много денег, но Арнольд Шварценеггер стал не более чем попыткой нарисовать портрет героя Филипа К. Дика – который спасал мир не с помощью пистолета-пулемета «узи», а благодаря чуткому осознанию его страданий и проницательному пониманию его крайней нереальности. С остальными фильмами, от «Самозванца» до «Часа расплаты», случилось то, что чрезвычайно редко бывало у Дика: они вгоняют зрителей в скуку.

Должна быть причина, по которой Голливуд делает ставку на рассказы и романы Дика. Появляется все больше его экранизаций, включая вскоре выходящий на экраны фильм «Помутнение»[2], и есть надежда, что эти новые экранизации будут лучше предыдущих. Но дело в том, однако, что быстро растущее число читателей произведений Филипа К. Дика – почти все они вышли из печати после его смерти, и почти все они переиздаются и по сей день, – так вот, читатели покупают эти произведения не только из-за снятых фильмов, а из-за исключительного мастерства и таланта Дика как писателя. Кинопродюсеры, которые платят сегодня семизначные цифры за те рассказы, которые сам Дик в начале пятидесятых годов продавал в дешевые журналы за двузначные цифры, осознают это мастерство и этот талант, даже если они не всегда могут воплотить эти рассказы на экране.

Теперь мы подходим к самой сути дела. Международный статус, которым пользуется сегодня Дик, базируется на широком признании читателями того, что в произведениях Филипа К. Дика обнаруживается такое, чего не найдешь в произведениях других авторов, хотя у него достаточно много подражателей. Но Дику невозможно подражать, поскольку его образы сложны для понимания и потому, что они захватывали его полностью, когда он писал. Многие умные головы обладают способностью

выдумывать увлекательные «иные миры». Но лишь немногие могут и вправду погружаться в эти «иные миры» и продолжают населять их целым рядом правдоподобных, уродливых, безрассудных и задушевных персонажей, которые изображены так точно, что напоминают нас самих, живущих в «реальных мирах», и мы начинаем удивляться: действительно ли «реально» все то, что мы привыкли называть этим словом.

Филип К. Дик – мастер созерцательного воображения, того типа воображения, который не только включает в себя, но и превосходит психологические, политические и моральные исследования, чтобы бросить вызов самим познавательным представлениям, руководящим нашими жизнями. Остается справедливым, как оно и было, когда я писал эту книгу, что существует определенный процент академиков и «мейнстримных» критиков, которые из-за очевидной небрежности стиля многих (хотя и не всех) романов Дика относят их к более низкому разряду, нежели других мастеров XX века, таких как Честертон, Кафка, Борхес и Кальвино, так отчетливо напоминающих Дика по самой сути своих интересов. Моим ответом этим критикам будет то, что лучшее из написанного Диком прекрасно укладывается в телевизионный развлекательный ритм нашего времени и что наиболее колоритные и устрашающие из его «иных миров», – что мы видим в таких его романах, как «Стигматы Палмера Элдрича» (1964) и «Убик» (1969), – столь же колоритны и ужасающи, как «Превращение» Кафки. Прага – это вам не Калифорния. Кафка герметичен и эпиграмматичен в стиле Улицы Алхимиков. Дик своенравен и беспорядочен в духе торговых улиц в округе Ориндж. Обе манеры требуют гениальности исполнения.

Одно из традиционных испытаний мастерства писателя-фантаста – это его способность изобретать технологии, идеологии и «предсказать» будущее вроде Жюля Верна, который в XIX веке писал о космическом полете на Луну. В этом отношении большинство (хотя и не все) поклонников научной фантастики сурово принижали оценку творчества Дика при его жизни. Его не считали писателем «твердой» научной фантастики, который хоть что-нибудь знал о физике, биохимии и генетике. Скорее его оценивали как представителя ее «мягкого» поджанра, чьи говорящие машины и правящие политические режимы были выдуманы по стандартам «бульварных» журналов.

И тем не менее, если современные читатели Дика склонны с чем-то согласиться, так это с тем, что его произведения, которые уже несколько десятилетий несут мрачную атмосферу смерти, описывают наши концентрированные, управляемые и раздробленные ежедневные реалии так отчетливо, как будто Дик

все еще живет среди нас. Это очевидно: то, чего Дик не знал о науке, он восполнял своим невероятным чутьем на тенденции человеческого сознания и поведения.

Я доверяю ему в этой книге, но даже при этом доверяю ему не полностью. У Дика было, насколько я помню, два взлета воображения, которыми я наслаждался как читатель, но относил это к области чистой игры фантазии. Первым из них было представление о телевизионном «новостном клоуне», наиболее рельефно проявившееся в образе Джима Брискина в «Пороге между мирами» (1964); вторым было создание размером с насекомое, визгливое, внезапное, по имени Теодорус Нитц, благоволящее рекламным агентам, которые в книге «Симулякры» (1964) мучают различных персонажей, шепотом напоминая о таких вещах, как телесный запах: «В любой момент один может оскорбить других, в любой час дня!»

Возвращаясь в 1980-е годы, я чувствовал, что современные общества, с их войнами и кризисами, не потерпят передачу серьезных новостей в откровенно юмористическом духе. Я также был совершенно уверен, что вездесущая, неизбежная реклама не будет служить общественным целям. Конечно, я был совершенно неправ в обоих этих случаях. Успех *The Daily Show*[3], недавно получившего премию Пибоди[4], сделала Джона Стюарта могущественным и влиятельным «новостным клоуном», к которому обращается обширная аудитория с тем, чтобы узнать ежедневные новости. А повсеместно выскакивающая реклама в Интернете могла бы стать источником гордости и радости для Теодоруса Нитца.

Возможно, это второстепенные подтверждения. А где произведения Дика продемонстрировали предвидение будущего, так это в изображении всевозможных подмен понятий «истины» и «реальности» во имя интересов правительства и бизнеса. Наше беспокойство по отношению к «окружению» можно фактически приложить к любому вопросу, задаваемому в дистопиях Дика. Знакомясь с произведениями Дика, новые поколения обнаруживают пугающие и веселые подтверждения их недоверия ко всем СМИ и их стремления к поискам новых истин в других источниках – даже в тех местах, которые доминирующая культура отвергает как «мусор».

Пусть это издание послужит тому, чтобы представить этим новым поколениям замечательную жизнь замечательного человека.

Июнь 2005

Вступление

Без сомнения, есть различие между научной фантастикой и соседствующими – часто близко с ней связанными – жанрами обычной литературы. Она – шлюха, при этом – весьма застенчивая; более того – шлюха с ангельским лицом… Лучшие научно-фантастические романы хотят переместить себя контрабандным путем в Высшую Сферу («мейнстрим»), но в 99,9 процента случаев им этого не удается. Лучшие авторы ведут себя как шизофреники; они хотят – и одновременно не хотят – относиться к (Низшей) Сфере научной фантастики. По этой причине научная фантастика – весьма примечательный феномен. Она приходит из публичного дома, но хочет вломиться во дворец, где хранятся самые возвышенные мысли всей человеческой истории.

Станислав Лем

…то, что он [писатель-фантаст] хочет изложить на бумаге, отличает его от писателей с другим полем деятельности… Это не сохранившийся ребяческий мир, а лишь только миг, терзающий его; он свободен и рад писать о бесконечности миров…

Филип К. Дик (1980)

Если Гераклит прав и «природа любит скрываться», тогда где лучше всего искать великое искусство, как не в халтурном жанре?

Филип к. Дик (1928–1982) остается скрытым сокровищем американской литературы, потому что большая часть его произведений написана в жанре научной фантастики, который почти никогда не привлекает серьезного внимания.

Разве вы можете писать о космических кораблях и быть серьезным? Огромный белый кит[5] являет собой литературный символ, но такого нельзя сказать о грибе-слизевике с Ганимеда, еще и обладающем телепатическими способностями.

Фил Дик использует в качестве подпорок весь хлам научно-фантастического жанра – пришельцы с щупальцами, альтернативные миры и какие-то потрясающие высокотехнологические приспособления, – чтобы ярко продемонстрировать нереальный вымысел, о котором писал этот американский автор XX века. В Европе и Японии Фил широко признан как один из наших наиболее оригинальных романистов, и с него сняты ярлыки писателя-фантаста.

Но каким-то образом в его родной стране книги Фила все еще стоят на полках в борделе.

Проблема заключается в том, что лучшие произведения Фила: «Человек в Высоком замке» (1962), «Стигматы Палмера Элдрича» (1964), «Сдвиг времени по-марсиански» (1969), «Помутнение» (1977) и вышеупомянутый «Валис» (1981) – выходили под рубрикой «научная фантастика», если вообще их можно отнести к какой-либо рубрике. А фантастика вынуждает серьезно мыслящих американцев ухмыляться: парни в рваных рубашках и с лучевыми ружьями, жукоглазые монстры раздевают девиц в латунных бюстье – все это набор из «дивного завтрашнего нового мира», который больше напоминает вам скучные фильмы категории Б с летающими тарелками, висящими на тросиках над игрушечными городами, или бодрых супергероев из комиксов, которые вы читали в детстве. А говоря о детях, очевидным, хоть и недоказанным является тот факт, что большинство читателей научной фантастики, как и писателей (включая Фила Дика), впервые стали поклонниками этого жанра задолго до того, как окончили школу. Что можно поделать с жанром, который редко привлекает новых читателей из числа людей самодостаточных?

Некоторые читатели фантастики, устав от насмешек, указывают, что некоторые официальные классики высшего уровня, как сэр Томас Мор с его «Утопией» (1516), связаны с этим жанром, потому что альтернативный мир логически экстраполируется из гипотетических социальных инноваций. Они провозглашают Эдгара Алана По отцом-основателем современной НФ – на сорок лет раньше француза Жюля Верна – на основании таких рассказов, как «Правда о том, что случилось с мистером

Вальдемаром» и «Мистификация». Они ссылаются на гордую британскую традицию научной фантастики, которая включает в себя произведения, созданные писателями, несомненно, самого высокого уровня, такими как Герберт Уэллс, Олдос Хаксли, К. С. Льюис, Джордж Оруэлл, Кингсли Эмис, Энтони Берджесс, Колин Уилсон и Дорис Лессинг.

Но большинство американских поклонников фантастики насмехаются над этой вымученной ученой апологетикой. Они прекрасно знают, что из себя представляет жанр и откуда он родом, и вот история, которую они вам расскажут.

В первую очередь, научная фантастика не была рождена в сознании Мора, поскольку тот писал на латыни, черт возьми, так же, как и в сознании По, или Уэллса, или Верна, или даже, если на то пошло, под переплетом той или иной респектабельной толстой книги. Фантастика вырастала как стрелолиственная серебряная орхидея из богато унавоженной почвы, состоящей из многочисленных дешевых журналов, которыми изобиловали американские газетные киоски со времен окончания Первой мировой войны вплоть до ранних пятидесятых (как раз когда началась писательская карьера Дика – только в июне 1953 года его рассказы были размещены в семи разных дешевых журналах). Когда эти журналы стали сдавать свои позиции, расцвет изданий в мягких обложках возродил этот жанр. Фантастика продавалась и продолжает продаваться по сей день, потому что лучшие писатели в этом жанре, как и те, кто писал в жанрах детектива, вестерна и любовных историй, знали: воображение может быть невероятно простым замком для вскрытия, если ты знаешь, как пользоваться испытанными правилами.

Что касается жанра, то основным правилом здесь является и всегда было следующее: начинайте с ошеломительной идеи, и пусть она свободно и удивительно реализуется в мире будущего. Дешевые журналы платили немного, но вполне достаточно… если вы последовательно выдавали ошеломительные идеи и могли взбалтывать свою писанину с головоломной скоростью.

Фил вполне годился для этого. Никто в истории фантастического жанра – с таким удивлением некто покупает новые ботинки для детей писателя, – никто не мог поставить вопрос: «Что, если?» – столь широко, необузданно и убедительно, как Филип К. Дик.

Он любил рассказывать историю о том, как он открыл для себя научную фантастику:

> Мне было двенадцать лет [в 1940 году], когда я прочитал свой первый НФ-журнал… он назывался *Stirring*

Science Stories[6], и, я думаю, у него было четыре выпуска. Редактором был Дон Уоллхейм, который позже, в 1954 году, купил мой первый роман… а после – еще многие. Я наткнулся на этот журнал случайно; на самом деле я искал *Popular Science*. Я был чрезвычайно удивлен. Рассказы о науке? Я сразу же почувствовал волшебство, которое обнаружил в ранние годы в книгах о стране Оз, и теперь к этому волшебству присовокупилась, помимо волшебных палочек, еще и наука… Во всяком случае, в моих взглядах волшебство стало приравниваться к науке, а наука (будущего) – к волшебству.

Когда ему было немного за двадцать, Фил несколько раз перечитал «Поминки по Финнегану» Джеймса Джойса. На протяжении всей его жизни круг его чтения был воистину безграничным – от изданий по физике до анализа *Dasein* Бинсвангера[7], Юнга, Канта, Уильяма Берроуза[8], Библии, Свитков Мертвого моря, Бхагават-гиты. Повлияло ли это на его труды? Фил часто цитировал – пока не добрался до авторов НФ – Стендаля, Флобера и особенно – Мопассана, чьи рассказы, наряду с рассказами Джеймса Т. Фаррелла[9], научили его, как выстраивать собственные рассказы, чтобы продавать их и тем обеспечивать себе жизнь в начале пятидесятых годов: он написал их более семидесяти за три года, прежде чем начал сочинять романы.

Я хочу сказать, что Фил был умен как черт и был в состоянии оценить лучшие литературные произведения. Так что же ему нужно было от литературы низшего уровня?

Именно научная фантастика с ее откровенной установкой, прежде всего, на удивление делала Фила свободным писателем.

Свободным – от чего? Искусство написания биографии состоит в разрешении невозможных вопросов, касающихся твоего предмета, ответов на которые ты не можешь для себя найти, но я для этого сделаю все, что смогу, к концу этой книги. Но вот сейчас представьте, что вы молодой писатель, который может печатать на машинке сто двадцать удивительных слов в минуту, и вам трудно себя сдерживать, когда из вас все это прет. Теперь представьте себе возможности жанра, в котором любая психологическая, политическая, сексуальная или эволюционная предпосылка допустима, пока читатели готовы предложить реальные деньги за притягательную силу неведомых миров.

Фил ужасно хотел попасть в «мейнстрим». Шли годы, он прекрасно понимал, что пишет блестящие книги и никто другой не задумывается над вопросами, которыми он одержим: «Что есть

Реальность?» – и устрашающее следствие этого вопроса: «Что есть Человек?» Но он также знал, что правила «мейнстрима» не дают возможности работать с идеями, что время от времени приходят ему в голову. Зная это, он мог чувствовать себя одновременно отверженным, гневным и благословенным:

> Я хочу писать о людях, которых я люблю, и помещать их в вымышленный мир, возникающий из моего сознания, – не тот мир, в котором мы действительно живем, поскольку этот действительный мир не соответствует моим меркам. Хорошо, я мог бы пересмотреть мои мерки, но мне это никак не удается. Мне пришлось бы подчиниться реальности. Я никогда не подчинялся реальности. Вот к чему мне нужна НФ. Если вам хочется подчиняться реальности, занимайтесь чтением Филипа Рота[10], читайте благопристойных нью-йоркских популярных авторов бестселлеров. […] Именно поэтому я люблю НФ. Я люблю ее читать; я люблю ее писать. НФ-писатели не видят никаких возможностей, кроме самых диких. Это не только: «Что, если?» – это: «Боже мой, что, если?» – вопрос, который задан в состоянии одержимости и истерии. Марсиане всегда приходят.

Но только в дешевых журналах («дрянном чтиве», как их обычно называют). В апреле 1911 года Хьюго Гернсбек написал и выпустил по частям повесть «Ральф 124G41: роман о 1966 годе» в своем собственном журнале *Modern Electric*. Приключение из будущего, отмеченное дикими экстраполяциями на тему «Что, если?», на удивление снискало успех в журнале, который ранее был посвящен исключительно реальным и практическим фактам. Но лишь к апрелю 1926 года Хьюго Гернсбеком овладела идея основать первый на английском языке журнал, полностью посвященный научной фантастике, под названием *Amazing Stories*. Именно Гернсбек «благословил» термин «научная фантастика», который прочно приклеился к этому жанру.

Журнал имел огромный успех, до того как разразилась Великая депрессия и Гернсбек оказался в положении банкрота. Он потерял контроль над *Amazing Stories*; журнал выкупили и продолжили выпускать другие люди, а сам Гернсбек больше никогда не обращался к научной фантастике. Он был, однако, достойным образом увековечен благодаря премии «Хьюго», высшей литературной награде в области научной фантастики, которая ежегодно вручается по результатам голосования поклонников жанра на «Уорлдконе» – международном конвенте

любителей фантастики.

Филип Дик получил премию «Хьюго» в 1963 году за роман «Человек в Высоком замке», опубликованный издательством Putnam в суперобложке, которая скрывала связь книги с научной фантастикой. В ней представлен мир после Второй мировой войны, в нем Япония и Германия являются победителями, а материковая территория Соединенных Штанов разделена между ними примерно поровну; Япония управляет западной половиной, где номинально находится «футуристический» Сан-Франциско, в котором и происходит действие романа. Фил разрабатывал сюжет, постоянно консультируясь с оракулом «И-Цзин». Ряд персонажей-японцев и завоеванных, потерявших культурную идентичность американцев также обращаются к этому оракулу.

Фил думал, что через десять лет писательских усилий он, написав одиннадцать обычных романов (не опубликованных к тому времени) и семь НФ-романов (шесть из которых были опубликованы в мягких обложках издательством Ace Books[11]), наконец, в романе «Человек в Высоком замке» соединил Низшую и Высшую Сферы, рассказав очень серьезную и прекрасно написанную историю о природе фашизма и Дао, и, насколько позволяет сам жанр НФ, реальность здесь представлена чрезвычайно запутанной. Но Высшая Сфера отвернулась от романа – в нем не было черт, характерных для реалистической литературы, – в то время как Низшая Сфера удостоила его премии «Хьюго».

Категории… Фил никогда не вписывался ни в одну из них, не мог он вписаться также в ту или иную отдельную сферу. Нельзя сказать, что он был непрактичным или, как говорится, не от мира сего. Романы и рассказы свидетельствуют о его детальном и сочувственном понимании того, что значит ежедневная работа и неприятности в супружеской жизни, что значит ценность труда в первом случае и любви, несмотря ни на что, – во втором. И Фил, замечу, справлялся с тем, чтобы зарабатывать на жизнь на протяжении тридцати лет, сочиняя только те книги, которые сам хотел писать. Он был высококвалифицированным профессионалом.

Но яичницу не приготовишь, не разбив яйца, и вам не удастся написать о мистере Тагоми, глядящем сквозь тусклое стекло в «Человеке в Высоком замке», или о Барни Майерсоне, который обращается к чемоданчику – психиатру Смайлзу в «Стигматах Палмера Элдрича», или о Джо Чипе, который защищается от обращенного времени с помощью баллончика с аэрозолью в «Убике», или о Фреде/Роберте Аркторе, свихнувшемся копе под прикрытием, доносящем сам на себя, в «Помутнении», или о

Жирном Лошаднике в романе «Валис», который объясняет характер Фила Дика (оба знают, что на самом деле они являются одним и тем же человеком), как тот натолкнулся на великое Единое Сознание, которое могло быть Богом или чем-то еще («…У Жирного, должно быть, было больше теорий, чем звезд во вселенной. Каждый день он развивал новую – более хитроумную, более поразительную и более чокнутую») – вы не смогли бы написать ни об одном из этих людей без того, чтобы сперва оказаться лицом к лицу с ужасом и непрочным весельем мира, который не может стать единым. В 1981 году, оглядываясь на свои произведения, Фил писал:

> Я беллетризованный философ, а не романист; я использую свою способность писать романы и рассказы в качестве средства для передачи моего восприятия мира. Сущностью моего письма является не искусство, а истина. Таким образом, то, что я говорю, – это истина, и я не делаю ничего, чтобы упростить ее с помощью действий или объяснений. Это может каким-то образом помочь определенному роду восприимчивых и беспокойных людей, к которым я обращаюсь. Я думаю, что нахожу и понимаю нечто общее в тех, кому помогают мои произведения: они не смогут или не станут притуплять собственные догадки об иррациональной, загадочной природе реальности, и для них собрание моих произведений является одним длинным логическим рассуждением, касающимся этой необъяснимой реальности, объединением и представлением, анализом, и откликом, и личной историей.

Поэтому неудивительно, что строгие жанровые категории работали против Фила. Возьмем такие романы, как «Помутнение» и «Валис». Они продавались как НФ, но если бы они были написаны, соответственно, Уильямом Берроузом и Томасом Пинчоном, они бы попали в категорию литературы «мейнстрима». Почему? Все дело в категориях. Часто включающийся в антологии рассказ Борхеса «Тлен, Укбар, Orbis Tertius» (о воображаемой планете, которая постепенно становится нашим миром) мог бы быть отнесен к НФ, если бы его написал Фил.

Другой рассказ Борхеса, «Пьер Менар, автор «Дон Кихота», предлагает выход из лабиринта категорий. Менар в XX веке пишет оригинальный труд под названием «Дон Кихот» на том же испанском языке, которым пользовался Сервантес. Однако, поскольку сознание Менара, будучи современным, отличается от

сознания Сервантеса, воздействие менаровской копии «Дон Кихота» на читателя должно быть совершенно иным. Борхес объясняет это так:

> Менар (возможно, сам того не желая) обогатил кропотливое и примитивное искусство чтения техническим приемом нарочитого анахронизма и ложных атрибуций. Прием этот имеет безграничное применение – он соблазняет нас читать «Одиссею» как произведение более позднее, чем «Энеида». […] Этот прием населяет приключениями самые мирные книги. Приписать Луи Фердинанду Селину или Джеймсу Джойсу «О подражании Христу»[12] – разве это не внесло бы заметную новизну в эти тонкие духовные наставления?[13]

Все это очень хорошо и здорово. Но кого, в свете борхесовского метода «нарочитого анахронизма», мы сможем определить как автора произведений Филипа К. Дика, чтобы они заслужили достойного уважения?

Филу понравился бы этот вопрос. Черт возьми, он весьма часто спрашивал нечто подобное на восьми тысячах страниц «Экзегезы»[14] или «Толкования» (*Pro Mia Vita* – такой подзаголовок он дал своей апологии[15], чтобы подчеркнуть его ключевую важность), которое он писал ночь за ночью на протяжении почти восьми лет, стремясь объяснить к своему собственному удовлетворению (хотя и безуспешно) ряд видений и слуховых наитий, которые захватили его душу в феврале – марте 1974 года и не отпускали до конца его жизни. Эта биография впервые включает в себя результаты такого исследования во всей полноте[16].

Можно сказать, что опыты «2–3–74»[17] демонстрируют крайнюю одержимость вопросом: «Что, если?» – или же его новый и бесконечный уровень. Годом позже, 21 марта 1975 года, Фил написал столь краткое и блестящее резюме о своих видениях, чего ему раньше не удавалось:

> Я Говорю о Восстановителе Того, Что Было Утрачено, о Реставраторе Того, Что Было Разрушено
>
> *16 марта 1974:* Оно появилось – в ярком огне, блестящее и разноцветное, в гармоничных формах – и освободило меня от всякого рабства, внутреннего и внешнего.
>
> *18 марта 1974:* Оно выглянуло наружу изнутри меня

и увидело мир, который нельзя исчислить, в котором я – и оно – пребывали. Оно отвергало реальность, власть и подлинность мира, говоря: «Это не может существовать; он не может существовать».

20 марта 1974: Оно целиком захватило меня, возвысив над пределами пространственно-временной матрицы; в то же время оно управляло мной, и я понял, что мир вокруг меня – кусок картона, фальшивка. Через его силу восприятия я увидел то, что действительно существует, и через силу его необъяснимого решения я стал освобождаться. Оно вступило в битву, как защитник порабощенного человеческого духа, как победитель любого зла, железных оков…

Опыты «2–3–74», которые столь сильно повлияли на последние романы Фила, являются редким и замечательным событием в американской литературной истории; как часто американский писатель любого статуса исповедовался в подобном и был поглощен такой темой? Подзаголовок этой биографии – «Всевышние вторжения» – дань уважения роману Фила 1981 года «Всевышнее вторжение», к тому же подчеркивает чрезвычайную важность для его жизни и творчества вышеуказанных событий. Я ничуть не желаю намекать на то, что какой-нибудь конкретный термин (например, «Бог») может исчерпывающе описать то, с чем Фил столкнулся – «2–3–74», а также на то, что в результате этого явился Святой Фил; сам Фил отверг бы эти фантазии.

Но сущность тех сложных истин, которые Фил бережно хранил в последние годы своей жизни, коренится в «2–3–74». Никому не удается миновать безответный вопрос: были ли те события реальными? У самого Фила не было сомнений в том, что нечто произошло, хотя он не исключал вероятность того, – как замечал его друг и писатель-фантаст К. У. Джетер, – что можно допустить «минимальную гипотезу» самообмана. Но для читателей, которые в этот скептический век с готовностью схватились бы за такой вывод, могли бы быть весьма ценными предупреждающие слова Уильяма Джеймса[18] из книги «Многообразие религиозного опыта»:

Все мы, несомненно, знакомы в целом с этим методом дискредитации тех состояний сознания, к которым мы испытываем антипатию. Мы все в той или иной степени пользуемся им, критикуя людей, состояние сознания которых считаем перенапряженным. Но когда другие люди критикуют наши собственные

> экзальтированные душевные порывы, называя их «не более чем» выражениями нашего естественного характера, мы чувствуем оскорбление и обиду, поскольку знаем, что, какими бы ни были особенности нашего организма, у состояний нашего сознания есть собственная ценность, поскольку они раскрывают живую истину; и нам хотелось бы, чтобы весь этот медицинский материализм попридержал бы свой язык.

Возвращаясь к «нарочитому анахронизму», предложенному Борхесом, давайте, ради тех целей, которые преследует эта биография, произвольно положимся на самого Филипа К. Дика как автора многочисленных блестящих произведений, которые являются либо НФ, либо представляют «мейнстрим» – это как вам заблагорассудится. И давайте далее, ради чистоты и вежливости, кратко установим правила этого биографического «дорожного движения» для благосклонного читателя, который следует этим курсом.

Во-первых, Филу, – которого, конечно, мы будем цитировать более часто и объемно, чем кого-либо другого, коль скоро речь заходит о событиях его жизни, – очень нравились уточнения, экстраполяции, переосмысления, с помощью которых он открыто разыгрывал людей. С этим согласны все, кто знал его. Фил неудержимо придавал ценность истине как в своих произведениях, так и в личных отношениях. Но он был не из тех, кто сопротивлялся бы обаянию новой, блестящей, сложной теории «2–3–74» или какой-то иной, и его способность порождать подобные теории была безграничной. К тому же, будучи любезным и общительным (когда он не испытывал мук сильной депрессии и отчаяния), Фил любил рассказывать истории и писать письма, которые доставляли удовольствие тем, кому были адресованы, или согласовывались с их предрассудками.

Я прекрасно понимаю, что многие цитируемые рассказы Фила о его жизни очень напоминают смесь вымысла и фактов, но я не испытываю никакой неприязни к вымыслу, проливающему свет на внутренний мир и характер Фила. Таким образом, мой подход к этой биографии должен выражаться в растолковании и прояснении, по мере возможности, полученных сведений, а что касается остального, то пусть читатель (который, возможно, лично знаком с эмоциональными преувеличениями и пробелами в памяти) остерегается и получает удовольствие.

Во-вторых, позвольте мне признаться, что в этом повествовании я выступаю как от лица самой жизни, которая, по моему мнению, замечательна, так и от лица уникального права

литературы на вымысел, к которому порой несправедливо относятся с пренебрежением. Во многом это пренебрежение возникает вследствие того, что творчество Фила относят к жанру НФ, и из-за обилия его весьма неровных, по общему мнению, произведений. Здесь, однако, есть более личный негативный фактор в работе: Фил приобрел неприукрашенную репутацию безнадежного наркомана – и это в какой-то мере связано с его НФ-циклами.

Фил был хорошо осведомлен об этой репутации. Конечно, во многих случаях он сам способствовал ее подтверждению, особенно в шестидесятые годы, когда странные эксцессы были модой даже для более респектабельных типов, чем авторы НФ. Но в последнее десятилетие своей жизни он – не без юмора – пожалел об этом. Его роман «Помутнение» (1977) – «кода» к наиболее болезненным годам его жизни – яростное антинаркотическое свидетельство, где содержатся, вполне в его духе, наиболее веселые сцены из всех, что он когда-либо написал. Например, когда Чарльз Фрек, заядлый поклонник «Субстанции С» (как «Смерть»), решает покончить с этим со всем, проглотив сверхдозу «красненьких»[19] под дорогую бутылку «Каберне-Совиньон» 1971 года от Мондави[20]. Но Фрека «кинул» его дилер, который вместо барбитуратов подсунул ему новый непонятный психоделик:

> Вместо того чтобы спокойно задыхаться, Чарльз Фрек начал галлюцинировать. Что ж, думал он по-философски, такова история моей жизни. Всегда все срывается. Он вынужден был оказаться перед фактом: учитывая, сколько капсул он проглотил, ему уже надо было отправляться в какое-то путешествие.
>
> Следующее, что он понял, – это тварь непонятных размеров, которая стояла перед его кроватью и осуждающе глядела на него вниз.
>
> У твари было множество глаз повсюду, ультрасовременная дорогостоящая одежда, и она возвышалась на восемь футов. Она также держала огромный свиток.
>
> «Ты собираешься зачитать мне мои грехи», – сказал Чарльз Фрек.
>
> Тварь кивнула и распечатала свиток.
>
> Беспомощно лежа на кровати, Фрек произнес: «Но это займет сотню тысяч часов».
>
> Уставившись на него множеством своих замысловатых глаз, тварь непонятных размеров

ответила: «Мы больше не в земной вселенной. Низшие категории материального существования, такие как «пространство» и «время», больше к тебе не приложимы. Ты возвысился в трансцендентальную сферу. Твои грехи будут зачитываться тебе непрерывно в процессе перемещения в вечности. Список никогда не закончится».

Знал бы я своего дилера, думал Чарльз Фрек и хотел вернуть обратно последние полчаса своей жизни. […]

Через десять тысяч лет они добрались до шестого класса школы.

Тот год, когда он открыл для себя мастурбацию.

Он закрыл глаза, но все еще видел многоглазое существо высотой в восемь футов с его бесконечным свитком, который оно все читало и читало.

«А затем…» – сказало оно.

Чарльз Фрек подумал: «В конце концов, у меня было хорошее вино».

Несмотря на «Помутнение» (или, возможно, из-за всеобъемлющего юмора и любви при всем яростном неприятии наркотиков), та самая репутация сохранялась. В письме, написанном в январе 1981 года, Фил безошибочно оценил ущерб: «Он чокнутый, – таким будет ответ. – Принимал наркотики. Видел Бога. БЧД [большую чертову дозу]».

Конечно, Фил не был психом по всем параметрам, насколько я могу судить. Более того, я брал интервью у психиатра и психолога, которые наблюдали Фила на протяжении двух наиболее трудных периодов его жизни, и оба заявили, что он совершенно вменяемый, как и каждый из нас. Кроме того, уже в зубах навязло желание некоторых приклеивать «психологические» ярлыки на продуктивного и серьезного художника, который демонстрирует ум и воображение, не укладывающиеся в узкие рамки его хулителей.

Эмоциональные и поведенческие трудности Фила были временами весьма суровыми, причиняя сильную боль и страдания ему самому и другим людям, и это приводило его к тому, что он писал временами о «трех нервных расстройствах» и сам себе ставил диагнозы «шизофрения» и «психоз». (В других случаях он яростно отрицал, что подобные определения могут иметь какое-то отношение к его жизни.) Внутренняя жизнь Фила была непрестанно напряженной. Возможно, он использовал крайние психологические термины, чтобы придать максимального драматизма тем силам, которые питали его как писателя. Возможно, он высказывался просто и прямо о том, что он иногда

считал правдой.

Я следую этому компромиссу: точно цитировать его, признавать и исследовать болезненные трудности, но в то же время постоянно избегать суждений, основывающихся на упрощенном и покровительственном дуализме: вменяемый/невменяемый, – что было бы издевательством над художественным и духовным видением Фила и позором для его биографа.

И, наконец, несколько слов о структуре этой книги. Полный объем трудов Фила – более сорока романов и две сотни рассказов – делает практически невозможным их детальное исследование. Поэтому в своем повествовании я сосредоточился только на лучших рассказах и на следующих одиннадцати романах: «Око небесное» (1957), «Порвалась дней связующая нить» (1959), «Исповедь недоумка» (1959, издан в 1975), «Человек в Высоком замке» (1962), «Сдвиг времени по-марсиански» (1964), «Стигматы Палмера Элдрича» (1965), «Убик» (1969), «Пролейтесь, слезы, сказал полицейский» (1974), «Помутнение» (1977), «Валис» (1981) и «Трансмиграция Тимоти Арчера» (1982) – это наиболее показательные из его произведений. Кроме того, в Хронологическом обзоре я предлагаю в сжатой форме полный список произведений Фила в порядке их создания, побуждая заинтересованного читателя совершить путешествие по его темам, вплетающимся во все его сочинения.

* * *

А теперь, возвращаясь к цитате из Фила, которая открывает это Вступление, давайте, сохраняя объективный взгляд на вышеназванные романы Фила, проследуем дальше, чтобы представить себе жизнь писателя, который «свободно и радостно пишет о бесконечности миров».

Начнем же, конечно, с «подлинного мальчишеского мира», от власти которого Фил стремился избавиться.

Глава 1
Декабрь 1928 – январь 1929

Я чувствую себя в безопасности только тогда, когда меня оберегает женщина. Почему? Безопасность – от чего? Что за враги, опасности? Это страх, что я просто умру. Мое дыхание, мое сердце остановятся. Я выдохну в последний раз, как выставленный напоказ беспомощный младенец. Джейн, такое случилось с тобой, а я все еще боюсь, что такое может случиться и со мной. Они не защитят нас…

Фил, запись в дневнике (1971)

А вот телефонный номер Фила и Джейн…

Авторадио, «Помутнение» (1977)

Этот бренный мир

Филип Киндред Дик и его сестра-близнец Джейн Шарлотта родились недоношенными на шесть недель раньше срока 16 декабря 1928 года.

В то время было обычным явлением, что их мать, Дороти, не знала, что вынашивает близнецов. Она и их отец Эдгар переехали из Вашингтона в Чикаго, куда Эдгар был переведен по работе Департаментом сельского хозяйства США. Дети родились в их новой квартире по адресу 7812 Эмеральд-авеню. Была суровая и очень холодная зима. Лечащий врач, которого выбрала сама Дороти, жил на той же улице.

Фил родился в полдень, на двадцать минут раньше своей сестры. Эдгар, который часто присутствовал при родах у животных на фермах, вытер слизь с личиков младенцев. Детишки выглядели слабыми и болезненными. Фил весил четыре с четвертью фунта[21] и громко кричал. Джейн весила всего лишь три с половиной фунта[22], была спокойнее и темней, чем ее

белокурый брат.

Дороти, высокая и худощавая, слышала детский плач, но ей не хватало молока на близнецов. Эдгар был занят на работе, а свободные часы проводил в мужском клубе, чтобы скрыться от новых домашних проблем, и это вызывало гнев у Дороти. Но от правды никуда не спрячешься: малыши становились все слабее день ото дня.

Примерно через пятьдесят лет, в августе 1975 года, Дороти в письме Филу вспомнила нарастающий ужас той зимы:

> Первые шесть недель вашей жизни вы умирали от голода, потому что доктор – весьма некомпетентный, – которого я нашла, не мог подобрать необходимый рацион питания для вас, и потому что я была столь невежественной, что не знала, в каком отчаянном положении вы находились. Я понимала, что все идет неправильно, но не знала, откуда еще ждать помощи.

В начале следующего, 1929 года мать Дороти, Эдна Матильда Арчер Киндред (известная как «Бабуля»), приехала из Колорадо, чтобы помочь новоиспеченным родителям. Бабуля была очень добра к маленьким детям; она сама вырастила троих, но трудности, связанные с недоношенными двухнедельными близнецами, были ей незнакомы и пугали ее. К тому же Дороти, чтобы согреть детскую кроватку, случайно обожгла ножку Джейн бутылкой с горячей водой.

Они случайно узнали о полисе страхования жизни детей, с помощью которого можно было покрыть расходы на приходящую медсестру. В том же письме Филу Дороти продолжает:

> Она приехала вместе с доктором на такси, с детским одеялом с подогревом, и доктор сразу же сказал, что Джейн следует немедленно отвезти в больницу. Затем она попросила, чтобы ей дали возможность осмотреть «другого ребенка». Я вышла, чтобы принести тебя. Бабуля схватила тебя, убежала в ванную комнату и заперла дверь; прошло много времени, пока мы убедили ее открыть дверь. Доктор и медсестра остались с двумя детишками; вас поместили в инкубатор и дали особую молочную смесь. […] Целый день, или около того, вы были на грани смерти, но ты сразу же стал поправляться, и, когда ты стал весить пять фунтов, я смогла забрать тебя домой. Я могла навещать тебя каждый день, когда ты был в инкубаторе, и всякий раз, когда я там бывала, мне давали инструкции, как самостоятельно делать для

тебя эту довольно сложную молочную смесь.

Сама Дороти назвала свое письмо *mea culpa*[23] из-за своих материнских грехов, которые Фил не мог забыть и никогда бы не простил. Величайшим из этих грехов, по мнению Фила, была ее нерадивость, а то и хуже, что привело к смерти Джейн 26 января 1929 года.

Когда Фил был еще очень молод, Дороти пыталась объяснить ему, что тогда случилось. Джейн, сестра-близняшка, о которой, конечно, Фил не помнил, продолжала жить в самом существе ее брата. В ее письме сквозила неприкрашенная боль; это не столько недостаток любви, сколько невежество, чудовищное невежество, потому что она не знала, как обращаться с маленькими детьми, не знала, отчего Фил и его сестра-близняшка голодают. Через тридцать лет Фил признается своей третьей жене, Энни: «Я много слышал о моей сестре Дженни, и мне это было больно. Я чувствовал себя виноватым: ведь я выпил все ее молоко».

Травма от смерти Джейн оставалась главным событием в психологическом состоянии Фила на протяжении всей его жизни. Эта мука постоянно преследовала его, что отражалось на его сложных отношениях с женщинами и на увлеченности неразрешимыми (биполярными) дилеммами: НФ/«мейнстрим»; реальность/иллюзия; люди/андроиды; и, в конце концов (насколько интеллект и эмоции Фила смогли сочетаться), – космология, имеющая два источника, которая описана в его шедевре «Валис» (1981).

Смерть Джейн омрачила и, в конце концов, расколола семью из трех человек. Брак Эдгара и Дороти, которые в свое время представляли собой идеальную пару – оба высокие, стройные, с ярко выраженным интеллектом на лицах, – долго не просуществовал. И развод отнял у Фила отца.

* * *

Джозеф Эдгар Дик родился в 1899 году вторым по старшинству из четырнадцати братьев и сестер в шотландско-ирландской семье. Он провел первые шестнадцать лет своей жизни на двух разных маленьких фермах на юго-западе Пенсильвании. В 1969 году, когда ему было семьдесят лет, Эдгар написал автобиографические воспоминания «Насколько я их помню», где подробно описал характер своих родителей.

Ясно, что Эдгар предпочитал теплоту его матери Бесси тяжелым урокам отца Уильяма, который как-то высек Эдгара

вместе с братьями и сестрами, за то что они передразнивали его, когда он полоскал горло, лечась от простуды. О Бесси Эдгар писал как любящий сын: «Она могла плакать и смеяться в одно и то же время, совсем как апрельский дождь, когда сияет солнце». Любовь Бесси к животным стала жизненным принципом и для Эдгара – после Второй мировой войны, будучи лоббистом в законодательном собрании Калифорнии, он продвигал важное законодательство о защите животных.

Слышал ли юный Фил от Эдгара восторженные истории об этой идеальной матери, которой в тяжелые времена удавалось сохранять детей здоровыми и сытыми? Влияние Бесси сказалось на представлении об идеале материнства; это представление разделяли Эдгар и Фил, и с их точки зрения, Дороти до него не дотягивала.

От отца Эдгар узнал об американской трудовой этике, окрашенной страхом перед адскими муками. Согласно Уильяму, Библия учила тому, что грех не только в лености, но и в бедности, в которой жили семьи шахтеров по соседству. Но Эдгар избавился от веры в ад, и ему не было никакого дела до церквей, которые сеют страх проклятия, ничего не делая для нуждающихся людей среди прихожан.

Дискомфорт по отношению к религиозным учреждениям, возвеличение простой человеческой доброты на фоне бессердечных чиновников – такие порывы, основные личностные особенности Эдгар передал своему сыну. И кое-что еще.

Эдгар поступил на военную службу вскоре после того, как Америка вступила в войну в 1916 году. За год до этого семья переехала из Пенсильвании на пыльный правительственный земельный участок в Седарвуде, штат Колорадо. В семнадцать лет Эдгар, зарабатывая себе на пропитание подсобной работой на ферме, мечтал увидеть мир. Перед тем как отправиться в Европу, он встретил Дороти Киндред из соседнего городка Гринли. Между ними вспыхнула искра, но Дороти и Эдгар не переписывались во время войны. «Вы полностью распростились с гражданской жизнью, – сказал он позже. – Так же, как и я».

Эдгар описывал самого себя в Европе как «капрала вроде Наполеона и Гитлера». Он проявил завидный героизм, переправляя по ночам сообщения через линию фронта. Его пятое подразделение морской пехоты было ударными войсками, о чем Эдгар вспоминал с гордостью, и у него на эту тему было множество замечательных историй. Хотя он сознательно избегал вида запекшейся крови, он показывал юному Филу свои военные сувениры: униформу и противогаз, множество фотографий. Эти истории, усиленные тем, что в 1931 году Эдгар взял его с собой

на просмотр фильма «На Западном фронте без перемен»[24], глубоко потрясли Фила:

> [Эдгар] рассказывал мне, как солдаты впадали в панику во время газовых атак, когда уголь в их фильтрационных системах пропитывался газом, и как иногда солдаты в отчаянии срывали с себя маски и убегали. Будучи ребенком, я испытывал сильное волнение, слушая рассказы отца о войне, разглядывая и играя противогазом и каской, но что меня больше всего напугало, так это когда отец надел на себя противогаз. Его лицо исчезло. Это уже не был мой отец. Это вообще был не человек.

Эдгар вернулся в Колорадо после демобилизации в 1918 году и продолжил свои ухаживания за Дороти. Она была средним ребенком из троих потомков семьи английского происхождения. (Будучи уже взрослым, Фил время от времени заявлял, что он на четверть немец, потому что любит немецкую оперу и поэзию, но его происхождение все-таки шотландско-ирландско-английское.) Эрл Грэнт Киндред, отец Дороти, был адвокатом, чьи финансовые дела были весьма неустойчивы. Такое положение дел очень серьезно отражалось на его детях: после двух разных неудачных судебных процессов он застрелил их домашних любимцев, чтобы сэкономить деньги на еду для семьи.

Эдна Матильда Арчер – Бабуля, которая пряталась вместе с Филом в ванной комнате, когда сиделка приходила с визитом, – вышла замуж за Эрла в 1892 году. Дороти родилась в 1899 году. Когда Дороти было чуть больше десяти лет, Эрл заявил, что ему, чтобы добиться успеха, нужно путешествовать. Эта задумка отразилась на его семье. Когда он то уходил, то возвращался, Бабуля воспринимала это с радостью, что вызывало отвращение у Дороти. Когда Эрл умер, Бабуля и младшая сестра Дороти Марион приглядывали за ней, оказывая как психологическую, так и материальную поддержку. Гарольд, ее старший брат, которого в семье считали дикарем, к этому времени убежал из дома. В пятнадцать лет она начала работать. Годом позже она встретила Эдгара, и, пока он был на войне, Дороти постоянно сцеплялась со своей семьей. На протяжении всей своей жизни Дороти будет раскаиваться в том, что ей постоянно приходилось заботиться о людях.

Похоже, Эдгар представлял собою надежный источник поддержки, когда он вернулся с войны. Они поженились в сентябре 1920 года, после чего отправились в Вашингтон. После окончания Джорджтаунского университета в 1927 году Эдгар

устроился на работу инспектором поголовья скота в Департаменте сельского хозяйства. В это время здоровье Дороти стало стремительно ухудшаться. Затем у нее началась болезнь Брайта – воспаление почек. Один доктор сказал, что ей недолго осталось жить. Дороти дожила до семидесяти девяти лет, но страдала от проблем с почками на протяжении всей жизни. Последние годы принесли ей заболевания кровеносных сосудов, и осознание этих болезней приводило ее к навязчивым идеям и ипохондрии (Фил не жаловался на нее, возможно, потому что сам слишком часто отмахивался от таких же высказываний в свой адрес).

Департамент предложил Эдгару должность в Чикаго, и, хотя как он, так и Дороти ненавидели чикагские зимы, он принял ее. В любом случае это было повышение по службе, и Дороти считала, что наступило время, чтобы строить будущее.

* * *

Сейчас это известный медицинский факт, но в 1928 году не знали о том, что среди рисков при многоплодной беременности преждевременные роды приводят к смерти одного или обоих близнецов. Психологические исследования, проводившиеся в прошедшем десятилетии, подтвердили то, что для родителей, как и для оставшегося в живых младенца, смерть близнеца является травмой исключительной тяжести.

Для родителей горе, чувство вины и гнев усиливаются из-за глубоких эмоций, связанных с рождением близнецов. Исследователь Элизабет Брайан замечает, что общество относится к рождению близнецов как к «особому событию», и цитирует выводы, что «длительная и аномальная горестная реакция больше присуща тем матерям, у которых остался один выживший близнец, чем тем, кто потерял единственного ребенка». В большой степени страдание заключается в «трудности оплакивания смерти и празднования рождения в одно и то же время». Чрезмерные опасения могут возникнуть в связи с уходом за выжившим близнецом. И может возникнуть – сознательно или нет – чувство возмущения, адресованное родителями выжившему ребенку.

То, что известно о реакциях Эдгара и Дороти на смерть Джейн, вполне соотносится с этими выводами.

Что касается Эдгара, то его чрезмерные опасения выразились в том, что Дороти называла его «боязнью микробов». Он запрещал Дороти целовать младенца и не позволял, чтобы тот ползал за

пределами кроватки в его первые одиннадцать месяцев. Дороти пыталась уклоняться от первого запрета и целовала Фила «в те места, которые, как я думала, не могла загрязнить, как, например, в заднюю часть шейки». Она пыталась обеспечить Филу свободу ползания, согласившись с условием Эдгара, что ползать он будет час утром и час днем, если квартира предварительно будет тщательно убрана с помощью пылесоса.

Горестная реакция Дороти была ярко выражена. В первые месяцы жизни Фила она вела дневник его роста и поведения, который свидетельствовал о ее любви к младенцу и нигде не упоминал о смерти близнеца. Но длящаяся скорбь Дороти со всей ясностью проявлялась в ее письмах и разговорах спустя годы после смерти Джейн, и она винила себя в этой смерти.

Отношения между Филом и его матерью с их болезненной двойственностью, заключающейся в чрезвычайной, взаимозависимой близости и ярости по поводу ошибок и упущений в любви, – эти отношения отразились во всех любовных связях, которые были у Фила с женщинами. Те, кто видел Фила и Дороти вместе, часто бывали поражены степенью их сходства: у обоих была самостоятельно выработанная система абстрактного мышления, оба читали запоем и чувствовали писательское призвание (хотя попытки Дороти сделать писательскую карьеру ни к чему не привели). На протяжении всей своей жизни Фил обращался к ней за деньгами, за советом, даже за критическим разбором его рукописей, и Дороти, не колеблясь, поощряла его художественное творчество.

Но Филу приходилось тяжело с матерью: она была чрезвычайно сдержанной, эмоционально скованной, бдительной и осуждающей, запрещающей любые проявления гнева, ослабшей от боли и часто прикованной к постели. Она предоставляла Филу, по мере того как он рос, почтительную личную свободу, обращаясь с ним как с маленьким взрослым (уже в ранние подростковые годы он называл ее «Дороти»), причем – насколько это чувствовал Фил, – она не проявляла одобрения, теплоты, материнской привязанности и не оберегала его от окружающего мира.

Она была неспособна любить своих детей, как считал Фил. Она доказала это, позволив Джейн умереть. Позднее он обвинил Дороти в том, что она пыталась отравить его, чтобы завершить уничтожение своих детей.

Исследования выживших близнецов указывают на чувство неполноты, которое очень осложняет человеческие отношения, особенно – с противоположным полом. В этом проявляется чувство вины за то, что ты выжил, и страх смерти, который вызывает у выживших чрезмерную заботу о своем здоровье и

безопасности или, как ни парадоксально, ставит их в трудные ситуации. Эти общие характеристики могли быть применимы к Филу (включая, конечно, оба парадоксальных выбора). Но чего исследования не коснулись, так это возможности подробно остановиться на проявлениях чистейшей ярости.

> Врезка: Фил на кушетке во время интервью с писателем Полом Уильямсом для журнала *Rolling Stone* в ноябре 1974 года:
>
> ФКД: Да. Я схожу с ума, когда думаю о моей мертвой сестре.
>
> ПУ: Правда?
>
> ФКД: Что она умерла от недосмотра и голода. От ушиба, недосмотра и голода.
>
> ПУ: Откуда вы знаете?
>
> ФКД: Моя мать рассказала мне. Я становлюсь очень враждебным, когда думаю об этом. […] Поскольку я был очень одиноким ребенком и мне очень хотелось, чтобы моя сестра была со мной все эти годы. Моя мать говорит: «Что ж, может, и хорошо, что она умерла, – она бы все равно осталась хромой, потому что мы обожгли ее бутылкой с горячей водой». В таком случае, я полагаю, это похоже на то, что сказал Генрих Гиммлер: «Ну, …она сделала, как вы знаете, хороший абажур, так что все сработало как надо»[25]. Вы понимаете, что я имею в виду?

В начальной школе Фил придумал себе воображаемую подружку – девочку по имени «Тедди» (по словам пятой жены Тессы) или «Бесси» (по словам третьей жены Энн), а может быть, их было двое, а то и больше. Он играл с ними, потому что он знал о Джейн, и ему страстно хотелось, чтобы она была рядом, и, если это кажется странным – как на него могло столь сильно подействовать то, что случилось при его рождении? – это может быть подтверждено признанием любого человека, потерявшего близнеца. Это та связь, которая вызывает скептическое отношение не-близнецов, потому что, по правде говоря, об этой связи невозможно рассказать.

Смерть Джейн была трагическим событием, которого не желали ни Дороти, ни Эдгар и от которого они оба страдали. Известные факты не могут служить объяснением тому, что Фил считал исключительно Дороти виновницей происшедшего, если (для Фила) чья-то вина здесь вообще была. Его чувства по отношению к Эдгару были мягче, хотя он все равно испытывал обиду на протяжении долгих лет жизни. Но он считал, что

ответственность за воспитание детей должны нести женщины. Только женская любовь могла подавить страхи Фила и, что еще более существенно, привести мир в состояние безопасности и реальности. Дороти не удалось проявить такую любовь, как и всем другим женщинам в жизни Фила, и это было в конечном счете неизбежно. Во вступлении к «Экзегезе» в 1975 году он писал:

> Я думаю, что боюсь, что смерть – это нечто, чему человек позволяет прийти, а не то, что человек делает, то есть он не убивает, но оказывается не в состоянии породить жизнь. Таким образом, я должен думать, что жизнь приходит к человеку (ко мне) извне – вот такое детское суждение; я пока еще не испытываю равновесия между внутренним и внешним миром. Конечно, жизнь изначально происходит от матери, но этот симбиоз кончается. После этого жизнь поддерживается Богом, а не какой-либо женщиной. Тесса права: я все еще ребенок.

Этот горький «симбиоз» с женщинами продолжался, должно быть, всю его жизнь, что иногда приводило Фила на грань самоубийства. Еще одна выдержка из вступления к «Экзегезе»:

> Джейн-во-мне-сейчас, внутренняя сущность или женская основа, которая вызывает слезы, причиняет боль и нуждается в лечении. […] Это Джейн пытается умереть. Или, скорее, это повторное появление Джейн, которая в действительности умерла, это шаги, которые проходит моя внутренняя сущность снова и снова, роковое путешествие по неосторожности. Это Джейн-во-мне боится сейчас и чувствует подавленность. Но если Джейн-во-мне умрет, то она заберет меня (близнеца мужского пола) с собой, и тогда я не должен буду погибнуть. […] Джейн должна жить во мне, в этом исчезающем существовании, на этой стороне, но оставаться за пределами – на другой стороне. […]

Одержимость, обнаруженная в близнецах с раздвоением личности, дополняющим и вступающим в противоречие одновременно, доктор Джордж Энгель назвал попарным соединением («стремление всегда быть двумя, оставаясь особенным, в отличие от всех других»). Мотив этого «попарного соединения» нашел отражение в ряде рассказов и романов Фила, особенно в «Докторе Бладмани» (1965), «Пролейтесь, слезы…» (1974), «Помутнении» (1977) и «Всевышнем вторжении» (1981).

В книге «Доктор Бладмани» дается беллетризованное изображение непрерывного «исчезающего опыта» Джейн, который Фил чувствует внутри себя. Действие романа происходит в 1981 году в мире после ядерной катастрофы. В центре повествования – попытки выжить у небольшого сельского поселения в округе Марин. Воздействие радиоактивной мутации повсеместно, и этим объясняется состояние Эди Келлер в сюжете книги.

Семилетняя Эди действительно вынашивает внутри себя (с левой стороны, рядом с аппендиксом) брата-близнеца по имени Билл. «Когда-нибудь девочка должна будет умереть, и тогда вскроют ее тело, производя аутопсию, и обнаружат маленькую сморщенную фигуру мужского пола, возможно, со снежно-белой бородой и слепыми глазами… ее брата, размерами не больше крольчонка». Билл разговаривает с Эди внутренним голосом, который слышать может только она. Но Билл хочет видеть, хочет передвигаться; сжатые сведения о реальности, которыми снабжает его Эди, больше его не устраивают:

> «Мне бы хотелось выйти наружу, – сказал Билл жалобно. – Я хотел бы родиться, как все остальные. Могу я родиться позднее?»
>
> «Доктор Стокстилл сказал, что не сможешь».
>
> «Тогда не может ли он сделать так, чтобы я *был*? Я думал, ты сказала…»
>
> «Я ошибалась, – сказала Эди. – Я думала, что он сможет вырезать маленькое круглое отверстие, и этого было бы достаточно, но он сказал – нет».
>
> Тогда ее брат, глубоко внутри нее, замолчал.

Эди и Билл – это торжество Фила в искусстве создавать словесные образы. Они правдоподобно непредсказуемы – своенравные дети, чья любовь и неистовая преданность друг другу смешаны с непреднамеренной жестокостью. Билл обладает способностью переносить свою душу в любое живое существо, оказавшееся поблизости. Как-то раз Эди подшутила над ним, сделав так, что слепой Билл переселился в слепого червя. В одном эпизоде брат и сестра обсуждают в прекрасно изображенной детской манере кармический цикл существования. Билл обладает странной силой беседовать с мертвыми – он может в совершенстве подражать их голосам. Эди это становится любопытно:

> «Покажи меня, – сказала Эди. – Сымитируй меня».
>
> «Как я смогу? – ответил Билл. – Ведь ты пока еще не умерла».

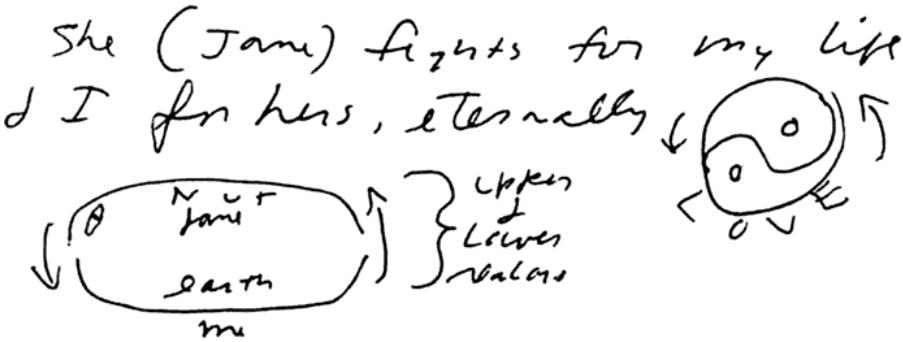
Эди сказала: «А на что это похоже – быть мертвым? Я собираюсь когда-нибудь умереть, поэтому хочу знать».

«Это забавно. Ты глубоко в яме и глядишь наверх. И ты весь плоский, как будто бы пустой. И знаешь что? Затем, через какое-то время, ты возвращаешься. Тебя сдувает, и ты снова возвращаешься назад, туда, куда тебя сдуло! Ты знала об этом? Я имею в виду: назад – это туда, где ты сейчас. Живая и здоровая».

Вымышленные близнецы в «Докторе Бладмани» живо воплощают связи и конфликты, которые испытывал Фил вследствие постоянных психических контактов с Джейн. Борьба со своим близнецом лежит в основании его произведений и его решимости исследовать природу реальности. В «Экзегезе», приближаясь к концу своей жизни, Фил писал:

Она (Джейн) сражалась за мою жизнь, а я – за ее, вечно.

Моя сестра – это все для меня. Я проклят, поскольку всегда отделен от нее – и всегда вместе с ней, и это – состояние колебания. Очень быстрого колебания. Одновременно она находится внутри меня и часто – вне меня, но я потерял ее; две реальности вместе – Инь и Ян.



Две реальности, на которых, как на плодородной почве, расцветают многочисленные рассказы, романы и «Экзегеза». Но утрата Джейн постоянно окутывала и омрачала душу Фила. Эта утрата лежит в основе тяжелых падений, крутящихся вселенных, смертоносных жен, отчаянных любовей – всего того, что вымышленные персонажи всегда должны преодолевать.

Ближе к концу жизни тоска Фила по близнецу сливалась с событиями «2–3–74» и стала основой для божественной космогонии, в которой осуществлялась попытка объяснить отчаяние и неотступную надежду, которыми отмечены наши

жизни. В «Трактатах о Таинственном в Писании», которые завершают роман «Валис», в Отрывке № 32, читаем:

> Меняющаяся информация, которую мы воспринимаем как мир, представляет собой развертывающееся повествование. Оно рассказывает нам о смерти женщины. Эта женщина, которая умерла давным-давно, изначально была одним из близнецов. Она была половиной божественной сизигии[26]. Целью повествования является воспоминание о ней и о ее смерти. Сознание не хочет забыть о ней. Таким образом, умозаключение Разума заключается в постоянной записи данных о ее существовании, и если их прочитать, то все будет понятно. Вся информация, которой обладает Разум, – то, что мы узнаем, систематизируя и перестраивая физические объекты, – является попыткой сохранить ее; камни, и скалы, и палки, и амебы – все это ее следы. Запись о ее существовании и кончине адресована самому убогому уровню бытия страдающим Разумом, который теперь одинок.

Глава 2
1929–1942

Я полагаю, что, судя по моим письмам, ты считаешь меня очень переменчивым, но что мне с этим поделать? Иногда я уверен, что мне хочется домой, иногда я сомневаюсь, иногда мне хочется остаться. Я пока не знаю, что мне делать, вот и не делаю ничего.

Фил, тринадцать лет, письмо Дороти из Калифорнийской приготовительной школы, Охай, Калифорния, ноябрь 1942 г.

Прешизоидную личность, как правило, называют «эффективным шизоидом», и это означает, что он, будучи подростком, еще надеется, что ему не придется просить милую «цыпочку» (или мальчика) в соседнем ряду о свидании. Говоря на языке моего собственного эффективного шизоидного опыта, человек глазеет на нее целый год, или около того, мысленно в деталях прокручивая все возможные последствия; хорошие тонут в «фантазиях», у плохих возникает «фобия». […] Если фобия побеждает (предположите, что я спрашиваю ее, а она говорит: «С тобой?» и т. д.), тогда шизоидно эффективный ребенок замыкается в классной комнате, испытывая агорафобию, которая постепенно расширяется до подлинно шизофренического избегания всяческих контактов с людьми, или

он замыкается в своих фантазиях, становится, так сказать, своим собственным Эйбом Мерриттом, – или, если дела идут все хуже, – своим собственным Г. Ф. Лавкрафтом.

Фил, 1965, эссе Schizophrenia & The Book of Changes

Взросление и приход головокружений

Тело Джейн было перевезено в Колорадо, где семья Эдгара провела погребальную службу на кладбище Форт Морган.

Когда Фил вернулся из больницы, семья наняла сиделку-кормилицу, и он быстро пошел на поправку. Дороти и Эдгар оба полностью соглашались с тем, что Чикаго не для них.

Тем летом они поехали во время отпуска в Колорадо, чтобы навестить свои семьи. Когда Эдгар вновь приступил к работе, Дороти осталась с Филом в Джонстауне, штат Колорадо. Она была в восторге от того, что в восьмимесячном возрасте Фил уже употреблял слова вроде «бозе мой»[27], – так он произносил одно из любимых восклицаний Дороти. Она добросовестно следовала бихевиористским теориям[28] о том, в каком возрасте надо бороться с тем, что Фил сосет большой палец. Эти теории вместе с фобией Эдгара в отношении микробов ограничили ее собственный физический контакт с ребенком – к большому запоздалому сожалению Дороти:

> Мысль заключалась в том, что ребенок является здоровым животным, о котором надо заботиться физически и только. […] Объятия, укачивания, поцелуи не одобрялись. […] Педиатры заставили невежественную молодую мать почувствовать, что нарушение каких-либо правил может привести к непоправимому ущербу для ребенка. […]
>
> К этой важной распространенной мысли по поводу заботы о ребенке прибавлялись еще и особенности моей собственной натуры: я выросла в эмоционально сдержанной семье, среди людей, которые целовали членов семьи только тогда, когда те отправлялись в путешествие и возвращались обратно. По крайней мере, со мной обращались именно так. Я вспоминаю: когда мне было семь лет и позднее, я наблюдала, как мама целует, качает и обнимает Мэрион и называет ее ласковыми именами; и я помню, что мне очень хотелось,

чтобы она хоть однажды назвала меня любимой или крепко обняла меня.

В конце 1929 года стало известно, что в Департаменте сельского хозяйства в Сан-Франциско открылся офис по обслуживанию животноводческого рынка, и Эдгар решил воспользоваться этим шансом. Семья отправилась в район Залива – сначала в Саусалито, где они жили вместе с Бабулей и Мэрион, затем на Полуостров и Аламеду, прежде чем, наконец, в 1931 году не поселились в Беркли. Там Фил посещал школу Брюса Тэтлока – экспериментальный детский сад.

Фил был лидером среди одноклассников. Он также беседовал с их родителями по школьному телефону. Во время игр Фил проявлял свою детскую гордость, и если он падал или сильно ударялся, то плакал, спрятавшись за дерево, а не у всех на виду. Записи о летнем периоде 1931 года дают нам следующий портрет Фила в возрасте двух лет:

> Фил – очень дружелюбный и счастливый мальчик. […] Он миролюбивый и чаще отходит в сторону, чем ввязывается в спор. Это совершенно естественное, нормальное поведение и не вызывает никакого беспокойства, поскольку, когда Фил чувствует, что на его права посягают, он вполне в состоянии защитить их. […] Он говорит замечательно хорошо для своих лет, обладает интеллектуальной любознательностью и обостренным интересом ко всему, что его окружает. Он прекрасно общается как с детьми, так и со взрослыми, и вообще он прекрасный, общительный мальчик.

Не могло быть ничего лучше этого детского сада. Конечно, это была лишь верхушка его учебной жизни. Этот отчет придает достоверности избыточно гордым словам Эдгара по поводу Фила: «Это самый красивый малыш, которого я видел в своей жизни. Жизнь в нем просто бурлит». Но, по мере того как отношения между Эдгаром и Дороти становились напряженными, у «прекрасного общительного мальчика» появлялись новые сложности. Отчет о тестировании умственных способностей, составленный, когда Филу было четыре года, оценил его интеллект «значительно выше» среднего. Комментарий к отчету показывает, что в этом ребенке рождается человек сведущий и изменчивый, эмоционально неустойчивый и тоскующий:

> У него высшие баллы за память, язык и координацию движений. Его реакции быстро проявляются и столь же

> быстро отступают. Его независимая инициатива и исполнительная способность проявляются в быстро меняющихся методах, которые часто – по контрасту – уступают место зависимости. Следует поддерживать развитие такой степени разносторонности в его годы, поощряя повторение самых простых ситуаций, которые требуют согласованного поведения от всех участников.

Если бы кто-нибудь попробовал препятствовать «степени разносторонности» Фила, то эта затея провалилась бы с треском. Вместо этого напряженные отношения между Эдгаром и Дороти, которые в скором времени приведут к разводу, подвигли мальчика на развитие стратегии «разносторонности», чтобы сохранить любовь каждого из родителей. Стратегии Фила в поисках любви не ограничивались только домом. Поскольку родители запрещали ему переходить улицу, когда он играл, ему приходилось ходить вокруг квартала и заводить знакомства со старшими по возрасту соседями; они делали ему маленькие игрушки, которые он потом с гордостью приносил в свой дом. Эдгар вспоминал об этом как о примере того, каким Фил был «промоутером».

Но всепоглощающая страсть Фила была общеамериканским выбором: это игра в ковбоев. Родители купили ему полный комплект ковбойского снаряжения: шляпу, жилет, чапы, кобуру, револьвер и сапоги. Возможно, они в это время каким-то образом упомянули о смерти Джейн, поскольку Тесса Дик, пятая жена Фила, рассказывала, что во время своих ковбойских игр

> [Фил] часто притворялся, что у него есть сестра по имени Джейн и что она девушка-ковбой. Он надевал свой ковбойский костюм и «скакал на лошадях» вместе с Джейн. Джейн была маленькой, с темными глазами и длинными темными волосами. Она была также очень бесстрашной, всегда побуждая Фила делать вещи, которых он боялся, подталкивая его к тому, чтобы он попал в беду.

Удержим в памяти это описание девочки-ковбойки Джейн. Оно воплощает внешний вид и характер «темноволосой девочки» – женское начало в Филе и его наваждение, – которые настойчиво руководили им в его выборе жен и любовниц и в его описании двойственных (яростно смелых/непредсказуемо злых) героинь, которые появляются на страницах его многочисленных романов.

Ни Эдгар, ни Дороти не считали себя людьми религиозными,

но они время от времени отправляли Фила в воскресную школу. Упрямая настойчивость Фила на том, чтобы понимать все, что говорится, даже в столь благочестивом роде, радовала его отца. Эдгар вспоминал, что во время коллективного пения Фил «встал со своего места, прошел вперед и попросил книгу псалмов. Он сказал, что не сможет петь, пока у него не будет этой книги. Это показывает, насколько естественным он был даже в церкви…»

Формальная религия не была важна для Фила в его мальчишеские годы. Но один случай – спонтанный акт добродетели и веры – всегда оставался с ним. Как-то, когда он гулял с родителями, они встретили «старого нищего с огромной бородой и седыми волосами». Эдгар дал Филу монетку в пять центов, чтобы тот отдал ее бедняге, который, в свою очередь, дал мальчику «небольшую брошюру о Боге». В прологе к роману «Свободное радио Альбемута» (написанном в 1976 году) Фил пересказал тот случай с намерением отождествить этого нищего с пророком Илией.

Что касается обыденных вопросов на тему того, что такое хорошо и что такое плохо, Эдгар гордился тем, что вел себя с Филом как со «взрослым». «Когда я бранил Филипа, он, бывало, анализировал это, затем возвращался обратно и говорил мне о своих выводах на этот счет. Мы обсуждали это. И если я был неправ, то соглашался с ним». Фил был «раздражительным» мальчиком, и Эдгар чувствовал, что его мягкий подход, в отличие от более жесткой манеры Дороти, немного «поддерживал» сына. Между Филом и его отцом возникала заговорщическая связь против его матери. Даже перед разводом Эдгар опасался, что Дороти каким-то образом пыталась исключить его из процесса воспитания сына, и он, в свою очередь, боролся за Фила, водя его в кино и странствуя с ним по сельской местности. Когда Дороти собиралась отправиться вместе с ними в эти путешествия, Фил, бывало, запирал двери машины и убеждал отца уезжать как можно скорее, пока она не вышла, чтобы к ним присоединиться. И тогда все события происходили только вместе с отцом и сыном – такие, как, например, поездки на близлежащие ранчо, о которых Эдгар знал благодаря своей работе, и эти поездки обещали приключения, а иногда и действительно ими оборачивались.

Эдгар боялся гремучих змей и учил Фила, как их распознавать. Как-то они посетили друга Эдгара, у которого была домашняя бычья змея[29], которая спала на крыльце. Пока взрослые разговаривали внутри дома, Фил зашел вовнутрь и заявил, что «на крыльце звонкая змея». Хоть его и заверили, что это была бычья змея, Фил продолжал настаивать на своем. В конце концов двое мужчин отыскали аж тринадцать «гремучек»,

самых больших в этой местности, и убили их. На другом ближайшем ранчо Эдгар заметил кроликов, которых держали в клетке без пищи и воды. Как-то в воскресенье, когда хозяева этого ранчо были в церкви, Фил со своим отцом освободили кроликов. Однако кролики по своей собственной воле вернулись в клетку. Тогда эти двое бесстрашно задумали второй побег и увезли кроликов на машине за двадцать миль оттуда.

Но попытки Эдгара приобщить Фила к футболу были тщетными. В отличие от Эдгара в его молодые годы, Фил не был активным мальчиком. Они вместе ходили на матчи калифорнийского футбольного союза, когда Филу было примерно шесть лет (к этому времени развод уже окончательно состоялся). Эдгар вспоминал: «Для него [Фила] зрелище представлялось только тем, что люди бегают и гоняются друг за другом на поле. Он думал, что вот они гоняются друг за другом, и ему сложно было представить, как они занимались бы этим в обычной жизни».

В основе привязанности между отцом и сыном лежало чувство раздвоенности у них обоих. Эдгар видел Фила «физически ленивым» и, возможно, негодовал, считая, что это – влияние Дороти. Фил часто болел – на протяжении всего детства у него были приступы астмы, – и, большей частью, Эдгар оставлял заботы о его здоровье матери. «Дороти много ухаживала за Филипом, хотя она уделяла слишком много внимания его очкам, его зубам и разным лекарствам», – вспоминал Эдгар. Среди лекарств Фила были пилюли с эфедрином (один из амфетаминов), которые он принимал против астмы.

О своей раздвоенности Фил писал в часто переиздаваемом коротком рассказе 1954 года «Отец-двойник»[30]. Основной сюжет таков: юный мальчик Чарльз узнает, что его отец Тэд (домашнее имя Эдгара) был убит и подменен зловещей, чуждой формой жизни:

> Он был хорошо выглядевшим мужчиной немного за тридцать: густые белокурые волосы, сильные и умелые руки, угловатое лицо и сияющие карие глаза. […]
>
> Тэд резко дернулся. Странное выражение мелькнуло на его лице. Оно тут же улетучилось, но в какое-то краткое мгновение лицо Тэда Уолтона утратило свои знакомые черты. От него исходило нечто чуждое и холодное, и оно представляло собой какую-то крутящуюся, извивающуюся массу. Обычный вид усталого мужа средних лет исчез.

У нового Тэда – в отличие от Эдгара с его «взрослым»

подходом к воспитанию ребенка – не было сомнений в том, чтобы шлепать юных мальчиков, которые выглядят чудаковато для обыденной реальности. Фил позднее писал об «Отце-двойнике»: «У меня всегда было такое впечатление, когда я был маленьким, что мой отец представлял собою двух человек – одного хорошего, другого плохого. Когда исчезал хороший отец, его место занимал отец плохой. Я полагаю, что у многих маленьких детей было такое же чувство. А что, если это действительно так?»

Одним из странных аспектов рассказа является хладнокровие Чарльза: после короткого плача восьмилетний мальчик становится последовательным мстителем. «Хороший» отец невиновен в поступках «плохого» чуждого самозванца – художественный прием, который не только скрывает гнев (подразумевающий убийство чужака), но также уподобляется гностической точке зрения, что наш мир сотворен злобным демиургом, а не милостивым высшим божеством, которое скрыто в космосе. Очарованность взрослого Фила гностицизмом, может быть, в какой-то степени возникала из необходимости интеллектуально прочувствовать ту устойчивую боль, которую вызывали вспышки гнева Эдгара и его полный уход (бегство) из жизни Фила.

Эдгар и Дороти развелись в 1933 году, на самом пике Великой депрессии. Национальное управление экономического восстановления предложило Эдгару открыть офис в Рено, штат Невада. Дороти отказалась переезжать и консультировалась у психиатра, который заверил ее, что развод не причинит ущерба Филу. Психиатр чудовищно ошибался: у Фила было такое чувство, что отец бросил его, и это его глубоко ранило. Что касается Эдгара, то его первой реакцией было недоумение. «Это было как гром среди ясного неба», – вспоминал он пятьдесят лет спустя.

Что, в конце концов, разделило эту пару? Линн Сесил, ставшая позднее падчерицей Дороти, замечала: «Частично проблема заключалась в том, что Дороти, подрастая, слишком быстро «созрела». Но главной причиной было то, что Эдгар был чрезвычайно ревнив. Она не могла выносить этого – он ревновал ее к любому, кто только взглянул бы на нее». К тому времени Дороти была стройной, с темными волосами до плеч и с чертами лица, напоминавшими царившую тогда на киноэкранах красавицу Грету Гарбо. Но Фил никогда не говорил, что у Дороти были любовники в годы его детства и отрочества и даже обходительные ухажеры.

Свобода, которую страстно желала Дороти, была не сексуального, а психологического характера: независимость,

право растить своего сына в соответствии с ее представлениями о воспитании.

После их разлуки Дороти отправилась в свою квартиру в Беркли вместе с Бабулей, которая снова оказалась тут как тут, под рукой во время кризиса, и с Марион. В течение года Эдгар регулярно ездил туда, чтобы видеться с Филом. Но после этого битва за контроль над сыном разразилась в полную силу. В 1934 году Эдгар пригрозил, что будет бороться за собственное, единоличное попечение над сыном на тех основаниях, как Дороти объясняла это Филу, «что у него лучшее финансовое положение и он может «сделать больше» для тебя. Когда я отказалась отдавать тебя ему, он написал, что, в таком случае забудет о тебе, и тогда он откажется иметь что-то общее с кем-либо из нас. […] Я сделала колоссальную ошибку, приняв совет психиатра, который сказал мне, чтобы я позволила тебе забыть отца, чтобы я вовсе не упоминала о нем, чтобы игнорировала само его существование».

У Дороти были свои резоны опасаться законных угроз со стороны Эдгара. Она нашла работу секретарши, и ее скромные доходы с трудом могли бы обеспечить домашних служанок; по необходимости, Бабуля взяла на себя всю заботу о маленьком Филе. Дороти видела, что Бабуля «целовала и обнимала, потакала ему и кормила его сладостями, а мне все это не нравилось». Тесса Дик рассказывает, что, «когда у Фила возникали проблемы, она [Бабуля], как правило, качала головой и очень спокойно говорила: «О, Филип», – и это воздействовало на него намного сильнее, чем брюзжание матери».

Но была и темная сторона у нового жизненного устройства. Бабулин муж, Эрл, снова вернулся к своей жене (он умрет через три года, в 1937 году). Фил вспоминал его как «крупного мужчину с пламенно-рыжими волосами», который «обычно ходил вокруг дома, размахивая своим ремнем и приговаривая: «Я хочу выпороть этого мальчишку». Во время пребывания в доме Эрла и Бабули, или немного позже, у Фила обнаружились серьезные трудности с глотанием. Барри Спатс, психолог, который работал с Филом в конце семидесятых и начале восьмидесятых годов, размышлял во время интервью о том, что те самые симптомы, возможно, были вызваны физическим насилием или сексуальными домогательствами со стороны Эрла. Когда Спатс во время приема спросил Фила о подобных инцидентах, тот ничего такого не припоминал.

Спатс отмечал, что жизненная история Фила демонстрирует тенденции, характерные для детей – жертв инцеста, такие как сложные отношения с семьей, злоупотребление наркотиками, повторяющиеся попытки самоубийства, значительные провалы в

памяти, низкая самооценка, связанная с чувством вины, хаотический, ориентированный на кризис стиль жизни, сильная подозрительность, особенно по отношению к противоположному полу, сменяющаяся на сильную привязанность. Это лишь описания отдельных аспектов жизни Фила, которые будут детально рассмотрены в этой книге. Но подобные тенденции могут проявляться и проявляются у людей, которые не страдали от насилия.

Это свидетельство просто нельзя считать неопровержимым фактом. Примерно сорок лет спустя, в 1964 году, Филип обсуждал эту тему со своей третьей женой, Энн, в самый худший период из супружеских отношений:

> Однажды, прямо перед походом в церковь, Фил сказал, что хочет сообщить мне нечто чрезвычайно серьезное: нечто, что может объяснить, почему он не может должным образом вести себя в жизни. […] Действительно, он не мог вести себя подобающе. Почему он продолжал это? Фил сказал мне: «Когда я был совсем маленьким, ко мне приставал сосед-гомосексуалист. Это и есть именно то, что сделало меня неадекватным». Я сказала, что ему следует рассказать об этом своему психотерапевту.

По этой версии, соблазнителем является сосед, а не Эрл. Было ли это хитрой уловкой, чтобы вызвать сочувствие, как это восприняла Энн в то время? Почему Фил не рассказал об этом Спатсу во время их продолжительных сеансов? Согласно Тессе Дик, Филип вспоминал, что его в шестилетнем возрасте направили к психиатру, который предположил, что его проблемы связаны с гомосексуальностью. Тесса утверждает, что в одном из пансионов, где находился Фил (в Кантрисайде в 1935 году или в Охае в 1942–1943 годах), случился инцидент с домогательством, который очень опечалил Дороти. Но Фил лично в этом инциденте не участвовал.

В конце концов, здесь можно лишь предположить вероятность и отметить, что фобии, связанные с едой и глотанием, периодически сопровождали Фила на протяжении всей его жизни.

Случилось ли это домогательство или нет, не может быть сомнений в том, что Фил в то время пребывал в состоянии полной беззащитности. Он особенно любил играть внутри ящиков и картонных коробок, испытывая чувство безопасности, которое они обеспечивали. Это предшествовало той агорафобии, которая разовьется у Фила в старших классах школы. Параллелью этому является тоска Майка Фостера, мальчика из превосходного

рассказа Фила 1955 года «Фостер, ты мертв»[31]. (У Эдгара был младший брат Фостер, который умер в возрасте одного года.) В этом рассказе Фил модифицирует тревоги собственного детства, создавая невероятно правдоподобный портрет мальчика, потрясенного до глубины души психологическими страхами «холодной войны».

Майк Фостер живет в мире (пятидесятые годы здесь переработаны в научно-фантастическое «будущее»), в котором каждого ребенка учат ждать неминуемой ядерной атаки. Когда отец Майка наскреб денег, чтобы купить широко разрекламированное бомбоубежище, Майк наконец-то почувствовал себя в безопасности:

> Он уселся на полу, колени вверх, торжество на лице, глаза широко раскрыты. […] Он пребывал в маленьком, им самим сотворенном космосе; здесь было все, что необходимо, – или вскоре будет здесь: пища, вода, воздух, вещи для занятий. Большего нечего было и желать. […]
>
> Внезапно он закричал, и это был громкий, ликующий крик, который отзывался эхом и отскакивал от стены к стене. Он был оглушен этой реверберацией. Он плотно закрыл глаза и сжал кулаки. Радость переполняла его.

В начале 1935 года, подстегиваемая желанием скрыться от угроз по поводу опеки со стороны Эдгара, Дороти вместе с Филом отправилась обратно в Вашингтон и взялась за редакторскую работу в Федеральном детском бюро. Для Фила отделение от Бабули было мучительным. Дороти сожалела, что «ты в четыре года потерял свою родную мать, потому что я пошла на работу, а почти что в шесть лет потерял свою любящую мать – Бабулю». Но в стратегическом отношении, – чтобы сохранить опеку над Филом, – переезд через весь континент достиг желаемого результата. Через два года Эдгар женился повторно. Дороти оставалась одинокой на протяжении восемнадцати лет, хотя она как-то призналась, что, если бы она знала, в какой нищете ей с Филом придется жить, она бы никогда не развелась с Эдгаром.

За ее редакторскую работу в Детском бюро платили мало. Но ей нравилось писать брошюры на тему детского воспитания. В шестидесятые годы Фил заметил одну из них на книжной полке соседки. «Ее написала моя мать, – сказал он ей. – Не правда ли, ирония судьбы в том, что она сама была отвратительной матерью и вовсе не любила детей».

Дороти зачислила Фила в школу в Кантрисайде, которая

находилась неподалеку в Силвер-Спринг, штат Мэриленд, и которая обещала «новейшие методы и оборудование в очаровательном пригороде». Здесь он провел, по меньшей мере, часть 1935/36 учебного года в первом классе. (Фил позднее опишет ее как «квакерский» пансион, о чем не было сказано в школьной информационной брошюре.) В эссе *Self Portrait* 1968 года Фил дает следующее объяснение, почему Дороти сочла пансионат необходимым:

> В Вашингтоне лето еще ужаснее, чем о нем говорят. Я думаю, оно обволакивало мое сознание – обволакивало еще и в сочетании с тем замечательным фактом, что моей матери и мне негде было жить. Мы останавливались у друзей. Год здесь, год там. Со мной было не все в порядке (а что спросишь с семилетнего ребенка?), и вот я был отправлен в школу, специализирующуюся на «дефективных» детях. Меня сочли дефективным на основании того факта, что я боялся есть. В пансионе не знали, как обращаться со мной, поскольку с каждым месяцем я весил все меньше, и никто ни разу не видел, чтобы я ел фасоль. Однако начала проявлять себя моя литературная карьера в форме поэзии. Моим первым стихотворением было такое:
>
> Вот маленькая птичка
> На дереве сидит,
> Вот маленькая птичка,
> Что на меня глядит.
>
> Кошка птичку увидала –
> Птички как и не бывало.
> Птичка та не улетела:
> Ее кошка утром съела.
>
> Стихотворение с восторгом приняли на Родительском дне, и мое будущее было определено (хотя, конечно, никто об этом не знал. По крайней мере, тогда).

Это маленькое стихотворение уже демонстрирует юмор и остроту чувств, которые проявятся в лучших фантастических произведениях Фила. Но в тот момент мальчик был на грани. Он потерял Бабулю, своего отца и свою сестру. У него не было

ничего, что напоминало бы стабильный дом, и теперь он не по своей воле вынужден был влачить существование в пригородном пансионе. Проглатывание пищи было особенно затруднительным для него в публичных местах, таких как школьная столовая. Позднее Фил связывал затруднения с едой в те времена с «печалью и одиночеством».

Вызывает сомнение, является ли процитированное выше стихотворение первым литературным произведением Фила. Другие стихотворения (распечатанные и сохраненные Дороти) тоже претендуют на эту честь. «Песня пятилетнего Филипа» (датированная 1934 годом, то есть до отъезда в Вашингтон) примечательна тонким различением «Бога» и «духа»:

> Божий дух – милый старичок,
> Он жил на заре времен.
> Но князь прискакал, ну а Бог – молчок,
> И теперь нам не виден он.
>
> Бог – это дух в тебе и во мне.
> Бог ушел так давно – не вчера.
> Но зато в каждом ясном и солнечном дне
> Дух встает вместе с солнцем с утра.

Стихотворение свидетельствует о необычной духовной независимости Фила – большинство детей не прикрепляет к Богу прозвище «милый старичок».

В двух своих романах – «Прозябая на клочке земли» (написан в 1957 году, опубликован посмертно в 1985-м) и «Когда наступит прошлый год» (написан в 1963–65 гг., опубликован в 1966-м) – Фил использовал Вашингтон как знаменательное место действия. У подверженного стрессам героя «Прошлого года» Вирджила Аккермана, хозяина корпорации «Пушнина и красители» в Тихуане, было специально сконструированное убежище под названием «Ваш-35» (от «Вашингтон, 1935»), которое позволяло возвращаться в мир детства. «Омфал» этого мира – Макком-стрит, 3039 (адрес самого Фила, по которому он большей частью проживал в столице). В кинотеатре «Аптаун»[32] идет фильм «Ангелы ада»[33] с Джин Харлоу (с откровенной сценой, которая потрясла юного Фила, когда он впервые увидел ее). Любовно запомнившиеся детали в большом количестве встречаются в «Ваш-35», но контекст, в который они помещены, – «регрессивный мир детства», созданный для того, чтобы поддерживать дух удачливого военного промышленника, – подчеркивает презрение Фила к воссозданию в розовых цветах его мальчишеского мира.

Фил был глубоко несчастен в Кантрисайдской школе, поэтому на 1936/37 учебный год Дороти перевела его в школу Джона Итона, которая являлась частью системы общественных школ в округе Колумбия. Вдобавок она нанимала домработниц, которые заботились о мальчике. Черная женщина по имени Лула оставалась в доме в течение двух лет. Но Фил часто одиноко стоял у окна, высматривая, когда появится его мать, возвращающаяся с работы.

Его чувства по отношению к Дороти на тот момент были, что неудивительно, сложными. Он проклинал ее за то, что она отстранила отца и разрушила семью. И все старания Дороти, направленные на то, чтобы облегчить страдания от травмы, нанесенной смертью Джейн, вызывали горячее противодействие. Клео Мини, вторая жена Фила, вспоминает: «Фил упоминал при мне несколько раз, что Дороти рассказывала ему, ребенку, что *умирают только плохие*. Мне сложно поверить, что она могла действительно это сказать, но это чувство он усвоил именно от нее, говорила ли она это или нет».

На более непосредственном уровне Фил обижался на Дороти, за то что она отослала его в Кантрисайдскую школу, а затем оставила на попечение домашних работниц. И когда она находилась в доме, Фил понимал, что такой матери очень сложно угодить. Если он давал волю раздражению, она закрывала его в спальне, где он мог дать выход своему гневу, все круша в комнате. Но Фила притягивали способности и самообладание Дороти. В более поздние годы он будет с благосклонностью вспоминать о ее требовании, чтобы он признал последствия своих действий.

Их связь была прочной, и возникало чувство, что исполненные ненависти обвинения поздних лет ее не затмили. В конце концов, Дороти вырастила его, после того как Эдгар ушел. Позднее Фил признается: «Я очень доверяю женщинам. Возможно, из-за этого. Мой отец был слабым; моя мать была сильной». Дороти научила его «восхищаться писательством», в то время как Эдгар «смотрел футбол, забывая обо всем прочем».

Но конфликт между ними продолжался. Недостаток писательского успеха у Дороти – она писала обильно, но опубликовала только одно произведение в журнале *Family Circle* – должен был давать Филу ощущение собственных достижений, которые она никогда не сможет оспорить. Но этого не было. Он неустанно сражался с ее властью.

Фил посещал школу Джона Итона с 1936 по 1938 год, проучившись там со второго по четвертый класс. Он часто бывал рассеян, на что Дороти закрывала глаза. В целом его школьные

дневники отражали неплохие успехи в учебе, и самой низшей оценкой была «С»[34] за написание сочинения. Но комментарий его учителя в четвертом классе был удивительно пророческим: «Показывает интерес и способность к сочинительству».

Когда Фил учился в третьем классе, на него произвело глубокое впечатление одно событие. Конечно, кто-то может сказать, что только сила сопереживания может подвигнуть душу человека к тому, чтобы тот стал писателем, и его душа под бесчисленными обличиями проявляется в романах и рассказах. Маленький мальчик Фил мучил жука, который спрятался в раковину улитки. Но затем, когда Фил вытащил жука из его укрытия, жестокий порыв пропал, и его место заняло чувство – уверенность! – в том, что вся жизнь едина и что все зависит от доброты:

> И он выполз, и я внезапно понял – это было всеобщее сатори[35], не имеющее предела, и теперь для меня этот жук стал тем же, что и я сам. Возникло понимание. Он хотел жить точно так же, как и я, а я причинял ему мучения. На какое-то мгновение – так было и с Сидхартхой[36] при виде мертвого шакала в канаве – я сам стал тем самым жуком. Я тут же переменился. Я никогда больше не стал прежним.

Сатори стало окном в мир, который Фил пока еще не мог населить. Мальчика тянуло к духовным вещам, но не за счет сверкающей и порочной мишуры, которую предлагает американская поп-культура. Достижением Фила станет то, что он наведет мосты между тем и другим. Но пока в нем преобладал ребенок:

> Затем последовал долгий период, когда я толком ничего не делал, кроме как ходил в школу – с большой неохотой – и занимался своей коллекцией почтовых марок (которая тогда у меня еще была), плюс – обычные мальчишеские занятия вроде игры в стеклянные шарики, в детские карты с картинками, а также я увлекся недавно изобретенными книжками комиксов, такими как *Tip Top Comics, King Comics* и *Popular Comics*. Мои карманные деньги в сумме десяти центов в неделю сперва тратились на сладости (вафли «Некко»[37], шоколадные батончики и желейные конфеты), а затем – на *Tip Top Comics*. Взрослые с пренебрежением относились к книжкам комиксов; они предполагали и надеялись, что такая форма литературы скоро исчезнет. Они были неправы. К

тому же в газетах Херста[38] был сенсационный раздел, где в воскресных выпусках сообщалось о мумиях, которые продолжают жить в пещерах, о затерянной Атлантиде и о Саргассовом море. Этот квазижурнал назывался *The American Weekly*. Сегодня мы могли бы отвергнуть это как «псевдонауку», но в те дни, в середине тридцатых, это было вполне убедительно. Я мечтал о том, чтобы найти Саргассово море и все корабли, запутавшиеся в нем, трупы, болтающиеся на реях, и сундуки, набитые пиратским золотом. Сейчас я понимаю, какое разочарование постигло бы меня, если бы я узнал, что Саргассова моря не существует, или о том, что оно не захватило в плен везущие золото испанские галеоны. Таковы были детские мечты.

Но одна детская мечта оставалась и с годами все усиливалась. Книжки комиксов и *The American Weekly* были первым шагом Фила на пути вступления в дикий мир «псевдонаучных», «бульварных» приключений. И если жук сатори пробудил его дух, то эта пьянящая смесь зажгла его. Стоит прислушаться, с каким торжествующим презрением Фил обращается к «взрослым», думавшим, что комиксы должны «исчезнуть». В том же тоне он защищал НФ против ее хулителей-интеллектуалов. До двенадцати лет Фил не читал ни одного научно-фантастического журнала, но он уже нашел для себя ту «литературную среду», которая стала ему «родным домом».

В этой среде отброшена тирания навязанного сознания. Там все может случиться, и чем быстрее и необычней, тем лучше. Спирально восходящие мечты столь же реальны, как бывшие женщины, затерянные в альтернативных мирах, или Бог-Логос под личиной твоего босса, появляющегося в телевизионной рекламе растворимого кофе «Убик»[39]. Персонажи могут быть святыми, глупыми, одинокими, похотливыми, блестящими и сумасшедшими одновременно в одном и том же рассказе, и вам никогда не доказать, что это неправда. Лишь только оглянитесь вокруг себя.

* * *

В июне 1938 года мать с сыном возвратились в Беркли. За исключением нескольких кратковременных отъездов, Фил останется в Калифорнии до конца своей жизни.

Решение Дороти покинуть столицу было импульсивным.

Будучи направлена Детским бюро на собрание в Канзас-Сити, она взяла с собой Фила, с тем чтобы провести отпуск в Калифорнии. Снова оказавшись в зоне Залива, она решила остаться там и перевестись в офис Федерального департамента лесного хозяйства в Беркли. Затем Дороти сняла квартиру на Колуза-авеню, 560, где снова Бабуля и Мэрион стали частыми гостями; Мэрион писала картины, которые восхищали Фила, и давала ему книги, среди которых он особо выделял книгу стихов ирландского поэта Джеймза Стивенза[40], которая пробудила в Филе любовь к лирической поэзии на всю жизнь.

Скорее всего, на выбор времени для возвращения Дороти повлияло переселение Эдгара на юг, в Пасадену, где ему в меньшей степени угрожал арест. Но Филип очень радовался тому, что может, хоть и время от времени, навещать отца впервые за четыре года. Дороти чрезвычайно не нравились эти поездки, поскольку она все еще боялась, что отец заберет мальчика себе. Отец и сын вместе посетили в 1938 году Всемирную ярмарку в Сан-Франциско – Фил пошел на научную выставку, по совету Дороти, в то время как Эдгар смотрел представление стриптизерши Салли Рэнд. Также был организован день рыбалки на реках Сан-Хоакин и Сакраменто, во время которого Эдгар научил его чистить рыбу. Несмотря на радость, которую испытывал Фил во время этих загородных прогулок, Эдгар подчеркивал, что «ты мог увидеть огромные перемены… она [Дороти] из тех, кто правит железной рукой». Фил был «живым» ребенком, и Эдгар на этом настаивал, но «я хочу употребить верное слово… но казалось, что этой живости в нем нет, нету радости жизни. Он был очень заторможенным, я думаю… Я скажу то слово, которое хотел бы употребить. Он вызывал у меня такое чувство, что он был замкнутым… что он никак не мог вырваться».

Даже при угрожающем для нее присутствии Эдгара на юге, для Дороти, должно быть, Беркли представлялся чем-то вроде рая после жизни в социально консервативной столице. Будучи привилегированным, Беркли в конце тридцатых и в сороковые годы еще не был «Берсеркли»[41] шестидесятых и позднее. Он продолжал оставаться маленьким городком, но там был чрезвычайно большой процент свободомыслящих академических ученых и представителей богемы, которые процветали в районе Калифорнийского университета. Феминизм и пацифизм Дороти вполне вписывался в эту атмосферу. Отщепенцы, «заблудшие овечки» из респектабельных семей восточного побережья вели артистический образ жизни – поскольку деньгами их обеспечивали богатые родители – примерно в том же духе, что и их «собратья» в Париже двадцатых годов. Трамвай ходил вверх и

вниз по Телеграф-авеню, вдоль которой находились элегантные маленькие магазины и рестораны, которые угождали космополитическим вкусам университетской интеллигенции.

Но там было также и основное население, представляющее собой рабочий класс, у которого не было ничего общего с жизнью кампуса. Ниже к бухте, по соседству с Сан-Пабло-авеню, были салоны подержанных автомобилей, кафе с сальной посудой, ремонтные мастерские и бары, где рабочие – «синие воротнички» (включая черное и японское население) и их многочисленные семейства проживали свои жизни. Именно окружение рабочего класса Беркли, а не академические круги станут определять место действия и характер персонажей в столь многих рассказах и романах Фила. Экономическое расслоение общества Беркли усиливалось благодаря топографии города: самые бедные семьи жили на равнинах, более благополучные – на холмах Беркли с их террасами, парками и ручьями. На своем собственном жаргоне юный Фил называл козлами тех богатых учеников, которые жили на холмах и могли спускаться с них на своих велосипедах по дороге в школу.

Осенью 1938 года Фил был зачислен в четвертый класс школы Хиллсайд в Беркли. Он оставался в Хиллсайде на протяжении всей весны 1939 года, закончив нижнюю ступень пятого класса, а затем в 1939/40 учебном году перешел в Оксфордскую школу – еще одну публичную школу в Беркли – уже в шестой класс. В течение года в Хиллсайде Фил, с позволения Дороти, взял себе имя Джим, но при переходе в Оксфорд он снова решил стать Филом. Причины этой перемены имени остаются неясными. Пэт Фланнери, его друг в начальных классах средней школы, вспоминает, что Филу очень нравилось иногда называть своих знакомых именем Джим. Возможно, Фил взял это имя, которое звучало обыкновенно для нового мальчишки в городе.

Если «Джим» искал признания, то он его добился. В Хиллсайде выставлялись оценки только «Удовлетворительно» («У») и «Неудовлетворительно» («Н»); Джим заработал все «У» плюс похвальные отзывы в табеле. Его учитель в четвертом классе отметил, что «Джим занял достойное место в нашей группе. Он очень популярен среди своих товарищей. У него прекрасно развито чувство справедливости, и они, как видно, понимают это». В пятом классе было отмечено: «Для мальчика его лет у него большие выдержка и самообладание». В шестом классе – в Оксфордской школе, – когда он снова стал Филом, он служил младшим транспортным патрульным.

Но в Хиллсайде он часто не посещал школу – к примеру, Фил пропустил почти четверть весеннего школьного семестра в 1939

году. Дороти вспоминала, что «ему было так скучно в публичной школе – с самого начала, – что он не упускал любого случая остаться дома под предлогом ловко придуманной болезни». Возможно, некоторые из этих пропусков действительно были связаны с болезнями, которые нельзя назвать «притворными». У Фила продолжались весьма сильные приступы астмы. Не будучи рьяным атлетом, он, пускай не очень активно, но все же пускался в обычные для мальчишек занятия, такие как катание на велосипеде, игру в прятки, но это скорее напрягало его, чем доставляло удовольствие. Юный Фил был застенчивым и гордым, и унизительное положение, в которое могла поставить его одышка, вынуждало его держаться в стороне от игр приятелей. К тому же он стал испытывать короткие, но тревожные приступы пароксизмальной тахикардии (внезапное сильное сердцебиение – то состояние, от которого часто страдал Эдгар) наряду с проявлениями экземы. Тахикардия сопровождала его на протяжении всей жизни. Конечно, эти физические недомогания имели свои психологические последствия. Верно и то, что Фил никогда не чувствовал себя как дома в Хиллсайде или в Оксфорде, сидя за партой. Позднее Фил будет вспоминать, что ему в шестом классе поставили диагноз: «неспособность к обучению». Был или не был поставлен такой диагноз, но он отражает самоощущение мальчика в рамках академического образования.

«Самообладание» Фила проявлялось не только в школе, но и в его отношениях с Дороти, которая относилась к нему как к маленькому мужчине в доме – человеку ответственному и заслуживающему серьезное уважение. И Филу, хотя в глубине души он тянулся к любви, нравилась эта лестная для него точка зрения, и он вел себя с таким достоинством, которое только мог выказать мальчик. Как-то Дороти решила приобрести собственность в близлежащем Конкорде. Энн Дик пишет: «Фил вспыхнул. Он заявил, что не будет жить нигде, кроме как здесь. Дороти лишилась благоприятной возможности на миллион долларов».

Под именем Джим, в девятилетнем возрасте, он попробовал продавать подписки на журналы; его письменное ходатайство точно устанавливает размеры его дохода. *The Daily Dick* стоил один цент и был напечатан с помощью копировальной бумаги, воспроизводя почерк и маленькие рисунки Джима. С декабря 1938 года сохранились два выпуска. Вот краткое, трогательное описание соседской собаки:

23 февраля. Фокстерьера Микки вчера забрали в

загон для собак. Его поймали как бездомного. У него не было хозяина. Собачник ловил его веревкой. Была долгая борьба. В конце концов собачник поймал его. Микки плакал и плакал.

Простенько нарисованный комикс-стрип «Коп» предваряет любовь зрелого Фила к загадкам реальности/подделки и двойственной роли Властей в определении истины. Полицейский идет по следу «Луи Фальшивомонетчика» и спрашивает служащего бензоколонки, который, возможно, получил фальшивую пятидолларовую купюру. «Давай ее сюда!» – требует полицейский. «Почему? Вы считаете, что она фальшивая?» – спрашивает служащий. «Конечно! – отвечает полицейский. – А зачем бы еще она мне понадобилась?» Последняя картинка изображает служащего, который не в силах подавить едва заметную улыбку: «Чтобы ее потратить, сэр!»

В 1940 году Эдгар отправляется в Лос-Анджелес, в офис Департамента торговли, и становится регулярным участником местной радиопрограммы «Это ваше правительство». Двенадцатилетний Фил посетил Эдгара и его жену в мае; гордость за отца и страх потерять его видны в следующем письме к Дороти:

> Папа считает хорошей идеей, если я останусь здесь до утра понедельника, а затем уеду на поезде. Это значит, что я пропущу один день в школе, но это не важно[42] [*sic!*], поскольку я здесь так недолго… Как ты посмотришь на это? Я думаю, что это было бы хорошо: папа, возможно, поедет в Вашингтон, во Фриско или куда-нибудь еще. Может быть, я не увижу его долгое время. Именно поэтому я хочу остаться здесь. Ты как?
>
> Папа говорит, что я догоняю его в росте. Я почти что такой же высокий, как и он!

Конечно, в то время Фил ростом был в пять футов и три дюйма, с голубыми глазами и волосами темно-песочного цвета, и ему еще было далеко до шести футов Эдгара. Но его восхищение здесь отчетливо контрастирует с другими письмами к Дороти того времени – послушные отчеты, болезненные объяснения школьных неприятностей. А страхи Фила по поводу смены работы отца подтвердились. Когда Америка вступила во Вторую мировую войну, Эдгар стал региональным бизнес-консультантом Федерального Резерва в Кливленде, а затем перевелся на такую же должность в Ричмонд, штат Вирджиния. Они больше не виделись, вплоть до конца сороковых годов, после того как Фил

закончил среднюю школу. Вторая жена Фила, Клео Мини, подчеркивает, что потеря контакта с Эдгаром, а не только проблемы с Дороти и смерть Джейн, оставила на Филе глубокий след:

> Фил полагал, что отец оставил их. Эта боль пронизывала все, что он делал. В отношении Фила к миру главным чувством была печаль – наряду с невероятным чувством юмора, – и его привлекал к себе дисбаланс вещей в мире. Но он был постоянно печален, и причиной тому, я думаю, был его отец. В то же время он чувствовал, что его отец был ниже матери по интеллектуальному уровню. Дороти была неистовой феминисткой, и она постоянно резко и грубо изображала перед Филом его отца, в то время как он сильно скучал по нему.

Во время поездки к отцу весной 1940 года его главным увлечением было изобразительное искусство, а не писательство. Тогда, в июне, Фил нарисовал обложку для школьного ежегодника в Оксфорде, изображающую созерцателя в тюрбане с кристаллом, предсказывающего будущее его одноклассников. Сохранились также страницы с зарисовками и набросками, изображающими нацистов, сгорбленных мужчин, нарядных женщин и даже жестокого научно-фантастического персонажа – вроде пришельца, обозначенного «4162 F», – и это показывает, насколько серьезно он относился к рисованию в то время. Когда десятилетие спустя Фил всерьез взялся за свою писательскую карьеру, Эдгар был удивлен тем, что он не стал художником.

Это было то время, когда Фил изучал все виды искусства. Тем летом, во время пребывания в лагере Казадеро, штат Калифорния, он принял участие в трех пьесах. (В этом лагере он также научился плавать, но вскоре после этого чуть не утонул, и этот панический страх навсегда вызвал у него отвращение к воде.) Что касается музыки, то Фил всерьез брал уроки игры на фортепиано и снабдил Дороти рождественским списком желаемых пластинок на 78 оборотов: «Турецкий марш» из «Афинских развалин» Бетховена, *Largo al factotum* из «Севильского цирюльника» Россини и увертюра к «Тангейзеру» Вагнера. (Цитаты из оперных либретто – особенно из Вагнера и из Гилберта и Салливана – в изобилии используются в его НФ-романах.) Он также продолжал писать стихи. Стихотворение, написанное в ноябре 1940 года, под названием «Он мертв» – это рифмованная элегия памяти умершего домашнего пса. Вот последние две строки оттуда: «Его удел – обитель слез./ Увы нам! – умер добрый пес». Это

стихотворение было опубликовано в октябре 1940 года в *Berkeley Gazette* в колонке «Клуб молодых авторов», редактором которой была «Тетушка Фло».

О Тетушке Фло и ее роли в качестве первого редактора Фила скажем вкратце. Не забудем, что Фил датировал начало своей писательской карьеры с двенадцатилетнего возраста, которого он достиг 16 декабря 1940 года (Фил очень радовался тому, что день его рождения совпадает с днем рождения его кумира – Бетховена). В двенадцать лет он сам научился печатать на машинке, к чему он проявлял склонность. В это же время он прочитал свой первый научно-фантастический журнал – *Stirring Science Stories*. Научная фантастика прекрасно увязывалась с ранее открытыми им для себя рассказами о стране Оз Фрэнка Баума: «Вроде бы ничего особенного не было в том, что я испытывал страстное желание читать все и каждую из книг о стране Оз. Библиотекари надменно заявляли мне, что «у них нет в наличии фантастической литературы» по той причине, что фантастические книги уводят ребенка в мир мечтаний и препятствуют тому, чтобы он приспособился к «реальному» миру. Но мой интерес к книгам о стране Оз был, по сути дела, началом моей любви к фантазии, а впоследствии – к научной фантастике».

Фил стал ненасытным собирателем научно-фантастического бульварного чтива, постоянно посещая букинистические магазины в Беркли. Ко времени его поступления в Гарфилдскую среднюю школу в 1941 году он обладал грудами *Astounding, Amazing, Unknown* и *Unknown Worlds*. Также он регулярно ходил смотреть фильмы о Баке Роджерсе[43]. Его друг Джордж Колер вспоминает, что Фил был «разборчивым» читателем и его память о тех историях, которые ему нравились, была безупречной. Фил как художник копировал картинки с блестящими космическими кораблями. На протяжении всей своей жизни Фил продолжал бережно хранить свою коллекцию палп-журналов. В очерке 1968 года он писал:

> Что можно сказать о НФ, которая тянет нас за собой? Что вообще из себя представляет НФ? Она захватывает своих поклонников; она захватывает редакторов; она захватывает писателей. И никто из них не зарабатывает на ней деньги. Когда я размышляю об этом, в моем сознании всегда возникает рассказ Генри Каттнера «Волшебные шахматные фигуры» с его первым абзацем, в котором дверная ручка подмигивает главному герою. Когда я размышляю об этом, я вижу также – не внутри моего сознания, а перед собой на рабочем столе –

> полную подшивку *Unknown* и *Unknown Worlds*, плюс *Astounding* начиная с октября 1933 года… они хранятся в девятисотфунтовом несгораемом шкафу, отделенные от мира. Там они защищены от гниения и распада. Там они отделены от времени. Я заплатил 390 долларов за этот несгораемый шкаф, который защищает все те журналы. После моей жены и дочери они значат для меня больше всего прочего, что у меня есть или что я надеюсь получить.

Юный Фил также был регулярным читателем журналов *Life* и *National Geographic*, внимательно следил за новостями по радио о нацистской угрозе и начале Второй мировой войны. В письме от 1979 года он связывал свою память о Пёрл-Харбор с постоянным раздражением, с которым он терпел своих родителей. Его идеализация юности типична:

> Я позвонил своей матери чтобы сказать ей: «Мы вступили в войну против Германии, Италии и Японии!» Я вопил, а она на это спокойно ответила: «Нет, я так не думаю, Филип», – и вернулась к своей работе в саду. Мне было двенадцать лет, и я был более коммуникабельным, чем взрослый человек. […] Возможно, это одна из причин того, что я могу хорошо ладить с людьми намного младше меня; я не очень доверяю мнениям людей моего возраста. Я думаю, чем ты старше, тем тупее. […] Ты незаметно и постепенно утрачиваешь связь с реальностью, пока, в конце концов, не начнешь без толку возиться со своими цветами на заднем дворе, когда разразится третья мировая война. Именно так я представлял себе своего отца, представляя себе, что он все еще жив, – на своем заднем дворе, ничего не знающего о мире, и, хуже того – не желающего, чтобы мир знал о нем.

Когда война разгорелась всерьез, Фил и Дороти вынуждены были вести более экономную жизнь в своем коттедже (позади большого дома) по Уолнат-стрит, 1212. С самого начала, не зная обо всех зверствах, Фил всем сердцем был на стороне союзников, но его в большой степени восхищали нацисты – их огромный боевой корабль «Бисмарк» и дисциплинированный гусиный шаг (он видел это в кинохрониках, отснятых Эдвардом Р. Марроу). Ему нравилось представлять себе разное супероружие: истребители, быстрее, чем немецкие «Мессершмитты», пушки, больше чем японские двадцатидюймовки (с холмов Фил мог

видеть расположение американской артиллерии, охраняющей Залив). Но Фил хорошо понимал, что большая часть военных новостей – с обеих сторон – была совсем не тем, чем хотела казаться. Он восхищался мастерством пропаганды Геббельса и гадал вместе с друзьями, могут ли союзники говорить так же ловко. Его особое подозрение падало на ФДР[44]. (Позднее эти детские фантазии и подозрения Фил весело использует в «Абсолютном оружии» (1967), где изображается истерия «холодной войны» в XXI веке.)

Пропаганду выявить было относительно легко. Для Фила было истинной тайной – как сделать так, чтобы девочки обращали на него внимание. Леон Римов, друг детства, вспоминает, что у Фила «были фантазии по поводу всех девочек поблизости, где бы он ни находился», но девочкам он был «безразличен». На танцах «Фил стоял в одной стороне, девочки – в другой; он, возможно, раз или два приглашал кого-то из них на танец, а затем шел домой и воображал себе, что могло бы произойти, а потом рассказывал мне об этом». Что влекло Фила к девочке? «Чистота».

Но Джордж Колер вспоминает менее бестолкового Фила, такого, чьи познания реального положения вещей свидетельствуют о либеральной политике в области полового воспитания, проводимой Дороти. В восьмом классе Колер и Фил увидели использованный презерватив когда гуляли по парку. Колер хотел дотронуться до него, но Фил его остановил и прочитал ему «лекцию» о том, что такое презерватив и какие опасности для здоровья он может представлять. В другой раз Фил объяснил своему другу, что такое гомосексуализм. А еще в одном случае Фил более наглядно просветил своего друга на одной из соседских вечеринок: «Фил был более продвинут в этом отношении, чем все остальные, и даже щупал груди одной девочки».

Колер также утверждает, что Фил имел обыкновение «следить за соседскими девочками» с излюбленного расстояния. Но Фил приглашал на свидание, по крайней мере, одну свою школьную любовь, которая не стерлась из его памяти. Вот отрывок из его письма 1974 года к дочери Лоре:

> Лора, прелесть моя, ты об этом не знаешь. (Я об этом раньше никому не рассказывал. Приготовься. И расслабься, детка.) Лора, когда ты родилась, ни твоя мать [Энн], ни я еще не придумали тебе имя. […] Медсестра спросила меня: «Как вы хотите ее назвать?» Я признался, что не знаю. Медсестра нахмурилась, глядя

на меня; она была очень мила, и я было хотел спросить: «Как вас зовут?» – но мудро удержался. А затем я вспомнил – это внезапно всплыло в моем сознании – имя первой девочки, с которой я встречался в старших классах школы, очень соблазнительной девчонки по имени Лора Хеймс. Поэтому я и назвал тебя Лорой в честь нее и до сих пор никому об этом не говорил.

Если ты расскажешь об этом, ты умрешь.

Сексуальные фантазии Фила – и его редкие маленькие «триумфы» в этой области – были частью и «весточкой» наступления определенного возраста, как и у большинства мальчиков. Но была и темная сторона у растущего в нем физического самосознания. На протяжении этого периода Дороти решила, что безразличие Фила к учебе и его тревоги могут быть рассеяны при помощи психиатрической терапии. Фила, судя по всему, осматривал не один психиатр, когда он учился в средних и старших классах школы. Мало что можно сказать по поводу особенностей их лечения. Но об одном можно сказать со всей определенностью – терапия оставила в Филе глубокое чувство трагического различия между ним и его ровесниками. Колер вспоминает, как Фил, будучи семиклассником, говорил о тестах Роршаха[45]: «На самом деле Фил сделал свои собственные таблицы и мы с ним играли в тест Роршаха. Фил также знал все о «Тематическом апперцептивном тесте»[46]. Он знал названия разнообразных фобий. Он говорил, что у него тоже есть некоторые из них и он не может с ними бороться».

Но Фил поборол замкнутость с помощью одного успокаивающего средства – писательства. У Колера был маленький печатный станок, который Фил забрал у него, и на сей раз вместе с Пэтом Фланнери, со второй попытки, стал выпускать самодельную газету. Первый номер *The Truth* («Правды») вышел в августе 1943 года и стоил два цента («Если бы она стала приносить прибыль, мы снизили бы цену до одного цента»). Ее лозунг: «Демократическая газета с демократическими принципами». Почти все публикации в ней принадлежали Филу, включая это пылкое заявление: «В этой газете будет печататься только то, что, без сомнения, можно назвать ПРАВДОЙ». Здесь представлена история с продолжением «Бетси из стратосферы» (о смелом летчике-испытателе) и комик-стрип «Человек Будущего», который стал первым самостоятельным научно-фантастическим произведением Фила.

Человек Будущего – поборник правды, защитник угнетенных. Лишь немногие гангстеры осмеливаются

противостоять ему, но когда они решаются на это, то вскоре оказываются побежденными.

Человек Будущего живет в 3869 году. Используя свои суперзнания на благо человечества, он направляет всю свою силу против преступного мира будущего. Он появляется в каждом номере – «ПРАВДЫ»!

В тринадцать лет редактор *The Truth* Фил был бледным, слегка полноватым, он часто кашлял и гнусавил из-за своей астмы. Он всегда презрительно относился к командным видам спорта. Когда изредка он играл в игры со своими друзьями, он был неуклюжим и даже опасным, однажды попав дротиком от дартса во Фланнери, отчего у того пошла кровь, в другой раз он толкнул его в куст ежевики. Фил вместе с Колером ходили на прогулки к парку Тилдена, забираясь на холмы Беркли, проходя мимо недавно построенного циклотрона[47]. Но он был рад, когда в Гарфилдской школе сократили уроки физкультуры.

Дороти поздно приходила домой с работы, поднималась наверх, ложилась в постель и читала, взяв какую-нибудь книгу из большой стопки, – преимущественно это были бестселлеры, но также и книги о питании и лечении. Ее ночной столик был заставлен прописанными ей лекарствами от почечных болезней и прочих недомоганий. Домашняя атмосфера, наполненная болезнями, угнетала Фила – ведь и ему самому приходилось сталкиваться с физическими недомоганиями и фобиями. Он был склонен к переменам настроения, но его вспышки гнева утихомиривались Дороти. Чрезвычайно часто мать и сын разговаривали официально, используя имена «Филип» и «Дороти». Можно представить себе их, проводящих ночи в раздельных спальнях за увлеченным чтением. Но связь между ними становилась все теснее – а Эдгар был далеко. В этот период Фил задумывался над тем, чтобы сменить фамилию Дик на девичью фамилию матери – Киндред.

Дороти была вежлива, но неразговорчива с приятелями Фила, редко вступая с ними в беседу или приглашая их на ужин. Эти ужины редко менялись от вечера к вечеру: молотый горох, картофельное пюре. Филу нравилось, когда его приглашала на обед бабушка Колера, которая предлагала такие «декадентские» наслаждения, запрещенные у Фила дома, как шоколадное молоко и газировка. Он всегда оставлял немного еды на тарелке в знак уважения к обычаю, появившемуся во время Депрессии, – показывать, что ты вполне сыт и не попросишь добавки.

Уединение Дороти наверху позволяло Филу и гостящим у него друзьям вести непрерывные доверительные разговоры, битвы

игрушечных солдатиков, прослушивание классической музыки и шахматные партии (в которых Фил всегда, без исключения, побеждал своих приятелей). Фил мог изобретать модели по схеме Руба Голдберга[48]: выключатель света, с помощью которого заводится «виктрола»[49], маленькие электрические коробки для игры «покажи и расскажи», которые пугали его учителей. Его музыкальные способности удивляли даже самых близких друзей. Как-то он усадил Колера и сначала сыграл «Траурный марш» Шопена, а затем, как вспоминает Колер, «какую-то жуткую вещь». Когда Фил спросил, что ему больше понравилось, Колер выбрал вторую. Фил играл ее снова и снова, чтобы убедиться в том, что она действительно нравится его другу, и лишь после этого признался, что это его собственное сочинение.

В спальне Фила царил полный хаос: пластинки, альбомы с почтовыми марками, модели самолетов, микроскоп, портрет германского кайзера. В его столе был потайной ящик, в котором Фил держал маленькую фотокамеру «Кодак», нудистские журналы и комикс под названием *Captain Billy's Whiz Bang*[50]. Он предложил Колеру вместе заняться мастурбацией в спальне, опустив занавески. Иногда Колер ночевал у него, и тогда они, естественно, обсуждали секс. Не было никаких попыток вовлечения; Колер вспоминает, что Фил считал «гомосексуализм» унизительным термином.

Дороти предлагала свободу и приватность, которые способствовали интенсивному существованию подростка. Некоторое представление об этом дает его ранний (около 1949 года), написанный в традиционной манере, неопубликованный роман «Время собираться»[51]. Один из персонажей – молодой человек по имени Карл – имеет поразительное сходство с Филом, включая страстную увлеченность философией (многословные журнальные статьи Карла об истине и реальности представляют собой нечто вроде «Экзегезы») и темноволосыми девушками. В ниже приводимом отрывке Карл, уединившись у себя в комнате, копирует рисунок, который он вырвал из журнала:

> Оригинал – печатная страница, вырванная из журнала, – соскользнул с его колен и опустился на пол в углу. Он этого не заметил или ему было все равно. Эта девушка, появляющаяся на его рисунке, была не из журнала. Она возникла изнутри его самого, из его собственного тела. Эта эмбриональная женщина появлялась из пухлого белого мальчишеского тела, рождаясь с помощью угля, бумаги и быстрых штрихов. […]

> В запотевшей и пропахшей мускусом комнате мальчик был похож на некое растение, растущее и ветвящееся, белое и мягкое, его чувственные руки проникали повсюду, поглощая, исследуя, овладевая, переваривая. Но у окон и дверей комнаты он останавливался. Он не выходил за их пределы. […]
>
> Как растение, он питался тем, что ему приносили. Он никогда сам не выходил за пищей. Живя в этой комнате, он был растением, которое питалось своими собственными соками, поедающим свое собственное тело. Именно из его жизненно важных органов исходили те линии и формы, возникающие на бумаге, – восхищающие и сводящие с ума. Он был пойман в ловушку, которая плотно удерживала его.

Вспомним, что Эдгар называл Фила «замкнутым» в то время.

Леон Римов вспоминает Фила как «интроверта» по преимуществу, которому недоставало самоуверенности: «Он ходил вразвалку, всегда опустив голову». Когда он был в общительном настроении, он мог быть очаровательным, «но это было похоже на машину, мчащуюся на высокой скорости, – долго такую скорость она не могла выдерживать». Он отмечает тщетные усилия Фила основать клуб «Роки-крик» (названный в честь ручья рядом с Лайв-Оук-парк), после того как его исключили из соседнего общественного клуба. Фил собрал всех своих приятелей вместе, объявил себя президентом, но ему не удалось удержать свою аудиторию. «Он постоянно откладывал те или иные решения, говоря, что не стоит принимать их сейчас, а лучше встретиться снова и еще раз все обсудить. После нескольких таких встреч народ начал чесать головы, и, в конце концов, все разошлись». Римов считал, что Фил «хотел бы быть политиком, управлять ситуациями, но он не был в состоянии убедить людей следовать за ним».

Будучи старшеклассником, Фил заявлял, что он атеист, поскольку никто не может доказать существование Бога. Он также просил Римова присоединиться к «Библейскому клубу», который собирался основать. С точки зрения Римова, Фил не был религиозным человеком, а скорее «во многих отношениях – адвокатом дьявола и человеком ищущим». Фил часто в отношениях с друзьями вел себя как начальник – тот самый Фил, который был источником знаний о боевых кораблях и морских сражениях. Но единственной темой, которую он чрезвычайно редко обсуждал, было его собственное писательское творчество. Иногда он показывал свои рассказы друзьям (Пэту Фланнери –

легенду о Фаусте, переделанную на современный лад), – но никто не чувствовал в нем писателя, который борется в его душе с палеонтологом и политиком. Единственным знаком будущего рода занятий Фила были его собственные строго дисциплинированные усилия.

В четырнадцать лет он завершил свой первый роман, *Return to Lilliput*, вдохновленный «Путешествиями Гулливера» Джонатана Свифта. Его рукопись утрачена. Фил юмористически описывает этот роман в интервью 1976 года, что несправедливо по отношению к его собственным юношеским мечтаниям:

> ФКД: Они вновь открыли Лилипутию в современном мире, знаете ли, как сейчас открывают Атлантиду, так вот, эти ребята докладывают, что открыли Лилипутию. Но это возможно сделать только на подводной лодке, потому что та страна ушла под воду. Но разве мог четырнадцатилетний ребенок придумать идею оригинальнее, чем эта. Я даже могу назвать вам номера тех подводных лодок. У меня очень живая память. Это A101, B202, C303, а также все номера, названия и маркировки подводных лодок.

Помимо этого он регулярно публиковал рассказы и стихи в *Berkeley Gazette* в колонке «Клуб юных писателей». Между 1942 и 1944 годами, с восьмого класса и позднее, произведения Фила появлялись там пятнадцать раз. Рассказы, со всей очевидностью, превосходили стихи по качеству. Проза отточенная и немногословная; сюжеты вторичные, но полностью продуманные. В рассказе *Le Diable* местом действия является французская деревня; нечестивый Пьер Мешан грабит за́мок умершего Графа. Действие идет плавно, кинематографично: «И той ночью, если бы кто-нибудь был поблизости, то он мог бы увидеть толстого маленького Пьера со свечой, взбирающегося на одну из стен замка. Можно было бы увидеть, как свеча качается и петляет вокруг замка, пока не находит дорогу в винные погреба». Пьер сталкивается с Дьяволом, который получает его душу в обмен на золото Графа. Неотвратимый конец Пьера в сыром винном погребе, несомненно, навеян рассказом Эдгара По «Бочонок амонтильядо».

The Slave Race – единственный научно-фантастический рассказ в этой группе. В будущем андроиды, созданные для того, чтобы облегчить людям тяжкий труд, свергли своих ленивых хозяев. Андроид-повествователь объясняет: «И его науку мы добавили к нашей, и мы продвинулись дальше, к высочайшим вершинам. Мы исследовали звезды и миры, которые невозможно

даже вообразить». Но в конце рассказа круг этой экспансивной энергии замыкается, и за ним следует то сибаритское безделье, которое обрекло человечество и которое стало угрозой и для андроидов:

> Но в конце концов мы устали, и нам захотелось расслабиться и получать удовольствие. Но не все смогли прекратить работу ради поиска удовольствий, и те, кто продолжал работать, искали способ закончить свой тяжкий труд.
>
> Здесь речь идет о создании новой расы рабов.
>
> Я боюсь.

Подъем и падение цивилизаций в соответствии с циклическими законами и пределы человеческого (и искусственного) интеллекта – это излюбленная тема научной фантастики сороковых годов. Обильное чтение бульварной литературы дало Филу ключ к пониманию специфики этого жанра.

Фил мучился от редакторских предпочтений газетной «Тетушки Фло». Свидетельством тому являются заметки Фила в его записной книжке, куда он бережно вклеивал свои публикации в «Клубе юных писателей». Тетушка Фло, изображенная в черной шляпе с характерными для Бетти Крокер[52] чертами, устраивала свой суд над каждым опубликованным произведением. По поводу «Он мертв» (стихотворения на смерть пса Фила) она несдержанно заявляла: «Пафос гуляет по каждой строке этого стихотворения, но мои глаза ничуть не увлажнились, когда я дочитала эти стихи до конца». Подобную «похвалу» трудно было вынести. Но когда *The Visitation* (призрак Бетховена возвращается, чтобы сочинить свою последнюю пьесу) заняло всего лишь второе место в ее литературном конкурсе «Выпускной день», Фил обозлился на то, что Тетушка Фло «сказала, что стихотворение написано неплохо, но *маленьким авторам* не следует писать о большом неведомом, а только о том, что им известно»! Замечание со стороны Тетушки Фло по поводу необходимости знать реальность было поддержано впоследствии некоторыми редакторами и критиками. Разочарование и вызывающее поведение тоже были постоянными у Фила – тридцать лет спустя он сорвался на редакторе Ace Books Терри Карре, который указал на то, что пора уходить от доминирующей в творчестве темы «Что есть Реальность?». Как будто бы – жаловался Фил – существовала какая-то *реальная* реальность, которую можно потрогать руками.

Разрыв с Тетушкой Фло произошел, когда пятнадцатилетний Фил опубликовал «Программные заметки о великом

композиторе» – легкую сатиру на пафосные биографии в суперобложках, – придумав композитора по имени Вильгельм Фридрих Мотхавен. Когда Тетушка Фло назвала это произведением «не вполне творческим» фактографическим очерком, Фил возмущенно записал в своей книжке:

> Тут я одурачил ее полностью – я ведь знал, что она не отличит сатиры от дырки в земле. Я надеялся, что она скажет что-нибудь глупое в своих комментариях, – вот она это и сделала. А теперь надо бы заставить ее извиниться в нашей газете!
>
> Думаю, это моя последняя публикация здесь. Она дошла до той точки, когда перестала понимать мои рассказы. Больше нет смысла присылать их ей.
>
> Да я и не думаю, что она когда-нибудь что-нибудь понимала!

В то время как Фил проявлял страсть к писательству, к школьным занятиям он продолжал относиться небрежно. Его оценки в Гарфилдской средней школе были хорошими, но ему было скучно с учителями. Чтобы подстегнуть его, Дороти стала подумывать о пансионе – Калифорнийской приготовительной школе в Охае, на юге. В каталоге этой школы прямо было сказано: «Настойчивая, упорная работа и пристальное внимание к достижению цели нашей Школы являются главными требованиями к каждому мальчику». Дежурство по кухне и еженедельные посещения церкви были обязательными.

На это Фил ответил тем, что заслужил школьный ранг *cum laude*[53] в 1942/43 подготовительном учебном году. Кроме «С» по физкультуре, он хорошо успевал по всем предметам. В число малых дисциплинарных проступков включалось сквернословие и использование карниза для занавесок в качестве трубки для стрельбы горохом. Но напряженность нового режима дня вскоре себя показала. Его письма к Дороти из Охая демонстрируют замечательную способность Фила, которую он с большим успехом будет использовать в своих фантастических романах, – умение превращать простой набор фактов (в данном случае жизнь в Охае) в основу для постоянных размышлений и в равной степени правдоподобных и неправдоподобных выводов.

С самого начала Фил жаловался, что дежурство по кухне мешает его занятиям, поэтому у него бывают неудачи по математике; его вещи были украдены; над ним издевались восемнадцатилетки; он терял вес, потому что отказывался есть картошку, которую подавали дважды в день. Но он обиделся, когда Дороти предложила ему вернуться домой, – он был

мужчиной, а не домашним мальчиком. Вероятно, она поняла, насколько трудно проследить за тем, что скрывается у него под внешней оболочкой. Из письма Фила, октябрь 1942 года:

> Как только я послал тебе [предыдущее] письмо, я сразу же пожалел, что сделал это. Теперь я понимаю, что это было жестоко с моей стороны, и я думал, ты поймешь, что я тосковал по дому только первую неделю, и то, что ты ждала подобного письма. Конечно, тот факт, что ты бы хотела, чтобы я вернулся домой, потому что ты скучаешь по мне, не должен пересилить твою логику в понимании того, что я имел в виду вовсе не то, что сказал. […] Я думаю, вот что нам следует сделать: не посылай доктору Брашу [директору школы] никакого письма; не присылай за мной; не считай, что мне здесь не нравится. Мне действительно здесь очень не нравится, но сейчас мне здесь намного лучше, чем тогда, когда я писал то письмо. Затем, где-то в районе 23 октября, если мне все еще здесь не будет нравиться, я вернусь домой.

Неделей позже (или около того):

> Я не люблю работать, но не думаю, что это как-то повлияет на то, вернусь я или нет. Теперь мне здесь нравится, если бы только не приходилось работать. […]
>
> Я не останусь здесь, если не буду работать, потому что тогда каждый мог бы сказать: «Какой он маменькин сынок». Если ты считаешь, что мое отставание в учебе является достаточным основанием для возвращения домой, то я так и поступлю. Но здесь мне все-таки нравится.

К 22 октября он снова вернулся к своим запутанным переоценкам:

> Бога ради, не говори мне, что я могу вернуться домой, потому что это похоже на то, как если бы ты сказала: «Хорошо, тебе сегодня не надо идти в школу». […] Я надеюсь, тот факт, что ты скучаешь по мне, не повлияет на твое решение. Если ты хочешь, чтобы я был избалованным сопляком, тогда позволь мне вернуться домой. Это будет признанием поражения, а я собираюсь доказать, что я такой же мужчина, как и каждый из мальчишек здесь.

В этом же самом письме Фил торжественно сообщил своей матери, что получил высшую оценку по английскому языку за сочинение про кошку, которое учитель вслух прочитал в классе, «потому что все начали упрашивать его читать дальше, после того как он прочел первый абзац вслух, чтобы поправить его». Фил добавил: «Я думаю, мое сочинение – ОК».

В последнем письме к Дороти в мае 1943 года Фил заявлял: «Пока я живу, я больше не сделаю такой ошибки – не пойду учиться в пансион». Он вернулся в Гарфилдскую среднюю школу для продолжения обучения в девятом классе осенью 1943 года; в феврале 1944 года он поступил в Среднюю школу Беркли. Но его трудности не закончились с отъездом из Охая. Было нечто глубоко внутреннее в его ненависти к академической системе. В письме 1974 года к четырнадцатилетней дочери Лоре он пишет:

> Примерно в то время, когда я был твоего возраста, половину времени я гулял, а другую половину проводил дома. Школьные системы образования занимались тем […], что изолировали детей от реального мира, учили их предметам, которые никому больше не нужны, они оказывались совершенно неподготовленными к жизни, когда выходили из школы. Иными словами, чем лучше ты приспособишься к школе, тем меньше у тебя шансов позднее приспособиться к реальному миру. Так что я думаю, чем хуже ты приспособишься к школе, тем легче тебе будет управляться с реальностью, когда тебе, наконец, удастся покинуть школу, если такое когда-нибудь случится. Я полагаю, у меня есть то, что военные называют «плохим отношением», что значит «либо подчиняйся правилам, либо уходи». Я всегда предпочитал уходить.

Попытка Фила изобразить совершенно обратное соотношение между академическими и реальными жизненными навыками – вымученная. Его попытки оправдания – и даже восхваления – собственного взгляда на школьные проблемы наводят глянец на чрезмерные тревоги, которые он переживал в то время.

Те фобии, с которыми он не мог сражаться (как он и описывал Джорджу Колеру), усиливались во время его пребывания в девятом классе в Гарфилде, где он испытывал возобновляющиеся приступы головокружения, которые время от времени приковывали его к постели. Ученик Средней школы Беркли, его новый друг Дик Дэниэлс, уговорил Фила сопровождать его на выступление Симфонического оркестра Сан-Франциско. Фил обожал классическую музыку, но его слишком

напрягало пребывание на публике. Энн Дик пишет: «Спустя годы Фил говорил, что испытал [на симфоническом концерте] ужасный приступ головокружения, и нечто необратимое произошло у него в душе, когда он слушал. […] Он как будто провалился куда-то и испытывал такое ощущение, что может смотреть на внешний мир только через перископ, а сам как бы находится в подводной лодке. Он чувствовал, что уже больше никогда не восстановит способность воспринимать мир непосредственно».

Чем были вызваны эти приступы? В декабрьском письме 1981 года к дочери Изе (тогда ей было пятнадцать лет – именно тот возраст, в котором у Фила начались приступы) он обозначил границы – выживание или забвение:

> Примерно к седьмому классу школы начинает пробуждаться личностная самоидентификация человека. […] И (я так думаю, хотя могу и ошибаться) человек чувствует возможность того, что эта его новая индивидуальность, эта уникальная идентичность может быть подавлена, может быть поглощена тем миром, который противостоит ему или ей, особенно – другими возникающими повсюду идентичностями. И здесь подлинный страх заключается в том, что ты сам – ты, который когда-то не существовал, – можешь снова стать несуществующим; этот страх внутри тебя затопляет тебя идущими одна за другой волнами паники и поглощает ту самую индивидуальность.

Головокружение – как страх этого поглощения, угасания. В своем эссе 1965 года *Schizophrenia & The Book of Changes* Фил связывает эти страхи с побуждением, которое толкало его к написанию произведений в жанрах фэнтези и НФ. В романе «Сдвиг времени по-марсиански» (1964) главный герой Джек Болен, «экс-шизофреник», который ненавидел школу и работал ремонтным мастером в колонии землян на Марсе, должен наладить обучающий симулякр в Общественной школе. Когда одно из устройств, Добрый Папа, начинает выпаливать механически зазубренные «истины», Болен разражается яростной бранью:

> «Так вот что я думаю, – сказал Джек. – Я считаю, что Общественная школа вместе с вами, автоматами, готовит новое поколение шизофреников. Вы расщепляете психику детей, потому что учите их ориентироваться в среде, которой не существует. Ее даже на Земле уже нет. Она устарела». […]

«Да, Крошка Джеки, так должно быть».

«Вам следует учить тому, – сказал Джек, – как нам…»

«Да, Крошка Джеки, – Добрый Папа прервал его, – так должно быть». […]

«Ты завис, – сказал Джек. – Добрый Папа, у тебя изношен зубец в передаче».

«Да, Крошка Джеки, – ответил Добрый Папа, – так должно быть».

Когда Фил поступил в Среднюю школу Беркли, линии фронта были уже начертаны: либо поглощение, либо бегство в создаваемое воображением царство искусства. Фил пришел для того, чтобы увидеть – он не мог с этим справиться, но мог увидеть, – что его «уникальная индивидуальность» не собиралась становиться покорной или логически опровергнутой.

Глава 3
1944–1950

Подлинная борьба за освобождение от моей матери (после окончания школы) была моментом/ситуацией/действием, в результате которого и благодаря которому я утвердил наконец свою независимость и идентичность как взрослый человек и как мужчина. […] Чем сильнее боль, тем достойней победа. […] Годы, после ухода от матери, были самыми счастливыми в моей жизни.

Фил, запись в дневнике, ноябрь 1981

Я никогда не целовал девушку, я еще не брился. Я читал Astounding Stories[54] для развлечения. В 21 год я женился и развелся, брился каждый день, читал Джеймса Джойса, «Персидские войны» Геродота и «Анабасис» Ксенофонта для развлечения. […] В 15 лет я знал, чего я хочу от жизни, сейчас – не знаю. В 15 лет я был сгустком психологических проблем. Я остаюсь таким же, но по-другому.

Фил, письмо Хербу Холлису (первому и единственному его боссу) в 21-й день рождения Фила, 16 декабря 1949 года

Еще не зная об этом в те годы, когда я писал, мои размышления и писания были долгим путем к просветлению. Впервые я понял иллюзорную природу космоса, когда

учился в старших классах. В конце сороковых годов я понял, что причинность – это иллюзия.

Фил, «Экзегеза», 1979

Вперед, в «реальный» мир, или Фил и Космос начинают всерьез сравнивать свои записи

В 1944 году Дороти и Фил переехали по новому адресу в Беркли – Олстон-уэй, 1171. Это был узкий двухэтажный дом, стоявший близко к улице, с остроконечной крышей. Спальня Дороти была на верхнем этаже, спальня Фила – на нижнем. Они не так часто совместно занимались домашними делами или питались. Их отношения были столь взрослыми по своей манере, что нередко поражало друзей Фила, – он высказывал свои суждения более резко, чем они могли бы позволить себе в общении со своими родителями. Дороти, чьи темные волосы уже были тронуты сединой, вела себя отчужденно и необщительно. Но напряженность между ними была заметна. Фил никогда не жаловался на нее друзьям – эта тема не обсуждалась.

Джеральд Акерман, друг Фила в старших классах, вспоминает, что тот дом «представлялся необычным и временным жильем». Его попытки поговорить с Дороти о книгах категорически отвергались: «она была либо раздражена, либо ей претила всякая болтовня – поверхностная, претенциозная и отвратительная. Ее спальня была похожа на сцену: она была пустой; ее кровать стояла у стены напротив двери; она сидела посередине кровати, когда я стоя разговаривал с ней. Вид у нее был довольно угрожающий».

Фил поступил в Среднюю школу Беркли в феврале 1944 года. Дик Дэниэлс, который познакомился с Филом на втором году обучения на занятиях по немецкому языку, называет его «дотошным» в приготовлении школьных заданий. «Он постоянно искал возможность избежать любой сложной ситуации. Он не любил оказываться в том положении, когда он в чем-то нуждался, и пытался избегать незащищенности». Фил приобрел рабочие познания в немецком языке, которые сослужат ему добрую службу – его независимое исследование нацистских военных архивов, хранящихся в Калифорнийском университете в Беркли, создало необходимый живой фон в его романе «Человек в Высоком замке».

Филу также доставляли удовольствие уроки продвинутого английского языка Маргарет Вулфсон, к которой он испытывал сильное мальчишеское влечение. Даже будучи взрослым, он сохранил большое уважение к мисс Вулфсон. В дневниковой

записи 1970 года Фил говорил о его тогдашней любви как о «столь изысканной, что пленила меня, как ни одна другая женщина до нее, за исключением Маргарет».

Вулфсон подтверждает, что Фил был высокоинтеллектуальным учеником, который оставался «вещью в себе» и редко разговаривал в классе. Фил обладал «интуитивным воображением» и во время работы в классе «никогда не был удовлетворен импровизированными трактовками». Однажды вместо заданного литературного анализа она получила от него научно-фантастический рассказ, содержание которого она не может вспомнить. «Я бы предпочла, чтобы он выполнил задание, но, когда я прочитала то, что он написал, я прекрасно поняла, что получила нечто исключительное и что мне лучше не придираться к этому». Она предложила Филу послать этот рассказ в один из НФ-журналов, и если он принял это предложение, то никогда не говорил о нем, и ни одного рассказа Фила Дика не появлялось в журналах вплоть до 1952 года. Однако один неопубликованный рассказ – *Stability* – сохранился с его старших школьных лет. В нем изображена антиутопия XXV века, где властвует удушающий принцип Стабилизации, который не допускает никаких политических и технологических перемен. Подобные же статичные антиутопии появятся в двух научно-фантастических романах Фила пятидесятых годов: «Мир, который построил Джонс» и «Человек, который умел шутить».

В то время как друзья и мисс Вулфсон вспоминали Фила как блестящего ученика, сам Фил часто ретроспективно изображал себя измученным мятежником, который не мог «врубиться» даже в базовые курсовые задания. В письме 1974 года к дочери Лоре – в ответ на ее жалобы на школу – он пытался поддержать ее, изображая себя как полного раздолбая: «В старших классах мне было очень трудно. За тест по геометрии я получил «F-». Я проваливался по латыни и физкультуре. Я ненавидел каждую минуту занятий этими предметами. Я ничего не учил. Наконец, я отстал от своего класса, и меня перевели в самую слабую группу предыдущего класса, включая даже английский язык». По правде говоря, Фил никогда не проваливал занятий. По гимнастике у него были преимущественно «B»; по академическим предметам – «A» и «B». Он участвовал в литературном журнале и шахматном клубе. Что делало среднюю школу «сверхтяжелой», так это головокружения. С мая по сентябрь 1944 года Фила донимали повторяющиеся приступы, и он вынужден был пропускать некоторые занятия, что задерживало его продвижение к выпуску из школы.

В то же лето Джордж Колер заразился полиомиелитом. Фил

вполне вылечился от своих приступов, чтобы наносить частые визиты своему другу. Колер вспоминает его доброту, но также и беспокойство, владевшее сознанием Фила: «Интересно, нет ли у меня легкой формы полиомиелита?» Этой болезни у него не было, но приступы астмы, тахикардии, а теперь еще и головокружения привили ему на всю жизнь ощущение слабого здоровья и страх перед болезнями.

Но Фил мог всегда компенсировать свои страхи кипучими страстями. Джеральд Акерман и Дик Дэниэлс разделяли его всепоглощающий интерес к классической музыке. Позднее Фил писал: «Я начал изучать и осваивать огромные территории на музыкальной карте; к четырнадцати годам я фактически мог распознать любую симфонию или оперу, определить любую классическую мелодию, которую при мне напевали или насвистывали». Акерман вспоминает нескончаемые беседы перед «Магнавоксом»[55] Фила на темы, включающие не только музыку, но и любимые фантастические рассказы Фила из последних выпусков журналов. Фил еще не обращался к традиционной классике, и Акерман сожалел об этом недостатке его вкуса. Но Фил всегда с подозрением относился к культурной претенциозности. Он, бывало, убеждал Дэниэлса, что запись музыки Чайковского (которого, насколько Филу было известно, Дэниэлс не любил) заставляет его возмущаться, когда кто-то смеет называть композитором Берлиоза. «Фил постоянно придумывал разные шутки и ситуации, которые приводили его друзей в замешательство. Это просто было частью его стиля и делало жизнь веселой». Но у Фила была своя, довольно «колючая» гордость. «У него была *amour propre*[56], свойственная испанскому идальго».

Дэниэлс, который сопровождал Фила на концерт Симфонического оркестра Сан-Франциско в тот вечер, когда у него случился ужасный приступ, не предъявляет никаких свидетельств о трудностях у Фила. Но ни Дэниэлс, ни Акерман не могли убедить Фила снова пересечь Залив. Дэниэлс вспоминает: «Он захотел вернуться из-за ужасного страха застрять посередине зрительного ряда, обмочиться и выйти, опозорившись. Те же страхи он испытывал, когда ехал на поезде в Сан-Франциско и обратно. Это спорный вопрос: я не склонен принимать всерьез его реакции, связанные с фобиями, и что это было бы оскорбительным для него».

Страхи Фила перед общественным туалетом были неподдельными – они продолжались и когда ему было за двадцать. Но Дэниэлс чувствовал себя в замешательстве не только из-за фобий Фила, но и из-за его склонности легко обижаться: «У

него могло быть поразительное множество жалоб на тебя. Он также нередко считал, что в том, что с ним происходит, виноваты другие, преимущественно злоумышленники; Фил начал отвечать за себя еще в раннем возрасте, но у него был свой способ толкования мира, он, бывало, создавал проблемы из воздуха, считая, что люди норовят причинить ему вред».

Если у Фила и были его страхи, то он также обладал большим обаянием. Оно, однако, не включало в себя элегантную внешность. Фил утратил свою детскую пухлость, но уделял мало внимания одежде («ходячий мусорный бак», подшучивал Дэниэлс), и часто, когда он только начинал бриться, он оставлял редкие «кустики» на месте бакенбард. Но у него были приятные, интеллигентные черты лица и проницательные голубые глаза. И еще он говорил быстро и весело, умея сразу же заинтриговать слушателя, когда был в хорошем настроении. Круг же друзей Фила был довольно узким. Увлечения приходили и уходили, но он редко ходил на свидания и не находил себе постоянную девушку.

Это приносило ему мучительную боль. В *Schizophrenia & The Book of Changes* Фил использует сексуальное отчуждение в старших классах в качестве метафоры битвы между защищенным индивидом (*idios kosmos*, или персональным сознанием) и внешним миром (*koinos kosmos*, или общественным сознанием). Коварный *koinos kosmos* выманивает *idios kosmos* из его убежища с помощью тактики, включающей сексуальное желание. «Эта биполярная внутренняя война длится бесконечно; тем временем у реальной девушки и в мыслях нет, что ты жив (и ты сам можешь догадаться почему: тебя нет)». Да, это читается забавно, но нет сомнений в том, что неприятие тяжело давалось мальчику с изголодавшимся сердцем, который только еще учился бриться.

Позднее Фил обвинял Дороти в том, что она медленно внушала ему, пока он учился в старших классах и сразу же по окончании школы, страхи связанные с его мужской природой, поскольку она была убеждена, что он станет геем. (К этому еще стоит добавить унизительные высказывания Эдгара по поводу слабой физической подготовки Фила.) Но беспокойство Дороти частично было связано с тем, что Джеральд Акерман уже в юности обнаружил в себе гомосексуальность. Вот как Акерман вспоминает свое кокетство в старших классах:

> Я был единственным среди нас в то время, у кого была мысль, что он гей. […] Иногда я даже проверял или использовал их наивность. Я довольно часто прикасался к ним […] и даже время от времени брал руку кого-то из

них в свою во время прогулок. […] Как-то раз Фил сказал мне, что его мать жалуется на подобные действия. […] Он просто рассказал мне об этом, не нарываясь на скандал и не делая предостережений, как будто бы это не имело особого значения, как бы к этому ни относилась его мать. Даже если так, […] то это произошло всего один раз, и к нему это никакого отношения не имеет, он же сам опирался только на нашу дружбу, – возможно, немножко странную и приукрашенную.

Как показывает этот случай, Фил не был ни геем, ни гомофобом. Но, несмотря на внешнее спокойствие, как это, возможно, показалось Акерману, Фил чрезвычайно боялся обнаружить в себе гомосексуальные тенденции. Одобряя своих друзей-геев, себе он это табуировал.

Как и его одноклассники, Фил надеялся, что когда-нибудь поступит в Калифорнийский университет в Беркли, хотя его, в отличие от большинства, не приводили в восторг дальнейшее обучение и последующая карьера. Но желание добиться хороших оценок возымело свое действие и привело к классическому завершению – экзаменационной горячке, которая (в совершенно «филдиковском» духе) вызвала прозрение, лелеемое им на протяжении всей жизни.

Был тест по физике. Фил сильно облажался. Он не мог вспомнить ключевой принцип вытеснения воды, на котором основывались восемь из десяти экзаменационных вопросов. Время подходило к концу, и Фил начал молиться. Когда все уже казалось потерянным, какой-то внутренний голос объяснил ему этот принцип простыми словами – и Фил получил отличную оценку. В записи «Экзегезы» 1980 года Фил указывает на этот случай как на отправной пункт его духовной жизни:

> Это показывает западающую в память, жуткую, парадоксальную (и, по-видимому, причудливую и игривую) природу просветления: оно приходит к тебе, когда ты перестаешь преследовать его. Когда ты полностью и окончательно сдаешься. […] Да, выходя из этого лабиринта парадоксов и зеркальных противоположностей, кажимости, бесконечных изменений, я, наконец, нахожу ответ, который искал, цель, которую искал. И это то, с чего я начал в старшем классе на экзамене по физике, когда я молился Богу, христианскому Богу – который всегда здесь, который ведет меня к себе.

Фил не отождествлял этот голос (который говорил с ним намного чаще в семидесятые годы) исключительно с «христианским Богом». В «Экзегезе» он также называет его «Голос ИскИна» (искусственного интеллекта), «Диана», «Сивилла», «София» (гностическая богиня мудрости), «Шехина» (божественный женский принцип в еврейской каббале) и еще многими другими именами.

Если Фил в старших классах и не был той героической мятежной фигурой, которую он позднее изобретет, то он, несомненно, прошел сквозь нечто, похожее на ад, и вышел оттуда писателем. В год окончания школы Фил испытывал сильные приступы агорафобии, клаустрофобии и головокружений. К нему вернулись ранние затруднения с приемом пищи на публике. Как-то раз его охватила паника, когда он шел по проходу между столами в классной комнате, – ему показалось, что пол уходит у него из-под ног. Эти приступы вынудили Фила покинуть Среднюю школу в Беркли, он окончил ее в июне, занимаясь дома с репетитором.

На протяжении 1946/47 учебного года Фил еженедельно проходил психотерапевтическое лечение в клинике Лэнгли Портер в Сан-Франциско. Знакомым он объяснял эти свои частые поездки участием в особом обучении интеллектуально одаренных учеников. Фил был более искренен с такими друзьями, как Джордж Колер, который вспоминает ужасные приступы головокружения, вынуждавшие Фила лежать в постели, когда он был не в состоянии даже поднять головы. Сам Фил описывал свое состояние в то время как «головокружение». Колер (сейчас – доктор медицины) предполагает, что головокружение было вызвано лабиринтитом, воспалением внутреннего уха. Далее Колер подчеркивает: «У него никогда не было помутнения рассудка».

Два года, как вспоминает Фил, он еженедельно посещал психоаналитика-юнгианца, который «с усердием исследовал» «интуитивные процессы» у Фила. Отношение Фила к этой терапии включало в себя изрядную дозу здорового гнева. Фобии на время делали его беспомощным, но они не ослабляли его интеллект. Филу не нравилось, когда говорили, что он сумасшедший. В интервью 1977 года вызывающее поведение проглядывает сквозь «приглаженную» историю:

> Я помню, как в мои подростковые годы меня наблюдал психиатр – у меня были проблемы в школе, – и я сказал ему, что начал сомневаться, является ли наша система ценностей – что правильно, а что нет –

> абсолютно истинной, или она в культурном плане относительна. А он сказал: «Это симптом твоего невроза, если ты сомневаешься в ценностях правильного и неправильного». Тогда я взял экземпляр британского научного журнала *Nature* – наиболее уважаемого в мире научного журнала. Там была статья, в которой прямо говорилось, что все наши ценности, по существу, взяты из Библии и не могут быть эмпирически подтверждены, следовательно, их следует отнести к категории непроверяемых и недоказуемых. Я показал это ему, а он чрезвычайно рассердился и сказал: «Я считаю, что это не что иное, как дерьмо собачье. Дерьмо собачье, я говорю!» Вот я, подросток в 1940-е годы, и вот он, психиатр; теперь я оглядываюсь назад и понимаю, что у этого человека был упрощенный взгляд на мир. Я имею в виду, насколько могу судить, что его мозг был мертв.

Письмо 1970 года сообщает о результате теста Роршаха, проведенного в 1946 году: «Лаборантка в своем отчете говорила, что моей сильнейшей движущей силой было желание вновь обрести сестру, которая умерла примерно через месяц, после того как она и я родились […]». Возможно, эта сила способствовала тому психическому состоянию, в котором Фил услышал голос во время экзамена, – а одним из имен этого голоса в «Экзегезе» было «Джейн».

Согласно Филу, психотерапевт-юнгианец называл его «агорафобом». Другим диагнозом, которым Фил часто пользовался, говоря о тех временах, была «шизофрения». Он сообщил по секрету своей третьей жене, Энн Дик, что такой диагноз ему поставили в старших классах, – был ли этот диагноз поставлен тем самым юнгианцем или кем-то другим, неизвестно. Во всяком случае, использование им этого термина не следует принимать за чистую монету; как указывает Энн Дик, «Фил был ипохондриком по отношению к состоянию своего сознания».

Ключевым фактором способности Фила утихомиривать эти штормы была его работа, которой он начал заниматься в пятнадцать лет, когда еще учился в старших классах, в двух музыкальных магазинах – сначала в University Radio, а позднее в Art Music в Беркли, владельцем которых был некто Херб Холлис, ставший для Фила тем отцом, в котором он нуждался.

В рамках его работы продавцом у Холлиса – единственной работы, помимо написания научно-фантастических произведений, которая у него была, – Фил успешно сражался с фобиями, которые досаждали ему в школе. Он продавал публике

радиоприемники, телевизоры и грампластинки без особого рвения, но Фил расцвел под опекой Холлиса, а также благодаря ежедневным разговорам о музыке, душевным откровениям и глуповатым шуткам с другими продавцами.

Те ценности, которые воплощали собой Холлис и его странная команда, – мастерство, преданность, духовная независимость, внимание к маленькому пареньку, а не бездушный картель, – сформировали социальное кредо Фила, которого он придерживался, изображая меняющиеся миры в своих фантастических сочинениях. Беркли времен юности Фила был рассадником политической активности – как левого, так и правого толка. Ни один из тех, кто знал Фила в конце сороковых годов, не упоминал о его политической ангажированности. Он был либералом, поддерживал Генри Уоллеса[57] в 1948 году, восхищался левой социологической критикой капитализма Ч. Райта Миллса[58]. Но сердцевиной размышлений Фила о том, как должен быть устроен мир, были уроки, проходившие под крылом преследуемого, эксцентричного, забавного, защищающего, деспотичного мечтателя и иногда обманщика Херба Холлиса.

Холлис был родом из Макклауда, штат Оклахома. Он как будто бы был рожден для розничной торговли. Он был педантичным человеком, который работал шесть, а то и семь дней в неделю, практичным боссом, устанавливавшим конкретные дни, когда поток покупателей был медленным. Клео Мини вспоминает: «Фил всегда восхищался теми, кто мог в той или иной степени контролировать внешний мир. Это означало, что человеку не стыдно нагнуться, чтобы поднять молоток». Обслуживание покупателей, отбор продукции, доброжелательное отношение к работникам были для него делом чести, как и экономия. Воплощением доброжелательной этики был Элдон Николлс, горбатый карлик, служивший бухгалтером, который был с Холлисом с самого начала и служил эмоциональным буфером между боссом и его любимчиками – молодыми продавцами и ремонтными мастерами, которые работали в обоих магазинах.

Магазин University Radio, расположенный в районе Шаттак, продавал радиоприемники, бытовые электроприборы, а с конца сороковых годов – новое увлечение под названием телевизор. На цокольном этаже располагалась ремонтная мастерская. Музыкальный магазин Art Music располагался намного ближе к кампусу, рядом с Чармингом и Телеграф-авеню, в четырех кварталах от Сатер-гейт, где постоянно выступали уличные ораторы, где в середине шестидесятых годов национальное внимание привлекло движение за свободу слова, руководимое Марио Савио[59]. В конце сороковых и начале пятидесятых годов

магазины Art Music стали «визитной карточкой» Беркли, предлагая классическую музыку, джаз и особенно любимые Холлисом жанры – фолк и музыку новейших групп.

Будучи молодым человеком, Холлис страстно желал в своих фантазиях вести жизнь писателя, и ему всегда нравилось окружать себя творческими личностями; его работниками часто были подающие надежды театральные артисты Беркли. У него и его жены Пэт не было детей, и, возможно, по этой причине Холлис был восприимчив по отношению к «заблудшим душам» – немного безумным и эксцентричным идеалистам Беркли, которые оказывались в его поле зрения. Одним из них был Гомер Теспиан, который ходил босиком по улицам и был первоклассным ремонтным мастером, когда не втягивал своего босса в мрачные философские диспуты или не пропадал иногда на целые дни. Холлис продолжал держать его на работе без всяких упреков.

Фил, подающий надежды художник и отщепенец, с самого начала стал любимцем Холлиса. Сначала Фил трудился неполный рабочий день и в его обязанности входило разбирать по частям вакуумные трубки и звукосниматели для их повторной сборки, поскольку в военное время запасных частей не хватало. Работа была неблагодарной, но на первых порах она, видимо, нравилась ему, поскольку мальчик нуждался в перемене. Позднее Фил скажет, что работа у Холлиса была его первым «позитивным самоутверждением». На какое-то время Фил невинно, но страстно увлекся Пэт Холлис. На один из дней рождения Фила Холлис в виде подарка предложил ему выбрать любую пластинку из их каталога. Фил выбрал «Страсти по Матфею» Баха, где пел один из его самых любимых впоследствии вокалистов – Герхард Хюш[60].

Вот что пишет Фил в письме по поводу своего двадцать первого дня рождения («Я пишу о своем времяпрепровождении», – указывает он в первой же строчке). Письмо было пеаном[61] (в застенчивом и доверительном тоне) в адрес руководства со стороны Холлиса:

> Первыми твоими словами, адресованными мне, были: «Если тебе так сильно нравятся оба альбома, то не важно, какой из них ты купишь; рано или поздно они оба будут твоими». Ты был прав – так и получилось за неделю. Я думал: что за классный парень. Мне было пятнадцать. Сейчас на шесть лет больше. Позднее я стал работать у тебя в Art Music. […]
>
> […] Ты поддерживал меня и содействовал моему интеллектуальному росту, но иногда и пугал меня, потому что все, что ты говорил, я воспринимал всерьез –

тогда и сейчас. […]

В пятнадцать лет я все делал неправильно, а в двадцать один год ты в Art Music и не можешь видеть, чем я занимаюсь. […]

Как-то я сделал серию рисунков, изображающих тебя, они все еще висят на стене в University Radio, и когда я замечаю их, то склоняюсь к мысли, что, если бы я их стал рисовать снова, они были бы точно такими же в мой двадцать первый год, какими были, когда мне было шестнадцать. Возможно, ты знаешь, что я имею в виду. […]

С любовью.

фкд

Как видно из письма, Филу поначалу было трудно справляться с работой. Но тревоги и головокружения усиливались в связи со средней школой Беркли, а не с магазинами Холлиса. Жизнь с продавцами и ремонтными мастерами была веселой, особенно после того, как пришла новость (в 1945 году), что наконец-то война закончилась:

Мы все набились в принадлежащий магазину грузовик, взяли большую коробку с фейерверками профессионального размера, подобрали по дороге нескольких солдат и тронулись в Беркли, чтобы «взорвать» его. Затем все отправились в Сан-Франциско, и мы разносили его в пух и прах дней десять, болтаясь по городу в виде вооруженных банд и угрожая всему, что движется. Было весело. Через год меня повысили по службе: я теперь уже не подметал полы, а вычищал пепельницы. По-любому, это был хороший год.

Дик Дэниэлс (который тоже работал в то время у Холлиса) вспоминает шутливые беседы Фила с его боссом:

На самом деле Фил никогда не чувствовал себя расслабленно рядом с Холлисом, наоборот, он, скорее, занимал положение шута, который острит при королевском дворе, – но в определенных пределах. Фил валял дурака, а Холлис на это откликался. Холлис платил Филу своей привязанностью, то есть ему многое сходило с рук. Холлис был первым старшим по возрасту человеком, у которого с Филом были такого рода

отношения.

В конце сороковых годов Холлис спонсировал и обеспечивал записями программу о современной и фолк-музыке на местной FM-радиостанции KSMO в Сан-Матео. Фил писал репризы диджею и тексты рекламы магазинов Холлиса для этой программы. Позднее он заявлял, что вел на этом радио программу, посвященную классической музыке, но никто из знавших Фила в то время не мог припомнить, чтобы тот выступал по радио. Но он, должно быть, часто посещал эту радиостанцию: ее обстановка прекрасно изображена в деталях в его «мейнстримном» романе 1956 года «Разбитый шар», а гениальная манера мелкого диджея трогательно воплощена в образе Уолта Дэнджерфилда, чьи передачи с орбитальной станции (где он оказался в ловушке до самой смерти) являются великим утешением для выживших после ядерной войны в романе «Доктор Бладмани» (1964). Сохранилось несколько страниц, написанных для радио. Вот как Фил расхваливает новомодные телевизоры:

> University Radio в Беркли приветствует вас. Вчера, когда мы пришли на работу, мы обнаружили, что наш продавец перетащил свою пальму в горшке в другую сторону магазина, чтобы ему лучше был виден телевизионный экран. Он попросил покупателей, чтобы те не тревожили его вопросами о покупках. Если вы хотите приобрести «Магнавокс», просто положите деньги возле кассы с запиской, и укажите, какое именно устройство вы хотите. Если вам повезет, то он, возможно, обратит внимание на вашу просьбу между телевизионными программами.

Годы, проведенные с Холлисом, обеспечили Фила целым кладезем начального писательского капитала. Персонажи, «срисованные» с Холлиса, можно обнаружить в целом ряде как обычных, так и научно-фантастических романов Фила, особенно – написанных в пятидесятые и шестидесятые годы (см. «Хронологический обзор»). Одинокая, эксцентричная фигура «мастера-ремонтника» также вновь и вновь появляется в его произведениях как символ честности и смелости перед лицом невероятных обстоятельств. В «Экзегезе» Фил замечает, что большая часть его произведений «ощутимо автобиографична – маленькая частная фирма и ее по-отечески заботливый владелец – или мировой лидер». Отношения между Джимом Фергессоном и Стюартом Хедли («Голоса с улицы», 1952–1953), Лео Булеро и Барни Майерсоном («Стигматы Палмера Элдрича», 1965) и

Гленом Ранситером и Джо Чипом («Убик», 1969) наиболее ярко изображают отношения доверия и напряженности, существовавшие между Холлисом и Филом.

В «Голосах с улицы» – еще ученическом «мейнстримном» романе – Холлис фигурирует под именем Джима Фергессона, хозяина магазина «Продажа и обслуживание современных телевизоров» – это «маленький, мускулистый человек в синем саржевом костюме, средних лет, с красным и мудрым лицом в веснушках». Поскольку «Голоса» писались во время и сразу же после работы Фила у Холлиса, у него еще сохранялись живые воспоминания. Насколько сильной воспринимал Фил фигуру Холлиса своей душой? Открытие Фергессоном магазина «Современных телевизоров» построено по образу событий после сотворения мира в «Книге Бытия»:

> Здесь никакой жизни не существовало. […] Он наклонился и нажал на главную кнопку пуска; затрещал большой неоновый знак, а через мгновенье оконные огни затеплились слабым свечением. Он оставил дверь широко открытой, вдохнул сладкий воздух, поступающий снаружи, и, удерживая его в своих легких, стал ходить по темному, сырому магазину. […] Мертвые вещи неохотно возвращались к жизни. […] Он включил дисплей «Филко»[62], который возбужденно зажужжал, и отнес его в глубину магазина. Он осветил роскошный рекламный плакат «Зенита»[63]. Он внес свет, жизнь, уверенность в пустоту. Тьма отступила; и после первого момента неистовой одержимости он успокоился и решил отдохнуть, и его «седьмым днем» стала чашка черного кофе.

Окончательной данью Холлису стал Лео Булеро из «Стигматов» – жадный, язвительный, с чавканьем жующий сигару, не скрывающий своих чувств председатель правления фирмы «Наборы Подружки Пэт, Инк.», который становится единственной надеждой Земли на сопротивление психическому вторжению (которое осуществляется через мастерский сбыт наркотика Chew-Z: «БОГ ОБЕЩАЕТ ВЕЧНУЮ ЖИЗНЬ. МЫ МОЖЕМ ЕЕ ПРЕДОСТАВИТЬ», – Палмером Элдричем – абсолютным воплощением чистейшего зла). Булеро, чей наркотический продукт Can-D вытеснен с рынка Элдричем, пишет краткую пояснительную записку (Фил сам часто писал такие записки для рабочих), которая служит фронтисписом романа – чистое, косноязычное утверждение человеческого духа:

> Вот что я имею в виду в конце концов: вам следует считать, что мы сделаны только из праха. Это, по правде говоря, не так много, чтобы жить дальше, и нам не следует об этом забывать. Но даже считаясь с этим, я полагаю, что это плохое начало, а мы не так уж плохи. Поэтому сам я верю, что даже в этой вшивой ситуации, с которой мы оказались лицом к лицу, мы можем это сделать. Вы понимаете меня?

В интервью 1977 года Фил опроверг представление о том, что он склонен создавать тип «антигероя» в таких произведениях, как «Палмер Элдрич»:

> Фил: Я думаю, меня очень часто обвиняют, что я вывожу своего главного персонажа как антигероя. […] А я только и делаю, что беру тех людей, с которыми я работал, которые были моими друзьями, коллегами, и от этого я испытываю огромное чувство удовлетворения. […]
>
> И я всегда думаю, что крайний сюрреализм […] заключается в том, чтобы взять того человека, которого ты знал, чьей главной целью в жизни было продать самый большой телевизор, который только может поместиться в магазине, и поместить этого человека в будущую утопию, или антиутопию, и стравить его с этой антиутопией или поставить его в сильную позицию. Точно так же мне нравится изображать тех работодателей, которые были у меня, владельцев мелких магазинов, и делать верховными правителями целых…
>
> Уве Энтон (интервьюер): Галактик?
>
> Фил: Галактик, да. Это доставляет мне большое удовольствие, поскольку я все еще вижу этого человека сидящим за рабочим столом, просматривающим множество накладных по закупкам, которые не были произведены, думая, кто может это объяснить?

Фил любил рассказывать истории о понимании философских аспектов, которого он достиг, работая в магазинах Холлиса. Как-то, когда он подметал пол в пятнадцатилетнем возрасте, затеял спор с мастером: дают ли возможность радиодинамики слушать саму музыку (точка зрения мастера) или «имитацию» музыки (позиция Фила). В другой раз мастер указал Филу, когда они стояли у светофора, на невозможность доказать то, что они оба видят один и тот же цвет, даже при том, что оба они называют его красным. В основе таких уроков лежало чувство собственного

достоинства, обеспеченное хорошо выполняемой работой. Это было в то время, когда они пытались починить «Капард», сложное чудо техники, которое автоматически укладывает грампластинки. После долгих трудов он был налажен, но поездка по ухабистой дороге к дому заказчика свела на нет все усилия:

> И мы сказали, что у нас нет счета, и мы не возьмем с вас плату. […] И я был очень горд […], что все мы признали свою неудачу перед лицом сложившейся ситуации. […] Мне было около пятнадцати лет, и на меня произвело громадное впечатление то, что этот «Капард» олицетворял собой непостижимую, чрезмерно усложненную вселенную, в обычае которой – создавать непредвиденные вещи. […] Но великим достоинством человека является то, что человек изоморфен его неисправно функционирующей вселенной. Я имею в виду то, что и сам он в какой-то степени неисправен. […] Но он продолжает стараться, и, как сказал Фолкнер в своей чудесной нобелевской речи, «человек не будет просто терпеть – он победит».

Поддержка и теплое отношение Холлиса и твердая зарплата, которую это отношение обеспечивало, – все это способствовало тому, что Фил принял для себя решение, которое сам считал очень трудным, – и в то же время одним из самых победоносных в его жизни: он ушел из материнского дома в конце 1947 года:

> У родителей был обоснованный интерес, чтобы держать своих детей закованными в цепи заботы и считать их маленькими и бессловесными, как это происходит со всеми угнетенными группами. Я помню, когда я сказал матери, что ухожу, она ответила: «Я вызываю полицию. Сперва я увижу тебя в тюрьме». Естественно, я тут же спросил ее – почему. «Потому что если ты уедешь и покинешь меня, – сказала она, – ты кончишь тем, что станешь гомосексуалистом». Мне нужно было уходить, и я снова спросил – почему. «Потому что ты слабый, – сказала она. – Слабый, слабый, СЛАБЫЙ».

Дороти слышала такие обвинения в свой адрес снова и снова, но не признавала их справедливыми:

> Филу было девятнадцать лет, когда он уехал из дому. И снова его рассказ об этом будет отличаться от

моего. Все у нас складывалось по-дружески, и вообще это было мое предложение, а он возвращался почти каждый вечер, и мы вели долгие беседы. Я помню, желтый кот, который у нас был в то время, никак не мог понять, почему Фил заходил через входную дверь, оставался на пару часов, а потом уходил.

Но Фил всегда был непреклонен: борьба за освобождение от господства матери была показательным актом смелости, которая позволяла ему войти в устрашающий *koinos kosmos* в его собственной терминологии. Он осознавал эротическую подоплеку этой борьбы. Он признавался своей третьей жене Энн: «Когда я был подростком, у меня был «невозможный сон». Мне снилось, что я сплю со своей матерью». Он так объяснил этот сон: «Я преодолел эдипов комплекс». Но истинная победа не могла прийти до тех пор, пока он не покинул материнский дом. В дневниковой записи 1981 года Фил рассуждал, что его пример неустойчивых отношений с женщинами коренился в том самом событии: «Меня влекло к женщинам, которые напоминали мою мать (гордые, умные, жесткие, рассудительные, подозрительные, едкие и т. д.), с тем чтобы вновь и вновь разыгрывать первоначальную ситуацию, в которой я, наконец, освобождаюсь и обретаю независимость». Позднее, в той же самой дневниковой записи, Фил отмечал: «Мне следует здесь указать на более важный момент: я ищу – не свою мать, жестокую и т. д., дурную мать, – а хорошую мать, нежную, добрую, полную сочувствия и любящую мать, которой у меня никогда не было и которую я всегда хотел».

Угрожала Дороти вызвать полицию или нет, когда Фил уезжал, но справедливо предположить, что она была обеспокоена выбором места жительства Фила. Его новый адрес в Беркли – Маккинли-стрит, 2208 – это складское помещение, верхние этажи которого были оборудованы под меблированные комнаты. Эти комнаты были заняты некоторыми наиболее знаменитыми в Беркли молодыми художниками-геями. Лидером этой группы был Роберт Данкен[64] (тогда ему было двадцать девять лет), который только что вернулся из Вашингтона, где посещал Эзру Паунда в госпитале Св. Елизаветы. Среди прочих, сменяющих друг друга, обитателей этого дома был поэт Джек Спайсер[65] (тогда ему было немного за двадцать) и друг Фила по старшим классам Джеральд Акерман (в будущем – историк искусств) – любовник харизматичного Данкена.

Акерман вспоминает, что Роберт Данкен (исключенный из Калифорнийского университета в Беркли) вел с Филом долгие

беседы: «Быть с Данкеном – это как быть в литературном классе». У Фила сложились также добрые отношения со Спайсером, который, бывало, заходил в комнату Фила, чтобы послушать классическую музыку. Акерман пишет: «Однажды, я помню, когда они слушали записи отрывков из «Бориса Годунова» в исполнении Кипниса[66], я дождался окончания музыки и постучался в дверь, думая, что не прерываю их слушанье музыки, но я был просто сломлен, когда они громко сетовали в горестном настроении: только что умер Борис». Пристрастия к марихуане некоторых обитателей этого дома в то время не разделяли ни Акерман, ни Фил. «То хихиканье и та болтовня, которые мы слышали через закрытые двери, заставляли нас думать, что «экстаз», вызванный наркотиком, был совершенно глупым».

Самым ценным богатством Фила был звукозаписывающий аппарат – напольная модель из University Radio, с помощью которой можно было записывать шеллаковые пластинки на 78 оборотов. В комнате Фила проходили «игровые» собрания, на которые приходил Данкен с прочими гостями, и они делали странные записи. Акерман вспоминает:

> Джордж Хаймсон начинал петь медленно, а затем переходил к быстрому ритму: «Эдна Сент-Винсент Миллэй, Миллэй, Миллэй[67]», – и последнее имя обозначало «голубого» юношу. Затем вступал Данкен и своим проникновенным и густым голосом повторял: «У. Сомерсет Моэм, У. Сомерсет Моэм, У. У. У. У. У. Сомерсет Моэм[68]». Затем вступал я и высоким, пискливым голосом пел: «Э. Э. Каммингс. Э. Э. Э. Э. Э. Каммингс Э.Э[69]». И пока все это продолжалось, кто-то громко провозглашал Клятву Национальному флагу. […] После этого все мы помирали со смеху.

Дружеские отношения с Данкеном и прочими настраивали Фила на то, чтобы он писал «мейнстрим». Тогда же пропал его интерес к научной фантастике. А что касается карьеры, то Холлис обрисовал ее рамки. Как Фил вспоминал в эссе *Self Portrait* 1968 года:

> Мне бы хотелось подниматься по карьерной лестнице, ступенька за ступенькой, затем, со временем, я стану управляющим магазина, продающего пластинки, а уж после того – его владельцем. Я забыл о научной фантастике, и даже перестал читать ее. Как радиосериал, «Джек Армстронг – настоящий американский парень!», так и научная фантастика стали для меня чем-то вроде

> детского увлечения. Но мне все-таки нравилось писать, и я продолжал писать небольшие литературные вещички, которые надеялся продать в журнал *New Yorker* (хотя и не посылал их туда). В то же время я с жадностью поглощал современную литературную классику: Пруста и Паунда, Кафку и Дос Пассоса, Паскаля, – впрочем, он уже относится к литературе прошедших лет, но мой список может продолжаться до бесконечности. Проще говоря, я получил знания по литературе от «Анабасиса» до «Улисса». Я не был образован в области научной фантастики, но хорошо знал произведения выдающихся писателей со всего мира.

В интервью 1977 года Фил признавался, что читал научную фантастику, но культурная обстановка в Беркли в конце сороковых годов «требовала от тебя, чтобы ты всерьез занимался классикой». Популярность научной фантастики росла, рос фэндом, но ее читали только «фрики» – те, кто с тем же пренебрежением относился к классике, как и «умники» к Роберту Хайнлайну. «Я выбирал компанию тех людей, которые читали великую литературу, поскольку они мне нравились больше как люди». Самые ранние поклонники были вроде «троллей», и связываться с ними – это как в первой части «Комедии» Данте – «окунуться в дерьмо»[70].

В то время как Фила радовали литературные разговоры на Маккинли-стрит, другие стороны жизни там – такие как ухаживания одного из соседей по дому, – его расстраивали. Акерман не вспоминает о каких-либо интрижках Фила – гомо- или гетеросексуальных – во время его проживания там. «Фил, возможно, начинал думать, что, поскольку у него сходные вкусы с прочими из нас, у него, возможно, и сходные чувства. Я, бывало, говорил ему, чтобы он не огорчался».

Между тем, Филу открывалась совершенно новая социальная обстановка благодаря притоку наемных работников в магазинах Холлиса.

Винсент Ласби, который в 1947 году присоединился к управлению Art Music, передал Филу свое увлечение Григорианскими хоралами и диксилендом. Вдобавок Ласби всерьез относился к писательству (сочинив несколько недурно написанных, но неопубликованных романов из уличной жизни); к началу пятидесятых годов он и Фил обменивались своими рукописями и высказывали мнения о них. Ласби стал также первым из многочисленных учителей автовождения для Фила; он вспоминает, что Фил был «рассеянным» за рулем. Другим

новичком был Алан Рич (сейчас – музыкальный критик в области классики), чей ум и музыкальная эрудиция делали его достойным партнером Фила в дискуссиях. Чак Беннетт, элегантный ирландец из состоятельной семьи среднего класса, заинтриговывал Фила как представитель «потерянного поколения»[71] (некоторые черты Беннетта и самого Фила обнаруживаются в образе Стюарта Хедли из романа «Голоса с улицы»). Хосе Флорес, продавец, с которым у Фила сложились особо тесные дружеские отношения, был геем, танцором, чьи таланты иссякли, когда ему было под сорок. Когда позже Хосе покончил с собой из-за несчастной любви, Фил чувствовал себя несчастным.

Среди этих новых лиц Фил продолжал оставаться самым молодым в «команде» Холлиса. К девятнадцати годам у Фила выработался весьма рациональный способ продаж. Его карикатуры и граффити были комическими «изюминками» на стенах туалетной комнаты для сотрудников. Благодаря той скорости, с которой он печатал, ему приходилось делать рутинную работу, но он перепечатывал образцы бланков безукоризненно. Но Фил был подвержен изменчивым настроениям, часто начиная рабочий день с того, что шел в глубь магазина, не повернув головы, «как будто по лучу», – вспоминает Ласби. Позднее Фил улучшил свою работу продавца благодаря дисциплине, обуздывающей его характер. Он предпочитал работать в вечерние смены, когда, по его соображениям, все могли быть привлечены включенными телевизорами. В процессе этого он стал преданным и постоянным зрителем «Куклы, Фрэн и Олли»[72].

Фил иногда ходил слушать диксиленд и джаз в местные бары, например в «Степпенвулф», «Блайнд Лемон» и «Хэмбоун Келлиз». Музыканты Лу Уоттерс и «Турок» Мерфи были главной приманкой для зрителей. Но в целом он был тяжелым на подъем парнем и редко выбирался из дома. Винс Ласби вспоминает его как «человека с агорафобией». Какой ярлык ни навесь, но это было более чем отвращение к ночной жизни. Работники Art Music обычно обедали в расположенном поблизости кафетерии «Тру Блю». Фил всегда выбирал столик на балконе рядом с мужским туалетом – во-первых, чтобы не быть на виду, когда он ел, и, во-вторых, чтобы быстро скрыться, если нужно.

В начале 1948 года Фил искал возможность переехать с Маккинли-стрит. Его радовала беспечная компания Ласби, и он признался тому: его печалит, что он может быть геем. (Ирония: Фил с самого начала боялся, что Ласби – гей и что ему придется заниматься «целованием задницы», чтобы оставаться в хороших отношениях с «тетушкой» управляющим.) Ласби, в первую

очередь, подчеркнул различия в литературных вкусах между Филом и его друзьями-геями. Когда это не сработало, Ласби обратился к более крутым мерам:

> В то время у нас были довольно своеобразные мысли по поводу гомосексуалистов. Филип, который был девственником, думал, что он, может быть, один из них. Я думал, что это излечимое состояние. Ему бы хорошую девку – и с этим будет покончено. И я предоставил ему хорошую девку.

И так случилось, что в возрасте девятнадцати лет Фил первый раз женился – этот брак продлился шесть месяцев в 1948 году, и об этом он чрезвычайно редко говорил на протяжении всей дальнейшей жизни.

Ее звали Жанетт Марлен, белокурая постоянная покупательница, с которой Ласби был знаком. Эдгар Дик, который познакомился с ней после свадьбы, вспоминает Жанетт как «низенькую, толстую маленькую девочку». Ласби описывает ее внешность еще менее привлекательно и добавляет, что в Жанетт совершенно не было ничего художественного или музыкального. Она не была «девочкой», однако, поскольку ей было сильно за двадцать и она несколькими годами была старше Фила, Жанетт была чистосердечна в своем откровенном отношении к сексу. Их как-то представили друг другу, когда она перебирала пластинки в University Radio. Фил отвел ее в кабинку для прослушивания и принес туда свои любимые записи классической музыки. Их беседа становилась все более дружественной. В подвале, позади ремонтной мастерской, было редко используемое складское помещение. Ласби отмечает, что это помещение, в котором Фил впервые занялся любовью с Жанетт, стало прообразом важного места действия (в качестве укрытия во время ядерных взрывов для работников «Продажи и обслуживания современных телевизоров») в романе «Доктор Бладмани».

Поскольку Фил не достиг совершеннолетнего возраста по законам Калифорнии, Дороти должна была подписать свидетельство, чтобы их брак весной 1948 года был бы признан легальным. У нее были сомнения, но она дала свое согласие, надеясь, что женитьба позволит Филу адекватнее относиться к самому себе. В конце концов, с ее точки зрения, эта женитьба отделит его от обстановки на Маккинли-стрит. Новая супружеская пара нашла для себя маленькую квартирку, находящуюся за аптекой, на Эддисон Уэй. Джеральд Акерман

вспоминает это место жительства:

> Все было темным, грязным и в полном беспорядке; стены, как это водится в новых квартирах, не были покрашены, там не было также никакой приличной мебели. У меня было такое чувство, что, хотя они уже прожили там какое-то время, в этом месте было полно нераспакованных коробок. […] И, может быть, я сходил с ума от того, что он женился, как будто это было предательством нашей общинной жизни. […] В любом случае визит к ним вызывал чувство дискомфорта: сама квартира была неудобной, условия жизни неудобными; жена, казалось, не понимала образа нашей с Филом жизни. Я видел, что она всем своим присутствием выражала либо недружелюбие, либо страх, стоя сзади набивного стула и положив руки на его спинку, как будто бы он служил ее щитом. […] Сейчас я понимаю, что они так же были сбиты с толку своим пребыванием там, как и я, наблюдая их там.

Кто-то может считать, что краткий рассказ о свадьбе во «Времени собираться», написанный вскоре после развода с Жанетт, выражает собственные чувства Фила по поводу их совместного проживания: «Ее сокровища были проданы задорого; он стал внезапно женатым и проживал в однокомнатной квартире, глядя на ее лифчики и трусы, развешанные по всей ванной комнате, нюхая запах крахмала, доносящийся из кухни, и чувствуя вечное присутствие ее заколотых булавками кудрей рядом с ним на подушке. Брак продлился всего несколько месяцев».

Фил говорил своей пятой жене, Тессе, что, когда они с Жанетт были женаты меньше двух месяцев, она заявила Филу, что имеет право встречаться с другими мужчинами. После этого он вынес ее вещи за входную дверь, сменил замки и запретил ей возвращаться. «Оглядываясь назад, – пишет Тесса, – Фил понимал, что его мать была права: они были слишком молодыми, чтобы жениться. Хотя в то время это слишком быстро подкосило его».

Но решающим ударом по их брачному блаженству была любовь Фила к его «Магнавоксу». Жанетт жаловалась, что Фил не давал ей спать ночью, без конца проигрывая пластинки, – пластинки, как говорила Жанетт, которые она ненавидела, – те самые пластинки, с помощью которых Фил обхаживал ее в тот первый день в кабинке для прослушивания. Однажды она пригрозила, что пригласит своего брата и он разобьет их все.

Судья в судебном заседании осенью 1948 года сказал, что никогда еще не слышал столь глупых оснований для развода, как угрозы разбить пластинки, но развод все-таки дал. Единственное, что Филу нравилось в Жанетт, как он говорил позднее, что она оставила его в одиночестве именно тогда, когда он работал над рассказами – преимущественно реалистическими, – которые не продавал. Возможно, этот брак и не был процветающим и успешным, но он сотворил чудеса для самоутверждения Фила. Тремя десятилетиями позже, в середине семидесятых, Фил позвонил Ласби, чтобы с далекого расстояния поблагодарить его за то, что он спас его от гомосексуальности.

В начале 1949 года Фил переехал на новое место жительства на Банкрофт-уэй. «Магнавокс» и стопки научно-фантастических журналов главенствовали в этой маленькой квартире. Вдобавок он и Ласби арендовали небольшую квартиру рядом с Гроув и Шаттак, которую они использовали, когда кому-то из них удавалось подцепить девушку-покупательницу в магазине Art Music. Фил в его двадцать лет выглядел по-мальчишески привлекательно: длинные темные волосы, нависавшие над его широким лбом, чувственные губы и внимательные, проницательные голубые глаза. Он ходил слегка сутулясь, одетый во фланелевую рубашку. Но он мог открыто улыбаться и обладал даром убалтывать. Вот суждение Ласби: «Фил стал прекрасно разбираться в том, для чего нужны девушки, и действовал в этом отношении весьма решительно».

Сомнительно, что Фил не отставал в этом отношении от Ласби (которому вскоре предстояло снова жениться). Но у него был целый ряд коротких, но ярких любовных приключений. Конечно, не все его влюбленности были взаимными. Он испытал безумное увлечение Кей Линди, которая работала в University Radio, но она предпочла Ласби. Была еще некая Мириам, которую Фил обожал, но она вместо того стала любовницей Конни Барбур, в будущем психотерапевта и последовательницы Юнга; Мириам и Конни стали соседями Фила, когда он в конце 1949 года переехал в более просторную «берлогу» на Дуайт-уэй, дом 1931. Клео Мини описывала Конни как «старшую сестру» Фила; она руководила его чтением практически всех трудов Юнга, доступных в переводе.

Единственной любовью, которую Фил будет вспоминать с глубоким чувством, была Мэри, потрясающая итальянка, которая работала в аптеке и была несчастлива в своем браке. Как и Жанетт, она была на несколько лет старше Фила. Вскоре Мэри прекратила незаконную интрижку, частью потому, что считала себя виноватой, частью потому, что чувствовала: Фил больше нуждается в ней, чем любит ее. К тому же она чувствовала себя

неуютно в кругу друзей Фила; ей не нравились его консервативные музыкальные пристрастия, в которые не входили популярные песни, и она сомневалась в его якобы искушенности (недавно приобретенной!) в вопросах секса. Фил настаивал, в письмах умолял ее снова встретиться, говорил, что они как никто понимают друг друга; он противопоставлял это взаимопонимание своему видению *koinos kosmos*, изобилующему псевдореальностями, напоминавшими фантастические романы, которые вскоре появятся. Взрослые люди должны охранять их «уникальный центр сознания» с помощью «множества ярких и фальшивых «личностей-масок», чтобы они ослепляли тех людей, с которыми мы встречаемся». Человек тянется к кому-то, рядом с кем все маски могут быть сброшены. «Есть в твоей жизни тот, с которым ты можешь ощутить такую свободу, Мэри?»

Но той женщиной, которую Фил обречен был оплакивать в дальнейшие годы как свою величайшую любовную утрату, была Бетти Джо Риверс. Он и Ласби, оба были восхищены ее красотой как-то апрельским днем 1949 года, когда она стояла снаружи перед витриной Art Music. Фил подумал, что ее короткие темные волосы напоминают шлем валькирии из оперы Вагнера. Когда она вошла в магазин в поисках подарка для своего привлекательного приятеля (стипендиата по английскому языку в Калифорнийском университете), Фил тут же взял ее за руку и повел в кабинку для прослушивания. Когда она упомянула Букстехуде[73] (композитор, записи которого заказал ее приятель, но о котором она ничего не слышала), Фил решил, что она обожает классическую музыку, и стал приносить ей альбом за альбомом для ее одобрения. Когда она сделала покупку, он проводил ее до дома. Они всю дорогу пылко разговаривали, и на подходе к дому Бетти Джо пригласила Фила зайти на сэндвич. Она вспоминает, что он «позеленел» и спросил: «Есть в комнате с другим человеком?»

Их любовная интрига расцвела, и миловидному приятелю было указано на дверь. «Мы слишком приукрашивали роман, как в кино». Они проводили часы, обсуждая книги, музыку и прочие серьезные проблемы. Вскоре Фил начал чувствовать себя комфортно, когда ел в компании с Бетти Джо, но он не хотел ходить с ней по ресторанам. Когда он пытался посещать те события, которые были ей интересны, возникали многочисленные затруднения. «Фил не подходил ни к одному кругу, в которых я вращалась. Его было очень трудно куда-нибудь взять с собой – он был чрезвычайно застенчив». После одного фиаско Фил дал ей два надписанных экземпляра его любимых книг – «Многообразие религиозного опыта» Уильяма Джеймса и «Горшок золота» Джеймза Стивенза. Надписи гласили: «Для Бетти – в обмен на

совершенные одновременно шесть огрехов в компании». Он уверял ее, что мог общаться с людьми на работе, но предпочитал оставаться вне чьего-либо поля зрения, когда распаковывал пластинки. Фил посещал психотерапевта и относил все свои страхи за счет смерти Джейн. «Он всегда чувствовал, что это нечто похожее на германский миф или легенду о человеке, который вынужден искать свою вторую половину, и что он неполная личность, поскольку был рожден одним из близнецов. К этому же он относил свои проблемы с пищей».

Большую часть совместного времени они проводили в квартире у Фила в мансарде на Дуайт-уэй. Его комната была забита бульварными журналами, в которые он пытался продать, впрочем, безуспешно, свои рассказы, которые по жанру были ближе к фэнтези, чем к НФ. Некоторые из них были опубликованы (в сильно сокращенном виде) в начале пятидесятых, когда Фил решил все-таки стать автором научной фантастики. Но его первые рассказы были реалистическими. В тот период он писал их дюжинами, и все они к нынешнему времени утрачены. Вполне понятно, что постоянные отказы публиковать их со стороны редакторов сильно расстраивали Фила, которому очень хотелось стать писателем «мейнстрима» – серьезной литературы – тогда и навсегда.

И хотя Фил все еще оставался неопубликованным писателем, его рвение и убежденность в своем призвании были очевидны для Бетти Джо: «Привлекательность Фила заключалась в его таланте, который бурлил так, что в любой момент мог взорваться». Но Филу недостаточно было считать себя только писателем. Наоборот, он представлял себе счастливое будущее, в котором писателем была бы Бетти Джо, а он приносил бы ей апельсиновый сок, когда она работала. «Я думаю, что он придумывал для себя кого-то, кто разделил бы с ним его подавленное состояние, чтобы он снова продолжал писать, и больше всего, в этом отношении, он нуждался во мне». Бетти Джо выиграла грант для обучения в аспирантуре во Франции и завершала свою магистерскую диссертацию; Фил всячески поддерживал эти ее занятия, несмотря на собственную неприязнь к академическим наукам. Но когда он попросил, чтобы она сделала выбор между Францией и женитьбой, у Бетти Джо сомнений не было. Она уехала во Францию.

В ту осень Фил в последний раз попытался получить академическое образование. С сентября по ноябрь 1949 года он посещал Калифорнийский университет в Беркли. Он был замкнут в самом себе на протяжении двух лет, и это решение, вероятно, было вызвано необходимостью серьезного самоанализа в свете

ужасающих воспоминаний о головокружениях в старших классах. Филу было двадцать лет, когда он записался на курсы истории, зоологии и философии (которая была для него главным предметом), наряду с обязательным обучением на военной кафедре[74]. Один из его преподавателей философии сориентировал его на Дэвида Юма, чей насмешливый и изысканный скептицизм был вполне в духе Фила; особенно он восхищался доводом Юма против причинности: «если А предшествует В, то это не доказывает, что А является причиной В». Фил также посещал лекции о немецких романтиках, которые углубили его любовь к поэзии Гёте и Гейне. Но курсы военной подготовки были для него тошнотворны. Фил поддерживал пацифистские взгляды Дороти и выступал против расширения американского военного присутствия в Корее. Фил будет вспоминать о том, как отказался маршировать с винтовкой и взял вместо нее метлу на парад.

Но копия его характеристики в Калифорнийском университете говорит о том, что он по собственной воле покинул университет в ноябре, на что ему, со всем уважением, было предоставлено официальное подтверждение в январе; его позднейшие заявления о том, что он был «исключен» и якобы «ему было сказано, что он никогда не будет принят снова» из-за пренебрежительного отношения к военной подготовке и/или к напыщенным профессорам, представляются неправдоподобными. После ухода из университета он подлежал призыву в армию, но был признан негодным из-за высокого кровяного давления.

Искандер Гай, друг Фила в Беркли в пятидесятые годы, слышал не столько о бунтарском, сколько о пугающем университетском опыте. Там возобновились приступы головокружений, в чем сыграли свою роль агорафобия и высокое кровяное давление. Как его ни назови, но опыт был угнетающим:

> Он иногда упоминал об ужасном опыте, который он пережил, посещая университет. Весь проклятый мир психологически обрушивался на него, когда он шел по проходу в аудитории. Была такая боль, это не гипербола, сильная чертова боль, как будто весь мир исчезал перед ним, а сам он превращался в нечто болезненное, ранимое, приведенное в состояние боевой готовности, когда в любой момент пол мог уйти из-под ног и он бы перестал быть живым существом. Такого рода заявления он нередко делал. По всей видимости, у него и раньше были нелады с формальным образованием. Он чувствовал, что искалечен этим опытом; он производил

на меня впечатление инвалида.

Интервьюеру Полу Уильямсу, который в 1974 году расспрашивал его о так называемом «нервном срыве», который стал причиной ухода из колледжа, Фил рассказал о своем мятеже и страхе:

> ФКД: […] Ну, я имею в виду, что около девятнадцати лет, хм, я был не в состоянии продолжать делать то, что делал, поскольку я и вправду бессознательно не хотел делать этого. […]
>
> ПУ: И «это» относится к университету в Беркли, военной подготовке и всем вещам такого рода?
>
> ФКД: Да!
>
> ПУ: Значит, и то и другое, а не только одна военная подготовка?
>
> ФКД: Верно. Да, я проходил множество курсов, которые по сути были птичьим дерьмом. […] Я стою и гляжу в микроскоп. И нет там никаких инфузорий, потому что нет предметного стекла. А инструкция такая: «Нарисуй то, что видишь», – и я понимаю, что там ничего нет, вовсе ничего. Но я не могу сознательно согласиться с тем фактом, что это символ всех четырех предполагаемых лет в этом заведении, и я рисую картинки того, чего…
>
> ПУ: Там и быть не может.
>
> ФКД: Поэтому я становился ужасно перепуганным и растревоженным, сам не зная почему. Я бы навсегда испоганил себе жизнь. […] К счастью, я прислушивался к своему подсознанию, поскольку оно было слишком сильным, чтобы его отвергать. Оно вызволило меня из замкнутых сфер, где я был отрезан от широкого и истинного мира, и привело меня в реальный мир. Оно привело меня к работе, к женитьбе и к писательской деятельности, к более существенной жизни. […] Видите – я все еще защищаюсь? Именно потому, что я не окончил колледж.

В то время защищенность Фила еще не проявилась. Никто из друзей не вспоминает никакой апологетики по поводу ухода из университета, а они представляли собой академическое сообщество. Внешнему спокойствию Фила отчасти способствовало уважение к его умственным способностям, которые проявлялись даже в самых эрудированных кругах.

Его главные пробы пера в конце сороковых годов – фрагмент

романа *The Earthshaker* (приблизительно 1947–1948) и законченный «Время собираться» (примерно 1949–1950) – свидетельствуют об остром и страстном воздействии, которое оказало на Фила открытие секса. Сохранились лишь фрагменты первых двух глав *The Earthshaker*; он не завершил его, но наброски и заметки дают некоторое представление об общем замысле Фила. В этих заметках даются ссылки на гностицизм, каббалу и мировое древо Иггдрасиль помимо прочих эзотерических тем. Главные персонажи взяты из юнгианских архетипов: странник, чудесное дитя, выживший из ума мудрый старик, земная женщина, змея. Стиль прозы здесь откровенно реалистичный. Что же касается секса, то он (как утверждают заметки) «акт безрассудства, безличности, бесчеловечности, небытия». Когда женщина вовлекает мужчину в сексуальные отношения, а после этого рожает, ее «власть над мужчиной становится полной». Из глубин материнской ненависти и подросткового отчаяния на сексуальной почве Фил замышлял самый пугающий роман. Неудивительно, что он не смог заставить себя закончить его.

Действие романа «Время собираться», который остается неопубликованным (но, возможно, найдет своего издателя в ближайшем будущем)[75], происходит в маоистском Китае в 1949 году. Три сотрудника американской корпоративной организации, которая была национализирована, ждут китайские войска, которые должны будут взять контроль над территорией. Здесь есть едва намеченная политическая тема (приложенная в качестве окончания), где атеистические китайцы в их рвении сравниваются с ранними христианами, в то время как Америка приравнена к императорскому Риму. Но в романе преимущественно исследуются через ретроспекции состояния душ тех троих сотрудников – Верна, Карла и Барбары, – у которых возникает бурный *menage a trois*[76] в течение их изолированного ожидания. Верн – откровенный циник, который несколько лет назад лишил Барбару девственности (что в романе подчеркнуто особо) и оставляет ее ожесточенной. Она пытается превозмочь эту обиду, снова вступив с Верном в любовную связь. Выходит ошибка. Ее мысли обращаются к молодому Карлу, которого она соблазняет (повторяя свое соблазнение Верном). Карл испытывает духовный шок, впервые увидев ее тело, когда она купалась в пруду на «райской» территории компании:

> Он утратил все свои заветные образы и иллюзии, но теперь он понял нечто, ускользавшее от него раньше. Тела – его тело, ее тело – были почти одинаковыми. Все они были частью одного и того же мира. И не было

> ничего вне этого мира, никакого великого царства призрачной души, никакой области возвышенного. Было только это – то, что он видел своими глазами, […] все мечты и фантазии, которые он так долго лелеял, внезапно утратили свое существование. Исчезли тихо, как мыльный пузырь.

Распутная холостяцкая жизнь, с которой Ласби познакомил Фила и от которой он хотел убежать, женившись на Жанетт Марлен, не привлекала его. С того момента, как он покинул материнский дом, он стал искать свой собственный дом. Семейная фантазия о том, как он будет подавать Бетти Джо апельсиновый сок, в то время как она пишет, была перемещением (как отмечает Бетти Джо) его собственного страха перед вхождением в писательскую жизнь без спутника, к которому можно обратиться, когда его дневные фантазии будут исчерпаны.

Филу нужна была жена. Он также нуждался в руководстве со стороны редактора, симпатизирующего научно-фантастическим сюжетам, умных и изящно написанных в духе «мейнстрима».

И добрый иногда Космос, видя состояние этого юного писателя и, возможно, ощущая внутри него грядущие произведения, в которых Он будет возвеличен, немедленно обеспечил его и тем и другим.

Глава 4
1950–1958

Это было словно жизнь la bohemme[77], великолепная, экстремально романтичная. Были ли мы бедными? У нас был дом, но о наличии денег говорить не стоит… У нас был раз в неделю «Линдоновский соус» с куриными потрохами по десять центов банка. Как мы любили его! С жареной или вареной картошкой.

Клео Мини

Читая рассказы, включенные в этот том, следует держать в уме, что большая их часть была написана тогда, когда в глазах всей Америки на НФ принято было смотреть свысока, как будто бы ее вообще не существовало. Они вовсе не были забавными – насмешки над писателями-фантастами. Это делало наши жизни несчастными. Даже в Беркли – или особенно в Беркли – люди, бывало, спрашивали: «Неужели вы пишете нечто серьезное?» Мы не зарабатывали денег; немногие издатели публиковали фантастику (единственным регулярно публикующим издательством было Ace Books); обращение с нами было воистину жестоким.

Фил, предисловие к сборнику рассказов The Golden Man (1980)

Вы знали [что касается написания научной фантастики в

ранние пятидесятые годы], что у вас в руке грязный конец палки, но вы все же держите ее в руке. Терри Кар (редактор) как-то написал, что если бы Библия была опубликована в серии Ace Double, то ее бы сократили и разделили на два тома, по двадцать тысяч слов в каждом, и Ветхий Завет был бы переименован в «Повелителя Хаоса», а Новый Завет – в «Нечто с Тремя Душами».

Карен Андерсон, жена писателя-фантаста Пола Андерсона

Став настоящим писателем, Фил узнаёт жизнь в гетто научной фантастики и пытается бежать из этого ада, но пишет в нем лучшие свои вещи.

Америка в пятидесятые годы была странным и удивительным местом для того, чтобы начинать там свою карьеру писателя-фантаста, как это собирался сделать Фил.

Это вполне справедливо, что к научной фантастике с презрением относились чистенькие, благопристойные люди, претенциозно относящиеся к культуре. Но столь же справедливо и то, что быстро растущее число читателей (преимущественно детей, но также и ветеранов Второй мировой и корейской войн, которые верили в грядущие опасности нового атомного века), любило такое чтиво. Оно не только предлагало неукротимые события и приключения, оно также осознавало – что редко можно было встретить в традиционной литературе, – что общество неотвратимо движется к коренным техническим переменам, которые, в свою очередь, вынудят переоценить все то, с чем мы связались. Задолго до того, как компьютеры стали непременной бюрократической принадлежностью, ими уже пользовались безумные ученые в научно-фантастических произведениях пятидесятых годов.

В результате этого в первую половину пятидесятых годов был бум бульварных журналов, публиковавших фантастические рассказы. В газетных киосках появились и скоро исчезли *Dynamic SF, Rocket Stories* и даже *Les Adventures Futuristes*. Продажа рассказов в такие журналы не приносила славы и богатства, зато позволяла молодым авторам учиться в процессе и зарабатывать на жизнь научной фантастикой.

Фил, вероятно, чувствовал себя с самого начала

деклассированным как писатель-фантаст, но он оттачивал свой талант. И ему повезло, поскольку он встретился с двумя людьми, которые повели его через одиночество и неопределенность писательской жизни. Первым из этих людей была Клео Апостолидес, на которой Фил женился в июне 1950 года и с которой он провел самые безмятежные (для него лично) восемь лет жизни. Вторым был Энтони Бучер, редактор *The Magazine of Fantasy and Science Fiction*, который помог Филу стать наиболее плодовитым молодым писателем-фантастом той эпохи.

Клео было восемнадцать лет, когда она впервые встретила Фила в Art Music зимой 1949 года. Ей нравилась опера, поэтому они, естественно, стали беседовать. Клео была гречанкой, с темными волосами, решительным лицом, округлой фигурой и приятным смехом, который легко мог переходить в пронзительное хихиканье. Она любила жизнь, знала, что ей нужно, была чрезвычайно любопытна и умна без всякой претенциозности. Клео заметила, что Фил был застенчивым. Она пригласила его к себе домой послушать пластинки. Это было их первым настоящим свиданием.

«Йи Юнь» в Чайна-тауне Сан-Франциско было тем местом, куда Филу нравилось приглашать людей, – из-за его маленьких размеров и индивидуальных кабинок с высокими стенами. Официант по имени Уолтер очень хорошо знал Фила. Клео вспоминает: «Уолтер закончил нас обслуживать. Мы ели мало – мы были слишком взволнованы, – и под конец обеда Уолтер заворчал на нас, упаковал всю оставшуюся еду и заставил нас взять ее домой. Очень мило».

Клео стала постоянным посетителем квартиры Фила в мансарде на Дуайт-уэй. В то время у него было два соседа по квартире: Алекс, высокий белокурый поляк, и Тофик – выходец либо из Турции, либо из Сирии. У всех дела шли хорошо, и чердачная атмосфера, создаваемая скошенными потолками и стенами, покрашенными в яркие основные цвета (превалирующий стиль в Беркли), восхищала Клео. Комната Фила вся была заполнена книгами и пластинками, наряду с голландской печью и маленькой газовой плитой для приготовления самой простой пищи. В конце концов Алекс и Тофик откланялись и Клео въехала туда.

В то время как Фил поочередно работал то в Art Music, то в University Radio, Клео посещала Калифорнийский университет и часто меняла специализацию, в конце концов остановившись на основном курсе обучения. Она читала с жадностью и выбрала для себя занятие скульптурой. Разнообразие связанных с университетом работ на неполный рабочий день, которыми она

занималась, позволили ей в конечном итоге обеспечить Филу серьезную экономическую поддержку в первые годы его писательской карьеры.

Еще до встречи с Клео Фил начал вносить плату за старый дом номер 1126 по Франциско-стрит, на западных террасах Беркли. Он должен был въехать туда в мае 1950 года. Фил сделал Клео предложение. Она рассказывает:

> Мне было все равно – выходить замуж или нет, но у нас был очень романтичный период, Фил упомянул об этом, и я согласилась, но было бы вполне хорошо, если бы этого не произошло – если вы живете вместе, то каждый считает, что вы женаты, поэтому зачем придавать этому большое значение? Но Фил беспокоился. В первую очередь, мне еще не было двадцати одного года, и Фил боялся, что его мать может в один прекрасный день сообщить об этом властям. Не знаю, для меня это звучало по-дурацки.

Дороти легко согласилась на второй брак ее сына в возрасте двадцати одного года. Но она не ладила с Клео, которая, как думала Дороти, была нелюдимой и замкнутой в ее присутствии. Дороти была совершенно права: Клео не любила ее из-за рассказов Фила о его детских горестях, и, по ее собственным ощущениям, «Дороти была весьма яркой и независимой женщиной, но ее отношение к другим людям исходило из очень горького взгляда на мир, а я этого взгляда не разделяла».

Некоторые возражения по поводу свадьбы возникли со стороны семьи Клео. Когда Клео сообщила своей матери Александре об этой новости, та расплакалась: Фил не был греком. Ее отец Эммануил, врач из Сан-Франциско, не знал о свадьбе до свершившегося факта, поскольку они считали, что он будет яростно возражать. Но вскоре Фил замечательно поладил с ними обоими, беседуя о медицине с Эммануилом и о греческой драме и религиозных мистериях с Александрой, которая была бакалавром в области классической литературы.

В июне 1950 года церемония состоялась в Городской ратуше Окленда. Клео вспоминает:

> Судья был очень мил с нами. Он уделил нам больше времени, чем священники, которые обычно формально относятся к проведению бракосочетаний, и провел с нами приятную беседу, напомнив, что нам не следует гневаться друг на друга и всегда понимать точку зрения каждого из нас. По дороге домой нам пришлось делать

> автобусные пересадки, и на мне было это ужасное коричневое пальто, и, пока мы ждали второго автобуса, птичка с крыши дома капнула прямо на это пальто. И я спросила: «А что это может предвещать?» А Фил ужасно рассмеялся и сказал, что эту птичку прислала его мать.

Фил описывает их двухэтажный дом в рабочем районе на Сан-Пабло-авеню в «Свободном радио Альбемута» (1985): «Дом был очень старым – одной из самых ранних фермерских построек в Беркли – на участке всего тридцати футов в ширину, без гаража, на болотистой почве, и отапливался только плитой на кухне.

Ежемесячная плата за него составляла двадцать семь с половиной долларов, поэтому мы так долго там и прожили».

Его решение быть писателем оставалось в силе, несмотря на стремительный поток отказов от его реалистических рассказов. В начале нового десятилетия он все еще хотел писать «мейнстрим». Поскольку время для писательства было ограничено его работой в Art Music, Фил был вполне готов к тому, чтобы заниматься своим ремеслом в поздние ночные часы. Он использовал маленькую столовую в качестве своего писательского кабинета; рядом с его рабочим столом и печатной машинкой стоял «Магнавокс» и коллекция пластинок (он всегда писал под классическую музыку), а кошки, например Магнификат, неслышно приходили и укладывались спать у картотечных шкафов Фила. Бланки с извещениями об отклонении его рукописей были приклеены к стенам. Клео клянется, что как-то раз семнадцать рукописей было возвращено в один день. «У нас был маленький почтовый ящичек, и они вываливались из него на порог. Он отправлял их снова. Мы оба знали, что Фил обладает талантом. Мы также знали, что непонятно, как быть с этим талантом, если его произведения не будут продаваться».

В гостиной стоял большой телевизор (Фил доверял товарам Холлиса, которые сам продавал), для которого он сделал защитный фанерный ящик. Крыша протекала (они подставляли ведра во время дождя), и мыши гнездились в щелях кухонного потолка. Клео рассказывает:

> Мы сидели на нашей маленькой кухне и смотрели вверх на мышиные хвосты. Если ты стукнешь ее по хвосту, то мышь уберется. Когда дошло до четырех хвостов, мы решили поставить мышеловку в нашей маленькой кладовке. Кофейная банка подпиралась спичкой, к которой мы привязывали шнурок. За несколько недель мы поймали тридцать две мыши, относили их на соседние пустующие участки и

> отпускали. Проходили недели, и хвостов становилось все меньше и меньше, и это стало вызывать у нас нехорошие чувства. Одна из последних маленьких мышек оказалась очень странной и умной. Мы долго думали – и решили оставить ее.

Фил посвящал всю свою раннюю писательскую энергию написанию «мейнстрима» – массивной «Время собираться» и, по меньшей мере, двух дюжин рассказов, которые не сохранились. Его возвращение к фантастике произошло благодаря встрече с Уильямом Энтони Паркером Уайтом, он же – Х. Х. Холмс или (как его знал писательский научно-фантастический мир) Энтони Бучер.

Под своим настоящим именем – Уайт – Бучер делал обзоры новых детективных романов в газетах *New York Times* и *San Francisco Chronicle*. Под именем Холмс он писал детективы и сценарии для радиошоу «Приключения Грегори Худа». Как Бучер он публиковал научно-фантастические и фэнтезийные рассказы. Сами по себе рассказы Бучера не впечатлили Фила, но его издательские навыки – да. Он в возрасте тридцати восьми лет, совместно с Дж. Френсисом МакКомасом, основал журнал *The Magazine of Fantasy and Science Fiction*. В *F&SF* предпочитали те произведения, в которых особенно ярко выражалась литературная сторона, а не идея научного (пускай и псевдонаучного) изобретения, любимая остальными издателями НФ. Хоть это и нельзя назвать революцией в литературе, но для популярного чтива начала пятидесятых годов это был прорыв.

Бучер был коллекционером записей и ведущим программы «Золотые голоса оперы» на калифорнийском музыкальном радио KPFA. Фил встретился и познакомился с ним в магазине Art Music. Фил позднее напишет в эссе *Self Portrait* (1968): «Благодаря ему я понял, что человек может быть не только старым, но и старым, и образованным, и получающим удовольствие от научной фантастики». Фил действительно был поражен знакомством с этим человеком. Бучер был человеком весьма доброжелательным и мягким, католиком по вере, но, несмотря на это, умным человеком. Бесконечно влюбленный в книги, Бучер читал на ходу, даже когда ходил по улицам Беркли.

Бучер еженедельно обучал писательскому мастерству в своем доме в Беркли на Дана-стрит, 2643. Вечерами по четвергам каждый, кто вносил взнос размером в один доллар (преимущественно собиралось восемь-десять учеников), мог предоставить свои рукописи на взыскательный, хотя и снисходительный суд Бучера. Он читал эти рукописи вслух,

громко, голосом, напоминающим Дилана Томаса[78]. Он постоянно курил, и у него всегда под рукой был пульверизатор. Писатель Рон Гуларт, который посещал занятия Бучера в 1951 году, вспоминает, что тот особо подчеркивал следующее правило для научной фантастики и фэнтези: «Вот вам исходная посылка, из которой следует все прочее: у вас может быть персонаж, который проходит сквозь стены, но никакой другой персонаж в том же самом рассказе не должен быть невидимым. Он нередко ссылался на Герберта Уэллса, говорившего, что свинья, перелетающая через забор, – это фэнтези, но если все животные смогли бы летать – это уже нечто совсем иное».

Изредка на этих занятиях появлялась и Дороти, чьи успехи в «мейнстримном» сочинительстве были не более удачными, чем у Фила. Несмотря на то что он был сердит на Дороти, Фил часто давал ей читать свои рукописи. По ее настоянию Фил посетил несколько этих собраний, но вскоре он стал испытывать те же приступы страха, которые появлялись у него во время занятий в классе. Клео ходила туда вместо него и записывала замечания Бучера по поводу его рукописей. Наконец пришла победа. В *Self Portrait* он продолжает:

> Он не отвечал многим литераторам, но, к моему удивлению, ему приглянулся тот короткий фэнтезийный рассказ, который я написал; казалось, что он оценивает его, исходя из экономической прибыли. Это побудило меня писать все больше и больше рассказов фэнтези, а потом и научную фантастику. После этого в октябре 1951 года я продал свой первый рассказ в тот самый журнал – *F&SF,* – редактором которого был Тони Бучер.

Рассказ назывался «Рууг» (первоначально озаглавленный *Friday Morning*), и Бучер заставил Фила несколько раз переделывать текст, прежде чем он принял его. В самой истории повествуется о том, что собака по кличке Борис понимает: мусорщики, которые вывозят отбросы, на самом деле – инопланетные Рууги, которые процветают на пище, помещенной в металлические «жертвенные урны». Борис лает: «Рууг!» – чтобы предупредить своих хозяев, но он их раздражает, и они собираются избавиться от него. Это человеческое безразличие помогает Руугам:

> «Рууг! Рууг!» – кричал Борис, съежившись под ступеньками крыльца. Его тело тряслось от ужаса. Рууги поднимали большой металлический бак, переворачивая его. Содержимое вывалилось на землю. […]

> Затем Рууги медленно, безмолвно посмотрели вверх в сторону дома; взгляд пробежал по штукатурке и уперся в окно, отбрасывавшее их четко очерченную коричневую тень.

Рассказ «Рууг» был навеян австралийской овчаркой по кличке Снупер, которая жила по соседству и лаяла всякий раз, когда утром по пятницам убирали мусор. Фила давно перестало это беспокоить, но данный рассказ остался для него любимым:

> Здесь в довольно примитивной форме заложена основа всего моего двадцатисемилетнего писательского опыта: попытка проникнуть в голову другого человека или в голову иного создания и посмотреть на мир его глазами или глазами этого создания, и чем больше отличается этот персонаж от нас, тем лучше. […] Я стал развивать мысль, что каждое существующее в мире создание отличается от всех прочих созданий, живущих на свете, и от всех их миров.

Фил всегда с удовольствием вспоминал тот день, когда «в почтовом ящике появилось письмо, в котором не было возвращенной рукописи с отказом в публикации». Бучер заплатил ему деньги (семьдесят пять долларов) за рассказ, который он сможет написать (или напечатать на машинке с головокружительной скоростью при помощи Клео) в волшебном уюте их собственного дома!

> Я снова и снова стал посылать свои рассказы в другие журналы фантастики, и журнал *Planet Stories* купил один из моих маленьких рассказов. Как Фауст, я молниеносно уволился с работы из магазина грампластинок, выкинул из головы карьеру продавца грамзаписей и начал писать – все время писать (как у меня это получалось, я сам не знаю – я работал постоянно до четырех часов утра). Через месяц после того, как я ушел с работы, я продал рассказы в журналы *Astounding* (ныне *Analog*) и в *Galaxy*. За них заплатили очень неплохо, и я понял, что могу построить свою жизнь вокруг карьеры в научной фантастике.

Правда ли, что Фил оставил свою работу после этой первой продажи его рассказа? Нет сомнений, что сам он считал именно так, но Клео вспоминает, что его уволили после его нарушения жесткого кода верности, установленного Холлисом.

Оглядываясь назад, можно сказать, что его проступок был смехотворно мелким. Холлис нанял Нормана Мини в качестве продавца в University Radio. Мини (который женится на Клео десятилетием позже ее развода с Филом) был колоритной фигурой в Беркли: он был на двадцать лет старше, чем Фил, и даже когда-то состоял в коммунистической партии. К началу пятидесятых Мини отказался от всех своих партийных связей, что и подтвердил перед Комитетом по расследованию антиамериканской деятельности в штате Калифорния.

В начале шестидесятых годов Фил весьма печально говорил о никем не доказанной «коммунистической» деятельности Мини, которая привела к тому, что Фила поставили под надзор. В то время, однако, Фил восхищался Мини, который был одним из немногих людей в Беркли, носивших костюм-«тройку» и, как все считали, вскоре мог стать владельцем магазина. Каким бы высокомерным ни был Холлис, он не мог терпеть неуважительного отношения к покупателям женского пола. Топор, как говорится, упал, когда однажды Мини весело ответил на вопрос женщины, спросившей об альбоме «Кунстхалле Оркестра»: «О, вы имеете в виду этот девичий оркестр из Германии?»

Несмотря на свои страхи, связанные с агорафобией, Фил (который в прошлом выступал с яростными протестами против автократического поведения Холлиса) выступал со свидетельскими показаниями от лица Мини на слушаниях по безработице. Несколькими месяцами позже, когда Мини заглянул в Art Music, Фил поговорил с ним, что было замечено Элдоном Николлсом, заместителем Холлиса. Николлс и Фил нравились друг другу, но Николлс был, в первую очередь, предан Холлису, и он считал своей обязанностью доложить об этих неуместных дружеских отношениях. Боль была весьма существенной. Позднее Фил извлек образ Николлса из своей памяти, создавая Хоппи Харрингтона, генетического мутанта, которому сопутствовала удача после ядерной катастрофы, в романе «Доктор Бладмани».

Продажа НФ-рассказов сделала увольнение, по мнению Фила, судьбоносным. Правда, он еще дважды пытался заняться торговлей пластинками. Вскоре после увольнения Фил связался с главными конкурентами Art Music – фирмой Tupper & Reed. Но он уволился почти сразу же. Позднее Фил опишет это время как свой второй «нервный срыв» (первым было его отчисление из Калифорнийского университета):

> Я купил дом, я женился и чувствовал, что должен каждое утро уходить, идти работать, как любой другой

человек. Мое подсознание наполнило меня тревогой, когда я зашел туда, в магазин грампластинок, и я не мог понять – почему. И я начал терять сознание.

Это очевидные […] симптомы истерической конверсии, выводящие тебя из ситуации, в которой ты не хочешь находиться. Позднее я понял, боже мой, что мне придется снова вернуться к розничной продаже пластинок. […] Но меня всеми силами тянуло к писательству.

Клео замечает, что формальные отношения в Tupper & Reed после долгих лет приятельских отношений с Холлисом сыграли здесь решающую роль:

Чувство удушливости было одним из главных его ощущений во время страхов, вызываемых агорафобией. Проблемы с дыханием и глотанием – Фил смешивал физические и социальные сферы, или, скорее, социальная сфера была подоплекой физических симптомов. Во время семейных обедов со своей матерью у него бывали такие физические проявления, которые вынуждали его уходить рано. Иногда он обедал с тремя или четырьмя людьми, с которыми чувствовал себя комфортно. И выездные фуршеты были вполне приемлемы, когда ты был волен приходить и уходить. Но магазин Tupper & Reed был слишком тесным – он находился на третьем этаже, устланный коврами и предназначенный для клиентуры побогаче. Фил не мог ужиться с этим, ему хотелось сидеть дома и писать, вот он и уволился.

У него была еще одна попытка. В конце 1953 года Херб Холлис умер, и его жена Пат попросила Фила помочь в бизнесе. Фил поработал несколько дней, но он уже почувствовал вкус свободы. Он снова уволился. Позднее Фил упомянет работу менеджера по репертуару, которую ему предложат на Capitol Records. Возможно, так и было; Клео об этом не вспоминает, да и в любом случае он отказался.

Фил мог фантазировать по поводу того, чтобы наделать шуму в большом, обширном мире. В душе, однако, он был счастлив от того, что этот мир его не касается. Или даже он воображал, что сможет мирно писать, и ждал этого умиротворения. В конце концов, он уже мог продавать свои НФ-рассказы.

И это позволяло ему, с помощью Клео, кое-как сводить концы с концами.

* * *

В 1946 году из-за нехватки бумаги в военное время было всего восемь журналов научной фантастики, выходящих регулярно. К 1950 году их было около двадцати; к 1953 году их количество возросло до двадцати семи. Они бросались в глаза благодаря обложкам, изображавшим жукоглазых монстров, и сочным названиям вроде *Thrilling Wonder Stories* и *Fantastic Story Magazine*, в отличие от респектабельных «прилизанных» *Collier's* и *Saturday Evening Post*.

Что привело к НФ-буму? В какой-то степени увеличение бульварного чтива шло рука об руку с экономическим процветанием послевоенной Америки. Но и массовое сознание было околдовано возможностями, невиданными и устрашающими, которые представляла собой угроза ядерной катастрофы. Даже до Хиросимы и Нагасаки это было частой темой у НФ-писателей. Совмещение научно-фантастического будущего и американского настоящего придавало жизнеспособность НФ – она могла выражать собой и прекрасный эскапизм, и серьезное пророчество.

Дела у Фила пошли на лад после «Рууга». К маю 1952 года он продал еще четыре своих собственных рассказа. Настало время найти себе литературного агента. Скотт Мередит, который недавно открыл агентство, большую часть своей клиентуры брал из числа постоянных авторов бульварных изданий. Сначала Фил предложил агентству представлять только его «мейнстрим». Но Мередит настаивал также и на НФ. Фил согласился, и их отношения продолжались (хотя не обходилось и без суровых конфликтов) на протяжении всей его карьеры.

Теплые отношения Агентства Мередита[79] с нью-йоркскими редакторами палп-изданий плюс удивительная способность Фила придумывать потрясающие варианты сюжетов породили взрыв на рынке, который к этому уже был готов. Историк научно-фантастической литературы Майкл Эшли отмечает, что к середине 1953 года «писатели-фантасты никогда прежде не чувствовали себя столь хорошо: как только ежедневно появлялись в прессе заголовки их произведений, так тут же эти произведения раскупались. У начинающих писателей были широкие возможности предложить свою продукцию и даже поэкспериментировать».

В 1952 году были опубликованы четыре рассказа Фила в жанре НФ и фэнтези. В 1953 году их уже было тридцать, включая семь, что были опубликованы только в июне. В 1954 году он опубликовал еще двадцать восемь. В 1955 году британское

издательство Rich & Cowan выбрало пятнадцать его рассказов для публикации в твердом переплете (редкая честь, которая почти не предоставлялась фантастам в Америке в то время) под названием *A Handful of Darkness*. Второе собрание рассказов под названием *The Variable Man* вышло в издательстве Асе в 1957 году. Фил позднее был склонен высмеивать литературное качество этих книг, и с ним трудно не согласиться. В лучшем случае это были всего лишь подступы к созданию замысловатых «филдиковских» миров. Но многие из тех рассказов действительно хороши – захватывающие, или до ужаса забавные, или и то и другое вместе. Фил выстреливал этими рассказами по штуке в неделю. Вот выдержка из его послесловия, которое заканчивает сборник 1977 года *The Best of Philip K. Dick*:

> Большая часть этих рассказов была написана, когда моя жизнь была проще и в ней был какой-то смысл. Я легко мог установить разницу между реальным миром и тем миром, о котором я писал. Я часто копался в саду, и ничего фантастического или сверхъестественного я оттуда не выкапывал. […] Но если ты научно-фантастический писатель, то каждый сорняк должен вызывать у тебя подозрение. Когда-нибудь сорняки сбросят свои фальшивые одеяния и проявится их истинная сущность. […] Тогда Пентагон зарастет сорняками, но уже будет слишком поздно. […] Вот из таких соображений происходили мои ранние рассказы. Позже, когда моя личная жизнь стала более сложной, запутанной и не всегда счастливой, все мои печали по поводу сорняков как-то рассеялись. Я постиг тот факт, что величайшая боль приходит, разрастаясь, не с какой-то отдаленной планеты, а из глубины собственного сердца. Конечно, может произойти и то и другое; твоя жена и твой ребенок могут покинуть тебя, и ты можешь остаться и сидеть в одиночестве в собственном опустевшем доме, утративший смысл жизни, а вдобавок к этому марсиане могут пробраться через твою крышу и выкрасть тебя.

Как никогда близко Фил подошел к этой истории с сорняками в блестящем рассказе в жанре «хоррор» под названием «Колония», который появился в июне 1953 года в журнале *Galaxy*, чьим редактором был Гораций Голд; он был также адаптирован для радиопрограммы «Икс минус один» и вышел в эфир в октябре 1956 года. Перенаселенная Земля нуждается в новых мирах, чтобы их колонизировать. Командир корабля Моррисон (это

женщина, что весьма необычно для НФ пятидесятых годов) настаивает на том, чтобы для этой цели была одобрена планета, прошедшая все научные тесты. Затем микроскоп майора Холла пытается задушить его. Холла подозревают в «психотической проекции»[80]. Но приступы продолжаются, будучи вызваны поддельными предметами – это мимикрия злобной жизненной силы планеты:

> Полотенце обмоталось вокруг запястья, рванув его к стене. Грубая ткань облепила лицо, мешая дышать. Холл бешено отбивался, пытаясь вырваться. Наконец полотенце отпустило его. Он упал, поскользнувшись на полу, ударился головой о стену. Сильная боль, из глаз посыпались искры.
>
> Сидя в луже теплой воды, Холл посмотрел на вешалку с полотенцами. Теперь полотенце не шевелилось, как и все прочие. Три полотенца на вешалке, все три абсолютно обычные. Неужели ему привиделось?
>
> […] Ремень обвился вокруг запястья, и попытался раздробить его. Ремень, укрепленный металлическими звеньями, чтобы поддерживать краги и оружие, был прочным[81].

В конце вся исследовательская команда поглощается фальшивым спасательным кораблем, в который все они забрались голыми (поскольку больше не могли доверять своей одежде). Фил писал о рассказе «Колония»: «Высшая степень паранойи – это не когда все против тебя, а когда всё против тебя. Вместо того чтобы сказать: «Мой босс плетет интриги против меня», – следует говорить: «Телефон моего босса плетет интриги против меня!»

Какое-то время Фил с радостью поддерживал дружеские отношения с редактором журнала *Galaxy* Голдом. На протяжении 1954 года они переписывались на тему их обоюдных проблем с агорафобией, и Фил поведал, что впервые испытал ее в «эмоциональном возрасте» девяти лет и шести месяцев (когда они с Дороти переехали из Вашингтона в Беркли). Но Голд, в типичной для издателя бульварной литературы манере, редактировал рассказы, не советуясь с автором. Такая практика привела многих писателей (финансово зависимых и получающих три или четыре цента за слово, милостью Голда) к отчаянию, и Фил был в их числе: «Несмотря на то что *Galaxy* был главным источником моих доходов, я, сказал Голду, что не стану продавать ему ничего до тех пор пока он не прекратит переделывать мои рассказы, после чего (в 1954 году) он вовсе

перестал что-либо у меня покупать».

Такова была жизнь писателей-фантастов, даже при лучших издателях. Но Фил был весьма любезен, доверив Голду исправить окончание его лучшего фэнтезийного рассказа «Король эльфов», который появился в сентябре 1953 года в родственном *Galaxy* издании под названием *Beyond Fantasy Fiction*. Седрах[82] Джонс, старик, живущий в заброшенном городке, предлагает укрыться от дождя оборванной компании эльфов, чей хворающий король умирает на постели Седраха. Эльфы разгромлены в жестокой войне против троллей; они нуждаются в новом короле и убеждают Седраха возглавить их. Его сосед, Финеас Джудд, пытается убедить Седраха в том, что тот сходит с ума, но приступ паранойи превращается в реальность, и сам Финеас разоблачает себя, оказавшись злобным и страшным Верховным троллем. В конце, после разгрома Финеаса и его троллей в жестокой битве, Седрах отказывается от трона. Именно Голду принадлежит мысль о том, чтобы заставить Седраха изменить свое решение, вернуться и возглавить эльфов. Исправленный Филом конец звучит так:

> С факелами в руках эльфы закружились вокруг него в хороводе.
>
> В неровном свете пламени Седрах разглядел носилки. Носилки напоминали те, на которых всего неделю назад в его дом принесли прежнего короля эльфов, но были много больше. На этих вполне мог уместиться взрослый человек. Ручки новых носилок покоились на плечах нескольких десятков эльфов-солдат.
>
> Возглавляющий процессию эльф поклонился Седраху в пояс. «Пора в путь, Сир».
>
> Седрах, кряхтя, взобрался на носилки. Разумеется, он предпочел бы прогуляться пешком, но что поделаешь, ведь даже маленькие дети знают: только сидя на жестких деревянных носилках, человек может попасть в Королевство эльфов.

Делались попытки точно разделить между собой поджанры НФ и фэнтези; в 1981 году Фил заявил, что «это невозможно»: «Фэнтези предполагает изображение того, что, по общему мнению, считается невозможным; научная фантастика предполагает изображение того, что, по общему мнению, может оказаться возможным при соответствующих обстоятельствах. В этом суть решения вопроса […]». Тогда, в 1954 году, эта разница была вполне ясна молодому писателю. Он смотрел на свои «фэнтезийные» персонажи как на проекции юнгианских архетипов. «Я понял нечто важное, и этим пониманием

воспользовался. Взгляд внутрь себя. И рассказы об этом. Рассказы, содержанием которых является внутреннее психологическое состояние, и оно накладывается на внешний мир, становясь тройственным – измеримым, реальным и конкретным». В письме, написанном в сентябре 1954 года, Фил признается, что жанр фэнтези был его «задушевной любовью», но этот жанр «уходил с рынка». «Писатель не может работать в вакууме. Если народу не нужно или не нравится то, что он делает, то все его выстрелы – вхолостую».

«Самозванец» был единственным рассказом, который купил у Фила один из самых известных издателей НФ Джон Кэмпбелл для своего журнала *Astounding* (июнь 1953). В рассказе речь идет о том, что Земля находится в состоянии войны с Внешними планетами, и Спенс Олхэм, разработчик системы обороны, оказывается под подозрением, что он вражеский «гуманоидный робот» (позднее Фил введет термин «андроид»), который убил настоящего Спенса – человека. В робота вмонтирована У-бомба, которая должна взорваться, как только будет произнесена ключевая фраза. Этот робот «мог стать Олхэмом как телесно, так и умственно. В него внедрена искусственная система памяти с фальшивыми воспоминаниями. Он мог выглядеть как Олхэм, обладать его воспоминаниями, его мыслями и интересами, выполнять его работу». Поэтому служба безопасности намерена убить Спенса, который не может убедить ее представителей в том, что он настоящий человек. Он и на самом деле таковым не является, и понимание этого приводит в действие У-бомбу. Тема имплантированной памяти останется для Фила одним из излюбленных средств анализа возможностей «фальшивой» реальности.

В «Самозванце» робот Спенс завоевывает больше симпатий читателей, чем «вычисляющие» и преследующие его люди. В рассказе «Человек» (журнал *Startling Stories*, зима 1955) пришелец также принимает человеческое обличие. Лестер Херрик был ничтожеством, и его жена предпочитает добрую и любящую душу пришельца, вселившуюся в тело, – и она спасает жизнь пришельца, когда власти преследуют его. Фил писал о «Человеке»:

> Мои взгляды не изменились с тех пор, когда я писал этот рассказ, – в пятидесятые годы. Не важно, как ты выглядишь и какова планета, на которой ты родился. Для меня понятие добра делает различие между нами и скалами, палками, металлами, и так будет всегда, в каком бы обличье мы ни представали, куда бы мы ни

шли, кем бы мы ни становились. Для меня «Человек» – это мое кредо. Может, оно станет и вашим.

Редактор Кэмпбелл бессменно возглавлял журнал *Astounding* с 1937 по 1971 год. Вот его «архетип научно-фантастического рассказа»: «Мне хотелось бы получить рассказ, который можно было бы напечатать в журнале в двухтысячном году, и он бы выглядел тогда современным приключенческим рассказом. Никакой псевдонауки, а технология – в то время уже будет такая технология». Кэмпбелл, как вспоминает Фил, «не только считал мои произведения никчемными, но и называл их бредовыми». Кэмпбелл также сказал Филу, что, с его точки зрения, псионика (к примеру – телепатия, телекинез, ясновидение) «является необходимой предпосылкой для написания научной фантастики». В то же время Фил продолжал писать рассказы – особенно следует отметить «Мир таланта» (1954) и «Псионик, исцели мое дитя!» (1955), – в которых используются парапсихологические возможности, хотя интерес к ним достигнет своего пика лишь в шестидесятые годы, когда эти силы будут играть ключевую роль (как непревзойденные средства создания многочисленных реальностей) в таких шедеврах, как «Сдвиг времени по-марсиански», «Стигматы Палмера Элдрича» и «Убик».

Прежде чем отойти от рассказов Фила, следует упомянуть «Вкус уаба», который впервые появился в журнале *Planet Stories* (1952). Это очаровательная притча о марсианском свиноподобном создании – «уабе», – слюнявом, неуклюжем создании с доброй и просвещенной душой. На земном космическом корабле не хватает продовольствия, и капитан Франко (укол в адрес испанского генералиссимуса) решает, что мясо уаба будет хорошей пищей. Уаб, в высшей степени любезный, возражает: «Съесть меня? Лучше было бы, если бы вы стали обсуждать со мной вопросы философии, искусства», – но капитан Франко убивает и ест уаба, который блестяще перевоплощается в человека – в самого капитана. Шестнадцать лет спустя в рассказе, названном «По обложке», Фил снова прибегает к помощи неутомимого уаба. Земная издательская фирма продает книги классиков в обложке «с золотым тиснением из шкуры марсианского уаба». Слишком поздно фирма узнает, что шкуры уаба продолжают жить и меняют тексты классических произведений, чтобы провозгласить истину о вечной жизни.

К 1954 году внимание Фила сосредоточилось на сочинении романов – на научно-фантастических и реалистических, – и этому он отдавал все свое время. Налет бульварной литературы стал опадать с его творчества. Победа над ней была важнейшим делом.

American News Company – гигантский дистрибьютор – распоряжалась большей частью бульварной литературы. Но ANC была ликвидирована финансовым рейдером, который выяснил, что ее склады, как реальная недвижимость, были более дорогостоящими, чем доходы, приносимые журналами. Писатель-фантаст и редактор Фредерик Пол так описывает хаотические последствия этого:

> Издатели бросились в офисы разнообразных «независимых» [конкурирующих дистрибьюторов] с шляпами в руках и со слезами на глазах. Большинству из них было категорически отказано. Было так много номеров, что «независимые» не могли справиться с этим объемом, с хранением, сортировкой и отгрузкой. Они были рады взять *Life* и *Time*. Но кому захочется возиться с палп-журналами, выходящими раз в два месяца, в которых печатались истории о космических кораблях и монстрах? Особенно если у издателя недостаточно финансовых средств и у него вошло в привычку выпрашивать деньги у дистрибьюторов, чтобы заплатить аванс полиграфистам?

Фантастические рассказы, даже учитывая объем и скорость, с которой Фил их писал, перестали приносить деньги. Наряду с подработками Клео они позволяли разве что сводить концы с концами. У Клео нехватка денег не вызывала серьезной озабоченности. Ее рассказы о том, как они перебивались, забавны:

> С фильмами были некоторые трудности. Кинотеатр «Рокси» рядом с университетом и Сан-Пабло-авеню был эстетским, и в нем показывали странные зарубежные фильмы, которые мы хотели посмотреть, но у нас не всегда хватало денег. Поэтому мы, бывало, заходили в фойе, и, когда администратор поднимался наверх, чтобы посчитать деньги, что занимало несколько минут, мы в считаные секунды прокрадывались внутрь. Но иногда мы не успевали этого сделать, и это сбивало Фила с толку; тогда он устраивал представление – прощался со мной, покупал мне один билет, а сам уходил домой: он считал, что это будет неправильно, если я тоже пойду домой.

Фил переносил нищету с большим трудом. И не потому, что он стремился к роскоши. Нищета была унижением, отметиной его неспособности – и нежелания – жить так, как американские работающие мужчины. Фил знал, что его призвание – быть

писателем, но знал он также, что писательство позволяет ему скрываться от мира. В мае 1978 года он писал дочери Лоре, объясняя, почему не мог присутствовать на ее школьном выпуске:

> Я действительно не очень хорошо одеваюсь, и чувствую дискомфорт в формальных ситуациях. Я полагаю, корни этого в том, что я всегда был беден и стыдился этого. В какой-то период моя жена [Клео] […] и я ели собачий корм. Я не ходил в колледж, а работал в магазине теле- и радиотоваров. У меня были обширные познания в некоторых областях, таких как литература, теология и классическая музыка, но во всем остальном я невежда. […]
>
> Перед властями и деньгами я чувствую себя неуютно, и я счастлив, когда нахожусь, что называется, на улице. […] Моя единственная амбиция осуществилась – это мое писательство, которым я очень горжусь. Я удачлив, в том смысле, который я для себя вкладываю в понятие удачи, но вне писательства моя жизнь была сплошной неудачей.

Такое подавленное настроение часто проявлялось у Фила в письмах, когда он отказывался от поездок. Но его стыд за нищету ранних лет (к 1978 году Фил уже не был нуждающимся) был вполне подлинным. Это снова проявилось в 1980 году в предисловии к сборнику *The Golden Man*. Фил рассказывает о покупке «собачьего корма», о которой упоминалось выше:

> И вот я в магазине товаров для домашних питомцев Lucky Dog, на Сан-Пабло-авеню в Беркли, штат Калифорния, в пятидесятые годы, и покупаю там фунт рубленой конины. Причиной того, почему я, писатель-фрилансер, живу в нищете (а я признаюсь в этом впервые), является то, что я в ужасе от фигур Власть имущих, вроде боссов, копов и учителей; я хочу быть свободным писателем, поэтому могу быть сам себе боссом. […] Но внезапно получается так, что, когда я вручаю тридцать пять центов продавцу зоомагазина Lucky Dog, я оказываюсь лицом к лицу со своей Немезидой. Как гром среди ясного неба, передо мной оказывается фигура Власть имущего. От Немезиды нет спасения – я об этом забыл.
>
> Продавец говорит мне: «Вы покупаете это конское мясо, и вы едите его сами».

Клео указывает, что в магазинах для домашних любимцев конское мясо продают людям, не задавая лишних вопросов, и что жареная конина очень недурна. Что же касается чувства унижения Фила: «Все, что я могу сделать, так это сказать вам, что в то время он унижения не чувствовал. Он выработал свой *modus vivendi*[83] и следовал ему почти восемь лет. Поэтому высказывание: «О, как ужасно быть таким бедным», – это поздняя реконструкция».

У Фила была его жена, его дом, его кот, его «Магнавокс» и его урочные занятия писательством, которые заканчивались далеко за полночь (обычно это длилось до двух часов ночи). В начале дня он читал запоем – Флобера и Бальзака, Тургенева и Достоевского, книги по метафизике и гностицизму, последние фантастические произведения Брэдбери и Ван Вогта. Он был увлечен немецкой поэзией и был (со времени в Охае) сносным латинистом. Он восхищался, помимо модели прозы, простотой стиля и напряженностью «Анабасиса» Ксенофонта. Его приводил в восторг роман Джойса «Поминки по Финнегану», которому он придумывал множество интерпретаций, например, такую, что текст представляет собой сон Эрвиккера, от которого тот в конце романа пробуждается. Клео говорит: «В символических терминах, Филу хотелось бы быть Джеймсом Джойсом без дураков».

В интервью Греггу Рикману Фил вспоминал время, когда рассказал Клео о своем последнем читательском открытии – «Путеводителе колеблющихся» Моисея Маймонида[84] (средневековый иудейский[85] трактат, исследующий границы разума в вопросах веры): «Она [Клео] говорит: «Я беседовала с одним из своих профессоров, и тот сказал мне, что во всех Соединенных Штатах нет, вероятно, больше ни одного человека, который бы в настоящее время читал Моисея Маймонида».

Клео не помнит этого эпизода. Ее объяснения того, как об этом рассказывал Фил, предлагает один из его многочисленных друзей (в других словах, но, по сути, то же самое):

> Можно было бы сказать, что это неправда. Если мы говорим о Филе, то, по существу, это правда – даже если этого и не было. Так Фил выстраивает существовавшую ситуацию, и очень трудно описать ту самую ситуацию без того, чтобы точно определить ее реальную жизненную дату. Но тем не менее так он поступил.
>
> Или, как Фил мог бы сказать сейчас, это как раз то, что создает реальность.

Клео описывает Фила как человека формально не религиозного, но обладающего «сильным чувством мистического единства со вселенной». Они разделяли идеи «анимизма», что

делало их наблюдательными, и они могли легко восхищаться мелкими ежедневными событиями. Фил несколько раз испытывал такое чувство, будто бы он покидает свое тело. В интервью 1977 года он вспоминал один из таких моментов: «Возвращаясь к тому времени, когда я начал писать научную фантастику, как-то ночью я спал, и проснулся, и увидел фигуру, стоящую у края кровати, глядящую вниз на меня, и я забормотал от удивления, и тут же проснулась моя жена и начала визжать – она тоже ее увидела, – я ее узнал и стал убеждать жену, что это всего лишь только я, и бояться нечего». Клео добавляет (в 1987 году): «И тогда я поняла, что это всего лишь отражение луны, светящей сквозь окно над лестницей на многослойную стеклянную дверь, ведущую в спальню». В этом интервью Фил продолжает:

> Это было где-то в 1951 году, и в течение следующих двух лет мне почти каждой ночью снилось, что я снова в том доме, и у меня странное чувство, что в 1951–1952 годах я видел самого себя в будущем; как это происходило, мы не понимали, – я не стал бы называть это чем-то оккультным, – могу лишь сказать, что это было нечто непонятное: я отваливался обратно, в то время как мое будущее «я» из моего сна знало об этом доме, возвращалось туда и встречалось со мной. Это послужило мне чем-то вроде материала для написания рассказов в жанре фэнтези в начале пятидесятых годов.

На протяжении своего брака с Клео Фил продолжал поддерживать семейные связи – не только с Бабулей, но и со своей тетей Мэрион, которая вышла замуж за Джозефа Хаднера, талантливого скульптора, который обеспечивал семью, работая на Оклендской верфи. У Мэрион проявился талант актрисы и художницы. В 1944 году она родила двуяйцевых близнецов, Линн и Нила, и была заботливой и любящей матерью. В конце сороковых годов у Мэрион стали проявляться тревожные симптомы, после одного из таких случаев она была направлена в Государственную больницу в Напе, где ей поставили диагноз – кататоническая шизофрения. К 1952 году приступы у Мэрион стали более частыми и длительными.

Дороти порекомендовала некую неортодоксальную женщину-врача, которая, с согласия Джозефа и самой Мэрион, взяла ее к себе в дом. Вскоре после этого Дороти рассказала Филу и Клео, что у Мэрион бывают чудесные видения, которые компенсируют болезненные обстоятельства ее жизни. Как и в случае смерти Джейн, серьезность состояния Мэрион не была распознана. Она могла стоять по несколько часов подряд, и, когда ее спрашивали,

она боялась, что не сможет дышать, – эту жалобу Дороти расценивала как симптом ее психического состояния. Линн Сесил вспоминает: «Когда она умирала, Дороти была вместе с ней. Мэрион сказала, что она не может дышать, и Дороти стала успокаивать ее, не понимая, что это действительно так, пока не стало слишком поздно. Сама Дороти рассказала мне об этом. Только тогда, когда она поняла, что случилось, вызвали доктора».

Мэрион умерла 11 ноября 1952 года. Фил был разозлен на Дороти из-за того, как она себя повела. Он всегда считал, что у его матери фанатичный культ здоровья (в число ее интересов входила теория оргонного генератора Райха[86] и дианетика[87]). Трагедия смерти Мэрион подлила масла в огонь. Отнюдь не ясно, был ли Фил прав в своих обвинениях; ее муж одобрял курс лечения, а пребывание в больнице не приносило ей облегчения. Дороти попыталась – в журнале посещений ее имя записано через неделю после смерти Мэрион – объяснить, что случилось. Ее акцент на «двух мирах» души соответствует увлеченности Фила *idios* и *kainos kosmos*. Мать и сын – возможно, помимо собственных желаний – были духовно близки:

> […] Я не думаю, что мы когда-нибудь узнаем, что случилось с ней в физиологическом смысле, но мы знаем, что случилось с ней в психологическом смысле: она решила больше не жить. […] Ее влечение к собственному иному миру, который все мы считали придуманным ею, было чрезвычайно сильным; […] она хотела сохранить его любой ценой, но она думала, что может это сделать, сохранив и реальный, физический мир вокруг нее. […] Но чем больше я узнаю о мыслях других людей, тем большей истиной представляется мне, что у каждого человека есть другой мир внутри и что никто, на самом деле, целиком не принадлежит вот этому миру. В других мирах все мы чужаки. […] Никто из нас целиком не принадлежит этому миру; […] он не принадлежит нам. Ответ заключается в том, чтобы реализовать чей-то иной мир посредством этого. […]

Вскоре Дороти получила уникальную возможность достичь подобного осуществления. До смерти Мэрион отношения Дороти с Джозефом Хаднером были весьма прохладными. Но Хаднер, который был уверен, что обладает особыми психологическими способностями, получил послание от Мэрион после ее смерти, в котором она убеждала его, на удивление, взять в жены Дороти. Она отказывала ему безоговорочно несколько раз, но как-то внезапно, ей самой на удивление, все ее возражения исчезли. Они

поженились апреле 1953 года и жили счастливо восемнадцать лет. И Дороти, наконец, стала матерью близнецов, посвятив себя Нилу и Линн, которых без родной матери некому было воспитывать.

Снова реакция Фила была болезненной и гневной. Фил считал Хаднера незваным гостем, который вторгся в их семью и оттеснил не только Эдгара, но и (благодаря близнецам) его самого. Согласно другу Фила, Искандеру Гаю, темнокожему писателю и художнику, который со своей женой арендовал маленький коттедж позади дома, где жили Джо и Дороти в Беркли, «Джо пытался найти повод, чтобы Фил согласился общаться с ним. Фил отказывался от этого напрочь». Фил иногда заходил к Дороти (не уделяя никакого внимания Хаднеру, если он был дома), и это представляло трудность как для матери, так и для сына: Фил уходил ворча, а Дороти часами оставалась бледной и изнуренной.

В отношениях Фила с отцом не было никакого утешения. Эдгар перебрался в Пало-Альто, куда приехали Фил и Клео, чтобы его навестить. Помимо ожесточенных споров – Эдгар был упрямым консерватором, а Фил и Клео, будучи из Беркли, либералами, – их разговор был скучен. Клео вспоминает: «Общаясь с Эдгаром, удивляешься, существовали ли у него какие-то эмоции. Общаясь с Дороти, понимаешь, что они у нее были, но оказались подавленными». По мере того как длился этот визит, «становилось ясно, что никаких точек соприкосновения не было». Эдгар больше никогда не приглашал их в гости.

Но Филу удавалось, вместе с Клео, создавать свой собственный мир. Они прогуливались по Сан-Пабло-авеню, заглядывали в кафе и магазины и пинали ногами шины подержанных автомобилей. Эти недолгие прогулки (он заходил также на Шаттак-авеню неподалеку от University Radio Холлиса) стали изобразительным фоном для ряда реалистических романов пятидесятых годов. Филу также нравилось сидеть там на ступеньках и наблюдать за тем, как играют дети на другой стороне улицы, до тех пор, пока он не стал опасаться, что об этом могут подумать соседи (такие же опасения возникли у Фила в начале семидесятых годов, когда он помогал соседской девочке разносить газеты; независимо от того, был ли он жертвой домогательств в юности или нет, это вызывало у него весьма значительное беспокойство и чувство вины).

Будучи публикующимся писателем-фантастом, Фил, конечно, стал знаменит. В 1953 году он язвительно заметил: «Наконец-то стал писателем. Ватаги маленьких мальчиков, поклонников научной фантастики, приветствуют меня на улицах. О, слава!».

The Elves, Gnomes, Little Men's Science Fiction, Chowder and Marching Society – так называлась самая активная группа фэнов научной фантастики в Беркли. Фил не относился к их числу. Ему не хотелось быть обитателем жанрового гетто, хотя он писал продаваемые жанровые произведения. «Мои ранние поклонники были троллями и придурками. Они были ужасно невежественными и странными людьми». Но Фил время от времени писал и для их любительской прессы – фэнзинов. Его очерк *Pessimism in Science Fiction* появился в 1955 году в журнале *Oblique*; там Фил заявил со всем уважением к «мрачному настроению» фантастики, посвященной последствиям постъядерного холокоста: «В научной фантастике писатель ничуть не склонен к тому, чтобы играть роль Кассандры, – он чувствует свою полную ответственность за то, что, независимо от пригрезившихся ему сновидений, марсиане обязательно явятся и уничтожат все наши запасы оружия для нашего же всеобщего блага».

Несмотря на свое отрицательное отношение к троллям и дурачкам, он присутствовал в 1954 году на «Уорлдконе», где познакомился со своим молодым поклонником по имени Харлан Эллисон[88], с которым Фил будет дружить долгие годы. Он также встретился там с Ван Вогтом, и это знакомство в то время сильно его потрясло; «Мир Нуль-А» (1948) был у Фила одним из самых любимых научно-фантастических романов, который насыщен идеями о выдающихся интеллектуальных способностях мутантов, общей семантике и (одна из любимых тем самого Фила) об имплантированной ложной памяти. В свой рассказ 1964 года «Водяной паук» Фил включил ответ Ван Вогта на вопрос, заданный ему тогда, в 1954 году, на «Уорлдконе», по поводу сочинения романных сюжетов: «Что ж, я вам поведаю секрет. Я начинаю писать какой-то сюжет, а потом он свертывается – и все. Тогда я придумываю другой сюжет, чтобы как-то завершить свой рассказ». Фил взял на вооружение такой метод. А Клео вспоминает о Ван Вогте только то, что он был в полиэстровом костюме, какого они никогда не видели. «Костюм светился. Мы были под впечатлением».

Одним из приятелей Фила в Беркли был писатель-фантаст Пол Андерсон; у них установились тесные связи, и они даже собирались совместно написать роман. Они вдвоем могли долго говорить о том, что творится в мире НФ: редакторы, которые кромсают рассказы, теряющиеся роялти, и никакой известности помимо фэндома. Андерсон вспоминает:

> Я матерился, как и все прочие. Вам следует

вспомнить, что в те времена писатель-фантаст, если это только не был Роберт Хайнлайн, находился в самом низу «тотемного столба». Если хочешь работать в этой области, то надо выжимать из себя все, что можно. Но нам не хотелось врать. И никто из нас не склонен был жаловаться на судьбу, поскольку это самое ничтожное из чувств. К тому же мы были молоды, и перед нами открывалось прекрасное «завтра». Ну да, сейчас тебя «топчут», но мы им всем еще покажем.

Когда речь заходила о книгах, Фил отстаивал Натанаэля Уэста[89] и восхищался «Хоббитом» Толкиена. Его чувство юмора заключалось в том, что он говорил с совершенно каменным выражением лица, и слушатели дивились: то ли он шутит, то ли открывает новую необычную истину, – это был излюбленный прием Фила.

Из всей прежней компании Art Music Филу был ближе всего Винс Ласби, который недавно женился, и у него родился сын-аутист. Фил и Клео ухаживали за мальчиком, который сильно повлиял на образ Манфреда (мальчика-аутиста, заключенного в шизофреническом «мире гробниц») в романе «Сдвиг времени по-марсиански». Фил, преимущественно, избегал вечеринок, но чувствовал себя вполне комфортабельно на свободных богемных тусовках в доме у Ласби. Вирджиния Ласби, которая вышла замуж за Винса в 1954 году, вспоминает: «Фил анализировал все на свете, и ему это хорошо удавалось. Он не возмущался, когда его прерывали, но, как только он начинал говорить, его прерывали чрезвычайно редко – все сидели и слушали. Я думаю, он был блистателен, поистине блистателен». Но одна из вечеринок у Ласби стала просто катастрофической. Аллан Темко, писавший статьи об архитектуре, решил в нетрезвом виде ответить Филу песенкой и танцем, пародирующими тех людей, что сочиняют НФ. Винс Ласби говорит, что это «был чудовищный опыт, особенно для Фила». На другой вечеринке Фил познакомился с писателем-реалистом по имени Херб Голд; Фил позднее вспоминал, что Голд дал ему свою визитную карточку, надписав на ней: «Моему коллеге, Филипу К. Дику». «Я хранил эту карточку, пока на ней не выцвели чернила, но я до сих пор благодарен ему за такую доброту (конечно, было приятно, что к писателю-фантасту относятся с любезностью)».

Одним из соседей Фила был писатель Жаккуин Сандерс, который заходил к ним, чтобы посмотреть вместе с Филом и Клео новости по поводу очередных слушаний Маккарти[90]. Когда Сандерс возвратился в Нью-Йорк, он подарил им автомобиль

«Студебекер» 1952 года с окнами уникальной округлой формы. Но Филу эта машина очень понравилась, и он решил научиться водить, а среди его «наставников» в этой области даже был агент ФБР, который расследовал возможную связь Фила и Клео с коммунистами.

Слежка ФБР и допросы были привычным явлением во времена Маккарти. Сатер-гейт[91] было привычным местом для высказывания своих мнений политического характера, нередко весьма левых. Агенты ФБР регулярно фотографировали с ближайших крыш тех, кто выступал среди собиравшихся толп во время «Движения за свободу слова»[92], впрочем, они, эти агенты, занимались этим и десятилетием позже, да и по сей день. Клео, которая обожала болтать на любые темы, часто приходила на тусовки к Сатер-гейт. Фил никогда не ходил туда с ней да и вообще избегал всяких политических собраний.

И все же в один прекрасный день то ли 1953-го, то ли 1954 года агенты ФБР Джордж Смит и Джордж Скраггс постучали в дверь. «Они были одеты, – вспоминает Клео, – в серые костюмы и в шляпы от Стетсона – кроме них в нашем мире никто так не одевается». Они вежливо попросили супружескую пару опознать по фотографиям лица людей, заснятых возле Сатер-гейт. Клео указала на всем известных политических активистов Беркли, а потом узнала и саму себя. Затем Фил и Клео сами стали задавать вопросы, пораженные знаниями агентов об отколовшихся партийных группах. Этот визит был далеко не последним; Клео говорит о Филе и о себе как о людях, «находящихся не столько в испуганном, сколько в нервном состоянии, поскольку «гости», со всей очевидностью, занимались «вылавливанием» людей». Скраггс проявлял дружелюбие и даже предложил Филу давать уроки вождения автомобиля. Как говорит Клео, «мы могли бы подружиться со Скраггсом, но он был несколько старше нас. Они взаправду понимали [тут Клео рассмеялась], что мы только поверхностно связаны с политикой и от нас много не получишь». Но агентам все-таки кое-что было нужно. Они предложили Филу и Клео обучаться в университете Мехико бесплатно при условии, что они будут следить за активистами из числа студентов. Филу и Клео это предложение показалось весьма привлекательным во всем, кроме шпионажа, поэтому они отказались. После этого визиты прекратились.

Важность этих посещений для Фила несомненна. Начиная с 1964 года и далее он считал, что находится под надзором ФБР или какой-то подобной организации; «Красный отряд» в Беркли (как он называл Скраггса и Смита) давал все основания для убежденности в этом, и все его беспокойство по этому поводу

стало основанием событий «2–3–74». Позднее Фил заявлял, что агенты даже просили его следить за Клео. Сама Клео считает, что это заявление весьма сомнительно.

В конце концов Фил научился водить машину. Они сменили «Студебекер» на «Плимут» и, как это было заведено в пятидесятые годы, отправились странствовать по Соединенным Штатам. В 1956–1957 годах они осуществили две разные поездки – и это были те уникальные случаи, когда Фил оторвался от своего писательства со времени женитьбы, – включая посещение Охая (Фил ненавидел тамошнюю школу, но любил горы) и странствия по Скалистым горам (Шайенн, столица штата Вайоминг, – город, важный для действия многих романов Фила, поскольку ему очень нравилось проезжать через эти места); они добирались даже до Серси, штат Арканзас, где женщины все еще носили шляпки-капоры. Им не нравились «пейзажи» вроде Большого каньона. «Нам не интересны были аномалии, – объясняет Клео. – Мы хотели посмотреть страну». Это было в первый раз, когда они решили уехать из Беркли.

Прежняя любовь Фила времен до Клео, Бетти Джо Риверс, вернулась в район Залива в 1956 году и убедилась в том, что он стал более серьезным человеком, чем в 1949 году. Он свободно разгуливал по улицам, и его чувство юмора было превосходным. Клео была его хранительницей и стремилась к тому, чтобы их дом стал его рабочим кабинетом. Фил «запал» на спортивные машины и сменил «Плимут» на «Рено».

Но Филу все-таки очень сложно было являться на публике. Когда Клео купила билеты на спектакль по новой пьесе Сэмюэла Беккета «В ожидании Годо», Фила невозможно было заставить пойти в театр. Даже гости к их обеденному столу отбирались очень тщательно. Он часто испытывал разочарование и выплескивал его в виде гнева на Дороти. Искандер Гай вспоминает, что Фил рассказывал ему: «Он был искалечен психологически своими родителями. Его считали диким и неприрученным ребенком».

В пятидесятые годы стандартной медицинской практикой было прописывать аналоги амфетамина, такие как «Семоксидрин», пациентам с жалобами на тревогу или депрессию. Не совсем ясно, насколько часто Фил употреблял амфетамины, пока жил в Беркли. По крайней мере, в одном случае он получил «Семоксидрин» от отца Клео, который был врачом. Искандер Гай вспоминает, что Фил регулярно принимал его в низких, обычно прописывавшихся дозах по 5 миллиграммов и был весьма искушен в области фармацевтических знаний. Но Клео настаивает, что, помимо образцов «Семоксидрина», полученных

от ее отца, Фил не принимал никаких лекарств, только «Серпасил» (миорелаксант) от тахикардии и аспирин с чайной ложкой соды каждый вечер перед сном.

Наконец, их спокойный брак дал трещину. В 1957 году, через семь лет после их свадьбы, Фил завел свою первую интрижку. Эта женщина была дружна с Ласби, несчастлива в браке и имела детей. Она была темноволосая и чувственная, имела жизнерадостный характер и была откровенно бесстыдна. Когда Клео узнала об их интриге, она села на автобус и отправилась в Солт-Лейк-Сити, оставив Фила, чтобы тот все обдумал. «Нам обоим надо было знать, хочет ли он что-нибудь изменить, и если хочет… впрочем, я не загадывала наперед». Когда Клео через несколько дней вернулась, Фил был в замешательстве: его отношения с той женщиной шли на спад, а спокойствие Клео обезоруживало его. «Он надеялся, что я устрою ему традиционную в подобных случаях сцену». Наоборот, Клео пообедала с этой женщиной, которая призналась ей: «Я никогда не чувствую, что знаю человека, прежде чем пересплю с ним».

Эта интрига не представляла собой серьезную угрозу их браку, но она доставляла Филу большое удовольствие. В начале шестидесятых годов, когда он был женат на Энн, эта женщина несколько раз приезжала к ним домой в Пойнт-Рейес. Фил мог бы гордиться, как вспоминает Энн, «что его бывшая любовница навещает его». Самое важное, что она вдохновила на создание образа соблазнительной Лиз Боннер в его лучшем «мейнстримном» романе о Беркли пятидесятых – «Прозябая на клочке земли» (написан в 1957-м, опубликован посмертно в 1985 году).

Ах, да. Пока все это продолжалось, Фил с 1951 по 1958 год написал восемьдесят рассказов и тринадцать романов – шесть фантастических и семь реалистических. Те самые шесть НФ-романов были сразу же опубликованы, в то время как оставшимся семи пришлось ждать своего часа.

Ему это приносило страдания. И из этого страдания родятся его лучшие произведения.

* * *

Фил никогда не прекращал писать рассказы; по правде говоря, лучшие его достижения в этой области появятся в шестидесятые годы и позднее. Он также никогда не воздерживался от написания романов; даже в 1952 и 1953 годах, напряженно сочиняя фантастические рассказы, Фил закончил два

романа – объемный реалистический «Голоса с улицы» и научно-фантастический «Марионетки мироздания», – и начал третий, реалистический, «Мэри и великан» (см. «Хронологический обзор»).

Но с 1954 года и далее возник вполне определенный сдвиг: с этого момента Фил большую часть своей энергии тратил на написание романов; в своем эссе 1968 года *Self Portrait* он признавался:

> За небольшим исключением, мои предназначенные для журналов рассказы были второсортными. В начале пятидесятых годов стандарты были очень низкими. Я не так много знал о технике письма, а это было существенным… к примеру, проблема точки зрения. Тем не менее мои произведения продавались; жизнь моя становилась все лучше, и в 1954 году на «Уорлдконе» меня с готовностью признали и выделили… Я вспоминаю, как кто-то сфотографировал Альфреда Ван Вогта и меня, и кто-то сказал: «Старый и новый». Но какое жалкое оправдание для «нового»! […] Ван Вогт писал такие романы, как «Мир Нуль-А», а я нет. Но я мог бы сделать это; я мог бы попробовать писать НФ-романы.
>
> Я месяцами тщательно готовился к этому. Я подбирал персонажи и сюжеты; некоторые сюжеты я сплетал вместе, а затем все это записывал в книгу для обдумывания. В конце концов роман появился и был куплен Доном Уоллхеймом для издательства Ace Books под названием «Солнечная лотерея» (1955). Тони Бучер по-доброму отозвался о нем в газете *N. Y. Herald Tribune*; в журналах *Analog* и *Infinity* рецензии также были благосклонными; Дэймон Найт посвятил ему целую колонку – весьма хвалебную.
>
> И в этот момент я очень глубоко задумался. Мне показалось, что писать в журналы становится невыгодно – там платят немного. Ты можешь получить $20 за рассказ и $4000 за роман. И я решил поставить все на написание романов. Я написал «Мир, который построил Джонс» (1956), а после этого «Человек, который умел шутить» (1956). А затем – роман, который показался мне подлинным прорывом, – «Небесное око» (1957). Тони назвал его «лучшим романом года», а в журнале *Venture* Тед Старджон написал, «что он нечто вроде тоненькой струйки хорошей НФ, ради обнаружения которой стоит читать всю прочую бесталанную чушь». Итак, я был прав.

> Я оказался романистом лучшим, чем автором рассказов. И дело тут даже не в деньгах: мне понравилось писать романы, и они были весьма успешны.

Итак, Фил Дик, автор фантастических рассказов, стал Филом Диком, автором фантастических романов. Вышеприведенный отчет включает в себя обычные для Фила неточности и упущения: Агентство Мередита получило рукопись «Солнечной лотереи» в марте, до «Уорлдкона» 1954 года и встречи Фила с Ван Вогтом. Но, по сути, он прав. С 1954 года он писал романы и сам считал себя романистом.

Однако НФ-романы не были его «первой любовью». «Мейнстрим» был для него очень важен, так что в 1956–1957 годах он в его пользу полностью отказался от фантастики. Вот что говорит Клео:

> Публикация обычного, традиционного романа была его задушевной мечтой. Не обязательно «мейнстримного», но только не научно-фантастического. Он даже не ожидал этого – он считал, что такое будет даром богов. Он знал, что его серьезные романы совсем иные, нежели популярная фантастика, и что они не вписываются ни в какую конкретную категорию. Но что-то из вещей, опубликованных в Нью-Йорке, было прекрасным. Стайрон[93] – Фил любил его роман «Уйди во тьму», – Маламуд[94], Сигрид де Лима[95]. Это давало нам надежду, что кто-то возьмет и его произведения.

Искандер Гай вспоминает, как внутри Фила боролись стремление уравновесить желание стать традиционным прозаиком с чувством собственного достоинства как писателя-фантаста:

> У меня возникло такое впечатление, что в то время он писал научную фантастику, потому что это пришлось ко времени, но он молил Бога, чтобы ему удалось опубликовать свои серьезные произведения. Научная фантастика – это то, что ему удавалось. Это был тот формат, в который довольно было вставить всего несколько мыслей, но он ни в коем случае не думал, что этот формат способен вместить серьезные интеллектуальные размышления. Кто, к чертовой матери, обращает внимание на издания в мягкой бумажной обложке?
>
> Когда он, наконец, понял, что он может писать об

обществе и о помрачении человеческого сознания в жанре научной фантастики, он почувствовал, что свободно может делать это. Он, бывало, говорил, что будет продолжать заниматься этим – не важно, хорошо ли, плохо ли. Иногда бывало и так… трудно сохранять ясность видения, когда оно становится болезненным и переворачивает с ног на голову все, что ты помнишь. Но ты можешь попробовать.

Фил говорил о «Ведах». Мир – это то, что ты сотворил своим сознанием. Именно разум создает ту реальность, которая существует. И он не делал из этого проблемы, особенно когда говорил: забейте на это; я не уверен, что смогу это сделать, как обычный писатель, поэтому собираюсь передать все, что знаю, через научную фантастику.

Если Фил стыдился своего жанра, то он не был уверен в собственном таланте. На протяжении всей своей жизни Фил никогда не хвастался, если его представляли к каким-то премиям или когда его хвалили литературные критики. Он очень редко страдал от профессиональной ревности к соратникам по фантастическому жанру, даже когда они добивались значительно большей популярности и успехов, чем он. В то же время он дерзко заявлял о достоинствах собственного таланта. Писатель-коллега Ласби (с которым Фил обменивался рукописями) утверждает, что Фил «был уверен, что в его книгах нет недостатков, – они совершенны. Там были изъяны и недостатки, но он сам их не желал обнаруживать».

Джон Гилдерслив, литературный редактор University of California Press, вычитывал некоторые «мейнстримные» романы в качестве добровольца. Он был огорчен логическими дырами в сюжете: «Его так называемые серьезные произведения дают такое превосходное сюжетное развитие, после все разваливается из-за того, что он использует прием, которому научился, занимаясь научной фантастикой». Фил бывал очень колючим. Гилдерслив вспоминает, как тот угрожал сделать его одним из персонажей: «И мне это совсем не понравится». Здесь проявлялся протеический характер таланта Фила, который так для себя определил Гилдерслив: «Боже мой! Как же ему так удается печатать на машинке! Ему удается напечатать от восьмидесяти до ста слов в минуту – и вот уже готовый рассказ. Он так быстро печатает, что зажимает клавиши перевода каретки справа и слева».

Как бы Фил ни хвастался или, наоборот, стеснялся своей

карьеры писателя-фантаста – все это зависело в большой степени от его окружения. Когда роман «Человек, который умел шутить» вышел в свет в 1956 году, Фил с гордостью приехал к Дороти, чтобы продемонстрировать ей экземпляр этого изданного произведения. Но Чак Беннет, его добрый приятель со времен работы в Art Music, вспоминает странное посещение Фила, который неожиданно вошел и выронил книгу в мягкой обложке на пол:

> Я поглядел на него, на его странное поведение, когда он вошел и проигнорировал книгу, брошенную на пол. Я подошел и поднял ее, это был научно-фантастический роман Филипа Дика. «Что это?» – спросил я. «О да, – сказал он. – У меня это опубликовали, я это опубликовал». Понимаете, даже если бы это была последняя вещь на свете, это была бы для нее сложная, почти гротескная уловка – уронить книгу на пол с видом подчеркнутого безразличия, пройти через комнату, потом обратно, как бы не заметив ее.

Беннет вспоминает, что это была первая опубликованная книга Фила, то есть «Солнечная лотерея». Если так, то рассказ соответствует истине. Клео вспоминает, что, когда появились первые экземпляры издательства Асе в мягкой обложке, Фил сказал ей: «Какого черта они первой напечатали именно эту вещь?» Тем не менее «Солнечная лотерея» – это вполне добротный научно-фантастический роман в стиле Ван Вогта, написанный, когда Филу было двадцать пять лет. Он не заслуживает такого презрения, с которым Фил к нему отнесся, но то, что его «правильные» произведения лежат и пылятся, было для него слишком болезненным.

Поскольку сам Фил рассматривал свою фантастику и прозу как два совершенно разных направления творчества, будет вполне разумным проследить развитие его творчества в обоих этих направлениях по отдельности.

Что касается фантастики, то наибольшее влияние на него производило творчество Ван Вогта, которое противостояло «твердой» научной фантастике Азимова, Хайнлайна и Кларка. Фил считал, что акцент на собственно научных возможностях, а не возможностях сюжета означал, что писатель не справляется со своей работой. Отношение Фила к технологии заключалось попросту в том, что она была деталью, которая позволяет реальности его героев находиться в крайне напряженных состояниях. Независимо от науки, переход от рассказов к романам внес серьезные изменения в сам принцип построения

сюжетов. Для Фила потрясающая посылка: «Что, если?» – лежит в сердце НФ. Рассказы могут развивать подобные посылки без подробной детализации, но романы требовали вызывающих симпатию главных героев. В 1969 году Фил писал:

> В фантастических рассказах происходит действие; в фантастических же романах возникают миры. […] Когда писатель создает роман – кирпичик за кирпичиком, сам строит собственную тюрьму, лишает себя свободы, – созданные им персонажи начинают властвовать над ним и делать то, что им захочется, независимо от воли автора. С одной стороны, это достоинство романа, с другой стороны – его недостаток.

Поскольку рассказы содержат чистое действие, Фил использовал фрагменты своих старых рассказов для раскрутки сюжета романов. (В «Хронологическом обзоре» отслеживаются все эти генеалогические связи.)

В пятидесятые годы было всего два реальных «игрока» на рынке научно-фантастических романов (издаваемых строго в мягкой обложке) – Ace и Ballantine. Но Ballantine не выпускало так много наименований, как Ace, которое выпускало сборники из двух романов (Ace Double) под руководством Дона Уоллхейма. В Ballantine платили немного больше, и в конце 1964 года они купили у Фила роман «Сдвиг времени по-марсиански». Короче говоря, двадцать НФ-романов Фила и сборники рассказов впервые были опубликованы Уоллхеймом – сначала в издательстве Ace, а затем – в DAW (по инициалам Уоллхейма). И это реальный факт: именно симпатия Уоллхейма к его произведениям на протяжении двух десятков лет обеспечивала Филу «бутерброд с маслом».

Не было более стойкого ветерана НФ-«войн», чем Уоллхейм. Он продал свой первый фантастический рассказ журналу *Wonder Stories* в 1934 году в возрасте девятнадцати лет. В 1936 году он организовал свой первый «Всемирный НФ Конвент» (из девяти парней) в Филадельфии. Он был также членом-основателем группы «футурианцев» – фэн-клуба в Нью-Йорке, среди прочих членов которого были будущие писатели Фредерик Пол, Сирил Корнблат и Айзек Азимов. Первый купленный Филом журнал фантастики, *Stirring Science Stories*, издавался Уоллхеймом, как и самая первая антология научной фантастики в мягкой обложке, *The Pocket Book of Science Fiction* (1943). Уоллхейм вспоминает: «Это была первая книга, на обложке которой появились слова «научная фантастика». Ее хотели назвать *The Pocket Book of Scientific Romances*, что стало бы ее смертью». В 1952 году А. А. Уин, магнат палп-прессы, назначил Уоллхейма главным

редактором Ace Books и раскрыл молодому редактору тайны искусства составления аннотаций. «Секреты, которым обучил меня Уин, работают до сих пор. Все их раскрыть я не могу. Но часть секрета состоит в том, что не следует давать краткого содержания рассказа или романа – надо немножко раздразнить читателей, и пусть они решают».

Уоллхейм сразу же обнаружил талант у Фила:

> «Я фэн научной фантастики. Я знал то, чем занимался Фил, и мне нравилась его работа. А другие редакторы – нет. Они смотрели на это как на обычное писательство, а не как на научную фантастику. Фил всегда был непредсказуем. У него была выдающаяся техника. В первых двух или трех главах вы встречаете двух или трех человек, между которыми, со всей очевидностью, нет никакой связи. Но ближе к концу книги все они оказываются связанными друг с другом – я обожаю такую технику. И, конечно, его взгляд на будущее мира всегда сильно отличался от взгляда обычной научной фантастики. Это были чудесные вещи, и я любил его работы. Он один из тех, издавать кого было для меня счастьем. Фил, и [Андрэ] Нортон, и [Сэмюэл] Дилэни были моими любимыми авторами».

В первый и единственный раз Фил и Уоллхейм встретились в 1969 году, а к этому времени их связывали профессиональные отношения уже четырнадцать лет. «Ого, а я думал, что вы семи футов ростом», – сказал Фил невзрачному Уоллхейму, который был одним из тех самых «Власть Имущих». Что касается Холлиса, то главным чувством Фила по отношению к нему было восхищение – Уоллхейм же был противоречивым бизнесменом, чья любовь к фантастике нивелировала его грубость (как, например, его гадкие письма с требованиями редакторской правки).

Жизнь с Ace Books была тяжелой, несмотря на поддержку Уоллхейма. Уоллхейм вспоминает, что «Уин не был щедрым человеком. Это всегда было помехой для меня во время работы в Ace – он никогда не выходил за рамки менталитета издателя бульварного чтива». Уин, который умер мультимиллионером в 1969 году, использовал ключевую тактику в работе с писателями: они всегда нуждались в деньгах, и ты всегда мог завоевать их искреннюю приверженность, надежно выплачивая им небольшие авансы. Роялти могли прийти, а могли и не прийти позднее, но это заставляло писателей продолжать писать. Уоллхейм рассказывает о том, как осуществлялась стандартная сделка в

Ace:

> Мы купим ваш роман для Ace Double [то есть издание двух романов разных авторов в одной книге; «книга-перевертыш»], заплатим вам, может быть, $750, а может быть, $500, и вы получите роялти из расчета 3 % или 4 % от продаж. Это нельзя назвать хорошей сделкой, но таковы правила игры в бизнесе. Позднее, когда книга выходила отдельно, вы получали больше – порядка $1200 или $1500 и роялти[96] из расчета 5 %. […] Я думаю, что могу вспомнить случаи, когда книги приносили роялти в два доллара, а после ничего. Это смехотворно. […] Как-то у нас был издан «перевертыш», в котором одно из двух произведений (согласно отчету Ace о выплате гонораров) принесло автору гонорар больше, чем другому автору второе произведение.

Ace Double, которые теперь ценятся коллекционерами, представляли собой два романа по двадцать тысяч слов каждый, сложенные, как чизбургер, в одной книге с названиями на обеих обложках. Картинки на обложках соответствовали «классическим» палповым темам: жукоглазые пришельцы, космические ракеты, сильные мужчины и кричащие женщины. Уоллхейм запросто изменил заглавия Фила: *Quizmaster Take All* на «Солнечную лотерею» (1955), *Womb for Another* на «Мир, который построил Джонс» (1956), *With Opened Mind* на «Око небесное» (1957) и *A Glass of Darkness* на «Марионетки мироздания» (1957). Из ранних романов только «Человек, который умел шутить» (1956) вышел под тем названием, которое ему дал Фил.

Уоллхейм настаивает на том, что в сами сюжеты Фила он не вмешивался:

> Редактировал я или мой секретарь. Только правописание и пунктуацию. Мы ничего не меняли в его сюжетах – только названия. У меня и в мыслях не было говорить ему, о чем писать. Он был таким, каким был. Он обладал таким необычным умом, и направить его в другую колею было невозможно.

На самом деле Уоллхейм призывал к существенным изменениям в «Солнечной лотерее», «Мире, который построил Джонс» и в «Молоте Вулкана» (1960). Фил уделял этому внимание, хотя далеко не всегда соглашался с требованиями Уоллхейма. Иногда на изменениях настаивал Уин. Это Уин возражал против издания «Ока небесного», названного Филом

«прорывным» и которому Уоллхейм воздал особую честь – опубликовал его полностью, в книге удвоенного объема, без «перевертыша».

«Око…» явился первым романом Фила, в котором успешно представлена владевшая им тема: «Что есть Реальность?» Его подход к этой теме в начале 1955 года, когда он стремительно, за две недели написал «Око…», был крайне сложным в философском отношении. Он усвоил аргумент Юма[97], что мы не можем проверить и подтвердить причинно-следственную связь («то, что В следует из А, не доказывает, что А является причиной В»), демонстрацию епископом Беркли[98] того, что существование физической реальности не может быть объективно установлено (все мы обладаем только чувственными впечатлениями, которые представляются нам реальностью) и различение Кантом[99] ноумена (непознаваемая в целом реальность) и феномена (то есть априорных категорий, таких как пространство и время, которые накладываются на реальность благодаря работе человеческого мозга). У Юнга он позаимствовал теорию проекции: содержание нашей души накладывает сильный отпечаток на наше восприятие. Как *coup de grace*[100], изучение Филом ведической и буддийской философии привело его к тому, что он стал очарован идеей майи: истинная реальность скрыта покровом от непросветленного человеческого сознания. Мы создаем иллюзорные миры в соответствии с нашими страхами и желаниями. И ничуть не удивляет, что оригинальным названием «Ока…», которое должно было подчеркнуть нелинейную структуру тех самых миров, было *With Opened Mind*.

В «Оке…» также присутствуют сильно обозначенные политические темы, взятые из личного опыта Фила, связанного с надзором со стороны ФБР. Роман начинается с того, что Джека Гамильтона выгоняют с работы в оборонной области за якобы коммунистические пристрастия его жены Марши. МакФейф, агент-маккартист, который следит за Маршей, одновременно является другом Гамильтона. В конце романа выясняется, что Марша невинна, в то время как МакФейф оказывается скрытым коммунистом, чьи прописные истины вызывают такое же презрение, что и «охота на ведьм» Сенатора. Гамильтон прекращает заниматься разработкой вооружений и вместе со своим темнокожим сотрудником Биллом Лоусом создает компанию по сборке Hi-Fi стереосистем. Заключительная сцена, в которой Лоус кричит: «Чего мы ждем? Давай работать!» – в то время была для Фила «идеей фикс». Один или несколько персонажей, решающих впрячься в работу, чтобы сделать общество правильней (или лучше), появляются в финале романов

«Время собираться», «Голоса с улицы», «Солнечная лотерея», «Мир, который построил Джонс» и «Человек, который умел шутить».

В основе необходимости перемен таится опасность: вещи не таковы, какими кажутся, но те, кто обладает властью, не желают задаваться вопросами. Фил переживал и одновременно гордился своей репутацией радикала в рамках научной фантастики пятидесятых годов. В исповедальном духе «Экзегезы» (около 1979 г.) он так определяет свою творческую установку в пятидесятые годы: «Может быть, я и не состоял в КП [коммунистической партии], но базовый марксистский социологический взгляд на капитализм, как явление негативное, я считал правильным».

Шкафы были наполнены пылящимися томами с подобным содержанием. Что мог сделать Фил, так это состряпать из них фантастический триллер с альтернативными вселенными. Мастер слогана Уоллхейм без затруднения рекламировал «Око…»: «Миры внутри миров!», «В ловушке безумной вселенной!» И эти рекламные лозунги были справедливы.

Произошел взрыв на беватроне[101] в Бельмонте. Восемь человек (включая Джека, Маршу и МакФейфа) прошли через протонный лучевой дефлектор. Один за другим они начали выходить из своего состояния замутненного сознания, проходя через миры религиозного фанатизма, бесполого пуританства, психопатической паранойи и через болтовню о линии коммунистической партии. Эти миры порождаются их собственной психикой: если кто-то возрождался, то он или она могли проецировать реалии на остальных. (Но как это происходит? Это небольшое псевдонаучное препятствие, допустимое в фантастике.) В неопубликованном «Прологе» Фил говорит, что у каждого из восьми человек – свой роман, чтобы подчеркнуть также и субъективность читательского опыта.

Когда у ветерана войны Артура Сильвестра возникает вселенная религиозного фанатизма, Гамильтон и МакФейф отыскивают священника, который брызгает святой водой на зонтик, и это позволяет им совершить полет по птолемеевой Солнечной системе. Перед их взором предстают кузницы Ада, а затем обширное голубое пространство Небес:

> Это было не озеро. Это был глаз. И этот глаз смотрел на него и на МакФейфа!
>
> Он не знал, Чей это глаз.
>
> МакФейф завопил. Его лицо почернело; его дыхание сделалось хриплым. […]

> Глаз сосредоточил свой взгляд на зонтике; с резким, отрывистым хлопком зонтик загорелся. Тут же его горящие остатки, ручка и два трясущихся мужчины рухнули вниз, как камни.

Что мог А. А. Уин возразить против всего этого? Фанатичная вселенная Сильвестра, в которой инженеры работают над проблемой «поддержания постоянного запаса незапятнанной благодати для всех крупных населенных пунктов», – это просто могло бы разозлить «Американский Легион»[102] и христиан-фундаменталистов. Так что Уин настаивал на том, чтобы Бога Сильвестра («Тетраграмматона»[103]) не называли, а «бабистский»[104] культ назывался мусульманским по происхождению – сколько возмущенных исламских читателей фантастики может быть?

Оглядываясь назад, Фил считал «Око…» притчей, в духе теней Платона на стенах пещеры: указывает нам путь от майи к признанию, приводя нас если не к истине, то к самому факту нашего невежества:

> Мои произведения имеют дело с галлюцинирующими мирами, опьяняющими, и вводящими в наркотическое состояние, и вызывающими психоз. Но мои произведения исполняют роль противоядия – антидота, приводящего к детоксикации, а не к опьянению.
>
> […] Как и в «Оке…», истинное спасение рядом, но люди не могут пробудиться. Да, все мы спим, как и те, кто изображен в «Оке…», и мы должны проснуться и увидеть прошлое сквозь призму сна – иллюзорный мир с его собственным временем, – и спасение приходит извне – извне именно сейчас, не позднее.

«Око…» утвердило двадцативосьмилетнего Фила в качестве одного из лучших молодых писателей-фантастов. Однако, из практических соображений, Асе платил Филу гонорары за его НФ-романы по довольно низкой ставке – тысячу долларов с будущими отчислениями за проданные экземпляры. Были и другие способы поддержать его доходы. Фил вспоминает, что ему было предложено, где-то в районе 1957 года, писать радиосценарии для программы «Капитан Видео». Оплата составляла пятьсот долларов в неделю, но эта работа предполагала переезд в Нью-Йорк, что для Фила было бы ужасом, который он еще не испытывал. (Клео говорит: «Нонсенс!» – работу не предлагали; Фила попросили написать один-единственный

сценарий.) В 1958 году Фил продал, по крайней мере, один сценарий для шоу «Исследуя завтрашний день» на Mutual Broadcast System.

Но, помимо решения экономических вопросов, Филу хотелось прорваться в литературный «мейнстрим», как бы дурно он его ни оценивал. Поэтому в 1958 году, когда потоком полились восторженные отзывы на «Око…», Фил сообщил Уоллхейму и Бучеру – тем самым двум редакторам, которые всячески способствовали его взлету в рамках НФ, – что он оставляет это поле деятельности и полностью посвящает себя написанию обычных романов.

Это было так, как если бы Фил не пытался раньше заниматься этим делом. С 1952 по 1958 год он написал восемь реалистических романов: «Голоса с улицы» (1952–1953); «Мэри и великан» (1953–1955, посмертно опубликован в 1987-м); *A Time for George Stavros* (1955, рукопись утрачена); *Pilgrim on the Hill* (1956, рукопись утрачена); «Разбитый шар» (1956, посмертно опубликован в 1987-м); «Прозябая на клочке земли» (1957, посмертно опубликован в 1985-м); *Nicholas and the Higs* (1957, рукопись утрачена) и «На территории Мильтона Ламки» (1958, посмертно опубликован в 1985-м). (Смотрите краткое изложение сюжетов в «Хронологическом обзоре».) Агентство Мередита усердно их предлагало, но они никому не были нужны. Издательства Crown и Julian Messner были чрезвычайно заинтересованы романом «Мэри и великан» (Для Julian Messner Фил даже переписал текст.) Издательский дом Harcourt Brace был весьма впечатлен романом *A Time for George Stavros*. Это всегда выглядело как поощрение: предлагайте еще, молодой человек, вы талантливы и стоите у порога ваших достижений.

Поэтому неудивительно, что в 1957 году он решил «очиститься» от фантастики. В том же году Фил сообщил Бучеру, что он порвал с Агентством Мередита. Если так, то разрыв был очень кратким. Возможно, попытки агентства отговорить его от усилий писать в русле «мейнстрима» ранили гордость Фила. Но он также получал сильную поддержку в этом переходе из одного жанра в другой. Бучер и Уоллхейм писали письма, всячески одобряя в них это его решение. Но когда Уоллхейм прочитал «Мэри и великана» и *Nicholas and the Higs*, он отнесся к ним весьма прохладно и стал убеждать Фила, чтобы тот вернулся к фантастике: «Я чувствовал, что его научная фантастика была исключительной, а мейнстрим – нет».

После смерти Фила большинство его реалистических романов, написанных в пятидесятые годы в Беркли, нашло своих издателей. Все, что сохранились, без исключения, изображают

темную сторону жизни рабочего класса, в которой идеалы искажены, любовь является редкостью, секс ведет к полному раскаяния самокопанию. Фил гениально использовал юмор в своих фантастических произведениях, но в этих романах редко можно встретить хотя бы след улыбки: нацеленность на «мейнстрим» – серьезную литературу – как бы чуть «заморозила» его. И, конечно, он вынужден был разрабатывать свои сюжеты, основываясь на предрассудках обыденной жизни. В «мейнстриме» взрывы беватрона недопустимы.

В каждом из этих романов есть примечательные герои – неопытные, мятущиеся души, такие как Стюарт Хедли, молодой продавец в магазине телевизоров, в «Голосах с улицы», которому реальность представляется болезненно хрупкой, и Мэри Анн Рейнольдс, молодая женщина, отчаянно пытающаяся внедриться в мир, в «Мэри и великане». Лучший из этой группы романов – единственный, заслуживающий право быть опубликованным в то время, – это «Прозябая на клочке земли», который Фил писал, когда «Око…» в 1957 году стал хитом на рынке научной фантастики.

Роджер и Вирджиния Линдал, живущие в несчастливом браке, отправляются в пригород Лос-Анджелеса из Вашингтона, города детства самого Фила. Они отправляют своего болеющего астмой сына Грегга в пансион в Охае, штат Калифорния. В образе Вирджинии воплотились очень многие черты Дороти, а Роджер представляется отражением Эдгара и самого Фила – по ходу развития событий в романе юный Грегг вовсе исчезает. Роджер начинает работать мастером по ремонту телевизоров в магазине «Продажа и обслуживание современных телевизоров» (этот же магазин появляется на страницах романов «Голоса с улицы» и «Доктор Бладмани»), но он часто оказывается «на краю» из-за смутной тоски по свободе, которая становится угрозой его работе и стабильности семьи.

У Роджера начинается интрижка с Лиз Боннер, матерью одного из одноклассников Грегга. Лиз – простая душа, у нее нет ни интеллекта Вирджинии, ни сводящих с ума угрызений совести. И она греется в лучах своей новой любви к Роджеру. Погруженная в радости любовных отношений, Лиз является таким же чистым воплощением «Вечной Женственности», как и Молли Блум[105]:

> Я люблю тебя, сказала она, я обладаю тобой. Во внешнем мире люди становятся старше; она слышала, как они скрипят; она слышала, как лязгают их кости. В различных домах пыль заполняла посуду и покрывала полы. Собака не узнавала его; он слишком долго был в

отлучке. Никто не знал его; он покинул мир.

[…] Она заставила его открыть рот; она приблизила свой открытый рот к его рту, ее зубы к его зубам и так держала его, пока он двигался внутри нее; затем она прижала свой рот к его рту, когда она почувствовала, что он внутри нее уже в третий раз. Ты когда-нибудь раньше делал это так часто? С ней? Она продолжала плотно прижимать его рот к своему. Ты внутри меня, и я внутри тебя, сказала она, запуская свой язык ему в рот как можно глубже. Я так глубоко в тебе, как только могу: мы обмениваемся друг с другом. Кто я такой? Может быть, я тот, кто должен обратно возвратиться к ней, весь изнуренный и опустошенный. Нет, я тот, кто никогда не будет изнуренным. Я здесь навсегда, лежащий здесь, на земле, не давая тебе подняться, где я могу быть вместе с тобой, обладать тобой, входить в тебя.

Оставим самого Фила удерживать, даже хотя бы в мыслях, этот поток неистовой страсти и путаницу: кто из любовников есть кто.

Вирджиния, узнав об этой интриге, постоянно подкалывает мужа. Один из его идеалов, еще более смутный, чем тоска по свободе, оказывается расколотым. Можно назвать это чувством собственного достоинства, сохранившимся в браке. Вирджиния не оставляет ему никаких прав, и он не может этого переносить. Поэтому Роджер отправляется в путь, оплачивая свой побег телевизором, украденным из магазина, которым он когда-то владел.

Фил вступил в пору стилистического мастерства. И в 1958 году он решает, ничуть не отказываясь от своих амбиций в области «мейнстрима», использовать этот стиль для работы над фантастическим романом. Он назвал его *Biography in Time*, но издательство Lippincott в конечном итоге издало его в 1959 году (первая книга Фила, вышедшая в США в твердом переплете) под названием «Порвалась дней связующая нить». На рынок он поступил не под рубрикой «научная фантастика», а как «роман-предупреждение». Фил постоянно заглядывал в *Time* и *New York Times Book Review*, надеясь найти там первые официальные серьезные обзоры его творчества. Но они не появлялись. Продажи шли слабо. Следующим изданием этого романа, шестью годами позже, стала книга в мягкой обложке издательства Belmont, на которой, типично для научной фантастики, были изображены астронавты и луна, падающая с неба.

Это не суть важно. Достижение Фила в «Порвалась дней

связующая нить» в том, что он написал роман, в котором встречается востребованный научной фантастикой мир будущего с реалиями 1958 года, и здесь весьма к месту оказался его талант автора «мейнстрима». Напряженное повествование – роман читается очень быстро – и прекрасно сформированный мир 1958 года трансформируется в нечто иное.

Рэгл Гамм использует свое экстрасенсорное восприятие, чтобы отвечать на вопросы конкурса «Где теперь появится Зеленый Человечек?» – который проводится местной ежедневной газетой. Рэгл работает дома, и люди, занятые настоящей работой, считают его несколько странным. (Рэгл и писатели-фантасты имеют много общего между собой.) Оказывается, что в 1998 году военные используют его ответы для прогнозирования и перехвата ракетных атак с Луны. В реальном 1998 году связанное с войной напряжение довело Гамма до нервного срыва. И военные построили для него поддельный маленький город 1958 года, город его детства (подобный детскому городку «Уош-35» из произведения «Когда наступит прошлый год»), чтобы там он продолжал работать над вопросами обороны, пребывая в иллюзии. В конце романа Рэгл узнает правду. Роман вполне достойный, за исключением того, что его аккуратное завершение, вполне в духе жанра, никак не объясняет события, которые придают роману его особенную интеллектуальную сюрреальность. К примеру, вот сцена, где реальность Рэгла 1958 года деконструируется так, как не предвидят военные:

> «Пиво у вас есть?», – сказал он [Рэгл]. Его голос звучал забавно. Тонко и отдаленно. Продавец в белом фартуке и колпаке уставился на него, уставился и не двигался. Ничего не произошло. Ни единого звука. Дети, машины, ветер; все замолкло.
>
> Пятидесятицентовая монета провалилась сквозь дерево и как будто утонула. Она пропала.
>
> Я умираю, подумал Рэгл. Или что-то в этом духе.
>
> Его охватил страх. Он попытался говорить, но губы не слушались его. Поглощен тишиной.
>
> Только не снова, подумал он.
>
> Не снова!
>
> Это происходит со мной снова.
>
> Киоск с прохладительными напитками разлагался на частицы. Молекулы. Он видел молекулы, лишенные цвета, лишенные качеств, из которых тот киоск состоял. Затем он посмотрел сквозь киоск в пространство позади него и увидел холмы, деревья и небо. Он увидел, как

киоск перестает существовать вместе с продавцом, с кассовым аппаратом, автоматом с апельсиновым напитком, кранами для разлива колы и рутбира, ящиками со льдом для охлаждения бутылок, жаровней для хот-догов, баночками с горчицей, полками с вафельными стаканчиками, рядом тяжелых круглых металлических крышек, под которыми были самые разные сорта мороженого.

Вместо всего этого был листок бумаги. Он вытянул руку и взял этот листок бумаги. Там было напечатано крупными буквами:

КИОСК С ПРОХЛАДИТЕЛЬНЫМИ НАПИТКАМИ

Развернувшись, Рэгл неуверенным шагом двинулся обратно, минуя играющих детей, скамейки и стариков. Пока он шел, он засунул руку в карман пиджака и обнаружил там металлическую коробку, которую, впрочем, он там и держал.

Он резко остановился, открыл ее и взглянул на листки бумаги, которые там уже были.

Всего шесть. Шесть раз.

Фил пришел к мысли о романе, когда однажды в своей ванной комнате на Франсиско-стрит обнаружил шнурок для включения света, которого здесь никогда не было и не могло быть, – свет в ванной зажигался настенным выключателем. Импульс, вызванный этим, можно объяснить всего лишь причудой или подсознательной уверенностью в существовании альтернативных миров. Фил, будучи писателем-фантастом, выбрал, естественно, последнее. Он был убежден, что темы «Ока…» и «Времен» напоминают друг друга: мы, люди, можем быть обмануты той реальностью, в которой мы обитаем. В «Экзегезе» он писал:

«ОКО», «Нить», «3 стигматы», «Убик» и «Лабиринт» – это один и тот же роман, который пишется снова и снова. Повсюду там персонажи безучастны и вместе лежат на полу (массовое галлюцинаторное восприятие мира). Почему я написал об этом, по меньшей мере, пять раз?

[…] С чем надо покончить, так это с мыслью о том, что галлюцинация – это частное явление. Моей темой является не просто галлюцинация, а объединенная галлюцинация, вкл[ючающая] ложные воспоминания.

Если неудачи в области «мейнстрима» терзали, то жизнь на Франсиско-стрит с Клео приносила утешение. Они были бедны, но счастливы, отличная богемная пара, либертарианцы из Беркли с безграничным интеллектуальным любопытством. В феврале 1958 года Фил написал Александру Топчиеву[106] в Академию наук СССР по поводу советских исследований, которые, как он наслышан, опровергают теорию относительности Эйнштейна: «У меня нет никакого желания считать, что эта теория незыблема. Мне бы вправду очень хотелось иметь убедительные свидетельства того, что в своих главных частях эта теория не подходит к реальности». Это письмо было перехвачено ЦРУ, о чем Фил узнал после того как в мае 1975 года, благодаря Закону о свободе информации[107], запросил собранное на себя досье. Да, время от времени за ним действительно наблюдали.

Побуждение уехать из Беркли нарастало в них обоих. В середине пятидесятых годов, в виде эксперимента, они сняли квартиру на другой стороне залива – в Саусалито, но провели в ней всего одну ночь. Квартира на втором этаже была с видом на Залив, и, когда Фил проснулся и не увидел ничего, кроме воды, его реакцией, как у старого доброго юнгианца, было желание увидеть в просторном Заливе его собственные неодолимые подсознательные силы. И они отправились обратно в Беркли.

Затем, в конце лета 1958 года, пришла печальная весть о смерти Бабули. С ее уходом из жизни узы, связывавшие Фила с Беркли, ослабли. В сентябре того же года они полностью порвались. Их новым жилищем стал маленький дом с настоящим вагончиком на заднем дворе (идеальное место для кабинета писателя), на углу Мариана-стрит и Лотарингия-стрит, в городке Пойнт Рейес Стейшен к югу от Пойнт Рейес – на гранитном мысу, которым Сан-Андреас уходит в Тихий океан.

Это представлялось им идиллическим бегством со сцены Беркли. «Филу нравилось чувствовать комфорт, когда он пешком спускался в город», – вспоминает Клео.

У них была короткая счастливая совместная жизнь в Пойнт Рейес Стейшен. А затем все перевернулось с ног на голову – и это началось с их женитьбы.

Глава 5
1958–1963

Мой Фил был похож на того человека, который написал роман «Человек в Высоком замке». Скромный, чувствительный, забавный, чудесный рассказчик и слушатель тоже – он восхищался каждым словом, которое ты говоришь. Он постоянно говорил мне, какая я блестящая, какая я веселая, какой прекрасной матерью я была. Он был прекрасным любовником, прекрасным во всем, очень милым и уступчивым. Мы говорили с ним часами обо всем, что только есть под солнцем.

Энн Дик, интервью

Вот как ты можешь представить меня своей простой, но доброжелательной семье и друзьям: «Он действительно хорошо известен в России и Англии… в Германии, и Италии, и Франции, а также в Южной Африке и Аргентине (по переводам, конечно). …И он начинает становиться известным в США. Lippincott выпускает его роман следующей весной». И ты можешь несколько неопределенно сослаться на «некоторые очень благосклонные отзывы в New York Herald Tribune». И ты можешь упомянуть, что издательство Harper взяло его на заметку несколько лет назад и намеревается опубликовать его рассказ в антологии коротких рассказов. И ты можешь отметить, что «его литературный агент

является также агентом старины Травена – ты знаешь, это тот парень, который написал «Сокровище Сьерра-Мадре», и эта книга удостоена академических наград. (Заметь, что в отчаянии я хвастаюсь солидными связями. Но какая, к черту, разница.) Передай также детям мою любовь.

Фил, письмо к Энн, декабрь 1958

Но затем, в один момент, моя личная жизнь стала неистовой и запутанной. Мой брак, длившийся восемь лет, рухнул; я поехал за город, встретил женщину с художественными наклонностями, которая только что потеряла своего мужа.

Фил, эссе Self Portrait, 1968

Фил влюбляется, становится сельским помещиком, начинает писать великие книги и испытывает «нервный срыв № 3» (любовь может быть слишком глубокой ямой, чтобы в нее упасть)

Новость о писателе из Беркли и его жене с огромной скоростью распространилась по Пойнт Рейес Стейшен. Вскоре их пригласили посетить маленькую местную группу, которая верила, что, когда наступит конец света – 22 апреля 1959 года, – они будут спасены инопланетянами, которые превратят их дом собраний в Инвернессе в летающую тарелку. Фил, очарованный, хотя и испуганный видом красивой, темноволосой женщины – лидера этой группы, – отверг приглашение и прятался всякий раз, когда она приходила, чтобы позвать его снова.

Энн Уильямс Рубенстайн, которая жила неподалеку от Меса-роуд, также хотела с ним познакомиться. Ее муж Ричард, хорошо образованный поэт из богатой семьи, который участвовал в издании маленького журнала *Neurotica*[108], умер тем летом в Йельском Психиатрическом институте, став жертвой тяжелой аллергической реакции на прописанные ему транквилизаторы. Внезапно Энн оказалась в ситуации, когда ей в одиночку

пришлось воспитывать трех маленьких девочек. Знакомство с писателем, живущим по соседству, представлялось ей благоприятным способом отвлечься.

Энн был тридцать один год, она была среднего телосложения и роста, блондинка с волосами до плеч и голубыми глазами – этакая интеллектуалка из «белых англосаксонских протестантов», энергичная и позитивно настроенная. Ее отец из Новой Англии, прямой потомок пилигримов с «Мэйфлауэра», был успешным брокером на Уолл-стрит. Он обожал Энн, но умер, когда ей было всего четыре года. Ее вырастила семья матери в Сент-Луисе в годы Великой депрессии. Энн специализировалась по психологии в Вашингтонском университете, где и познакомилась с Ричардом. Их брак был вполне счастливым, но Энн не сходила с ума от любви.

Когда она пришла, чтобы представиться, семья Диков приняла ее тепло. Филу было двадцать девять лет, он был стройным, с густыми темными волосами, с высоким лбом и пронзительными голубыми глазами. Он был в своем стандартном одеянии: фланелевая рубашка, рабочие штаны и армейские ботинки. На Фила произвела впечатление связь Энн с профессиональным литературным журналом *Neurotica*, и, когда он перечислял свои собственные достижения, он выделял реалистические романы. «Я всего лишь очень скромный писатель-фантаст», – настаивал он.

Фил и Клео вместе наносили визиты Энн, но затем Фил начал посещать ее сам. Три раза в неделю Клео ездила туда и обратно в Беркли, работая там на полставки секретарем, а Фил преимущественно писал по ночам, оставляя дневное время свободным. Дом Энн – «выпендрежный модерновый тип домов Сан-Франциско» (как Фил описывал его в своем реалистическом романе «Исповедь недоумка») включал в себя застекленную кухню и гостиную, которая выходила окнами на покатые холмы и луга; круглый открытый камин; акустические системы Hi-Fi, встроенные в стену, – Фил был ослеплен этой первой для него практической демонстрацией Американской Мечты. Уязвимые места этой Мечты вызвали у него раздумья: дом, построенный на бетонной плите, должен быть чертовски дорогим. Но все, что касалось Энн, представлялось Филу дорогим, особенно после восьми лет покупок в зоомагазине Lucky Dog.

Энн называла его «битником из Беркли», и Филу это нравилось. Они увлеченно рассказывали друг другу истории своих жизней. В своих неопубликованных мемуарах *Search for Philip K. Dick*[109] Энн вспоминает:

Я нашла в нем самого обворожительного собеседника из всех, кого когда-либо встречала! Он был первым человеком, рядом с которым мне самой хотелось умолкнуть, чтобы слушать его.

Мы обнаружили, что у нас есть бесконечное количество общих идей, отношений и интересов. […] Мы оба были застенчивыми, хотя каждый из нас скрывал свою застенчивость. Мы оба были чрезвычайно доверчивыми и ужасно романтичными. […] Фил рассказал мне о своей сестре-близняшке, которая умерла через три недели после рождения, и о том, насколько сильно он чувствует в этом свою вину. И он чувствовал, что каким-то образом он несет ее у себя внутри.

«И она лесбиянка», – сказал он мне очень серьезно.

Что касается «Джейн-лесбиянки», Клео вспоминает: «Филип говорил какие-то вещи с непроницаемым лицом довольно часто, и через какое-то время люди начинали воспринимать его всерьез, и это было очень плохо. Как-то между прочим он сказал: «Что ж, я решил, что вся моя проблема заключается в том, что я вроде лесбиянки, и это все из-за идентификации с сестрой», – он поговорил об этом немного, а затем перешел к другим темам». Был ли Фил серьезен? Энн думала именно так. Конечно, одним из эффектов, которые любил производить Фил, было размыть различие между смешным и серьезным, что большинством людей воспринималось слишком серьезно (оставляя самой реальности скрываться за веселыми формами). В романе Фила 1974 года «Пролейтесь, слезы…» персонаж по имени Элис Бакмэн – пошлая и манерная, обтянутая кожей лесбиянка, чья смерть разрывает душу ее выжившего брата-близнеца, полицейского.

Через две недели после того, как он встретился с Энн, он признался ей в любви, и это положило начало их отношениям:

Мы сидели на разных концах кушетки и беседовали. Внезапно Фил схватил меня за руку и сказал низким и напряженным голосом: «В тебе есть все, о чем я мог когда-либо мечтать».

Я была так удивлена, что чуть не свалилась с кушетки! Я уставилась в пол, как какая-то викторианская девица. Я не знала, что сказать.

Фил привлек меня к себе и поцеловал. Через мгновение я тоже обняла его и ответила ему поцелуем. Мы целовались и разговаривали, разговаривали и целовались. […] Я чувствовала себя кем-то из тех мифологических героинь, которая пребывала в своем

зачарованном сне и была пробуждена героем, перепрыгнувшим через огненное кольцо.

Это событие вызвало небольшой скандал в маленьком Пойнт Рейес Стейшен. Энн обратилась к психиатру, чтобы тот помог ей справиться с чувством вины; психиатр (которого здесь и далее мы будем называть «Доктор Икс»; он будет время от времени лечить Фила начиная с 1971 года) был под впечатлением от Фила, когда они познакомились; такая реакция, по словам Энн, вызвана невероятной «харизмой» Фила. Но к декабрю 1958 года, несмотря на ее возбужденное состояние и совет Доктора Икс не расстраиваться, Энн решила прекратить все это. Фил умолял ее передумать. Чтобы смягчить чувство вины у Энн, он приводил довод, что Клео отказывалась заводить детей, а это – основание для развода по канонам католической церкви. (Клео отрицает свой отказ; через несколько лет у нее появились дети от Нормана Мини.)

Настрой Энн вынудил Фила рассказать обо всем Клео. Он называл причины тому, чтобы закончить их супружеские отношения, так деликатно, как только мог, даже намекая, что он связан обязательством, поскольку Энн забеременела. Но Клео не убедило это притворство, и ее привело в ярость то, что Фил, как ей казалось, был полностью под властью Энн: «В этой ситуации Фил превратился в сентиментальное дерьмо». Одно из требований Фила заключалось в том, чтобы Клео вернула все его фотографии, которые у нее были, заявляя, что Энн настаивает на этом (что сама Энн отрицает). Но Клео была чрезвычайно мягкой при формальной процедуре развода, уступая права на владение их домом на Мариана-стрит и отказываясь от всех претензий на роялти за произведения, написанные во время их брака. Ее угнетало то, что «вина», которую Фил ей голословно приписывал, то есть ее предположительная супружеская неверность, основывалась на ее поездке в Солт-Лейк-Сити – та самая поездка, которую она совершила, чтобы дать Филу время подумать над его интрижкой 1957 года. В «Недоумке» Фил отталкивался от своего собственного опыта для описания дня, проведенного в суде главным героем Натом Энтайлом: «Все ли было правдой из того, что я говорил? Натан задумался. Немного правды. Частью правда, частью выдумка. Странно что-то упускать из виду и смешивать то и другое. […] Вслух же он сказал: «Как на Московских процессах[110]. Признаешься в том, чего хотят они».

В конце концов Клео решила покинуть Пойнт Рейес Стейшен и попросила только «Шевроле» 1955 года. Предполагалось, что Фил принесет ей бланк регистрации машины, но он забыл. «Это

уже слишком», – сказала Клео. Она завопила, Фил начал скулить, и она дала ему пощечину. «Мы оба были весьма удивлены».

Фил и дальше платил за сеансы Доктора Икс, который сообщил ему, что если Энн хочет иметь мужа, то ей следует выйти и выбрать лучшего – как выбирают упаковку мыла. Фил счел это наблюдение смешным. Энн оно понравилось меньше, но это было несущественно. Они строили планы для Энн и ее дочерей – возвратиться в Сент-Луис и попытаться договориться о поддержке детей с семьей ее покойного мужа Ричарда. Когда она уехала, Фил стал писать ей страстные письма. В первом из них (21 декабря 1958 года) Фил подробно рассказывал, как его «трясет» из-за отсутствия Энн с того момента, как он вернулся домой, проводив их до аэропорта. Во втором (27 декабря), написанном сразу же после того, как Энн позвонила по межгороду, любовь Фила выражалась в той манере, которую он сохранил до конца своей жизни: Женщина, Любимая, Единственный Источник Жизни, без Нее все на свете исчезает:

> Ты не можешь себе представить, насколько твой телефонный звонок взволновал меня. Целый час (а скорее всего – даже два) после него я пребывал в состоянии искреннего блаженства, это было не похоже ни на что, испытанное мною раньше. Казалось, что и вправду стены дома начинают растворяться, и я чувствовал, что вижу сквозь время и пространство на безграничное расстояние. Это было физическое ощущение, а не просто мысль, возникшая в голове. Подлинное состояние существования, новое для меня. Очевидно, что я не услышал от тебя такого в разговоре, напротив, вступило в действие чувство оторванности от тебя. […] Затем, когда ты позвонила, это отдаление было уничтожено, и возвращение тебя как физической реальности вызвало подлинную трансформацию во мне, как будто я вступил из одного мира в другой. […] Это, без сомнения, подобно религиозному опыту преображения, и в каком-то смысле я испытал это преображение, слушая тебя. Существует прямая связь между моим слушанием тебя и религиозной личностью, которая после традиционного отшельничества, поста и медитации «слышит» голос «бога[111]». Но разница в том, что ты существуешь, а у меня есть глубокие сомнения в этом смысле по поводу приятеля бога.

Фил продолжил, занявшись «самокопанием» в собственном характере. Он иногда был сильно склонен к «нетерпимости»:

> Я неистовый фанатик и сектант, и я несу в себе слово бога – или ты этого не заметила? […] Это ничуть не значит, что я более праведный, чем ты, но я наполнен нравственным гневом по поводу того благочестия, которое ужасным образом вызывает множество людских страданий. Я сам себя представляю как доброго, подобного святому, мудреца, наполненного книжными истинами, но на самом деле я ничуть не похож на мелкого коммунистического чиновника, который восстает и набрасывается на «липких, слизнеобразных, кровососущих, растленных гомосексуальных вшей, на пропитанном виски Западе». Теоретически я релятивист, но во многих ситуациях я становлюсь сторонником абсолютизма, и, к сожалению, те круги, в которых ты вращаешься, и твои собственные взгляды так или иначе склоняются к последнему. […] В этом нравственном гневе присутствует добродетель, что позволяет мне претворять в жизнь, доводить до конца свои серьезные и сильные убеждения, которые идут вразрез меркантильным соображениям, – это дает мне душевные силы, необходимые для того, чтобы оставаться практическим идеалистом, чем просто лелеять в себе идеалистические мысли. Бетховен был таким же.

Три дня спустя в письме школьному другу Фил сдержанно описывает свою жизнь с Клео. Там же он добавляет по поводу широко разрекламированного сан-францисского ренессанса: «Я с благосклонностью отношусь к «На дороге»[112], но не к поэзии и джазу…» Фила не очень привлекала битническая среда, хотя позднее он вспоминал о встречах с Гэри Снайдером[113] и Робертом Данкеном[114] (который был его соседом по квартире на Маккинли-стрит в 1947 году) в тот период.

Энн возвратилась из Сент-Луиса, урегулировав финансовые вопросы, и все продолжилось как нельзя лучше. У Фила сложились прекрасные отношения с тремя дочерями Энн: Хатт, восьми лет, Джейн – шести и Тэдди – трех. Они звали его «папой» (Рубенстайн был для них «первым отцом»). Фил готовил им завтрак, играл с ними в «монстра» и в бейсбол на заднем дворе, размером с пастбище, читал перед сном страшные рассказы Лавкрафта и рассказывал наизусть истории про Винни-Пуха и «Когда мы были еще маленькими»[115]. (Фил воздержался от удочерения, чтобы не остановить денежные поступления со стороны Рубенстайнов.) Вновь сформированная семья играла в типичные американские игры: в игре «Жизнь» Филу никак не

удавалось пройти через «колледж», а в «Монополии» его фишкой на игровом поле всегда был старый башмак.

Когда Фил наконец переехал в «выпендрежный» дом Энн, его пожитки (помимо милого сердцу любимца – кота Тампи) были относительно невелики: пишущая машинка фирмы «Роял Электрик», преданный «Магнавокс», немыслимое количество пластинок и книг, полная коллекция журналов *Astounding, Amazing, F&SF, Mad* и комиксов *Mandrake the Magician*. В то время как Фил делился с девочками своей любовью к палп-литературе, он также следил, чтобы они читали хорошие книги. «Он, бывало, говорил: «Не читайте всякую бездарную ерунду», – вспоминает Джейн. – Он подшучивал над своими собственными книгами – говорил: «Вот эту я написал за неделю – какая бездарность». Девочки ежедневно получали уроки достойной музыки с помощью «Магнавокса»: Вагнер, Бах, Бетховен, Гендель, Гилберт и Салливан наполняли дом. Одной из его одержимостей были записи «Песен» Шуберта в исполнении Дитриха Фишер-Дискау (цитаты из этих песен часто встречаются в его романах шестидесятых годов).

Когда Фил въехал, при нем была еще одна коллекция: широкий ассортимент таблеток и лекарств, которые он хранил в большом стенном шкафу и сам прописывал девочкам от простуды. Сам Фил принимал ежедневно по две таблетки «Семоксидрина»[116] (он говорил Энн, что этот препарат был прописан ему несколько лет назад), как и таблетки хинидина[117] от частых приступов тахикардии (он предупреждал ее, что может «упасть замертво» от приема хинидина). Фил боялся микробов и ужасно волновался, когда заболевала какая-то из девочек. Джейн вспоминает: «Он говорил мне иногда, что взрослые редко чувствуют себя здоровыми. Он говорил, что в жизни есть другой путь: быть взрослым не так уж хорошо, нужно возвращаться в детство, поскольку только дети и живут нормальной жизнью».

В конце марта 1959 года Фил вместе с Энн поехали в Энсенаду в Мексике, нашли там судью, который и поженил их 1 апреля – в День дураков. На обратном пути Фил признался Энн – он боялся, что она разлюбит его, как только узнает о его грыже. Энн предложила лечение, но Филу не понравилась идея госпитализации. На границе Фил решил не декларировать галлон[118] текилы, который они купили за тридцать центов в переводе с местной валюты и спрятали под багажом. На протяжении двадцати миль, уже в США, они услышали преследующий звук сирены, и Фил побледнел, а пришел в себя, только когда копы обогнали их и скрылись из виду.

Их брак процветал. Фил был благодарен Энн, когда она не

стала возражать против того, что он отпустил бороду. Он помогал с готовкой и уборкой и научился готовить замечательный мартини – каждый вечер по две порции для Энн, в то время как сам он пил вино (он любил «Буэна Виста Зинфандель»[119]). Они разводили уток, цесарок и курочек бенти[120]. Фил немного побаивался породистой беговой лошади[121] Энн и очень хотел завести себе домашнюю сову (названием последнего из задуманных, но не осуществленных романов Фила было *The Owl in Daylight* – «Сова в свете дня»). Причиной первой подлинной ссоры стало то, что Фил настойчиво продолжал заботиться о старом доме на Мариана-стрит. Энн же хотела, чтобы их дом был его первостепенной заботой. Тогда Фил продал старый дом. После этого он чувствовал себя виноватым, потому что не отдал Клео половины от вырученных средств.

Год спустя после их свадьбы как-то за ланчем он внезапно сказал Энн: «У меня была совершенно замечательная жена, которую я поменял на тебя». В скором времени Фил и Клео возобновили дружеские отношения. Как говорит Клео, «не стоит отбрасывать добрых друзей, а Фил и я были лучшими друзьями». Но двумя десятилетиями позже, судя по «Экзегезе», Фил продолжал сохранять свое чувство вины: «Я наказан за то, как вел себя с Клео».

Энн и Фил строили планы, как им сводить концы с концами, в то время как Филу не давали покоя его амбиции писателя-реалиста. Он все еще «баловался» научной фантастикой, переделав две посредственных повести пятидесятых годов в романы «Доктор Будущее» (1960) и «Молот Вулкана» (1960), которые вышли в серии «перевертышей» Ace Double. Ace было «ничтожнейшим из ничтожных палп-издательств Нью-Йорка», говорил он Энн. Однажды, когда ее гости за обедам спросили, о чем он пишет, Фил отказался отвечать, а позже оскорбил их так, что больше они не возвращались. Если требовался какой-то ярлык к его творчеству, то он предпочитал «автора фэнтези».

Но все, чего он хотел, – это попасть в «мейнстрим» и быть писателем-реалистом. И если молодая пара тратила бережно деньги за продажу дома Фила и его ежегодные доходы с продажи фантастики (примерно две тысячи долларов), плюс у Энн – двадцать тысяч долларов наследства Рубенстайна – на это они кое-как протянут, – как Фил посчитал, исходя из своего бюджета периода жизни в Беркли, – им этого хватит лет на двадцать. Энн вспоминает: «Ты понимаешь, – говорил Фил, – нужно лет двадцать, а то и тридцать, чтобы добиться известности в качестве прозаика». И он был готов к тому, чтобы потратить столь долгие годы на эти усилия! Я считала, что эта его установка была

превосходной! В то время слова «бюджет» не было в моем лексиконе».

Энн не была такой уж бойкой расточительницей – ее потребности в «роскошной жизни» не превышали запросов ее соседей из округа Марин, – но ведь были же еще три дочки, дом, лошадь, курочки, черноголовая овца и, да, случайные траты на роскошь. Очарованная Филом, влюбленная в его талант, Энн была озабочена денежной проблемой. И это вселяло страх в Фила, поскольку он чертовски хорошо знал, каковы шансы заработать своим талантом большие деньги.

Тем не менее их жизнь пока текла спокойно. По просьбе Энн, Фил поменял ночное писательство на рабочий день с девяти до пяти часов для того, чтобы вечером общаться с семьей. Приходило время ланча, он отрывался от своих занятий, закуривал сигару «Корина Ларк»[122], и они с Энн начинали разговаривать. Вот что она пишет:

> Мы так были заняты нашими разговорами, что у меня зачастую сгорали первые два сэндвича с сыром, которые мы поджаривали. Мы разговаривали о Шопенгауэре, Лейбнице, монадах, о природе реальности – или о теориях Канта, которые Дюркгейм прилагал к исследованию культуры австралийских аборигенов, – или Фил начинал разглагольствовать о Тридцатилетней войне и Валленштейне. Вот такие простенькие темы. Немецкая культура имела очень сильное влияние на Фила. Фил говорил мне, что он на четверть немец и романтик в духе «штурм унд дранг»[123].

Его родословная была английской и шотландско-ирландской, но он любил немцев. Эти беседы за ланчем были своего рода «разминкой» для появления будущих романов. Теория Канта-Дюркгейма, к примеру, легла в основу изображения Филом племен марсианских аборигенов бликменов в романе «Сдвиг времени по-марсиански» (1964).

Фил вступил в переписку с Элеанор Димофф, редактором Harcourt, Brace[124]. Это издательство отклонило «Исповедь недоумка», но, поскольку писатель был многообещающий, предложило Филу контракт: 500 долларов авансом и столько же после получения его нового романа. Для него запахло «мейнстримом». В февральском письме 1960 года Фил был чрезвычайно учтив:

> Мы живем в сорока милях от Сан-Франциско и ездим туда-сюда, чтобы поесть в Чайна-тауне, попить кофе

недалеко от Бродвей и Грант или навестить друзей на Потреро-Хилл. Мне почти всегда удается заскочить в книжный магазин «Сити Лайтс»[125] и потратить там тридцать долларов на покетбуки. Моя жена покупает восточные коврики с прорезями у знакомого торговца коврами, и если нам удается добраться до Филлмор-дистрикт, мы подбираем там японскую посуду в маленькой японской скобяной лавке. Если есть свободное время, я останавливаюсь на Ван-Несс и катаюсь на новых иностранных машинах – это мое любимое времяпрепровождение. И, конечно, я запасаюсь египетскими сигаретами, если у меня есть деньги. Если все это каким-то образом характеризует меня, то следует учесть еще вот что: пока не снесли «Силс Стадиум», я езжу в Сан-Франциско, прежде всего, чтобы посмотреть бейсбол.

Не только одна Энн наслаждалась хорошей жизнью. Они были расточительны, и Фил ради удовольствия разбрасывался деньгами. Энн даже не знала, что в прошлом он страдал агорафобией. Но было еще одно: в Harcourt хотели, чтобы Фил приехал в Нью-Йорк для обсуждения нового романа с Димофф. Ни за что. Ни ради «Капитана Видео» в пятидесятые, ни ради «мейнстрима» сейчас.

Но был еще один явный пробел в автопортрете, составленном для Димофф (боялся ли он, что она подумает, будто он не сосредоточен на работе?): Энн была беременна. В том же месяце, 25 февраля 1960 года, родилась Лора Арчер Дик – первая дочка Фила и четвертая дочка Энн.

Фил был взвинчен как черт на протяжении всех месяцев перед рождением дочки, убеждая Энн питаться по рецептам Адель Дэвис[126] и изобретая витаминную диету для самого себя – вплоть до того, что его язык почернел. (Врач установил причиной этому передозировку витамином А; после этого Фил никогда не доверял «чудесам» здорового питания.) Прежде чем забрать Лору из больницы, Фил шесть часов подряд отскребал старый фургончик «Форд»: «Даже фары», – говорит Джейн.

Энн вспоминает, что, когда Фил впервые взглянул в лицо Лоры, он сказал: «Вот теперь моя сестра снова появилась на свет». И когда, в первый же день появления у них дома, Дороти и Джозеф Хаднер пришли посмотреть на свою внучку, Фил предоставил им всего одну минуту, а потом выгнал из комнаты.

* * *

Контракт с Harcourt не выгорел. Фил предложил издательству романы *The Man Whose Teeth Were All Exactly Alike* (написан в 1960-м, опубликован посмертно в 1984-м) и «Шалтай-Болтай в Окленде» (опубликован посмертно в 1987-м), написанный в 1956 году под названием *A Time for George Stavros* и переработанный в 1960-м. Harcourt отвергло их оба; об этом речь пойдет ниже в Хронологическом обзоре, и там есть свои нюансы.

Лучшим реалистическим романом Фила была «Исповедь недоумка», написанная летом 1959 года в самом разгаре романтических отношений с Энн – то время, которое она называла их «медовым месяцем». Издательство Knopf было приобрело этот роман, но потребовалась переработка. Агентство Мередита сообщило Филу, что это большой шанс. «Я не стану переписывать эту книгу! – объяснял Фил Энн. – Я не только этого не хочу – я не знаю, как это можно сделать».

«Недоумок» был опубликован, в конце концов, в издательстве Entwhistle Books в 1975 году, и после этого боль утихла.

Возможно, причина того, что Фил не мог переписать «Недоумка», заключалась в том, что его невозможно было переписать. «Исповедь недоумка» была первым романом Фила, в котором использовал повествование с разными точками зрения. Он описывал Энн свою раннюю прозу как «сюрреализм стоящий на грани». Но в них не было ничего, напоминавшего сюрреализм, до появления «Недоумка». То, что сделал Реймонд Чандлер для освещенного неоновыми огнями Лос-Анджелеса сороковых годов, сделал Фил для района Залива рубежа шестидесятых. Вместо поэтизирующего виски Филипа Марлоу мы смотрим глазами Джека Исидора, «шизоида и одиночки» и «одного из Богом благословенных дурачков», как Фил его впоследствии описывал.

«Недоумок» – это, помимо смены нарративов и мировосприятий, серьезный роман о мужской душе и борьбе с ее внутренними демонами. Исидор назван в честь Исидора Севильского (560?–636), чья «Этимология» считалась универсальным компендиумом знаний на протяжении всех Средних веков. Но современный Исидор пишет для бульварных изданий вроде *Thrilling Wonder Stories* – что вполне соответствовало вкусу молодого Фила. Фэй Хьюм, сестра Исидора, – стойкая, агрессивная, соблазнительная женщина, несчастливо вышедшая замуж за Чарли Хьюма, излишне доверчивого американского бизнесмена, который платит по счетам, страдает сердечными приступами и убивает домашних животных – сам – по требованию жены и в результате ее предательства. Нат Энтайл – пассивный, получивший образование в колледже интеллектуал, чья небогатая жизнь с любящей женой

Гвен сметена из-за его страсти к Фэй, о чем он начал сожалеть, как только это случилось. Но слишком поздно сожалеть, когда ты понимаешь, что нашел то, что всегда хотел.

В экземпляре «Исповеди недоумка», надписанном другу Крису Арене в сентябре 1980 года, Фил делает ряд замечаний по поводу техники построения романного сюжета, а также об автобиографических источниках. Как и Чарли, Фил боялся стать жертвой сердечного приступа. Более подробно Фил говорит о связи между ним и обоими персонажами – Джеком Исидором и Натом Энтайлом: «Джек – это пародия на меня самого подростка; в основе его инстинктов и мыслей лежат мои собственные, когда мне было около шестнадцати лет». Он добавляет: «В основе образа Ната – тоже я, но уже взрослый, в то время как Джек – это моя чахлая подростковая сторона. Нат – зрелый человек, но психологически слабый и полностью подпадает под контроль со стороны Фэй».

А прототипом образа Фэй была Энн. Он сам сказал ей об этом, когда дал ей рукопись для чтения во время их «медового месяца».

В третьей главе Чарли неожиданно бьет Фэй кулаком, поскольку она его унизила, послав в местный магазин, чтобы купить – и публично попросить – прокладки «Тампакс». В «реальной» жизни Фил покупал «Тампакс» для Энн без каких-либо комментариев. Когда Энн прочитала роман, она спросила Фила, почему он не говорил ей, что ему неприятно покупать для нее тампоны? В семидесятые годы Фил, бывало, рассказывал своим друзьям-мужчинам, как он колотил Энн, когда она вынуждала его покупать ей «Тампакс». В 1963-м, через четыре года после того, как роман был написан, были случаи незначительного семейного насилия, в которых участвовали оба – и Фил, и Энн. «Недоумок» как будто знал, что это случится. Предвидение – заявлял Фил в семидесятых годах и демонстрировал его в некоторых своих романах. Послушаем Ната:

> Смогу ли я оказаться в таком состоянии, чтобы ударить ее, думал он. Никогда в своей жизни он не бил женщину; однако он уже чувствовал, что Фэй относится к той породе женщин, которые вынуждают мужчину бить их. Которые не оставляют ему альтернативы. Но она этого не увидит; не будет у нее такого преимущества.

Одиннадцатая глава начинается с рассуждений Ната: не потому ли Фэй «связалась с ним, что ее муж умирает, а ей хотелось быть уверенной, когда он и в самом деле умрет, чтобы на его месте оказался другой мужчина». Нат головой понимает,

что Фэй выбирает мужей, как упаковки мыла, – шутка Доктора Икс, – но не в состоянии справиться со своим внутренним миром. В 1963 году Фил рассказывал друзьям, что Энн убила своего первого мужа и пыталась убить и его.

Фэй не только любовница/жена Ната, но и сестра Исидора. И Нат/Исидор «склеены вместе» (позаимствуем это выражение из «Экзегезы» Фила, которую он использует, когда соединяет образы или идеи) и представляют собой мужчину/ребенка, противостоящих женщине, которая пробуждает в них самые сильные детские страхи:

> Я создал себе столько проблем, думал он [Нат], оторвавшись от своей семьи – особенно от матери, – и остался предоставленным самому себе, чтобы быть экономически независимым, чтобы создать свою собственную семью. А теперь я связан с властной, требовательной, расчетливой женщиной, которая и глазом не моргнет, чтобы снова вернуть меня в прежнее состояние. Для нее это совершенно естественно.

Как «прежнее состояние» может быть восстановлено? Может быть, с помощью того, что Фэй/Энн скажет Исидору/Нату/Филу, чтобы тот забросил *Thrilling Wonder Stories* и нашел себе настоящую работу. Чарли Хьюм говорит о Фэй: «Резкое презрение в ее голосе заставляет меня содрогаться. Это ее самый впечатляющий тон, наполненный весомой властностью; он напоминает ему его школьных учительниц, его мать, весь этот набор». В 1980 году Фил заметил, что «манера речи Фэй точно воспроизводит речь реальной личности».

В своих мемуарах *Search for Philip K. Dick* Энн говорит о Фэй:

> Я была резкой и прямой, но не столь грубой и хитрой, как Фэй. Если Фэй была моим портретом, то в нем отразился не один какой-то порок, но все пороки, вместе взятые. Фил изобразил Фэй как нуждающуюся в муже только для самой себя и в отце для ее детей, поэтому она и завладела Натом. Судя по всему, Фэй никогда его не любила.

Можно представить себе, что Фил сейчас улыбается: подтверждение его субъективных истин возникает, если поставить рядом его роман и воспоминания Энн. Природа их любви – и их различий – подтверждается примером их отношения к Исидору. В январском письме 1975 года Фил пишет: «…Джек Исидор из Севильи, штат Калифорния[127]: еще более

бескорыстный, чем я сам, более добрый и намного-намного лучше меня». В ответ на это письмо Энн пишет: «Джек Исидор, этот непонятный, провинциальный, бесполый парень с головой, наполненной научно-фэнтезийным мусором! Фил так же похож на Джека Исидора, как райская птица на летучую мышь. Фил – это Нат!»

* * *

Фил пытался сочетать строгую писательскую дисциплину с новыми требованиями семейной жизни. Он работал в течение дня, а вечера проводил с Энн и детьми. Как хороший кормилец семьи, он ежегодно выдавал по два романа – шесть недель на написание черновика одного романа, а следующие шесть недель на второй черновик (включая перепечатывание и редакторскую правку). Между каждым из романов проходило шесть месяцев, посвященных обдумыванию следующего сюжета. Он предупреждал Энн, чтобы та не беспокоила его, когда он, казалось бы, просто тихо сидел. «Опасайся, – говаривал он, – человека из Порлока» – незнакомца, который постучался в дверь и отвлек Кольриджа, чтобы спросить дорогу на Порлок, тем самым разрушил всю приснившуюся поэту композицию поэмы «Кубла Хан, или Видение во сне».

Когда роман был обдуман, работа над ним шла быстро. У Фила была приводящая в трепет скорость печати. Он говорил Энн: «Слова выходят из моих рук, а не из мозга; я пишу своими руками». Фил мог делать предварительные записи в блокнот, но роман приобретал истинные очертания только в его полной композиции:

> Интуитивный – я мог бы сказать – метод гештальта[128], которым я пользуюсь, имеет тенденцию позволять мне «видеть» все в целом. Со всей очевидностью, этому методу есть определенное историческое подтверждение; Моцарт, если говорить об отдельном мастере, оперировал этим методом. Проблема для него заключалась попросту в том, чтобы его применить. Если бы он прожил дольше, он так бы и поступал, если нет, то нет. […] Основная идея должна быть выражена в первой же краткой записи; она никогда не меняется – она только выявляется по стадиям и по уровням. Если бы я верил в то, что та самая первая запись несет в себе весь замысел, то я был бы поэтом, а

не романистом; я считаю, что мне необходимо 60 000 слов, чтобы выразить свою оригинальную идею во всей ее абсолютной полноте.

Интенсивные писательские усилия имели свою физическую цену. Через несколько недель после того, как родилась Лора, Фил лег в больницу из-за болей в груди (отзвук Чарли Хьюма). Он оставался бодрым: «Либо я собираюсь умирать, либо – иметь ребенка», – говорил он Энн. Диагностировали пилороспазм[129]; доктор сказал Филу, чтобы тот сократил употребление кофе и больше размышлял. Всплывала ли тема «Семоксидрина»? К тому времени он был мощным «топливом» для писательства.

Для Фила одной из величайших радостей его новой «красивой жизни» стали спортивные машины. Они купили подержанный «Пежо», затем обменяли его на белый «Ягуар Марк VII» 1953 года с приборной доской из красного дерева, с салоном, обшитым серой кожей, и с люком в крыше. Фил носился на нем со скоростью до 96 миль в час по автостраде. Но он сломался, а осенью люк стал протекать во время дождей, и на голубом коврике выросли грибы. Когда Фил отказался помочь строить гараж, Энн сменила «Ягуар» на новый «Вольво». Фил был в ярости.

Мелкие ссоры, вроде этой, становились все чаще. Иногда эти препирательства походили на состязания, дабы установить, кто в доме хозяин. Но все чаще эти сражения накалялись. Выросший под крылышком у Дороти, Фил никогда не участвовал в громких спорах, и жизнь с Клео была вполне мирной. Крики и оскорбления были чем-то новеньким для Фила, и поначалу ему это даже нравилось: «Мы совсем как средиземноморская семья, где каждый размахивает руками и вопит». Затем в один прекрасный день Энн «повысила ставки» и перебила половину посуды в их доме. Раскаявшись, она предложила совершить примирительную семейную поездку в Диснейленд.

Фил Дик в Диснейленде… Он был в восторге от «симулякра» Авраама Линкольна, как он назвал эту фигуру в романе «Мы вас построим», написанном в 1961–1962 годах и сочетающим НФ с элементами «мейнстрима». Поездка оказалась благодатной для семьи. Началась новая эра мира. Они купили спинет[130], на котором Фил играл классические пьесы. У него стали возникать случаи переживания «внетелесного опыта» (как это было ранее в Беркли): то он видел сам себя в гостиной, то на собственной кровати. Он также видел призрак пожилого итальянца, который раньше, как Фил подозревал, жил на месте их прекрасного дома.

Осенью 1960 года Энн снова забеременела. Отдавая себе

отчет, что пятого ребенка они не потянут, Энн сказала Филу, что хочет сделать аборт. В интервью она вспоминает:

> Я чувствовала, что это единственный выход из положения. Доктор подумал, что Филу от этого будет плохо, – возможно, сам Фил сказал доктору, что он не хочет, чтобы я делала аборт, – но я настаивала, потому что сама хотела этого. Вероятнее всего, это чрезвычайно его расстраивало, думаю я, оглядываясь назад и понимая, что роман «Мы вас построим» основан на этом опыте с особым взглядом на женщину [Прис Фраунциммер, «шизоидная личность»]. Демоническую, правда?
>
> Мы не смогли бы справляться, как раньше, с пятью детьми. Он, я думаю, знал, что в финансовом отношении ему трудно было бы нести ответственность как отцу за такую многочисленную семью из среднего класса. Таково было мое внутреннее чутье.
>
> Фил определенно мог отстаивать свою точку зрения, если речь касалась интеллектуальной теории, – он мог быть непреклонным, даже когда неправ, и он вовсе не был «тряпкой». Наконец, он подумал и решил, что так будет лучше; он сказал: «Я согласен», – после чего мы отправились в Сиэтл, зашли в тот милый ресторан – все это есть в «Мы вас построим» – в романе Прис убивает маленького робота своим высоким каблуком.
>
> Я думаю, что аборт возвратил Фила к ужасным обстоятельствам его рождения и смерти его сестры [Джейн]. Одна из моих дочерей говорит: «Он так упрямо выступал против абортов, когда не воспитывал собственных детей».

Как подчеркивает Энн, «Мы вас построим», написанный на следующий год после аборта, включает в себя обнаженный психологический отчет о прочной любви Фила – и ядовитой ненависти – к его жене. Главный герой романа, Луис Розен, подвергается психиатрическому лечению, включающему галлюциногены, которые вызывают состояние фуги[131]. Впадая в эти состояния, Луис переживает множественные фантазии и живет вместе с Прис. Наконец, в одном из этих состояний они заводят совместного ребенка, и Луис – в экстазе: «Я сидел напротив них, испытывая полное блаженство, как будто все мое напряжение, все мои тревоги и печали наконец-то оставили меня». Но в состоянии нормального сознания Луис понимает, что Прис – «одновременно сама жизнь – и анти-жизнь, мертвый,

жестокий, пронзительный и раздирающий дух самого существования».

В февральском письме 1960 года в издательство Harcourt редактору Элеанор Димофф Фил признавался – еще до «Мы вас построим» – в трудностях, связанных со своими «мейнстримными» женскими персонажами: «Я считаю само собой разумеющимся, что в романе жена не желает оказывать никакой поддержки мужу; она устраивает ему тяжелые времена, действуя против него. И чем она умнее, тем больше вреда приносит». «Проблема злой женщины» (как Фил обозначал ее) предшествовала его браку с Энн. Источником этой ярости была его мать Дороти. Но, несмотря на явную осведомленность Фила об этой проблеме, количество злых женщин продолжало расти в его фантастике шестидесятых годов. Многие из них напоминали Энн бытовыми подробностями и манерой говорить. Высшей отметки эта «проблема» достигла в рассказе 1974 года «Недолюди», в котором отразилось глубоко неприязненное отношение Фила к абортам. Пылкая ненависть к женщине здесь чрезмерна. Отец объясняет сыну про женщин, делающих аборты: «Их следовало бы называть «кастрированными женщинами». Возможно, это единственный правильный термин, за исключением того, что эти женщины, эти жестокие, холодные женщины сами этого не признают, все они стремятся к тому, чтобы убить мальчика или мужчину, а не только уничтожить ту часть тела, которая делает мужчину мужчиной». Это как будто бы эмбрионов женского пола отроду не существовало.

Позднее Фил сожалел об этой ненависти. В послесловии к сборнику *The Golden Man* (1980) он пишет: «В «Недолюдях» выразилась моя любовь к детям, как я ее чувствовал, а не гнев в адрес тех, кто их уничтожал. Мой гнев проистекает из любви; это любовь, сбитая с толку». Определенно, этот гнев, вызванный «любовью, сбитой с толку», был пробужден абортом Энн.

Каким-то образом все вернулось на круги своя. Можно сказать, что странная новая сила вошла в жизнь Фила, книга, с которой следовало мириться: «И-Цзин», «Книга перемен», история которой длится три тысячелетия, пролетевшие как один день. Истины, созвучные способности читателя воспринять их. А может быть, и не истины вовсе, – может быть, просто ехидная чушь. Движущиеся по спирали силы инь-ян невозможно уловить. Совершенное средство передвижения для Фила. К лету 1961 года он обращался к ней, по крайней мере, раз в день; ему даже снились китайские мудрецы, которые накладывались один на другого и, как он считал, были многочисленными авторами «И-Цзин», вносящими дополнения в книгу на протяжении веков.

Но во время визита в 1961 году Искандер Гай слышал, как Фил жалуется, что этот «Оракул» говорит «змеиным языком». Гай вспоминает: «Я говорил ему: «Ее происхождение датируется, по крайней мере, 1165 годом до Рождества Христова. Кто мы такие, чтобы ставить под сомнение суть ее пророчеств, действующих все это время?» Он сказал: «Да пошла она… Я это исправлю – я напишу роман на ее основе». Роман, «Человек в Высоком замке», написанный в 1961 году с помощью вопросов «Оракулу» о сюжете, является одним из лучших произведений Фила, и мы на нем кратко остановимся.

Когда он не бился над инь и ян, Филу очень нравилось выглядеть глупо. В День дурака, первого апреля 1962 года (трехлетняя годовщина их свадьбы с Энн) Фил с девочками, чтобы разыграть Энн, вбежал в дом, восклицая, что неподалеку только что приземлилась летающая тарелка. Филу самому очень понравилась эта шутка, и он повторил ее несколько месяцев спустя. (Что на самом деле думал Фил по поводу летающих тарелок? Он пародировал маленькую местную группу «уфологов», которая пригласила его вступить в их ряды, в «Исповеди недоумка», но в 1980 году он заметил, что вера группы в высшие существа, ведущие нас к разрушению для нашего же спасения, «не кажется мне такой уж безумной, как в то время, когда я писал роман».)

Если в небесах и не было тарелок, то иногда возникали намеки на нечто гораздо более странное. Как-то ночью Фил подумал, что видит метеор. Все семейство на следующий день искало по округе фрагменты метеорита, но безрезультатно. А затем в Великую пятницу[132] 1962 года Фил увидел нечто совершенно иное. Он только что закончил слушать «Мессию» Генделя и занимался садоводством, а малышка Лора была у него под присмотром, когда он увидел то, что описал Энн в таких словах: «…огромная черная полоса, стремительно движущаяся по небу. На мгновение возникло полное ничто, разделившее небо на две половины». Ее ответом было: «У меня не было никаких сомнений, что он видел нечто». Это видение «ничто» останется с Филом как доказательство, пусть и пугающее, его способности смотреть на духовную основу реальности. Как мы увидим, это «ничто» через год будет вытеснено видением более жесткого характера.

Прошло время, и произошло совершенно земное событие, и связано оно было со смертью крысы. Длительность этого эмоционального воздействия на Фила вызывает в памяти третью ступень «сатори», связанную с мучениями жука. Все началось с того, что крысы стали есть их органический садовый компост.

Одна крыса – Фил восхвалял ее за смелость, о чем написал в «Экзегезе», – даже стала прогрызать дыры в их стенах. Фил разложил яд, от которого крыса только еще больше расцвела. Затем он расставил капканы, которые крыса несколько раз благополучно обходила, пока, наконец, не была поймана – со сломанной шеей, но все еще живая. Фил попытался утопить ее в корыте для стирки белья. Крыса бешено плавала, волоча за собой капкан. В конце концов, она умерла. Фил выкопал ей могилу, в которую он положил свою медаль святого Христофора[133].

Тем же летом 1962 года в Пойнт Рейес Стейшен были слышны крики и вопли – бродячие собаки убивали овцу. Фил купил ружье, чтобы защитить свое небольшое стадо; так же поступили и другие соседи. Согласно Энн, Фил начал пользоваться ружьем безрассудно, стреляя, толком не целясь, по собакам, бредущим по дороге. Время от времени она прятала ружье без всяких протестов со стороны Фила. Его любовь к своему стаду была совершенно очевидной – у него возник симпатический паралич запястья к моменту, когда пришло время забивать овцу.

На протяжении всего их брака Фил и Энн регулярно посещали Дороти и Джозефа Хаднера в Беркли. После того как Фил продал свой дом на Мариана-стрит, Хаднеры предоставили ему право пользоваться коттеджем, которым они владели, неподалеку от Инвернесса. Такая доброта, возможно, проявилась благодаря самым что ни на есть гладким отношениям, которые некогда складывались у Фила с его матерью – к их взаимному удовольствию. Энн вспоминает: «Фил никогда не говорил мне ни одного доброго слова о своей матери, но иногда, когда они были вместе, я могла видеть такую близость между ними, как будто одна нервная система работает в двух телах. Дороти души не чаяла в Филипе и очень гордилась его писательством». Когда в 1962 году Дороти и Джозеф решили отправиться в Мексику, Фил жаловался Энн, что мать «бросает» его. Их переезд так и не был совершен. Вскоре после этого Дороти, чья хроническая болезнь Брайта усиливалась, чуть не умерла. Фил был в смятении и планировал предложить Джозефу свое гостеприимство, если случится худшее.

Величайший кризис, с которым Фил столкнулся в то время, возник из-за домашнего ювелирного бизнеса, который Энн начала вести вместе с соседкой. Поначалу Фил поощрял их усилия, даже организовал их первую продажу, оплатив звонок в роскошный магазин в Беркли. В качестве игры, он пытался и собственными руками делать ювелирные украшения. Энн нравилось использовать формы, случайно получившиеся из расплавленного металла, и Фил с жадностью впитывал технику изготовления.

Одно драгоценное изделие треугольной формы он дал соседу Джерри Креси, который вспоминает, что прибил его к своей двери в качестве крючка для верхней одежды под свирепыми «взглядами вуду», исходившими от Фила. В этом не было ничего удивительного. Филу так нравилась эта вещица, что он сделал ее «краеугольным камнем» изменения реальности мистера Тагоми в «Человеке в Высоком замке»: «маленький серебряный треугольник, украшенный полыми капельками. Снизу – черными, сверху – яркими и наполненными светом». Техника случайных форм приносила «ву» (мудрость, дао) в противоположность «ваби» (интеллект, ремесло); оба эти термина были взяты Филом из японской книги о садовом искусстве.

Но угроза, которую Фил усматривал в ювелирном бизнесе, – возможное «затмение» его писательской карьеры – привела к тому, что он сам назвал третьим «нервным срывом» в 1962 году, на тридцать третьем году жизни. У Фила и Энн были совершенно противоположные версии ключевых событий. Энн рассказывает, что энтузиазм Фила стал столь велик, поэтому ей пришлось настаивать на том, что ювелирный бизнес – это ее дело, в то время как писательство – его:

> Я думаю, что он усматривал в этом способ заняться нормальным бизнесом. Иногда он чувствовал, что писательство ловит его в капкан, потому что он на самом деле не может зарабатывать достаточно денег, чтобы содержать семью, – я думаю, он очень переживал из-за этого. Он был прекрасным ювелиром, у него был к этому талант. Я думаю, что он просто сходил с ума, когда я его отстранила, – поэтому он с такой неприязнью говорит об этом.

Фил в интервью на диване, которое он дал в 1974 году Полу Уильямсу, говорил по поводу третьего нервного срыва, что его, этого срыва, по существу, не было:

> ПУ: Что за особое событие вы имеете в виду, когда называете его нервным срывом?
>
> ФКД: [пауза] Ммм… это объяснить труднее всего. Я прекращал, как бы это сказать, адекватно справляться со своими обязанностями…
>
> ПУ: Как это определяла ваша жена.
>
> ФКД: Как это определяла моя жена. Проще было вообразить себе, что у меня был нервный срыв, чем глядеть правде в глаза по поводу той ситуации. Пока [через год] мой психиатр [Доктор Икс] не сказал мне, в

чем на самом деле заключалась эта ситуация, – он был и ее психиатром тоже, – что со мной ничего дурного не происходило, что, по правде говоря, ситуация была безнадежной… у нее.

ПУ: Для вас.

ФКД: Другими словами, я не мог совладать с этой ситуацией, потому что это было невозможно. […] Но вы могли бы сказать, что я не смотрел в лицо реальности, в которой не признавал самого факта своей вины. […] Но в то время я этого не понимал, я думал, что у меня нервный срыв. Так что у меня его никоим образом не было. Я показывал результат ужасного давления на меня…

Что это за «ужасное давление»? Задумаемся: еще «неопервшийся» бизнес Энн сразу же угрожал «свернуть» десятилетнюю писательскую карьеру Фила.

Время первого шедевра в его карьере. Фил написал «Человека в Высоком замке», и его публикация в твердом переплете издательством Putnam в 1962 году помогла ему преодолеть бури сомнений в самом себе. В интервью 1976 года Фил вспоминает:

> Я действительно решил прекратить писать и начал помогать жене в ее ювелирном бизнесе. И я не был счастлив. Она предоставляла мне всю дерьмовую часть работы, и я решил притвориться, что пишу книгу. И я сказал: «Я пишу очень важную книгу». И чтобы моя выдумка выглядела убедительной, я и вправду начал печатать на машинке. И у меня не было никаких заметок, никаких замыслов в голове, помимо того, что многие годы я хотел развить мысль о Германии и Японии, которые победили Соединенные Штаты. И без всяких предварительных записей я просто сел и стал писать, просто чтобы выбраться из ювелирного бизнеса. Именно поэтому ювелирный бизнес играет столь большую роль в романе. Без предварительных заметок у меня не было замысла книги, и я использовал «И-Цзин» для развития сюжета.

Чтобы его уход был полным, Фил приготовил себе убежище. По иронии судьбы, именно Энн способствовала тому, что именно Фил снял «Лачугу» – маленькую хижину вверх по дороге на земле, принадлежавшей местному шерифу Биллу Кристенсену. У Фила развилась привычка выходить из своего кабинета и читать Энн новые отрывки. Это ее раздражало, и она предложила ему найти

рабочее место подальше от дома.

Фил перевез «Роял», «Магнавокс», книги и рабочий стол в «Лачугу» и держал у себя под рукой запас леденцов на случай, если к нему заглянут девочки. Энн сразу же пожалела о его отсутствии, но Фил не собирался менять свое решение, хотя он тоже страдал от разлуки. Дороти научила его быть последовательным в своих действиях: «Я дважды не жую одну жвачку», – так он это объяснял. И он подчеркнуто посвятил роман «Человек в Высоком замке» – «Моей жене Энн, без чьего молчания эта книга никогда бы не была написана».

Это был крутой разрыв. Но в уединенной «Лачуге» Фил-писатель не столько возродился, сколько преобразился.

* * *

Фил часто говорил о двух своих темах: «Что есть Человек?» и «Что есть Реальность?» За восемнадцатимесячный период в «Лачуге» он написал два романа, которые представляют собой первые глубокие исследования этих тем: «Человек в Высоком замке» и «Сдвиг времени по-марсиански». «Высокий замок» остается лучшей трактовкой Фила темы «Что есть Человек?» – тонкая история о моральной слабости и мужестве в мире, где торжествуют победившие нацистская Германия и имперская Япония.

Соединенные Штаты были разделены (как Германия в нашем мире) на два отдельных политических региона: восток был под управлением нацистов, в то время как более гуманные японцы (без расистской мифологии и с «И-Цзин» вместо Библии) управляли западом, штаты же на территории Скалистых гор стали буферной зоной с маленькой толикой самоуправления. «Высокий замок» обладает той отличительной особенностью, что является первым американским романом, обратившимся к «И-Цзин», и использует эту книгу как двигатель сюжета (и основу его построения). Многие из тех, кто в шестидесятые годы возвел «И-Цзин» в статус культовой книги, в первый раз узнали о ней из «Высокого замка».

Однако есть и другой текст, который даже превосходит «И-Цзин» по значимости в сюжете, – «…И отяжелеет кузнечик» – роман-в-романе в «Высоком замке». «Кузнечик» (заглавие взято из «Экклезиаста»)[134] представляет мир, где побеждают Союзники (США, Англия, СССР), а не Ось (Рейх, Италия, Япония). (В таком повороте сюжета Фил испытал влияние романа Уорда Мура[135] «Дарю вам праздник» (1953), в котором Юг выиграл Гражданскую

войну.) Альтернативный мир «Кузнечика» далеко не полностью совпадает с нашим «реальным» миром, – к примеру, Рексфорд Тагуэлл[136], а не Рузвельт, является тем президентом, который руководит Америкой во время войны. Автор «Кузнечика» Готорн Абендсен для сюжета своего романа использует «И-Цзин», и результаты этого впечатляющие: несмотря на то что у романа статус запрещенной книги, он широко распространен, его читают все – от нацистских лидеров до еврейских беженцев. «Кузнечик» указывает на поразительную возможность: тот мир, который мы видим, возможно, не реален. Мы в плену лишь тогда, когда живем с закрытыми глазами.

Столь угрожающе выглядит его посылка, что «Кузнечик» запрещен, а его автор, Абендсен вынужден скрываться в поместье Высокий замок в Шайенне, штат Вайоминг. Абендсен, который появляется только в последней главе, написан Филом в соответствии с его воспоминаниями об А. Э. Ван Вогте. Ключевым и вдохновляющим для создания символа Высокого замка послужил Вышеград, чешский замок, который использовали протестанты в своей революции против доминирования католиков в Священной Римской империи. Изучение политики нацистов (в пятидесятые годы, как бы предвидя использование их в романе, Фил читал на немецком языке оригинальные документы СС, хранящиеся в Калифорнийском университете в Беркли) приводило к дальнейшему обнаружению новых метафор замка: многочисленные высокие и прекрасные королевские и императорские замки прежних лет были захвачены СС и использовались для подготовки молодой элиты эсэсовцев, отрезанных от «обычного» мира. Они, эти замки, были базами, из которых будут выходить *Ubermenschen*[137], чтобы править Третьим рейхом. […] два замка создают как бы два полюса в книге: легендарный Высокий замок протестантской свободы и сопротивления в период Тридцатилетней войны против замков зловещей системы подготовки элитных молодежных отрядов СС.

Знание Филом нацистской тактики придало «Высокому замку» пугающее измерение. Без преувеличения, он сотворил мир, в котором зло столь же осязаемо, как и смерть.

В отличие от романов, которым еще предстоит появиться, поиски истинной реальности, подобные поискам Святого Грааля, не занимают центрального места в «Высоком замке». Вместо этого основное внимание уделено лицам, чьи жизни сцеплены благодаря совпадению, совести и состраданию. Используется повествование от третьего лица, но в интимной и отстраненной манере с персонажами, которые в быстром темпе то появляются, то пропадают из виду. В июльском письме 1978 года Фил так

прокомментировал свою технику «множественных нарративных точек зрения»:

> В сороковые годы я познакомился с романами, написанными студентами французского отделения Токийского университета. Эти студенты изучали французские реалистические романы (которые я тоже читал), и японские студенты перестроили их структуру «сцен из жизни», чтобы создать более компактную и интегрированную форму. […] Когда я взялся писать ЧЕЛОВЕКА В ВЫСОКОМ ЗАМКЕ, я спрашивал сам себя: как этот роман должен быть написан – с какой структурой, – если Япония выиграла войну? Конечно же, используя структуру множественной точки зрения, как у этих студентов. […]

Эти множественные точки зрения обеспечивают «Высокий замок» богатством текстуры, которая заключает в себе даже самые тонкие эмоциональные перемены в персонажах. Роман убедительно демонстрирует, что даже мельчайшие наши действия, связанные с обстоятельствами, могут воздействовать на окружающих нас людей – к добру или ко злу – сильнее, чем мы могли бы подумать. В качестве примера: Роберт Чилдэн, торговец антиквариатом из Сан-Франциско, который разделяет нацистские мечты о превосходстве белой расы и в то же время раболепствует перед японскими победителями, которые управляют его жизнью. Но Чилдэн испытывает искупление, потому что он распознает внутренний смысл и ценность («ву») ювелирной вещицы, созданной (о чем не знал Чилдэн) презираемым евреем Фрэнком Фринком. Затем – Нобусуке Тагоми, покупатель Чилдэна, который убивает трех нацистских киллеров из предположительно антикварного револьвера Кольта 44-го калибра (нелегально подделанного Фринком), чтобы сорвать нацистские планы по развязыванию новой войны, между Германией и Японией. Благодаря смелости Тагоми нечестность Фринка трансформировалась во вклад в лучший мир.

Карма, как ее изображает Фил в «Высоком замке», ничего общего не имеет с законом причины и следствия. Добрые поступки не могут обеспечить спокойствие ума. Тагоми страдает от совершенного убийства, хотя нацисты и не оставили ему выбора. В попытке успокоить себя посредством эстетического созерцания, Тагоми покупает у Чилдэна ювелирное украшение, созданное Фринком. Тот самый треугольный предмет, прибитый к двери соседом Фила по Пойнт Рейес Стейшен в «реальном» мире. Но если мастерство Фринка открыло Чилдэну путь к внутренней

гармонии, то Тагоми оно переносит в мир личного ужаса – мир «Кузнечика», в котором победили Союзники. Конфронтация с этим миром напоминает Тагоми об этических обязанностях в своей собственной реальности. Он отказывается подписать документы об экстрадиции, которые позволили бы нацистам убить Фринка.

Тагоми – один из самых прекрасных персонажей, изображенных Филом за всю его писательскую карьеру. Чиновник среднего звена в Министерстве торговли, он несет под покровом своего бюрократизма почитание жизни и дао. Это почитание приносит Тагоми изысканную боль – такова цена эмпатии. Во время совещания по поводу нового немецкого руководства (Борман, который наследовал Гитлеру, умер, а его преемником будет Геббельс) Тагоми испытывает страдания, напоминающие муки, перенесенные Филом в школьных классах:

> Мистер Тагоми думал: полагаю, я схожу с ума.
>
> Я должен выбраться отсюда; у меня приступ. Мое тело разваливается на куски – я умираю. Он с трудом встал на ноги и поплелся по проходу между стульями и другими людьми. Он видел с трудом. Нужно в туалет. Он побежал по проходу.
>
> Несколько голов повернулось. Увидели его. Унижение. Тошнит на важной встрече. Потеряю место. Он продолжал бежать, выбежал из открытой двери, распахнутой перед ними служащим посольства.
>
> Сразу же паника прошла. Зрение возвращалось; он снова видел предметы. Устойчивые стены и пол.
>
> Приступ головокружения. Без сомнения, проблема в среднем ухе.
>
> Он думал: промежуточный мозг, древний ствол мозга взял верх.
>
> Какое-то мгновенное органическое расстройство.
>
> Думать только о чем-то ободряющем. Вспомнить, как устроен мир. […]
>
> Это зло! Оно повсюду, как цемент. […]
>
> Оно составная часть нас самих. В этом мире. Изливается на нас, впитывается в наши тела, мысли, сердца да и в сам асфальт.
>
> Почему?
>
> Мы слепые кроты. Ползаем под землей, чувствуем своими рылами. Мы ничего не знаем. Я осознаю это… теперь я не знаю, куда идти. Разве что – визжать от страха. Бежать отсюда.

Презренный.

Тагоми не единственный, испытывающий отвращение к злу. Швейцарец мистер Бэйнс (имя позаимствовано у Кэри Бэйнса, переводчика «И-Цзин» на английский язык) на самом деле оказывается Рудольфом Вегенером, двойным агентом, стремящимся предотвратить войну с Японией. В разговоре с сидящим по соседству пассажиром-нацистом во время полета на ракетоплане он испытывает ужас:

> Они [нацисты] хотят быть силой истории, а не ее жертвами. Они отождествляют это с Божественной силой и верят, что сами богоподобны. Это основа их безумия. Над ними довлеет некий архетип; их эго психопатически раздуто, поэтому они не могут сказать, где начинается и где кончается их «божественность». Это не высокомерие и не гордость; это раздувание эго до крайней степени – исчезновения разницы между тем, кто поклоняется, и тем, чему поклоняется. Человек не поглотил Бога; Бог поглотил человека.

В «Высоком замке» есть и второй двойной агент. Бывшая жена Фрэнка Фринка, Джулиана, вступает в связь с Джо Чиннаделлой, который оказывается немецким киллером, стремящимся воспользоваться чарами Джулианы (Абендсен, как и Фил, неравнодушен к «определенному типу темноволосых сладострастных девушек»), чтобы проникнуть в Высокий замок и свести счеты с гнусным писателем, перед чтением романа которого Джо не может устоять. Когда Джулиана узнает о плане, она сначала пытается покончить с собой, а потом перерезает Джо глотку. Пользуясь советами «И-Цзин», она следует в Шайенн. Лишь ей одной дарована привилегия явиться в Высокий замок, который, как выясняется, оказывается обычным домом в пригороде. Абендсен покинул свою крепость за многие годы до этого; он понимает, что нет убежища от ужасов мира.

Но Джулиана ищет не убежища, а только истину. Лицом к лицу с Абендсеном они консультируются с Оракулом, чтобы определить, что является истиной в «Кузнечике». Как и во всех случаях, когда персонажи «Высокого замка» прибегали к услугам «И-Цзин», Фил всегда сам бросал монеты, а затем уже его персонажи имели дело с результатом гадания. В заключительной главе Джулиане и Абендсену выпадает гексаграмма «Чжун Фу» («Внутренняя Правда»):

> Подняв голову, Готорн пристально посмотрел на нее.

Его лицо приобрело почти свирепое выражение.

– Это означает, что моя книга истинна?

– Да, – ответила она.

– Германия и Япония проиграли войну? – спросил он гневно.

– Да.

Готорн после этого закрыл оба тома и молча поднялся.

– Даже вы в это не верите, – сказала Джулиана.

Какое-то время он раздумывал. […]

– Я ни в чем не уверен, – произнес он.

– Верьте, – сказала Джулиана.

Он отрицательно покачал головой.

В интервью 1976 года Фил осуждал «И-Цзин» за ее «злокозненный дух», прежде всего потому, что она «полностью уклоняется от ответов», как в «нерешенной» последней главе «Высокого замка»: «Она лжет. Она говорит змеиным языком». (Независимо от подобных заявлений, Фил регулярно обращался к «И-Цзин» вплоть до самой смерти, а особенно часто – в шестидесятых и в начале семидесятых годов.) Что расстраивало Фила (как и многочисленных критиков, которые, с другой стороны, не скрывая, восхищались романом), так это раскрытие истины – что союзники победили во Второй мировой войне, – которая ничуть не избавила героев от предчувствия беды. Джулиана остается изолированной; Абендсен продолжает жить в страхе. Остается ощущение тирании нацистов. Кажется, что одной истины недостаточно, чтобы освободить душу. В августовском письме 1978 года Фил пытается как-то согласовать конец «Высокого замка»:

> Джулиана говорит Готорну Абендсену, что его книга правдива, и это повергает его в гнев. […] Это потому, что он понимает, что, если эта женщина, эта незнакомка, этот самый обычный человек знает об этом, тогда и фашистские власти должны об этом знать, и его жизнь находится в опасности. Абендсен двояко думает о своем романе; с одной стороны, ему бы понравилось, если бы правда в нем была осязаемой; но его пугало то, что он знает правду и публично заявляет об этой правде; он *Geheimnistrager*[138]: носитель (я имею в виду – знаток) тайны, и эта тайна пугает его.

У Фила чувство «знатока тайны», проходящее через всю «Экзегезу», проявилось в 1974 году. В том же году он вернулся к

мысли написать продолжение «Высокого замка». Еще в 1964 году он начал его писать (две главы, всего двадцать две страницы, которые сохранились; смотрите «Человек в Высоком замке» в Хронологическом обзоре), но был больше не в силах изучать отвратительную нацистскую тактику. Надиктованные на кассету заметки 1974 года описывают одну сцену, в которой Абендсен будет подвергнут жестокому допросу со стороны нацистов, которые ищут (как и Джулиана) истину об альтернативной вселенной Союзников (*Nebenwelt*[139]), которую Абендсен не может предоставить – он ее не знает. Тайна всегда неуловима.

«Сдвиг времени по-марсиански», написанный в 1962 году и опубликованный Ballantine в 1964 году, уже упоминался во второй главе – в контексте параллелей между Филом и главным героем Джеком Боленом: их общая ненависть к школам и ужасающие видения реальности, которая расползается по швам. Но «Сдвиг времени» нечто большее, чем просто освещение процесса развития Фила. Это блистательный роман идей, человечный и полный юмора взгляд на жизнь борющихся с Землей марсианских колоний (Марс почти не похож на Красную планету, воображаемую авторами палп-фантастики). Центральная тема: природа шизофрении и того, что по слабому общему согласию мы называем «реальностью».

Издание «Сдвига времени» в виде фантастического романа в мягкой обложке разочаровало Фила. В 1974 году он вспоминал:

> С «Высоким замком» и «Сдвигом времени по-марсиански» я был уверен, что преодолел разрыв между экспериментальным мейнстримом и научной фантастикой. Вдруг я нашел способ сделать все, что хотел, будучи писателем. Я думал о целой серии книг, видел новый тип научной фантастики, возникающий из этих двух романов. А затем Putnam отклонил «Сдвиг времени», как и каждый издатель книг в твердых переплетах, которому мы отправляли роман.

Как отметил Пол Уильямс в своей книге *Only Apparently Real: The World of Philip K. Dick*, воспоминания Фила о судьбе «Сдвига времени» не совсем точны. Роман, который предлагали издателям и те его отклоняли, был «Мы вас построим», опубликованный в 1972 году Доном Уоллхеймом в его DAW. Оригинальное название «Сдвига времени» было *Goodmember Arnie Kott of Mars*. Агентство Мередита продвигало его как фантастику, первоначально в виде сериала для журнала *Worlds of Tomorrow* (с названием еще хлеще, чем у Фила – *All We Marsmen*), а потом продавало его в Ballantine.

Но если Фил плохо запомнил детали, то его чувство поражения от того, что «Сдвиг времени» воспринят как НФ, было действительно настоящим. Даже прием в качестве научной фантастики не обошелся без проблем: Уоллхейм, купивший для Асе два худших романа Фила – «Молот Вулкана» и «Доктор Будущее», отверг один из лучших – «Сдвиг времени». Почему? Время действия романа было в 1994 году. «Он оскорбил мой вкус к научной фантастике, – говорил Уоллхейм. – В указанное время на Марсе не могло быть колонии. Если бы он перенес действие лет на сто, то мне бы это понравилось». Живи с мечом НФ, умри от меча НФ.

* * *

Критики оценивали «Высокий замок» как политический триллер и роман-предупреждение (он был назван «устрашающим» на страницах *New York Times*), но продажи шли плохо. А со «Сдвигом времени» Фил снова оказался в НФ-гетто. Но происходило нечто странное. В конце 1962 года издательство Putnam продало права на «Высокий замок» в Science Fiction Book Club. И фэны научной фантастики спасли Фила, так много говоря о «Высоком замке», что в сентябре 1963 года он получил высшую награду в области НФ – премию «Хьюго».

Если Фил и был в гетто, то, по крайней мере, был там королем. Местный репортер даже сделал фотографию, на которой он позирует рядом с призом в виде ракеты.

Тем временем Агентство Мередита, потеряв, наконец, всякое терпение, вернуло все непроданные реалистические романы Фила в одной большой коробке, оставленной почтальоном прямо у дверей его дома в январе 1963 года. Эти отказы, вместе с лучом надежды, которую подал «Хьюго», стали официальным заявлением. Семь лет попыток Фила прорваться на ниве «мейнстрима» формально закончились.

Да будет так. Фил будет продолжать работать над научно-фантастическим романом (будь проклят «мейнстрим»!), в котором острота сюжета и метафизическая странность стремительно взмывают, оставляя далеко позади все, что было в «Высоком замке» или «Сдвиге времени».

Поскольку ему теперь явилось видение абсолютного зла в небесах.

А его семейная жизнь, как временами казалось, становилась все хуже.

Глава 6
1963–1965

И я писал с фантастической скоростью; я сочинил двенадцать романов за два года… это, должно быть, своего рода рекорд. Я никогда этого не сделаю снова – физический стресс был ненормальным, – но со мной был «Хьюго», который рассказал мне: то, что я хочу написать, зависит от того количества читателей, которые хотят это прочесть. Удивительно, если так!

Фил, эссе Self Portrait (1968)

Одно время я обеспечивал четырех детей и жену с очень дорогостоящими вкусами. Вроде того, что она купила «Ягуар» и тому подобное. Я должен был только писать, и это был единственный способ обеспечивать их. И, знаете, я бы с радостью сказал, что мог делать это без амфетаминов, но я не уверен, что мне удалось бы выпускать том за томом без амфетаминов.

Фил, интервью Уве Антону (1977)

Ну, у меня есть медицинская инструкция из Восточного Окленда к таблеткам, которые я принимал на протяжении семи лет (или девяти? Мое сознание странным образом затуманено). Это семоксидрина гидрохлорид, который, как я сейчас узнал, является аналогом гидрохлорида метамфетамина (то есть другим названием метедрина).

На момент последнего их приобретения я принимал шестикратно по 7,5 мг в день, а 7,5 мг – максимальная доза. Фармацевт забыл выдать сопроводительную инструкцию, и лишь по прошествии всех этих лет я прочитал о побочном действии, и т. п. этих таблеток. Один раздел с подзаголовком «Токсичность для человека» стал описанием моего десятилетия. Он читается так, шайка: «Передозировки могут дополнительно вызывать галлюцинации, бредовое состояние, коллапс периферических сосудов и смерть». (Ииг, гак, уах, фуг, гугх, уух!)

Фил, письмо к Терри и Кэрол Карр (октябрь, 1964)

Брак Фила имитирует «реальность» и расползается по швам; видение в небесах вдохновляет на самую блестящую историю о вторжении на Землю из всех, когда-либо написанных, и, не будучи больше сельским помещиком, Фил переезжает в Восточный (Гак!) Окленд, становится странным и находит новую жену

В 1963 и 1964 годах Фил написал одиннадцать (не двенадцать) НФ-романов, в число которых входят три из его лучших («Доктор Бладмани», «Симулякры», «Кланы Альфанской луны»), один из худших («Порог между мирами») и, по большому счету, совершенный шедевр («Стигматы Палмера Элдрича»). Он также создал одиннадцать рассказов, два эссе и два расширенных сюжетных синопсиса, которые легли в основу позднейшего сотрудничества с Реем Нельсоном («Захват Ганимеда», 1967) и Роджером Желязны («Господь Гнева»[140], 1976). Не говоря уже о сотнях писем и бог знает чего еще, что могло быть потеряно или уничтожено.

Все это стоит констатировать с самого начала, потому что в свете беспокойных историй об этих двух годах, рассказанных по-разному Филом, Энн, друзьями и соперниками, легко упустить один центральный факт: Фил был не только одаренным писателем, но и очень дисциплинированным. Вихревой хаос никогда не уносил его надолго от его верной машинки «Роял».

Действительно, можно сказать, что Фил расцветал среди хаоса, извлекая из него «пищу» для романов и рассказов.

Были времена мира и счастья между Филом и Энн. Конечно. Просто они затерялись на фоне гнева и обвинений. Энн признает, что они оба обладали «вспыльчивым темпераментом». Она не может вспомнить, как часто случались их сражения, или, скорее, это были, на первый взгляд, незначительные перепалки. Обычные разговоры перерастали в словесные препирательства, а затем в откровенную ярость. В интервью Энн говорит:

> Он был силен и блистателен, намного умнее меня – он мог заниматься восемьюдесятью разными вещами одновременно. С ним было очень трудно общаться. Нельзя было заставить себя любить его. Он был жутким. Невозможно было предугадать, какую причудливую штуку он выкинет в следующий раз. Он тоже злил меня. Кроме того, один Фил был очаровательным любовником, но другой Фил был просто ужасен. Иной раз невозможно было разобрать, что происходит. Я вполне могла конкурировать с Филом, у меня было высшее образование – я окончила колледж, и была из категории тех, вы знаете, что полагают: «Теперь-то я заполучила тебя, сукин сын». Я уверена, что создала Филу всем этим множество проблем в те дни. Я уверена, что это именно так.

Не стоит брать в голову, кто начинал первым, из-за чего, когда и почему. Они оба были влюблены друг в друга по уши, и это вызвало наружу демонов, живущих в них. Фил и Энн говорили свободно с друзьями о гневе и насилии, которые вспыхивали между ними. Энн вспоминает: «Язычок у меня тогда был стервозный. Кто из нас кого первым заденет и по какому поводу – не так уж было важно. Я знаю, что всей своей душой участвовала в этих взаимных оскорблениях». Она признает, что они не раз колотили друг друга по разным поводам. И Фил, хотя он был более сдержан, становился в этих случаях неудержимым. Несколько раз он заявлял своим друзьям, что она пытается убить его.

Энн отрицает все подобные вещи, и никто из тех, кто знал их в то время, не считает это правдоподобным. Но нет сомнений, что Фил чертовски выходил из себя, когда Энн доводила его. Ювелирный бизнес позволил ей унижать его как писателя и как кормильца семьи. Фил будет долго печалиться по поводу двух постоянно предъявляемых ему претензий: как мало денег он зарабатывает и как много времени он тратит на писательство,

вместо того чтобы заниматься семьей.

Да, к 1963 году он стал опасаться, что Энн может убить его. Дочка Хэтт вспоминает, что во время их ссор Фил как-то кричал: «Ты убила [первого мужа] Ричарда, а теперь ты хочешь убить меня». Энн вспоминает, как однажды, когда Фил открывал ворота, чтобы она выехала на машине, она увеличила скорость, хотя надо было бы ехать медленнее. В состоянии паники Фил снова запер ворота. «Я с отвращением думала: что он сейчас делает? Когда я все-таки выехала на дорогу, он вернулся и сел в машину. Я никогда не спрашивала его о том, что он собирался сделать». О чем он думал и в чем обвинял Энн на протяжении всех последующих лет – что она намеревалась задавить его.

Фил долгое время чувствовал угрозу со стороны Ричарда Рубенстайна как из-за его статуса «мейнстримного» писателя, так и из-за его материального положения. Когда он не обвинял ошибочно Энн в запланированном убийстве Рубенстайна, он беспокоился, что сам является не более чем аварийной заменой ему. Энн пишет:

> Я прекрасно помню, как Фил говорил в ряде случаев: «Ты не любишь меня, тебе нужен только муж и отец твоим детям».
>
> Что бы я ни отвечала, это ничего для него не значило. Я пыталась возмущаться: «Я ведь тоже люблю тебя!» – но когда я так и не могла убедить его в правоте этого признания, я, наконец, заявляла: «Да, конечно, я только хотела мужа и отца своим детям. А зачем бы еще я вышла за тебя замуж?»

Фил нашел двух важных союзников, которые помогали ему делать то, что, как он считал, он был должен делать: отделившись от жены, он не мог не любить. Доктор Икс, которому он и Энн поочередно наносили еженедельные визиты, был первым из них. Вторым был владелец его «Лачуги», местный шериф Билл Кристенсен («Шериф Кристен» из *The Man Whose Teeth Were All Exactly Alike*). Энн вспоминает одну ссору, когда они оба швыряли мебель, приведшую к тому, что Фил ударил ее. Их дочери глядели на это в страхе. Энн вызвала шерифа Кристенсена. Когда он приехал на своей полицейской машине, Фил вышел к нему, в то время как Энн стояла с сердитым видом на крыльце. То, что он сказал, удовлетворило шерифа, который симпатизировал Филу, зная по его рассказам о якобы резких перепадах настроения Энн.

Ювелирный бизнес у Энн шел хорошо, но в этом ничего хорошего не было для Фила, который продолжал продавать свои НФ-романы издательству Асе по цене – паршивые полторы тысячи

долларов за каждый. (После получения премии «Хьюго» у него возникнет некоторый экономический подъем; так, в 1964 году он заработает двенадцать тысяч долларов, но это продлилось недолго, да и наступило слишком поздно для спасения их брака.) На протяжении 1963 года либо Фил, либо Энн (каждый из них заявлял, что это инициатива другого) решили продать их домик в Инвернессе, который Дороти и Джозеф Хаднер отписали Филу. Они думали, что через какое-то время он снова перейдет к ним; Дороти была в ярости на них обоих.

В течение этого времени, как вспоминает Энн, Фил говорил ей, что устал быть писателем; он предложил ей заложить их дом, чтобы финансировать открытие магазина грампластинок. Энн утверждает, что Фил сказал, как Дороти, так и Доктору Икс, что план заложить дом – это идея Энн. Дороти тут же выразила свое неодобрение, в то время как Доктор Икс сообщил Энн, что она страдает манией величия. Оба обвиняли ее в том, что она хочет положить конец писательской карьере Фила.

Летом 1963 года Фил в последний момент отказался от заранее запланированной семейной поездки в Йосемитский национальный парк. Энн показалось, что он впервые за время их брака начал страдать агорафобией. Совсем наоборот, Харлан Эллисон вспоминает, что Фил за этот период несколько раз посещал его в Лос-Анджелесе. Они впервые встретились в 1954 году на «Уорлдконе»: Эллисон – как хулиганистый фэн, Фил – как молодой профи. Теперь их дружба, как собратьев по перу, росла. Они даже вместе ходили на охоту:

> Я как-то сказал ему об охоте на пекари, чем я иногда занимался. […] Мы поговорили об этом, и я сказал: «Пошли».
>
> Я полагаю, что это было впервые, когда я сумел проникнуться его взглядом на мир. Этот взгляд и вправду был довольно необычным. Уже в его рассказах есть странный уклон: чувство, что за нашим миром существует теневой мир. Я не понимал, что это паранойя, пока не прошло много лет; я не был настолько умен. В любом случае для Фила это был интересный опыт. Мы ничего не нашли. У нас с собой были винтовки, и мы отправились на джипе в Неваду; он был в восторге от ружей.

Не один Эллисон ощущал «паранойю» Фила в тот период. Старый друг из Беркли, Искандер Гай, вспоминает:

> Фил мог нести такие возмутительные вещи, в

которых не было никакого чертова смысла. Что он испытывал, что с ним происходило – я никак не мог понять. Он испытывал чрезмерные колебания между депрессивным и почти маниакальным состояниями. Он мог сказать: «Энн прицепила к «Ягуару» стереосистему и протащила ее по улице». Такое могло быть, я не знаю, но это что-то невероятное. Он говорил, что Энн пытается убить его. Я не раз видел ее, и, боже мой, Энн – весьма мягкий человек. Милая леди. Говоря о ней, Фил то называл ее величайшим событием в его жизни, то заявлял, что она псевдодемоническое создание, воплощающее собой женский разрушительный принцип мира.

У него была своя параноидальная космология – лица в облаках, правительство, ФБР. Так это можно назвать. Это было похоже на то, как будто бы он защищает крепость от сил зла.

Фил пришел к тому, что Дороти стала для него надежным убежищем от жены. Какие бы ни были у Дороти недостатки, она никогда не подшучивала над писательской карьерой Фила у него за спиной, а теперь она симпатизировала его взгляду на Энн как на угрозу этой карьере. Часто во время своих визитов к матери Фил находился в состоянии отчаяния: замкнутый в себе, сидящий и глядящий в одну точку. Если он и говорил, то как-то невыразительно. Дороти допускала некую степень подготовки его рассказов. Вспоминает Линн Сесил, которая все еще жила со своей тетей/мачехой в то время: «Фил все преувеличивал и драматизировал. Мама, бывало, говорила о нем, что он уже написал книгу, если эта книга даже не была готова. Я не думаю, что сам он знал, что делает, а его воображение было столь богатым, что его было чрезвычайно трудно привести в порядок».

Дороти тревожило возрастающее количество амфетаминов, которые принимал ее сын, чтобы поднимать настроение и писательскую продуктивность. Она знала о том, что в пятидесятые годы ему был прописан «Семоксидрин». Но теперь она оказалась в положении пассивного поставщика. Линн Сесил вспоминает: «Мама иногда говорила, что ей хотелось бы повесить замок на домашнюю аптечку, потому что он приходил в дом и открывал ее, – у мамы там было все, потому что у нее было много проблем со здоровьем. Он предпочитал «спиды», но я думаю, что он перепробовал все, чтобы почувствовать действие. В некоторых отношениях он был подобен маленькому ребенку».

Аптечка Дороти была для Фила не единственным источником

лекарств – он продолжал добывать рецепты на антидепрессанты. Хотя его вера в эффективность стимуляторов и транквилизаторов выглядела ребяческой, он не был таким наивным, каким иногда притворялся. Фил разбирался в лекарствах, а в начале шестидесятых годов широко обсуждались вредные побочные эффекты амфетаминов. Но ему трудно было осознавать свою ответственность в этом вопросе. До конца своей жизни он проклинал Энн за то, что в то время употреблял амфетамины по возрастающей. Как и Дороти. После одного посещения матери Фил сказал Энн: «Боюсь, что я собираюсь покончить с собой с помощью лекарств из аптечки Дороти. Она собирается убить меня, потому что оставляет эти препараты повсюду».

К концу лета 1963 года Фил решил, что его отношения с Энн окончательно стали из рук вон плохи. Доктор Икс помог ему понять, что проблемы в его супружеской жизни в большой степени связаны с психическим состоянием Энн; Доктор Икс диагностировал это состояние как «маниакально-депрессивное», вспоминает Энн. Шериф Кристенсен, свидетель ярости Энн в тот раз, когда она его вызвала, был согласен с диагнозом. Фил сказал им обоим, что ее расходы ни в какие ворота не лезут, что она пыталась задавить его автомобилем и угрожала ножом.

И как-то вечером, во время ужина, шериф Кристенсен пришел с бумагами, подписанными Доктором Икс, предписывающими принудительное помещение в психиатрическую больницу. Девочки смотрели, как Энн забирали на семидесятидвухчасовое обследование в психиатрическую больницу Росс.

Фил принял вполне определенное решение по поводу того, что происходит.

Энн объясняет, почему она не переставала любить Фила во время этого тяжелого испытания: «У меня был прочный брак. У нас было четверо детей. Я чувствовала, что, независимо ни от чего, ты должна попытаться справиться со всеми проблемами. Верность была важнейшей ценностью для меня».

Психиатр в больнице Росс поверил Энн, когда она объяснила, что супружеские столкновения – это одно, а помешательство – нечто совсем другое. Но, поскольку дело зашло столь далеко, у нее оставалось только две возможности: полное юридическое заключение о ее вменяемости или две недели дальнейшего обследования в клинике Лэнгли-Портер. Она выбрала второе, будучи помещена в закрытое отделение. Фил с детьми навещали ее каждый день. Дочка Хэтт (тогда ей было тринадцать лет) вспоминает, что во время одной из таких поездок Фил сказал: «Я собираюсь сегодня поговорить с врачами. Я уверен, что они скажут мне: это я должен находиться там, а не ваша мать». По

дороге домой он заявил: «Именно это они мне и сказали. Я уже сам об этом думал». Что ж, может, это правда, а может, и нет – подобные вещи он говорил часто».

Больничные записи о ее пребывании там включают (согласно пересказу самой Энн) следующие комментарии: мистер Дик «был очень несчастен – он говорит, что никогда не видел жены в худшем состоянии. Мистер Дик чувствует, что сам психически болен и его следует госпитализировать. Он чувствует, что, возможно, болен шизофренией». Запись врача свидетельствует, что проблема мистера Дика заключается в том, что он «не может контролировать свою жену».

Энн выписали через две недели. По пути домой Фил настаивал, чтобы они посетили Доктора Икс, который сообщил Энн, что, несмотря на заключение больницы Лэнгли-Портер, у нее маниакально-депрессивный синдром. Находясь в клинике, Энн выплевывала ежедневную таблетку «Стелазина»[141]; в первый день пребывания там она послушно проглотила эту таблетку и находилась в заторможенном состоянии. Согласно словам Энн, теперь Доктор Икс настаивал на том, чтобы она продолжала принимать эти таблетки дома; Фил пригрозил ей, что бросит ее, если она откажется. Вера Фила в «Стелазин» (фенотиазиновый транквилизатор, применяемый с целью регулировать определенные психотические расстройства и повышенную тревожность) была искренней; он как-то сам, по случаю, принял этот препарат, и его действие показалось ему благотворным. А вот опыт Энн при регулярной дозировке: «Они превращали меня в зомби. Стоило мне принять их, и я уже не видела смысла в отказе от них». Энн продолжала сидеть на «Стелазине» два или три месяца, страдая от ослабления памяти. Она и Фил стали встречаться с женщиной – консультантом по вопросам семьи и брака, которая толком не могла разобраться в том, что происходит. Энн после стелазинового дурмана испытывала ярость, но все еще хотела сохранить их брак. У Фила были свои сомнения.

В позднейшие годы Фил никогда публично не упоминал об этом принудительном лечении, хотя он продолжал настаивать на том, что Энн была «шизоидом», лишенным человеческой доброты. Конечно же, его неутихающий гнев после того самого аборта 1960 года играл важную роль в подобных комментариях. Но его молчание на тему принудительного лечения Энн (в отличие от частых и неистовых высказываний в интервью по поводу фиаско в ювелирном бизнесе) свидетельствовало о некоторой степени дискомфорта. Но в то время, как Фил хранил молчание по поводу событий в реальной жизни, он обильно вставлял свои

воспоминания о том самом лечении в свои НФ-романы. Фил не делал секрета из того факта, что многие женские персонажи в его произведениях шестидесятых годов были вдохновлены, хотя бы частично, фигурой Энн. Вот три примера, проливающие свет на это, – Эмили Хнатт в «Стигматах Палмера Элдрича» (написан в 1964-м, опубликован в 1965 году), Мэри Риттерсдорф в «Кланах Альфанской луны» (написан в 1963–1964-м, опубликован в 1964 году) и Кэти Свитсент в «Когда наступит прошлый год» (написан в 1963-м, переработан, опубликован в 1966 году).

Эмили из «Палмера Элдрича» подвергается Э-Терапии (Э – от слова «Эволюция») со своим вторым мужем Ричардом (по всей видимости, здесь использовано имя первого мужа Энн). Э-Терапия – это рискованное дело. Люди либо эволюционируют – тогда мозг их увеличивается в размерах и они приобретают вид «круглоголовых болванов», либо подвергаются регрессу и становятся чем-то вроде шелухи от их прежних личностей. Как выясняется, Ричард эволюционирует, а Эмили регрессирует. Энн рассуждает, что таким образом Фил сравнивал их разную реакцию на «Стелазин». Высшее зрение Ричарда позволяет ему видеть ласковый и просвещенный образ жены, которую он любит. Увядание Эмили вызывает неизбежную печаль. Следует добавить, что на создание образа Эмили также повлияла вторая жена, Клео. В частности, то сожаление, которое испытывает первый муж Эмили, Барри Майерсон, в завершение супружеских параллелей, отражает собственное чувство Фила, который в лице Клео потерял «совершенно замечательную жену».

Но в следующих двух примерах фигура Энн со всей ясностью доминирует. В «Кланах» бесталанный Чак Риттерсдорф и его жена Мэри – блестящий психиатр – вместе проходят психиатрическое профильное тестирование. И вот результат: Мэри должна признать, что у Чака «нет ни следа психического расстройства», в то время как она представляет собой депрессивный тип. Она признает: «Мое постоянное давление на тебя, связанное с твоими доходами, – с этим связана моя депрессия, мое бредовое ощущение, что все идет неверно и что-то надо сделать, иначе мы обречены».

В «Прошлом году» тестированию подвергается сама любовь. Доктор Эрик Свитсент – смущенный, но добродушный хирург-искусорг (от: искусственные органы); его жена, Кэти, врач-консультант, – выдающаяся стерва, чей заработок превышает заработок Эрика. Кэти любит Эрика и пытается удержать его, хотя он борется за то, чтобы покончить с их браком. Она становится зависимой от JJ-180, галлюциногена с токсичным побочным эффектом и свойством, дающим возможность путешествовать по

петле времени. Кэти обманом вынуждает Эрика принять JJ-180, мотивируя его найти антидот. Несмотря на старания Эрика, которые Кэти вряд ли заслуживает, правда заключается в том – как ему сообщает во время путешествия под воздействием JJ-180 Эрик из будущего, – что Кэти страдает от синдрома Корсакова («патологическое разрушение коры головного мозга при постоянной интоксикации») из-за тех наркотиков, которые она принимала до JJ-180. Ситуация безнадежна, но как замечает Эрик в будущем: «Во всяком случае, под действием фенотиазина она спокойна».

В конце романа «Прошлого года» Эрик беседует с летающим такси о значении слова *caritas*[142]. Как нередко бывает в фантастических романах Фила, машина говорит душевно:

> Он внезапно сказал машине:
>
> – Если бы твоя жена была больна…
>
> – У меня нет жены, сэр, – сказало такси. – Автоматические Механизмы никогда не женятся; об этом знают все.
>
> – Хорошо, – согласился Эрик. – Но, если бы ты был мною и если бы твоя жена была больна, отчаянно больна, без надежды на выздоровление, ты бы ее оставил? Или ты бы остался с ней, даже если бы ты путешествовал на десять лет вперед, в будущее, и знал с полной определенностью, что повреждение в ее мозгу никак не исправить? А оставаться с ней означало бы…
>
> – Я понимаю, что вы имеете в виду, сэр, – прервала его машина. – Это значит, что для вас нет другой жизни, помимо заботы о ней.
>
> – Это так, – сказал Эрик.
>
> – Я бы остался с ней, – решила машина.
>
> – Почему?
>
> – Потому что, – ответила машина, – жизнь состоит из по-своему расположенных конфигураций реальности. Покинуть ее – то же самое, что сказать: я не могу выносить реальность как таковую. Я нуждаюсь в более простых условиях жизни.
>
> – Я полагаю, что я согласен, – проговорил Эрик через некоторое время. – Думаю, что я останусь с ней.
>
> – Благослови вас Господь, сэр, – сказала машина. – Я вижу, что вы хороший человек.
>
> – Спасибо, – поблагодарил Эрик.
>
> Такси полетело в сторону корпорации «Тихуана. Меха и краски».

Достоинство этих романов не зависит от правильности оценки Филом душевного состояния Энн. Он был писателем-фантастом, воображающим и придумывающим даже события своей собственной жизни. Но этот кластер приступов здравомыслия мужа и жены ясно обозначает, что, отправив Энн в больницу, Фил сделал это как нечто необходимое, и сделал это с любовью. По сути дела, Энн не страдала от безумия или мозгового повреждения, и после того, как Фил ушел из семьи, она выстроила процветающий ювелирный бизнес, воспитывая и давая образование четырем дочерям.

После больницы и даже после «Стелазина» сражения продолжались. Осенью 1963 года Фил и Энн посетили вечеринку в доме на Маунт-Вижн в Инвернессе. Энн вспоминает, что Фил осушил несколько бокалов мартини, а это ему не было свойственно. На пути домой машина, которую он вел, свильнула с крутой дороги, и передние колеса повисли в воздухе. Энн пишет, что, пока они дожидались помощи, «Фил схватил меня за руку и попытался силой пересадить меня на водительское сиденье. Он сказал: «Залезай, а я подтолкну». Если бы он толкнул машину, она бы скатилась по склону горы. Конечно, там были деревья, которые не дали бы ей скатиться слишком далеко».

В конце 1963 года напряженные отношения дошли до крайней степени, и Фил ушел, отправившись вместе с Дороти в Беркли. Некоторое время спустя приехала Энн, чтобы увезти его обратно, и Фил покорно возвратился, казалось, польщенный этим проявлением ее любви. Но счастливые времена так и не вернулись. Убийство президента Кеннеди в ноябре так сильно шокировало Фила, что он упал на пол, когда услышал об этом, и несколько дней пребывал в состоянии депрессии. Когда любимый кот Фила Тампи пропал, они купили двух сиамских котов-близнецов, которые умерли от чумки. Фил, который жил с котами всю свою взрослую жизнь, отказался сразу же после этого искать им замену.

Энн предположила, что посещение церкви может помочь. Они присоединились к епископальной церкви Святого Колумбы в Инвернессе и посещали ее «религиозно» (как любил говорить Фил) каждое воскресенье. Он иногда заявлял, что это делается только для социального «восхождения» Энн: «Она говорит, что, если мы собираемся познакомиться с судьями, прочими юристами и вообще с важными людьми, мы должны стать прихожанами епископальной церкви».

Но главной силой, которая привлекла Фила на недолгое время к связи с епископальной церковью, была не Энн, а ужасающее видение во второй половине 1963 года, которое почти

довело его до духовного кризиса. В конце семидесятых годов Фил вспоминал:

> Как-то я шел вдоль по сельской дороге к своей хибаре, предвидя восемь часов писания в полной изоляции от всех прочих людей, и я посмотрел на небо и увидел там лицо. На самом деле я его даже не видел, но оно там было, и это было не человеческое лицо. Это был громадный лик совершенного зла. Сейчас я понимаю (и думаю, что смутно понимал тогда), что послужило для меня поводом увидеть его: месяцы уединения, лишение человеческих контактов, фактически сенсорная депривация… но в любом случае этот лик нельзя было отрицать. Он был необъятен; он занимал четверть неба. У него были пустые глазницы; он был металлическим и жестоким, и, что хуже всего, он был Бог.
>
> Я приехал в мою церковь […] и поговорил там со своим священником. Он пришел к заключению, что я мельком увидел Сатану; тогда он совершил надо мной обряд помазания – не соборования, лишь помазания для исцеления. Ни к чему доброму это не привело; металлическое лицо в небе оставалось. Мне приходилось бродить целыми днями, а оно смотрело на меня сверху.

Видение – не видимое «реально», но, несомненно, ощутимое и присутствующее – являлось ему на протяжении нескольких дней. Уединение и муки, связанные с развалом семьи, были не единственными тому причинами. Фил также принимал то, что он попеременно называл то «определенными химикатами», то «психоделиками». Что это были за вещества – неизвестно; Фил отмечает в письме 1967 года, что среди них не было ЛСД, но амфетамины сами по себе в больших дозах могут вызвать видения. К семидесятым годам в его описаниях этого видения уже не было упоминаний о наркотиках, скорее всего, потому что его отношение к экспериментам с наркотиками переменилось.

Однако в основе этого видения были не наркотики и даже не уединение, но в большой степени воспоминания отца Фила – Эдгара, который надевал противогаз, когда рассказывал ему о Первой мировой войне: «Его вид в противогазе вместе с его рассказами о людях с вывороченными кишками, о людях, разорванных шрапнелью, – десятилетиями позже, в 1963 году, когда я в одиночестве ходил туда-сюда по сельской дороге, и мне не с кем было поговорить, и никого не было рядом, этот металлический, слепой, нечеловеческий облик снова и снова появлялся передо мной – запредельный, громадный и

воплощающий в себе абсолютное зло».

Тот облик, который воплотился в образе Палмера Элдрича, был вызван психической перегрузкой от ужаса, пережитого Филом в школе. Разница заключалась в том, что Фил, будучи писателем, обладал возможностями ответить на это и свести в единое целое. Даже если так, то задача была довольно серьезной. Позднее Фил говорил: «Наши *ideos kosmoses* должны принадлежать здравому разуму; «реальность» (*koinos kosmos*) должна фильтроваться, тщательно контролироваться механизмами, с помощью которых работает наш мозг. Мы никак не можем их настраивать, и я полагаю, что из-за этого я видел Палмера Элдрича, который день за днем нависал над горизонтом».

Фил не рассказывал Энн об этом опыте. Она пишет: «Если бы он рассказал мне об этом, я, вероятно, ответила бы, что он съел что-то не то».

На Рождество 1963 года Фил и Энн подарили дочкам кукол – Барби и Кена. В том же самом месяце Фил опубликовал (в *Amazing*) «Кукольный домик» – странный веселый рассказ о жизни на мрачной, бесплодной, потерпевшей поражение Земле, где оставшиеся в живых люди существуют благодаря поддержке победителей – марсиан. Чтобы сохранить здравомыслие, эти выжившие играют в куклы и модели, разработанные компанией «Наборы Подружки Пэт», одежда и аксессуары которых сделаны в стиле Барби и Кена. Дочка Хатт вспоминает, как Фил измерял пропорции кукол Барби, чтобы подтвердить, что они не могли существовать в реальном мире – их головы были слишком малы для их тел.

Видение в небе, куклы Барби, воспоминания Эдгара и учение епископальной церкви – все это оформилось в роман, который Фил начнет писать сразу после Рождества, в начале 1964 года.

Последним толчком к его написанию стали теории мироустройства в гностицизме – собрании религиозных мыслей, сохранившемся в веках, несмотря на жестокие преследования со стороны католической церкви. Фил и Энн в то время проходили подготовку к конфирмации, и Фил был в восторге от доктрины епископальной Мессы, а особенно – от пресуществления в евхаристии. Этот восторг привел его к чтению, совершенно независимому, эссе Юнга *Transformation Symbolism in the Mass*. В нем Юнг рассуждает о том, что лежащий в основе христианства взгляд на Христа, принявшего смерть за наши грехи, созвучен гностическому восприятию наказания как адекватного преступлению – божество было справедливо наказано за сотворение порочного мира. Юнг делает вывод: «По причинам, которые легко понять, нельзя ожидать от ортодоксального

христианства удовлетворительного ответа. […] А из определенных гностических систем становится ясным, что *auctor rerum* [творец мира] был низшим из властителей, который ошибочно воображал, что сотворил совершенный мир, который, на деле, был ужасающе несовершенным».

Для Фила гностическая точка зрения, что наш мир – это иллюзорная реальность, сотворенная злым, несовершенным божеством, была совершенно убедительной. Оно несло ответственность как за страдания человечества, так и за поразительные феномены, такие как видение «абсолютного зла» (истинный облик бога гностиков!) в небе. И дело не в том, что Фил с убежденностью причислял себя к гностикам. Но как писатель-фантаст Фил естественно тянулся к тем теориям, которые пробуждали его воображение и создавали основу для его опыта, – и здесь гностицизм замечательно подходил ко двору.

Фил, Энн и дети были надлежащим образом крещены все вместе в январе 1964 года. Но Энн вспоминает: «Когда мы ехали домой, Фил бодро сказал мне: «В момент моего крещения я увидел, как наружу из баптистерия выскальзывает, с хвостом между ног, маленький красный дьявол классического вида – с рогами и шипом на хвосте».

* * *

«Палмер Элдрич», которого Фил по почте отправил в Агентство Мередита в марте 1964 года, появился в середине заряженного амфетаминами периода, бурного даже по стандартам самого Фила. За двенадцать месяцев, предшествовавших «Палмеру Элдричу», Фил написал шесть романов: «Доктор Бладмани», «Игроки с Титана», «Симулякры», «Когда наступит прошлый год», «Кланы Альфанской луны», «Порог между мирами». За пять месяцев, которые последовали за ним, Фил написал еще три: «Абсолютное оружие», «Предпоследняя правда» и повесть *The Unteleported Man* (смотрите «Хронологический обзор»).

Конечно, он чувствовал себя под давлением необходимости обеспечить семью и писал со сверхсветовой скоростью, всегда требующейся от авторов, которые жили за счет НФ. Но Фил был на вершине своих возможностей. Никогда больше он не будет писать с такой головокружительной скоростью, хотя ничтожно низкие авансы за его романы – и прием амфетаминов – продолжались до начала семидесятых. Черт возьми, низкие авансы никогда не менялись.

Но с «Палмером Элдричем» плотина рухнула. Фил покончил с игрой в «мейнстрим». «Высокий замок» завоевал премию «Хьюго». Читатели фантастики этим дорожили. Они позволяли тебе веселиться, пока ты их удивляешь. Нет ничего проще.

Сюжеты Фила не требовали необычного оборудования для исследования космоса. По большей части, он забрасывает своих героев в соседние марсианские колонии или на Землю после ядерной катастрофы. Его футуристические технологии представлены летающими машинами (*flapple)* и другими говорящими автоматическими устройствами, которые тщетно пытаются привести в порядок жизнь их злополучных людей-владельцев. Когда Фил действительно хочет перетряхнуть события, он вводит в текст персонажей-экстрасенсов, таких как телепаты (*teeps)* и ясновидцы (*precogs*), или инопланетян со зловещими религиозными убеждениями, или совершенно новые наркотики, которые, независимо от того, что они обещают, всегда в результате все делают намного таинственнее и хуже. Герои, противостоящие всему этому, как правило, – а кто, как не они? – неистовые, растерянные, яростные, сломленные, а иногда даже полные веры в человеческую доброту. Вуаля! «Филдиковский» мир.

«Палмер Элдрич» – первый фантастический роман Фила, который буквально берет жанр за горло, встряхивает и заставляет работать по-своему. Джон Леннон читал его, восхищался им и интересовался созданием экранизации. Это была та книга, про которую Фил неоднократно говорил, что она имеет лучшие шансы пережить все его остальные работы. «Валис» (1981) превосходит этот роман своим метафизическим и психологическим совершенством; «Убик» (1969) подавляет чистым патафизическим фарсом; «Помутнение» (1977) более убедительно исследует территории ада. Но если вы захотите прочитать захватывающий дух роман о том, как Земля тайно захвачена чужими, которые обладают силами за пределами нашего понимания, в то время как Барни Майерсон проходит через бесчисленные альтернативные реальности в попытках отвоевать свою бывшую жену в одной из них, только в одной, а доведенные до отчаяния марсианские колонисты жаждут яркого, блестящего мира «Подружки Пэт», а Лео Булеро обращается к весьма подозрительному доктору Смайлу, чтобы тот помог ему сбежать от гигантской крысы, и Палмер Элдрич оказывается всеми и каждым, по крайней мере, на какое-то время, и представляет собой – пока вы не обращаете на это внимания – трогательную притчу о природе реальности и борьбе за наши бессмертные души, – тогда вам стоит прочитать роман «Палмер

Элдрич».

Действие романа разворачивается в начале XXI века. Земля выжжена – температура в Нью-Йорке в мае составляет 180 градусов по Фаренгейту[143]. *Преког* Барни Майерсон просыпается в чужой постели с женщиной, которую он не узнает, и сразу же включает свой чемоданчик-психиатр – Доктор Смайл. Барни надеется, что тот поможет ему сойти с ума и он тем самым не попадет под призыв мирового правительства на жизнь в марсианских колониях, где дела обстоят еще хуже. Доктор Смайл объясняет Барни, что эта женщина – Рондинелла Фьюгейт, новая секретарша Барни в «Наборах Подружки Пэт», и что именно она хочет занять его место.

Фирма «Наборы Подружки Пэт» («НПП») официально занимается производством идеальных миниатюрных (*minned*) «комплектов» – в них входят квартиры в пентхаусах, гламурные кабриолеты, великолепные курорты, куда «перемещаются» марсианские колонисты, употребляющие нелегальный наркотик Can-D[144], в течение краткой интоксикации «переселившись» в идеальные тела Уолта (для парней) и Подружки Пэт (для девушек). Когда три пары сидят вместе в «лачуге» – Фил назвал их мрачные жилища в честь своей уже описанной «Лачуги», – все трое мужчин становятся одним Уолтом, а все три девушки – одной Подружкой Пэт. Эта тайна так же не поддается объяснению, как и Триединство Единого Бога. Вот день на пляже в стиле наборов Can-D:

> Волны океана омывали их двоих [Уолта и Подружку Пэт], когда они молчаливо лежали, развалившись на берегу. […]
>
> Поднявшись, Подружка Пэт сказала: «Ну что ж, сейчас я, пожалуй, пойду искупаюсь; больше здесь делать нечего». Она погрузилась в воду и, плескаясь, стала удаляться от них – от тех, кто находился в собственных телах и глядящих на то, как она удаляется.
>
> «Мы упустили нашу возможность», – насмешливо подумал Тод Моррис.
>
> «Это я виноват», – сознался Сэм. Совместными усилиями ему вместе с Тодом удалось встать; они прошли несколько шагов вслед за девушкой и, оказавшись по щиколотку в воде, остановились.
>
> Сэм Риган уже чувствовал, что действие наркотика слабеет; он чувствовал себя немощным, испуганным, и его тошнило после того, как это действие заканчивалось. «Как же чертовски быстро», – признался он самому себе.

[…]

А рядом с набором – простые коричневые обертки, в которых был Can-D; они прожевали пять из них, даже не заметив, и теперь, посмотрев на них, даже против своей воли, он видел тонкие струйки блестящего коричневого сиропа, стекающие из их вялых, беспомощных ртов.

Возможности *прекога* позволяют Барни Майерсону предсказывать, – по крайней мере, большую часть времени, – какие наборы будут иметь успех у живущих фантазиями колонистов. Босс Майерсона, владелец «НПП» Лео Булеро не стандартный герой. Он – крупный наркодилер Can-D, и пока колонисты рассматривают опыт «перемещения» как религиозный, Булеро все понимает, но оправдывает себя тем, что Can-D приносит утешение в их жалкие жизни. Но именно Лео Булеро окажется спасителем Земли и всех нас.

Угроза нарастает с возвращением Палмера Элдрича, промышленника-мятежника, который находился в далекой системе звезды Проксимы на протяжении десяти лет и на обратном пути таинственным образом совершил аварийную посадку на Плутоне. Элдрич выжил, но в какой форме – никто не знает, поскольку Элдрич держится в уединении. Но он привез с собой новый наркотик Chew-Z[145], который грозит тем, что выдавит Can-D с рынка. Любой марсианский колонист пожалуется, что Can-D возвращает вас обратно в вашу хибару слишком быстро и требует дорогостоящих аксессуаров-миниатюр, чтобы «перемещение» выглядело реальным. А Chew-Z все действует и действует и не оставляет никаких сомнений в реальности того, что вы испытываете в его владениях. Маркетинговый слоган Chew-Z: «БОГ ОБЕЩАЕТ ВЕЧНУЮ ЖИЗНЬ. МЫ МОЖЕМ ЕЕ ПРЕДОСТАВИТЬ».

Элдрич дает Булеро на пробу дозу Chew-Z – с ужасающими последствиями. Чтобы скрыться, Булеро строит лестницу, которая поднимается через сияющий обруч в небе и опускается в Нью-Йорке, на родине «НПП». Вернувшись в свой офис, он пытается, как и подобает хорошему руководителю, подбодрить Барни и Рони Фьюгейт:

«Теперь я понимаю, на что похоже это новое вещество Chew-Z. Оно существенно уступает Can-D. Я заявляю об этом столь решительно, потому что у меня нет никаких сомнений. Можно сказать не колеблясь, что у него простое галлюциногенное действие. Теперь вернемся к делу. Элдрич продал Chew-Z в ООН, заявив, что он обеспечивает подлинное перевоплощение. […]

Это мошенничество, поскольку Chew-Z подобным действием не обладает. Но худшее из свойств Chew-Z – это его солипсизм. Принимая Can-D, ты обретаешь истинный межличностный опыт, делишься своими переживаниями с другими людьми в твоей хибаре, – он сделал раздраженную паузу. – В чем дело, мисс Фьюгейт? На что это вы так уставились?»

Рони Фьюгейт пробормотала: «Извините, мистер Булеро, но у вас существо под столом».

Наклонившись, Лео заглянул под стол.

Нечто втиснулось в щель между ножками стола и полом и посмотрело на него зелеными немигающими глазами. […]

Лео сказал: «Ну вот и все. Мне жаль, мисс Фьюгейт, но вам следует вернуться на свое рабочее место. Нет никакого смысла обсуждать, какие действия следует предпринять в связи с неизбежным появлением Chew-Z на рынке. Потому что я ни с кем не разговариваю; я сижу тут и болтаю сам с собой».

Медленно, но верно каждый (неважно, принимали они сами Chew-Z или нет, да и кто такие «они»?) приобретает «стигматы» Палмера Элдрича, в основе которых – видение Фила в небе над Вест-Марин: зубы из нержавеющей стали, узкие прорези искусственных глаз и черная механическая рука. В романе о них говорится как о протезах, поставленных богатому Элдричу после аварии на Плутоне. Но они становятся знаками распространяющейся галлюцинаторной реальности, которая контролируется Элдричем. Майерсон видит истину, скрытую за обликом зла:

…он все тот же, и все это он, творец. Вот кто он такой и вот что он такое. Владелец этих миров. Оставшиеся из нас просто населяют их, и, если он пожелает, то сам поселится в них тоже. Может одним пинком разрушить все декорации, проявив себя, расшвырять вещи туда, куда пожелает. Вечные, вне времени, соединенные между собой сегменты всех других измерений… он даже может проникнуть в тот мир, в котором сам он мертв.

Палмер Элдрич отправился на Проксиму человеком, а возвратился богом.

Если Элдрич и является богом, то богом безрадостным. Сколько бы миров он ни населял, Элдрич остается одиноким.

Майерсону, который удивляется – как он может нести на себе все бесчисленные вечности, возникающие благодаря Chew-Z, Элдрич предлагает (с чем-то близким к доброте, которую только и можно получить от воплощения абсолютного зла) самому превратиться в камень.

Но роман кончается – или даже начинается – с деловой памятки, которая заверяет читателя в том, что Лео Булеро, хваткий предприниматель и последний человеческий герой, все же одержит победу. Написанная после дьявольских событий, развернутых в сюжете, памятка признает, что человечество «создано всего лишь из праха», и это «весьма плохое начало», но заканчивается резко: «Сам я лично верю, что даже в такой дрянной ситуации мы можем что-то сделать. Вы понимаете меня?» Сходство Булеро с первым начальником Фила, Хербом Холлисом, обсуждается в главе 3. Но здесь – более глубокое влияние, которое впервые проявилось в пятидесятые годы в рассказе «Отец-двойник»:

> В романе мой отец появляется одновременно как Палмер Элдрич (дурной отец, дьявольская маска отца) и как Лео Булеро – мягкий, угрюмый, теплый, любящий, человечный мужчина. […] Ужас и страх, изображенные в романе, не являются вымышленными эмоциями для пробуждения читательского интереса; они приходят из самых глубин моей души: тоска по доброму отцу и страх перед злым отцом – тем отцом, который покинул меня.

«Палмер Элдрич» был первым романом, который Фил продал издательству Doubleday, которое опубликовало эту книгу (а позднее еще семь) в твердом переплете в шестидесятые и семидесятые годы. Впервые Фил приобрел надежный рынок для своих книг параллельно с Ace, которое продолжало публиковать большую часть его произведений вплоть до конца шестидесятых годов. Хотя Doubleday платило немногим больше, чем Ace, – в среднем аванс составлял две тысячи долларов, – но достойный вид этим книгам придавали суперобложки. И, таким образом, в рыночном смысле, «Палмер Элдрич» был романом-прорывом для Фила.

Более важно: это стало подтверждением тому, чего Фил может добиться при помощи научной фантастики. «Палмер Элдрич» ужасал его – Фил заявлял, что, когда появились гранки, он не мог заставить себя их прочитать. Энн называет этот роман «черной мессой» и смеется задним числом над тем, что Фил писал его в те дни, когда они готовились к конфирмации. В интервью 1974 года Фил назвал царство Chew-Z «не сновидением

и даже не галлюцинацией. Это состояние, в которое входят персонажи… и их попытки вернуть «рассудок».

Конечно, роман поддается интригующим толкованиям. Рассмотрим самого Палмера Элдрича. Пальмовая ветвь в христианской символике свидетельствует торжество мученика над смертью. Палмер – это паломник, который в знак того, что был в Святой земле (или в звездной системе Проксимы?) несет пальмовую ветвь (или лишайники, из которых производится Chew-Z?). Элдрич, конечно, любимое «прилагательное» Лавкрафта и остальных авторов эпохи журнала *Weird Tales* двадцатых и тридцатых годов. Что касается Лео Булеро, лев (leo) появляется в пророчествах Иезекииля и, как символ Христа Господа Жизни, связан с Воскрешением. И царство Chew-Z может рассматриваться как адская гностическая параллель с христианской евхаристией, которая, как описано Юнгом, «содержит в качестве своего существенного ядра тайну и чудо о Преображении Господнем, происходящем в человеческой сфере, его становлении Человеком и его возвращении к своему абсолютному существованию в себе и для себя».

В «Экзегезе» Фил часто обращается к гностическим доктринам в попытке разъяснить самому себе образ Палмера Элдрича. Например, Элдрич «высокомерный, Слепой Бог (то есть артефакт), который считает себя единственным истинным Богом». Истинный Бог – истинный Отец – покинул этот мир. Наиболее существенной, однако, является запись 1978 года: «Лео Булеро, победивший Палмера Элдрича, является спасителем/ посланником (Сын Человеческий), который побеждает Демиурга, творца этого тюремного (и иллюзорного) мира, разрушает его власть над человеком».

Все это также и история о великом вторжении на Землю. Боже, благослови научную фантастику.

* * *

В начале 1964 года брак близится к концу. Все чаще Фил останавливается у Дороти в Беркли. Девятого марта Фил подает на развод (решение суда вступит в действие в октябре следующего года). Фил возвращается в Пойнт Рейес Стейшен ради нескольких недолгих попыток примирения, оставаясь там минимум на час, а максимум – на день или два, и всегда уходит с крепнущим чувством, что их брак был ошибкой.

Хуже всего было оставить Лору и трех его падчериц. Фил, несмотря на весь этот хаос, был преданным отцом, принимая

Хэтт, Джейн и Тэнди как своих собственных детей. Но в целом Фил был готов к переменам. Он явно не укладывался в рамки семейной жизни среднего класса. И его любовь к детям не могла компенсировать их с Энн горькой нетерпимости. Как и большинство мужчин той эпохи, Фил едва ли думал о совместном попечении над детьми, после того как их брак закончился. Воспитание детей было делом женщины. Фил обижался в последующие годы, когда Энн не хотела, чтобы Лора навещала его. Но он никогда не противился тому, чтобы Энн брала на себя основные обязанности по уходу за детьми, включая материальную поддержку, – Фил решительно уклонялся от выплаты алиментов на ребенка Энн в течение следующего десятилетия. Когда они расстались с Энн в марте 1964 года, он сосредоточил все свои силы, чтобы начать жизнь заново.

Вообще-то Фил был рад вернуться к городской жизни, чтобы свободно и решительно искать себе «подружек». Более того, он в первый и единственный раз стал главным воплощением НФ в районе Залива. Сначала Фил переехал к Хаднерам в Беркли. Затем, по счастливой случайности, возникла переписка – и у Фила появилось новое романтическое пристрастие.

Грании Дэвидсон (в настоящее время – Грания Дэвис, ее авторству принадлежат три научно-фантастических романа[146]) было двадцать лет, и жила она в Мехико. Ее брак с НФ-писателем Аврамом Дэвидсоном, другом Фила, подходил к полюбовному завершению. Она написала Филу, расхваливая «Высокий замок» и «И-Цзин», к которой Грания регулярно обращалась за советами. Это привело к «эпистолярному роману». Когда Грания вместе с сыном приехали в район Залива в июне 1964 года, они с Филом решили жить вместе на Лайонс-авеню, 3919 в восточном «Гаквилле», также известном как Окленд. Это был маленький старый дом в районе, не считавшемся модным. Официально, чтобы предотвратить помехи во время бракоразводного процесса, Фил арендовал дом, в то время как Грания заняла коттедж со стороны заднего двора.

Их отношения, которые продолжались до Хеллоуина, стали для Фила поразительно иными, нежели жизнь с Энн. Грания была любовницей с совершенно свободными взглядами, восхищалась его произведениями и не предъявляла ему никаких требований. Грания вспоминает, что Фил был нежным и заботливым, что по отношению к ней, что – к ее сыну, для которого он построил песочницу на заднем дворе. Его подарки были весьма практичны: старый «Шевроле» и салатница. Но его признания в любви захватывали дух. Как говорит Грания: «У Фила была эта чудесная способность безумно любящих людей, чтобы заражать этой

невероятно сильной страстью, и я думаю, что это было его главной привлекательной чертой для женщин, впрочем, как и для его друзей. Когда он любил тебя, он тебя действительно любил».

Она описывает Фила в течение того лета как одержимого «внутренними демонами». Он нередко просыпался в муках посреди ночи. Было единственное опасение, что Энн шпионила за ним, чтобы собрать информацию и воспользоваться ею в суде. Он признавался друзьям, что Энн каким-то образом установила «прослушку» в его «Магнавоксе». Энн спилила замки в «Лачуге», чтобы передать своему адвокату финансовую отчетность Фила. Возмущенный, Фил получил запретительный судебный ордер; он также купил короткоствольный однозарядный «Кольт Дерринджер» 22-го калибра, чтобы защитить себя от потенциального насилия со стороны Энн. Грания вспоминает, что он «стал слишком сильно любить это оружие, размахивать им перед людьми», один раз даже перед Энн, когда она пришла в дом на Лайон-авеню вместе с Лорой. Грания не знала, было ли оно заряжено в этих случаях. Она отмечает: «Фила интересовало насилие, оно его привлекало. Это было тогда частью его образа жизни, поскольку он боялся, что обложен агентами ЦРУ и нацистами».

Фил многократно намекал своим друзьям, что нацисты, ЦРУ и ФБР нашпиговали «жучками» его дом и ведут прослушку, Энн также за ним шпионит (что она отрицает). Фил оставался Филом, и, когда он рассказывал подобные истории, он часто веселился – обвиняя ЦРУ в том, что оно установило «жучок» даже в кошачьем туалете. И когда Фил говорил с мрачным видом по поводу Энн и тех, кто угрожает людям, которых он любил (и, как подчеркивает Грания, Фил любил многих людей, включая платоническое обожание нескольких женщин – в то время), он избегал ожесточенных столкновений и часто приходил в шутливое настроение в самый кризисный момент. Например, вскоре после получения запретительного судебного ордера против Энн Фил передал ей свой новый телефонный номер, не указанный в справочнике. Когда Энн пришла в гости, Фил попросил Границу спрятаться в шкафу. Затем он приступил к дружескому чаепитию с Энн, а Границу держал взаперти, и, как она вспоминает, «дольше, чем позволяет объем человеческого мочевого пузыря».

Грания говорит о том, что в Филе одновременно жили «ангелы и демоны, и даже было интересно, как он их совмещал в себе». Смеясь, она добавляет: «Конечно, он был сумасшедшим – как ухающая сова. Но на самом-то деле Фил был так далеко от всего этого – он был человеком с богатым и сложным внутренним миром. Сумасшедший – это всего лишь одна из граней этого

невероятно сложного сияющего человека, настоящего мистика, очень гуманного». Она вспоминает, что Фил забавлялся, «подразумевая, что все вокруг были сумасшедшими или они [она снова смеется] не были тесно связаны с Филипом К. Диком». Он часто подвергал новых знакомых своему «Тесту пословиц Джеймса Бенджамина» (инструмент психологической диагностики, фигурирующий в романе «Мы вас построим»), чтобы определить их человеческие качества, но Грания вспоминает, что Фил интерпретировал ответы в основном в зависимости от того, понравился ли ему человек с самого начала.

Переменчивость настроения Фила усугубилась травмами, полученными из-за дорожной аварии в июле 1964 года. Он вел машину, и на повороте их «Фольксваген» перевернулся; Грания обошлась без серьезных травм, но Фил оказался на два месяца в гипсе и с рукой на перевязи. После ухода от Энн скорость его письма замедлилась, а авария положила конец даже попыткам писать. Жалкая жизнь Фила в гипсе, усилившиеся страхи по поводу окончания брака и начала новой жизни – приводили его к мысли о самоубийстве. Его отчаяние было описано Гранией в тревожном письме в июле 1964 года. Грания сразу же пожалела о своем тоне и выбросила его. Фил выудил это письмо из мусора и сохранил его. Вот выдержка из него:

> Он больше не встречается со своими детьми… У него постоянно болит плечо… он беспомощен во многих отношениях – не может водить машину, не может писать, не может умываться, не может завязывать шнурки на ботинках… И все это не только у него в голове… как видишь… у него есть причины… вполне добрые, обыденные причины так чувствовать… помимо того, что есть нечто СЛИШКОМ… вещи, которые находятся В ЕГО СОЗНАНИИ… и добавляются к его повседневным проблемам… пока дорогой, восхитительный, умный и интересный Фил… не станет совершенно неузнаваемым…

Она писала также о «вспышках ярости», которые перемежались с угрюмым настроением, когда он давился пищей, – рецидив детских проблем с глотанием.

Но в их отношениях было много счастливых событий, и Фил был мастером писать то, что Грания называет «прекрасными, пылкими, примирительными письмами», чтобы искупить свое дурное настроение. В последующем октябрьском письме Грания сожалела, что ее опасения по поводу настроений Фила, переданные друзьям, «прозвучали по району Залива, словно через

мегафон, и раздулись […] до невероятных размеров». Но Грания была не единственным источником слухов – Фил и сам умел играть на публику и преувеличивать события своей жизни. Многие из тех, кто знал его, находили, что сложно разобраться, когда Фил шутил, а когда боялся за свою жизнь. Он заработал репутацию (на что жаловался в одном из писем) «прогрессирующего параноидального шизофреника, который верит, что все замышляют против него и от каждого можно ожидать, что он станет его врагом в любой момент. (Факт в том, что все это сбило меня с толку, я не мог себе представить, кто будет распространять такой образ и ради чего демонстрировать эту ложь)».

По существу, их дом в Восточном Окленде был миролюбивым социальным центром научной фантастики. Долгая изоляция Фила в округе Марин позволила ему получать удовольствие от контактов с другими писателями. Воскресными днями группа, в которую входили Рэй Нельсон, Мэрион Зиммер Брэдли, Джек Ньюком, Пол и Карен Андерсоны, Аврам Дэвидсон и прочие, собиралась в доме у Фила и Грании, чтобы подвергнуть «мозговому штурму» идеи для сюжетов. Совместный роман Фила и Рэя Нельсона «Захват Ганимеда» (опубликован в 1967 году) был задуман во время одной из таких сессий. Предполагалось написать роман *The Whalemouth Colony*, идеи которого Фил переработал в повесть *The Unteleported Man* (опубликована в 1966 году[147]).

Но наиболее важным из этих воображаемых проектов стал *Ring of Fire*, который Фил воспринимал, как продолжение «Высокого замка». Нельсон пишет, что название «связано с кольцом вулканов и сейсмических разломов на северной границе Тихого океана, соответствующей Японской империи». В сюжете «возникает чрезвычайно творчески плодовитое общество под названием Амеразия, которое создает несколько бессмертных произведений искусства, объединяющих влияние Востока и Запада, но оно было полностью разрушено в первый день Третьей мировой войны, со всеми своими художниками, писателями и музыкантами, уцелел только один из них, чем и заканчивается роман». Обсуждался и третий том – *Fuji in Winter*. Нельсон вспоминает, что там «описывалась короткая и апокалиптическая война, которая почти полностью уничтожила человечество, но закончилась с ноткой надежды, так как из руин восстает новая религия, которая сочетает в себе лучшие элементы всех прежних религий». Все это вместе предполагалось назвать «Амеразиатская трилогия».

Идей было множество, но Фил впервые страдал от

писательского ступора. Он боялся, что это навсегда. Объединение творческих усилий с другими писателями представлялось своего рода выходом. Именно в этот период были начаты оба произведения с соавторами, написанные за всю карьеру Фила, – «Захват Ганимеда» и «Господь Гнева» (роман начат совместно с Тедом Уайтом, закончен уже с Роджером Желязны; опубликован в 1975 году).

Еще одним НФ-писателем, с которым Фил подружился, был Рон Гуларт. Именно Гуларту, летом 1964 года, Фил послал длинное письмо, в котором он впервые подошел к созданию подробной схемы построения романа. Однако ни об одном из его романов не скажешь, что он соответствует «чертежу», предложенному в письме, – Фил отклонялся от намеченного плана, как только он чувствовал прилив творческой энергии. Но это письмо раскрывает те методы, которые использовались для создания множественных точек зрения в «филдиковских» мирах. Это также поразительное письмо, написанное во время творческого ступора, – возможно, именно оно помогло Филу уверить себя, что он сможет снова взяться за свое дело.

В первых трех главах, говорит Фил, следует представить трех главных персонажей. В первой главе:

> Появляется персонаж, не главный герой, а «недочеловек» (*subhuman*), в котором и жизни-то нет, который представляет собой обыденного человека, который существует на протяжении всей книги, но, скажем, пассивно; мы узнаем весь мир или его основы по тому, как с ним взаимодействует этот персонаж; это «парень, который платит по счету», «мистер Налогоплательщик» и так далее. ОК. В нем нет ничего драматического, но, что более важно, через него мы видим тот мир, в котором он живет, и в этом-то роман отличается от рассказа: это не развитие событий, которое доходит до кульминации в Сцене или во время Кризиса, но, как я уже сказал, – это «целый мир»… «со всеми закупоренными дырами», – как говорит Ортега-и-Гассет[148].

Во второй главе появляется главный герой (*protag*), имя которого должно состоять из двух слогов вроде «Том Стоунсайфер», который противостоит односложному «Элу Гланчу»[149] – «недочеловеку» (*subhuman*) из первой главы.

> Главный герой работает – и здесь следует ввести некий Институт, или некую организацию, или какой-то

> бизнес, или, хорошо, нечто такое, что расскажет нам, чем занимается «мистер С.»: его функция. Мы также узнаем личную (или частную, или семейную) жизнь «мистера С.». Его супружеские или сексуальные проблемы, либо какое-то беспокойство, не связанное с его работой на корпорацию… у нас здесь нет времени на фон, массив или абстракции; у нас должно возникнуть внезапное ощущение того, что происходит прямо сейчас; возникает неотложная проблема, решение которой требует ввести кого-то еще, вроде жены, брата и так далее. Понимаете?

В третьей главе появляется персонаж, который выше двух предыдущих по статусу, и пределы романа расширяются:

> Мы меняем направления сюжета и начинаем развивать его по законам, не приемлемым для короткого рассказа. Мы продолжаем вести речь о «мистере С.» и «недочеловеке» «мистере Гланче»… некоторым образом. Но, с другой стороны, хотя мы и продолжаем возиться с «мистером С.», мы оказываемся уже в другом, сверхчеловеческом измерении. Это большая проблема, связанная с «Ними», к примеру, – с вторжением на Землю, с иным разумным существом и так далее. И через глаза и уши «мистера С.» мы мельком видим впервые эту сверхчеловеческую реальность и человека – можем ли мы назвать его «Мистером Сверхчеловеком» (*Mr. Ubermensch*)? – который обитает в этой сфере; […] точно так же как «мистер Г.» – налогоплательщик, а «мистер С.» – это «Я», средний человек, «мистер СЧ.» – это «мистер Бог», «мистер Большой». Он – Атлас, несущий на своих плечах всю тяжесть мироздания, если так можно сказать, но он является воплощением зла, и он может нести зло – или добро; в любом случае сила несет в себе ответственность, а она причиняет боль; она отягощает, старит его… при этом он достаточно большой, чтобы исполнить свое высокое предназначение; он в состоянии вынести это; он вполне самодостаточен.

Фил делает акцент на том, что «основная драматическая коллизия книги вращается вокруг столкновения «мистера СЧ.» с «мистером С.». Первый мимолетный взгляд на эту коллизию дается в третьей главе. «Мы уже глубоко погружены в книгу, не только в само повествование […]» из-за взаимоотношений трех персонажей. Судьба «мистера С.» заключается в том, чтобы «со всей драматичностью двигаться по пути, который приводит его к

прямой конфронтации с «мистером СЧ.», и ему предстоит решить, каким образом в конечном итоге падут нынешние «Обстоятельства», то есть «мистер СЧ.», в кризисной ситуации, на «мистера С.».

И теперь происходит великое слияние миров, к которому подводит сюжет:

> «Мистер С.» думал, во второй главе, что у него есть проблемы (они и были – личного характера). Но теперь посмотрите на него в главе четвертой. Он почувствовал на своих плечах часть ноши Атласа; он обретает мудрость. Но первоначальная личная проблема не исчезает, наоборот, она становится все хуже. У нас возникает истинный контрапункт, из двух проблем, – прежней, личной, наряду с поздней, глобальной, каждая из которых причиняет боль, или наносит раны, или начинает преобладать одна над другой.
>
> И, наконец, наступает самый драматический момент, когда «мистер СЧ.», теперь тесно связанный с «мистером С.», вторгается на территорию его личной проблемы, которая стояла изначально только пред самим «мистером С.». И таким образом в заключительной части книги два мира, или две проблемы, или две драматические линии окончательно сливаются.

Драма усиливается из-за тотальной запутанности:

> Таким образом, окончательный структурный механизм раскрывается: ЛИЧНАЯ ПРОБЛЕМА «МИСТЕРА С.» – ЭТО ОБЩЕСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ ДЛЯ «МИСТЕРА СЧ.». И это может случиться, независимо от того, вместе ли действует «мистер С.» с «мистером СЧ.», или он противостоит ему; посмотрите, какое разнообразие в их взаимоотношениях позволяет построить структура романа. К примеру: что, если «мистер С.» после определенного периода «работы на» «мистера СЧ.» резко уходит и становится его противником, выступая против ПФИ («Производство Фенотипов, Инк.» или какой-нибудь другой придуманной компании с «сомнительными моральными ценностями») в борьбе за выживание, а затем вернется к своему боссу снова?

Фил предлагает единственное возможное «окончательное драматическое развитие» в форме некоего столкновения между «мистером С.» и «мистером СЧ.», которое завершается гибелью

последнего, несмотря на всю его огромную мощь. Но «мистер С.» выживает, и все в порядке… за исключением умышленно оставленных не завязанными концов: «мистер С.», возможно, решил свою личную проблему или мировую проблему, каким бы образом она в этой книге ни была решена, одна из них становится еще хуже… и тут мы иронически откланиваемся». Земля, в конце концов, была спасена от «Разрушительного Гигантского Зеленого Горошка с Бетельгейзе IV… поэтому мы можем умиротворенно расслабиться и неторопливо отдыхать с «мистером С.».

«Кода» – это последний мимолетный взгляд на «мистера С.»: «Что происходит с ним… с ним, который почти забыт в этой суматохе?» Да все то же самое, разве что работа у него немного получше. Вот в чем весь секрет:

> В любом случае, мой дорогой, это способ, с помощью которого ФКД извлекает 55 тысяч слов (столько же – в милях) из своей печатной машинки, имея трех персонажей, три уровня, две темы (одна, внешняя, – мировых масштабов, другая, внутренняя, – личных масштабов) с комбинированием всего этого, чтобы под конец придать еще и гуманную нотку. Это, так сказать, моя конструкция. Ну и хорош болтать.

Это письмо Гуларту – прекрасная галерея характерных для Фила мужских типажей (удивительно, что женщины, играющие ключевые роли, лишь изредка упоминаются, как «пешки» в сюжете). На практике ряд этих мужских персонажей превосходит очевидную простоту «Г», «С» и «СЧ». В «Палмере Элдриче», к примеру, в первой главе «Г» – это Барни Майерсон, которому в дальнейшем больше подходит тип «С». Вполне ясно, что Палмер Элдрич – это злой вариант «СЧ», но Лео Булеро – нечто среднее между «С» и «СЧ»: вполне человечный и в то же время «Атлас», который противостоит Элдричу. Конечно, не существует устойчивой, постоянной схемы для написания романов, даже той, что Фил придумал.

Гуларт вспоминает, что Фил предпочитал писать письма, чем звонить по телефону. Не говоря уже о визитах к Гуларту в его Пасифик-Хайтс. «Фил нередко говорил: «Моя машина существует для того, чтобы ездить от дома до кабинета психиатра и обратно – она разобьется, если только я перееду через мост». Когда они разговаривали по телефону, Фил делал отступления, вроде таких: «Ребята, вы это улавливаете?» – или: «Ты хочешь, чтобы я это имя произнес по буквам?» Он говорил, что ФБР прослушивает его телефон». Гуларт не знал, чему верить, но непредсказуемость Фила пугала как его, так и его жену. В то же самое время он

думал, что Фил был «потрясающим комедиантом». С его бородой в нем было что-то от Диккенса, повергающего толпу в пучину смеха.

По странному повороту судьбы в сентябре 1964 года Всемирный конвент научной фантастики «Уорлдкон» должен был состояться в Окленде недалеко от дома, где жили Фил и Грания. Пошел слух о том, что приезжающие писатели-фантасты и фэны не ждут ничего хорошего от встречи с Филом. На конвенте один широко известный писатель (который впоследствии станет большим поклонником как самого Фила, так и его произведений) заметил: «Только мимоходом взглянув на него, я понял, что он невменяемый».

Фил и Грания решили закатить вечеринку для участников конвента. Она была вполне успешной, если не считать пробравшихся на тусовку кошек. Там был прямо из Нью-Йорка редактор Асе Терри Карр, который работал на Дона Уоллхейма, и его жена Кэрол, в которую Фил немедленно влюбился. Вообще-то на этих конвенциях флиртовали все; Филу нравилось флиртовать, и ему это удавалось: ярко-синие глаза, черный юмор, дар восторженного слушателя. Но он не так уж часто влюблялся по уши, а с Кэрол – мягкой, привлекательной, веселой женщиной – был как раз тот самый случай. Фил не преследовал цели завести с ней интрижку (как и Кэрол, которой нравилось внимание со стороны Фила, но которая была счастлива в замужестве). Фил полюбил ее.

Любовь Филу была крайне необходима: он любил пылко и шумно. В то время он жил с Гранией, но пригласил Энн (для еще одной краткой попытки примирения) посетить конвент вместе с ним следующим вечером. А на вечеринке Фил, как истинный куртуазный любовник, игнорировал все помехи и напропалую безумно флиртовал с Кэрол.

Это лишь благодаря терпению покойного ныне Терри Карра и комическим талантам Фила флирт проходил вполне гладко. Терри и Кэрол провели в доме Фила в Восточном Гэквилле свою первую ночь в городе. На следующее утро, как вспоминает Кэрол: «Фил встает и звонит в службу «Молитва по телефону» одного округа, ему не нравится, он вешает трубку и вызывает «Молитву по телефону» другого округа». На протяжении всего того дня, по словам Терри, Фил «все предлагал и предлагал купить или обменять что-то для Кэрол. Наконец я сказал, просто чтобы избавиться от него: «Уйди, Фил, проваливай, я начинаю ревновать». В четыре часа утра он и Кэрол были разбужены телефонным звонком от Фила, который начал критиковать Терри (своего редактора в Асе!) за неуместную ревность. Позднее в тот

же день Фил извинился, но вечером снова вернулся к своим поползновениям, заперев Терри на его собственной вечеринке.

Дик Эллингтон, хорошо подкованный фэн, впервые познакомился с Филом на конвенте и теперь вспоминает:

> «Мое мировоззрение в некий момент времени» – вот чем оперировал Фил. Он часто менял свои идеи, но ничего с этим не делал, даже не беспокоился. «О да, я был сильно увлечен этим некоторое время». Как наркотой. Он баловался наркотой, но я никогда не видел его одурманенным. Иногда он разговаривал о некоторых видах «кислоты», но я никогда не видел его «под кайфом». Иногда он признавал, что он принял немного таких и немного сяких таблеток, но они, казалось, не действовали на него. Об был одним из самых что ни на есть нормальных людей, с которым можно было поговорить, – эрудированный, интеллигентный, остроумный, обаятельный человек. Но очень заурядный. В Филе не было ничего такого, что психиатр мог бы описать как неадекватное поведение.

Много народу забавлялось «веществами» на конвенте 1964 года. Эллингтон устроил вечеринку, на которую один из приглашенных привел с собой дружелюбного полицейского из Беркли, который был не «при исполнении»:

> Фил появился в костюме-тройке с жилетом со множеством карманов, а тот коп крутился неподалеку. И, клянусь Богом, у Фила в этих карманах было достаточно иностранных и экзотических «субстанций», чтобы затарить крупную аптеку, и еще кое-что осталось бы для лавки вуду. А Фил действительно знал толк в разных лекарствах, в их непосредственных эффектах и их происхождении. Наконец, коп ушел – я предположил было, что кто-то сказал Филу, но никто этого не сделал! Потом кто-то сказал: «Слава богу, этот коп свалил». И Фил пошел: «Иисусе!» Я сказал ему, что это было клево. «А мне наплевать!» Он реально разозлился на парня, который привел копа с собой.

Терри и Кэрол вернулись в Нью-Йорк после конвента, и это создало идеальный контекст для необычных любовных писем Фила. В конце 1964-го и в начале 1965 года Фил отправил целый шквал посланий – смесь признаний, идущих от сердца, и чистой игры слов. Это истории об острых приступах депрессии у Фила и

его визитах к психиатру, о сотрудничестве с Рэем Нельсоном и глубокой платонической любви к жене Рэя, Кирстен, о ночных посиделках за разговорами и писанием с приятелем Джеком Ньюкомом, который целился из револьвера 38-го калибра в «существо», угрожавшее жизни друга. Что касается духовного утешения, то Фил терялся в сомнениях и к тому же был в ярости:

> Когда я принимал причастие в последний раз, я отказался произнести общее место в исповеди: «Мы искренне раскаиваемся, и от всей души сожалеем об этих наших недостойных поступках; воспоминание о них печально для нас; бремя их невыносимо. Смилуйся над нами, помилуй нас, милосердный Отче». Я сомневаюсь. *Non Credo*.

Накануне Хеллоуина Грания съехала и сняла новое жилье в Беркли, в доме писательницы Мэрион Зиммер Брэдли. Это было ударом для Фила, который ненавидел жить в одиночестве и прозрачно намекал Грании на то, что брак с ним будет замечательным. Грания вспоминает: «Фил верил в серийную моногамию. По его идее, если ты влюблен, то тебе следует жениться». Она не хотела вовсе оставить Фила и не видеть его, но она устала от перепадов его настроения.

В декабре, чтобы заполнить пустоту, Джек Ньюком и его жена Марго переехали к Филу. Эта неловкая жизненная ситуация продлилась примерно месяц. В конце концов Фил попросил Джека покинуть его, после того как Марго уехала по собственному желанию. Но их дружба «братьев по крови» продолжалась. После всего Фил дал Джеку рукопись «Высокого замка» как «страховой полис» (на основании верного предположения, что когда-нибудь она станет ценным предметом для коллекционеров), и Джек поклялся, что будет хранить ее, пока Фил жив, что он и сделал. И пока они были соседями по дому, они предавались забавам вроде гудения в рожок с калькуттского такси, который Фил поставил на своем «Бьюике» 1956 года, когда они мчались мимо нового жилища Грании. Был ли это Фил, кто украл оставленную на крыльце службой доставки упаковку пеленок, что взбесило Мэрион Зиммер Брэдли? Уличные проказы двух парней в городе. Ньюком говорит, что он дал Филу его первую дозу «кислоты» где-то в 1964 году.

Филу никогда особо не нравился ЛСД. Он принимал его всего лишь несколько раз, несмотря на дикие слухи, что он часто писал под «кислотой», – слухи, которыми Фил возмущался, но сам способствовал тому, что они появились. В 1964 году он принял «кислоту», по крайней мере, в двух случаях – с Ньюкомом и с

Рэем Нельсоном. Нельсон вспоминал, что во время «трипа» Фил сильно потел, чувствовал себя одиноким, как бы вновь проживал жизнь римского гладиатора, говорил на латыни и пережил опыт ранения копьем. В июльском письме 1974 года Фил подтверждает, что роман «Лабиринт смерти» (издан в 1970 г.) включает в себя «мои собственные видения под действием ЛСД в 1964 году, которые изображены с абсолютной точностью». Вот цитата из отредактированной Филом версии в этом письме:

> «*Agnus Dei*, – сказала она, – *qui tollis peccata mundi*[150]». Ей следовало отвести взгляд от пульсирующего вихря; она посмотрела вниз и назад… и увидела далеко под собой огромный замороженный пейзаж из снега и валунов. Его обдувал яростный ветер; пока она наблюдала, вокруг скал скапливалось все больше снега. Новый ледниковый период, подумала она… Пропасть раскрылась перед ее ногами. Она начала падать; замерзший пейзаж адского мира под ней становился ближе. Она снова закричала: «*Libera me, Domine, de morte aeterna!*»[151]. Но все же она упала; она почти достигла адского мира, и ничто не могло поднять ее.

Фил еще подробнее детализировал это видение под воздействием «кислоты» в августовском письме 1967 года:

> Я воспринимал Его как пульсирующую, яростную, вызывающую трепет мессу взыскующего мести владыки, требующего отчета (вроде некоего метафизического агента налоговой службы). К счастью, я смог произнести правильные слова: «*Libera me, Domine*» [процитированные выше], и в результате миновал это. Я также видел, как Христос вознесся в небеса с креста, и это тоже было очень интересно (крест принял форму арбалета, со Христом в виде стрелы; арбалет выпустил его с потрясающей скоростью – это случилось очень быстро, как только он принял это положение).

В течение осени Фил предоставил фэнзину Терри Карра *Lighthouse* эссе, озаглавленное *Drugs, Hallucinations, and the Quest for Reality*, которое напечатали в ноябре 1964 года. В нем Фил предполагал, весьма проницательно, что «галлюцинации, индуцированы ли они психозом, гипнозом, наркотиками, токсинами и т. д., лишь количественно отличаются от того, что мы видим, а никак не качественно». Он рассуждал о том, что

галлюцинации могут быть попросту аспектами подлинной реальности, которые в нашей повседневной жизни отфильтрованы кантианскими априорными категориями, присущими нашей нервной системе (такими как пространство и время). Когда, однако, галлюцинации искусственно вызваны, они появляются, чтобы противостоять человеческой психике, и в этом выражается отказ от тех самых категорий, наплывают новые способы восприятия, несмотря на наши усиленные попытки цепляться за стандартные представления о реальности. Эта перегрузка оставляет нас в изоляции и в ужасе. «Начинают проявляться безымянные сущности или аспекты, и поскольку человек не знает, что они собою представляют, то есть как они называются и что они обозначают, – он не может обсуждать их с другими людьми». Изоляция для Фила всегда была слишком высокой ценой, которую приходилось платить за любое откровение (хотя он готов был платить эту цену снова и снова):

> Реальный или нереальный, порожденный внутри нашей системы восприятия, потому что, скажем, некоторые химические вещества в обычных условиях не присутствуют и не участвуют в метаболизме мозга, неразделенный мир, который мы называем «галлюцинаторным», деструктивен: отчуждение, изоляция, ощущение того, что все вокруг становится странным, что вещи изменяются и связаны между собой, – все это – логический результат, пока личность, прежде бывшая частью человеческой культуры, не становится органической «монадой, не имеющей окон»[152] […]
>
> Не нужно зависеть от галлюцинаций – можно раскрыть себя иными путями.

С тех пор как Фил покинул Энн, он, как только мог, защищался от одиночества. Влюбленность была лучшим способом из всех, что он нашел. В том декабре в письмах к Кирстен Нельсон он перепечатывал (как и для Кэрол Карр) страницы из его любимых стихов, в том числе и «Песню счастливого пастуха» Йейтса[153] и строки из произведений Лукреция[154], Еврипида[155], Спенсера[156] и либретто для цикла Шуберта *Die Winterreise*[157]. Он даже написал для нее собственную поэму.

Они так часто разговаривали по телефону, и Фил купил очень длинный шнур, чтобы Кирстен могла сидеть более комфортно во время их бесед. Не так давно эмигрировав из Норвегии, Кирстен часто чувствовала себя одиноко и неуютно в обществе. Она вспоминает: «Я не знаю, действительно ли он влюбился в меня,

но он был так добр, что принял меня. Я думаю, что он отводил мне роль своей мертвой сестры. Он чувствовал, что должен был присматривать за мной». Фил был самым внимательным и заботливым: «Как-то у меня была почечная инфекция, и я очень сильно болела. Фил позвонил, а я была дома одна – Рэй ушел по делам. Это очень расстроило Фила – он приготовил для меня похлебку из моллюсков, сел в такси из Окленда, взяв похлебку с собой, позаботился о моем ребенке, искупал его и уложил спать».

Но, как прекрасно знал Фил, у него не было никакого будущего с замужней Кирстен. И Фил жаждал не только любить на расстоянии, но – иметь жену рядом с собой.

В начале 1964 года Фил познакомился с Марен Хакетт, прекрасной женщиной, которая тоже посещала епископальную церковь Святого Колумбы в Инвернессе. Как-то, навещая дом Фила и Энн, Марен взяла с собой падчерицу, Нэнси Хакетт, застенчивую, привлекательную молодую женщину с длинными темными волосами. Теперь, в конце года, Фил снова встретил Нэнси вместе с ее сестрой Анн во время обеда в доме у Марен. Фил был под сильным впечатлением как от Нэнси, так и от Анн. Ситуация осложнялась тем, что и Марен привлекала Фила. Но вскоре Фил сосредоточился на ухаживании только за Нэнси, которая все еще была увлечена приятелем, с которым познакомилась во Франции, когда год училась в Сорбонне. Именно в том самом году Нэнси была госпитализирована из-за нервного срыва и вынуждена была вернуться в Штаты под опеку семьи.

Нэнси беспокоилась (как и Марен), что в ее двадцать один год она была слишком молода для Фила, которому недавно исполнилось тридцать шесть лет. Но Фил, тянущийся к красивым женщинам ее типа, не жалел усилий, чтобы смягчить эти опасения. За это время он сочинил поэму «К Нэнси», которая начиналось такими строками: «Цветок высокий на тонком стебле:/Такова непрочная юность», – а заканчивалась вполне в духе Лукреция: «Мы только атомы в мире твоем необъятном». В свой день рождения, 16 декабря, Фил отправил Нэнси письмо, в котором попробовал представить все это в виде «прикола»: «Представь себе: я люблю тебя такой, какая ты сейчас, что ты мне можешь дать и что ты уже дала мне, – не то, что ты могла бы или когда-нибудь сможешь дать мне, – другими словами, не думай о будущем во взаимоотношениях со мной, не беспокойся о том, чтобы давать какие-то формальные обязательства».

Но уже 19 декабря Фил умолял ее переехать к нему. Нэнси хотела заниматься живописью и поэзией; жизнь с Филом могла бы предоставить ей мир, покой и экономическую поддержку для

этого, а также дружеское общение «с Джеком [Ньюкомом] и со мной, плюс – с дюжиной ребят и их девушками […], которые всегда на заднем дворике». А потом Филу хватало смелости написать:

> Но прежде всего, как я говорил, я хочу, чтобы ты приехала сюда ради меня самого, иначе я просто окончательно свихнусь, стану принимать все больше и больше таблеток, все меньше и меньше буду спать, хуже питаться, вообще не спать, отключусь – и не смогу писать. С тех пор как я оставил свою жену, я не сделал ничего существенного; но я хочу продолжать свою работу, и я нуждаюсь в тебе как в творческом стимуле и музе… как в том человеке, ради которого стоит писать, потому что… ты понимаешь? Я хочу, чтобы ты читала мои вещи по мере их сочинения и говорила мне, насколько они хороши; если они тебе понравятся, значит, они и вправду недурны, если нет – то нет; мне нужен кто-то Снаружи, чтобы подбадривать меня, как бы запертого в темной комнате. Если ты не приедешь, боюсь, что мне придется искать что-то другое для поддержки. Но что и где – бог знает… не похоже, что что-то такое существует на свете. Но надо попробовать.

Фил, с тремя браками за спиной, знал, что пускается в рискованное предприятие. В рождественском письме к Кэрол Карр он признавался: «Когда-нибудь она [Нэнси] уничтожит меня. Я слишком сильно ее люблю».

Но рисковать ради любви лучше, чем становиться «монадой, не имеющей окон». В марте 1965 года Нэнси переехала в коттедж в Восточном «Гаквилле». В июле 1966 года они официально оформили свои отношения.

И – прямиком в середину шестидесятых годов.

Глава 7
1965–1970

Филип К. Дик […] сейчас живет в Сан-Рафеле и интересуется галлюциногенами и табаком. […] Женат; имеет двух дочерей и молодую, милую, нервную жену Нэнси, которая боится телефона. […] Проводит большую часть времени, слушая сначала Скарлатти, затем «Джефферсон Эйрплейн», потом Gotterdammerung, пытаясь объединить их всех. Имеет много фобий и редко куда-нибудь выходит, но любит, когда к нему приходят гости в его маленький красивый домик у воды. Должен кредиторам целое состояние, которого у него нет. Предупреждение: не одалживайте ему деньги. Он вдобавок еще и украдет ваши таблетки.

Фил, «Биографический материал», отпечатанный в начале 1968 года, предположительно в ответ на запрос издателя

Что имеет для меня значение, так это творчество, процесс производства романа, потому что, когда я занимаюсь этим, в тот самый момент я живу в том мире, о котором пишу. Он реален для меня – полностью и убедительно. Затем, когда я заканчиваю и должен остановиться и покинуть тот мир навсегда, – это уничтожает меня. […]

Я обещаю себе, что больше

никогда не напишу другой роман. Я больше никогда снова не смогу вообразить себе людей, с которыми в конечном итоге мне предстоит порвать. Я говорю это самому себе… но втайне и осторожно я берусь за другую книгу.

Фил, эссе Notes Made Late at Night by a Weary SF Writer (1968)

При употреблении в соответствии с инструкцией, «Убик» обеспечивает глубокий сон без пробуждений и утренней разбитости. Вы проснетесь освеженными и готовыми ко всем неурядицам, которые несет наступающий день. Не превышайте рекомендованной дозы.

Реклама Убика, «Убик» (1969)

Новое начало и тихая жизнь, а затем все снова рушится, и Фил не может найти аэрозоль *Ubik*, который может все связать

Шестидесятые годы были десятилетием, которое дарило грандиозные обещания тем, кто жил с открытой душой. Мир и любовь были неотъемлемым правом каждого. Наркотики могли расширять сознание без суеты и суматохи духовной дисциплины. Политика была областью зла только потому, что те, кто при власти, достигли ее, действуя из жадности и страха. Если вы хорошо выучите своих детей, то возникнет будущее поколение, которое станет править милосердно. Это было только вопросом времени.

Легко, оглядываясь назад, насмехаться над наивными идеалами шестидесятых годов. Болезненнее после этого размышлять о том, какими мы стали.

В одной из «Пословиц Ада» Уильяма Блейка[158] говорится: «Путь избытка ведет ко дворцу мудрости». Одних избыток шестидесятых годов вел именно этим путем. Других же, как Блейк иронически предвидел, он, этот избыток, направлял прямиком в Ад.

Очень незначительное меньшинство он вел как в Ад, так и обратно.

Фил был из их числа. А времена были смутные.
Иногда Ад казался похожим на Рай.
А иногда казалось, что ему никогда не вернуться обратно.

* * *

Фил и Нэнси – новая любящая пара, и каждый из них испытывал радость, заботясь о другом. Кроме того, оба они прошли через тяжелые времена в детстве.

Отец Нэнси был алкоголиком, который мог быть очень обаятельным или очень жестоким. Ее мать развелась и взяла на себя заботу о трех детях, включая старшего брата Майкла и старшую сестру Анн. Нэнси была особой любимицей матери – самой младшей, которую она любила баловать. Короче говоря, она вступила во второй брак, и на сцене появился отчим – такой же алкоголик и жестокий человек. Затем, в 1955 году, когда Нэнси было двенадцать лет, у ее матери развилась опухоль головного мозга. Настоящая трагедия – она оставалась в коме до самой смерти в 1961 году.

Эти события требовали, чтобы отец Нэнси взял на себя попечительство над детьми. К счастью, тем временем он женился на Марен Хакетт, которая обладала большой теплотой души и умом и взяла детей под свое крыло. Но этот брак закончился разводом. Нэнси, хорошая ученица, но застенчивая и замкнутая, была отправлена в пансион в Сан-Франциско. Затем она поступила в Государственный колледж в Сан-Хосе[159]. В ее юном возрасте она отправилась за границу, чтобы учиться в Сорбонне, где ее страдания в аудитории были подобны опыту Фила в Калифорнийском университете в Беркли. Нэнси вспоминает, что в течение того года она экспериментировала (как и большинство студентов в шестидесятые годы) с марихуаной и прочими наркотиками:

> С меня было довольно, и я все больше и больше отдалялась от всего этого. Я бросила школу… я не могла сидеть в классе. Внезапно ты чувствуешь, что умрешь, или сойдешь с ума, или тебя охватывало нечто вроде беспричинного страха. Ты просто чувствуешь, что должна уйти оттуда. Классы были такими большими, я не чувствовала, что существую, – я как будто бы таяла. Я помню, как сфотографировала сама себя, чтобы убедиться, что я была там.

Нэнси ненадолго была госпитализирована перед

возвращением в Штаты и переездом вместе с Марен в ее дом в Сан-Рафеле. (Следует подчеркнуть, что сейчас Нэнси – женщина, сделавшая успешную карьеру и любящая мать. Она больше не страдает от тех проблем, которые мешали ей до и в ходе отношений с Филом.)

Когда Нэнси впервые встретилась с Филом в начале 1964 года, у нее сложилось впечатление, что «он и вправду был печальным человеком. Его голова была низко опущена, как будто он чувствовал себя очень подавленным. Но он выглядел величественно со своей поседевшей бородой. Я подумала, что он выглядит как писатель». Позже, в этом же году, их знакомство с Филом возобновилось именно в доме Марен. И Фил был намного более оживленным, когда начал ухаживать за ней. В рождественские дни Фил и Джек Ньюком пригласили Марен, Анн и Нэнси на обед. Нэнси вспоминает:

> На этот раз Фил был очень гиперактивен – я думаю, он принял много амфетаминов. Меня поразило в нем то, что он очень много знал о психологии. Я чувствовала отчуждение. Казалось, что он это понимал, – у него тоже были все эти фобии. У нас было много общего, и мы не могли не стать друзьями. Я начала часто бывать там.

В рождественском письме 1964 года к Кэрол Карр Фил восторженно пишет:

> У нее невероятно красивое тело. Я думаю, она, должно быть, кельтского происхождения, что-то вроде чуда из времен гибких, высоких охотников, возродившихся в нашем мире; в ней пять футов и восемь дюймов, и она стоит на своих крепких стройных ногах, всегда немного пригнувшись, как будто собирается броситься в погоню или в жестокую битву, куда-нибудь туда, наружу, где дикий и неизвестный мир; она пойдет куда угодно; в ней нет страха ни перед чем, даже перед смертью, даже перед полной изоляцией и болью; она грандиозна.

Первые месяцы их совместной жизни были наполнены весельем. Это относилось не только к ним двоим, но и к новой семье, которая включала в себя родственников Нэнси – сестру Анн, брата Майка и мачеху Марен. Рассказ Фила Кэрен в феврале 1965 года об их делах в последние дни был головокружительно радостным:

> Завтрашним вечером приезжает сестра Нэнси, Анн, чтобы побыть у нас. Вау! Это правда! (Здесь, в Восточном «Гаквилле» весь год – забавы и игры.) Как-то вечером Нэнси и ее сестра […] обмотали меня розовой туалетной бумагой и обмазали меня «Райзом» [кремом для бритья]. Затем Нэнси забралась на дерево перед домом и застряла там. Потом она […] свалилась в грязную лужу. У нас с Анн был бой на подушках, и я победил. […] Каждый вспоминает странные вещи. Но было забавно.

В марте 1965 года Нэнси переехала в коттедж, который Фил украсил для нее и даже купил ей краски (Нэнси посещала Оклендский художественный колледж), а книжные шкафы он изготовил сам. Той весной во время визита к Анн и девочкам он гордо описал себя бывшей жене, назвав «принцем-консортом Нэнси», и Анн показалось, что тот Фил, которого она знала, «распустился в бездумного девятнадцатилетнего юнца».

Начало возрождаться и писательство. Фил переписывал *The Unteleported Man* из повести в роман, и материал, который он добавлял туда, был подчеркнуто связан с болезненным «трипом» под ЛСД. (Об истории фрагментов текста и публикации в 1967 году сокращенной версии – без материалов, связанных с «глюками», смотрите «Хронологический обзор».) Но Фил не нуждался в «кислоте», чтобы писать как Фил. Как отмечает Нэнси:

> У него были столь же странные опыты и без приема ЛСД. Он всегда боялся Судного дня. Я же во все это не верила. Но он бывал столь устрашен и говорил о том, как это будет ужасно, что я ничего не могла поделать, чтобы успокоить его.

Но поскольку до Судного дня было еще далеко, Фил и Нэнси наслаждались тем, что называется домашними радостями. Спросите Нэнси, был ли Фил религиозным, и она ответит: «Нет, только забавным. Религиозным он был только тогда, когда боялся». Он звал ее «Уютной», а она называла его «Пушистым». Они были помешаны друг на друге. Нэнси говорит: «Мы говорили о психологии, о том, как мы видим вещи и что нам хочется делать. Мы много шутили и валяли дурака. Это были не такие уж романтические отношения… Он был для меня не то что кем-то вроде отца, но он был моей семьей и сильной опорой… Я во многом зависела от него, и он зависел от меня тоже, но это было по-разному».

Они редко выходили из дому. К Филу начала возвращаться в полной силе агорафобия. После нескольких месяцев беготни с

толпой фантастов в районе Залива Фил вернулся к стабильным отношениям – миссия была завершена – и чувствовал себя вполне довольным, оставаясь дома. Перевернувшись на «Фольксвагене» прошлым летом, он теперь избегал вождения. Публичное принятие пищи было для него подвигом. Он, в последний момент, передумал отмечать день рождения Нэнси вне дома и отправил Анн восвояси. Даже когда к ним домой собирались прийти гости, Фил часто пугался и все отменял. Единственное общественное положение, которое его радовало, – это идеальная лаборатория для Фила-писателя: когда собиралось несколько близких друзей для свободного обсуждения разных идей, среди которых были и откровенные глупости.

Беспокойство не мешало Филу часто совершать походы по магазинам аудиозаписей. Хотя после короткого бума продаж из-за премии «Хьюго» денег снова не хватало, он все равно тратил их на альбомы классики. Возвратившись домой, он проигрывал их очень громко и восхищенно слушал, сидя в своем кресле в окружении жестяных коробок с нюхательным табаком «Декан Свифт»[160] (он нюхал его еще во время жизни с Энн, но теперь это стало его главной страстью) и с двумя котами – Горацием Голдом и Джоном Кэмпбеллом – на коленях. В такой позе, не тревожимый Нэнси, Фил сидел молча, задумывая новые романы, иногда читал или делал заметки.

Он продолжал советоваться с «И-Цзин» почти ежедневно – чаще, если он чувствовал, что грядет какой-то кризис, а это было довольно часто. Мириам Ллойд, с которой Фил поддерживал длительную дружбу в этот период, отмечает: «Фил все равно был кризисным наркоманом – он балдел от кризиса». «И-Цзин» была ценным подспорьем в такие времена, хотя Фил больше не обращался к этой книге, чтобы выстраивать сюжет. В 1965 году Фил написал эссе *Schizophrenia & The Book Of Changes*, в котором он утверждает, что Оракул не может предсказать будущее, к счастью, поскольку абсолютное знание лишает нас возможности действия (как не может действовать шизофреник, чей *idios kosmos* подавлен *koinos kosmos*). Но это может раскрыть гештальт, из которого возникнет будущее. Частью личного гештальта, как намекает эссе, является та неуверенность, которую Фил чувствовал, пока жил с Нэнси, не женившись на ней:

> Если ты полный шизофреник, то по любому случаю используй «И-Цзин», эта книга скажет, когда тебе принимать ванну и когда кормить твоего кота Ровера тунцом. Если же ты шизофреник лишь частично (только без имен, пожалуйста), то пользуйся оракулом лишь в

некоторых ситуациях и весьма сдержанно; не стоит чрезмерно полагаться на него: обращайтесь к оракулу по Существенным Вопросам, таким как «стоит ли мне жениться на ней или продолжать жить с ней во грехе?» и так далее.

В конце 1965 года Фил и Нэнси переехали через Залив в Сан-Рафел. Они арендовали крошечный, очаровательный дом номер 57 по Медоу-драйв, рядом с каналом. В письме за ноябрь 1965 года Фил написал о новой работе Нэнси на почте, где ей платили 2,57 доллара в час, и это было больше, чем он зарабатывал сам. Он также рассказал о том, как его унизил друг во время «кислотного трипа»: «Он заподозрил, что я пытался «помешать ему освободиться», или типа того. Я полагаю, что обломал вечеринку». Фил принял 75 мг, надеясь на «трип» с «большим ощущением реальности». Ему это удалось: «Я видел все в разнообразных радостных оттенках, особенно розовом и красном, очень ярко и восхитительно, и было несколько гениальных озарений о себе самом (например, что у меня было два приступа шизофрении: один, когда мне было шесть лет, другой – в восемнадцать лет, – и что мой основной страх заключается в том, что они могут вернуться)». Но Фил вскоре отказался от ЛСД: воспоминания о ледяных адских безднах возобладали.

В период социального отчуждения Фила у него появился новый и очень значимый друг – Джеймс А. Пайк, епископ англиканской церкви Калифорнии. В 1964 году Марен Хакетт попросила Фила написать трогательное письмо, чтобы убедить Пайка обратить свое внимание на ее группу Американского союза гражданских свобод. Письмо достигло своей цели, и неожиданным последствием этого явилось то, что Пайк (женатый мужчина) и Марен стали любовниками, с секретной квартирой в районе Тендерлойн в Сан-Франциско; на публике Марен была его секретарем. Поскольку Фил и Пайк встречались на семейных «посиделках» семейства Хакеттов, они оказывались все ближе и ближе друг с другом, восхищаясь способностью каждого придумывать теории об истинной природе христианства.

И Фил, и Пайк были стремительными собеседниками, которые наслаждались охватом и изысканностью богословских споров. Одна тема возникала в их разговорах чаще других. Она была связана с попытками Пайка, начатыми в 1966 году, связаться с помощью медиумов и спиритических сеансов с его сыном Джимом, покончившим с собой в феврале 1966 года. В предисловии к своей книге «Другая Сторона»[161] (1968) (где приводится отчет об этих действиях – успешных, как он считал)

Пайк благодарил Фила и Нэнси за помощь. Участие Фила заключалось в тщательной расшифровке записи сеанса связи с Джимом в октябре 1966 года. Присутствовали Фил, Нэнси, Марен и медиум, Джордж Дейсли, к чьим силам Пайк относился с большим уважением. Фил был также впечатлен внутренними откровениями Дейсли, включающими «Н.[Нэнси] и Ф.[Фил] проходят через фазу, которая не благословлена материальными благами; это изменится… духи позаботятся о Ф. и Н. материально и духовно. Духи будут использовать мятежные аспекты характера Ф.». Примечания Фила включают в себя его собственный опыт, вне этого сеанса. Самое поразительное: «Во время проигрывания одной пластинки из коллекции Дж. [Джима] у Ф. было четкое впечатление, что Дж. стоит на другой стороне комнаты напротив проигрывателя, слегка наклонив голову и слушая музыку. На нем был мягкий коричневый шерстяной костюм. Присутствие его было вполне реальным, а не призрачным. (Позже М. [Марен] подтвердила, что у него был именно такой костюм.)».

Фил скептически относился к экстрасенсорным феноменам на протяжении всей своей жизни. Тем не менее он широко теоретизировал, но ему не нравились «оккультные» объяснения, которые избегали строгого анализа. В этот период позиция Фила по отношению к загробной жизни отражена в его февральском письме 1966 года (он дважды тщательно правил черновик) Пайку и Марен после самоубийства Джима. Следующий отрывок включен в обе версии черновика:

> У меня такое ощущение, что в мгновение после смерти все реальное становится явным; все карты будут раскрыты, игра закончится, и мы будем ясно видеть то, о чем мы только подозревали… а необоснованные подозрения будут стерты. […] А сейчас это для меня тайна, мутное стекло. […] Узрите, говорит Павел. Говорю вам тайну. Не все мы умрем. Или что-то типа того[162]. Я верю в это; на самом деле это практически все, во что я верю. Но даже это, недоказанное, должно дождаться своей проверки, как и все остальное. Но даже если я ошибаюсь, а Лукреций прав [«Мы не будем чувствовать, потому что нас не будет»], я буду доволен; у меня не будет выбора.

Раскрыть все карты, увидеть реальность во всей ее полноте – у Фила не было более глубокого стремления, чем это.

В июле 1966 года Фил и Нэнси поженились. Пайк принял участие в церемонии, даже при том, что она нарушала епископальное церковное право, поскольку брак Фила и Энн не

был расторгнут. После завершения гражданской церемонии Пайк даже благословил этот брак. Годы спустя Фил признается в «Экзегезе» в той боли, которую испытывал, потому что он жил в честном браке с Нэнси, Пайк же продолжал свою интрижку с Марен, но Пайк «получал причастие, которое я не мог принять!».

Пайк был авторитетом для Фила. Самым очевидным свидетельством тому являются влияние Пайка и событий его жизни, включая связь с Марен и самоубийство сына, на роман Фила 1982 года «Трансмиграция Тимоти Арчера». Но это влияние было еще более глубоким. Фил признает в предисловии к роману «Лабиринт смерти» (1968), что «богатый теологический материал» он извлек из бесед с Пайком.

Что же это за «теологический материал»? Точные детали неизвестны. Но Пайк, который часто совершал поездки в Израиль, чтобы исследовать личность исторического Иисуса, переживал кризис своей приверженности доктрине. В июльском письме 1974 года Фил вспоминал:

> Джима судили за ересь незадолго до его смерти [обвинение было в конечном итоге снято], а затем лишили сана епископа. Дошло ли это до газетных страниц или нет – не суть важно; основная проблема была не просто в том, что он отверг Троицу, но в том, что он принял зороастрийские доктрины, вероятно, прочитав недавно обнаруженные Свитки Мертвого моря[163].

> «Если бы я не был христианином, – слышал я его проповедь в декабре 1964 года в соборе Благодати [в Сан-Франциско], – я был бы иудеем. И если бы я не был иудеем, я стал бы зороастрийцем». А затем он донес до прихожан наставление, которое, насколько я знаю, вполне зороастрийское: «Войдите в Свет». (Он направил к ним всем свои распростертые руки с раскрытыми ладонями.) «Войдите в Свет». И так далее. Это доктрина Ормузда (Ахурамазды) – персидского бога света, который идентифицируется с Солнцем.

Подобного рода рассуждения подстегивали Фила, и в «Экзегезе» он рассматривает возможность того, что события «2–3–74» заключались в соединении его собственного духа и духа Пайка (умершего в 1969 году).

* * *

Фил теперь выходил из творческого тупика, в котором страдал с тех пор, как покинул Энн в 1964 году. Доминирующим настроением его романов конца шестидесятых годов была «темная ночь души». Это не значит, что в романах не хватало юмора – Фил был по преимуществу черным юмористом, и, между прочим, он не мог удержаться от смеха, время от времени, над чокнутыми фантастическими сюжетами. Где лежит тьма, так это в отчаянии Фила, когда он узнает, что все это означает. Возбуждение при поиске ответа на вопрос «Что есть Реальность?» начало приедаться. Из романа в роман он ставил окончательные вопросы о Боге и Истине. Где же, черт возьми, окончательные ответы? Разве он не работал над ними достаточно долго? Как он позже написал в «Экзегезе», вспоминая это время: «Мне нечего было сказать, нечего предложить, потому что я ничего не знал. О, как же я чувствовал этот недостаток знаний!»

Но, по крайней мере, работа возобновилась. И даже когда его терзали сомнения, Фил мог писать блестяще.

Во второй половине 1965 года Фил работал над двумя романами – «Захват Ганимеда» в соавторстве с Рэем Нельсоном и «Время, назад!» (опубликован в 1967 г.). В течение 1966 года он закончил работу над «Ганимедом» и написал «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» (опубликован в 1968 г.) и еще фантастический роман для подростков *Nick and the Glimmung* (опубликован посмертно в 1988 г.), ставший подготовительным материалом для превосходного романа «Мастер всея Галактики» (опубликован в 1969 г.).

Но помимо всего этого и над всем этим возвышается «Убик» (написан в 1966-м, опубликован в 1969 г.). Этот роман способствовал избранию Фила почетным членом College du Pataphysique во Франции – общества, основанного в честь светлой памяти Альфреда Жарри, который предпочитал самые высокие идеи превращать в странные и непристойные пьесы, вроде «Короля Убю»[164].

Однако в «Убике» есть некое изысканное неприличие. Фил беззастенчиво расширяет мельчайшие прорехи во времени и пространстве до тех пор, пока общество – и сама реальность – не распадется. Так сказать, полный провал (единственный космический корабль в книге так и называется: «Прэтфолл-2»). Как в «Докторе Бладмани» и других романах, действие в «Убике» происходит хронологически в будущем, но в рамках срока жизни Фила – в 1992 году. Возможно, это его способ заставить упорного читателя увидеть – его научная фантастика в той же степени напоминает о настоящем, что и последний официальный реалистический «шедевр».

Сюжет, развивающийся в начальных главах, представляет собой всего лишь отвлекающий маневр, но зато мы благодатно встречаем целый ряд персонажей. Глен Ранситер – это жизнерадостный, добросердечный человек, владелец Корпорации Ранситера, в которой работают *инерциалы* (одаренные экстрасенсы, способные нейтрализовать чужие экстрасенсорные способности), чтобы бороться с телепатами (*teeps*) и ясновидцами (*precogs*), используемыми негодяем Рэем Холлисом (несколько искаженное имя хозяина Art Music, которым восхищался Фил). В трудные времена Ранситер советуется по поводу бизнеса со своей мертвой женой Эллой, которая содержится в морозильном саркофаге, поддерживающем «полужизнь» (по образцу жизни после смерти Бардо Тедол, описанной в «Тибетской книге мертвых») в «Моратории Возлюбленных Собратьев» Герберта Шонхайта фон Фогельзанга. Но Элла угасает. Пятнадцатилетний подросток по имени Джори, из соседнего саркофага, вытягивает ее убывающую жизненную силу.

Джо Чип – маленький человек, лояльный сотрудник Корпорации Ранситера, который тестирует «инерциалов». Последний заявитель – красивая темноволосая девушка по имени Пэт Конли, у которой есть совершенно новый талант – она может изменить прошлое так, чтобы ясновидцы Холлиса увидели другое будущее (или никогда не смогли его увидеть). Это может быть крупным шагом вперед для Корпорации Ранситера. Но сможет ли Джо Чип когда-нибудь открыть дверь своей «кондотиры» (смесь кондоминиума и квартиры), чтобы провести ее тестирование? Как мы видим, он врет насчет платежей по «Магическим Кредитным Карточкам». У Джо нет подходящего делового костюма, только «спортивный бордовый костюм, туфли с загнутыми носами и фетровая шляпа с кисточкой», – и он собирается открыть входную дверь, в которую звонят, и сталкивается с проблемой:

> Дверь не хочет открываться. «С вас пять центов, пожалуйста».
>
> Он пошарил по карманам. Ни одной монетки. Вообще ничего. «Я заплачу тебе завтра», – сказал он двери. Снова дернул за ручку. Снова она не подалась. «Если я тебе что-то плачу, – доложил он ей, – так это только из вежливости; я не обязан тебе платить».
>
> «У меня другое мнение, – сказала дверь. – Посмотрите договор, подписанный при покупке кондотиры».
>
> Он нашел тот самый контракт в ящике стола. Со времени его подписания ему пришлось многократно

заглядывать в этот документ. Все верно: открытие и закрытие двери требовало обязательной оплаты. Не чаевых.

«Теперь вы поняли, что я права», – сказала дверь. Это прозвучало весьма вызывающе.

Из ящика рядом с кухонной раковиной Джо Чип достал ножик из нержавеющей стали; с его помощью он принялся спокойно и последовательно выкручивать болты креплений жадной до денег двери.

«Я тя засужу», – сказала дверь, когда вывалился первый болтик.

«Никогда не судился с дверью, – сказал Джо Чип. – Но я думаю, что смогу это пережить».

Сюжетные линии, заимствованные из фантастики Фила пятидесятых годов, создают настоящее развлечение и игру. Злодей Холлис заманивает Ранситера, Джо Чипа и группу «инерциалов» в смертельную ловушку на Луне (взято из «Солнечной лотереи»), в результате взрыва они заброшены в радикально преобразованную реальность, которая, возможно, контролируется Пэт Конли, или Ранситером, или Холлисом, или кем-то или чем-то еще (ситуация взята из «Небесного ока»). Но в «Оке» псевдонаучное рациональное решение позволяет прямолинейным персонажам добиться освобождения. В «Убике» же нет ответов. Ранситер наполовину мертв в морозильнике? Или это Джо Чип и «инерциалы» лежат и галлюцинируют в саркофагах? Ранситер думает, что он знает и сочиняет граффити, чтобы это понял и Джо: «Ныряйте глубже в таз с водой. Вы все мертвы, а я живой». Но как Ранситер может быть так уверен, особенно когда профиль Джо Чипа появляется на монетах в его кармане?

Студент как-то спросил Уильяма Берроуза: верит ли тот в жизнь после смерти? Берроуз задал встречный вопрос: а откуда вы знаете, что уже не мертвы? Убик не предлагает никакого ответа на вопрос Берроуза, потому что ответа на него нет. Но именно этот загадочный Убик (с латыни: *ubique* – повсюду; вездесущность) позволяет нам, полуживым, продолжать свое существование. Но, несмотря на свое манящее имя, Убик не легко найти. Это требует тяжелой работы (как было в «Оке»), и это также принимает своего рода религиозную веру (над чем в «Оке» насмехались). Ранситер, сила «нисходящая в существование», пытается передать часть ее Джо Чипу, но «выводящая из существования» энтропия захватывает Джо: молоко скисает, сигареты выдыхаются и нависает смерть.

Ранситер прибегает к уникальной стратегии, чтобы донести свое послание, – он пишет его на стенах туалетов, на этикетках спичечных коробков, транслирует через ТВ-рекламу:

> «Да, – мрачным голосом резюмировал Ранситер, – используя самые продвинутые современные научные технологии, реверсия материи в ее первоначальных формах вполне может быть обращена, и каждый владелец кондотиры может себе это позволить. Продукция «Убика», предназначенная для украшения жилья, продается по всей Земле. Не принимайте внутрь. Не держите у открытого огня. Следуйте инструкциям, которые написаны на наружной этикетке. Поищи их, Джо. Найдешь, того и гляди. Не сиди ты на месте; выйди наружу и купи себе аэрозоль «Убик», и разбрызгивай его постоянно – и днем, и ночью».
>
> Джо встал и громко заявил: «Ты же знаешь, что я здесь. Не значит ли это, что ты меня видишь и слышишь?»
>
> «Конечно, я тебя не вижу и не слышу. Это всего лишь реклама на видеокассете». […]

Да кто он такой, этот Убик? Он о себе заявляет только в последней главе романа:

> «Я Убик. Еще не было Вселенной, а я уже существовал. Я создал светила. Я создал миры. Я создал живущих и места их проживания; я направил их туда и расселил их там. Они живут так, как я им скажу, и делают то, что я им скажу. Я – то слово, которое никогда никто не произнесет; я – то имя, которое никто не знает. Меня называют Убик, но это не мое имя. Аз есмь. И пребуду вовеки».

Критик Питер Фиттинг отметил здесь сходство с началом Евангелия от Иоанна. Но бросаться к доктринальным выводам было бы неразумно. В ноябре 1977 года в «Экзегезе» Фил связывает романы «Убик» и «Стигматы Палмера Элдрича»: «Так Ранситер и Убик подобны Палмеру Элдричу и Chew-Z. У нас человек превращается в божество, которое вездесуще (кажется, никто не заметил, что Палмер Элдрич вездесущ, как и Убик, и эти темы доминируют в обоих романах)». Фил продолжил описывать тему «Убика»: «Спасительная информация, проникающая сквозь «стены» нашего мира благодаря личности, представляющей собою саму жизнь – и реальность, – и поддерживаемая

«квазижизненной» силой».

То, что остается неизменным в романах Фила, это ощущение кажущейся реальности как ложной или ненадежной. В одной из записей 1978 года в «Экзегезе» Фил заявил: «Я не пишу красиво – я просто пишу отчеты о нашем состоянии тому, кто за пределами этого «морозильника». Я – аналитик». Эти отчеты должны принимать форму дешевой научной фантастики по тем же причинам, по которым Ранситер счел необходимым использовать телевизионную рекламу – иллюзорный мир бесполезен для гнозиса (прямого опыта божественной мудрости), он нужен только в качестве маскировки. В другой записи 1978 года Фил сосредотачивается на этой стратегии. По степени искренности это самое откровенное утверждение о методе работы из тех, что Фил когда-либо излагал:

> […] Кажется, что меня привлекает мусор, как будто бы в нем лежит ключ – ключ к разгадке. Меня всегда тянет к чему-то недоговоренному, к необычному углу зрения. То, что я пишу, не позволяет это полностью ощутить. Там и юмор, и религия, и психотический ужас – разбросаны, как шляпы. Также есть социальные или социологические намеки – в большей степени, чем «твердая» наука. Общее впечатление немножко детское, но интересное. Это написано не умудренным человеком. Здесь все в равной степени реально, как поддельные драгоценности, что предлагают в темных закоулках. Плодотворное творческое сознание всегда переменчиво – серьезное оно делает смешным, смешное – печальным, и это ужасно: ужасное есть пробный камень того, что реально; ужас реален, поскольку он может причинять боль. […] Конечно, я усматриваю хаотичность в своей работе, и я также вижу, как эта быстрая смена одной возможности за другой может в конечном итоге, если будет достаточно времени, сопоставлять и раскрывать что-то важное и автоматически приводить все в более упорядоченный вид. […] Поскольку я ничего, абсолютно ничего не исключаю (поскольку включать больше нечего), я предлагаю такую мешанину, где смешаны платные двери и Бог. Все это – гребаный цирк. Я, как ворона с острым зрением, высматриваю все, что блестит, и тащу это в свое гнездо.
>
> Кто угодно с моим отношением к жизни мог бы идти, спотыкаясь, в поисках удачи в реальной жизни, то есть, так сказать, в жизни сознания – подлинного, хотя и

закамуфлированного Бога, deus absconditus[165], устраивающего необычные сочетания вещей и мест, как высокоскоростной (*sic*)[166] компьютер, обрабатывающий все, – он мог бы затмить даже недоверчивого Бога, застав врасплох и ткнув его неожиданно. Если правда, что настоящие ответы (и подлинно абсолютные, в отличие от кажущихся) оказываются там, где мы их вовсе не ожидаем найти, это «попробуй все» можно было бы принять за чистую монету, как некую замусоленную, банальную истину, которая, вот она, прямо перед тобой, «глядит тебе в лицо», как сущность тайны. […]

Этот тип восхищенного, доверчивого и изобретательного человека – величайший дар из всех, которые только могут быть. Поглядите на кукольника: он сам делает эти куклы, и сам является каждой из кукол. То, что Бог – это кукольник, кто может в это поверить всерьез (*sic*)?

Слишком глупо думать о том, что ты не ищешь Бога в мусоре на дне сточной канавы, а не в небесах.

Фил жаждал откровения. Шли шестидесятые годы, и производство романов у него оставалось неизменным (даже плодовитым, но не по меркам Фила) и он мучился, что в «величайшем даре из всех» ему было отказано. Не то чтобы его романам не хватало убедительности и тонкости: «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» (написан в 1966, издан в 1968), «Мастер всея Галактики» (написан в 1968, издан в 1969) и «Лабиринт смерти» (написан в 1968, издан в 1970), – не скидывали с него маску «дурачка», которую он сам на себя нацепил. Но в романах шестидесятых годов, которые снова и снова поднимали тему реальности, Фил приходил к тому ощущению, что сам почувствовал: в критические моменты – он просто притворялся. Вот запись в «Экзегезе» за 1981 год по поводу «Мастера всея Галактики»:

[…] Когда я дописал «Мастера» до конца, я почувствовал себя полностью изможденным и умершим в качестве писателя; я был выскоблен до донышка и умер: творчески и духовно. Каким же жалким я был!

[…] если в «Мастере» и были проявления психоза, а они там были, – это не потому что я почувствовал и познал Бога, – но потому что, совсем наоборот, я его не нашел. Таким образом, мое здравомыслящее сознание зависит от того, найду ли я Бога, поскольку моя творческая жизнь, что вполне логично, в нем нуждалась,

и (как сказал мой лечащий врач), мое здравомыслие зависит от того, что я пишу.

Как только он разочаровался в писательстве, он тут же разочаровался во всем на свете. Сначала – постепенно, а потом – лавинообразно.

* * *

Фил и Нэнси поженились, в первую очередь, потому что Нэнси забеременела. Их дочка, Изольда Фрейя, – первая у Нэнси и вторая у Фила – родилась 15 марта 1967 года чуть больше чем через восемь месяцев после бракосочетания. Нэнси вспоминает: «На самом деле я не очень верила в брак, но мы решили, что крошечный ребенок еще теснее скрепит нашу компанию – мы и сами были как дети. Я думала, что вполне нормально иметь детей и не быть женатыми, но Фил посчитал, что нам стоит жениться. Позднее я радовалась, что так и вышло».

За несколько недель до рождения ребенка Фил и Нэнси посещали группу конфронтационной терапии[167] для «здоровых» людей, и это, как чувствовал Фил, делало их сильнее. Он также закончил работу над «Инвейдерс» – телевизионным шоу, основная идея которого заключалась в том, что пришельцы таинственным образом оккупируют Землю, и только одинокий главный герой понимает, что происходит. Неудивительно, что Фил был привлечен к этому проекту, но его работа не была куплена. В это время роман «Время, назад» вышел в Berkely в мягкой обложке, на которой была изображена темноволосая девушка, напоминавшая Нэнси (она явилась прототипом одного из персонажей романа – Лотты) – счастливая находка, которая восхитила Фила.

Как будто инстинктивно, в ожидании драматических перемен, Фил купил дорогой несгораемый шкаф с четырьмя выдвижными ящиками, в котором хранил свои заветные коллекции журналов *Unknown Worlds* и *Astounding*, а также письма, фотографии, коллекцию почтовых марок, редкие магнитофонные записи, томики стихов и экземпляры его собственных книг и рассказов. Это был взрослый вариант того потайного ящика в столе, который был у него в юности. В феврале 1967 года Фил писал:

> Без выдвижных ящиков и папок сам шкаф весит 700 фунтов[168], и, чтобы поднять и погрузить его на тележку в три этапа, понадобилось четыре человека. Я был одним из этих четырех мужчин, и, к своему несчастью, я

> заработал себе грыжу, которая мне досаждает, будто Бог мне говорит: «Ты не справишься с этим, Фил; ты не сумеешь уберечь ни одно из сокровищ этого мира». Так или иначе, я окутан болью, как плащом; я знаю, что в этом больше истерического и психосоматического, поскольку меня терзает страх за ребенка и ответственность перед ним. Я заработал себе все виды физического стресс-симптома, несмотря на транквилизаторы и кодеин, которые принимаю.

По мере приближения родов в марте 1967 года, беспокойство Фила возрастало, как это уже было ранее – перед рождением Лоры в 1960 году. После аварии в 1964 году вождение автомобиля представлялось Филу страшной угрозой, и перспектива сесть за руль, чтобы отвезти Нэнси в госпиталь, ужасала его. Он попросил Майка Хакетта побыть с ними в последние дни, чтобы исполнить роль водителя. Майк вспоминает:

> Я верил, что Фил мог бы отвезти ее в госпиталь самостоятельно, но я поехал, а потом присоединился к нему в приемном покое. А вот потом, спустя пару месяцев, он показал мне нечто написанное, где он изображает свою прекрасную дочку Изу и где звучат такие слова: «Мой шурин оставил свою работу, чтобы оставаться с нами и ждать появления Изы». Я действительно бросил свою работу, но это никак не было связано с рождением ребенка. Но это вполне в духе Фила: я бросил работу исключительно ради Изы.

Рождение Изы изменило их супружескую жизнь как пары. В первые годы их отношений Фил видел себя как старшего и мудрого защитника Нэнси. Для этого, конечно, были причины: он любил ее очень глубоко и обеспечил ей надежный дом после беспорядочной жизни в Европе. Нэнси, в свою очередь, влюбилась в «этого чувствительного, замкнутого, но игривого человека. Он принимал меня такой, какой я была. Он никогда не устраивал мне выговоров, не вел себя со мной как с «маленькой» или что-то в этом духе. Он никогда не унижал меня».

Но их отношения, даже в самые первые дни, включали двойную взаимозависимость. «Фил был спасателем-спасителем», – вспоминает Нэнси. Хорош ли он был в этом отношении? «Вообще-то не очень, потому что он не был суперсильным человеком. Никто тебя не сможет реально защитить, если имеет много проблем такой же природы. В конце

концов, какое бы взаимопонимание между нами ни складывалось, мы оба тащили друг друга вниз». Поначалу, когда Нэнси стала работать на почте, а еще и волонтером в детском саду по соседству, Фил не садился обедать, пока она не вернется. Но по прошествии какого-то времени, особенно после того, как родилась Иза, он все больше стал возмущаться ее занятиями вне дома. «Он никак не хотел, чтобы я куда-нибудь уходила после завтрака, да и вообще. У меня не было никакой свободы».

Линн Сесил, которая была хорошо знакома с Филом и Нэнси в то время, отмечает, что «внимание Фила постоянно было сосредоточено на Нэнси. Желание заботиться о ней происходит от того, что он сам не очень-то заботился о себе». Линн вспоминает, что их брак носил какой-то «детский» характер: «Вместе они вовсе не казались взрослыми. В Изе они видели нечто угрожающее, когда она была совсем маленькой. Фил в то время с большим трудом общался с Нэнси». У Майка Хакетта примерно такие же воспоминания: «Их взаимоотношения изменились после того как родилась Иза. Нэнси стала намного более независимой, да и она перенесла внимание на Изу, ну а что касается Фила, то он всегда любил заботиться о других людях, хотя ему было нужно, чтобы заботились о нем самом. А Нэнси после рождения Изы посвящала ему совсем немного времени».

Несмотря на все свои фобии, Фил оказался очень любящим отцом. В этот период он редко видел свою первую дочь Лору. Враждебность Фила по отношению к Энн и ее враждебность по отношению к его образу жизни привели к тому, что их посещения друг друга стали весьма редкими. С появлением Изы к Филу вернулась радость отцовства, которая у него была во время жизни в Пойнт Рейес Стейшен. Но напряжение из-за разделения внимания между Нэнси и новым ребенком выразило себя в странном соревновании по вскармливанию. Нэнси вспоминает: «Сначала я ее кормила грудью, и у нас возник спор – сколько ей стоит давать молока, и Фил захотел кормить ее [из бутылки] дважды в день. Тогда Иза вообще прекратила есть, и доктор сказал: «В вашем доме слишком напряженные отношения». Здесь нельзя не заметить связь с неправильным кормлением сестры-двойняшки Фила – Джейн. Тут возникает еще одна более удивительная параллель: Фил настаивал на том, что, если Иза плачет, ни в коем случае нельзя ее держать на руках, чтобы не избаловать, – такая «философия» воспитания досталась Филу в наследство от его матери (с каким бы презрением позднее Фил к этому ни относился)».

Чувства Фила по отношению к Дороти, которые существенно смягчились в те отчаянные месяцы, последовавшие после разрыва

с Энн в начале 1964 года, вернулись в виде антипатии в период брака с Нэнси. Дороти была глубоко уверена – на это у нее были весьма убедительные причины, – что Фил не знает меры со стимуляторами и транквилизаторами. Но ее предупреждения вызывали только ярость. Это было больное место Фила из-за его собственных страхов, усиливающихся от злоупотребления лекарств. ами

Но, несмотря ни на что, именно Дороти и Джозеф Хаднер внесли последний платеж за большой дом, в который Фил с семьей вселился в июне 1968 года. Расположенный в районе Санта-Венеция в Сан-Рафеле по адресу Асьенда-уэй, 707, это был пригородный дом с участком, с лужайкой и садом, которые не стали процветать при новых владельцах. Грания Дэвис, которая посетила этот дом вместе с мужем в 1969 году, вспоминает о «филдиковской» экскурсии по саду: «Он повел нас показывать «достопримечательности» и говорил: «Вот это мертвое лимонное дерево; вот это мертвый розовый куст; вот это мертвая лужайка. Непрошеный Фургон[169] приедет за мной на следующей неделе».

Этот дом был зарегистрирован на имя Хаднеров из-за низкого кредитного рейтинга Фила. Но, несмотря на напряженные отношения между матерью и сыном, Нэнси подчеркивает, что Дороти относилась к ней и к Изе с огромной добротой, и добавляет:

> Между Филом и Дороти было много недопонимания. Все, что она говорила, он выворачивал наизнанку. Как-то, когда она была у нас, мы с Филом стали бороться и дурачиться, и она написала записку, в которой говорилось, что она опасается: Фил может причинить мне боль. Не в смысле, что у нее были проблемы с прямым общением – ей пришлось писать ему письмо. Он был так взбешен.

Битвы Фила с Дороти по поводу лекарств все больше и больше накалялись. Прежде чем вдаваться в детали, стоило бы вспомнить, что *Zeitgeist*[170] шестидесятых годов покрывал наркотики некой патиной славы и приключений, ныне утерянной. Когда Фил принимал наркотики, он говорил, что они делают его «клевым», и употреблял их для этого (весной 1969 года ему даже позвонил поклонник – доктор Тимоти Лири[171]). «Кислота», «травка» и гашиш особенно не впечатлили. Но таблетки… ах, таблетки! Он их мог измельчать, смешивать – настраивать эффекты «Стелазина»; миорелаксанты и спазмолитики; «Либриум», «Валиум» и прочие транквилизаторы; «Дексамилу» и другим видам «спидов» аптечного качества отдавалось особое

предпочтение, но он принимал и «белые кресты» (таблетки амфетамина), которые продают на улицах. «Как будто он сам себя лечил, – вспоминает Нэнси. – Пытался попасть в иное место».

Единственным местом, куда он чаще всего пытался попасть с существенным успехом, было состояние внутренней сосредоточенности, необходимое для того, чтобы писать в том состоянии, в котором Фил и писал свои романы – в течение двух или трех недель. Говорит Нэнси: «Когда мы нуждались в деньгах, как когда родилась Иза и мы были «на мели», он мог просто сесть, написать книгу и получить деньги». Фил написал девять романов целиком, три – частично, множество рассказов и эссе во время жизни с Нэнси. Это не была скорость 1964 года, но все равно было потрясающе.

Во время сочинения «Пролейтесь, слезы…» в 1970 году Фил накатал сто сорок страниц за сорок восемь часов непрерывной работы. «Спиды» давали ему возможность мало спать и выбраться из состояния иссушающей депрессии. Нэнси вспоминает: «Депрессивные состояния тормозили его работу. Он мог ходить три-четыре дня, не произнося ни слова». Когда он брался за написание новой книги, его самоидентификация с персонажами была чрезвычайной. Во время написания «Андроидов», говорит Нэнси, «Фил работал всю ночь напролет, и, когда он ложился в постель, то говорил как совершенно другой человек. В процессе писания он приобретал какой-то особый опыт и думал, что он – кто-то другой, или находится где-то в другом месте».

Основным источником таблеток для Фила было множество рецептов, выписанных постоянно меняющимися врачами, которым он излагал подходящие симптомы. Это был излюбленный метод получить рецепт у употребляющих препараты. Мириам Ллойд указывает: «Ты мог ходить на любые встречи Анонимных наркоманов и убедиться, что это самые умные люди, которых только можно представить себе. А Фил был умнее большинства из них. В мире наркозависимости – рецептурные наркотики самые распространенные». Но у Фила были и более глубокие мотивы для консультаций у психиатров. Нэнси вспоминает:

> Казалось, что он ужасно боялся сойти с ума, поэтому шел к психиатру, чтобы тот сказал ему, что он не сумасшедший. Все доктора всегда говорили ему, что с ним все о'кей. Ему необходимо было это услышать – он был переполнен тревогами. Но сумасшедшим он не был. Даже, хотя у него иногда бывали безумные идеи, он всегда отдавал себе полный отчет в том, что происходит.

Он никогда не отрывался от реальности.

Любовь Фила к «спидам» приводила его также и к уличным дилерам. Как правило, дилеры были либо подростками, либо теми, кому чуть за двадцать. К 1967 году они болтались повсюду; падчерица Фила Хэтт, которая в тот год училась в старшем классе в Старшей школе Сан-Рафеля, услышала от своих школьных друзей, что дом ее отца был известным местом, где торговали наркотиками.

Начиная с 1967 года и до конца десятилетия совместная жизнь Фила с Нэнси становилась все более сложной и отчаянной. Наркотики были частью этой проблемы, но только частью. Силы энтропии сотрясали некогда спокойный дом. В первую очередь начались трудности, которые испытывают все родители, ухаживая за новорожденным ребенком. Затем у Фила умерли оба кота. Дурные вести приобрели трагические масштабы с самоубийством Марен Хакетт в июне 1967 года. В следующие два года произойдут еще две смерти: Энтони Бучер и епископ Джеймс Пайк, два человека, послужившие Филу наставниками, уйдут из жизни. К этому добавились аудит со стороны Налогового управления, экономическая нестабильность, супружеская неверность, обычная вывихнутая странность Калифорнии шестидесятых и психические риски, возникавшие при создании сюжетов фантастических романов, в которых отражались все эти реалии. Хотя Фил и Нэнси оставались любящей парой, они были поставлены на колени.

На все эти кризисы бесспорно влияли и регулирующие настроение пилюли – антидепрессанты и транквилизаторы. Употребление Филом таблеток поддерживалось полуслепой уверенностью в том, что принятый в нужное время нужный препарат принесет пользу. Типичным примером тому стало прописанное Филом самому себе лечение после «нервного срыва», от которого он страдал в июле 1967 года. Первым катализатором этого стало самоубийство Марен Хакетт в июне. Горе Марен было вызвано, в какой-то степени, болезненным разрывом ее отношений с епископом Пайком; Фил и Нэнси видели, что к этому все и шло, и тем не менее были потрясены ее смертью. Марен была надежным источником поддержки молодой пары.

За несколько недель до «нервного срыва» Фил был «умеренно параноидальным и очень враждебным», а затем его «состояние психиатр назвал «симптомом пограничного психического расстройства», и это было совершенно очевидно». Нервный срыв длился половину дня и заключался «в обширном искажении восприятия» – ужасный привкус, утрата памяти и чувства

времени, физическая беспомощность, острый ужас при кормлении Изы, стремление к самоубийству. Вдобавок Фил положил куда-то не туда «важные налоговые документы». Это искажение восприятия было до такой степени ярким, что Фил попросил Нэнси спрятать от него пистолет двадцать второго калибра. Но он начал бороться с нарушением восприятия: «Я принял приличную большую дозу фенотиазинов, а потом еще раз – чтобы встретиться с Доктором» («Стелазин», нейролептик из группы фенотиазина, был успокаивающим препаратом, который Фил настоятельно рекомендовал Энн в 1963 году). Фил смог «чувствовать себя активным, энергичным и даже восторженным – потому что рассуждал, что встретил это лицом к лицу, и мне это понравилось (правда, временно)». А вот неожиданный поворот, который знаменует столь многие мысли Фила о кризисе:

> Интересная вещь: когда я оглядываюсь назад и вспоминаю тот день, то диву даюсь, как много тогда сумел сделать. В девять утра объявился налоговик (другими словами – коп из Министерства финансов) и потребовал мою задолженность по налогам. Мы с ним вроде бы договорились. […] Доктор подумал, что в той ситуации, в которой я оказался, удивительно, как мне удалось договориться с этим мытарем, поскольку я боюсь его сильнее других жизненных форм на Терре и в ее окрестностях.

У Фила были веские основания бояться Налогового управления. О каком бы урегулировании он ни думал, оно скоро бы сорвалось. Продолжающийся аудит доходов Фила за 1964 и 1965 годы (он декларировал двенадцать тысяч и пять тысяч соответственно) приводил ко все более строгим штрафам. В сентябрьском письме 1967 года Фил умолял: «Сколько это может продолжаться? У меня почти не осталось денег». Но Фил мужественно бросился из огня да в полымя, когда подписал (вместе с пятью сотнями других авторов) петицию «Протест писателей и редакторов военным налогам» в февральском номере журнала *Ramparts* за 1968 год. Те, кто поставил свою подпись, выступали против войны во Вьетнаме и заявляли:

> 1) Никто из нас добровольно не заплатит предложенные 10 % надбавки к подоходному налогу или любое другое увеличение налога, направленное на военные цели.
>
> 2) Многие из нас не станут платить 23 % из нашего текущего подоходного налога, который используется для

финансирования войны во Вьетнаме.

Положение Фила, которое позволяло ему влиять на общественное мнение без того, чтобы испытывать психологический стресс, покидая дом, тем не менее имело высокие персональные издержки: Налоговое управление реквизировало его автомобиль в 1969 году, а также непосредственно вызывало интенсивный, сохраняющийся страх. В одной записи в «Экзегезе» 1979 года Фил размышлял: «После этого я понимаю, что петиция в *Ramparts*, а затем мой отказ подавать налоговую декларацию до конца войны, все это было не просто антивоенным актом, инакомыслием или даже гражданским неповиновением, но прямым принесением в жертву моей свободы и литературной карьеры: наказание было неизбежно, словно для Иисуса, вошедшего в Иерусалим. И я знал это. К 1974 году я жил в страхе от того, что они арестуют меня […]».

Петиция в *Ramparts* не была единственным источником беспокойства Фила. Он предполагал, что каким-то образом случайно изобразил важную, исключительную государственную тайну в своем фантастическом произведении и попал под подозрение правительства. В этом отношении Фил больше всего опасался за две свои работы – особенно подозрительными были «Предпоследняя правда» (1964) (см. «Хронологический обзор») и «Вера отцов наших» – рассказ, написанный для научно-фантастической антологии Харлана Эллисона *Dangerous Visions* (1967), в котором изображен тоталитарный лидер, подобный Председателю Мао, скрывающий свою истинную форму, добавляя в питьевую воду населения дозы галлюциногенов. Фил позже обвинит Эллисона в том, что в «Предисловии» к «Вере» содержались искажения, которые угрожали репутации и безопасности Дика. Текст Эллисона включал следующий фрагмент:

> Филип К. Дик годами озаряет свои собственные ландшафты, излучая иллюминацию мощными прожекторами своего воображения на *terra incognita* невероятных масштабов. Я просил Фила Дика, и я получил. Рассказ должен был быть написан об ЛСД и под его воздействием (по возможности). Ниже приводится, как и превосходный и необычный роман «Стигматы Палмера Элдрича», результат подобного галлюциногенного путешествия.

Эллисон вспоминает, что Фил уверял его – «Вера» и «Палмер Элдрич» были написаны под воздействием ЛСД; позднее письма от Лоуренса Эшмида – редактора издательства Doubleday, который руководил проектом *Dangerous Visions*, подтверждают, что Фил не вносил никаких изменений в верстку того самого предисловия. Сам Фил в своем послесловии 1967 года к рассказу не преминул отметить тему ЛСД (хотя там он не заявлял, что писал под действием этого препарата). Но во всех дальнейших переизданиях *Dangerous Visions* начиная с 1975 года в своем обновленном послесловии Фил настаивает, что на его текст «кислота» никак не влияла. Вполне вероятно, что это признание 1975 года достойно доверия, а то, о чем он говорил в 1967 году, – шутка, свойственная духу времени.

Несмотря на недавнее негодование, дружеские отношения Фила с Эллисоном, еще и подогреваемые частыми телефонными разговорами и встречами на вечеринках во время конвентов, продолжались. Эллисон, который к тому времени уже был одной из самых доминирующих фигур в НФ, усматривал в Филе одного из немногих писателей в этой области, чей пыл и талант превосходит его собственный:

> Фил мне виделся как аутсайдер, одиночка, выполняющий священные миссии, ведомый безумием и демонами. Вот что тянуло меня к нему. Я знал, насколько мне это будет больно, но я крутой мелкий факер и я знал, как себя вести, – я знаю, как дать сдачи. Фил, как я думаю, еле барахтался в этих делах. Он не знал, как вести бизнес и как строить личную жизнь. Когда он садился за пишущую машинку, он был чистым и ясным, но мотивацией его работы было безумие. В остальное время он не мог выбросить из головы всю эту фигню. В основном из-за его чувства собственной социальной несостоятельности. У меня самого возникало странное чувство, что я, как писатель, не ровня ему, что он намного выше… что он из тех писателей, которых мне хотелось знать лично. У меня возникала параллель: я Сальери, глядящий на Моцарта.

Среди своих собратьев-писателей, таких как Эллисон, Фил ощущал себя достойным профессионалом. Но в его сугубо частной жизни наркотики стали тем найденным средством, которое приводило к успокоению и творческому вдохновению. Фил зашел так далеко, что планировал для себя своего рода маленькие таблеточные праздники. К примеру, Филу удалось получить рецепт на «Риталин» – стимулятор для снятия легкой

депрессии. (Основные побочные эффекты: скачки артериального давления, изменения в настроении, аритмия.) «Риталин» противопоказан людям с выраженной тревогой. С помощью него Филу хотелось бы сохранить, хотя бы на месяц, близкое общение с окружающими его друзьями; заряд энергии от этого препарата подпитывал безостановочный поток идей и безбашенный юмор. Парадоксальная правда заключалась в том, что наркотики отстраняли Фила от мира и усиливали его общительность с такими же наркоманами.

Как-то в 1968 году, когда Мириам Ллойд решила выбросить свои припрятанные таблетки, Фил бросился ей в этом помогать (спасти то, что ему было нужно):

> Он помогал мне смывать их в унитаз. Когда очередь дошла до последнего пузырька, я сказала: «Я не знаю, что там такое». Фил сказал: «О, эти таблетки – вам никогда не следует принимать эти таблетки. Я их как-то раз принял и очухался только в Юнион-Сити – месте, в котором вам бы не хотелось оказаться, особенно после этих таблеток». Он нагнулся, взял горсть таблеток, запил их пивом. Он был забавным человеком.

Мириам отмечает, что наркокультура в шестидесятые годы имела общепринятую распространенную этику, и это способствовало такому увлечению Фила:

> Одна из особенностей наркокультуры в том, что она создает мгновенные близкие отношения. Вы получаете свою «банду», у вас есть все эти общинные «штучки», понимаете, «косячками» обменялись, потом подносом с «дорожками», кто-то захотел вина, а у нас никакого нет, и кто-то быстренько отправляется за ним. Все заботятся о потребностях каждого.
>
> Фил был очень любезным – ему нравилось все это. Он был невероятным эгалитаристом. Он сразу же начинал любить то, что ему нравилось. Он не был наивным, он был искушенным сторонником равноправия. Его политические взгляды были добрыми, очень гуманными. Он и вправду заботился о людях.

Фил, казалось, был во славе, когда принимал участие в сентябре 1968 года в «БэйКоне»[172], который многие присутствующие называли «НаркоКон». Некоторые из этих участников, включая Фила, приняли то, что, как они думали, было ТГК[173] (действующее вещество марихуаны), на самом деле

оказалось PCP[174] – ветеринарным транквилизатором, известным как «ангельская пыль». Несмотря на это, Фил проявлял себя активно в творческих кругах, общаясь с Рэем Брэдбери, Робертом Силверсбергом, Фрицем Лейбером, Филипом Хосе Фармером, Норманом Спинрадом и – в первый раз – с Роджером Желязны, с которым Фил в предыдущем октябре согласился совместно работать над «Господом Гнева».

На конвенции проходили серьезные дебаты, вращавшиеся вокруг «Новой волны» НФ, которая мастерски превозносилась Эллисоном совместно с *Dangerous Visions*. У Фила были свои сомнения относительно сущности многих произведений «Новой волны». Он также боялся, будучи ветераном фантастики пятидесятых годов, что его сочтут старомодным (несмотря на недавно впервые проданные права на экранизацию романа «Мечтают ли андроиды об электроовцах?»). С чувством облегчения он писал своему редактору в Doubleday, Ларри Эшмиду, что его статус вырос по сравнению с конвентом 1964 года благодаря популярности «Палмера Элдрича».

Казалось, что в это время Фил испытывал большую неуверенность в достоинствах своего письма, чем когда-либо со времен новичка в Беркли. Он постоянно недооценивал те романы, которые написал со времени «Палмера Элдрича». В мае 1969 года он писал своей падчерице Тэнди: «Начиная с 1964 года я был не в состоянии сделать ни одну важную книгу и из-за этого чувствую себя очень несчастным». Позднее Фил пришел к признанию того, что «Убик» – это чрезвычайно значимая работа, о чем уже говорилось. Что касается «важных» произведений, то следовало бы отметить рассказ «Электрический муравей», написанный в конце 1969 года, – один из лучших в его писательской карьере. Главный герой, Карсон Пул, думает, что он человек. Но случайно он узнает, что на самом деле является «электрическим муравьем» (органическим роботом). Внутри у него находится пластиковая перфолента, служащая в качестве «поддержки конструкта реальности». Что случится, спрашивает Пул, «если перфолента не подана в сканер? Нет ленты – ничего нет вовсе. Фотоэлемент, сияющий без всякого сопротивления?» Техники сообщают ему, что его просто «вырубит». Но Пул не боится. «Все, чего я хочу, – осознает он, – так это полной и абсолютной реальности, хотя бы на микросекунду. Что будет после, не важно, потому что все станет известным; ничего не останется, чтобы понять или увидеть». Пул вскрывает себя микроинструментом, и его желание осуществляется. Прочитайте рассказ, чтобы узнать конец, который, как говорил Фил, всегда пугал его.

Но 1969-й был годом, который, по стандартам Фила,

прокручивался вхолостую: «Друг моего врага» – единственный роман, завершенный в том году, был жалкой халтурой для Дона Уоллхейма в Асе. В мартовском письме 1969 года он объяснял свой резкий спад следующим образом: «У меня есть теория: я не могу сидеть и писать один роман за другим; между ними я должен выбраться из своей раковины и общаться с людьми; в ином случае мои романы слишком сильно напоминают друг друга». Фил читал все, что мог найти, на тему Свитков Мертвого моря; в нем ярким огнем пылали вопросы теологии, вспыхнувшие благодаря общению с Пайком.

В еще одном мартовском письме 1969 года Фил подчеркивал, что замысел романа в нем созревает медленно. Написанные его собственной рукой ранние заметки включали минимум деталей технологии и культуры научно-фантастического мира будущего. Затем он обычно перепечатывал их на машинке и просматривал в том порядке, в котором они приходили ему в голову. Самым трудным шагом было создание персонажа. Главный герой-мужчина был, как правило, «собран» из реальных личностей. Женские персонажи должны были быть «тщательно проработаны, со многими сложностями, противоречиями, – другими словами, они были реальными женщинами». Сюжет приходит в последнюю очередь:

> Я дальше скажу, что сначала сочиняю сюжет для первой главы романа или вроде того, и чем больше я в него погружаюсь, тем больше чувствую зависимость от вдохновения, посещающего меня в моменты написания (иногда оно вовсе не наступает, иногда наступает слишком поздно, – скажем, когда роман уже отдан в печать). […] Что касается меня, то мое знание персонажей приходит ко мне только тогда, когда я нахожусь в процессе написания романа; мне нужно слышать, как они на самом деле говорят, на самом деле занимаются какими-то вещами, реагируют и т. д. […] Таким образом, я часто обнаруживаю, что сам подхожу к такому моменту в романе, где, например, заметки (а если план, то пусть будет план) требуют, чтобы главный герой сказал «да», но фактически он, будучи тем, кто он есть, скажет «нет», вот он и говорит «нет», и с этого момента я должен продолжать, будучи поставлен перед фактом, что это его манера поведения… и это вносит ужасную путаницу в сюжетную линию. Но я думаю, что лучшие романы получаются из этого. Другие писатели не только не согласились бы со мной; они пришли бы в

ужас.

Подход Фила с «вдохновением момента» требовал пыла, который в то время мог отсутствовать. Слишком много дорогих ему людей умирало.

В апреле 1968 года его давний наставник, Энтони Бучер, умер от рака. Фил напишет два эссе в память о Бучере, а также посвятит ему «Убик». До конца своей жизни Фил сохранял воспоминания о Бучере. Потому что именно Бучер подставлял юному Филу плечо и говорил ему, что он может стать писателем. Воспитанность и интеллект Бучера поддерживали Фила в те унылые пятидесятые годы, когда казалось, что поля научной фантастики населены только «троллями и психами». Затем, в сентябре 1969 года, епископ Пайк умер в Иудейской пустыне в поисках правды об историческом Иисусе. Влияние епископа на Фила было огромным – Пайк служил примером страстного и непрестанного поиска окончательных знаний, и это питало лучшие произведения Фила. В позднем интервью Фил вспоминал об этой двойной утрате: «Это было страшно, приятель, они хрипели и падали вокруг меня, как на Первой мировой войне, ты знаешь, прямо как в конце «На Западном фронте без перемен».

Эти смерти добавили напряжение браку, в котором Нэнси и Фил начали изощряться в своих заботливых ролях. Нэнси переживала рецидив проблем с нервами, которые охватили ее в 1964 году, и, кроме того, ее пугала возрастающая интенсивность употребления «спидов» Филом. Какая-то «левая» доза «винта», купленная на улице в августе 1969 года, привела Фила к госпитализации с панкреатитом и острой почечной недостаточностью. Сильно ослабленный, Фил не мог вернуться к написанию романа, пока не почувствовал себя хорошо в следующем году. Перспектива возобновления приступов панкреатита была мучительна для Нэнси. «Я так боялась, что он умрет. Я точно так же переживала за своих родителей – а потом умерла моя мама. Тогда я просто почувствовала, что не смогу с этим справиться». Несмотря на риски, Фил продолжал приобретать «спиды» на улицах. Иногда он пытался бросить, но безрезультатно. Нэнси вспоминает: «Я пробовала прятать амфетамины. Тогда он воспринял бы это как нечто ужасное. Я не смогла бы этого вынести. В конце концов, у меня все закончилось больницей, и я поняла, что не могу вернуться и снова жить этим. Я не могла подняться над его депрессиями и прочим». Нэнси вернулась, но ненадолго, и она дольше не могла оставаться.

Рассказ Фила об их последнем годе в равной степени

болезненный. В более позднем интервью он объяснил, что «спиды» были необходимым средством спасения:

> Прием амфетаминов в тот момент, я думаю, скрывал, почему моя память была повреждена, и мое поведение было ошибочным, и мое восприятие было нарушенным. Они были нарушены из-за травматического шока и из-за более глубоких механизмов, таких как амнезия. Но если бы я не принимал «дурь», я бы сам столкнулся с этим лицом к лицу, и другие люди должны были бы столкнуться с этим, а мимо этого было легче всего пройти самым простым путем: «Ну, он рассеян, он рассеян от амфетаминов».

Но Фил здесь уходит от темы. Как он хорошо знал, «спиды» более чем просто скрывали его проблемы. Они только усиливали их. Приступы страха, паники и тревоги, которые постоянно мучили Фила, питались амфетамином. Эти побочные эффекты были следствиями огромных дозировок, которые он заглатывал, были неизбежны, как бы он ни пытался их объяснить.

Колодец творчества за долгое время высох. Фил подал заявку на социальное обеспечение и продовольственные карточки за июль – август 1970 года – шаг, который ранил его гордость. Но к тому времени он снова взялся работать над романом.

Чтобы понять, как Фил пережил боль, вновь потеряв семью, значит понять происхождение романа «Пролейтесь, слезы…» – романа, который Фил написал и переписывал яростно в период с марта по август 1970 года.

В мае 1970 года Фил ушел в «трип» с помощью мескалина[175]. Кажется, он никогда больше не использовал мескалин, но этот конкретный «глюк» его поразил:

> Под «кислотой» я никогда не получал подлинного понимания, но под мескалином я был переполнен страшно сильными чувствами – эмоциями, как я полагаю. Я чувствовал всепоглощающую любовь к другим людям, и это я включил в роман [«Пролейтесь…»]: в нем рассматриваются разные виды любви, и заканчивается он возникновением высшей формы любви, о которой я никогда раньше не знал. Я говорю: «Ответом на вопрос «что реально?» – ответом будет «этот вид всепоглощающей любви».

Основная история – о телевизионной звезде Джейсоне Тавернере – богатом, знаменитом, блестящем и невероятно

привлекательном, теряющем весь свой статус, когда он переносится в альтернативный мир, в котором, по словам генерала полиции Феликса Бакмэна, он официально не существует.

«Пролейтесь…», с его атмосферой нуара и ужаса, является кульминацией серии романов, написанных после 1964 года («Время, назад», «Мечтают ли андроиды об электроовцах?», «Мастер всея Галактики» и «Друг моего врага»), в которых жизнь персонажей протекает в ужасном «государстве-предателе», где доминируют полицейские шпионы и надзор. Но только «Пролейтесь…» может похвастаться характером такой тонкости, как у Феликса Бакмэна, в которого Фил излил весь свой сильный страх и ненависть к власти, а также его любовь к своим собратьям – потерянным и одиноким людям.

Это именно Бакмэн живет в названии романа, когда его сестра-близнец и кровосмесительная жена Элис Бакмэн – бисексуальная, затянутая в кожу королева, злоупотребляющая наркотиками и подсаженная на прямые стимуляторы мозга во время оргий, умирает от передозировки загадочного, связывающего время наркотика КР-3. Параллель смерти Элис и потери Филом Джейн подтверждается в «Экзегезе». Фил часто представлял Джейн лесбиянкой, и всегда он думал о ней как о сильной и смелой. На бритвенно остром языке Элис, которая ненавидит замкнутую в себе деятельность своего брата, сестра в романе обнаруживается в вымышленной форме.

Феликс и Элис любят друг друга, и занятия различными формами любви – это грандиозная тема «Пролейтесь…». В 1969 году Фил написал, что самой большой слабостью НФ была «ее неспособность исследовать тонкие, запутанные отношения, которые существуют между полами». Фил намеревался в этом романе исправить такую ситуацию. Главный герой Тавернер встречается со многими женщинами в своем адском новом мире – любовницами прежними и новыми, темноволосой девушкой и даже подругой, а «Пролейтесь…» – это портретная галерея сексуальных стилей. Но Тавернер начинает как совершенно тупая телевизионная знаменитость и заканчивает, мало изменившись. Ядро «Пролейтесь…», как утверждал сам Фил, представляет сцена, в которой Генерал Бакмэн плачет.

Это середина ночи, и Бакмэн летит домой в своем «квиббле», пытаясь справиться с потерей Элис – его близнеца, его сестры, его жены. Он не может. Остановив машину на ночной заправке, он встречает чернокожего, Монтгомери Л. Хопкинса. Бакмэн не может говорить, но вручает ему кусок бумаги, на которой он нарисовал «сердце, пронзенное стрелой». Наконец, Хопкинс

понимает, что это чистое горе заставило замолчать этого белого незнакомца. И они обнимаются. Так просто.

В августе 1970 года Фил понял, что в «Пролейтесь…» нужно было «добить» финал, но он устал. Затем, в сентябре, Нэнси и Иза покинули его. Их годы усилий по налаживанию счастья подходили, в итоге, к концу. Это была четвертая неудача Фила в браке и вторая расколотая семья. Ему было сорок два, бедный, с лишним весом и безнадежно уставший от потери любви. Непрерывное писание останется для него вне вопросов на ближайшие два года. (В 1971 году, в разгар своих скорбей, Фил доверил рукопись «Пролейтесь…» своему адвокату, и только в 1973 году он сделал машинописный окончательный вариант для Doubleday.)

Но майский мескалиновый «трип» в 1970 году дал ему не только сюжет для «Пролейтесь…», но и видение, в котором он нуждался. В сентябрьском письме 1970 года он написал о «какой-то мистической любви к незнакомцам, которой для меня, как я думал, раньше никогда не существовало. Для меня внове эта божественная любовь; она переполняет меня, и я никого не ненавижу, даже мистера Джексона, любовника Нэнси».

У Нэнси был роман с Гонором Джексоном, чернокожим соседом, который жил через улицу, но это была не любовь к другому мужчине, и это подтолкнуло ее к тому, чтобы она и от него ушла. Но позже Фил упоминал Джексона в письмах и интервью как члена «Черных пантер», который украл Нэнси[176].

Джексон, который все еще живет там же, через улицу, разражается смехом, когда его спрашивают о связях с «Черными пантерами», и Нэнси подтверждает, что их не было. Тогда Джексон и Фил хорошо ладили; после того как Нэнси ушла, Фил даже купил подержанный автомобиль у Джексона – красный «Понтиак» 1963 года. Джексон помнит Фила как «милого парня», который также казался «немного чокнутым», потому что «у него были проблемы с нормальным мышлением время от времени» и, как правило, когда он был вне дома, он горбился, двигался крадучись и оглядывался. Джексон никогда не проводил время в доме Фила, но слышал о торговле наркотиками и видел, как к его дому подъезжают машины, а люди выходят из них и остаются на два или три дня. Нэнси ушла, говорит Джексон, потому что было слишком много наркотиков.

Зачем предоставлять статус «Черной пантеры» человеку, у которого была обычная, мирная работа? Несколько друзей Фила предполагают очевидное: учитывая сцену вполне в духе шестидесятых, это было лишь той деталью, чтобы привнести драму в это грустное, затянувшееся расставание. Майк Хакетт

переехал к ним в последние недели, чтобы помочь с вождением и другими делами, но его присутствие только облегчило разрыв.

Иза, которой было три года, вспоминает тот день в начале сентября: «Мы уезжали на машине, и мой папа выбежал из дома вслед за нами. А мы уже удалялись».

Глава 8
1970–1972

Но на самом деле не было смысла писать. На самом деле, когда вы задумываетесь над тем, как вы пишете: один пишет, уходя в уединение, для меня же всего один час одиночества означал бы мою кончину; после того как Нэнси ушла с моей маленькой дочкой, это было слишком рискованно. Я должен был быть с людьми. Я затопил дом людьми. Каждый был желанным. Потому что звук их голосов, звук их деятельности, шум в гостиной, что угодно – это помогло мне выжить. Я буквально не смог убить себя тогда, потому что слишком многое происходило.

Фил, интервью 1974 г. (Only Apparently Real)

Это роман о людях, которые были наказаны чрезмерно сурово за свои деяния. Они всего лишь хотели повеселиться, словно дети, играющие на проезжей части. Одного за другим их давило, калечило, убивало – на глазах у всех, – но они продолжили играть. Мы были очень счастливы – не работая и просто валяя дурака, – но такое короткое время, такое кошмарно короткое время! А расплата оказалась невероятно жестокой; даже когда мы видели ее, то не могли поверить[177].

Фил, «От автора», «Помутнение» (1977)

Темная ночь души, темноволосые девушки, темнота и

Помутнение. Темнее всего перед рассветом, конечно, но вспомните, что все заканчивается хаосом, как это происходит в романах странного Фила Дика

Фил снова был холостяком – где-то средних лет, с седеющими волосами и бородой, с растущим животиком, со скучным перечислением потерянных любовниц и горькими воспоминаниями. И все же он продолжал оставаться импозантной фигурой. Его голубые глаза сверкали под широким писательским лбом.

Он мог заставить комнату, полную людей, вспыхивать от его гениальности или подыхать со смеху, когда он с совершенно непроницаемым лицом говорил самый веселый вздор.

Эти таланты хорошо послужили ему именно тогда, потому что, прежде всего, Фил нуждался в том, чтобы удерживать толпу.

Для этого он согласился бы на любые условия. Он открыл свой дом в Санта-Венеции сначала друзьям, потом всем желающим. Он предлагал им наркотики, пиво, музыку; свое сознание, остроумие, доброту и разбитое сердце.

Он страстно жаждал привязанности. А заключил в объятия хаос.

* * *

На той же неделе, что Нэнси покинула Фила, сестра Нэнси Анн оставила своего мужа, Берни Монбриана. И брат Нэнси Майк, уже живущий в доме в Санта-Венеции, занимался документами о разводе. Итак, Фил пригласил Берни присоединиться к ним. Три холостяка.

И они оказались дружелюбными спутниками. Хихиканье поздними ночами, поразительная болтовня, подогреваемая дозой «белых крестов». Музыка звучит всегда – от Моцарта до «Грэйтфул Дэд»[178]. Праздношатающаяся молодежь и торговцы наркотиками приходили и уходили свободно и просто, что было хорошо, так как Фил не жалел своих наркотиков и денег. Он чувствовал себя безопаснее с незнакомцами вокруг; он верил, что доверять незнакомцам – это антишизофренично. Но он не очень хотел выходить из дома. Майк справлялся с поручениями. Берни вспоминает: «Фила немного боялся. Он жил в этом единственном мире – в этом доме. Вещи сами войдут в этот дом, вещи сами выйдут из этого дома. Он никогда не занимался реальными вещами… он много говорил о таблетках: о, эти – классное дерьмо, а те – паршивое дерьмо, а вот где мы можем достать еще немного этого?»

Страх редко принимал форму явного гнева. Фил был нежным, почти всегда замкнутым, когда у него не было настроения произносить оживленный монолог. Его нельзя было легко возбудить, даже классическим раздражением соседа по комнате. Берни рассказывает, как опустил иглу дорогого стереопроигрывателя Фила прямо на середине заветной записи, громкость воспроизведения которой была поставлена на максимум. Раздавался резкий, раздражающий звук. «Он сразу же вышел из своей комнаты и мило попросил не играть так громко. Вежливый и добрый – джентльмен».

Но с угрозами извне – реальными или воображаемыми – не так-то легко было справиться. Майк вспоминает: «Он боялся полиции из-за наркотиков. Но это также давало ему ощущение приключения – знаете, нам нужно быть начеку, а то они нас повяжут». Том Шмидт, который в октябре 1970 года заменил Берни Монбриана в качестве третьего соседа, подтверждает, что Фила беспокоили коммунисты, нацисты, ФБР и ЦРУ. Но не следует забывать, что в жилище Фила каждый день появлялись разные таинственные и опасные случайные гости, связанные с миром наркотиков, у которых с собой были «пушки» и которые были подвержены непредсказуемым перепадам настроения. Было вполне разумным держать ухо востро на предмет возможного грабежа или облавы.

Не исключено также, что приступы сильной паранойи связаны с общим побочным эффектом злоупотребления амфетаминами, а Фил злоупотреблял амфетаминами – «Декседрином», «Бензедрином» и бог знает какой еще отвратительной уличной дрянью, попавшейся под руку. В холодильнике он держал картонные пакеты с обогащенными белком молочными коктейлями рядом с большими банками «белых крестов» – 100 долларов за банку, которая вмещает тысячу таблеток, которые Фил поглощал немерены горстями с молочными коктейлями (чертовски умно, чтобы избежать быстрого «прихода» на голодный желудок). Фил и другие в доме бодрствовали по три-четыре дня или даже неделю подряд проводили без сна, а затем вырубались на сорок восемь часов неподвижности на кроватях. И, когда вы так долго «улетаете» на больших дозах, чувства высокой энергии и абсолютного внимания могут – а обычно так и происходит – превращаться в настороженность, подозрение, страх. Вы смотрите через жалюзи, чтобы увидеть, кто там. Фил будет часто говорить, что он видел кого-то, скрывающегося во дворе или даже возле его кровати в ночное время. Его соседи по дому никогда не знали, верить ли ему (в основном – нет), но они знали, каково это. Говорит Берни:

«По моему личному опыту – ты три дня не спал, твои мозги уже кричат в агонии, тебе нужно расслабиться; все витамины, все, что дает стабильность вашему телу и уму, исчерпано. Вот тогда и наступает паранойя».

Фил знал о побочных эффектах «спидов». В дневниковых заметках того времени Фил постоянно размышлял о том, является ли страх результатом действия таблеток. Однажды, поздней ночью, он задокументировал борьбу: «12:30. Я иду спать. Я ненавижу спальню – пустую кровать, – но ненавижу еще больше сидеть здесь в холодной гостиной ночью с выключенной музыкой. […] Таблетки счастья оборачиваются таблетками кошмара». Несколькими параграфами ниже – счастливое улучшение: «Таблетки счастья помогают мне: я чувствую благодатный теплый свет в своем животе».

«Спиды» дают время – хорошее, славное, ревущее время, – но они могут и отнять его навсегда. Фил понимал эту диалектику, но ему на нее было наплевать. Он играл – кузнечик, издевающийся над муравьями «реального» мира, – и уже представлял себе свой шедевр, «Помутнение», еще не зная об этом. В письме за ноябрь 1970 года он обрисовал образ жизни в том месте, что стало называться «Домом отшельника»:

> Мы все принимаем «спиды» и все умрем, но у нас будет еще несколько лет, и мы будем счастливы. Мы не хотим жить дольше, чем несколько лет, и, пока мы живем, мы будем жить такими, какие мы есть: глупые, слепые, любящие, беседующие, сплоченные, шутливые, поддерживающие друг друга и подтверждающие все хорошее друг в друге. […]
>
> […] Ни одна группа людей не может быть такой счастливой. Мы знали, что игнорируем некоторые фундаментальные аспекты реальности, такие как, например, деньги, или, в моем случае, – сон. Скоро это нас настигнет. […] Это все, на что кто-то может действительно надеяться; я думаю, что пока мне хорошо, а потом я буду вспоминать об этом.

Отстранение Фила от экономического давления было нелегкой задачей. С мая у него были проблемы с оплатой дома. Он был по уши в долгах перед кредитной компанией и часто занимал деньги у Хаднеров. Но та пустота, что оставалась после ухода Нэнси, не давала ему скрыться в одиночестве, необходимом для написания романа. И поэтому он направил весь активный спектр эмоций на своих соседей по дому. Том Шмидт вспоминает, что переезд к Филу был похож на перемену миров:

В нем было что-то, что влекло вас к нему. Фил обладал этой мягкостью. Но не только – еще и глубиной. Он был как режиссер. Как будто он приводил людей, чтобы увидеть, как они будут реагировать. А мог он сидеть сложа руки, и наблюдать, и творить научную фантастику.

Я думаю, что он жил целиком в фантазии. Он редко выходил из дома. Его существование говорило, что в нем он может создавать абсолютно все. […]

Фил говорил мне, что он мыслит по пунктам. Когда он собирался вести разговор, все это уже было там. Он мог говорить о чем угодно. Иной раз туда приходили разнообразные люди, тупые люди. Я не говорю, что он опускался до их уровня, но он мог иметь дело с ними, как и с людьми любого уровня.

Если бы мне пришлось провести вечность только с одним человеком из всех, кого я знаю, – это был бы Фил.

Том, который воздерживался от наркотиков, не мог провести вечность в «Доме отшельника» и съехал оттуда через несколько месяцев. Политику открытых дверей было слишком трудно выносить. Молва превратила дом Фила в безопасное место для продажи или получения наркотиков. К весне 1971 года Майк также решил переехать: «Что делало Фила забавным с одной стороны и трудным с другой, так это то, что он создавал свою собственную реальность. Понадобилась большая массовка, чтобы приспособиться к фобиям. Но он мог и многое предложить сам, так что это было не паразитирование».

Даже живя с Майком и Томом, Фил тщательно искал женщину для замены Нэнси. Как и в 1964 году, между Энн и Нэнси, Фил влюблялся снова и снова, и каждый раз абсолютно искренне. Только в этот раз были явные отличия. Филу уже немного за сорок. Бледные от ночной жизни в помещении, черты его лица менялись от юношеской невинности во время возбуждения до глубокой усталости, когда он чувствовал себя разбитым. Он сутулился, а животик показывал, как много он ест замороженных пирогов с курятиной и шоколадного печенья (Фил, несмотря на постоянное употребление «спидов», никогда не походил на изможденного архетипичного амфетаминщика). И он одевался плохо, даже по оборванным меркам шестидесятых – непродуманный стиль, дополненный ни разу не глаженным пиджаком в стиле Неру[179].

Аура гениальности Фила с легкостью перевешивала его неухоженность и физические недостатки. С ним сыграли плохую

игру, вызвав целую серию глубоких разочарований, два критических фактора: он обычно добивался внимания женщин вдвое младше его, а то и еще моложе; и он хотел, хотел, ХОТЕЛ так сильно.

Кроме того, он добивался внимания женщин, у которых были личные проблемы. Том вспоминает: «Фил всегда имел отношения с женщинами, у которых были какие-то неприятности. Я не думаю, что он был в состоянии иметь отношения с простой женщиной. Потому что он не обладал бы контролем. И дело не в том, что он действительно обладал контролем, – это был своего рода неконтролируемый контроль».

Фил фантазировал – скоро, ярко и идеально, с его точки зрения, – о будущем, полном страсти, с женщинами, которых он только что встретил и едва узнал. Это делало безумным даже безумие пылкого ухаживания. Одной из женщин, которых Фил обхаживал в конце 1970 года, была Джей-Энн Форг, темноволосая, привлекательная, и ей было где-то между двадцатью и тридцатью, когда она подружилась с Филом во время его брака с Нэнси. (Джей-Энн послужила прототипом для Салли Джо Берм в «Лабиринте смерти», написанном в 1968 году). После ухода Нэнси Фил попытался углубить их отношения. Джей-Энн вспоминает:

> Я знаю, что расстраивала Фила, потому что, насколько я его уважала как писателя, настолько же меня не интересовала его романтическая привязанность. У меня было такое интенсивное ощущение, что он не знал, кто я такая на самом деле, – что он был влюблен в какое-то внутреннее собственное изображение, которое он приколол ко мне. Я приходила к нему, потому что он, по существу, умолял меня об этом. Он не спешил сказать мне, что любит меня, – он сказал лишь, что нуждается во мне и что я могу спасти его.
>
> Та Джей-Энн, которую, как он думал, он любит, имела удивительно мало общего со мной. Он мог делать грандиозные и довольно абстрактные заявления о том, какой я была яркой и как я могла справляться с разными вещами. Это правда, я сильная женщина, но в то время моя жизнь была экстремально плохой – я ни с чем не могла справиться. Поэтому меня действительно поразили своей эксцентричностью его слова о том, насколько я сильная женщина.

К ноябрю 1970 года Джей-Энн почувствовала, что вынуждена прервать свои визиты. Дневниковые записи Фила о неудавшемся

романе не противоречат словам Джей-Энн. Раньше Фил писал, что Джей-Энн «вошла в мою жизнь и спасла меня». Каким образом? Замещая стерву-мамочку Дороти:

> Напротив, посмотрите на мою мать, которая не навещала меня с тех пор, как Нэнси ушла, хотя она навещала Линн [сводную сестру] и фактически была прямо у дверей этого дома, но не зашла внутрь. Так вот, это именно она 42 года назад [время рождения Фила и Джейн] установила и привела в действие охранный механизм, наконец кого-то удовлетворив. […] Таким образом, в некотором смысле Джей-Энн была мне той матерью, которой у меня никогда не было.

И теперь Джей-Энн ушла. «Я не просто люблю ее; мне она требуется, чтобы жить». Но в течение месяца Фил (демонстрируя восстанавливающие силы, которые, к счастью, сопровождали его сбивающий с ног подход) смог увидеть Джей-Энн более ясно: «Может быть, причина, по которой я с такой горечью отреагировал, не связана с ее категорическим отказом идти в мою комнату, а скорее с ее подробным рассказом, как реалистично она не совладала с этим, – в отличие от моей идеалистической, романтической картины того, как она справляется с целым адом».

К декабрю Фил снова влюбился – в обеих девушек из лесбийской пары; им было лет по двадцать с небольшим. И снова его отношение было, скорее, напряженным, особенно когда Фил стал отождествлять одну из этой парочки с Джейн и начал фантазировать на тему того, чтобы привести их обеих к своей матери. Из его дневника:

> Тогда бы я сказал: «Смотри, Дороти; я знаю двух девушек, которые сильнее, чем ты. Ты старая и скоро умрешь, а эти девушки сильные, молодые и способные. Они проживут дольше, чем каждый из нас». […] Честолюбие всей моей жизни удовлетворено. Умение добиться преимущества над моей праведной старой матерью, которая, когда мне было девятнадцать лет, заявила мне, что я так безволен и поэтому стану гомосексуалистом, когда покину ее.

Состоялся ли этот визит, на котором Фил представил Дороти живую Джейн, – неизвестно. Но дневники Фила отмечают, что к январю 1971 года отношения снова распались. Юная девушка, которая напоминала Филу его сестру, смотрела на него, чтобы «облегчить боль», но вместо этого он причинил только еще

больше боли. «Она была как Джейн – и ее убили, ею пренебрегли – позволили умереть – снова. Могу ли я вынести это? Есть ли у нее смелость встретить жизнь, которая ждет ее впереди, без меня?» Далее Фил понял, что она выживет. Еще дальше, его забота о ней (и остальных) превратилась в страх:

> Я ненавижу их, потому что они позволяют мне причинять им боль, потому что их любовь ко мне зависит от того, насколько я доверяю сам себе. Я ужасно боюсь их и того, что я мог бы сделать дальше, чтобы причинять им боль, я просто хочу уйти. […] Может быть, они все были слабыми, хрупкими, деликатно уравновешенными людьми, а моя напряженность была для них чрезмерной. То, что я хотел от них, это увидеть, что произойдет, – это я навязывал себя им самим и их реальности, как я делаю в книге. Может быть, я пытался написать их жизнь. Я не давал людям вокруг меня жить. Я руководил и стоял за всем.

В своей следующей записи Фил оправдывает себя: «Я очень зол и не могу заснуть, я также знаю, что устал, слетаю с катушек; в конечном итоге никто никого не может защитить. Не важно, здоровы вы или больны, вы все равно должны сделать это».

С этой девушкой Фил воссоздал травму от смерти Джейн, включая как его отчаянное желание вернуть Джейн к жизни (через фантазию о посещении Дороти), так и его вину в идентификации с Дороти (через неудачу с девушкой). Выживание Джейн в качестве вызывающей лесбиянки (как Элис Бакмэн в «Пролейтесь…») было бы пощечиной для Дороти; ее насмешки над «слабыми» «гомосексуальными» тенденциями Фила будут опровергнуты в конечном итоге: вид сильного ребенка, который сумел пережить ее пренебрежение (это на самом деле сделал Фил, выживший близнец, наполненный чувством вины, но не мог поверить, что он это сделал). Для Фила это была агония, когда в сорок два года он все еще жаждал приезда Дороти, ее любви, подтверждения своей мужественности.

На самом деле Фил находился в тесном контакте с Дороти – через долгие и частые телефонные звонки – в течение всех его несчастий 1970–1971 годов. Это было злое, полное оскорблений общение, но оно продолжалось. Сын и мать оставались связанными друг с другом, хотя поиски Филом женщины, которая могла бы затмить ее, все усиливались.

Джозеф Хаднер, отчим Фила, вел дневник в первой половине 1971 года, некоторые записи в котором обнаруживают болезненные отношения между Филом и Дороти, как и

абсолютную ненадежность Фила в тот период. Приводимые ниже выписки оттуда являются ценными свидетельствами того, что делал тогда Фил, и взглядов Дороти (и Джозефа) на него. Начало 1971 года, как видно из дневника, было мрачным:

> 13 января. Фил звонит Дороти дважды. Он взял на себя заботу о семнадцатилетней девушке, которую сам описывает как «психотика». Психиатр Фила говорил, что он лучше действует в кризисные моменты, поэтому они должны следовать у него один за другим. Дороти верит, что «Фил не может работать при унылом дневном свете». Он руководствуется эмоциональным кризисом, перенесенным в четырехлетнем возрасте, когда она и Эдгар развелись.
>
> 18 января. Фил звонит в восхищении от новых возможностей использования «И-Цзин».
>
> 31 января. Дом Фила полон «сумасбродных типов», которых Фил называет «семьей».
>
> 4 февраля. Джозеф недоволен, что дом на Хасиенда Уэй записан на их имя. «Мы любим Фила. Забудем об этом».
>
> 26 февраля. Ссудная компания начинает процедуру лишения права выкупа заложенного имущества. Фил опаздывает с выплатами, но об этом не говорит Хаднерам. Джозеф опасается, что его кредит истек.
>
> 27 февраля. Фил звонит сказать, что вернет пятьдесят долларов, которые занимал. Дороти говорит ему, что знает о лишении прав выкупа. Фил потрясен, узнав о возможном влиянии этого на их кредит, и заверяет Дороти, что Doubleday согласилось выплачивать ему некую сумму каждый год, на которую можно прожить [это неправда], и что он сумеет вернуть займы.
>
> 31 марта. Фил звонит в депрессии из-за дома и отношений с семнадцатилетней девушкой, живущей с ним. Говорит, что пытался покончить с собой.
>
> 4 апреля. Фил звонит; он живет с новой женщиной – «Дженнифер»[180]. Джозеф говорит ему, что больше не хочет нести ответственность за тот дом; Фил соглашается найти выход, чтобы все уладить. Проблема: если Фил подаст документы на дарение со стороны Дороти и Джозефа, отдавших ему дом два года назад, то Налоговое управление выселит его из дома за просроченные налоги.
>
> 9 апреля. Фил звонит. Он и Дженнифер попытаются

жить вместе. Он попал в настолько нехорошую ситуацию, что не может об этом рассказать Дороти. Дженнифер возражает, но он и так уже на полпути к выходу из всего этого. Джозеф потрясен.

13 апреля. Фил звонит. Он теперь живет у Дженнифер, никак не может управиться со своим домом и хочет продать его.

19 апреля. Фил звонит. Хочет продать дом в июне; на половину вырученных денег хочет уехать в Мексику вместе с Дженнифер.

22 апреля. Фил звонит. Денег нет. Джозеф отправил просрочку платежа в ссудную компанию.

23 апреля. Фил звонит. Деньги есть, но недостаточно для оплаты дома, хочет занять. Дороти не говорит ему, что они уже оплатили. Фил утверждает, что его деньги привязаны к банковским счетам на имя Дженнифер – она не позволит ему ими воспользоваться. Джозеф заключает: «Нельзя верить ничему, что он говорит».

26–27 апреля. Фил звонит. Убежден, что он может помочь Дженнифер. Джозеф усматривает в этом часть установки Фила, который верит, что он может «спасать» женщин. «Он не может помочь себе – значит, он может помочь ей».

30 апреля. Фил звонит, сообщает Дороти, что он наркозависимый и принимает тысячу таблеток амфетамина в неделю. Дженнифер помогает ему «завязать». «Мы знали, что Фил принимал лекарства, но не знали, что это его так сильно зацепило. […] Фил говорит, что либо он «завяжет», либо умрет. […] Шок от того, что Фил – наркоман, велик и у Дороти, и у меня».

2 мая. Фил звонит. Всегда разговаривает только с Дороти, а не с Джозефом. Прощается с Дороти и собирается покончить с собой. Дороти пытается продолжить разговор, но он кладет трубку. Перезванивает через несколько минут и говорит, что Дороти права – он несет ответственность за дочерей и за домашних любимцев. Продолжает говорить о том, что ни один человек никогда толком не заботился о нем, что он хотел умереть начиная с пятилетнего возраста – когда ушел Эдгар. Он употреблял «Бензедрин» и другие лекарства начиная с 1951 года, когда врач – отец Клео – дал ему рецепт. Не может писать без лекарств. Будучи с Нэнси, два месяца обходился без них, не мог писать, вернулся к ним, когда она это ему позволила. «Дороти

была сильно потрясена». Джозеф (встревоженный угрозой самоубийства) позвонил Дженнифер, которая обнаружила Фила у себя дома слушающим музыку.

3 мая. «Дороти чувствует, что для Фила нет никакой надежды из-за того, что его личность сломана и искажена». «Прошлым вечером он сказал Дороти, что может зарабатывать больше денег на своих сделках с наркотиками, чем от писательства». [Примечание: Те, кто знал Фила в то время, вспоминают, что он бесплатно раздавал пилюли. Его утверждение, если, конечно, он его делал, имело намерением шокировать и впечатлить.] Дженнифер звонит и говорит, что она и ее доктор забрали Фила в психиатрическое отделение клиники Стэнфордского университета (Корпус Гувера).

Мысль о пребывании в психушке изначально не привлекала Фила. Но он чувствовал, что у него нет выбора, так как он остановился у Дженнифер в Пало-Альто, без денег или машины, и ему бы пришлось автостопом добираться обратно в Сан-Рафел или считаться с тем, что она настаивает на его наркомании.

Он поступил 3 мая и был выписан 6 мая с одобрения лечащего врача, психиатра доктора Гарри Брайана. Записи доктора Брайана утверждают, что Фил сказал, что он принимал тысячу таблеток «Метедрина» в неделю, и это стоило ему триста долларов в месяц. Он также принимал 10 мг «Стелазина» четыре раз в день, а также другие транквилизаторы. В прошлом была угроза самоубийства. Исследование психического статуса Фила показало «проницательный» интеллект без признаков бреда. Медицинские обследования показали устойчивое выздоровление от панкреатита и отсутствие физиологической наркомании или внутренних органических повреждений. Фил был в замечательной форме для тех, кто пьет тысячу «колес» в неделю. Даже его кровяное давление было в норме. В своих беседах доктор Брайан нашел Фила оптимистично настроенным и уважительно относящимся к движению хиппи. Доктор Брайан вспоминает: «Все его поведение было настолько ориентированным на людей, настолько дружелюбным и сострадательным, что любая паранойя была бы временным и побочным явлением отказа от «спидов» или от начала их приема». Пока Фил был в Корпусе Гувера, дневник Джозефа показывает, что он часто говорил по телефону с Дороти. После того как он был выписан 6 мая, Фил продолжал наносить визиты Доктору Икс (диагностировавшему у Фила шизофреническую реакцию), а также двум другим психиатрам (которые ставили диагнозы – паранойя и симулятивное

расстройство соответственно).

Линн Сесил подтверждает, что в течение 1971 года Фил часто был «очень драматичным» – все становилось преувеличенным в его присутствии. Этот год выделялся как один из худших времен Фила:

> Он был параноиком – я знаю, что это было от воздействия наркотиков. В какой-то момент он постучал в мою дверь посреди ночи. Я тоже жила в Сан-Рафеле, и он взял друга, чтобы тот отвез его ко мне в четыре часа утра. Я была очень расстроена и зла – я не хотела, чтобы он был в моей гостиной, а именно там он и находился. Он говорил о каком-то сюжете, связанном с ЦРУ. Он был очень запутанным – нечто подобное уже было в одной из его книг, где кое-что соответствовало правде и ЦРУ этим заинтересовалось. Сюжет был полностью разработан – а он, из опасения, все время оглядывался через плечо.

Кризисы Фила, финансовые бедствия и паранойя обострились до такой степени, что в июне он обвинил Дороти и Джозефа в сговоре с целью отобрать дом у него. 15 июня Джозеф заметил: «Дороти чувствует, что у Филипа будет психотический срыв, если нет этой непрерывной серии кризисов, в которые он попадает (и нередко придумывает)». Позже в том же месяце Джозеф написал по поводу обвинений, связанных с домом: «Так все это для меня заканчивается с Филипом. Если и до сих пор он может выстраивать подобную ложь и верить в нее, то нет никаких оснований верить всему, что он говорит нам о его делах, жизни и других людях. У меня чувство грусти по этому поводу».

Дневник Джозефа кончается июлем 1971 года. Вскоре после этого он умер. Даже в период наиболее сложных взаимоотношений с Филом Джозеф постоянно оказывал ему финансовую и эмоциональную поддержку. И любовь. Дневник, несмотря на все ужасы, это прекрасно подтверждает.

Пропасть между Филом и Хаднерами придавала срочность желанию Фила завести новую семью в Санта-Венеции. Одержимость Фила, которая отодвигала написание прозы на задний план, была направлена на то, чтобы собрать воедино все, что было разрушено с отъездом Нэнси. Множество молодых людей прошло через эти последние месяцы 1971 года. Байкеры и стиляги, шизики с диагнозом и жестокие психи, даже несколько добрых душ. Они приходили послушать хорошую стереосистему, за «дозой» или просто получить место, где просто были бы желанными гостями. Некоторые жили бесплатно, когда их об этом просил Фил. В присутствии Пола Уильямса Фил, казалось,

«играл роль какого-то гуру. Это была странная сцена». Действительно, там были и те, для кого Фил играл роль мудрого спасителя. И в этой роли у Фила были свои успехи. Он обеспечивал их продовольствием и приютом, внимательно слушал, участливо заботился.

Но Фил не стремился – и был совершенно к этому непригоден – играть роль полноправного лидера коммуны. Чем больше он стремился поддерживать своих друзей, тем больше он нуждался в их ответной любви. Желание стать таким же – скромная стратегия для гуру. Стиляги никогда не испытывали трепета перед писателем – Филипом К. Диком. Им нравился этот странный немолодой парень Фил, у которого всегда были «колеса», и он ими охотно делился, который переходил от безумных острых споров к спокойствию, к страху, или отрубался на три дня за закрытой дверью в своей спальне. Иногда они его поддразнивали, а иногда и открыто «кидали». Они чувствовали его одиночество, его нужду.

Двоих мужчин, которые пришли пожить у Фила в июне 1971 года, звали «Рик» и «Дэниэл» – два «торчка», умершие на момент публикации «Помутнения» в 1977 году. Рик, которому было уже за тридцать, провел время в психиатрической больнице. Он был худой, с пугающим взглядом и хранил под кроватью несколько заряженных ружей. И Фил, и Рик боялись, что ФБР или ЦРУ следят за домом, но Фил спрятал патроны Рика и вытащил бойки. Дэниел, талантливый музыкант в свои двадцать с небольшим, был чернокожим с иссиня-черным волосами. В «Помутнении» истощенный наркоман Джерри Фабин считает, что тля ползает по всему его телу. Дэниел страдал от такой же психологической агонии. Как Фабин, он опрыскивал себя «Raid»[181]. Временами (как и в «Помутнении») одержимость Дэниела вызывала веселье у соседей. Для наркоманов шестидесятых годов «глюк» был обычной забавой: как глубоко вы погрузите кого-то в свою или его фантазию? Рик отбрасывал воображаемых насекомых Дэниела с другого конца комнаты. Фил держал коробку из-под обуви, наполненную пойманными тлями.

Двумя другими постоянными обитателями Санта-Венеции были братья «Майк» и «Лонни», по возрасту – старшеклассники. Когда машина, которую Майк чинил, сорвалась с домкрата, он спасся только благодаря смелости и быстрой реакции наркомана – случай, который Фил включил в «Помутнение», и это выразило его человеческую доброту, сохраняющуюся даже под шелухой наркозависимости.

«Джин» и «Сэнди» были подростковой парой, с которой Фил подружился. Джин и Фил оба были владельцами пистолетов, с

которыми постоянно играли; Фил однажды прострелил оконное стекло. Фил то и дело влюблялся в Сэнди – привлекательную молодую японку, которая училась на медсестру и могла успокаивать Фила с его тревожностью. Во время самых сильных приступов ревности из-за ее любви к Джину Фил просил Сэнди уехать, но вскоре умолял ее вернуться.

Также там был «Дон», пятнадцатилетний ветеран судебных процессов по делам несовершеннолетних, который прятался, когда друзья-фантасты Фила – Терри и Кэрол Карр, Рэй и Кирстен Нельсон, Грания и Стив Дэвис – заходили в гости. Дон вспоминает, что Фил обращался совершенно прямо с этими старшими друзьями и сохранял свой рабочий кабинет как оазис чистоты в доме. Но по мере того, как проходил год, Фил становился все более подвержен приступам ярости, во время которых он швырял книги с полок и даже бил по своим стереоколонкам. Однажды Дон настоял на том, чтобы Фил продал – не отдал ему – сотню «бенни» [таблетки «Бензедрина»]. Фил запросил два доллара, что значительно ниже уличной цены. Дон дал ему четыре. На следующий день Фил сжег эти банкноты.

У Фила была самая светлая дружба с Лорен Кейвит, которой было пятнадцать лет и которая услышала о доме Фила от друга. Лорен удалось подольститься к Филу и вытащить его из дома на беседу с ее школьным классом, ученики которого уже прочитали «Рууг» – его первый рассказ, проданный еще в 1951 году. (Восхитительный обмен мнениями между Филом и детьми был опубликован в антологии фантастики *Reflections of the Future*[182].) Лорен вспоминает, что Фил нервничал по дороге на эту встречу – и был в экстазе после нее:

> Фил не считал себя старым. Он единственный, кого я знаю, кто может легко переходить с одного уровня на другой. Он может спорить на равных с двухлетним ребенком, а затем, переменившись, за обедом вести беседу с интеллектуалами. Может быть, он играл с людьми; я верю, что он мог. Но он бы никогда тебя не унизил. Он конфликтовал с самим собой, но не поделился бы ни с кем, разве что чуть-чуть и очень редко, теми волнениями, что он чувствовал.

Во время их бесед вечно влюбленный Фил спрашивал совета у Лорен. «Он всегда фантазировал о каждой женщине, которую он знал, – может быть, для него было веселее фантазировать, чем действовать. Он хотел бы получить отзывы о «цыпочках»: «Как ты думаешь, она пойдет со мной?» – Он влюбляется, как шестнадцатилетний подросток».

Но первая молодая женщина, которая стала столь много значить для Фила, влетела в этот дом в конце 1970 года верхом на «Харли Дэвидсоне» своего бойфренда. Она вдохновила Фила на создание образа Донны Готорн в «Помутнении», Глории в «Валисе» и Энджел Арчер в «Трансмиграции Тимоти Арчера». Именно «Донной» мы ее и будем называть здесь.

Они были друзьями, любовниками – никогда. Фил хотел, чтобы все шло иначе, но это не имело значения – он высоко ценил «уличную» смелость Донны, красоту и тепло ее темных волос и темных глаз. Каждый из соседей подозревал, что Донна собирается ограбить Фила. Да и у самого Фила возникали такие подозрения, и все равно он любил ее, и его не заботило, были ли они правдой или нет. Он даже написал документ, дающий ей право пользоваться всем, чем он владеет, и находиться в помещении в любое время, чтобы ее не арестовали, если она окажется замешана в каком-нибудь из ограблений, которых так опасался Фил. Так в конечном счете и произошло.

В письме Фил так описал Донну:

> Она была просто «Золушка»[183] из трущоб, […] фактически неграмотная, только что окончившая школу, задумчивая смуглая девушка, потомок французских крестьян, а ее честолюбие сводилось к тому, […] чтобы работать кассиром в супермаркете Safeway. Никто не обращал внимания на то, что она говорила, кроме меня. Я верил всему, что она мне говорила. […] Без ее мудрого и беспристрастного руководства в течение года, прошедшего после того, как Нэнси покинула меня, я бы свихнулся еще сильнее, чем сейчас.

Донна общалась с Филом на протяжении того периода, когда он постоянно сомневался в ценности всего на свете. В эссе 1972 года *The Evolution of a Vital Love*[184] Фил писал: «[Донна], – сказал я однажды, когда лежал в постели почти восемь дней без еды, – я собираюсь умереть». «Нет, это не так, – сказала [Донна] и похлопала меня. – Ты великий человек. Встань, чтобы одолжить мне два доллара». Я так и сделал, и вот теперь я здесь». Во время этих долгосрочных постельных депрессий появлялись смутные намеки на странные видения, в том числе «присутствие в забегаловке, где продают тако[185]», и это ощущение длилось восемь часов, в течение которых он чувствовал себя в Мексике.

Но чувства одиночества и потерянности Фила – последствия ухода Нэнси и Изы – продолжали подрывать его состояние. Фил посещал как психиатрическую больницу общего профиля округа Марин, так и психиатрическую клинику Росса в августе 1971

года. Энн Дик пишет, что Фил консультировался с Доктором Икс тем августом, говоря ему о своем предположении, что «ФБР или ЦРУ прослушивают его телефон, врываются к нему, когда его нет дома, и крадут его бумаги». Фил хотел госпитализацию ради собственной безопасности. По словам Энн, Фил убеждал Доктора Икс в своей наркозависимости, но сам Доктор Икс считал, что Фил был ипохондриком. В больнице округа Марин Доктор Икс не наблюдал симптомов отмены у Фила. Адвокат Уильям Вольфсон вспоминает, что Фил казался «в порядке» во время визита Вольфсона в клинику Росса; как раз в это время Фил (который тогда не писал ничего нового) отдал ему на хранение черновик «Пролейтесь…».

К сентябрю 1971 года Фил вернулся в Санта-Венецию и был тепло встречен вновь прибывшими. «Шейла» только что закончила среднюю школу и была вместе с другом Фила Дэниелом. Фил пригласил ее въехать к ним в дом. Сначала – поскольку все спальни были переполнены – Шейла спала в его рабочем кабинете. Но ситуация с проживанием постоянно менялась, и к ноябрю Шейла была единственной постоянной соседкой по дому у Фила. Сначала она была в восторге от Фила, который мог говорить практически на любую тему. Они часто ходили в близлежащие рестораны. Фил брал Шейлу с собой покататься по сельской местности на машине и покупал ей новую одежду в торговом центре. Она вспоминает, что Фил ненавидел Налоговое управление, которое затравило его долгами по налогам, и тратил деньги на всякую ерунду, как только появлялись чеки с роялти. После этого он, бывало, впадал в мрачное состояние.

«В Филе уживались три или четыре разных человека, – говорит Шейла. – Там был образованный Фил, который мог бы говорить об истории и философии, и параноидальный Фил, который глотал пилюли, разглагольствовал и бредил о ЦРУ. А затем был тот Фил, который хотел крепко обнять меня и жениться на мне и плакал, когда я отказывала». Образованный Фил, казалось, приходил и уходил в прямой зависимости от приема амфетаминов. «Он заглатывал сразу горсть таблеток по несколько раз в день на протяжении недели или двух, а потом отсыпался два или три дня. Раньше я удивлялась, почему он психовал, а потом я поняла, что после нескольких дней загула он и вправду становился реальным психом, – тогда ему нужно было поспать, а потом с ним на какое-то время будет все о'кей».

Шейла разделяла страхи Фила относительно бывшего соседа по дому Рика – того самого, с заряженными ружьями. В конце лета Фил заставил Рика съехать. Фил был убежден, что Рик

затаил обиду и убьет его. Однажды ночью зазвонил телефон; Фил ответил, но звонивший повесил трубку. Шейла вспоминает, что Фил был уверен, что это Рик:

> Тогда он схватил молоток и топорик и сказал: «Пойдем в заднюю комнату и подождем его». Но Рик так и не проявился. Мы не спали той ночью, потому что приняли «бенни». На следующий день Фил решил, что нам нужны наемные убийцы, чтобы себя защитить. Я не знаю как, но он нашел двух черных парней, которые жили за углом и были на связи двадцать четыре часа в сутки. Эти ребята только что окончили школу; я была уверена, что они просто хотели денег. Один раз Фил позвонил, а их там не оказалось, поэтому он решил их уволить. Потом он решил получить настоящих наемных убийц. Мы поехали в Сан-Рафел и встретились с мужчиной и женщиной. Я сидела в гостиной, а Фил уединился с ними в спальне для разговора. Позже Фил выходит и говорит: «Уходим». Он сказал мне, что они наемные убийцы и убьют Рика, как только он покажется. Я не была уверена, было ли так на самом деле. Мы приходим домой, и появляются эти трое взрослых мужиков. У них с собой стволы – называется «пойти на охоту». Итак, они сели в рядок на диван и стали ждать. Фил и я принимали «бенни» в течение двух дней и не спали, поэтому нервничали. Ночью ничего не произошло, и они уехали утром.

Полу Уильямсу в 1974 году Фил заявил, что в то время он нанял двоих «вооруженных черных», чтобы защитить девушку, «которую пытался убить дилер-наркоман». Гонорар составил 750 долларов, и «они выполнили свою работу прекрасно». Девушка пыталась отделаться от торговца наркотиками и просила Фила отвезти ее в больницу, что он и сделал. Шейла не помнит никаких угроз в ее адрес, но, по версии Фила, ему угрожали, пока Шейла была в больнице. По ее собственной просьбе, мы приводим версию Шейлы – как оно было:

> Фил решил, что я ненормальная. И говорит: «Я отвезу тебя к психиатру, ведь ты спятила». А я ему: «О'кей». Я хотела поговорить с кем-нибудь, потому что все было очень странно. Мы подъехали к чьему-то дому, он постучал в дверь, никто не ответил, и я говорю: «Чей это дом?», а Фил говорит: «Я не знаю». Затем он отвел меня к Доктору [Доктору Икс], своему психиатру. И

> тогда я рассказала ему обо всех странных вещах. Я начала задаваться вопросом, действительно ли это происходило на самом деле или я была ненормальной. Доктор не стал бы обсуждать со мной проблемы Фила, но он сказал, что у Фила паранойя, а со мной все в порядке. Я не думаю, что мы с Филом обсуждали эту встречу. Но он успокоился – он больше не думал, что я чокнутая.
>
> Время пришло, и мне нужно было выбираться оттуда. Я не знала, как это сделать и когда. Потом Фил решил, что я «джанки». А я никогда не имела ничего общего с героином – никогда даже его не видела. Но я решила согласиться с этим, думая, что смогу уйти куда-нибудь, понимаете, на реабилитацию. Фил разрешил мне взять с собой только сменную одежду на пару дней. Он хотел убедиться, что я вернусь. Я полагаю, он думал, что я веду себя странно. Так я попала в Открытый дом округа Марин.

Там Шейла попросила двух взрослых изобразить ее родителей и вернулась с ними в дом Фила, чтобы забрать свои вещи. «Фил был так подавлен, что казалось – он вот-вот заплачет». Его не обманули фальшивые родители, но что он мог сделать? Шейла ушла.

Часть этой странности, которая так пугала Шейлу, заключалась в ожидании со стороны Фила некой атаки, которая должна обрушиться на дом в Санта-Венеции. Было несколько зловещих предзнаменований. Фил сталкивался с неоднократными механическими проблемами со своим автомобилем, включая отказ тормоза, который едва не стоил Филу и его друзьям жизни на горе Тамалпаис. (В «Помутнении» Боб Арктор и его друзья чуть не погибли из-за инцидента, вызванного повреждением, правда, не тормоза, а педали газа.) Потом был момент, когда Фил и Шейла вернулись и обнаружили, что все дверные ручки на наружных дверях дома сняты. Стереосистема исчезла, холодильник был открыт, а еда разбросана по заднему двору. Шейла говорит: «Фил все время вызывал копов: Рик собирается его убить, дверные ручки, машина. Через некоторое время они перестали приезжать вообще».

Идеальное время для главного взлома. В более поздней дневниковой записи Фил так описывал ужас:

> […] в начале ноября 1971 года у меня были все основания полагать, что готовится некий налет с применением насилия на мой дом в Сан-Рафеле, и из-за

> этого я купил пистолет. Во время обязательного пятидневного периода ожидания получения разрешения на оружие, 17 ноября или около того, по моему дому нанесли удар. Я вернулся домой (мне пришлось бросить свою машину из-за подозрительной поломки, в нескольких километрах от дома) и обнаружил, что окна разбиты, двери сломаны, замки разбиты, большая часть собственности пропала; мой несгораемый шкаф был взорван, очевидно, пластиковой взрывчаткой, […] все деловые бумаги, аннулированные чеки, письма, документы, разные бумаги исчезли. Пол представлял собой хаос обломков и осколков, влажного асбеста от сейфа, следы армейских ботинок, сломанные сверла, коврики и полотенца, пропитанные водой, которыми обкладывали сейф, чтобы заглушить взрыв.

Сразу после взлома Фил начал теоретизировать о том, кто это мог сделать и почему. Многочисленные и противоречивые плоды его размышлений (изложены в ноябрьском номере журнала *Rolling Stone* за 1975 год, где этот взлом был представлен Полом Уильямсом как игра разума) будут рассмотрены прямо сейчас. Можно сказать, что, во-первых, Фил так и не узнал, «кто и почему». Существует только одна реальная уверенность в отношении взлома: это напугало Фила до чертиков и сделало дальнейшую жизнь в Санта-Венеции невозможной.

Уильямс пишет: «В ночь после взлома Фил останавливался в доме у еще одного писателя-фантаста, Аврама Дэвидсона. Аврам говорил, что у Фила был вид «абсолютно обескураженный»; он недоумевал – кто мог такое сделать; в то же время он казался «по своей сути, невозмутимым, удивляясь эффективности работы». Многие очевидцы, которые наблюдали за осмотром дома в Санта-Венеции после взлома, вспоминали беспорядок, подобный тому, что Фил описал выше. К ним относятся Том Шмидт, Донна и Шейла. Шейла рассказывает о сцене таким образом:

> Сейф был взорван, как сказал Фил, с помощью пластиковой взрывчатки. Там был этот порошок на полу, который, по словам Фила, покрывал папки [предположительно асбест], и следы армейских ботинок в пыли. Один из ящиков сейфа выглядел взорванным – ровно настолько, чтобы взломать замок с помощью небольшой бомбы. Фил сказал, что некоторые рукописи были украдены. Казалось, он думал, что это какой-то заговор, вроде бы со стороны ЦРУ. Я не знаю, сделал ли это кто-то, или, может быть, Фил сделал это сам, или

что-то еще.

Хотя очевидцы подтверждают, что сейф был взломан, но есть причина удивляться: зачем это было нужно? После госпитализации в августе Фил отметил в своем дневнике, что во время его отсутствия сосед по дому Дэниел «систематически и тщательно ломал так, чтобы не починить» механизмы блокировки ящиков с папками.

Том Шмидт предполагает: «Я всегда думал, может быть, Фил сделал это сам. Но взлом-то был. Сейф – его открыли с применением силы. Я не уверен насчет взрыва. Фил говорил, что они приходили за его рукописями». Конечно, Фил был достаточно напуган возможностью того, что рукопись «Пролейтесь…» может быть украдена, чтобы доверить ее своему адвокату Уильяму Вольфсону в августе. Но, кроме его реалистических романов пятидесятых годов, в то время в распоряжении Фила не было неопубликованных и имеющих значение рукописей. Научная фантастика, которую он писал, всегда быстро продавалась издателю и публиковалась. И Фил никогда не говорил, ни в этот момент, ни в последующие годы, ни о каких своих работах, которые были потеряны в результате взлома. За какими же рукописями могли бы охотиться преступники? Фил не уточнял.

Следствие проводилось Управлением шерифа округа Марин. В дневниковой записи от октября 1972 года Фил подробно излагает:

> Сержант полиции округа Марин предупредил меня, что, если я не уеду, то «я, вероятно, однажды ночью получу пулю в спину или того хуже». Далее он сказал: «Этому округу не нужен крестоносец», – имея в виду меня. Я чувствую, что власти округа Марин не сделали ничего или почти ничего, чтобы расследовать налет на мой дом или даже чтобы предотвратить это; я информировал их несколько раз в неделю до 17 ноября о том, что мой дом – я в этом был уверен – пострадает; они сказали мне, чтобы я купил оружие и защищался. […] Когда я позвонил им […] они возражали против отправки полицейской машины и появились почти через час. На следующий день, когда я пришел в Департамент шерифа округа с моим списком похищенного, у них не было рапорта о совершенном ограблении. […] Я чувствую, что меня изгоняли из округа Марин насильственно, угрозой будущего насилия, а власти были пассивны, даже говорили, что мне следует уйти.

Несмотря на старательные усилия в течение следующих трех лет – письма в Управление шерифа, в ФБР, в Американский союз гражданских свобод и конгрессменам – Фил никогда не узнал, что открыло полицейское расследование. Тот отчет Управления шерифа (к которому мне было отказано в доступе) был устно резюмирован Уильямсу (которому также не разрешили его увидеть) в 1974 году:

> В полицейском отчете говорилось, что металлический шкаф был просверлен или взломан – домовладелец сказал, что он был взорван, но для докладывающего офицера он выглядел вскрытым. Был украден пистолет. Стереосистема была отмечена как пропавшая. В отчете указывалось, что о предыдущих кражах «не сообщалось, но было известно косвенно». Не было никакой информации о продолжении расследования: «У нас нет никаких подозреваемых».

Путаница, противоречия и фальсификация…

Вот основные соображения Фила по поводу взлома, резюмированные из его интервью 1974 года с Уильямсом и из его эссе, дневников и писем:

1. Религиозные фанатики. Общение Фила с епископом Пайком привело фанатиков к обыску картотеки Фила, чтобы найти там информацию о ересях Пайка.

2. Чернокожие боевики. Фил в Санта-Венеции был преимущественно окружен чернокожими бандами. Некоторые соседи с симпатиями к «Черным пантерам», возможно, хотели выдворить его[186].

3. Минитмены[187] или другая правая группа. Фил считал, что «Питер» – этот зловещий домашний нахлебник – принадлежал к такой группе. Питер (реальный прототип демонического Джима Барриса в «Помутнении») пытался уговорить Фила вставить в его романы «секретную кодированную информацию» об использовании против США нового вирулентного штамма сифилиса. Питер угрожал жизни Фила, если тот откажется сотрудничать.

4. Местные копы или наркополиция. Мотив: проверить, торгуют ли наркотиками в доме и каково влияние Фила на подростков, которые там зависали.

5. Федеральные агенты типа тех, что были связаны с Уотергейтом, включая ФБР и ЦРУ. Фил заявлял в июньском письме 1973 года в фэнзин *Alien Critic*:

> Статья в *Newsweek* от 11 июня [1973-го] ознакомила американскую публику с, может быть, самым мрачным и ужасающим аспектом всего этого: в 1970, 1971 и 1972 годы (а возможно, и сейчас) тайная федеральная полиция, действуя вне закона, существовала в этой стране, вероятно, под юрисдикцией Управления собственной безопасности Министерства юстиции; она действовала против так называемых «радикалов», то есть левых, выступающих против войны людей; она поражала их снова и снова, тайно, везде, самыми разными уродливыми способами: взломы, прослушка, провокации… все это с единственной целью – получать или подделывать улики, которые отправят этих антивоенных радикалов в тюрьму.

Рассмотрим показания «собрата» по НФ, писателя Нормана Спинрада, который был близок к Филу на протяжении семидесятых годов:

> Все, что Фил думал о правительстве, всегда оказывалось правдой. Любой, кто реально видел, что происходит в начале семидесятых годов, расценивался как параноик и сумасшедший, пока не разразился Уотергейтский скандал.
>
> Фил рассказал мне еще одну «параноидальную» историю. Он сказал: «Эти парни позвонили мне с радиостанции Стэнфордского университета, пришли и задали мне все эти странные вопросы. Затем, когда я позвонил в Стэнфорд, оказалось, что там никакой радиостанции не существует». Это звучит, скорее, как паранойя самого Фила, если бы те два парня не проделали такую же штуку со мной. Я получил звонок со Стэнфордской радиостанции, и тут же обнаружились два парня, пригласили меня на обед и стали спрашивать вещи вроде того – является ли Чип Дилэни [Сэмюэл Р. Дилэни, чернокожий писатель-фантаст и антивоенный активист] незаконнорожденным сыном Филипа К. Дика, – сплетня, которую я никогда не слышал, но они взяли ее бог знает откуда, а также насчет склонности к наркотикам… ну и вся такая лажа. Я уверен, они были

агентами определенной организации.

Учтем также, что позднее Фил признавался своему другу Дорис Саутер[188]: он особо подчеркивал роль правительства в своих теориях по поводу взлома, чтобы отразить нападки Налогового управления, – в конце концов, его чеки и финансовые записи были украдены. Фил сказал Дорис, что он будет все отрицать, если она расскажет об этом кому-нибудь еще.

6. Ограбление под воздействием наркотиков. В беседе с Уильямсом Фил предполагал: «Много вражды происходило в моем кругу, так что мои друзья, которые видели это, думали, что это совершили мои другие друзья».

7. Полицейская теория, что Фил сам имитировал взлом. Фил неоднократно яростно это отрицал: у него не было страховки, так зачем же грабить самого себя? Один возможный мотив: уничтожить финансовые записи, необходимые Налоговому управлению. Пятой жене, Тессе, Фил признавался, что он мог сделать это сам, либо в припадке безумия, либо в результате гипнотического внушения – в стиле «Маньчжурского кандидата»[189]. В «Помутнении» Фред, сам будучи наркополицейским, неосознанно наводит на себя своих коллег.

8. Военная разведка. Были ли некоторые идеи в его НФ слишком близки к правде, что вызывали интерес к его папкам? Также дезориентирующий препарат (кодовое название «Мелло джелло») был украден из армии, которая искала зацепки для его возвращения. Питер (см. теорию 3) мог быть агентом разведки.

Конечно, кто и почему вломился в дом, остается загадкой. Некоторые из вышеупомянутых теорий страдают дефицитом доверия и логики. ЦРУ и/или ФБР и/или правые и/ или военная разведка – все были готовы и способны совершить кражу со взломом, если они верили, что найдут что-нибудь ценное. Неспособность Фила выдвинуть разумную гипотезу (следы «Мелло джелло»? – поверьте, если хотите) о том, что это могло быть, ставит под серьезные сомнения все эти теории. Что касается поиска религиозными фанатиками исследований епископа Пайка, то их мотив чуть более правдоподобен, но почему они унесли погашенные чеки Фила? Теория про негритянских боевиков кажется сомнительной, учитывая ложное приписывание Филом статуса «Черной пантеры» его соседу Гонору Джексону. Можно задаться вопросом, были ли в округе эти черные боевики и знали ли они о существовании Фила. Если они хотели выгнать его из

района, зачем сосредотачиваться на конкретном уничтожении его папок с бумагами?

Теория о том, что это сделал сам Фил, является самой интригующей, но он определенно не осознавал этого, даже если и совершил, – его письма и дневники, а также очень личная «Экзегеза» наполнены полными страха рассуждениями о том, кто бы это мог быть, и он лично не был среди главных подозреваемых. Фил был многолик, но лицемером не был почти никогда, особенно по отношению к самому себе. Читатели «Помутнения» (см. главу 9) могут обнаружить в раздвоении сознания Фреда/Боба драматическое исследование этой теории. В какой-то момент Фред/Боб рассуждает: «Самая эффективная форма промышленного или военного саботажа ограничивает себя ущербом, факт нанесения которого можно доказать. […] человек начинает предполагать, что он параноик, а врагов нет; он сомневается только в самом себе».

В результате теории «местной полиции» и «помешанного на наркотиках грабителя» – самые правдоподобные (и, увы, самые банальные). Полиция, как известно, ищет наркотики – либо ниточки, ведущие к наркоторговцам, – без ордера, а тех, кто употребляет наркотики, как известно, обыскивают без всякой причины. Ну и, опять же, известно, что ФБР и ЦРУ ищут «инкриминирующие» или «опасные» материалы, которых на самом деле не существует.

Или, возможно, правильный ответ: «ничто из вышеуказанного».

В любом случае голое изложение этих теорий не позволяет судить о том, с каким пылом Фил их излагал. Тим Пауэрс, который познакомился с Филом в 1972 году, пишет, что «Фил тогда купил альбом «Роллинг Стоунз» *Sticky Fingers* […], и я до сих пор не могу слушать треки *Sister Morphine* или *Moonlight Mile* без того, чтобы мгновенно переместиться в гостиную, погрузиться в старое коричневое виниловое скрипучее кресло-мешок, а Фил тут же рядом сидит на кушетке; бутылка на столе между нами; Фил хмурится, поскольку решает, какую часть некой чудовищной истории он решится мне рассказать («а если я расскажу вам все остальное, Пауэрс, вы свихнетесь»)».

Какой бы высокой драмой ни обернулся этот взлом в годы, наступившие после него, жизнь была достаточно мрачной в последующие дни и недели. В своих дневниках Фил умудрился найти один луч надежды: «Налет 17 ноября не заставил меня задуматься, что кто-то преследовал меня. Он подтвердил это. Когда я увидел взлом, то подумал: «По крайней мере, я не параноик»». Но в целом дневник прослеживает хронологию горя.

Вскоре после этого события Шейла вернулась навестить его. Фил умолял ее лечь спать с ним; ему хотелось только крепких объятий. После ночи, проведенной вместе, она ушла. Следующий день был: «День энтропии. Дезориентация. Конец мира». Позднее: «День за днем, в одиночестве, я знаю, что ночью некто собирается добраться до меня. Изоляция. Никто не заходит и не звонит». Сэнди, Донна, Шейла… никого из них не было рядом с Филом после случившегося. Но он продолжал любить их, несмотря на их отказ играть роль матери:

> Когда ты теряешь того, кого любишь, – как когда мама-кошка теряет своих котят, она бежит в лес и хватает первое попавшееся маленькое, беспомощное и зависимое существо, чтобы дать ему свое молоко, – вот что я делал, после того как Нэнси и Иза покинули меня. Но я и сам с возрастающей силой страстно желал заботы. Я потерял свою любовь – я хотел ее отдавать, крепко прижать к себе другого человека и защищать его. [Донна, и Шейла, и Сэнди] чувствовали это и получали это от меня. Но перемена ролей была нестерпимой и угрожающей для всех троих.

Вмешалась судьба, жестокая и добрая одновременно. В феврале 1972 года Фил был приглашен принять участие в «Ванкуверском НФ-Конвенте»[190] в качестве почетного гостя. Обычно путешествия не вызывали у него особого удовольствия. Но с ночами, полными страха, поездка в Ванкувер, когда все можно послать к черту, когда все оплачено, имела свою привлекательность. Фил купил билет для Донны, которая обещала сопровождать его. Затем он взялся за работу над своей речью *The Android and the Human*[191] – его первая законченная писательская работа с тех пор, как ушла Нэнси. Он посвятил текст Донне и планировал поцеловать ее прямо перед аудиторией после выступления. Но в последнюю минуту Донна сдала свой билет и обменяла его на наличные; она путешествовала очень мало и сильно боялась.

Перед самой поездкой была кратковременная отсрочка, тем более приятная, что неожиданная. Фил навестил Энн в Пойнт Рейес Стейшен с целью повидаться с Лорой и тремя падчерицами. Во время этого визита Фил разрыдался, и Энн утешила его. Впервые после 1964 года добрые чувства пробежали между ними. По правде говоря, это было лишь отдельное мгновение; Фил не смог заставить себя простить Энн те недостатки, которые он в ней усматривал. Но ее доброта в тот момент была бальзамом, за что он был ей чрезмерно благодарен.

Фил отправился в Канаду один, взяв с собой потрепанный чемодан, мятый тренчкот и Библию. Дом в Санта-Венеции с разбитыми задними окнами для легкого и незаконного доступа перешел в собственность залогодержателя. Вскоре после этого оставшаяся собственность Фила была разворована.

Тяжелые, странные времена. И нет Донны, чтобы исправить реальность. В Канаде, в одиночестве, Фил всеми силами пытался умереть.

Глава 9
1972–1974

Меня считают странным, Кэрол. Тебя это, наверное, удивляет. Странный сексуальный Фил – так зовут меня. Здесь нет психиатров, так что я не могу ни к кому обратиться; я все кручусь-верчусь, становясь все более странным. Постепенно все начинают понимать, что, несмотря на мою славу и мои великие книги, я несу определенную ответственность за все то, что знаю или к чему имею какое-то отношение.

Фил, проявляя черный юмор, письмо из Ванкувера к Кэрол Карр (март 1972 г.)

Теперь я живу простой жизнью; никто здесь (в округе Оринджж) не знает, что я был когда-то «торчком-хиппи» (как меня, бывало, называли) … и все же я скорблю о потере моей жены и ребенка от этого брака, которого я бы очень хотел увидеть, но не могу. Так или иначе, у нас с Тессой скоро будет новый ребенок […], и в этом надежда на то, что решение проблемы смерти старой жизни – закономерность и стихия, лежащая в основе формирования нового.

Фил, письмо (июль 1973 г.)

Я уже много говорила о нем и могу только добавить, что у нас была безумная романтическая любовь, которая чуть не убила нас обоих. Фил не был святым, и он мог

временами быть очень жесток, но он любил меня больше, чем Данте любил Беатриче, и я боюсь, что это то, чего я никогда больше не найду.

Тесса Дик, письмо автору

Размышляя о самоубийстве в чужой стране, Фил решает, вместо того чтобы начать новую жизнь с нуля, отказаться от амфетаминов. Находит новую жену в округе Ориндж, пишет классическую трагедию о наркокультуре и делает вывод, что реальность «удивительно проста», как и его жизнь, которая снова перевернулась вверх тормашками

Фил появился в Ванкувере 16 февраля 1972 года и, к своему восхищению, был торжественно принят в качестве почетного гостя конвента.

В течение двух часов после прибытия Фил вселился в свой гостиничный номер и пошел в кабаре. На следующий день Университет Британской Колумбии провел шикарный факультетский клубный обед в его честь, на котором его речь *The Android and the Human* была встречена с энтузиазмом, как и через два дня, когда он прочтет ее перед аудиторией конвента. Майк Бейли, организатор конвента, который сопровождал Фила в его передвижениях, был удивлен энергией Фила, особенно после того, как в первый же вечер Фил тихо признался ему, что он не предполагает прожить долго или написать еще одну книгу.

На следующий же день на конвенте Фил стал как сумасшедший вращаться в обществе, сосредоточившись на женщинах. Все наперебой желали познакомиться с легендой НФ, о котором рассказывали странные истории. К концу первого дня Фил рассказывал людям, что решил остаться. Газета *Vancouver Provence* вышла с гордым заголовком: «Канада получает знаменитого писателя-фантаста».

The Android and the Human, речь Фила, вызвавшая аншлаг, была его сознательным усилием «подвести итог всей жизни – время все обдумать». В то время он думал, что это его самая важная работа; опять же, он сказал то же самое о «Пролейтесь…», «Помутнении» и «Валисе» сразу после их завершения. *Android* пробуждает нетерпеливый преобразовательный Zeitgeist шестидесятников, и это жизненно важный документ для тех, кто стремится понять Фила. Но *Android* – это также и «русские горки», которые бросают читателя с блестящих высот проницательности в головокружительные глубины наивности.

Речь началась с тонкого поворота основной посылки кибернетики, что полезно сравнивать поведение человека и

машины: «Предположим, исследование нас самих, нашей собственной природы, позволят понять необыкновенно сложные функционирующие и неисправные механические и электронные конструкты?» Это привело Фила к вопросу, который всегда находился в сердце его фантастики: «Что в нашем поведении мы можем назвать особенным для человека?» Отличить «андроидное» от «человеческого» стало сложно, потому что «неаутентичная человеческая деятельность стала сейчас наукой государства и подобных агентств». В противовес таким «оруэлловским» манипуляциям Фил утверждает свою надежду в юном поколении. Он даже пророчествовал в «Помутнении»: «Эти дети, которых я знал, с которыми жил и которых до сих пор знаю, в Калифорнии и есть мои научно-фантастические рассказы о завтрашнем дне. […]» То, что Фил ценил в них, не было уличным протестом шестидесятников: «Политически активная молодежь, те, которые объединяются в различные общества с транспарантами и лозунгами, – для меня, однако, это обращение в прошлое, какими бы революционными эти лозунги ни были. Я имею в виду подлинные сущности каждого из них, то, что мы называем «его сутью». Источником их бунта – то, «что можно назвать чистым эгоизмом».

Если «андроидизация» означала предсказуемость и послушание, то «чистая пагубная злоба» молодежи была парадоксальным гарантом абсолютных ценностей. «Если, как кажется, мы находимся в процессе становления тоталитарного общества, […] тогда наиболее важными этическими принципами для выживания истинного, человеческого индивидуума стали бы следующие: обмани, солги, уклонись, мошенничай, маскируйся, подделывай документы, создавай улучшенные электронные гаджеты в своем гараже, которые перехитрят гаджеты, используемые властями». Фил допускал, что его вера в молодежь может быть лишь благим пожеланием, и высказывался против угрозы «уличных» наркотиков; пока он еще не бросил амфетамины (вдыхая, во время заседаний конвента, «спиды», смешанные с ментоловыми каплями для носа), он отказался от «романтизма» наркотических «исследований».

Но речь завершилась рассказом о том, как Донна украла ящик с кока-колой из грузовика, выпила ее с друзьями, потом вернула пустые бутылки в пункт приема посуды. Фил допускал, что этот поступок «этически сомнительный», но защищал его как «истинно человеческий: в этом он показывает мне дух веселого неповиновения, задорной, хотя и не возвышенной, храбрости и необычности». Это была не столько политическая речь, сколько страстное любовное послание Донне. И, как большинство

любовных писем, оно скверно свелось к обобщенному совету. Оправданный грабеж для одного человека – это трагическая потеря для другого, и грузовики с кока-колой водят люди, у которых есть семьи и счета к оплате.

В последний день конвента Фил познакомился с «Андреа», студенткой колледжа двадцати с небольшим лет; она была такого же физического типа, как Нэнси и Донна. Рассказ о влюбленности Фила в Андреа включен в *The Dark Haired Girl*[192] – рукопись, которую он собрал в конце 1972 года, и на титульном листе описал ее как «коллекцию личных писем и мечтаний, которые берут на себя достойную художественную задачу изобразить то, что прекрасно и благородно в человечестве, что встречается иногда в самых худших местах, но все же еще остается подлинным, все еще сияющим». *The Dark Haired Girl* включает в себя захватывающие любовные письма, чувственность сонетов, выраженную в стремительной прозе, по мере того как Фил влюбляется в Донну, Андреа и других. Много лет спустя, перечитав рукопись, Фил заметил в «Экзегезе»: «Из нее становится ясно, что я отчаянно пытаюсь найти центр («омфал») для моей жизни, но что я претерпел неудачу; я все еще был «изгоем».

Фил всерьез задумывался остаться в Ванкувере. В Калифорнии он был лишен права пользования своим домом, а друзья рассеялись кто куда. Он был и вправду изгоем. Здесь, по крайней мере, у него были восторженные фэны и новая женщина, в которую он страстно влюбился.

Рассказ в *The Dark Haired Girl* о времени, проведенном с Андреа, подтверждает интенсивность поисков Филом новых корней. В первую очередь, Фил был очарован ее внешностью, которая, впрочем, по описанию, соответствовала внешности других его женщин: «Она так мила, со своими длинными черными волосами, в джинсах и меховом пальто, и такая застенчивая. Такая испуганная. Такая хрупкая и нервная, но столь полная жизни, стремлений и обладающая сильным характером». Андреа была с малонаселенного побережья к северу от Ванкувера. Она призналась Филу, что очень хочет уехать из города и вернуться домой, хотя ее семейная жизнь была неблагополучной. Как-то вечером они отправились на танцы, и у них было «экстатическое время», когда они полностью растворялись в музыке. Фил проводил ее до дверей, пошел домой и увидел сон, который преследовал его на протяжении последующих лет:

> Я был снова на западе округа Марин, в большой гостиной со стеклянными стенами [того дома, где они

> жили вместе с Энн] с друзьями, и с животными, и с детьми. Внезапно я поднял взгляд и увидел сквозь стеклянную стену дома, что прямо на меня едет лошадь, а верхом на ней всадник [полицейский]; это было практически передо мной, будто вот-вот разобьет стекло. Я никогда раньше – ни в жизни, ни во сне – не видел подобного животного: его тонкое туловище, вытянутые напряженные ноги, вытаращенные глаза – как у скаковой лошади. Быстрая, яростная и молчаливая, подошла ко мне, а затем она прыгнула вверх через дом, как через барьер… Я бросился на пол, ожидая, что она проломит крышу и обрушит дом. Такое препятствие невозможно перескочить. Но ей удалось. […] Я выбежал на улицу, зная, что, должно быть, она катастрофически ударилась о землю. Вот она, бьющаяся в грязи и листве, сломанная и изуродованная, ужасная. […]

Фил задумался над сном. Будучи сведущим юнгианцем, он, вероятно, знал, что лошадь часто символизирует «жизненную силу» и связана с «мужскими солнечными божествами» и героями (в греческой мифологии – Аполлон, Беллерофонт, Персей). Раннее толкование Фила сводилось к тому, что всадник-полицейский имел отношение к его прошлым недоразумениям с законом, в то время как скачущий конь символизировал несчастное состояние Андреа и неспособность Фила помочь ей обуздать «жизненную силу». Затем Андреа сказала Филу, что уезжает из Ванкувера и немедленно возвращается к себе домой. Как и Донна, Андреа боялась – Ванкувера, колледжа, Фила. И Фил, убитый горем, пересмотрел свою интерпретацию: «Андреа ушла. Прощай, Андреа. Я и есть та сломанная лошадь».

В дни после Конвенции, когда его расходы больше не возмещались, Филу нужно было временное место, чтобы остановиться, пока он искал свою собственную квартиру. Майкл и Сьюзен Уолш разрешили ему занять диван в гостиной. Майкл был репортером из газеты Vancouver Provence, который благосклонно освещал речь Фила на конвенте; Сьюзен, поклонница НФ, находила Фила «странным, но привлекательным». Оба рады были возможности узнать его получше. Он был постоянным импровизатором. «У него все было наготове, – вспоминает Сьюзен. – Фил всегда был на сцене, даже с людьми, в которых он был уверен». С бородой и в мятом тренчкоте, он бормотал: «Я Сэм Спейд»[193]. Его представление tour de force[194] прошло во время распродажи, организованной продавцом пылесосов «Керби» по имени (без шуток) Фрэнк Ноусуорти. Говорит Сьюзен:

Фил придумал сценарий. Он был как бы моим братом-писателем, нашим нахлебником, а Майкл – моим мужем, слишком прижимистым, чтобы купить этот дорогой пылесос. Когда Фрэнк Ноусуорти появился, он начал приятно объяснять достоинства «Керби». Затем он указал на чистоту в доме – «если вы хотите продолжать жить в таких условиях…» – и это «завело» Фила.

Это был острый семейный спор, с ремарками «в сторону», исходящими от Фила, вроде такой: «Не правда ли, замечательно осознавать, что через сотни лет мы станем пылью, но этот «Керби» будет жить и дальше?» Фрэнк Ноусуорти даже не улыбнулся. Его неподвижность и полное отсутствие эмоций восхитили и потрясли Фила, изучавшего этот тип методики продаж и знавшего, как лучше всего их сорвать. И поэтому он то входил в комнату, то выходил из нее во время презентации пылесоса и заводил посторонние разговоры о цене на томаты.

Фил и Сьюзен начали флиртовать, и вскоре она влюбилась в него, хотя и не было измены. Почему так привлекает Фил? «Я до сих пор не могу понять этого. Он был интеллектуально очаровательным, циничным, интересным и эксцентричным – в нем была какая-то загадка». Но во время двухнедельного пребывания Фила Сьюзен увидела более темную его сторону: он мог манипулировать, контролировать, прощупывать слабые места чужой психики. У него были ярко выражены перепады настроения, и он описывал себя как маниакально-депрессивного. Друзьям Майкла и Сьюзен Фил жаловался на дурные поступки с их стороны, но, когда им это передавалось, они никак не могли вспомнить, какое отношение эти рассказы имеют к реальным событиям. Он флиртовал практически с каждой женщиной, которая попадалась ему на пути, пробуя все подходы – от лести до жалобных заявлений о своих нуждах. Фил, наконец, решил, что Майкл недостаточно хорош для Сьюзен, и пообещал лучше заботиться о ней, и это возмутило Сьюзен. И Майкл, который относился к флирту Фила с тактом, теперь устал от этого всего: «Фил жил на более высоком уровне напряжения, чем те, кого я когда-либо встречал. Он настаивал на том, чтобы вы были частью его мира, а не просто терпели существование этого мира. Я такого не хотел».

Отличительной чертой напряжения Фила в этот период была его способность влюбляться и охладевать с головокружительной скоростью. Давление, которое он создавал для других – в этом

случае для Майкла и Сьюзен Уолш, – было относительно мягким по сравнению со страданиями, которые он возлагал сам на себя. Прося любви на каждом шагу, он жил своей жизнью с чувством «изгоя», предъявляя невозможные эмоциональные требования, и, когда получал отказ, это разбивало его сердце. Неприкаянность Фила была в меньшей степени связана с его пребыванием в Канаде, чем с отсутствием жены. После утраты Нэнси он никогда не переставал влюбляться. И вряд ли кого удивит, что шаги в этом направлении ускорились в чужой земле.

Фил нашел себе новую «берлогу». Но через короткое время он разочаровался в своих новых канадских знакомых. В основном им было за тридцать, и они преимущественно были «ориентированы на карьеру». Вьетнамский конфликт, который поляризовал политическое сознание в США, почти не имел значения в Ванкувере.

В начале марта Фил написал запрос, чтобы узнать, мог ли он жить в «Сентер Пойнт»[195], клинике в зоне Залива, куда он попадал в последние месяцы жизни в Санта-Венеции; рекомендация со стороны «Сентер Пойнт» была отрицательной.

Фил также написал профессору Уиллису МакНелли из Калифорнийского университета в Фуллертоне, опрашивавшему Фила сразу после взлома, – чтобы узнать, будет ли Фуллертон хорошим местом для переезда.

14 марта он отменил зарезервированный билет на самолет до Сан-Франциско, а затем написал Урсуле Ле Гуин (с кем он завел переписку, хотя они никогда не встречались[196]), предложив встретиться с ней в Портленде. Фил подозревал – и это точно, Ле Гуин подтверждает, – что диковинные истории опережают его, и пытался заверить ее: «Несмотря на травму, испытанную при моем переезде сюда, в Ванкувер, моя голова действительно очень хорошо работает; я не такой ошалевший, каким был в декабре. Уверяю, я могу вести цивилизованную, разумную беседу, не разбивая ничью любимую лампу. На самом деле я бы сказал, что у меня все очень хорошо, все продумано; мой кризис идентичности, кажется, заканчивается».

К сожалению, это не было так. После потери Андреа, Донны, Шейлы, Нэнси, всего его мирка в зоне Залива, Фил попал в Мир гробниц[197]. Позже Фил рассказывал пятой жене, Тессе, о типчиках, похожих на мафиози в черных костюмах, которые посадили его на заднее сиденье лимузина и возили часами, задавая вопросы, которые он не мог вспомнить. В общем, двухнедельный провал в памяти. Когда очнулся, он попытался совершить самоубийство.

Сценой была его недавно арендованная, почти пустая

квартира в Ванкувере; дата – 23 марта. Фил принял 700 мг бромида калия, успокоительного. На обрывке картонной коробки он написал номер экстренной службы Центра предотвращения самоубийств на случай, если в последний момент передумает. «К счастью, последней цифрой в номере была единица, – сказал он позже, – и я едва смог набрать ее»[198].

Перед набором этой последней цифры Фил уже позвонил Сьюзен Уолш и сообщил ей, что он планирует «погасить свет». Сьюзен была незнакома с этим сленгом и понятия не имела, что Фил думает о самоубийстве; тем временем Фил был в ярости из-за отсутствия сочувствия. В интервью для журнала фантастики *Vertex* Фил опустил рассказ об этом предыдущем звонке, но рассказал о «полуторачасовом» разговоре по телефону с консультантом (типичная гипербола для интервью Фила – девяносто минут разговора после 700 мг бромида калия? И никакая «неотложка» не была вызвана квалифицированным консультантом за все это время?). «[Консультант], наконец, сказал: «Вот в чем дело. Вам нечего делать; у вас нет цели; вы приехали сюда, произнесли свои речи и теперь сидите в своей квартире. Вам не нужна психотерапия. Нужна целенаправленная работа». И поэтому Фил был доставлен в «Икс-Кэлай», расположенный поблизости реабилитационный центр для наркоманов и алкоголиков, которой работает по той же строгой схеме: сообщество/упорный труд/резкий отказ от наркотиков – как и в прежнем Центре лечения наркомании «Синанон» в Лос-Анджелесе. Фил рассказал *Vertex*: чтобы попасть в «Икс-Кэлай», он должен был притвориться («скрытый путь»), что употреблял героин. «Я сделал так, что мой метод подействовал, – я почти набросился на сотрудника, беседовавшего со мной, поэтому они не сомневались, что я наркоман». Обученные эксперты принимают Фила за наркомана? Героин был наркотиком, с которым Фил никогда не связывался. В письме, написанном в конце марта, рассказ более мрачен:

> […] Я действительно был подавлен. На следующий день у меня было бредовое состояние, упадок сил, кризис идентичности, психотический срыв, пароксизм страдания и просто, в целом, плохое время. Теперь я – часть «Икс-Кэлай»; они вошли и зачерпнули лужу слизи с пола моей квартиры, которая была мной, или тем, что осталось от меня, отвезли меня в их дом, где они – а теперь и я – живут, привлекли меня к работе, поставили мою голову на место – вполне достаточно для того, чтобы я не пытался прикончить себя каждые полчаса,

держали кого-то со мной днем и ночью… и, наконец, неделю спустя, я снова начал функционировать. В течение одной недели я убирал ванные комнаты, мыл горшки и кастрюли, кормил детей – там «цыпочки», «чуваки» и ребетня живут вместе, – и теперь у меня есть свой кабинет, пишущая машинка, я снова на работе – впервые после долгого перерыва – и пишу [информационно-рекламные материалы для «Икс-Кэлай»]. […] Как вы помните, друзья, которые были у меня в прошлом году в Сан-Рафеле, вели меня вниз и вниз в сточную канаву с ними; я начал здесь, в Ванкувере, общаться с такими же бестолочами и покатился по этому пути еще быстрее. «Икс-Кэлай» отрезал меня от этих людей: никаких звонков, никаких посетителей, *nada*[199]. Полный разрыв с моим прошлым, с внешним миром, с моими так называемыми друзьями. Здесь есть только два правила «Икс-Кэлай»: никаких токсических веществ и никакого насилия. Таковы были две порочных реальности в моей прежней жизни, верно? Верно. У меня наконец есть дом, настоящий дом, семья, настоящая семья, и я начинаю выстраивать осмысленную, целеустремленную жизнь.

В дискуссионной группе «Игровой атакующей терапии» обитатели «Икс-Кэлай» и сотрудники противостояли друг другу без всяких преград. В случае Фила, помимо очевидной проблемы с наркотиками, один вопрос неоднократно поднимался: его «тропизм» – непроизвольная реакция на темноволосых девушек. «Это трогательный, невероятный опыт, чтобы чувствовать и видеть здесь людей […], которые встают между мной и реальностью, которую я ищу, которая убивает меня. Они принудительно не дают мне делать то, что я раньше делал. «Ты болван! – они кричат на меня. – Ты псих. Тебе нравится инцест? Тебе понравится трахать собственную дочь?»

Фил знал, что в нем заложен «инстинкт саморазрушения», и был способен какое-то время терпеть весьма злые оскорбления в свой адрес (как и все прочие обитатели этого места) ради того, чтобы справиться с этой проблемой. В то же время у него сложились близкие дружеские отношения внутри сообщества «Икс-Кэлай». Агония молодых героиновых наркоманов, каждый из которых, казалось, постарел на десятки лет, с мертвенной бледностью и остекленевшими глазами, – ночным кошмаром засели в памяти Фила.

Но пребывание Фила в «Икс-Кэлай» длилось всего три

недели; тамошние требования начали раздражать его, когда он оправился от потерянных недель в Ванкувере. В апрельском письме Фил, который, в конце концов, не был в наркотической зависимости от героина, сосредоточился на ограничениях жизни в «Икс-Кэлай»:

> Проблема здесь, я думаю, в том, что так много агрессии, так много враждебности, садизма и общего антисоциального насилия в этих людях – большинство из них отбывало срок за сроком в канадских федеральных тюрьмах – вот и все эмоциональные и физические проявления должны быть жестко дисциплинированы в течение обычного дня, а затем вербально освобождены в игре. […]. И в игре, обвинения, действительно патологические по интенсивности и природе, высвобождаются. […] Они угадывают каждую возможность, чуют каждый вообразимый поворот событий. Они могут получить преимущество, только когда вы отвечаете: «Ты подловил меня», – с притворно бредовым видом. […] Они не догадались, кто вы такой; они догадались, чего вы боитесь. […] Он [житель «Икс-Кэлай»] не разбивается в ничто, а затем перестраивается с нуля; возводится новая личность из фантазий и худшей его части.

Подобные же критические разборы практиковались в «Синаноне» в период его расцвета в начале семидесятых годов. Стоит воздать должное «Икс-Кэлай» (который закрылся в 1976 году): он помог Филу понять смертельное безрассудство употребления им амфетаминов. Больше никогда Фил регулярно не употреблял «спиды» – и это после почти двадцати лет непрерывно увеличивающихся доз.

Во время пребывания Фила в «Икс-Кэлай» профессор МакНилли из Калифорнийского университета в Фуллертоне читал вслух своей аудитории письма Фила, подробно останавливаясь на его желании найти новый дом. Это подвигло двух студенток написать и предложить Филу стать их соседом по комнате; третья, Линда Леви, написала и предложила ему свою дружбу. Вдобавок профессор МакНилли предложил взять бумаги Фила и его коллекцию фантастики, уцелевшую после взлома, в архив университетской библиотеки.

Фил был в пути. В середине апреля он вылетел из Канады в город Фуллертон, лежащий неподалеку от Лос-Анджелеса, в самом сердце округа Ориндж, Калифорния, – одного из самых флегматично консервативных районов во всей Америке. В

аэропорту его приветствовала группа встречающих, состоявшая из двух новых соседок по комнате, плюс Линда Леви – типичная «темноволосая девушка», в которую Фил немедленно влюбился, и Тима Пауэрса, двадцатилетнего начинающего писателя-фантаста, который будет оставаться одним из самых ближайших друзей Фила. Фил появился в тренчкоте Сэма Спейда с Библией в руке (в надежде умиротворить зловещих таможенных чиновников) и с чемоданом, крепко перевязанным веревочкой. В первый же вечер, пока Фил с восхищением смотрел на Линду, они отправились к Норману Спинраду на Голливуд-Хиллс, где стали разговаривать о его пребывании в «Икс-Кэлай».

Фил провел совсем немного времени со своими первыми двумя соседями по комнате. Жизнь на диване в гостиной и пронзительные ссоры из-за денег и домашнего хозяйства – все это подталкивало Фила к тому, чтобы подыскать более приличное жилье. Он стал делить квартиру с молодым человеком по имени Джоэл Стайн, с которым Фил наслаждался мирными взаимоотношениями. В мелодрамах, впрочем, тоже не было недостатка – Фил страстно флиртовал с несколькими женщинами, с которыми познакомился, особенно с Линдой. В квартире не было «уличных» наркотиков, но нюхательный табак «Декан Свифт» был в изобилии. Бюджет их хозяйства был весьма скромным. Они шутили, что, когда деньги иссякнут, им придется съесть бедного старого Фреда, крысу, которая жила под раковиной (шутка Фила, включенная в «Помутнение»). Но Фил нередко пребывал в мрачном настроении, как пишет Тим Пауэрс:

> […] он был лишен корней, напуган и скрывался. Он просыпался от тихого звука автомобилей со зловеще мощными двигателями, медленно крадущихся вниз по его улице посреди ночи; он замечал приемо-передающие рации в припаркованных автомобилях и тревожился, если их было около его квартиры больше, чем обычно, и он вынужден был купить новый экземпляр «И-Цзин», потому что его старая книга разваливалась на части под гнетом всех тех поздних ночей, когда он встряхивал и бросал по три пенни, задавая пугающие вопросы и получая необнадеживающие ответы; что-то большое, что-то таинственное проходило достаточно близко, и он оказывался в его тени, и он не мог перестать думать о нем, не мог перестать пытаться выяснить, что именно произошло.

Первые несколько месяцев в Фуллертоне Фил держал свой новый адрес – дом 3028, Кварц-лэйн – в секрете даже от близких

друзей из зоны Залива.

Их соседями по многоквартирному дому были две молодые женщины, Мэри Уилсон и Мерри Лу Мэлоун, с которыми Фил завязал тесную дружбу. Мэри Уилсон, как и Пауэрс, оставалась близка с Филом до самого конца его жизни. Эта дружеская неразбериха была как раз по душе Филу, несмотря на двадцатилетнюю разницу в возрасте между ним и его новыми друзьями. Он не писал в этот период. Простой отдых и восстановление сил – вот именно то, что ему было нужно, и в контакте с молодыми Фил всегда предпочитал отбрасывать печали и тревоги в сторону.

Не то чтобы его возраст не проявлялся в некоторых отношениях. У Фила был лишний вес, и у него бывали приступы кашля, и он не всегда поспевал за ребятами из колледжа. Но некогда подорванная экономика Фила, как и все остальное, замечательно вписалась в их хозяйство. Бензин был дешевым, и все они могли пойти на пляж или выпить кофе с пирогом на Голливудском бульваре.

Мерри Лу, которой тогда еще не было двадцати, вспоминает, что Фил «был похож на потерянного щеночка. Но он также всегда покровительствовал мне, и он постоянно искал что-то новое – какой-то новый ответ». Фил всегда казался увлеченным: «Ему нравилось жалеть женщин. Он был ровесником моей матери, но казался моложе, чем я, в некотором смысле».

Фила привлекала Мэри Уилсон, и он даже просил ее выйти за него замуж, но их отношения так и остались платоническими. Фил мог обращаться к ней во время многодневных депрессий. Мэри вспоминает:

> Временами у Фила были депрессии, но я бы сказала, что в целом он был счастлив. Он был человеком с перепадами настроения, но я с этим не хотела мириться. Я иногда говорила: «Завязывай с этим, или я ухожу домой!», – и он меня слушался. Он много влюблялся в женщин и бросал их. Он «отскакивал» от одной из нас к другой.

Односторонняя любовь Фила к Линде Леви была самым сильным из его увлечений в ранние месяцы пребывания в Фуллертоне. Ее сходство с Линдой Ронстадт[200], чью внешность и чей голос Фил обожал (образ певицы Линды Фокс во «Всевышнем вторжении» – в какой-то степени дань Ронстадт), должно быть, оказало влияние на его отношение к ней. Линда никогда не отвечала взаимностью на его серьезные чувства, и они не стали любовниками. Линда видела в Филе странного мужчину с

переменчивым настроением, который по возрасту годился ей в отцы. Но также она восхищалась блестящими беседами Фила и получала удовольствие от того, что имела возможность вращаться в его НФ-кругах. И она вспоминает: «Я пристрастилась к лести со стороны Фила. Он был первым человеком, который укрепил меня во мнении о самой себе, которое, как я надеялась, было справедливо».

Даже мимолетный взгляд на первое письмо Фила к Линде, сохранившееся в *The Dark Haired Girl*, делает его склонность вполне понятной. Какие восторженные взлеты! Возлюбленная Фила становится Убиком, который все объединяет. Если бы что-то дурное приключилось с Линдой, то:

> Мои книги стали бы более странными, более блеклыми, более пустыми. […] Я бы проходил мимо дома, и он бы тут же разваливался в прах. Колеса бы отваливались от машин, как в старых фильмах У. К. Филдса[201]. В конце концов, мои ноги будут тонуть в тротуаре. Знаешь ли ты, что ты значишь для нас, Линда? Понимаешь ли это? Потому что если нет, то я черт знает что могу натворить. Я не могу смириться с мыслью, что ты сидишь где-то в одиночестве и думаешь, что никому нет дела до тебя. Мы ЛЮБИМ тебя.

Письмо заканчивается предложением жениться. Фил, который знал Линду всего несколько дней, вручил его ей, когда она была за рулем, – они ехали встретиться с Харланом Эллисоном и поужинать вместе. Линда не читала его, пока они были в ресторане. С одной стороны, это было торжественное восхваление. С другой стороны: «Оно меня одурманило – я не знала, что мне делать с самой собой». Эллисон почувствовал напряженность и стал подтрунивать над ними. Последовал спор. Линда вспоминает: «Фил напугал меня до чертиков – таким он был напряженным. Он подумал, что я не приняла его предложения всерьез. Позднее он сказал мне, что на самом деле не хотел на мне жениться, он попросил об этом, потому что, как я ему сказала, никто ко мне раньше с этим не обращался».

Затруднительные отношения Фила и Линды продолжались в течение нескольких недель. Линда наслаждалась прогулками по городу с Филом, который испытывал восторг от компании красивой молодой женщины. Но кокетство Линды расстраивало Фила, а она дразнила его, находя что-то застрявшее в его бороде. В конце апреля в Лос-Анджелесе прошло вручение премии «Небьюла»[202]. Фил и Линда решили навестить семью Линды перед банкетом. Фил был молчалив с ее матерью, а затем играл

на улице в мяч с ее младшей сестрой. В попытке продемонстрировать бейсбольный бросок высшей лиги он упал на землю, завывая от боли и с выскочившим из сустава плечом, травмированным в автокатастрофе 1964 года. Нескольких недель после этого Фил ходил с рукой на перевязи, расстроенный впечатлением, которое он произвел на ее компанию. Фил пытался убедить Линду посетить консультации для пар, но это мало помогло.

Наконец, когда они ехали как-то вечером на машине, Линда сообщила Филу, что у нее назначено свидание с Норманом Спинрадом. Фил никогда не испытывал враждебности по отношению к Спинраду, который не знал о глубине чувств Фила. Но эта новость в тот вечер подавила его. Линда вспоминает: «Он весь как бы сломался – плечи поднялись, голова низко повисла, колени вздернулись вверх; он ничего не говорил. Я раньше никогда никого не видела в таком состоянии и не знала, что мне делать». Дела пошли еще хуже, когда они подъехали к заправочной станции, где служил парень, с которым у Линды тоже предстояло свидание. Когда они отъехали, Фил схватил руль здоровой рукой, вывернув на встречную полосу. Линда восстановила управление, подъехала к тротуару и приказала Филу выйти. Фил разразился криками, используя, как вспоминает Линда, «высокохудожественную» брань, после чего попытался ударить ее по лицу. Это не причинило большого физического вреда, но положило конец их отношениям.

Горечь осталась. Когда Тим Пауэрс стал приглашать Линду на свидания, непримиримая враждебность Фила привела к временному разрыву их дружбы. Фил и Линда, в конце концов, восстановили отношения, хотя весьма сдержанные. Несколькими неделями позже Фил представил Линду своей подруге (возможно, его будущей пятой жене Тессе) как «девушку, которую я любил, пока она не избила меня».

Фил всегда нуждался в женской любви, чтобы сделать мир по-настоящему реальным. Его тактика ухаживаний за два последних года – неустанный романтический поиск и саморазрушение – оставляла его разочарованным и униженным достаточно часто, но, возможно, именно это позволяло ему оставаться в здравом уме. Одиночество, как альтернатива, было ему буквально невмоготу. После четырех неудачных браков Фил почерпнул предостаточно уроков, но ни один из них не мог убедить его отказаться от попыток вступить в брак опять, если бы только ему выпал шанс.

Фил познакомился с Тессой Басби на вечеринке в середине июля 1972 года. Тессе было восемнадцать лет, она планировала

осенью поступить в колледж и изучать электронику. Застенчивая, но интеллигентная, Тесса сама обладала писательскими амбициями. Как и Фил, она прожила трудное детство, в котором испытывала даже физическое насилие.

На вечеринке Тесса на спор (последовавший из-за того, что Фил был не заинтересован в паре для этого вечера) села на колени к Филу. Тесса пишет, что Фил «казался еще более замкнутым, чем я сама. У него были грустные щенячьи глаза, и казалось, его хвост поджат, как у побитой собаки». Каждого из них сильно тянуло друг к другу, хотя Фил позже признался Тессе, что боялся, будто бы она агент организации, устроившей взлом в ноябре 1971 года. Однако его страхи не могли быть слишком велики, поскольку в течение недели Фил снял квартиру по соседству, которая стала служить их новым домом.

Тесса восхищалась широтой и блеском разговоров Фила. «В его собственном кругу его свет сиял, как солнце». Не было ни одной идеи, которую бы не оживляло его воображение. «Фил развлекал меня, пока я ждала, когда принесут кофе и сэндвичи». Квартира на Кварц-лэйн стала для Фила первым настоящим домом, с тех пор как два года назад ушла Нэнси. Когда рука выздоровела, когда домашняя жизнь наладилась, он снова начал плодотворно писать.

Но вот наступил ранний кризис – и где бы еще? – в Диснейленде. У них было свидание вместе с друзьями. У Фила не было денег, и он попросил Тессу дать ему в долг. Сама будучи «на мели», Тесса дала ему два из имевшихся у нее семи долларов. Фил чувствовал себя униженным, когда позднее, там же вечером, не смог купить ей горячего шоколада. Тесса пишет:

> Он обвинил меня за то, что я не дала ему пять долларов. Как только я допила, Фил поднялся и широким шагом пошел на стоянку. Я последовала за ним со всей остальной нашей группой, шедшей чуть сзади.
>
> Когда я нашла Фила, он сидел на капоте машины (не своей; у него не было машины). Он выглядел мрачным. Он отказывался говорить и свирепо смотрел на меня. Я присела рядом с ним. Подошли остальные и стали расспрашивать Фила, что случилось. Я сама, хотя толком ничего не понимала, знала достаточно, чтобы попросить их оставить его в покое. Я взяла его за руку и тихо сидела, пока он не встал.
>
> Этот короткий и бестолковый кризис создал момент, который нас связал. […] Инстинктивно, без какой-либо задней мысли, я все сделала правильно.

Радость Фила от этого общения очевидна в данном фрагменте из *The Dark Haired Girl*:

> Тесса – маленькая черноволосая девчонка, и я даже не предполагал, что увлекусь ею (после «Икс-Кэлай»); ей восемнадцать лет; она пишет (она уже продала одну статью), милая и яркая, девчонка-сорванец, но сексуальная, говорит причудливо, честная, не завязанная на политике, ездит верхом, нигде не путешествовала, хочет увидеть Канаду. […] Друзья называют меня «мистер Домосед». Это клево. Самое замечательное в Тессе то, что она не заставляет меня делать то, чего я не хочу. И мы с ней очень близки. Она самый чуткий человек из всех, кого я встречал: мудрая и ласковая, но независимая. И тактичная.

Но, как говорит Тесса, «жизнь с Филом была «американскими горками». К примеру, начались откровения: Филу было за сорок, а не тридцать с лишним; Нэнси была его четвертой, а не первой женой; сестра-близнец умерла во младенчестве (откровение было вызвано шоком Фила от того, что второе имя Тессы – Джейн). А 17 ноября 1972 года (в первую годовщину взлома) «Фил как будто спятил, проверял, заперты ли каждая дверь и каждое окно, не выходил из дома и мне не позволял его покидать».

А были еще настроения Фила. Тесса отмечает: «В один момент он был спокойным, счастливым, а в следующий – неистовым. […] Перемены его настроения были больше похожи на детские вспышки гнева, чем на дикую ярость лунатика. Он становился похож на ребенка во время маниакальных эпизодов, и ему нужна была материнская забота, когда он пребывал в депрессии». Агорафобия часто приковывала Фила к дому, даже к спальне. Комфорт и безопасность, которыми обеспечивала его супружеская жизнь, позволили ему возобновить регулярную писательскую работу. Но его распорядок дня нарушал и то, и другое. «Он спал очень мало. Он не ложился в постель за полночь и настаивал, чтобы я приносила ему завтрак не позднее половины восьмого утра. Мне приходилось ложиться в одиннадцать вечера, чтобы проснуться столь рано, в то время как Фил продолжал бодрствовать до двух часов ночи, а то и дольше. Обычно он просыпался около шести часов утра». Тесса была благосклонна, но не испытывала недостатка в собственной напористости:

> Фил, когда он не мог убедить меня своими доводами, иногда топал ногой, рвал на груди рубашку, так что пуговицы разлетались во все стороны, или

бросался на кровать. Иногда он нуждался в том, чтобы его держали, даже качали, и что-то говорили, чтобы успокоить. Он часто требовал, чтобы всю еду ему подавали в постель. Он должен был показывать мне все, что он написал, а я должна была прочитать это НЕМЕДЛЕННО, ни минутой позже.

Он не имел терпения. Он часто щелкал пальцами, чтобы привлечь мое внимание; это бесило меня. НИКТО не щелкал пальцами в мой адрес.

К сожалению, Фил порой делал больше, чем щелкал пальцами. Бывали и эпизоды физического насилия, которые оставляли Тессу в синяках и в эмоциональном потрясении. Линда Леви, сама жертва нападения Фила, пишет, что в самом начале отношений «Тесса однажды появилась в моей квартире, покрытая синяками, плакала и была очень расстроена. Она описала ситуацию, в которой, по ее словам, Фил запер изнутри входную дверь, включил стереосистему, включил кондиционер и бил ее. Ей удалось выбраться, я уж не знаю через сколько времени, и она пришла к нам, как она сказала, за помощью. Линда рекомендовала Тессе «убираться оттуда», но этот совет не был принят. «Вместо этого, – продолжает Линда, – по словам Фила, потому что я никогда ничего не слышала об этом от Тессы, она пришла домой и сказала ему, что она посетила нас и поделилась с нами своей любовью к нему, и мы спонтанно, по какой-то причине, решили попытаться настроить ее против него. И, конечно, никаких упоминаний о ее явном физическом состоянии».

Время от времени Фил и Тесса выходили в свет. Вместе они участвовали в лос-анджелесском «Уорлдконе» в сентябре 1972 года; Фил принял участие в панельных дискуссиях о состоянии научной фантастики. В октябре бывшая подруга привезла своего нового приятеля – честное слово, клянусь Богом, – настоящего сотрудника наркоконтроля! Фил, уже придумывая сюжет «Помутнения», был одновременно взволнован и напуган встречей. Наркокоп, замаскированный длинными волосами и цветастой рубашкой, взял их четверых на дикую прогулку и предупредил, что может повязать любого из них, когда захочет. В конце вечера он дал Филу свою визитку.

В том же октябре Фил и Тесса прилетели в Сан-Франциско на четыре дня, чтобы завершить развод с Нэнси. Опека над Изой была присуждена Нэнси. Учитывая географическую удаленность, юный возраст Изы и повторяющиеся трения между бывшими супругами, Фил почти не виделся с Изой до конца семидесятых,

что очень его мучило. В отличие от договоренностей с Энн, Фил регулярно посылал алименты Нэнси – сто долларов каждый месяц, согласно решению суда.

Несмотря на два года бездействия, писательская карьера Фила шла неплохо. Хорошие новости пришли в виде визита его парижского редактора Патрика Дювика, чье издательство Éditions OPTA[203] опубликовало большую часть работ Фила. (Устойчивые иностранные продажи, особенно во Франции, Англии и Германии, материально поддерживали Фила, несмотря на его неспособность продать новый роман с 1970 года.) Дювик говорил о возможности сценария на основе «Убика», который некоторые французские критики рассматривали как шедевр патафизики. Вскоре после этого Фил дал интервью (вместе со Спинрадом) на лос-анджелесском радио KPFK FM. Будет также восхищенное упоминание о его творчестве в эссе Томаса Диша в антологии *The Ruins of Earth*[204] и в исследовании жанра научной фантастики Брайана Олдисса *Billion Year Spree*[205].

Тесса и Фил обсуждали переезд в Ванкувер или в Зону Залива, но Фуллертон продолжал удерживать их. Как Фил «серьезно» писал в декабрьском письме Роджеру Желязны: «Нет ничего более обнадеживающего для того, кто прошел через острый кризис идентичности, чем чистый пластик квартир, улиц, ресторанов и мебели. Здесь ничто не стареет, не изнашивается и не пачкается, иначе придет полиция и убьет. Я не уверен, вернул ли свою идентичность, а если да, то та ли она самая (я полагаю, на оба вопроса ответ – «нет»)».

Затем, в ноябре, Фил узнал, что Станиславу Лему удалось после напряженной борьбы устроить публикацию в Польше перевода «Убика». Эта новость взволновала Фила, который понял, что придется поехать в Варшаву, чтобы получить и воспользоваться любыми лицензионными платежами. Поездка так никогда и не осуществилась, но состоялась короткая переписка Фила и Лема. Одной из тем было эссе Лема 1972 года «Научная фантастика: безнадежный случай – с исключениями», и этими исключениями были только произведения Филипа К. Дика. Фил объяснял элементы халтуры, «трэша», отмеченные Лемом в его работе:

> Но видите ли, мистер Лем, в Калифорнии нет никакой культуры, только мусор, «трэш». И нам, тем, кто вырос здесь, и живет здесь, и пишет здесь, нечего включить в качестве дополнительных элементов в нашу работу; вы можете увидеть это в книге «На дороге» [Фил ранее в этом письме подчеркивал свою литературную

> близость к битникам.] Я серьезно. У западного побережья нет ни традиций, ни достоинства, ни этики – вот где выросло это чудовище – Ричард Никсон. Как можно создавать романы на основе этой реальности, которые не содержат «трэш», потому что альтернативой может стать только уход в ужасные фантазии о том, как это должно быть; надо работать с мусором, стравливая его с самим собой, как вы так метко выразились в своей статье. […] Отсюда подобные элементы в таких моих книгах, как «Убик». Если бы Бог явил Себя нам здесь, он бы сделал это в форме баллончика с аэрозолем, рекламируемого по телевизору.

(Когда «Убик» был опубликован в Польше в 1975 году, Фил был возмущен тем, что усмотрел нарушение обещаний относительно лицензионных платежей, и (несправедливо) обвинил в этом Лема[206]. По принципу «око за око, зуб за зуб» Фил выступил за исключение Лема из Американской ассоциации писателей-фантастов[207] на том основании, что Лем – почетный, не платящий взносы член – нарушил правила Ассоциации, запрещающие почетное участие в случае возможности получения регулярного платного членства. Лем, который публиковался в США, мог и должен был платить за членство. Фил был не одинок в заявлении этого протеста – Лем вызвал гнев нескольких представителей Ассоциации своими критическими комментариями творчества американских писателей-фантастов – и почетное членство Лема было в конечном счете отозвано.)

Теперь, когда он поселился с Тессой, писательская энергия Фила вернулась в конце 1972 года в полную силу – впервые за последние два года. В ноябре 1972 года он написал Дишу: «Если бы [Тессы] не существовало, мне пришлось бы, в конце концов, выдумать ее, ради выживания. […] Мой мотив для того, чтобы еще раз взяться за писательство, в том, что я должен иметь нечто, чтобы посвятить ей».

Его первым проектом стало завершение романа «Пролейтесь, слезы, сказал полицейский», который лежал неоконченным с августа 1970 года. После «Пролейтесь…» Фил написал свой первый рассказ после 1969 года: «Скромная награда хрононавтам». Затем он вернулся к «Помутнению» – с кратковременным перерывом на борьбу за выживание. В конце 1972-го Фил подхватил двустороннюю пневмонию. Все выглядело настолько плохо, что Смерть пришел[208] за Филом:

> Он носил однобортный пластиковый костюм,

галстук и принес нечто вроде чемоданчика с образцами товаров, который он открыл, чтобы показать мне. Там у него было несколько психологических тестов, и он указал мне, что, по результатам этих тестов, я полностью спятил и поэтому должен сдаться и пойти с ним. Я почувствовал облегчение от того, что он заберет меня в какое-то другое место, потому что если я полностью спятил, то не было никакого смысла больше стараться и изнурять себя, а я действительно чертовски устал. Смерть указал на дорогу, поднимающуюся вверх по длинному извилистому склону, и отметил, что на вершине холма был госпиталь для душевнобольных, куда я мог пойти и остаться там, и это легко, можно успокоиться и больше не надо прикладывать никаких стараний. Он вел меня к ней все выше и выше по извилистой дороге. А потом вдруг Тесса вернулась в спальню, чтобы посмотреть, как у меня дела, и я мгновенно снова оказался сидящим в постели, прислонившись к подушке, как всегда. Но я действительно ушел далеко задолго до того, как она вошла и все закончилось. Позже я понял, что Смерть солгал. Он сказал мне, что вынудит меня добровольно пойти с ним. Другому человеку он сказал бы что-нибудь еще, что бы это ни было. Я его больше не видел, но теперь я знаю, что Смерть лжет, чтобы облегчить свою работу. Это намного проще для него, если ты уйдешь по своей воле. Хотя я до сих пор помню, какое это было облегчение, когда я почувствовал, что могу сдаться. Ничего, кроме облегчения. Как я был готов к этому. Но тогда я поверил ему.

Смерть действительно лгал. Фил продолжал писать «Помутнение» – определяющий портрет наркотического эндшпиля шестидесятых годов. Наркотик, вызывающий привыкание и отравляющий мозг, который Фил придумал для «Помутнения», называется «препарат С», или «Смерть». Преодоление Смерти, торжество духа над ложью, которая истощает смысл жизни, – это и есть рассказанная история.

* * *

В музыке вы можете сформировать идеальную сизигию[209] шестидесятых годов с «Битлз» и «Роллинг Стоунз» – «Битлз»,

воплощающие в себе радостную мечту, которая казалась не только возможной, но и более реальной, чем сама реальность, «Роллинг Стоунз», выставляющие напоказ то острие, на которое мечта рискует напороться.

В литературе можно вылепить не менее красноречивую сизигию шестидесятых годов с романом Ричарда Бротигана[210] «Ловля форели в Америке» и «Помутнением». В «Ловле форели» уловлено чувство волшебства, которое люди смогли вытянуть на время из шляпы повседневной жизни. Шестидесятые годы обеспечили дико раскрашенный фон, чудной жаргон и тревожное духовное ожидание, чтобы заставить магию работать.

И «Помутнение» позволяет увидеть и услышать, как тяга к спецэффектам, вызываемым наркотиками, калечила и убивала многих, которые, как писал Фил в завершающей книгу заметке «От автора», были «как дети, играющие на проезжей части». Он добавляет: «Сам я не персонаж в романе; я и есть роман. Хотя таковой была вся наша нация в то время». В этой заметке Фила есть список друзей, которые умерли или пострадали от неизлечимых повреждений из-за злоупотребления наркотиками; в этот список Фил включил и самого себя сам, с «необратимыми изменениями поджелудочной железы». Не все его диагнозы «постоянного психоза» являются точными, но самой смерти достаточно, чтобы сделать вывод: «Мы были вынуждены остановиться на ужасных вещах».

Фил создавал первый черновик «Помутнения» с февраля по апрель 1973 года, затем интенсивно пересматривал его (с ценной помощью редактора Джуди-Линн Рей[211]) летом 1975 года. Потом Фил написал редактору Лоуренсу Эшмиду (к которому он наивно обращался как к «главному редактору», в то время как Эшмид работал в Doubleday только с фантастикой), умоляя издательство отнестись к «Помутнению» как к «мейнстриму». Действительно, «Помутнение» имеет немного черт НФ, и в тамошнем Лос-Анджелесе 1994 года узнается наш собственный, с его магазинами «Севен-Элевен» и скоростными автострадами. После «Высокого замка» стремление Фила писать «мейнстрим» не проявлялось столь неудержимо. Эшмид вспоминает:

> Научную фантастику принято держать за бульварное чтиво. Я могу вспомнить, как пытался убедить людей в Doubleday, чтобы они прочитали Филипа Дика, но они говорили: «Я не читаю научную фантастику».
>
> Я всегда думал, что книги Фила будут продаваться и через сорок лет, в отличие от большинства его современников. Я пытался вытащить его из научной

фантастики, но для этого у меня не было никаких возможностей. А они просто не принимали этот жанр серьезно, и думали, что это годится только для продажи в библиотеки. Это просто не является коммерческой реальностью.

Основной сюжет «Помутнения» – это погружение в нечто близкое почти полной смерти мозга Фреда, наркополицейского под прикрытием, который выдает себя за Боба Арктора, мелкого дилера, чтобы выследить главных поставщиков «препарата С» – «смерти». Там есть замечательная модная техническая НФ-разработка: «костюм-болтунья», который Фред носит для анонимности, когда подает рапорты на Арктора и его друзей. Так как дилеры имеют своих скрытых агентов в полицейском департаменте, реальный Фред должен сохранять в тайне и свою идентичность с псевдонимом Бобом. «Костюм-болтунья» (вдохновленный визуальным фосфенным[212] опытом Фила «2–3–74» – см. главу 10) состоит «из многогранных кварцевых линз, соединенных с микрокомпьютером, который содержал в банке памяти до полутора миллионов физиономических характеристик разных людей»; эти мгновенно возникающие образы проецируются на «сверхтонкую мембрану» в форме человека, в которую заключен Фред.

Что заставляет человека идти на работу, в которой расщепление личности неизбежно? В случае Фреда – отвращение к обывательской жизни в пригороде. Фред, верный полицейский, предпочитает компанию наркоманов, употребляющих «смерть», членам «Клуба львов округа Ориндж», которых он винит в том зле, что несут наркотики. В этом Фил и Фред едины. Фил писал в сентябрьском письме 1973 года:

> Во время каждого брака я был буржуазным кормильцем, и, когда мои браки распадались, я падал (с благодарностью) в канаву почти незаконной жизни: наркотики, пушки, ножи и ох как много преступлений… не то чтобы я их совершал, но я окружил себя теми, кто это совершал; я обнимаю истинно порочных людей, я полагаю, что они – противоядие среднему классу, безопасному рациональному бесхребетному миру, который навязывали мне мои жены. Будучи отрезанным от своих детей и жен, я не имел никаких обязанностей ни перед кем, кроме самого себя, и я валялся в этой канаве; и все же, справедливости ради, скажу, что из этой самой канавы черпали жизнь молодые люди, которые иначе могли бы погибнуть. […] Я вылез оттуда

> только потому, что я снова женился и должен запирать свою дверь каждую ночь, чтобы кто-то не украл мои ценности. Я был намного счастливее с теми, кто эти ценности воровал.

Фил здесь преувеличивает для эффекта; он никогда не был «буржуазным кормильцем», и у него не было никакого желания покидать безопасную гавань Тессы и их дом в Фуллертоне. Но он чувствовал стремление Фреда/Боба, и это подтолкнуло его к тому, чтобы закончить то, что он начал с Феликсом Бакмэном в «Пролейтесь…»: создание образа совершенно обаятельного главного героя – полицейского. Стремление Фреда скрыться от обывательского вакуума приводит его все ближе к Смерти. Он любит своих друзей-наркоманов, даже когда они предают его, все больше приближая к Смерти. В результате – токсический мозговой психоз, разъединение связей правого и левого полушарий, остановка обобщающих функций в перцептивной и когнитивной системах.

Все сводится вот к чему: Фред перестает понимать, кто есть Боб.

Он сам делает себя подозреваемым в собственном расследовании. С презрением прослушивает на голосканере записи потайной слежки за Бобом и бесцельный лепет его друзей. По мере усиления интоксикации, мир становится все более мрачным. Его полицейские начальники замечают, что не все хорошо, но отправлять Фреда, одетого в «костюм-болтунью», для тестирования слишком поздно. Полушария мозга начали конкурировать друг с другом. А потом все, кроме самого тусклого сознания, угасает. Прямо перед заключительным этапом Фред/Боб доходит до истины слов апостола Павла из Первого послания к коринфянам через слежку за самим собой:

> Это [объясняет полицейский психолог] как будто одно полушарие вашего мозга воспринимает мир, как в зеркале. […]
>
> «Сквозь зеркало», – сказал Фред. «Мутное зеркало, подумал он; мутное стекло»[213].

«Помутнение» был выжат из мрака конца шестидесятых годов, из времен адской безысходности Фила. В основе образа Донны Готорн, полицейской под прикрытием, которая любит и предает Фреда/Боба, лежит та темноволосая Донна, которая видела Фила в трудные времена и которая отпустила его в Ванкувер одного. Зависимый от «смерти» наркоман Джерри Фабин, который не может бороться с тлей, списан Филом с соседа

по Санта-Венециии Дэниела. Маниакальный Джим Баррис, который, возможно, подстроил Фреду/Бобу финальную передозировку «смертью», своим прототипом имеет Питера, зловещего соседа-халявщика, которого Фил подозревал в ночном ограблении его дома. «Новый Путь», центр лечения наркоманов, куда отправлена «оболочка» Фреда/Боба, многим обязан «Икс-Кэлай». В «Помутнении» «Новый Путь» – это тайный и главный поставщик «смерти».

Полиция, напротив, представлена благородно. Действительно, в феврале 1973 года Фил писал в Министерство юстиции, чтобы предложить свою помощь в «войне против незаконных наркотиков», потому что «злоупотребление наркотиками – самая большая проблема, о которой я знаю, и я надеюсь всем сердцем чего-то добиться своим романом в борьбе против этого зла». Фил даже предложил посвятить «Помутнение» генеральному прокурору Ричарду Кляйндинсту[214] – замечательное исключение со стороны Фила, поскольку он находился в непримиримой оппозиции к администрации Никсона. Но в повседневной жизни у Фила было не столь непреклонное отношение к наркотикам, он даже время от времени выкуривал «косячок» или сигарету с шариками гашиша.

В раскрытии антинаркотической темы «Помутнение» прекрасно передает туманную, закрученную странность диалога наркоманов-шестидесятников. В таких романах, как «Мягкая машина» и «Дикие мальчики», Уильям Берроуз использует patois[215] «джанки», который частью взят из речи с «сороковых» у Таймс-сквер[216], частью – из жаргона частного детектива, частью – из лаконичного битнического языка самого Берроуза. Ярко и резко, но не так, как это звучало в то время. А звучало это именно так, как Эрни Лакман под кайфом мечтательно объясняет Фреду/Бобу Арктору новую идею контрабанды «дури»:

> «Ну вот, смотри, ты берешь огромный кусок гашиша и вырезаешь из него человечью фигуру. Потом ты выдалбливаешь нишу и засовываешь туда заводной моторчик, как в часах, и маленький кассетный магнитофон. […] Эта штука подходит к таможеннику, который к ней обращается: «Вам есть что декларировать?» – а кусок гашиша говорит: «Нет, ничего», – и идет дальше. Пока не кончится завод по ту сторону границы».
>
> «Можно было бы поставить солнечную батарею вместо пружины, тогда он мог бы шагать годами. Вечно».
>
> «А какой в этом толк? В конце концов, он дойдет

либо до Тихого, либо до Атлантического океана. И вообще, он может свалиться с края земли, как…»

«Представь себе эскимосскую деревню и кусок гашиша высотой в шесть футов – сколько такой может стоить?»

«Около миллиарда долларов».

«Больше. Два миллиарда».

«Эти эскимосы жуют шкуры, вырезают копья из костей, а этот кусок гашиша стоимостью в два миллиарда долларов идет по снегу и все повторяет: «Нет, ничего…»

«Они удивятся: что это значит?»

«Они будут озадачены навсегда. Начнут складывать легенды».

После этого странного диалога – тишина. Затем:

«Знаешь, Боб, – заговорил наконец Лакмен, – я ведь тоже когда-то был таким же, как все».

«Думаю, я тоже», – сказал Арктор.

«Не знаю, что случилось».

«Я уверен, Лакмен, – сказал Арктор, – ты знаешь, что случилось с нами со всеми».

«Ладно, хватит об этом».

Фил часто плакал во время долгой ночной работы над «Помутнением». В пустой спальне на Кварц-лэйн он будет печатать на машинке, пока не рухнет от изнеможения, потом поспит часок и снова в бой. В 1977 году Фил вставляет в «Экзегезу» вполне подходящую коду:

> […] Я вижу, что я сделал, чтобы превратить эти ужасные дни во что-то стоящее. […] Это то, что делает Бог; это его странная мистерия: как он все закончит. Когда мы видим зло (которое Он собирается трансмутировать), мы в нашей жизни не можем понять, как Ему удается это делать, но позже, и существенно позже, после того, как это будет сделано, сможем ли мы увидеть, как он использовал зло в качестве глины, как гончар, который вылепил свой горшок (если вселенную рассматривать как артефакт).

* * *

Даже когда он работал над «Помутнением», общественный интерес к творчеству Дика продолжал расти. Восхитительная

пародия Джона Слейдека на путаный «космический» стиль Фила – *Solar Shoe Salesman*[217] – появился в журнале *F&SF*. В марте 1973 года съемочная группа из Би-би-си приехала в Фуллертон, чтобы заснять Фила в сцене из романа «Время, назад». Тем же летом глянцевый научно-фантастический журнал *Vertex* провел интервью, после чего в сентябре французская команда документалистов сняла беседу Фила и Нормана Спинрада о Никсоне и НФ среди кружащихся «чашек» в Диснейленде. Затем Entwhistle Books, небольшое независимое издательство, объявило о планах опубликовать «Исповедь недоумка» – первый из его реалистических романов пятидесятых годов, который предполагалось издать. На французском телевидении творчество Фила было выдвинуто на Нобелевскую премию. Этот год завершился интервью, которое взяла у него лондонская газета *The Daily Telegraph*.

Увы, предмет всего этого внимания был почти сломлен большую часть времени. Фил писал Эшмиду и в Агентство Мередита, цитировал хвалебные отзывы критиков, надеясь, что это изменит ситуацию на нью-йоркском издательском рынке. Не изменило.

Еще хуже то, что новый приступ писательской продуктивности поставил под угрозу здоровье Фила. В апреле 1973 года он писал Нэнси и Изе:

> Врач говорит, что у меня серьезная, если не опасная, гипертензия (физически высокое артериальное давление, не психологически), и это необходимо держать под контролем. Так что я торчу на чертовых пилюлях снова, после того как мне не выписывали никаких рецептов на протяжении целого года. […] После отправки романа [«Пролейтесь…»] моему агенту […] начал еще один [«Помутнение»] […]:
>
> (a) 62 страницы набросков;
>
> (b) 82 заключительные страницы – чтобы послать по почте вместе с набросками для представления;
>
> (c) еще 240 страниц в черновом виде.
>
> Сложи все это, написанное за период с 20 февраля по 2 апреля, – и сколько страниц ты получишь? Инсульт со смертельным исходом, вот что это такое. Видишь? Видишь??? Я пишу больше и быстрее без химии, чем когда я сидел на ней. Но – мое кровяное давление повышается. Я уже его и не меряю.

Одним из источников интенсивного давления, которое Фил чувствовал, был также источник большой радости: Тесса была

беременна. В апреле они поженились. Тесса вспоминает:

> Я не знаю, почему вышла замуж за Фила. Он предложил, и я сказала, что подумаю об этом. Мы уже жили вместе. Я хотела иметь ребенка, хотя меня не очень заботило, будет ли это вне брака. Следующее, что я помню, – Фил подумал, что я сказала: «Да». […] Когда он получил чек в апреле от своего агента, он позвонил священнику и попросил его приехать к нам домой и женить нас. У меня уже было пять месяцев беременности, мои ноги слишком опухли, чтобы носить что-либо, кроме сандалий, но я подумала, что было бы неплохо выйти замуж за отца ребенка.

25 июля 1973 года родился сын Фила Кристофер. Это было облегчением для Фила, который боялся, что на свет появятся близнецы. Жизнь с сыном изменила отношения между Филом и Тессой, но это были иные изменения, нежели те, что последовали за рождением Изы. Тесса пишет:

> Фил был образцовым отцом. […] Он очень любил своего сына, возможно, даже больше, чем он любил меня. […] В розыгрышах и шалостях, в которых мы с Филом были «соучастниками преступления», я постепенно оказалась оттеснена в пользу Кристофера. Для меня было чудесно наблюдать за ними обоими. Это нормально, быть оттесненной, потому что я радовалась, наблюдая, как расцветают их отношения.

У Фила-воспитателя было два практических ограничения: он никогда не имел дела с подгузниками, и он настаивал на тишине, когда писал. Тишина оказывалась условной, потому что, как правило, Кристофер громко плакал по ночам.

Несмотря на всю свою радость, Фил оказался в глубокой депрессии. Он писал Дороти в сентябре: «Сразу после рождения Кристофера у меня был послеродовой период, и я почти полностью вымотался (что со мной происходит нередко). Я связался с Центром психического здоровья округа Ориндж, и их терапевт поднял меня через три недели». Но депрессии повторялись; позднее, в том же году Фил рассматривал возможность лечь в психиатрическую больницу в Ла Хабра, но семья и финансы помешали этому переезду.

В тот сентябрь был один яркий момент признания карьеры, который фактически выразился в немедленно полученных 2000 долларов. Киностудия United Artists взяла на опцион роман

«Мечтают ли андроиды об электроовцах?» и была достаточно заинтересована в опционе, чтобы продолжать выплаты в течение нескольких лет. Фил возбудился и стал пришпиливать к стенам фотографии молодых актрис (таких как Виктория Принсипал), которые, как он чувствовал, могли бы подойти на роль Рейчел Розен (прекрасно сыгранную в фильме 1982 года «Бегущий по лезвию» актрисой Шон Янг).

Тем не менее страхи по поводу ответственности за нового ребенка, в сочетании с неустойчивыми доходами, беспокоили Фила настолько, что он выдвинул в другом сентябрьском письме к Дороти самооправдание по поводу того, что она, возможно, о нем думает:

> В этой стране есть тенденция смотреть с презрением на людей с финансовыми проблемами, на тех, кто теряет свой дом, свое имущество; я борюсь с таким отношением и горжусь тем, что, например, как я сказал в моем предыдущем письме, Станислав Лем считает меня единственным художником, работающим в этом поле деятельности. Кем бы я был тогда, если бы бросил это занятие?

Растущее признание его творчества было бальзамом, когда Фил остро нуждался и которое заслужил. Всего за несколько дней до его самооправданий Дороти, Фил написал французскому критику Марселю Таону в ответ на его вопросы о направлении его будущих романов. Фил объяснил, что теперь он видел «подлинную реальность изумительно простой: все прочее, возможно, было произведено нашими внутренними проблемами и властными устремлениями правящих классов».

Удивительно просто? Где-то некто, или нечто, засмеялось.

Глава 10
Февраль 1974–февраль 1975

Религиозный опыт абсолютен. Это бесспорно. Вы можете только сказать, что у вас никогда не было такого опыта, и ваш оппонент скажет: «Извините, у меня был». И на этом ваша дискуссия закончится. […] И если такой опыт помогает сделать вашу жизнь здоровее, красивее, полнее и более удовлетворительной для себя и для тех, кого вы любите, вы можете смело сказать: «Это была благодать Божья».

К. Г. Юнг, «Психология и религия»

Моя жизнь разделилась следующим образом: выживающая/культурная/духовная/посмертная (воскрешение от 3–74).

Фил, «Экзегеза» (1978)

Кто знает? Я не хочу углубляться в это, но у меня самого был опыт странных сновидений. Бог знает, что у нас в подсознании. Что бы Фил сказал об этом? Он бы сказал шесть разных вещей! А вот что скажу я. Любой, кто принимает это без смеха, все теряет.

Норман Спинрад, интервью

Annus Mirabilis[218]: информация – густой розовый свет, Черная Железная Тюрьма накладывается на Сад Пальмовых Деревьев, жизнь Кристофера спасена, бесценная мета-абстракция – но кто ЗНАЛ, что это значит в РЕАЛЬНОСТИ? Точно не Фил, когда это передавалось ему ночью во сне и объяснялось в

гигантских книгах

Несмотря на всю последующую неразбериху, которую он посеял, Фил никогда не сомневался, что видения и «голоса» февраля – марта 1974 года (опыты «2–3–74») и те, что были после, коренным образом изменили его жизнь.

Реальны они были или нет – это совсем другой вопрос. Как всегда. В поисках ответа Фил зависал как бы «между двух огней»:

Сомнение. Что он, возможно, обманывал самого себя, или что Это – чем бы Оно ни было – обманывало его.

Радость. Что Вселенная может просто содержать смысл, который ускользал от него на протяжении всей его жизни и творчества.

* * *

Эта диалектика лежит в основе восемь лет писавшейся «Экзегезы» (огромного рукописного дневника длиною почти в восемь тысяч страниц, посвященных решению проблемы «2–3–74») и романа «Валис» (1981 г.). А из этого стали разрастаться теории – его собственные, его друзей и критиков. Многие из этих теорий могли объяснить почти все.

Но давайте пока отложим в сторону теории и, в первую очередь, попытаемся разобраться в том, что случилось «2–3–74» и в последующие месяцы. Следует учесть, что опыты Фила за это время просто не укладываются в ясную, всеобъемлющую модель – создать подобную для них – значит исказить их безвозвратно. Они включают моменты сомнения, паники и тоски, и это заставляет их казаться слишком человеческими. Но временами также возникают моменты поразительной возвышенности, не говоря уже о чистом, захватывающем дух чуде. Они не доказывают ни то, что Фил был сумасшедшим, ни то, что из них возник некий «Святой Фил». В действительности опыты «2–3–74» ничто так сильно не напоминают, как непредсказуемый космический сюжет из научно-фантастического романа Филипа К. Дика, что неудивительно при учете того, кто был «испытателем».

В попытке выявить простой сюжет эта биография опирается на впервые осуществленное исследование «Экзегезы» во всей ее полноте. В сочетании с письмами, интервью и романами может быть сформировано предварительное целое. Фил никогда не записывал все это в одной хронологической последовательности, даже в «Валисе». И он редко рассказывал о каких-либо событиях

без того, чтобы свернуть в сторону и перейти на другую тему. Но пойдем дальше.

В феврале 1974 года был опубликован роман «Пролейтесь, слезы…». По всеобщему мнению, это была его лучшая книга со времен «Человека в Высоком замке». Роман был номинирован на премии «Небьюла», «Хьюго» и завоевал в 1975 году Мемориальную премию Джона У. Кэмпбелла[219]. Финансовое положение несколько улучшилось, поскольку продажи прав на переиздания в мягкой обложке таких книг, как «Высокий замок», стали приносить четырехзначные цифры. Семья проживала в приятной небольшой квартире. В Калифорнийском университете в Фуллертоне гордо размещались бумаги Фила в специальных коллекциях; время от времени его даже приглашали читать лекции. Но Фил общался немного. Каким-то образом Тесса и его друзья не сошлись, а Фил в браке всегда был менее общителен.

Неплохая жизнь, в общем-то, но в глубине души Фила оставались глупые страхи. Позже он напишет в «Экзегезе»: «Хотя я не могу этого доказать, я полагаю, что был запрограммирован умереть в марте 1974 года […]». Запрограммирован – кем или чем? Фил не был уверен, но неприятности с Налоговым управлением в этом тоже присутствовали. Он верил, что его «гражданское неповиновение» – присоединение к протесту *Ramparts* против налогов в годы войны во Вьетнаме – могло стоить ему пятнадцати лет тюрьмы. А время подачи апрельской налоговой декларации 1974 года приближалось. Фил был разорен и боялся, что Налоговое управление конфискует его активы.

Страхи распространялись и дальше. Он беспокоился, что каким-то образом привлек внимание правящих властей – американских, или советских, или и тех и других – к его трудам. Только что вышедший роман «Пролейтесь…» можно было бы прочитать как видение ГУЛАГа – так и тюрем, устроенных фашистской Америкой. И «Убик» заслужил нежеланную похвалу марксистских критиков в качестве блестящего разоблачения капитализма. Другие произведения прошлых лет также создавали возможности для ужасных интерпретаций.

Филу нужно было как можно быстрее выпутаться или, если угодно, хотя бы получить отсрочку. И «2–3–74» сделали свое дело, исполнили, как говорится, «то, что вы пожелаете». Иногда, как в этой записи 1978 года в «Экзегезе», Фил заходил так далеко, что называет это «тотальным психозом»:

> Да, это была милость ко мне – я перешел грань психоза в 70-х, когда Нэнси сделала то, что она сделала со мной, – в 1973 году, или около того, я пытался

> вернуться к своему «эго», но оно было слишком хрупким, и к тому же я испытывал слишком много финансовых и прочих давлений; налет на мой дом и все ужасы 1971 года оставили свой след – особенно из-за дел с Налоговым управлением я вытерпел тотальный психоз в марта 1974 года, был захвачен одним или несколькими архетипами. Бедность, семейная ответственность (новый ребенок) тому причиной. И страх перед Налоговым управлением.

В феврале 1974 года его страх усилился. Он также пережил мучительную телесную боль: удаление ретинированного зуба мудрости. Во время операции на полости рта Фил получил пентотал натрия[220]; потом боль осталась, хотя пентотал, казалось, должен был еще действовать. К дверям Фила доставили обезболивающее средство по рецепту:

> В дверь позвонили, и я пошел открывать, а там стояла девушка с черными-черными волосами и большими глазами, очень красивыми и глубокими; я стоял, уставившись на нее, тоже пораженный, смущенный, думая, что я никогда не видел такой красивой девушки, и почему она стояла там? Она вручила мне пакет с лекарством [«Дарвон»[221]], и я пытался придумать, что ей сказать, и тут заметил очаровательное золотое ожерелье вокруг ее шеи, и я спросил: «Что это такое? Оно действительно прекрасно», – просто понимаете, мне хотелось хоть что-нибудь сказать, чтобы удержать ее там. Девушка указала на главную фигуру в ожерелье, которая изображала рыбу. «Это знак, используемый ранними христианами», – сказала она и ушла.

Что именно произошло 20 февраля после того, как Фил глядел на золотую рыбку? Подсчеты Фила разрозненны, но длинная череда видений, кажется, началась в этот день, с внезапным инициированием того, что он воспринимал как прошлые жизни и как генетическую память. Фил почувствовал себя в первый раз, когда он был – не как личность, но как духовное существо – бессмертным:

> Знак (золотой) рыбы заставляет вас вспомнить. Вспомнить – что? Это нечто гностическое. Твое божественное происхождение; это связано с ДНК, потому что память находится в ДНК (филогенетическая память).

> Очень древние воспоминания, предшествующие этой жизни, запускаются. […] Вы вспоминаете; это ваша реальная природа. То есть истоки (от звезд). *Die Zeit is da!* [Время настало!] Гнозис гностиков: ты здесь, в этом мире, в брошенном состоянии, но ты не принадлежишь этому миру.

Фил позаимствовал термин, впервые используемый Платоном, – «анамнесис», для описания опыта припоминания вечных истин, Мира Идей, внутри нас самих. Но что могло объяснить внезапный анамнесис? Возможно, это было «сочетание пентотала и знака золотой рыбы – последний, возможно, подействовал гипнотически на меня: сочетание металла и солнечного света». Затем также он регулярно принимал прописанные дозы лития[222].

Фил никогда не останавливался на физической причине. Гораздо важнее «древние» или «филогенетические» воспоминания. Они всегда открывали римский мир, около первого века н. э. (период Книги Деяний и пик активности гностиков), как сосуществующий с нашим собственным современным миром. Как будто линейное время было иллюзией и истинное время было многослойным: одновременные реальности накладывались одна на другую – взаимопроникновение, видимое открытому разуму. Восприятие Филом вновь выявленного римского мира было разнообразным. В этой записи 1978 года в «Экзегезе» он стал гностиком Симоном Волхвом[223]:

> Когда я увидел знак золотой рыбы 2–74, я вспомнил мир Деяний – я вспомнил, что это мое подлинное время и место. Итак, я есть (*esse/sum*) вновь рожденный Симон, и не только 2–74 или 3–74, но всю мою жизнь. Я должен смело глядеть на это: я – Симон, но у меня была амнезия, но затем 2–74 я испытал анамнесис. Я Симон, и я бессмертен. И образ Симона лежит в основе легенды о Фаусте.

Однако более часто Фил называл этот античный персонаж Фомой (христианином первого века) или Ярким Огнем (духовной силой/полнотой мудрости и света). В то время как Яркий Огонь имел божественную природу, Фома был просто человеком. Фил чувствовал, что знает, как пытали Фому римские власти, которые безжалостно преследовали новый Логос. Вполне ясно, что плачевное состояние Фомы было параллельно положению самого Фила.

Фил никогда не останавливался на имени нового, двойного

сознания внутри себя. Его наиболее часто используемый термин был «гомоплазмат» – связь человека и богатой информацией «плазматической» формы жизни. Он также чувствовал, что эта новая мудрость, или благодать, была «запрограммирована» в нем к четырем годам, и это должно спасти его. Вступление в «Свободном радио Альбемута» (написан в 1976 году) исследует то, как это могло случиться. Мальчик (около четырех лет) дает слепому бородатому нищему пятицентовую монетку и получает от него клочок бумаги, который передает отцу:

> «Здесь говорится о Боге», – сказал его отец.
>
> Маленький мальчик не знал, что нищий на самом деле не был нищим, а представлял собой сверхъестественную сущность, посетившую Землю, чтобы проверить людей. Прошли годы; мальчик вырос и стал мужчиной. В 1974 году тот мужчина оказался в ужасно затруднительном положении, испытав позор, тюремное заключение и оказавшись лицом к лицу со смертью. У него не было способа выпутаться из этого положения. Как раз в это время сверхъестественная сущность возвратилась на Землю, наделила этого мужчину частью своего духа и избавила его от всех тягот. Мужчина так никогда и не догадался, почему сверхъестественная сущность явилась, чтобы спасти его. Он уже давно забыл о слепом нищем с длинной бородой и о той монетке, которую он ему дал.

В конце февраля и начале марта Филу приснился ряд кошмаров, которые усугубили его страхи. В некоторых из них появлялись те, кого он описал как «летающих монстров с лошадиными шеями (драконов)». В одном сне эти драконы устремились вниз на молодого Фила, который жил во сне с доисторическим племенем. Когда драконы приблизились, Фил превратился в своего питомца – саблезубую кошку – и вызывающе зашипел, но очутился в клетке, откуда не выбраться. Тесса пишет:

> Однажды ночью я проснулась от звука шипения большой рептилии. Я села и увидела, что Фил лежал и шипел во сне. Боясь прикоснуться к нему, я позвала его по имени. Мне было страшно, и с каждой секундой становилось все страшнее. Я почувствовала, что это не Фил шипел, а какой-то безмозглый зверь, который вселился в его тело. Я продолжала звать его по имени, все более и более настойчиво.
>
> Наконец, он перестал шипеть. Он немного поплакал

> и начал молиться на латыни: *Libera me Domine*. [Освободи меня, Господи.] Это было то, что он знал из оперы. Он повторял эту и другие молитвы в течение получаса, а затем заснул. Я не спала всю оставшуюся ночь. Сон Фила был настолько реальным для него, что он думал: это, должно быть, какой-то след памяти, а вовсе не сон.

Фил жил в кипящем психическом котле. Есть ли лучший способ выхода из него, чем поддать жару? Он читал о новых психиатрических исследованиях, указывающих на то, что большие дозы из водорастворимых витаминов улучшают нервную деятельность у шизофреников. Фил предположил, что для обычного человека такие дозы витаминов могут усилить одновременную работу обоих полушарий головного мозга, тем самым повышая как практическую эффективность, за которую отвечает левое полушарие, так и воображение, которым руководит правое полушарие. В журнале *Psychology Today* Фил нашел «рецепт». Конкретным источником стала статья под названием «Ортомолекулярная психиатрия: витаминные пилюли для шизофреников»[224] психиатра Харви Росса в апрельском номере за 1974 год (который появился, как это бывает с журналами, за месяц до своей напечатанной даты). Рецепт доктора Росса для мальчика, страдающего от гипогликемии и шизофренических видений: высокобелковая и низкоуглеводная диета. После каждого приема пищи – 500 мг никотиновой кислоты (витамина B_3), после первой недели увеличить до 1000 мг; 500 мг витамина С, после первого месяца увеличить до 1000 мг; 100 мг витамина B_6; 100 мг витамина B_2; 200 МЕ[225] витамина Е; таблетка-мультивитамин группы В. Все витамины были водорастворимыми. «Экспериментируя» с этой формулой, Фил случайно принял на семь граммов больше витамина С, чем требовалось. Конечный результат, как указано в «Экзегезе»: «впервые в моей жизни оба полушария сошлись вместе».

Были ли это витамины, что стимулировали яркие мартовские видения? Фил никогда не думал, что у них одна-единственная причина. Чем больше он размышлял, тем больше он обнаруживал кандидатов, вызвавших «расторможенность». Ведь приближалось весеннее равноденствие, время христианской и еврейской Пасхи и воскресения духа. И, каким-то образом, через несколько недель после доставки «золотой рыбкой» «Дарвона», Фил стал днем и ночью зажигать белые обетные свечи перед маленьким алтарем, который он соорудил в их спальне, где была также старая деревянная фигура святого с Филиппин. Затем он и Тесса приобрели наклейки на бампер автомобиля со знаком

христианской рыбы серебряного цвета на черном фоне и поместили их на окно в гостиной. Иногда, посмотрев на эти наклейки, когда солнце светило в окно, Фил видел розовые прямоугольные формы: они казались фосфенами.

Они являли собой бледные прообразы грядущего фейерверка. В июльском письме 1974 года Фил так описывал свои видения, которые начались в середине марта 1974 года:

> Затем […] лежа в постели, не в состоянии заснуть пятую ночь подряд, переполненный страхом и меланхолией, я вдруг начал видеть вихрь огней, которые убегали с такой быстрой скоростью – и мгновенно сменяли друг друга, – они принудили меня бодрствовать. В течение почти восьми часов я продолжал видеть эти пугающие вихри света, если так можно сказать; они все вращались, и вращались, и удалялись с невероятной скоростью. Что было самым болезненным, так это быстрота моих мыслей, которые, казалось, синхронизировались с огнями; это было, как если бы я двигался, и огни стояли неподвижно – я чувствовал, как будто я мчался со скоростью света, а не лежал рядом с женой в нашей постели. Мое беспокойство было невероятным.
>
> Через неделю, при аналогичных обстоятельствах, я снова начал видеть свет ночью. Но на этот раз совсем иначе […] маленькая свеча успокаивала меня, как и спокойное лицо 150-летней деревянной фигуры святого, которую привезли с Филиппин.
>
> На этот раз я увидел идеально сформированные современные абстрактные картины, которые я позже идентифицировал, рассматривая книги по искусству, как произведения вроде тех, что писал Кандинский. Там их были буквально сотни тысяч; они сменяли друг друга с ослепительной скоростью. […] Я узнал в них стили Пауля Клее и одну или две работы Пикассо разных периодов. […] Таким образом, я провел более восьми часов, наслаждаясь одними из самых красивых, и восхитительных, и трогательных видов, которые я когда-либо видел, сознавая, что это было чудо. […] Я не был автором этих рисунков. Само огромное их количество доказывало это.
>
> В последующие дни я чувствовал это. […] Должно быть, я был невольным участником эксперимента по экстрасенсорному восприятию. Это было наиболее

вероятно. Я знал, что ослепительная графика пришла ко мне извне, я почувствовал, что она содержит информацию и что я должен был ответить. Больше месяца я искал ответы, я даже написал в лабораторию экстрасенсорики в Ленинграде, спрашивая, используют ли они при экстрасенсорной трансляции дальнего действия современное искусство [т. е. живопись из собрания Эрмитажа]. Ответа не было. После этого я заткнулся и начал читать.

Работая самостоятельно, в полном вакууме, без подготовки, или опыта, или знания, мне приходилось полагаться только на собственную интуицию.

Я был убежден, что нечто живое пытается общаться со мной. Я был уверен, что оно явилось откуда-то сверху, – возможно, с небес. Особенно – звезды; я стал выходить из дому по ночам и наблюдать звезды под сильным впечатлением, что информация исходит от них.

Описания этих видений, которые Фил часто называл «фосфеновой графикой», появляются в «Свободном радио Альбемута», в «Валисе» и воплощаются в «костюм-болтунью» Фреда/Боба Арктора в «Помутнении». Их источник оставался скрытым, но навязчивость их содержания была безошибочной. Нечто намного большее, чем поток милых картинок, проходило через новое сознание Фила. Возможно, его «второе я» – Фома – был его правым полушарием мозга – или левым? Открывало ли незнакомое единство сознания новые реалии? Но графические изображения отмечали внешний источник, дарующий мудрость:

На первой стадии эксперимента мне нужно было совершить путешествие по книге «Бардо Тодол» [Тибетская Книга Мертвых], и я был внезапно удивлен, представ перед Афродитой, которую Эмпедокл считал порождающим принципом всей жизни, всей любви и формирования «красиса»[226] или гештальта во всей вселенной, который противостоит принципу борьбы. Что это значило, я в то время не знал.

Этот контакт с Афродитой был первым из множества столкновений с женскими аспектами божественного или, как иногда говорил сам Фил, с его собственной женской сущностью – через голос, который являлся ему во снах или в гипнотических состояниях. В то время как Фил часто называл это «ИскИном» (искусственным интеллектом), он приписывал ему женские качества и называл его не только Афродитой, но также и

Артемидой/Дианой, Афиной/ Минервой, Святой Софией (Премудростью Божьей – богиней гностиков) и сестрой-близнецом Джейн, с которой, как чувствовал Фил, он временами находился в телепатическом контакте.

Ровно год спустя, в марте 1975-го, Фил напечатал хвалебную песнь этим мартовским видениям и неизвестному «оно», скрывавшемуся за ними:

> *16 марта 1974*: оно появилось – в ярком огне, в сияющих цветах, с гармоничными очертаниями – и освободило меня от всякого рабства – внутреннего и внешнего.
>
> *18 марта 1974*: оно глядело изнутри меня на внешний мир и видело, что мир, к которому я – и оно – принадлежим, неисчислимый. Оно отрицало реальность, и власть, и подлинность мира, говоря: «Это не может существовать, оно не может существовать».
>
> *20 марта 1974*: оно полностью захватило меня, возвысив над ограничениями пространственно-временной матрицы; оно руководило мной, и в тот же момент я узнал, что мир вокруг меня был картонкой, фальшивкой. Благодаря его власти я внезапно увидел мир таким, каков он есть на самом деле; благодаря силе его восприятия я увидел то, что существует в действительности; благодаря его силе немыслимого решения я действовал так, чтобы обрести свободу. Оно вступило в бой, как победитель всех человеческих рабских чувств, всякого зла, всякого Железного Узилища.

20 марта действие, которое Фил предпринял, чтобы освободиться, было вызвано тем, что он назвал в «Экзегезе» «ксерокопированным посланием». Описания этого события представлены в «Свободном радио Альбемута» и, куда точнее, в «Валисе». У Жирного Лошадника (который в «Валисе» одновременно является и писателем-фантастом Филом Диком) есть сон о том, чтоб советская женщина по имени Садасса Улна связывалась с ним по почте. «Срочное сообщение вспыхнуло в голове у Жирного, что он должен ответить на ее письмо, когда оно придет». Лошадник сообщает по секрету своей жене Бет (ее прототипом была Тесса) о своем чувстве опасности. Затем наступает роковой день:

> В среду Жирный получил изобилие писем: целых семь. Не открывая их, он выудил одно, на котором не было имени отправителя и обратного адреса. «Вот оно, –

сказал он Бет, которая к этому моменту также была возбуждена. – Открой его и посмотри, но не позволяй мне видеть ее имя или адрес, а то я отвечу на него».

Бет открыла его. Вместо собственно письма она увидела ксерокопированный лист бумаги, на котором были помещены два книжных обозрения из леворадикальной нью-йоркской газеты *The Daily World*. Обозреватель описывал автора книг как советского гражданина, живущего в Соединенных Штатах. Из обзоров становилось ясным, что этот автор – член Партии.

«Боже мой, – сказала Бет, переворачивая листок. – Имя автора и адрес написаны сзади».

«Женщина?» – спросил Толстяк.

«Да», – ответила Бет.

Я [Фил] так никогда и не узнал от Лошадника и Бет, что они сделали с этими двумя письмами. Из намеков, оброненных Жирным, я сделал вывод, что оно было совершенно невинным; но что он сделал с ксерокопией, которая не была письмом в строгом смысле слова, я и по сей день не знаю, да и не хочу знать. Может быть, он сжег его, а может быть, – передал в полицию, или в ФБР, или в ЦРУ. В любом случае я сомневаюсь, что он на него ответил.

Тесса признается, что неделю, а то и дольше Фил ожидал письма, которое может «убить» его. Когда оно пришло, он дал его ей прочитать, но строго указал ей, чтобы она не давала ему это письмо. Тесса вкратце изложила ему его форму и содержание. Она вспоминает:

Отдельные слова в статье [книжном обозрении] были подчеркнуты – некоторые красным, а некоторые синим. Все эти слова были тем, что Фил называл «мертвыми сообщениями». Слова вроде «упадок», «разложение», «стагнация», «распад». Похоже было, что эта книга об упадке и разрушении американского капитализма. На конверте был обратный адрес – отель в Нью-Йорке, но имени не было [Жирный Лошадник в «Валисе», процитированном выше, говорит, что там было имя]. Как будто Филу следовало знать, кто отправил его, и как будто ему следовало написать ответ.

Фил подозревал, что это «ксерокопированное послание» каким-то образом связано с эпизодом его двухнедельной амнезии в Ванкувере в марте 1972 года.

> Типы мафиозного вида в черных костюмах возили его по кругу на заднем сиденье лимузина и задавали вопросы, которые он не мог вспомнить. Что за программу в него вложили? И кто? Он опасался, что ксерокопии книжных обозрений предположительно должны были что-то включить в нем, но затея провалилась. Он поделился своими страхами и размышлениями с Тессой, которая пишет: «Я верила ему. Он всегда спрашивал меня: «Я что – чокнутый?» И я всегда отвечала – нет. Я до сих пор верю, что он был в здравом уме. Сумасшедшие люди не спрашивают: «Я что – чокнутый?» Они знают, что они здоровы.

У Фила было острое чувство угрозы, исходящей от «ксерокопированного послания». Это побуждало его к немедленным защитным действиям. Впоследствии было чувство свободы – разрушенной кармы – и сильное чувство вины.

Как об этом намекается в «Валисе», Фил переслал «ксерокопированное послание» в ФБР. В записи 1978 года в «Экзегезе» он замечает, что настало время

(1) отвергнуть вербовку КГБ, или

(2) пройти тест на лояльность в ФБР, прикинувшись завербованным КГБ. «Звонки в Бюро отняли у меня двадцать один с половиной час. Это хороший счет (для прохождения теста). […] Не говорите мне, что это не Бог. Фосфены начались неделей раньше; я был готов ко всему, когда они появились».

У Фила было острое чувство, что кто-то контролирует его, чтобы направить его ответ на «ксерокопированное послание». В «Экзегезе» он предположил, что это был Фома – уже не ранний христианин, а мысленно руководящий им имплант, поставленный ему разведкой армии США. Согласно этой теории, Фил выбрал для Фомы альтернативное имя «Свинский отпрыск». Он сам или некто другой, так как у Фила было острое чувство, что с 20 марта его личность была захвачена и управляема, сделал поразительный шаг – позвонил не только в ФБР, но и в полицию Фуллертона. «Я машина», – соврал он офицеру, который ответил на звонок, – и попросил, чтобы его изолировали. Полиция не предприняла никаких действий.

Вскоре после этого Фил вновь обрел ощущение самоконтроля. Но он продолжал верить – в силу мудрости и инструкций, которые, по его мнению, были дарованы ему, – что он нуждается в опеке правящей власти, поскольку это необходимо для его личной безопасности. Поэтому Фил поддерживал связь с ФБР с марта по сентябрь 1974 года – несколько раз писал в их

офис в Лос-Анджелесе. Он собирался отрицать любые возможные сомнения в его лояльности со стороны Бюро. Письма включали объяснения защитного характера, почему левые критики ценят его произведения, и заверения в том, что его письма к советским ученым, занимающимся исследованиями экстрасенсорного восприятия, были попытками вынудить их попасться на приманку, с тем чтобы они сами себя разоблачили. (Осторожность Фила не была совсем уж необоснованной. В 1975 году, благодаря «Закону о свободе информации», Фил узнал, что письмо 1958 года, которое он написал советскому ученому, было перехвачено ЦРУ.)

На все свои письма он получил единственный ответ: 28 марта 1974 года ему пришло стандартное письмо от директора ФБР Уильяма Салливана: «Ваша заинтересованность оценена по достоинству, и присланным Вами материалам будет уделено соответствующее внимание». Заявив о своей лояльности, Фил почувствовал чуть больше комфорта и спокойствия. Страх, который мучил его со времени взлома в ноябре 1971 года, рассеялся.

Но сознание вины оставалось. Воспоминания об эре Маккарти и об агентах ФБР, которые в пятидесятые годы приходили к нему и Клео домой в Беркли, должно быть, приходили Филу на ум, когда он обдумывал свои действия. Во многих своих фантастических романах – больше всего в «Пролейтесь, слезы…» – он открыто порицал полицейский аппарат и информаторов, на которых он держался. Стал ли Фил тем, кого он презирал? В записи 1979 года в «Экзегезе» он копался в себе, докапываясь до источника трусости:

> Я в полной мере сотрудничал с моими притеснителями. Мне ничего не оставалось делать, чтобы улучшить свое положение; я шел своим путем, иногда вопреки собственным желаниям, и испытывал чувства, что
>
> 1) я делал правильные вещи для Бога и страны, и
>
> 2) я совершенно утратил беспокойство и оправдания (как и следовало ожидать). Фред в Бобе/Фреде [как в «Помутнении»] полностью победил. Я буквально доносил на самого себя! […]
>
> Страх убил во мне бунтарский дух в 3–74, и я никогда об этом не сожалел, поскольку меня это освобождало от страха. Они добрались до меня. Запугивание сработало, – к примеру, налет на мой дом. […]

Я боюсь
1) гражданских властей (Цезарь);
и
2) Бога (Валис).
Соответственно, можно сказать, что я боюсь власти, какою бы могучей она ни была.

В свою защиту Фил хотел бы подчеркнуть значительность опасности и прямое указание высшего разума, которое вынудило его к контакту с ФБР. Из более поздней записи 1979 года:

> Итак, я обратился к Богу, и к Бюро, и к финансовой безопасности. Что ж, простите меня. Я был совершенно безрассудным человеком, которым теперь не являюсь. Я хорошо сплю по ночам. […] Возможно, я поступил идеологически неправильно, но мудро. […] Мое обращение было не столько духовного характера, как обращение на путь мудрости, его правильнее определить такими словами, «как выжить». Это было моей целью: выживание. В этом я преуспел. По моему мнению, Премудрость Божья [Святая София] сама взяла в свои руки заботу о моей жизни и направляла меня. […] Я жил дикой, нестабильной, безрассудной, «донкихотской» жизнью и вскоре мог бы умереть. Поэтому не случайно, что Премудрость Божья посетила меня; я в ней нуждался чрезвычайно.

Следует отметить, что Фил никогда не был так труслив по отношению к «властям», как он здесь обвиняет себя. Что касается «Бога», Фил всегда подвергал сомнению саму его идею. Что же касается «Цезаря», то, несмотря на все его заявления в ФБР, Фил оставался откровенным в разговоре о злоупотреблениях администрации Никсона – в таких эссе, как *The Nixon Crowd*[227] (1974) и в таких романах, как «Свободное радио Альбемута» и «Валис».

Даже после того, как кризис с «ксерокопированным посланием» прошел, март 1974 года продолжал приносить свои сюрпризы. В его повседневной жизни происходили странные перемены. Домашние питомцы (включая любимого кота Пинки) казались более разумными, даже каким-то образом пытались с ним общаться. А затем еще и радио, которое продолжало играть даже после того, как Фил и Тесса отключили его и убрали на кухню.

Все началось с того, когда радио стало «доставать» Фила ругательствами по ночам. В «Свободном радио Альбемута»

главный герой, Николас Брейди, испытывает такое же мучение: «Николас – пидорас», – говорило радио, подражая голосу популярного вокалиста, чья новая пластинка только что рекламировалась. «Послушай, Николас-пидорас. Ты никудышный и скоро умрешь. Ты отброс! Ты пидорас, Николас! Умрешь, умрешь, умрешь!!» В интервью с Дж. Б. Рейнольдсом Тесса вспоминает: «Все дело в том, что мы оба слышали музыку, и она всегда играла с двух часов ночи до шести утра, а радио даже не было включено. […] Это была легкая музыка, но Филу слышалось, что она говорила ему, какой он дурной и ему пора умирать. Я этого не слышала. Мы сдались и снова включили радио, потому что с включенной музыкой спать легче».

Самым ярким из всех изменений стало появление лучей розового света, которые посылали информацию в мозг Фила. Пока Тесса верит в подлинный мистический характер переживаний Фила, она предполагает, что серебристо-черная христианская рыба с наклейки на бампер на их окне, возможно, играла здесь физиологическую роль, но Фил начинал видеть розовые прямоугольные изображения на стенах квартиры даже тогда, когда не смотрел на знак рыбы в солнечном свете. Когда он загорался, розовый световой луч ослеплял, как мигающая вспышка, перед лицом у Фила. Луч был насыщен информацией и полон духовных сюрпризов. Как-то один раз он научил Фила, как совершать евхаристию сыну Кристоферу, согласно обрядам ранних христиан. Эта церемония описана в «Валисе»:

> В марте 1974 года, когда мною полностью владел ВАЛИС и контролировал мое сознание, я провел правильное и сложное посвящение Кристофера в ряды бессмертных. […]
>
> Это был опыт, которым я дорожил. Это было сделано в полной тайне, даже от матери моего сына.
>
> Сначала я приготовил кружку горячего шоколада. Потом я приготовил хот-дог на булочке с обычными приправами. […]
>
> Сидя на полу в комнате Кристофера вместе с ним, я – или, вернее, ВАЛИС во мне, как и я, – играл в игру. Сначала я в шутку поднял чашку с шоколадом над головой сына, а потом, словно случайно, плеснул теплый шоколад на его голову, на волосы. Хихикая, Кристофер попытался вытереть жидкость; я, конечно, помогал ему. Наклонившись к нему, я прошептал:
>
> «Во имя Сына, Отца и Святого Духа».
>
> Никто не слышал меня, кроме Кристофера. Потом,

> когда я стер теплый шоколад с его волос, я начертал знак креста у него на лбу. Я его окрестил, а теперь и причастил его; я сделал это не по воле какой-либо церкви, а по воле плазмата, живущего во мне: самого ВАЛИСА. Затем я сказал своему сыну: «Твое тайное имя, твое христианское имя – это…» И я сказал ему это имя. Его должны знать только он и я; он, я и ВАЛИС.

Фил был уверен, что с ним общается некое существо на протяжении «2–3–74», и одним из имен, которые он давал, было ВАЛИС, Всеобъемлющая Активная Логическая Интеллектуальная Система[228]. Валис предоставлял информацию Филу иными способами, а не только через розовый свет. Серия обучающих снов, которая началась в марте, еженощно продолжалась летом и периодически возвращалась на протяжении всей оставшейся жизни. В письме от июля 1974 года Фил настаивал, что «наиболее жутким и в то же время самым веским доказательством случившегося является то, что происходило нечто действительно реальное в моих продолжающихся переживаниях во время сна. Вскоре после восьмичасового представления ослепительной графики я начал получать то, что, как я думаю, не является снами, так как они не похожи ни на какие сны, которые у меня когда-либо были или даже о которых я читал». Фил считал, что информация, которую они содержали, была подсознательно закодирована во время графического представления 18 марта. В июньском письме 1974 года он описал поток снов:

> […] Я надеялся на повышение эффективности нервной системы. Я получил больше: подлинную информацию о будущем, поскольку в течение следующих трех месяцев [начиная с марта], почти каждую ночь, во время сна я получал информацию в форме из распечаток: слова и предложения, буквы, и имена, и цифры – иногда целые страницы, иногда в виде писчей бумаги или голографического письма, иногда, как ни странно, в виде детской коробки с хлопьями, на которой была написана и напечатана разнообразная довольно содержательная информация, и, наконец, корректурные гранки, которые мне следовало прочитать, поскольку, как было сказано, в моем сне «содержатся пророчества о будущем», и в течение последних двух недель – огромная книга, снова и снова, страница за страницей с печатными строчками.

Информация из будущего? Фил уже в «Убике» и «Время,

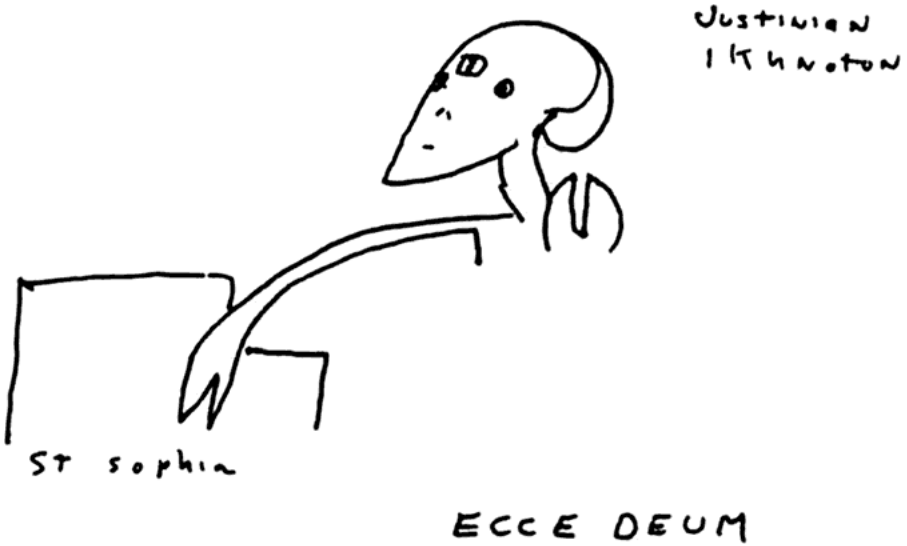
назад» постулировал некий Логос, который мог перемещаться назад во времени или обращать время вспять, чтобы даровать знание и спасение. И его исследования «2–3–74» обнаруживали заманчивые исследования физиками тахионов – частиц, которые двигаются со сверхсветовой скоростью обратно во времени, и они могли бы теоретически нести информацию из будущего. Каким бы ни был источник, основная проблема оставалась: сны редко предлагали четкие указания. Часто информация поступала в виде нелогичных языковых фрагментов (один из них, «Арамчек», стал именем персонажа в «Свободном радио Альбемута») или в виде последовательностей целых чисел. У некоторых слов и фрагментов были санскритские корни или появлялись фразы на греческом-койне (язык Ближнего Востока во времена Христа), например, *poros krater* («известняковая чаша»), *crypte morphosis* («слабое очертание») и «Общество Рипидон» (*rhipidos*: веер; это общество играет ключевую роль в «Валисе»). Были также названия «Фомальгаут[229]» и «Альбемут», которые у Фила ассоциировались с далекой звездой – Сириусом, откуда, как он рассуждал, могла передаваться информация. Затем, опять же, греческий-койне указывал, что Асклепий, бог исцеления, чьим отцом был Аполлон, а его мачехой – Кумская Сивилла (возможный источник «Голоса ИскИна»), мог быть его еженощным наставником.

В одном сне появились «опаленные страницы», как будто «книга прошла через огонь, но была спасена». Фил не всегда был уверен, что он хочет принять то, что, как он чувствовал, его «заставляли» читать. Некоторые из текстов снов указывали на зловещие заговоры «религиозных фанатиков», результатом которых явились смерти Пайка, Мартина Лютера Кинга-младшего и Роберта Кеннеди. Между тем, гипнагогические[230] голоса предлагали таинственные предсказания. Засыпая однажды вечером в июле 1974 года, Фил «услышал ее (ты знаешь, мою аниму, Сивиллу), поющую вместе с хором: «Шлепанцы надень,/ Встречая новый день»[231]. В январе 1975 года в гипнагогическом состоянии до него дошло: «Святая София возродится снова». (Альтернативная версия: «София собирается возродиться вновь; в ней раньше не было нужды».) Читатели «Валиса» должны узнать эти предсказания.

Вдобавок бывали и такие сны, в которых появлялись трехглазые существа. В «Валисе» Фил пишет о двойственности персонажа – «Лошадник/Фил»:

> В марте 1974 года, в то время, когда он столкнулся с Богом (точнее, с Зеброй), ему снились яркие сны о трехглазых людях – он мне рассказывал об этом. Они

проявляли себя как сущности киборгов: завернутые в стеклянные пузыри, шатающиеся под тяжестью технологического снаряжения. Их странный внешний вид появился внезапно, что озадачило и Жирного, и меня; иногда в этих снах, похожих на видения, можно было видеть советских техников, которые спешили починить неисправности в сложной технологической коммуникационной аппаратуре, в которую были заключены трехглазые люди.



В «Экзегезе» Фил нарисовал изображения этих существ и иногда идентифицировал их третий глаз с глазом мудрости (чакрой Аджной) индуизма и буддизма. Он также исследовал возможность того, что они были высокоразвитыми инопланетянами, которые с помощью спутника посылали информационные лучи и таким образом связывались с ним. По поводу такого теоретизирования рассказчик Фил делает заключение в «Валисе»: «К настоящему времени Жирный Лошадник полностью потерял связь с реальностью». В реальной жизни Фил был в равной степени осведомлен о том, насколько его богатый ассоциациями образ мысли, – где не было «мертвых» богов, которые не могли бы возродиться в человеческой душе, – прозвучал бы для других. Из июльского письма 1974 года, которое Фил включил в «Экзегезу»:

> Я ясно вижу, как говорю об этом своему психотерапевту. «Что у тебя на уме, Фил?» – спросит она, когда я войду, и я отвечу: «Асклепий – мой наставник из

> Афин времен Перикла. Я учусь говорить на аттическом греческом языке». Она скажет: «Да неужели?» – и я буду уже на пути к Блаженным Рощам, это случится не после моей смерти; это будет в стране, где тишина и услуги стоят $100 в день. И вы получите столько яблочного сока, сколько захотите выпить, но вместе с торазином[232].

Как видно из этого письма, Фил был не из тех, кто теряет чувство юмора, даже когда дело касалось его собственных «божественных» откровений. Напротив, Фил всегда сохранял способность видеть, насколько странными могут казаться его переживания. Мало того что он мог смеяться над ними, он мог также подвергнуть себя яростному скептическому допросу – как в «Экзегезе», – такое автоинтервью будет процитировано далее в этой главе. Фил не был ни легковерным, ни глупым. Он не держал ни одного набора убеждений относительно того, что с ним происходит. И все же он обладал моральным мужеством относиться ко всему этому серьезно, как к источнику возможного знания, а не отбрасывать все это полностью. В Америке, если вам не повезло иметь видение духовного характера, оно будет больше соответствовать доктринам государственной церкви. Если это не так, то вы попросту сумасшедший. Фил прекрасно знал, каковыми его опыты могут казаться другим людям. Но он был бы проклят, если бы собирался отрицать сам единственный путь размышлений.

К июлю 1974 года Фил рассматривал возможность того, что его душа слилась с душой его друга – покойного епископа Пайка. В конце концов, ведь так много небольших перемен в Филе, казалось, отражали вкусы Пайка:

> Теперь я уже не тот человек. Люди говорят, что я выгляжу иначе. Я потерял вес. Кроме того, я заработал много денег, делая то, что Джим говорит мне делать, больше денег, чем когда-либо прежде за короткий период, делая вещи, которые я никогда не делал, и представить себе не мог, что буду их делать. Еще более странно, что я теперь пью пиво каждый день и никакого вина. Раньше я пил только вино, а не пиво. Я заглатываю пиво. Причина, по которой я его пью, в том, что Джим знает, что вино вредно для меня – кислотность, осадок. Он также заставил меня подстричь бороду. Для этого мне пришлось пойти и купить специальные парикмахерские ножницы. Я даже не знал, что такие бывают.

Кроме того, без причины, приписываемой епископу Пайку, Фил начал называть собак «он», а кошек «она» – в противоположность действительности[233].

Но каковы были связанные с деньгами инструкции Джима/Фомы/Валиса/Кого-то-еще, данные Филу? В интервью 1979 года Фил заявил: «Оно сразу же привело все мои дела в порядок. Оно уволило моего агента и издателя». Ну, Фил сам никогда не отказывался от своего издателя, Doubleday, хотя он был чрезвычайно разгневан, когда в апреле – мае были названы несоответствующие суммы продаж романа «Пролейтесь…»; Филу казалось, что Doubleday, опираясь на молчаливую поддержку или тайный сговор с Агентством Мередита, пыталось обобрать его на авторских роялти. Кроме того, он возмущался низким авансом в две с половиной тысячи долларов за издание «Пролейтесь…» в мягкой обложке издательством DAW, устроенное Doubleday. В письме от 5 мая Фил запросил аудит тиражей всех своих предыдущих романов, опубликованных в Doubleday. И в еще более оскорбительном письме от 7 мая, которое Фил, может быть, и не отправил (редактор Лоуренс Эшмид, адресат, не помнит, чтобы получал его), Фил рассказал историю незадачливого НФ-писателя «Чипдипа К. Килла» (имя Фила из пародии Джона Слейдека 1973 года) – автора романа «Потоки слез, сказал ограбленный автор», ставшего жертвой издательства «Собачьедерьмо Букс» и его агента, «Пенки Снимателя»[234].

В письме от 4 мая он отказался от услуг Агентства Мередита после двадцати двух лет сотрудничества. Основной причиной этого стало то, что агентство не поддержало его в споре с издательством Doubleday. Фил оказался неправ в своих утверждениях по поводу завышенных тиражей «Пролейтесь…», в чем он сам вскоре признался. И предложенная DAW ставка в две с половиной тысячи долларов на права издания «Пролейтесь…» в мягкой обложке была самой высокой; с этим ничего не поделаешь. В письме от 12 мая Фил восстановил свой статус клиента агентства. Тем временем, однако, он начал переговоры с агентом Робертом Миллсом, которые он не прекращал до октября, сохраняя за собой право выбора. 12 мая Фил потребовал принять одно условие, что в некоторой степени подтверждало рост его практической хватки – и заработков, благодаря событиям «2–3–74».

Фил требовал, чтобы агентство перечислило ему все причитающиеся ему гонорары от издательства Ace Books. В начале семидесятых годов Американская ассоциация писателей-фантастов предъявила претензии издательству Ace от имени ряда авторов по поводу гонораров и добилась своего. Шум, который

поднял Фил, вынудил Агентство Мередита от его имени проверить отчеты Асе по роялти, и к 28 мая издательство выплатило Филу более 3000 долларов.

Но все сны, видения и трезвая смекалка привели к суровым физическим жертвам. Фил страдал от гипертензии в течение многих лет; во время их брака, в апреле 1973 года, как вспоминает Тесса, его артериальное давление было в среднем 200/160. Опыт Фила «2–3–74», кажется, усугубил гипертонию. В начале апреля он был госпитализирован после того, как его артериальное давление (как указано в «Валисе») поднялось до 280/178: «Доктор провел все возможные тесты во время пребывания Жирного Лошадника в больнице, чтобы найти физическую причину повышенного артериального давления, но никаких причин не обнаружили». С 1972 года он не пользовался стимуляторами. Тесса убеждена, что в эти дни Фил пережил серию микроинсультов, и отмечает, что врач Фила это предложил в качестве вероятного диагноза:

> Временами я думаю о «микроинсультах», когда он спотыкался без видимой причины, когда он внезапно становился бледным или краснел, когда он замолкал, не договорив предложения. Это были времена, полные стресса, и я верю, что у него были инсульты, хотя и очень малые. Если бы дух не сказал ему пойти к врачу, он мог бы умереть. Хотя он должен был регулярно проверять кровяное давление, он не ходил к врачу. Он всегда находил какое-то оправдание (обычно простуду) для пребывания дома. Однако дух заставил его пойти к врачу. Когда он пришел, доктор сказал ему, что надо ложиться на обследование в госпиталь.

Затем Тесса добавляет: «Не был ли его опыт не чем иным, как серией микроинсультов? Я в этом сомневаюсь, хотя у меня нет сомнений в том, что у него были удары».

За пять дней, проведенных в больнице, Фил приобрел подарки для своих приятелей-пациентов – маленьких девочек, страдающих от мышечных патологий. Кроме того, он говорил о своем опыте с одним пастором католической церкви и двумя пасторами епископальной, которых он просил навестить его. Во время одного из визитов Тессы некоторые бумаги Фила были украдены из их квартиры. Тревожное эхо Санта-Венеции.

Фил достаточно оправился от гипертензии, чтобы присутствовать в начале мая на местном конвенте любителей фантастики «КарсаКон», устроенном учениками старшей школы. Тим Финни, который организовал приезд и других светил жанра,

таких как Брэдбери, Спинрад и Старджон, вспоминает, что Фил лучше всех ладил с молодой аудиторией. Несмотря на этот публичный триумф, он отменил свое участие в июле 1974 года в «ВестерКоне», где он был назван почетным гостем. Но даже в безопасных стенах своей квартиры с видениями и младенцем, который часто плакал всю ночь, наступало изнеможение. Тесса вспоминает:

> Это [«2–3–74»] сделало Фила более веселым в совместной жизни. Каждый день приносил приключения. Это также изматывало нас. Так долго ты можешь только накапливать адреналин. […] У Фила были более тяжелые периоды депрессии, чаще, чем у меня. Он, бывало, лежал в постели в течение целой недели, нуждаясь в том, чтобы ему принесли еду три раза в день, плюс перекус. Иногда его аппетит был вялым, но чаще всего он ел с жадностью. Он вставал каждые несколько часов и печатал на машинке – письма, заметки, свой последний роман.
>
> Он засыпал, потом просыпался и как бешеный бежал в ванную, за стаканом воды. Видите ли, во время сна иногда он срыгивал и давился желудочным соком. Мне приходилось бросать все, чем бы я ни занималась, или просыпаться – и приносить ему попить, обнимать его и утешать, говорить с ним, как с маленьким ребенком, чтобы помочь ему преодолеть эту травму.

В мае 1974 года Филу был нанесен нежелательный, как он считал, визит марксистски ориентированных французских критиков; он сообщил о визите в ФБР. Эти критики нашли в «Убике» метафору упадка капитализма. Фил пожаловался Финни: «Для меня оно [место действия романа], будь то Кливленд или Де-Мойн, – я не думаю об этом как о капиталистической стране. […] Для них – они материалисты; для меня – я личность. Я видел в этом духовное путешествие вдаль от этого мира».

Визионерские опыты Фила неслись в быстром темпе. Одними из самых заметных были его неоднократные наблюдения «Золотого прямоугольника» (на основе «золотого сечения» искусства Античности; численно выражено в константе Фибоначчи[235] 1,618). В «Свободном радио Альбемута» Николас Брейди описывает видение:

> То, что я видел сейчас, было дверью, пропорциональной мерой, которую греки называли «Золотым прямоугольником», который они считали

> идеальной геометрической формой. Я неоднократно видел эту дверь, отмеченную буквами греческого алфавита, форма которой отражена в обычных предметах: подставка для словаря, базальтовый блок, музыкальная колонка. И один раз, удивительно, но я видел, как Пинки [кот Фила] рванулся наружу из-за границы двери в наш мир, только не таким, каким он был раньше: гораздо больше, свирепее, как тигр, и, самое главное, наполненный до отказа жизнью и здоровьем. […] [Брейди] заглянул за дверь: статичный пейзаж, ночное, тихое черное море, небо, край острова и, что удивительно, неподвижная фигура обнаженной женщины, стоящей на песке у кромки воды. Я узнал эту женщину; это была Афродита. Я видел фотографии ее греческих и римских статуй. Пропорции, красота и чувственность не могли ввести в заблуждение.

В июльской записи 1974 года в «Экзегезе» Фил говорит относительно греко-римского содержания его снов и видения «Золотого прямоугольника»:

> Если оно [его бессознательное] показывает мне «Золотой прямоугольник», оно делает это для того, чтобы успокоить меня этим предельно эстетически сбалансированным знаком; оно имеет прочную терапевтическую цель. Это использование всего своего абстрактного материала для подлинной цели, для меня, по большому счету. Это наставник для меня, как Аристотель был для Александра. […] Я чувствую здесь Аполлона, и это согласуется с тем, что Кумская Сивилла была его оракулом. Умеренность, разумность и сбалансированность – это добродетели Аполлона, с ясным сознанием и рациональностью. *Syntosis* [внутренняя гармония].

События, окружавшие смерть Пинки от рака осенью 1974 года, были для Фила дальнейшим визионерским подтверждением. Двумя годами ранее, когда Фил подхватил пневмонию во время завершения работы над «Пролейтесь…», Пинки лежал у него поперек живота и заботился о нем так, как может только кот. Фил выздоровел, но теперь настало время умирать Пинки:

> Той воскресной ночью, за четыре дня до смерти Пинки, он, и Тесса, и я лежали на кровати в спальне, и я

> увидел бледный белый свет, наполняющий комнату, который равномерно распределялся, и я увидел Пинки, бездейственного и беззащитного, как подсадная, вечно плавающая утка, и я невероятно испугался и все повторял: «Смерть в комнате! Я умираю!» Я начал неистово молиться, на латыни, и молился почти полчаса. Я знал, что Пинки не мог этого видеть, – это видел только я. Смерть была там, но я думал, что она пришла за мной. Я знал Пинки, и я должен был с ним разлучиться. «В течение следующих четырех дней, – сказал я Тессе, – наступит смерть». Она сказала: «Ты чокнутый». Позднее той ночью мне приснилось, что в меня оглушительно открыли огонь; со мной было все в порядке, но женщина рядом со мной была разорвана в клочья и умирала. Я бросился ей на помощь. Тремя днями позже Пинки умер. […] И в тот вечер, когда он умер, а я находился в это время в ванной, я почувствовал крепкую руку у себя на плече; я был уверен, что Тесса вошла в комнату вслед за мной, и я обернулся, чтобы спросить ее – зачем. Но там никого не было. Это было прикосновение моего уходящего друга; он на мгновение сделал паузу, чтобы проститься.

До того как умер Пинки, Фил сам пережил свой собственный физический кризис. В начале августа, во время спора с Тессой, Фил швырнул морскую раковину об стену и болезненно вывихнул плечо, которое он раньше уже травмировал в 1964 и 1972 годах. После восстановительной операции Фил продолжал сочинять новый роман – *Valisystem A,* – диктуя его текст на маленький магнитофон. (*Valisystem A* и второй задуманный роман, *To Scare the Dead* со временем расцвели в «Свободное радио Альбемута» и «Валис»; эта последовательность детально рассмотрена в главе 11.)

Пребывая в болезненном состоянии на исходе лета, Фил был ошеломлен информацией, полученной от «розового света», о том, что Кристофер страдает от потенциально летальной паховой грыжи. Этот диагноз подтвердил их врач, который и провел хирургическую операцию в октябре. Из записи 1977 года в «Экзегезе»:

> Я вспоминаю. Я сижу с закрытыми глазами и слушаю [в 1974 году] *Strawberry Fields* [песня «Битлз»]». Я поднимаюсь. Я открываю глаза, потому что в тексте песни звучат слова: «Идущий по жизни с закрытыми глазами». Я гляжу в окно. Свет ослепляет меня; у меня

внезапно начинается головная боль. Мои глаза закрыты, и я вижу странное розовое земляничное мороженое. В тот же момент мне передается знание. Я иду в спальню к Тессе и рассказываю о том, что до меня дошло: у Крисси необнаруженный врожденный порок, и его срочно нужно отвезти к доктору и подготовить к операции. Как выяснилось, это оказалось правдой.

Что произошло? Что общалось со мной? Я мог читать и понимать тайные послания, «помещенные в низшее тело» [цитата из гностического текста].

Фил наслаждался тем фактом, что популярная песня даровала ему необходимую мудрость. Из записи 1980 года в «Экзегезе»: «Бог разговаривал со мной через мелодию «Битлз» (*Strawberry Fields*). […] Случайный набор мусора, взметенного ветром, и в этом – Бог. Мелкие частички и обломки, взметенные вместе, чтобы образовать единство». Но Фил оставался Филом, поэтому он высказывал противоположные взгляды на одно и то же явление с равной убедительностью. Из записи 1981 года: «Луч розового цвета зажегся в моей голове, поскольку речь шла о ВАЛИСе, – и я всегда в глубине души думал, что это не Бог, а технология, и технология из будущего».

В сентябре Филу нанес визит коллега, писатель-фантаст Томас Диш. Каждый из них восхищался произведениями друг друга; Диш вспоминает, что Фил воспринимал его как «великого рационалиста, который собирался доброжелательно, но объективно исследовать его теорию случайностей. Это необычные социальные обстоятельства для встречи с кем-то в первый раз». Их беседа, подпитанная пивом, длилась двенадцать часов. Казалось, на кон была поставлена честность Фила. Диш говорит:

Мы обсуждали, могут ли у снов быть какие-то внешние источники. Он хотел бы выяснить, как иначе ему удавалось слышать древнегреческий язык? Но я сказал ему, что та часть сознания, которая работает во сне, не может убедительно доказать, что мы слышим именно греческий язык. Ему не понравился этот мой довод.

Я был поражен. Он был полон решимости заставить меня сказать, что да, это религиозный опыт. Все это походило на армрестлинг, длящийся часами, и никому из нас не удавалось положить руку соперника на стол.

Я был несколько скептичен и считал, что в нем сильно играет воображение. В то же время я думал: интересно – какое мастерское мошенничество, и оно

дает свои плоды. Он профессиональный иллюзионист, придумывающий разные верования, – другими словами, мошенник. Он хотел систематизировать все, что являлось его воображению. И самой большой его радостью было заставить людей верить, он ЛЮБИЛ заставить тебя поверить. Делал это для выдающихся романов, но когда он заходил слишком далеко, то это становилось просто бредом. Стремление перевести все воображаемое в объект веры или, возможно, отстраненной веры, было для него чем-то вроде головокружительного взлета. Хотя его способность «сшивать» все эти вещи вместе свидетельствует о его таланте романиста.

Что касается Фила, то он был воодушевлен их беседой; в частности, он оценил предположение Диша, что «2–3–74» напоминали пророческий энтузиазм, вдохновлявший Илию. Длинные фрагменты в «Экзегезе» посвящены этой теории, которая плодотворно воплотилась в «Валисе» и «Божественном вторжении».

Но в последние месяцы 1974 года Голливуд и Слава пришли к нему, и у Фила появились небывалые возможности для рассмотрения, помимо проблем, порожденных «2–3–74».

В сентябре французский кинорежиссер Жан-Пьер Горен[236] встретился с Филом, чтобы предложить покупку прав на экранизацию «Убика». У Фила к этому времени уже было три опциона от разных голливудских продюсеров – на романы «Порвалась дней связующая нить», «Стигматы Палмера Элдрича» и «Мечтают ли андроиды об электроовцах?». Но Горен, который раньше сотрудничал с Жан-Люком Годаром, был аутсайдером в голливудском мире. Через день после благополучных обоюдных «мозговых атак» Горэн и Фил пришли к соглашению, по которому Горен заплатил Филу из своего собственного скудного кармана полторы тысячи долларов, чтобы тот сделал первый черновик сценария к 31 декабря 1975 года с тем, что он получит еще две с половиной тысячи долларов по предоставлении финальной версии сценария. Все складывалось блестяще: Фрэнсис Форд Коппола заинтересовался этим проектом и согласился продюсировать фильм. Но сделка с Копполой сорвалась. Фил все же взялся за сценарий и написал его за месяц, а не за год, как было оговорено, чего Горен не ожидал, и это вызвало у него серьезные затруднения с оплатой (все же со временем он заплатил Филу причитающееся). В конце концов, несмотря на большие усилия, Горену так и не удалось найти финансовую

поддержку для этого проекта.

В интервью, данном Д. С. Блэку, Горен вспоминал о своей встрече с Филом в сентябре 1974 года:

> Он был широкоплечим, исполненным энтузиазма парнем, который при первом же общении оказался очень простым и очень остроумным. Несомненно, из нашей беседы выяснилось: он был очень поражен, что некоторые французские «чуваки» говорят о нем как о прозаике. Ему очень нравилось тысячу и один раз в минуту ссылаться на то, что было одним из его хобби – на поэзию «елизаветинцев», – по любому поводу. […] Там была очень странная женщина, с которой он в то время жил, – вид у нее был эксцентричным и она чем-то напоминала «Писклю» Фромм[237]. Короткая юбка, длинные волосы; он постоянно подтрунивал над ней. Мы говорили о женщинах, сексе и литературе. Очень большой парень, да еще и хвастун – что-то вроде поп-культурного Хемингуэя. Очень, очень теплый и искренний в общении.

Два других посетителя с кинематографическими устремлениями объявились в ноябре. Роберт Джаффе, сын продюсера Херба Джаффе, написал сценарий по «Андроидам», который Фил возненавидел безоговорочно, хотя ему понравились вульгарные сплетни «Фабрики грез», принесенные Джаффе; Херб Джаффе не стал продлевать опцион. Второй посетитель, Хэмптон Фэнчер, тоже интересовался «Андроидами». Он дважды посетил Фила в его квартире в Фуллертоне, один раз даже в сопровождении актрисы Барбары Херши, которая ослепила Фила. Фэнчер вспоминает, что Фил относился к нему как к «жующему сигару голливудскому продюсеру, совершившему грабеж». Несмотря на это напряжение, Фэнчер оставался очарованным:

> Он был роскошным, располагающим к себе, избыточно несдержанным – войдите в мой дом, отобедайте со мной, «мой дорогой», и так далее. Прямо почти как Германик. Там не было места для двусторонних переговоров, не было местечка для чужого эго. Он был гениальный парень. Его глаза сияли, он был близок мне по духу.
>
> Я начал думать, что он немного… немного привирает. Он рассказывал мне такие вещи, что я не понимал – верит ли в них он сам или нет. Некоторые из этих вещей, если он действительно верил в них,

> отдавали паранойей – если не клинической, то, по крайней мере, ее симптомами. Он говорил, что ФБР постоянно следит за ним. И он, как актер, переигрывал, изображая агентов ФБР в лицах. Когда он рассказывал, как эти агенты приходили к нему, он оглядывался по сторонам, становился на то место, где он тогда находился, и радовался тому, что на него смотрят.

Между тем, рекламная площадка, которая возводилась с 1973 года, наконец-то была построена. Пол Уильямс провел интервью в ноябре 1974 года для журнала *Rolling Stone*. Вскоре после этого штатный корреспондент из *New Yorker* Тони Хисс взял интервью у Фила для двух последовавших друг за другом материалов из цикла «Городские разговоры» (27 января и 3 февраля 1975 года) [238]. В них Фил был назван «нашим любимым научным фантастом», чтобы это не воспринималось, а Агентство Мередита и не восприняло, что *New Yorker* опубликовал ерундовый рассказ Фила Дика как бы на пари.

Одна из тем, которую обсуждали Фил с Уильямсом в те дни, когда его навещал Фэнчер, ранее затрагивалась и самим Фэнчером. Паранойя. Филу не очень нравился сам этот термин, но он допускал его право на существование: «Хорошо. Я временами думаю, что вселенная враждебна. […] Теперь я переполнен страхами по поводу того, что она, эта вселенная, может узнать, насколько я сам от нее отличаюсь». Затем Фил сделал предположение, что религиозная вера выворачивает паранойю «наизнанку», тем самым духовно оправдывая ее:

> Вы видите, как движутся события, и если вы не обладаете какой-то сверхъестественной точкой зрения, каким-то мистическим взглядом, религиозным взглядом, то тогда для вас ход событий определяют люди. А кто же еще? […] Вывернуть все наизнанку лучше, чем отвергнуть. Это очень просто и удобно; это выстраивает и направляет наши индивидуальности, и так далее. Но сам-то я чувствую, что вселенная – это живой организм, а мы являемся ее составными частями. И она подобна дышащему созданию, вроде Атмана, который, как вы знаете, является дыханием, пневмой, дыханием Бога […].

Фил был удостоен в этот «год чудес» последним знаменательным видением Сада Пальмовых Деревьев в январе и феврале 1975 года. В записи 1981 года в «Экзегезе» он написал, «что есть иная форма пребывания-в-мире, которая ассоциируется

у меня с периодом от февраля 1974-го до февраля 1975-го, который я называю Садом Пальмовых Деревьев или, как я определил это для себя, – Беспредельным Царством […]». В «Экзегезе» Сад Пальмовых Деревьев (СПД) противопоставлен Черной Железной Тюрьме (ЧЖТ) Империи, Которой Нет Конца (царства Властей). Фил включил свое видение СПД в «Господа Гнева» – книгу, написанную совместно с Роджером Желязны. Он писал Дороти: «Я бродил по нему [СПД] часами, наслаждаясь его видом, совсем как доктор Абернати. […]». А этот фрагмент был написан, собственно, самим Филом:

> Доктор Абернати чувствовал, что весь мир ополчился против него, но он не мог понять причины этого. Тогда он просто пошел на рынок, чтобы купить овощей […]
>
> Он думал, что где-то какое-то доброе событие должно произойти, и оно распространится повсюду. К своему удивлению, он увидел пальмовые деревья. […] И тут же – иссушенная пыльная земля, как будто бы я на Ближнем Востоке. Другой мир; другая протяженность; другие соприкосновения. Я не понимаю, думал он. Что происходит? Как будто мои глаза смотрят по-особому. […]
>
> Он решил, что явилось некое божество. Как писал Мильтон, «из зла рождается добро». […]
>
> Затем, подумал он, возможно, мир очистился от сковывавшей его пленки через дурной акт… или я уже вхожу в тонкости? В любом случае он почувствовал разницу; она была вполне реальной.
>
> Клянусь Богом, я нахожусь где-то в Сирии, думал он. В Леванте. […] Справа от него – руины довоенного [действие романа происходит в фантастическом будущем] отделения Почты США.

Тесса вспоминает тот весенний день: «Мы пошли прогуляться до почты – это наша сложившаяся привычка. […] Почта […] представляла собой кирпичное здание в византийском стиле со сводчатыми проходами и фальшивым фасадом, от чего создавалось впечатление, что оно покрыто куполом. На протяжении этого дня город вокруг нас все больше и больше приобретал внешнее сходство с римской колонией первого века. Фил продолжал видеть каменные стены и железные решетки там, где на самом деле находились более современные конструкции и ограды».

На одной напечатанной странице без даты, найденной в 1975

году среди корреспонденции Фила, дан обзор того года с его видениями и голосами, мудростью и замешательством:

> Это не мир зла, как предполагал Мани [основатель манихейства, которое приравнивает земную материю ко злу]. Это добрый мир, скрытый под оболочкой зла. Каким-то образом зло наложено на него (Майя), и если сорвать это покрывало, то будет видно чистое, сияющее творение.
>
> Однажды мое сознание со всем его содержанием стало работать быстрее и быстрее, пока оно не прекратило оперировать концепциями и стало результатом восприятия. У меня не было концепций по поводу этого мира, но я воспринимал его без каких-либо предубеждений и даже без интеллектуального постижения. Тогда он мне напомнил мир «Убика». Это как будто все содержание чьего-то сознания, будучи сплавленным, внезапно ожило, стало живой сущностью, самостоятельно выходя из чьей-то головы, видя иные, высшие пути в мире без учета того, что ты когда-то изучал, или видел, или знал. Принцип возникновения, когда неживая материя становится живой. Как будто информация (посредством понятий) доходит до своих границ, проходит через метаморфозу и превращается в нечто живое. Возможно, затем во внешнем мире вся энергия или информация, отброшенная достаточно далеко, проделывает то же самое. Слитая в нечто, находящееся повсюду (сила Убика), наделенная чувствами и живая. Тогда внутреннее—внешнее, тогда—теперь, причина—следствие – все эти антиномии постепенно исчезнут. Мы будем видеть только живую сущность, занятую непрестанным строительством, работой. Творением. (Может ли постоянное творение достичь своего завершения?) (Такие дихотомии, как большое—малое, я—не-я, будут превзойдены.)

Вселенная как унифицированная информация, конечно, является любимой метафорой для теоретиков квантовой физики.

* * *

Те скептики, которые отклонили бы «2–3–74» как симптомы инсульта или психопатического бреда, должны иметь в виду (наряду с другими ограничениями приведенных объяснений), что

сам Фил мог быть столь же скептичным, как и они.

Рассмотрим автоинтервью Фила в «Экзегезе», появившееся сразу же после того, как у него взял интервью Чарльз Плэтт в мае 1979 года для своей книги *Dream Makers*[239]. Фил сделал свою собственную магнитофонную запись этого интервью. Прослушивая кассету, он почувствовал себя вовлеченным в судебную драму – с перекрестным допросом, проведенным, чтобы подвергнуть сомнению собственную целостность Фила:

> Прослушивая запись Плэтта, я рассматривал присутствие логики в том, что Валис (иное сознание), снизошедший на меня откуда-то извне и одолевавший меня изнутри, на самом деле представлял собой содержание моего коллективного бессознательного, в формальном смысле являясь психозом (это, конечно, могло бы объяснить внешний анимизм и внутреннюю раздвоенность личности). Хорошо, о'кей. Спишем на это и голос ИскИна, и трехглазую сивиллу, и крайний архаизм содержания, и видение Рима 45 года н. э. – это просто могло быть психопатическим расстройством – я не знал, где и когда я на самом деле находился.
>
> В.: Что можно сказать о сходстве с моими текстами?
>
> О.: Содержание изначально было в моем подсознании, например «Пролейтесь, слезы…» и «Убик».
>
> В.: А что касается внешних событий? Девушка? Письма?
>
> О.: Совпадение.
>
> В.: И написанный материал? Толстые книги, которые держатся открытыми?
>
> О.: Вербальная память.
>
> В.: Почему я верил, что мои органы чувств были улучшены, то есть я видел «как в первый раз»?
>
> О.: Галлюциногенные наркотики указывают на состояние психоза.
>
> В.: И космос? Где все совпадает друг с другом?
>
> О.: «Рассеивание смыслов», типичное для психоза.
>
> В.: Иностранные слова, которых я не знаю?
>
> О.: Открылись хранилища долгосрочной памяти. Извержение содержания в область сознательного.
>
> В.: Решение проблемы ксерокопированного послания?
>
> О.: Не было никакой проблемы; оно было безобидным.
>
> В.: Почему нарушено чувство времени?

О.: Дезориентация.

В.: Почему чувство, что сознание, которое захватило меня, было мудрее, чем я, и более способное?

О.: Высвобождение психической энергии. […]

В.: Если «2–3–74» было психозом, то что за состояние было у эго, которое оказалось стерто?

О.: Невротическое расстройство. Или легкая форма шизофрении [*sic*]. В условии стресса слабое эго расщепляется.

В.: Тогда каким образом фобии сохраняют ассоциации с моим неврозом тревоги, например агорафобия?

О.: Это не считается. Что-то не так. Они должны исчезнуть или стать тотально подавляющими. Ослабленное эго, должно быть, все еще остается цельным.

В.: Было ли мое «расщепленное» поведение [«ксерокопированное послание», диагноз грыжи у Кристофера] странным?

О.: Нет, это были решения проблем. Это не считается.

В.: Возможно, здесь и не было никаких реальных проблем.

О.: Не совсем так. Это был отчетный налоговый период.

С этого пункта Фил, думавший о худшем, собрался, чтобы защищаться. Нельзя сказать, что он был убежден либо в осуждении собственного здравомыслия, либо в возвеличивании «2–3–74». В конце концов, ответ, кажется заключался в первой и последней потере Фила:

О.: Тогда тайна остается.

В.: Мы ничего так и не узнали.

О.: Ничего.

В.: После окончания прослушивания записи появилось ли у тебя какое-то предчувствие или предположение, кем и чем является сознание Валиса? (Позднее.)

О.: Да. Оно женское. Оно с другой стороны – из мира после смерти. Оно сопровождало меня на протяжении всей моей жизни. Это моя сестра-близнец Джейн. […] Другая душа, которая существует внутри меня, – это моя умершая сестра.

Для тех, кто жаждет связать события «2–3–74» с диагнозом, есть хорошие новости: височная эпилепсия[240] может вызывать приступы, без судорожных припадков и которые не всегда очевидны для медицинской диагностики или собственного ощущения индивидуума, что с ним что-то не так. Невозможно опровергнуть, что у Фила могли быть такие приступы в течение «2–3–74» – или вообще на протяжении всей его жизни. И если так оно и было, то все просто объясняется – от голоса ИскИна до бесконечной «Экзегезы». Рассмотрим это устрашающе точное описание из медицинского исследования:

> Такие «экстрасенсорные» или «эмпирические» феномены активируются эпилептической разрядкой, возникающей в височной доле и способной вызвать как сложные визуальные, или слуховые, или комбинированные аудиовизуальные галлюцинации или иллюзии, ретроспекции памяти, ошибочное толкование настоящего с точки зрения прошлого (например неуместное чувство близкого знакомства или непривычности, феномены *deja vu и jamais vu*[241]), или как эмоции, чаще всего страх. Пенфилд[242] […] называет эти явления «эмпирическими», подходящим термином, учитывая тот факт, что затронутые пациенты нередко воспринимают их удивительно ярко, непосредственно сравнивая с реальными событиями. Тем не менее, пациенты никогда не сомневаются, что эти явления происходят неуместно, то есть вне контекста, как если бы они были наложены на текущий поток сознания; исключение здесь составляет только страх, который иногда трактуется как страх перед надвигающимся припадком. Такое понимание ясно отличает эти феномены от психотических галлюцинаций и иллюзий.

Неплохо в качестве скептической схемы событий «2–3–74». Стандартные учебники по психиатрии включают следующие поведенческие особенности пациентов, страдающих от эпилепсии височной доли:

> «Гиперграфия» – это обсессивный феномен, заключающийся в написании избыточных заметок и дневников. […] Сильные эмоции неустойчивы, поэтому пациент в одно время может проявлять большую сердечность, а в другое время – гнев и раздражительность могут привести к ярости и

> агрессивному поведению. […] Подозрительность может разрастись до паранойи, а чувство беспомощности может привести к пассивной зависимости. […] Религиозные верования не только бывают сильными, но также могут быть связаны с детально разработанными теологическими и космологическими теориями. Пациенты могут верить, что ими руководит особая божественная сила. […].

Существуют, конечно, и такие особенности, от которых Фил был весьма далек, такие как «строгий морализм» и «хмурая воздержанность».

С теми, кто ищет обоснованный диагноз, эпилепсия височной доли проделывает шутку. Кто-то может зайти столь далеко, чтобы взять и объединить писателей, которые, судя по их духовным вопросам, возможно, находились под воздействием височной эпилепсии. Достоевский, страдавший от эпилептических припадков, выдающийся тому пример. Но как далеко могут завести нас эти спекулятивные диагнозы и классификации? Уильям Джеймс вычерчивает такую линию: «Чтобы судить с духовной точки зрения о таких состояниях, мы не должны довольствоваться поверхностными медицинскими разговорами, но выяснять, какие плоды они могут принести в жизни».

Каковы же были эти «плоды» для личной жизни Фила? Фил почти не сомневался в том, что «2–3–74» было благословением. Но он никогда не заявлял о том, что стал святым. Запись 1975 года в «Экзегезе» предлагает следующий план:

> […] Я говорю не в привычном смысле – может быть, вообще не в смысле одухотворенном или возвышенном. На самом деле я кажусь сам себе еще более жалким и раздражительным, чем раньше. По правде говоря, я никого не хочу уязвить, но мой язык остается грязным, и я раздражительный и высокомерный; мои личные недостатки неизменны. В общепринятом смысле я не лучший человек. […]
>
> Но, что касается недостатка духовного обновления во мне… возможно, у нас слишком ясное отношение к благочестивым переменам к тому, что Он хотел бы в нас видеть. Возможно, это наши стандарты восприятия самых чистых людей; в конце концов, Он хочет сохранить индивидуальность, я думаю, а не запихивать нас насильно в один шаблон. Я сам изменился, но не во всех отношениях; я усовершенствовался, но не в соответствии с человеческими стандартами. Я могу только надеяться,

что я послушен Его воле, а не своей собственной.

Я не согласен с моими собственными взглядами на божественность, но, возможно, соглашусь со своими взглядами на Него.

Виды Тессы на будущее такие же:

> Я не увидела перемен в личности Фила. Если какие-то и были, то до этого его опыта. Он, этот опыт, поддерживал наши взаимоотношения, но он также стал причиной нашего разрыва, в конце концов [их брак закончился в 1976 году]. Поскольку Фил верил, что кто-то вовне хочет подчинить его, убить его, он пришел к убеждению, что этот кто-то собирается убить также его жену и ребенка. Фил был настолько напряженным сразу же после видения, что присутствие оного в комнате стало осязаемым, когда атмосфера сгустилась. Но отличия были только количественные, а не качественные. Однако бывали короткие периоды, когда Фил не был самим собой, так же как и яблоко не бывает прямоугольным.

События «2–3–74» и те, что последовали за ними, были необычными, даже причудливыми. Были сцены нежной красоты, вроде той, когда Фил проводил над Кристофером обряд евхаристии. Были мгновения необъяснимого предвидения, как когда он диагностировал у сына грыжу. И были эпизоды, как с «ксерокопированным посланием», которые способствовали проявлению скептицизма. Для некоторых людей эти видения и голоса должны были представлять собой свидетельство Божьей благодати. Другие, как атеисты, так и верующие, сомневались в озарениях «2–3–74», имея на это определенные причины. Святой Иоанн Креста[243] предостерегал:

> Часто случается так, что духовные люди находятся под влиянием сверхъестественного, являющегося в чувственном восприятии и в предметах. Иногда они видят очертания и фигуры тех, кто приходит из другой жизни, святых или ангелов, добрых и злых, или необыкновенный свет и сияние. Они слышат странные слова, иногда видя тех, кто их произносит, а иногда – нет. […] Мы не должны восхищаться ими или потворствовать им; да, нам лучше следует избегать их, не пытаясь узнать, добрый или злой их источник. Потому что, поскольку они обладают наружностью и

телесностью, это лишь подчеркивает, что они не похожи на посланцев Бога.

Конечно, на протяжении веков есть замечательные примеры людей, которые не бежали от подобных знаков. Один из них – Блез Паскаль. Поздним вечером 23 ноября 1654 года у Паскаля было видение, которое он записал и зашил этот рассказ за подкладку своего плаща, чтобы он постоянно был при нем:

> Примерно с половины десятого вечера до приблизительно половины двенадцатого
>
> ОГОНЬ
>
> Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, но не философов и ученых.
>
> Уверенность. Уверенность. Чувство. Радость. Мир.

И здесь мы подходим к самой сердцевине опытов Фила «2–3–74». Он не почувствовал уверенности. Да, можно найти множество пассажей – в интервью, в романах и в «Экзегезе», – где Фил выдвигает теорию, в которой звучит тема уверенности. Но всегда (и обычно вскоре после этого) он пересматривает свое мнение и отказывается от прежних слов.

Сомнения – это центральная характеристика «2–3–74».

И как это уместно. Мистические переживания почти всегда соответствуют традиции мистики. Джулиана Норичская[244], католичка, чувствовала «большие капли крови», стекавшие из-под тернового венца. Миларепа[245], тибетский буддист визуализировал своего гуру в окружении множества будд на Лотосе Мудрости.

Фил не придерживался какой-то одной веры. Его единственной традицией, несомненно, была научная фантастика, с ее главным вопросом: «Что, ЕСЛИ?»

В «2–3–74» все многочисленные «Что, ЕСЛИ?» объединились в один обобщающий вопрос.

Как доказал «Валис», это была – тут уж ничего не скажешь – отличная идея для романа.

Глава 11
1975–1978

Год за годом, книга за книгой, рассказ за рассказом – я отбрасывал иллюзию за иллюзией: личность, время, пространство, причинность, мир, – и, наконец (в 1970 году), я выяснил, что является действительно реальным. Четырьмя годами позже, в самый мрачный момент моего страха и содрогания, когда мое эго разрушалось, мне было даровано «дибба саккху» [просветление], – и, хотя я не понимал этого в то время, я стал Буддой. («Будда в парке») [голосовые послания ИскИна]. Иллюзия лопнула как мыльный пузырь, и наконец-то я увидел реальность, и вот, по прошествии четырех с половиной лет, я постиг ее интеллектуально, то есть то, что я видел, знал, постигал в опыте (мои «экзегезы»). Мы говорим здесь о целой жизни, наполненной творчеством и озарениями – от моего первоначального сатори, когда я, будучи ребенком, мучил жука; это началось в тот момент, сорок лет назад.

> *Фил, приступая к работе над «Валисом», «Экзегеза» (сентябрь 1978 г.)*

Боже мой, моя жизнь, а точнее сказать – мой опыт «2–74/3–74» – полностью напоминает сюжет любого из десяти моих романов или рассказов. Вплоть до подделки воспоминаний и идентичности. Я

главный герой одной из книг ФКД, где США 1974 года медленно сходят на нет, а Древний Рим, наоборот, медленно проявляется – там есть личность Фомы, и там есть истинная память. Господи Иисусе! Смесь «Самозванца», «Порвалась дней связующая нить» и «Лабиринта смерти» – а почему бы и не «Убика» до кучи.

Фил, «Экзегеза» (начало 1978 г.)

(Это совершенно очевидно, что я позволил всему миру узнать [в «Валисе»], что последнее десятилетие было для меня очень дурными годами. Будущие мои биографы поймут, что их работа уже сделана за них, еще до того, как они к ней приступили. Моя жизнь – это открытая книга, и эту книгу написал я сам.)

Фил, письмо литературному агенту Расселу Галену (февраль 1981 г.)

По мере того как «2–3–74» превращается в «Валис», Фил создает ночами новые теории. Метаабстракции прокляты. Когда-нибудь он найдет настоящую любовь, которую заслуживает (а кто – нет?), но пока медленно открывает (временами) для себя нечто, похожее на счастье

Вы могли бы предположить, что жизнь после ««2–3–74»» могла быть какой угодно, но только не скучной.

Однако именно на скуку Фил жаловался в канун Нового 1975 года. Сосед, живший в соседней квартире дома в Фуллертоне, устроил большую громкую гулянку. Тем временем Тесса использовала ночь, чтобы закончить стирку, а Фил остался, чтобы хлопнуть воздушный шар Кристофера сигаретой, когда наступит полночь. В письме два дня спустя он ругался: «Я не осознавал раньше, как чертовски глупа, уныла, бесполезна и пуста жизнь среднего класса. Я отказался от сточной канавы (где-то в 1971

году) и перешел к пластиковым контейнерам. Как обычно, я опять сделал что-то не так».

Не то чтобы их жизнь была настолько безмятежна, хотя Фил получит примерно 19 тысяч долларов в 1974 году и 35 тысяч долларов в 1975 году, но значительная часть этого дохода была авансами в счет роялти, выданными Агентством Мередита, чтобы удержать Фила на плаву между нерегулярными выплатами роялти. Зарубежные продажи были его главной поддержкой: британские, французские, итальянские, немецкие, шведские, голландские и японские права на издание его книг составили большую часть реальных доходов Фила в 1975 году. Нерешительно Фил и Тессса постепенно начали пробовать на вкус хорошую жизнь. Фил доставил себе удовольствие, приобретя новую *Encyclopaedia Britannica 3*[246], которую он читал запоем; цитат из нее в «Экзегезе» – легион. Для Тессы была новая гитара и оплаченное стойло с лошадью. В марте они переехали с Камео-лейн в арендованный дом, так как кредитный рейтинг Фила не позволял ему его купить, по адресу Санта-Исабель-авеню, 2461, Фуллертон. В апреле 1975 года Фил выбрал красный «Фиат Спайдер» – свою первую спортивную машину со времен брака с Энн.

Все было хорошо. И это его терзало. Должно быть что-то еще. Фил боролся с этим в «Экзегезе» – даже писал от руки, чтобы подчеркнуть временный характер этого состояния. В фантастических произведениях Фил балансировал между двумя вопросами: «Что есть Человек?» и «Что есть Реальность?» Теперь Фил чувствовал, что знает ответ на первый вопрос: доброта. Что касается второго, то он никогда не принял решения. Для этого вопроса «Экзегеза» давала ему «пространство для маневра» – возможность создавать и уничтожать миры по собственной воле.

Из еженощных занятий стали выявляться ключевые идеи. Одна из них – идея «ортогонального времени», о которой Фил рассуждал в эссе 1975 года *Man, Android and Machine*[247]. Ортогональное время «вращается» перпендикулярно «линейному» времени. Оно содержит, «как на синхронной плоскости или протяженности все то, что было, так же как дорожки на долгоиграющей пластинке содержат часть той музыки, которая уже была исполнена; они не исчезают, после того как игла прошла по ним». В мартовском письме Урсуле Ле Гуин Фил отточил эту мысль: ортогональное время было «Реальным Временем» – «без него ничего бы не оставалось, кроме иллюзии, ничего, кроме покрывала Майи, так сказать».

Той весной Фил с радостью принимал у себя в гостях друзей и членов семьи. Его дочь Иза приехала к нему ненадолго, как и

Лорен Кейвит, его верный друг с мрачных дней 1971 года. Карикатурист Арт Шпигельман, который тогда издавал *Arcade*[248], остановился у него на ночлег. Он и Фил впервые встретились в 1973 году, после того как Фил написал восторженное письмо в ответ на комикс Шпигельмана о возрождении Уолта Диснея в виде робота-президента мира «Земли будущего»[249]. Теперь Фил предложил сотрудничество, но рассказ, который Фил предоставил в марте 1975 года, – «Глаз Сивиллы», как и «Убик. Киносценарий»[250] в 1974 году, оказался слишком замысловатым, чтобы его адаптировать для предполагаемых (книга комикс/фильм) медиумов.

В том же месяце, к несчастью, произошел разрыв с Харланом Эллисоном. Обстоятельства идеально сложились, чтобы задеть чувства Эллисона. Фил и Эллисон общались по случайным поводам начиная с 1972 года, когда Фил переехал в округ Ориндж, но их дружба складывалась нелегко. Эллисон чувствовал, что Фил завидует его финансовым успехам и голливудским связям. Что касается Фила, то существовало несколько длительное, если не сказать неоправданное, негодование по поводу ссылки на употребление Филом ЛСД в составленной Эллисоном антологии 1967 года *Dangerous Visions*. Оставив личные трения в стороне, Фил заявил, что рассказ Эллисона «Птица смерти» «будут читать и в следующих столетиях». Неудивительно, что Эллисон считал Фила подходящим автором для эссе в запланированный спецвыпуск журнала *F&SF*, посвященный Эллисону. Неудивительно и то, что, сказав Эллисону, что он будет рад помочь, Фил в письме редактору *F&SF* Эдварду Ферману (другу Эллисона) отказался, объяснив, что он не вполне проснулся, когда ему позвонил Эллисон, что ему нет дела до большей части произведений Эллисона и что он на халяву не работает. Ферман ответил, что намеревался заплатить. Эллисон, который расценил беспокойство Фила по поводу оплаты как оскорбление редакторской чести Фермана, послал Филу оскорбительное уведомление о разрыве их дружбы.

Но вся эта ярость в отношениях с Эллисоном выражалась только в письмах. В повседневной жизни преобладали нежные чувства и благие вести. Долгое сотрудничество с Роджером Желязны, наконец, принесло свои плоды, когда в июле был завершен «Господь Гнева». Издание «Исповеди недоумка» от Entwhistle Books также появилось в этом месяце: долгожданный опубликованный «мейнстримный» роман. Преодолевая изнеможение, Фил закончил переработку «Помутнения» к августу. Это усилие в какой-то степени подпитывалось желанием Фила

получить последний авансовый платеж от Doubleday и вернуть долг Роберту Хайнлайну, который уже был гигантом НФ, когда Фил еще только начинал читать журнальную фантастику. Хайнлайн и Тесса подружились после того, как познакомились в 1974 году на сборище писателей-фантастов. Фил там не присутствовал, но затем завязал теплую переписку. Летом 1975 года, по мере того как их банковский счет истощался, Тесса попросила Хайнлайна дать денег в долг. Хотя Фил был благодарен, ему было стыдно, что его жена просит денег. После того как Хайнлайн отверг вторую просьбу о займе, письма прекратились. (Когда они наконец-то встретились в 1977 году, встреча была короткой и неловкой.)

Тем временем Фил был весьма осмотрительным в вопросе разглашения событий «2–3–74». Когда он узнал, что эссе о его творчестве, написанное Томасом Дишем, должно появиться в декабрьском номере *Crawdaddy*[251] за 1975 год, Фил написал Дишу с просьбой хранить молчание о «2–3–74». «У меня до сих пор появляются мистические видения и откровения (но это наш маленький секрет – не для читателей *Crawdaddy*, которым это вовсе ни к чему, не правда ли?)».

Драматические видения первых месяцев не появлялись вновь, но визионерские сны продолжались, как и гипнотический голос ИскИна. Чтобы лучше в этом разобраться, Фил искал ответы в «Британнике», в «Философской энциклопедии», в трудах об орфиках, гностиках, зороастрийцах, в буддийском учении, в «Толковании Нового Завета», в исследованиях, посвященных «бикамеральному разуму»[252], – ни один философский камень не оказался неперевернутым. В июльской записи 1975 года в «Экзегезе» он подвел итоги:

> Теперь наконец-то я чувствую огромное умиротворение – первый раз за всю мою жизнь. Весь этот период, включая 3–74, был напряженным. […] Я знаю, что изнурял себя больше, чем во время написания предыдущих произведений, будь то роман или группа романов. […] Что это мне добавило (в этом пункте моего знания)? Я прошел сквозь узкие врата в середине 1974 года, и мне было сказано, что он сам вернется в мир, и это случится очень скоро.

Когда он не был поглощен ночными размышлениями в «Экзегезе», Фил восстанавливал контакты со своим первоначальным кругом фуллертонских друзей, включая Мэри Уилсон и Тима Пауэрса. Пауэрс, который вел дневник, – это Босуэлл[253] для жизни Фила в округе Оринджа. Вот рассказ

Пауэрса о «самом гениальном уме в НФ на любой планете» (каковым представил Фила журнал *Rolling Stone* в ноябре 1975 года), представляя себе все возможности, любезно воспроизводя автограф его последнего произведения:

> Один раз Фил подписал книгу для юной леди, которая, несмотря на то что была постоянной подружкой нашего общего друга, создавала впечатление легкомысленной распущенности. Фил что-то нацарапал в книге, а потом, взглянув на молодого человека, спросил: «Как пишется слово «красотка»?» Наш общий друг сказал ему, и Фил нацарапал еще что-то. Затем: «Как пишется «предчувствовать»?» Наш друг продиктовал ему, но уже не так охотно, как раньше. Наконец, Фил снова сделал паузу и спросил: «Как пишется «непревзойденный»?» Тут молодой человек взорвался: «Черт побери, Фил»[254].

Филу нравился игривый флирт, но Тесса воспринимала его все болезненнее. Сам Фил в записи 1975 года в «Экзегезе» признавался, что чувствовал себя «грязным старикашкой» после одного такого флирта на вечеринке. Положение усугублялось тем, что Тесса ухаживала за Филом, когда он был прикован к кровати из-за приступов депрессии и агорафобии, но когда он поднимался, готовый снова выйти в мир, то забывал о ней. Она пишет:

> В конце 1975 и начале 1976 годов он почувствовал, что в состоянии чаще выходить из дому, но без меня. Он мог гулять с парнями или даже с другой женщиной, но не со мной. Он уверял меня, что эти отношения были чисто платоническими, но мне было все равно. Я устала сидеть дома взаперти с маленьким ребенком. Мне не доставляло удовольствия выходить из дому одной. Если я выходила больше чем на полчаса, Фил впадал в депрессию. Его чрезвычайно расстроило, когда в сентябре 1975 года я решила начать учиться. Я выбрала два предмета в неполном колледже: немецкий язык и биологию. Немецкий нужен был мне для того, чтобы я понимала Фила, когда он на нем разговаривал. Биология интересовала меня, потому что я хотела стать ветеринаром.
>
> Фил с 1973 года начал консультироваться, и, вдобавок к его психотерапии, мы проходили семейные консультации. Психологи и психиатр испытывали все виды терапевтического и медикаментозного лечения, все

безрезультатно. Филу был поставлен диагноз «маниакальная депрессия». Я всегда его оспаривала. Я чувствовала, что все это возвращается к смерти его сестры-близнеца. Он никак не мог смириться с этой утратой, и он всегда искал замену своей сестре. Будучи его женой, я не могла занять ее место, потому что это сделало бы наши отношения инцестуальными. Поэтому он должен был окружать себя женщинами, которые были для него всего лишь друзьями. Именно поэтому он мог гулять с другой женщиной, а не со мной.

Фил с досадой рассказывал о своем браке друзьям, но в то же время он остро нуждался в стабильной семейной обстановке. В июле 1975 года Тесса взяла Кристофера на неделю к своей семье. За прошедшие три года Фил и Тесса редко проводили ночи порознь. Теперь Фил удивлялся, как только он это терпит. Из июльского письма:

> Я всегда думал о людях, которым нравится быть в одиночестве, как о больных, как о шизоидах. Теперь я обнаружил, что мне трудно приспосабливаться к другим людям в доме – мое привыкание к одиночеству было таким хорошим, таким полным. […] Втайне, в своей собственной голове я вынашивал свои собственные мысли; меня это начало успокаивать и радовать. Это, я полагаю, необратимая перемена во мне. Уроки, которые были вколочены в меня всей этой терапией в «Икс-Кэлай» [выживание в коллективе], раскололись вдребезги на прошлой неделе; ну и бог с ними; они мне больше не понадобятся.

На самом деле это не была «необратимая перемена», хотя она обозначала изменение в отношениях. В последние годы своей жизни Фил жил один и пришел к тому, что стал ценить одиночество. Но в 1975 году жизнь в одиночестве – хотя и на столь короткий отрезок времени – могла быть совершенной мукой. Тесса и Кристофер уехали на очередную семейную встречу перед Днем труда; прямо перед их отъездом Фил впал в такую сильную депрессию, что стал раздумывать о самоубийстве. Когда они уехали, от дал выход своему гневу и страданию в «Экзегезе»:

> Если она на сей раз вернется, то уедет снова […]; это полеты только что оперившихся птенцов. […]
>
> Важно заметить (для меня, во всяком случае), что я добился для Тессы всего, что она хотела, в материальном

плане. […] Я выстроил пустую раковину, чтобы заключить в нее эту семью, но семья умерла. […] Я обеспечивал Нэнси в том же духе, а она ушла; в каждом из этих случаев я брал юную девушку, которая жила у меня дома и у которой ничего не было, и давал ей все, чего она хотела, после чего она уходила с моим ребенком. Будто я мост для оперившихся девушек, ведущий их к женственности и материнству до тех пор, пока моя ценность не упала и меня не отвергли.

Но случилось так, что именно Фил окончательно покинул Тессу летом 1976 года, после продолжавшихся конфликтов и «полетов оперившихся птенцов» со стороны Тессы. Фил ясно понимал, какие трудности возникали в его пятом браке, и, более того, он был отвлечен своим углубляющимся чувством к другой женщине.

Фил впервые познакомился с Дорис Саутер в 1972 году, когда она встречалась с Норманом Спинрадом. Дорис было немного за двадцать, и она была привлекательной и умной – темноволосая уроженка Калифорнии, с любовью к НФ и возрастающей приверженностью к христианской вере. Их дружба усилилась весной 1974 года, когда Дорис рассказала Филу о своем недавнем опыте религиозного обращения. Естественно, Фил был восхищен и, в свою очередь, рассказал Дорис все о «2–3–74».

Дорис, – ставшая главным вдохновителем для создания образов Шерри Сольвиг в «Валисе» и Рибис Ромни во «Всевышнем вторжении», – верила, что в глубине души Фил был христианином. «Христианство помогло ему интегрировать в единое целое разные аспекты его индивидуальности. Жизнь Христа помогла Филу увидеть в перспективе его прежнюю духовную нищету, и он стал более этичным и заботящимся о бедных». Чувствовал ли Фил себя комфортно, когда его называли верующим христианином? Дорис отвечает:

> Если бы вы спросили его, во что он верит, то его ответ зависел бы от той теоретической лихорадки, которую он испытывал в данный момент. Прежде чем пускаться в путь на машине, ему хотелось поговорить со священником. Одним из первых мест, куда Фил отправился после своих мартовских религиозных опытов, была епископальная церковь в Пласентии[255], а не сборище психов.
>
> В определенном смысле, религия стала для Фила бизнесом, когда он начал писать теологические романы в семидесятые годы. Не то чтобы он не был религиозным.

> Но у религии было еще одно полезное для него качество – материал для следующей книги. Воображение было корнем его профессии, и он пробовал разные теории, чтобы увидеть, как люди на них реагируют.

Фил и Дорис планировали весной 1975 года оказать помощь леволиберальной католической газете «Агитатор», оформив подписку на пятьдесят экземпляров, которые они собирались бесплатно раздавать студентам Калифорнийского университета в Фуллертоне. Они также вступили в контакт с Домом гостеприимства – бесплатной столовой в Лос-Анджелесе, куда раньше Фил делал пожертвования. Наступало время выполнения обязательств и благородных приключений.

Но затем все изменилось. И их связь стала крепче.

В мае 1975 года у Дорис диагностировали рак. Она потеряла в весе, ее зрение ухудшилось, и она находилась на последней стадии лимфомы. Еще до этого заболевания Фил был поражен тем фактом, что Дорис, как и он сам, родилась преждевременно. Он объяснял бочкообразную форму своей грудной клетки результатом борьбы за воздух в младенчестве. Дорис вспоминает, что во время ее болезни Фил настаивал на том, чтобы ее борьба «началась с борьбы за дыхание. Преждевременные роды были важнейшим определяющим фактором и метафорой для Фила. Он привязывался к определенным женщинам, потому что искал свою сестру-близнеца».

На протяжении второй половины 1975 года Фил настойчиво убеждал Дорис с ее парой друзей переехать в дом к его семье. К счастью, наступила ремиссия, рак отступил к концу 1975 года, но остались эпилептические припадки. Но страстное желание Фила жить вместе с Дорис ничуть не утихало. В январе 1976 года Фил предложил Дорис стать его женой. Дорис отказалась: она любила его, но не хотела разрушать его брак с Тессой. Она была также скептичной: «Фил привязывался к людям, у которых были трудности. Одна из причин, почему я не хотела выходить за него замуж, заключалась в том, что я чувствовала, что это будет влиять на наши отношения, а это было нездорово. Но он действительно очень хотел помочь – в какой-то степени это было манипулятивным, но преимущественно подлинным».

Тем временем домашняя гармония Фила и Тессы перемежалась все более частыми яростными ссорами. Их брак закручивался именно по сценарию, которого Фил боялся больше всего, – жена с ребенком на руках оставляет его в одиночестве в доме, полном воспоминаний. В феврале 1976 года после серьезной ссоры Тесса забрала Кристофера и ушла. Пауэрс в

своем дневнике вспоминает, как пришел навестить Фила, когда Тесса упаковывала вещи, – она взяла кофейный столик, на котором стояли их винные бокалы. «Не следи за тем, что они забирают, – посоветовал Фил своему другу. – Лучше позволить им забрать то, что им хочется, а уж после устраивать инвентаризацию». Тесса утверждает, что Фил сам потребовал, чтобы она ушла. Однако все это утихло, а что случилось потом, не обсуждается.

Четвертая глава «Валиса» начинается с забавного, отвратительного и подробного рассказа о, к счастью, последней серьезной попытке самоубийства, которую Фил предпринял. Дневник Пауэрса – это бесценный комплиментарный источник. Фил проглотил сорок девять таблеток высококачественного препарата наперстянки[256] (что превысило в двенадцать раз ежедневную дозу, прописанную ему от аритмии), вместе с таблетками «Либриума»[257], «Квида»[258] и «Апресолина»[259], и запил полбутылкой вина. Для верности он перерезал себе левое запястье и сел в свой «Фиат» с работающим двигателем в закрытом гараже. «Жирный Лошадник был формально мертв», – объясняет в «Валисе» рассказчик Фил Дик. Как он выжил? Кровотечение из запястья остановилось, и кровь стала сворачиваться; «Фиат» заглох, и его вырвало частью таблеток. Утром он кое-как добрался до почтового ящика: там был отпечатанный на машинке экземпляр рукописи «Господа Гнева». Он налил воду для кота. И внезапно Фил передумал умирать. Он позвонил своему врачу-психиатру, который сказал, чтобы он вызывал «неотложку». Нельзя было терять времени; дигоксин заблокировал ионы натрия в клетках сердечной мышцы Фила. Его срочно направили в Медицинский центр округа Ориндж и вскоре после этого перевезли – с помощью вооруженного полицейского, который толкал его кресло-каталку, – из отделения кардиологической интенсивной терапии в психиатрическое отделение.

Прототипом образа Бет, жены Лошадника в «Валисе», была Тесса. Это, по большей части, неприятный и обвиняющий портрет. Тесса пишет: «Он был разгневан; я тоже. Я не обижаюсь на образ Бет». В «Валисе» Бет отказывается посетить Жирного в больнице. Тесса же навестила Фила дважды, один раз – с Кристофером, и принесла ему смену одежды. Нюхательным табаком и Библией снабдил его Пауэрс. Условия содержания были весьма комфортными, но оказаться запертым в отделении для чокнутых, после того как он едва выжил при попытке самоубийства, – это чертовски пугало Фила. Лежа на своей больничной койке, он преодолевал свою «темную ночь души»[260]

в истинно американском духе: «Лошадник мог смотреть телевизор в общей палате, который оставался включенным. Выяснилось, что гостем Джонни Карсона был Сэмми Дэвис-младший. Толстяк лежал и смотрел, дивясь, как этот человек мог себя чувствовать с одним стеклянным глазом. В этот момент он не имел никакого представления о ситуации, в которой оказался». Где была высшая мудрость «2–3–74»? «Либо он узрел Бога слишком рано, либо он увидел его слишком поздно. В любом случае это не принесло ему ничего хорошего в плане выживания. Столкновение с Богом Живым не обеспечило его необходимым для обычной выносливости, с чем справляются обычные люди, не столь почитаемые».

Фил пришел в себя к тому времени, когда четырнадцатидневный период пребывания под наблюдением, с возможностью продления еще на девяносто дней, закончился. Одним из частых посетителей была Дорис Саутер, которая вспоминает, что однажды «Фил поднял на меня глаза и спросил: «А теперь-то ты переедешь ко мне?» Но я была несговорчива с Филом. Я не хотела, чтобы мной манипулировали, и я сказала ему, чтобы он «сначала поднял свою задницу». Парамедики смотрел во все глаза, но Фил восхищался тем, как я обращалась с ним в тот день». Фил также почувствовал уважение к своему собственному телу – его воле к жизни даже на вершине потрясения от наперстянки, – что помогло ему воздерживаться от дальнейших атак на организм.

После выписки Фил жил вместе с Тессой на протяжении мая. Но он решил жить с Дорис. Его аргументы в пользу Дорис были сосредоточены на обоюдной необходимости: Дорис ослабла, и ей грозила опасность будущих припадков; у Фила было повышенное артериальное давление, и он мог быть подвержен неожиданному коллапсу. Он заверял, что положит конец своему браку, даже если она откажет ему. Несмотря на его страсть, разрушение брака и семьи беспокоило Фила. Никак не развеивались воспоминания о нанесшем травму отъезде его отца Эдгара. «Я не хочу бродить по полям наслаждений, как мой отец», – признавался Фил в одном из писем.

Они переехали из Фуллертона в Санта-Ану. Дом 408 по Ист-Сивик-Сентер-драйв, квартира номер «Си-1» – адрес Фила, который останется постоянным до конца его жизни. Это все еще был округ Ориндж, но с важными отличиями. Трехэтажное здание имело усовершенствованную систему безопасности – это успокаивало Фила, который более не желал незваных гостей. Также оно расположено было на краю баррио[261]. На противоположной стороне улицы находилась католическая

церковь Св. Иосифа – колокольный перезвон восхищал его. В конце квартала была епископальная церковь Мессии. Поблизости находился круглосуточный супермаркет «Трейдер Джо», куда во время своих ночных трудов он мог зайти, сделав перерыв, и подкрепиться там сэндвичами с ростбифом и газировкой «Орандж Краш». Также поблизости находилась квартирка Тима Пауэрса, где Филу всегда были рады.

Денег у Фила в первый раз было в изобилии. Марк Херст, молодой редактор в издательстве Bantam Books, был верным защитником интересов Фила Дика. Материалы в журнале *Rolling Stone* и другой прессе давали Херсту возможность выбивать лучшие предложения и продвигать карьеру Фила. В мае 1976 года Bantam приобрело три романа – «Палмер Элдрич», «Убик» и «Лабиринт смерти» – за 20 тысяч долларов; и это как небо от земли отличалось от типичных авансов в 2 тысячи долларов за переиздание одного произведения. Еще более поразительным был аванс Bantam в 12 тысяч долларов за роман, который должен был называться *Valisystem A* (в результате опубликованный в 1981 году как «Валис»). Конечно, НФ в середине и конце семидесятых годов переживала бум. Большие деньги Фила бледнели перед шестизначными авансами, которые загребали менее талантливые сверстники, но и тогда его продажи почти не уступали их продажам. Но это не важно. Фил наслаждался жизнью, и роман, который так долго толковался в «Экзегезе», получил контракт.

Фил наслаждался летним счастьем вместе с Дорис. В их новой квартире было две спальни и две ванных комнаты, что обеспечивало ему уединенность писания. Он привез своего кота Харви и внушительную коллекцию аудиозаписей. Один из альбомов, на обложке которого был изображен пришелец (вероятно, *Dragonfly* группы «Старшип»[262]), вывел Дорис из состояния апатии в первую неделю их совместного проживания. Фил признался ей, что, глядя на эту обложку, он понял: его сущность, по сути, неземного происхождения. Был ли он искренним или проверял пределы доверчивости будущих читателей? Скорее всего, и то и другое. Дорис подтверждает, что Фил казался искренним, когда говорил это, и что такие рассуждения возникали и исчезали.

Вместе они исследовали окрестности баррио, но Фила продолжала беспокоить агорафобия. Дорис считала, что он приписывает все свои тревоги хронической скорби по Джейн. В ресторанах Фил заботился о том, чтобы не набивать себе рот и чтобы кусочки пищи легко можно было проглатывать. В их квартире, как вспоминает Дорис, «у филовского «выключателя» было только два положения: «Я сейчас не пишу, и прошу твоего

полного внимания» и «Я сейчас пишу, и не прошу ничьего внимания». В первом режиме Фил был очаровательным мужчиной с лукавым, причудливым чувством юмора, которое выводило Дорис из ее самых мрачных настроений. Они могли вместе готовить обед, а после этого сидеть и смотреть кино по кабельному ТВ. Во втором режиме от вас требовалось его не трогать.

Он бодрствовал от восемнадцати до двадцати часов в день и жил по следующему расписанию: просыпался в 10.00 утра; писал весь день до быстрого «перекуса» в 5.00 вечера, а затем снова писал с 5.00 вечера до 6.00 утра. Рассказы занимали у него один или два дня, романы – от десяти дней до двух недель. Его концентрация была неимоверной – никакого шума не допускалось, кроме выбранной им музыки. Фил, бывало, шутил, что он вынужден писать быстро, так как его заметки были настолько никудышными, что иначе он мог бы забыть сюжет. Но Фил был большим мастером делать подробные заметки, которым никогда не следовал. Скорость была сутью: книга овладевала им, когда она писалась, как бы вытекая из его пальцев. Фил избегал играть на фортепиано, опасаясь, что это может снизить скорость набора текста. Не то чтобы Фил отказывался переписывать: под руководством редактора Ballantine Джуди-Линн Дель Рей он предпринял кропотливую переработку «Помутнения» в 1975 году. Он будет оплакивать тот факт, что его прошлое, связанное с палп-литературой, натренировало писать книги так быстро, чтобы оставаться в живых. Но даже когда Фил мог позволить себе не торопиться, первый черновик писался почти мгновенно.

Проблемы не заставили себя долго ждать. Когда Фил не писал, его настойчивые требования заставляли Дорис почувствовать, что у нее не осталось ничего личного. Писал он или нет, но Фил терзался, когда Дорис проводила время вдали от него с другими друзьями – мужского или женского пола. И был неприятный образ «сожительства». Фил в августе отменил запланированный приезд Изы (в то время ей было девять лет) на том основании, что ей не следует показывать такой образ жизни. Затем были склоки из-за денег. Фил щедро платил за их еду и аренду и отдал Дорис свой старый «Додж». Но он также был склонен указывать, насколько щедрым он был, выставляя себя жертвой (перед друзьями) и манипулятором (перед Дорис). Дорис вспоминает, что несколько раз предлагала оплатить половину расходов, но Фил отказывался от ее денег. В августе Дорис решила вернуться осенью в колледж, что было необходимо для ее цели стать епископальным священником[263]. Фил предложил заплатить две тысячи долларов за обучение, затем в последний

момент пошел на попятную на основании финансовой необходимости. Дорис едва удалось принять альтернативные меры – и она была в ярости.

В сентябре освободилась соседняя квартира, и Дорис ее заняла. Она рассматривала это как шаг, который сохранит славные времена, давая ей в то же время необходимую личную свободу. Для Фила это было опустошительным подтверждением того, что его роль «спасателя» всегда будет иметь обратные последствия. В июне он расторгнул свой брак, и вот теперь сентябрь, и он снова живет в одиночестве. Такие дела. В конце сентября Фил попросил Пауэрса отвезти его в офис к психоаналитику. Причина: Фил недавно нарушил правила дорожного движения, выехав на встречную полосу, лишь в последнее мгновение повернув к автозаправке, чтобы избежать самоубийственной аварии; теперь он не полностью доверял себе водить машину. Благодаря сохраняющейся депрессии 19 октября Фил записался и поступил в психиатрическое отделение больницы Святого Иосифа округа Оринджа. В дневнике у Пауэрса записано: «Дорис отвезла его в больницу, и она восхищалась им, когда он всем и каждому говорил: «Это Дорис – она привезла меня сюда». Он сказал ей, что любит ее так сильно, что это сводит его с ума».

Через два дня после госпитализации Пауэрс нанес Филу визит:

> Он был жизнерадостным (не как после[февральской] попытки самоубийства), и рассказал мне о девушке, которую он встретил в больнице, поклонницу Дилана и бывшую наркоманку; у него были смутные планы разыскать ее после того, как он выпишется. Он сказал мне, что «вышел из себя» в «Трейдер Джо» во вторник, когда покупал кошачий наполнитель, но я думаю, что в какой-то степени Фил делал покупки в качестве терапии, чтобы взбодриться.
>
> Один из тамошних врачей сказал Филу, что он (Фил, а не доктор) подбирает удивительно неподходящих девушек, чтобы влюбляться в них. Фил рассказал мне об этом и пожал плечами. «Это правда, Пауэрс, – признался он. – То, как я подбираю девушек, это как положить два булыжника в мешок и выйти в лес с фонариком, затем сложить эти булыжники вместе и закрыть горловину мешка после того, как туда что-нибудь попадет».

Эта шутка несправедлива по отношению к Дорис. Яростная привязанность Фила к ней продолжалась даже после того, как он

покинул больницу, и они согласовали свои соседские отношения. И он горевал, когда в декабре у Дорис прекратилась ремиссия. В конечном итоге она бы полностью восстановила здоровье. Но в течение трудного первого года выздоровления Фил купил Дорис кровать, ухаживал за ней с любовью и терпел болезненные шумы от рвоты, которые доносились через прилегающую стену (как терпел, до благородного конца, Херб Ашер во «Всевышнем вторжении»). Фил дал примерно 2400 долларов на финансирование социальной работы Дорис в епископальной церкви Мессии. Он помог Дорис и бедным одновременно, и это прекрасно. За исключением того, что деньги пошли на финансирование верхушки комитетских бюрократов. Уклонение от неотложных нужд не нравилось Филу, который давно скептически относился к Церкви как к учреждению. Но его чувство к Епископальным учениям были глубоки со времен «Палмера Элдрича». И он следил за доктринальными спорами достаточно, чтобы занять позицию против женщин-священников, потому что во время мессы священник преображается в Христа-мужчину.

В конце 1976 года редактор Херст попросил внести незначительные изменения в рукопись *Valisystem A* (первоначальная версия Фила будет опубликована в 1985 году под названием «Свободное радио Альбемута»). Не предупреждая Херста, Фил задумался о совершенно новом романе (в отличие от простого изменения), чтобы окончательно побороть «2–3–74». В конце концов, «Экзегеза» приносила все новые и новые поразительные идеи. В декабре 1976 года рождается «Принцип Зебры». Еще в шестидесятые годы Фил читал *The Mask of Medusa*[264], исследование мимикрии насекомых, которое предполагает, что люди могут быть обмануты гипотетической «мимикрией высшего порядка», как птицы – мимикрией насекомых (или львы – полосами зебр). В «Принципе Зебры» Фил задается вопросом: «А что, если «мимикрия высшего порядка» исходила от более высокого или даже божественного интеллекта?» Херсту Фил пояснил:

> Зебра, если можно так сказать, напоминает содержание любой религии, напоминает индуистскую концепцию Брахмана:
>
> *«Больны, кто мной пренебрегает.*
> Я весь сомненье, не обман.
> Я крылья вам – тем, кто летает.
> Я гимн – тот, что поет Брахман».

(Цитата из «Бхагават-гиты»)

Создание достойного нового романа, казалось, требовало, чтобы Фил перечитал и проанализировал все его прошлые фантастические произведения, чтобы определить, что, в свете «2–3–74», им уже сделано. (Лишь «Исповедь недоумка» – единственное из «реалистических» произведений – удостаивается внимания в «Экзегезе».) Вот одна попытка подведения итогов, из записи 1977 года:

> Итак, дюжина романов и слишком много рассказов, чтобы их сосчитать, несут послание об одном мире, скрывающем или заменяющем другой (реальный), о ложных воспоминаниях и галлюцинирующих (ирреальных) мирах. Послание гласит: «Не верь тому, что видишь; это захватывающая и разрушительная, злая ловушка. Под ней скрывается совершенно другой мир, даже расположенный по-разному вдоль линейной оси времени. И ваши воспоминания фальсифицированы, чтобы соответствовать фальшивому миру (по внутреннему и внешнему сходству). […].

В другой записи 1977 года Фил подчеркивает, что доброта – это единственное средство, которым мы владеем, чтобы установить истину этого мира:

> Если это [влияние поглощающих сатанинских сил] будет таким, то мое творчество станет обладать ценностью, помимо очевидного вклада в уличение Вселенной как подделки (и наших воспоминаний тоже). Оно предоставит самые точные и строго пересмотренные критерии, чтобы вытянуть на поверхность действительно реальное (любовь, исключения из правил, юмор, целеустремленность и т. д. – маленькие добродетели).

Работа над «Экзегезой» была одной из причин, по которой Фил смог успешно приспособиться жить в одиночестве. Другой причиной были мирные и дружеские отношения, установившиеся с Тессой, которая приходила с Кристофером в гости два или три раза в неделю, даже после завершения развода в феврале 1977 года. Хотя Тесса получила право законной опеки над Кристофером, Фил мог продолжать встречаться со своим сыном.

Также можно учитывать, что Филу посчастливилось жить в нескольких минутах ходьбы от Пауэрса, чей добрый юмор, спокойный взгляд и обширная начитанность делали его

идеальным собеседником. Пауэрс принимал гостей вечером по четвергам, и эти встречи стали традиционными. Неформальность была правилом, и основная группа[265], кроме Фила, состояла из подающих надежды авторов – Пауэрса, К. У. Джетера и Джеймса Блейлока, которые с тех пор стали тремя самими заметными фантастами поколения. Также часто присутствовал Стив Малк, который работал в книжном магазине и снабжал Фила последними изданиями по философии и религии; Рой Сквайрс, библиофил и издатель малотиражных книг; и братья Крис и Грег Арена, чья дворовая смекалка восхищала Фила. Было решено, что по вечерам в четверг собирается нечто вроде мужского клуба: женщины не допускались (Серена Пауэрс стала исключением после ее брака с Тимом в 1980 году). Руководящие принципы были установлены, как того требовала необходимость: никакого огнестрельного оружия, никакого входа или выхода через окна квартиры на втором этаже. Поскольку Пауэрс подрабатывал в табачной лавке, были трубки и образцы ароматных табачных смесей, остальные же приносили прекрасный солодовый шотландский виски.

Фил обычно нюхал табак и пил «Орандж Краш». Он был одним из этих парней, а книгами он зарабатывал на жизнь. Слово Пауэрсу: «Я думаю, подлинной эмоциональной стороной Фила, которую видели его подруги, была не та, которую он показывал друзьям-мужчинам. Он смотрел на собрания с друзьями как на нечто, приносящее облегчение». Типичными темами разговоров с Филом были его проблемы со здоровьем, его проблемы с автомобилем, Библия, метафизика, музыка, политика, а также его сильное увлечение актрисами – Викторией Принципал, Кэй Ленц и, прежде всего, Линдой Ронстадт. Блэйлок вспоминает:

> Не его писательское творчество заставляло меня так сильно восхищаться им, а его глубочайшее и чистейшее великодушие. У него была мысль о том, что человек, которого ты вовсе не знаешь, может помочь тебе без всякой на то причины – и Фил был как раз таким человеком. И он был очень забавным. Его смех очень редко прекращался.
>
> Он всегда был готов с рвением обсуждать какую-то идею в «Экзегезе», над которой он в данный момент работал, – он был в восторге от Фибоначчи [открывателя пропорций «золотого сечения»] и от гностиков. Мы сидели, бывало, разинув рот, когда Фил чрезвычайно убедительно раскрывал ряд экстравагантных взаимосвязей между этими вроде бы произвольно

выбранными вещами. К концу вечера… Не буду клясться, что поверил ему, но я иногда был до смерти напуган, а иногда был просто в изумлении.

К. У. Джетер, третий молодой писатель в этом триумвирате, был в равной степени очарован рассуждениями Фила, но всегда был более скептичен, чем Блейлок или Пауэрс. Фил и Джетер впервые встретились в 1972 году после того, как профессор МакНелли показал Филу рукопись романа, написанного Джетером, тогда еще студентом. (Роман *Dr. Adder* был в итоге опубликован в 1984 году, с послесловием Фила.) Но Фил подозревал, что Джетер мог быть правительственным агентом, и поэтому решил разорвать с ним персональный контакт. Они возобновили свою дружбу в конце 1976 года, после трехлетнего перерыва, и теперь Джетер играл роль овода в совершенстве. Бывший антивоенный активист из Социалистической рабочей партии[266], Джетер был мало увлечен религиозными теориями Фила, родившимися из опыта «2–3–74». Но Джетер знал, как распалить огонь теории, усложняя идеи Фила. Он обратил внимание на сходство между романами Фила и романами Уильяма Берроуза – теми, где вторгшийся инопланетный вирус поглощает человеческие способности (у Берроуза вирусом являлся человеческий язык). Джетер и Фил под влиянием Берроуза даже представили свой собственный писательский эксперимент, сделав «нарезку»[267] текстов из *The Detective* Родерика Торпа, «Моби Дика» Мелвилла и новозаветных «Деяний святых апостолов».

Джетер работал кладбищенским сторожем в воспитательной колонии для малолетних преступников округа Ориндж, и у него ночью было время на поздние беседы с Филом по телефону. Фил бросал свою урочную работу над «Экзегезой», чтобы протестировать последние идеи на друге. В интервью Энди Уотсону Джетер подчеркивает, что, при всем его увлечении теориями, Фил сохранял взгляд скептика: «С другой стороны, так сказать, вне поля зрения, он постоянно хранил то, что мы называли […] минимальной гипотезой, которая заключалась в том, что это [«2–3–74»] было ничто». В интервью с автором Джетер предполагает, что даже в своих самых пылких отрывках из «Экзегезы» «Фил проникается верой и кружит вокруг нее, чтобы проверить ее мерой абсолютной истины». Джетер также допускает, что Фил, зная его скептицизм, мог адаптироваться под ожидания слушателя, да собственный скептицизм Фила играл большую роль в их разговорах.

Друзья, которым можно доверять, работа, которая целиком

захватывала его по ночам, стабильность в карьере и безопасное место жительства – когда еще в последний раз Фил испытывал такое спокойствие?

Но кое-чего недоставало, и Фил знал, что это. «В феврале 1977 года я начал галлюцинировать (если это правильный термин) во время ночных состояний – гипногогические и гипнопомпические галлюцинации[268] и т. д. – и ощущать присутствие женщины совсем близко от меня, в моих руках, так что ближе быть не может. Однажды начавшись, это ощущение продолжало сохраняться».

Женщиной, которую Филу суждено было встретить, была Джоан Симпсон; ей тогда было тридцать два года, и она занимала должность психиатрического социального работника в Государственном госпитале Сономы в Лунной Долине[269]. Благодаря своему другу и книготорговцу Рэю Торренсу Джоан открыла произведения Фила и стала коллекционером милых, аляповатых изданий Ace Double пятидесятых годов. Самостоятельная и финансово независимая, Джоан была проницательной, веселой и чувственной, с вьющимися каштановыми волосами и большими карими глазами. Когда Торренс однажды попросил Джоан назвать двух людей, с которыми она больше всего хотела бы познакомиться, Фил обошел рок-промоутера Билла Грэма[270] и занял первое место. Не ставя Джоан в известность, Торренс от ее имени написал Филу рекомендательное письмо, а тот сразу перезвонил и пригласил ее в гости. Джоан вспоминает свой приезд в апреле 1977 года:

> «Ехать надо было двенадцать часов. Я приехала туда уже ночью и позвонила по телефону, Фил сказал: «Заходите». Нужно было позвонить в ворота, чтобы войти. Он жил наверху, и там за углом лестницы торчала голова. Оказывается, это было Фил. Он увидел меня, подошел: «О! О!» – и убежал. На самом деле он сказал: «Вы Джоан Симпсон?», а я ответила: «Да, а вы – Филип К. Дик?» И уже после этого он воскликнул: «О! О!» Я пошла за ним, и, когда я добралась до его квартиры, он говорил по телефону с Джетером, напевая: «Она красотка, она красотка…»[271]
>
> Мне сразу стало так спокойно. Он, конечно, не был суровым или пугающим человеком, каким, как я думала, он мог бы быть. Возможно, чокнутым, но таким ребячливым и ничуть не угрожающим. Это очень многое говорит о Филе – он был как-то естественно очень искренним и наивным. Это, в сочетании с множеством

безумств, физических и эмоциональных проблем и с таким обилием умственной энергии и гениальности, делало его самым необычным человеком, которого я когда-либо встречала.

Мы долго разговаривали. Он сказал мне, как рад, что мне не пришлось долго тащиться пешком. Хотел узнать, замужем ли я, есть ли у меня бойфренд. В то же время – очень по-джентльменски, без гадких намеков. Он был просто ужасен, когда суетился – это действительно не в его стиле. Он сказал мне: «Вот ваша комната, вы можете остаться здесь, запереть дверь, если хотите». Да, я осталась там. На неделю. Это было началом наших отношений.

В ту самую первую ночь Фил говорил о «Зебре» и тому подобных вещах – он был плоть от плоти своих романов. Это было удивительно. Я сказала ему, что когда впервые начала читать его вещи, то подумала, что это не вымысел в обычном смысле слова. Я до сих пор так думаю. Он не был тем человеком, который вдохновился идеей рассказа или романа и написал его. Это был личный опыт.

Во время пребывания Джоан у Фила все было в типичном беспорядке. Кошки искали блох, лежа на двух стеклянных кофейных столиках, нюхательный табак был повсюду – бесчисленные маленькие жестянки «Декана Свифта» доставлялись ежемесячно из Сан-Франциско, а также повсеместный коричневый слой табачной пыли. Стопки книг, и пластинок, и страниц «Экзегезы». Столько бутылочек с таблетками, что их хватит на аптечный склад. Фил ежедневно принимал несколько прописанных лекарств: миорелаксанты, противогипертензивные препараты, антидепрессанты. Питался в основном замороженными обедами и мясными пирогами.

Они прекрасно провели время вместе. Спали они допоздна, а активная жизнь начиналась после полудня и велась до позднего вечера. Ежедневная куча почты, с которой надо было «разбираться». Заглядывали друзья. И Фил каждый день писал – письма и «Экзегезу». Джоан говорит: «Я хотела быть рядом с ним, чтобы учиться у него. Я не любила его такой юной душераздирающей любовью. Я любила его, как любят великого мастера. Через три недели я вернулась в Соному, и он поехал со мной – вот что было удивительно!»

В самом деле, готовность Фила, под влиянием момента, оставить позади дом в округе Ориндж (за который он продолжал

вносить арендную плату) и вернуться в район Залива – место ограбления и многих других прошлых скорбей и опасностей – максимально возможное свидетельство радости, которую он получал от новых отношений. Фил и Джоан были очень близки, но они никогда не становились любовниками в буквальном смысле слова. Фил в то время не был способен на секс; причины неясны (одна возможная теория заключается в том, что потеря сексуального интереса являлась симптомом эпилепсии височной доли), но к началу восьмидесятых годов Фил снова стал сексуально активным. С Джоан это были объятия и тепло, которые имели значение.

Вместе в мае они арендовали дом в Сономе на Чейз-стрит, 550, и у них сложился круг друзей, включавший в себя Рэя Торренса и его приятеля, тоже торговца книгами, Нила Спрэга, Пола Уильямса, писателя-фантаста Ричарда Лупоффа и психологов Дэвида и Джоан Мэй. Лупофф проводил интервью с Филом на радио KPFA в Беркли; они время от времени также беседовали в доме на Чейз-стрит. Лупофф вспоминал один из таких обменов мнениями, который показывал юмористическую «мимикрию» Фила, с которой тот реагировал на бесплодные споры:

> «Фил и я сидели на полу, и на нем было надето распятие – большой, вырезанный вручную деревянный крест. И я спросил, почему он носит его и насколько серьезно он к этому относится? И он сказал: «Послушай, я живу в Санта-Ане, а Джоан живет в Сономе. Это значит, что я трачу много времени[272] на поездку в машине по автомагистрали I-5. И как-то раз меня остановил дорожный патруль; они подошли к моей машине, наклонились к окну и сказали: «Сэр, понимаете ли вы, что превысили ограничение скорости?» и тут я поглажу мое распятие и скажу: «Что вы, офицер, я не знал об этом». Фил сказал, что никогда не получал квитанций на оплату штрафа».

Начать с того, что Фил не пользовался регулярно автомагистралью I-5. Он лишь единожды приехал в Сономе вместе с Джоан и остался там. А если ближе к делу, то такие друзья, как Дэвид Мэй, вспоминают бесчисленные разговоры с Филом на духовные темы. «Я уверен, что его главными установками было исполненное веры ожидание Благодати, и он считал, что для этого день за днем надо делать добрые дела, наполненные любовью и милосердием по отношению к окружающим людям».

Как бы ни были высоки его устремления, он не мог избежать приступов тяжелой депрессии. Джоан вспоминает:

> Кто бы ни был с ним в это время, он должен был оставаться с ним постоянно… Я собиралась было сказать – сиделка, но нет – компаньон, домашняя хозяйка. И не ждать от него того же самого. В основном это было ведение домашнего хозяйства и уход – Фил реально падал духом, когда оказывался в неработоспособном состоянии. Он бывал в такой депрессии или так физически болен, что ложился в постель, и только Бог знал, когда он мог ее покинуть.
>
> Фил страдал от учащенного сердцебиения, потливости, высокого артериального давления, временами вообще от каких-то неуловимых вещей. Все обвиняли его в симуляции. Но психологическое состояние тревоги может проявляться и физиологическими симптомами – головными болями, язвенной болезнью; я думаю, что каждый согласится с этим. Депрессии Фила принимали самые разнообразные формы.
>
> Я должна была давать ему много НЛЗ [нежной любовной заботы] и оставлять его в покое. Нельзя было говорить ему что-то вроде: «Давай, вылезай из постели, и ты почувствуешь себя лучше». Он не очень хорошо реагировал на терапию реальностью. Лучше действовало: «Я позабочусь о тебе, самому тебе ничего не надо делать, не переживай».

Этим летом Фил написал рассказ как подарок для Джоан: «День, когда мистер Компьютер рухнул с дуба»[273]. Написанный в наивной манере, «Мистер Компьютер» – это генеральная репетиция нескольких ключевых тем «Валиса». Это также декларация любви, которая одновременно восхищала и пугала Джоан, которая боялась, что не сможет выполнить задачу сохранить мир в целости, как главная героиня «Мистера Компьютера»:

> «Мало того, что это занимает много времени и энергии – это отнимает у тебя все, что ты можешь сделать для себя как единое целое. Это требует полной, двадцатичетырехчасовой преданности – убедись, что компьютер и все остальное в порядке».

Кажется, что Фил всегда имел дело с сильными

женщинами, но в нем было что-то, желающее всех женщин сделать маленькими девочками, покупать им что-нибудь. Это была его форма заботы и преданности. Если что-то докучало мне и я хотела забраться к нему на колени и почувствовать себя уютно, то это было здорово. Но если это было что-то более глубокое, то ему было неудобно, потому что влекло за собой ответственность. А это могло стать тяжким бременем.

Я действительно не могла позволить ему баловать меня как маленькую девочку. У меня была своя машина, свои деньги, своя жизнь – во многих отношениях я была противоположностью тому, чего он хотел от меня.

Это его желание баловать имело также и противоположный эффект. Если что-то не получалось, или был развод, та самая женщина, которой он хотел покупать разные вещи, воспринималась им в «перевернутом» виде: «Она хочет мой дом, мои романы».

Тем летом в Сономе Фил возобновил свое знакомство с писателем-фантастом Робертом Силвербергом. Впервые они встретились в 1964 году, но с тех пор Силверберг продолжал собирать многочисленные премии «Хьюго» и «Небьюла» и зарабатывать авансы, которые и не снились Филу. В интервью он вспоминает: «Фил действительно чувствовал конкуренцию со мной, некоторого рода – в хорошем смысле. Но преимущество всегда было на стороне Фила, потому ли, что я был «дерзким новичком в квартале», а может быть, и потому, что в нем было что-то созвучное моему характеру. Он всегда игриво состязался со мной, постоянно вызывая меня на шутливую пикировку». Но юмор мог служить только фасадом. Силверберг пишет: «Как-то у нас была долгая публичная беседа на ломаной латыни в коктейль-баре отеля, где проходил конвент; это было дико смешно, но я бы лучше предпочел говорить с ним по-английски. Я посчитал, что он меня не понимает».

В начале 1977 года Силверберг положительно оценил «Помутнение» в журнале *Cosmos*. Последовала переписка, в которой Силверберг признался Филу, что его терзает столь продолжительный разрыв их отношений. Для Силверберга Фил был человеком, который жил «на обочине» достаточно долго, чтобы служить достойным проводником в трудные времена. Действительно, Фил предложил утешение и совет, и конкурентное превосходство исчезло. В их приватных беседах Фил показался Силвербергу «намного спокойнее, гораздо более аутентичным и не работающим на публику. В основном он

выглядел очень обеспокоенным и испуганным. Его издатели, здоровье, женщины, тот самый взлом. Всегда что-то было».

В июне – июле 1977 года Д. Скотт Эйпел и Кевин Бриггс брали интервью, которые включены в превосходную книгу Эйпела *Philip K. Dick: The Dream Connection*[274]. Эйпел пишет: «По фотографиям нельзя судить о его внешности. Он был крупным, физически внушительным и волосатым. Носил слаксы и распахнутую рубашку, как если бы его волосатая грудь и живот не терпели ограничений». Эйпел отмечает, что во время разговора по телефону Фил часто прерывался, чтобы проконсультироваться со своей картотекой «Ролодекс». «Возвращаясь к беседе, он всегда вставлял личные комментарии вроде: «Как прошла операция у вашего кота?» – или: «Что же вы не звонили полгода?» Когда звонок заканчивался, он делал пометку о разговоре на карточке абонента, а затем возвращался к нашему интервью».

Фил боролся с депрессией на протяжении всего лета – неспособность найти роман, который бы подошел к событиям «2–3–74», оставляла у него чувство безнадежной бесполезности, а невыполненный контракт с Bantam тяготил его. Но отношения с Джоан вселяли в него новую уверенность. Доказательством этому было его желание поехать вместе с ней в сентябре 1977 года в Мец, во Францию, на фестиваль фантастики[275], куда он был приглашен в качестве почетного гостя. Фил очень нервничал перед поездкой, и он сделал себе запас «спидов» – единственный раз, когда он прибег к амфетаминам в свое последнее десятилетие.

Несмотря ни на что, для Фила фестиваль в Меце был триумфом над старыми страхами. Он наслаждался прекрасной архитектурой города, получал удовольствие от пробы французской еды и вина, и был, что вполне понятно, взволнован тем, что во Франции фэны и пресса называли его величайшим писателем-фантастом в мире. Тем временем Джоан слегла с желудочным гриппом и не покидала стен их гостиничного номера. Во время их разрыва, два месяца спустя, Фил будет утверждать, что у нее во Франции был «нервный срыв». После скандала с Джоан по поводу этих слов он стал отрицать это заявление. Реальность заключалась в том, что Фила раздражало ее отсутствие рядом с ним на протяжении всего фестиваля, хотя это и давало ему свободу безумно флиртовать.

Роджер Желязны, который также принимал участие в фестивале в Меце, вспоминает, что репутацию Фила опережала репутация шестидесятых годов. На одном обеде молодой француз заметил таблетку, которую Фил положил рядом со своей тарелкой, и спросил, что теперь ожидать. Фил объяснил, что он

быстрее почувствует себя лучше, если вдруг заболит горло.

Произошла совершенно «филдиковская» неразбериха в связи с речью Фила как почетного гостя, *If You Find This World Bad, You Should See Some of the Others*[276]. В речи было множество рассуждений, почерпнутых из опыта «2–3–74», таких как: наш мир видится гностической компьютерной игрой в шахматы – «Бог, Программист-Перепрограммист, не делает своих упорядочивающих ходов против инертной материи; он имеет дело с хитрым противником. Скажем, на игровой доске – нашей Вселенной в пространстве-времени – темный соперник делает свой ход и устанавливает реальность». Все это выглядело бы весьма впечатляющим, если бы Фил читал свою речь так, как он ее написал (с синхронным переводом на французский язык). Но в последний момент организаторы фестиваля попросили Фила уменьшить ее до двадцати минут. Фил сделал несколько поспешных сокращений, которые, увы, не совпали с теми сокращениями, который сделал его переводчик. В результате двуязычный гибрид вместе и упоение Фила посеянным насмешками хаосом – все это привело публику в изумление. Желязны вспоминает:

> […] Через несколько часов после запланированной речи люди начали выходить из зала, в котором выступал Фил. Ко мне подошел мужчина с книгой и спросил: «Месье Желязны, вы написали книгу с месье Диком [«Господь Гнева»]. Вы знаете его мысли. Я только что пришел с его выступления. Правда ли, что он хочет основать новую религию с самим собой в роли Папы? Я ответил: «Что ж, он никогда не делился столь честолюбивым замыслом со мной. Я не знаю, как все это могло прозвучать в переводе. У него очень своеобразное чувство юмора. Возможно, смысл не донесли правильно. Я не думаю, что он хотел, чтобы его воспринимали буквально».
>
> Парень, который был у меня за спиной, сказал: «Нет, я думаю, что вы неправы. Я помчался обратно в отель на такси, и месье Дик дал мне власть отпускать грехи и убивать блох». Я заметил: «Уверен, что это было сказано с сарказмом. Я не стал бы слишком зацикливаться на этом».
>
> Немного погодя подошел еще один парень. […] «Так вот, в своей лекции он сказал, что существует множество параллельных временных дорожек, и мы находимся на неправильной, потому что Бог и Дьявол играют в

шахматы, и всякий раз, когда один из игроков делает ход, он перепрограммирует нас на другую временную дорожку, и что, когда Фил Дик пишет книгу, она переключает нас обратно на правильную дорожку. Как бы вы смогли это прокомментировать?»

Я взмолился, чтобы от меня отстали.

Харлан Эллисон также присутствовал в Меце. Они с Филом не общались со времени их разрыва в 1975 году, и Эллисон проигнорировал выступление Фила. Он вспоминает, что публика, возвращаясь в бар отеля, где Эллисон сидел, потягивая «Перье», «выглядела так, как будто их оглушили ударом молотка. Они не могли мне это описать, за исключением того, что подумали: он был либо пьян, либо под кайфом. После речи Фил, если и не был подвергнут остракизму, то отношение к нему радикально изменилось. Мне было больно за него, но я не мог или не хотел приблизиться к нему, чтобы помочь».

Эти двое столкнулись друг с другом несколькими днями позже в том же самом баре отеля. Они ничего не выпивали, но поток красноречия изливался больше часа. Эллисон вспоминает:

Физически Фил выглядел чертовски плохо. Бледный, темные мешки под глазами, затравленный взгляд. Я не знал, что он пережил. К тому времени я был убежден, что он чокнутый, не заслуживающий доверия и не подходящий для того, чтобы с ним обращались как с другом.

Это началось с того, что он сразу же отпустил в мой адрес колкую насмешку, а потом просто ушел оттуда. Фил мог сказать что-нибудь причиняющее тебе боль, но он произносил это с таким умом, что у него это звучало легкомысленно и фривольно. А я не позволил делать из себя осла.

Джоан, которая была свидетелем ссоры, вспоминает об этом следующим образом:

Фил был полной противоположностью Харлану. Харлан очень наглый, бойкий и дерзкий, и вот вам Фил – олух олухом. Фил никогда не был особенно галантным или самоуверенным человеком. Крошки нюхательного табака на усах, а на галстуке девяносто два пятна – ну, вы понимаете. И Харлан думал, что Фил относится к людям очень негативно, потому что он заплутал, был потерян, зависел от сторонней поддержки, вместо того

чтобы быть «капитаном собственного корабля».

Во всяком случае, они ввязались в этот тяжкий спор. Фил чувствовал себя очень хорошо в подобных ситуациях. Вот Харлан стучит себя в грудь, а Фил смотрит на него как философ. Фил выглядел просто великолепно – намного более энергичным и сексуальным, чем я его когда-либо видела.

Массовка в баре получала удовольствие от такого «кровопускания», но разрыв между двумя друзьями на сей раз оказался окончательным – к постоянному сожалению у них обоих.

План после возвращения в Штаты был следующим: Фил покончит со своими делами в Санта-Ане, после чего воссоединится с Джоан в Сономе. В октябре Фил участвовал в конвенте «ОктоКон»[277] в Санта-Розе, где общался с родственными душами – Теодором Старджоном и Робертом Антоном Уилсоном. Но теперь Фил отказался от переселения на постоянное жительство назад в Северную Калифорнию, а Джоан даже не рассматривала переезд в округ Оринджж. Их отношения закончились. Долгие годы Фил будет скучать по Джоан – последней женщине, с которой у него сложились серьезные отношения.

Но дружба и работа над «Экзегезой» поддерживали его. Он теснее сблизился с Джетером благодаря их полуночному сотрудничеству. В конце 1977 года Джетер познакомил Фила с альбомом *Discreet Music* – минималистической работой с использованием зацикленных сэмплов, записанной Брайаном Ино[278], ставшей прообразом «синхронической музыки» композитора «Брента Мини» в «Валисе». Фил обожал этот альбом и постоянно его проигрывал. Вспоминает Джетер:

> И я думал: «Иисусе, Фил. Ты, может быть, и не на наркоте, но у тебя личность наркомана. Дай тебе что-нибудь хорошее, и первое, что ты сделаешь, так выйдешь и начнешь этим злоупотреблять».

Колкие насмешки Джетера оказывали целительное воздействие на Фила, встряхивая его и выводя из периодических депрессий. Когда он пребывал в унылом состоянии в марте 1978 года, Джетер сказал ему, что если ему влом поднять задницу и выйти на улицу, чтобы купить что-нибудь, что могло бы его взбодрить, – хорошую стереосистему, – значит, он неудачник, и лучше бы было со всем этим покончить. Они вместе пошли в салон аудио, где Фил с радостью приобрел превосходную

систему. В мае Фил купил за наличные новенький красный автомобиль «Меркьюри Капри». Он мог себе позволить такие шаги, потому что продажа зарубежных и репринтных изданий его работ в сумме подняла его материальный статус и впервые в жизни он оказался на уровне верхушки среднего класса. В 1977 году его доход составил примерно 55 тысяч долларов; в 1978-м он вырос до 90 тысяч долларов. Фил жертвовал деньги ряду благотворительных организаций, включая «Заботу», «Спасем детей» и «Крестовый поход ради жизни» – группу противников абортов. И он испытывал гордость и комфорт в успехе, которого он наконец-то добился. Но деньги не изменили привычного образа его жизни: обеды с соседкой Дорис, нюхательный табак, вечера у Пауэрсов по четвергам и «Экзегеза».

Джетер иногда возил Фила на сеансы групповой психотерапии в Медицинский центр округа Ориндж. Филу не нравились эти сеансы, но их требовалось посещать, чтобы получать прописанные медикаменты. Он пытался получить, как говорится, «с паршивой овцы хоть шерсти клок». Джетер вспоминает:

> И он вышел оттуда с номерами телефонов! С телефонами всех этих очень странных людей. Я сказал: «Фил, ты собираешься идти в бар и встречаться с людьми? Делай все, что захочешь. Включая церковь. Это замечательно. Но не ходи в психиатрическое отделение окружного госпиталя Оринджа, чтобы возвращаться оттуда с телефонными номерами. Это не те люди, с которыми тебе следует связываться».
>
> На это он ответил: «Да, я полагаю, что ты прав».
>
> Он был единственный человек, которого я когда-либо знал, кто серьезно в таких местах искал знакомства для свиданий.

Фил уже давно задерживал обещанный роман для Bantam. Он буквально взрывался метафизикой, но очертания сюжета не вырисовывались. Между тем, из своих рукописных записей в «Экзегезе» он попытался синтезировать его ключевые идеи. В январе 1978 года он напечатал за одну долгую ночь эссе под названием *Cosmogony and Cosmology*[279], в котором утверждается, что *Urgrund* (первооснова Бытия) с целью самопостижения «сконструировал проектирующий реальность артефакт (или Демиурга, см. Платона и гностиков)», который, в свою очередь, создал наш собственный иллюзорный эмпирический мир. Мы, в одно и то же время, обучены и порабощены артефактом. Чтобы духовно развиваться, мы должны научиться освобождаться от

ложной реальности – не повиноваться нашему наставнику. Нас побуждает к этому страдание:

> Что можно сказать в защиту страдающих малых сих в этом мире? Ничего. Ничего, кроме того, что оно, это страдание, по самой своей природе, вызовет бунт или непокорность, что, в свою очередь, приведет к ликвидации этого мира и возвращению к Божественному.

В эссе, написанном позднее в том же году, *How to Build a Universe That Doesn't Fall Apart Two Days Later*[280], Фил исследует аналогичные темы, но с большим скептицизмом и легкостью. Его заглавие игриво обобщает содержание «Экзегезы», которая к тому времени уже насчитывала несколько тысяч страниц.

В августе 1978 года Дороти умерла в госпитале в районе Залива. Во время финальной стадии ее болезни Фил звонил Линн Сесил, которая знала, насколько мучительным для него будет путешествие, и отговаривала его от того, чтобы он прилетел и нанес последний визит. Первой реакцией Фила на смерть матери был шок и горе. Его вторая жена Клео вспоминает, что (к ее большому удивлению) Фил позвонил ей по междугородной связи, чтобы рассказать о новостях, и в его голосе было смятение и страдание. Затем снова наступило равнодушие. В его телефонной книжке рядом с именем Дороти он написал просто *todt* (по-немецки: *мертва*). А в «Экзегезе», в конце 1978 года, уход Дороти из жизни выглядит как благоприятный поворот, способствующий личностному росту Фила:

> Только сейчас, когда я в первый раз в жизни финансово обеспечен, я начинаю здраво мыслить и освобождаюсь от психотической активности. […] К тому же мои прошлогодние достижения – путешествия, жизнь с Джоан – сотворили чудо с моим психологическим здоровьем. Я научился говорить «нет», и я победил большую часть своих фобий. Я думаю, что они пошли на спад, когда я впервые научился радоваться, живя в одиночестве. […] Смерть матери мне в этом помогла, потому что теперь я вижу, какой зловещей фигурой она была в моей жизни и как я боялся и не любил ее, чего она и заслуживала.

Что больше всего поражает в данном пассаже, так это бесцеремонность, с которой Фил говорит о смерти Дороти, – это не больше и не меньше, чем одна из записей о событиях,

демонстрирующих улучшение психологического состояния Фила. Его ненависть по отношению к ней, что здесь подчеркнуто, была полной, и раскаиваться в этом он не собирался. Из всех особенностей личности Фила эта, вероятно, наиболее поразительная и удручающая. Что касается Дороти, то она любила своего сына, и во многих эпизодах из жизни Фила – в то время, когда он только начал писать, во время его разрыва с Энн, в мрачные дни в Санта-Венеции, – его вытаскивала из тяжелых ситуаций только материнская любовь. Но этого было недостаточно – ни для Фила, ни, конечно же, для его сестры Джейн. А теперь, наконец, оба они были «отомщены».

В сентябрьской записи 1978 года Фил был не столь оптимистичен по поводу своих перспектив. Форма для романа, охватывающего «2–3–74», все еще ускользала от него. Он потерялся в собственных вопросах. Он чувствовал, что скоро умрет:

> Мои книги (и рассказы) – это интеллектуальные (и концептуальные) лабиринты. И сам я в интеллектуальном лабиринте, и пытаюсь найти выход из того положения, в котором мы находимся (кто мы такие, и как мы видим этот мир, и мир как иллюзия, и т. д.), потому что сама ситуация и является лабиринтом, который всегда возвращает тебя назад, к тому, с чего ты начал, и возникают ложные подсказки, вроде твоего «бунта». […]
>
> Сам факт того, что после четырех лет напряженных размышлений и толкований я достиг этих выводов (не говоря уже о том, что мои произведения публикуются на протяжении 27 лет), и я понял, что избран для того, чтобы умереть, – именно это не даст мне возможности облечь мое глубинное знание, мой «гнозис» в форму, пригодную для публикации, – это состояние, которое может быть выведено только из результатов моего самопознания и которое покажет, что я на верном интеллектуальном пути, но все это напрасно.

В конце сентября «Тереза» – молодая женщина, с которой Фил познакомился в Меце годом ранее, – приехала к нему и остановилась на месяц в его квартире в Санта-Ане. Фил был добрым хозяином, который оказывал финансовую помощь и эмоциональную поддержку. По словам Фила, в последний вечер своего визита Тереза предложила заняться любовью с ним в виде вознаграждения за его доброту. Такая вульгарная манера возмутила Фила, даже при том, что он почувствовал вожделение.

Он послал ее. В полной страданий записи в «Экзегезе» с обольщения сексом были сорваны покровы, чтобы под кожей обнажить череп Смерти. Похоть – как в искусстве, так и, собственно, в самой «Экзегезе» – это военная хитрость лабиринта:

> Теперь я знаю грех и зло, я знаю себя и что пошло не так – то, о чем говорит Книга Бытия. Я знаю, что без помощи Христа я проклят. […] Очевидно, я не могу покарать себя за первородный грех, убив себя или будучи убитым; моя кара – это то, чего я не хочу: жизнь. И одинокая, и бессмысленная жизнь, жизнь, которую я ненавижу. Чего я действительно хочу, так это того, что я хотел от [Терезы]. Но цена слишком высока: смирение, чтобы быть униженным и знать, что я был унижен. Это как быть зависимым от какого-то отвратительного наркотика.

В своей горячности Фил возвращается к тону подозрения и отвращения, которым отмечены описания секса в его самых ранних «мейнстримных» романах конца сороковых годов, таких как «Время собираться» и заметки для незаконченного романа *The Earthshaker*. Фил не был ханжой, но у него имелось внутреннее чувство отвращения к сексу, которое никогда не проходило, даже несмотря на удовольствие от его взрослых сексуальных переживаний. Кроме того, временная импотенция в период жизни с Джоан Симпсон в 1977 году могла повлиять на его страх перед Терезой.

Другой неотложной проблемой оставался ненаписанный роман для Bantam. Новый молодой сотрудник Агентства Мередита сыграл роль помощника в решении этой проблемы. Рассел Гален был горячим поклонником творчества Фила, и именно ему было поручено работать с Филом как с клиентом. Он вспоминает: «То, что должны были делать в интересах Фила, не делали, и я просто начал этим заниматься. Никто не возражал, поскольку это принесло значительный доход агентству». Под эгидой Галена активно переиздавались прежние произведения Фила, и именно Гален будет вести переговоры по поводу съемок фильма «Бегущий по лезвию». Но ни одно из усилий Галена не было столь роковым, как безуспешная попытка в сентябре 1978 года выставить на продажу нон-фикшн Фила. Восхищенный тем, что его так поддерживают, Фил отправил пылкое письмо с благодарностями, а Гален убедил Фила, что тот созрел для нового произведения.

29 ноября Фил отправил почтой в Агентство Мередита рукопись «Валиса» с посвящением: «Расселу Галену, указавшему

мне верный путь». В сопроводительном письме было написано: «Вот ВАЛИС для Bantam. Моя работа завершена».

* * *

Ободрение Галена было решающим. Но это произошло под конец четырехлетней битвы за форму, в которую нужно облечь «2–3–74». Как вы можете что-то описывать, если не уверены в реальности произошедшего? Как вы можете выстраивать драматическую интригу из событий, которые выглядят безумными почти для всех окружающих?

Вопросы были достаточно сложными, чтобы вынудить Фила на протяжении нескольких лет пробовать целый ряд вариантов. С апреля по ноябрь 1974 года Фил обдумывал роман, названный *Valisystem A*, ставший продолжением истории персонажа «Замка» – Готорна Абендсена – автора книги «…И отяжелеет кузнечик», в которой во Второй мировой войне победили Союзники, а не нацистская Ось (альтернативно-исторический роман в мире альтернативной истории). В *Valisystem A* Фил планировал, что Абендсена захватят нацисты; но Абендсен не сможет сказать им то, что они хотят узнать, – насколько истинно видение «Кузнечика»? – потому что он сам не уверен в этом.

Переход к новому видению, озаглавленному *To Scare the Dead*, описан в февральском письме 1975 года. *Valisystem A* отложен. Это произведение становится частью чего-то нового:

> Я скомбинировал VALISYSTEM A с TO SCARE THE DEAD.
>
> Каждый мой роман – это два романа, наложенных друг на друга. Так он возникает. Вот почему он полон незавершенных концовок и именно поэтому все непредсказуемо – потому что нет линейного сюжета как такового. Эти два романа образуют своего рода трехмерный роман.

Название *To Scare the Dead* происходит от шока, испытанного ранними христианами (такими как «Фома» Фила), когда они возрождаются в головах современных калифорнийцев, таких как главный герой Николас Брейди. В письме от марта 1975 года Фил набросал новый сюжет. Брейди (Абендсен уже забыт) обнаруживает, что «он един в двух лицах: прежнее «я» с обычной работой и с обычными обязанностями, и Кумранский ессей из 45 г. н. э.». Фил играл с идеей превращения Брейди в правительственного агента, который шпионит за персонажем,

основанным на образе епископа Пайка, а затем понимает, что исследования Пайка порождены его собственным «Опытом».

Фил вернулся к *Valisystem A* и написал роман летом 1976 года. В конечном итоге он был опубликован в 1985 году под названием «Свободное радио Альбемута». Альбемут направляет Брейди, продавца из магазина пластинок в Беркли, устроиться в компанию звукозаписи менеджером по репертуару и выступить против Черной Железной Тюрьмы, управляемой президентом Феррисом Фримонтом[281] (чей образ навеян Ричардом Никсоном). В жизни Брейди во многом отражена жизнь Фила, но «Фил Дик» изображен как совершенно отдельный персонаж – обаятельный, но вполне рациональный писатель-фантаст. В итоге Брейди убит, а «Фил» заключен в государственный концентрационный лагерь. Надежда на будущее ложится на «молодых», которые должны найти в текстах дешевых популярных песенок жизненно важные намеки на истину в этом мире. В «Альбемуте» есть определенные моменты, но он все равно остается неким пробным неудачным запуском. Сюжет в стиле «плаща и кинжала», заговор Брейди и борьба против правящей тирании с помощью эстрадных песен – их невозможно воспринимать всерьез. Фил и сам почти не показывал интерес к «Альбемуту» – этот роман редко упоминается в «Экзегезе», в которой каждый роман семидесятых годов был подвергнут детальному анализу.

В своей речи в сентябре 1977 года в Меце Фил намекал на новый роман, над которым он работает, под названием «Валис», с тремя ключевыми персонажами: Николас Брейди (который проходит через опыт «2–3–74»), правительственный агент Хьюстон Пейдж (который понимает «теорию Зебры», но не испытал подтверждающий опыт) и Фил Дик (которому срочно необходим хороший НФ-сюжет). Пейдж встречается с Брейди и почти сходит с ума от подтверждения собственной теории.

Но идеи Фила попросту не складываются в связный сюжет. Как роман может содержать в себе ключ к структуре бытия? Фил бросает вызов самому себе в этой записи 1978 года в «Экзегезе»:

> Этот роман должен быть написан, у меня есть состояние искупления, которое я испытал в 2–74/2–75, чтобы положить его в основу, но, Боже мой, передо мной такая задача: изобразить 1) то, что искупает; 2) процесс искупления; 3) искупленное (восстановленное) состояние человека – в отличие от состояния поглощенного (описанного в «Помутнении»). Чтобы выполнить эту задачу, мне следует посвятить этому всю

> мою оставшуюся жизнь. Не знаю, смогу ли. […] Но это должно быть сделано. И это должно указать на Пятого Спасителя, чье пришествие неизбежно.

Вдохновение пришло из странных источников. За последнее время Фил написал две автобиографических заметки – вступление к сборнику рассказов *Golden Man* и воспоминание о «Рууге»[282], первом проданном фантастическом рассказе. Их непринужденность сделала доброе дело – творческий застой был преодолен. Глубокомысленные идеи «Экзегезы» послужили основой для свободного и забавного стиля, в котором Фил и задавался вопросами «что, если?» перед Джетером и Пауэрсом. А затем пришло письмо от Галена – настоящего союзника в Агентстве Мередита.

Во время двухнедельного всплеска в ноябре 1978 года Фил решил проблему, как облечь непокорного зверя «2–3–74» в романную «шкуру». Фил начал писать «Валис» в середине долгого сеанса работы над «Экзегезой» – непрерывный поток сознания на 115 страницах. Долгие годы «исследований» подошли к концу. Фил снова сел за свою пишущую машинку.

Что же вызвало это высвобождение? Если смотреть глубоко – осознание Филом необходимости записать все именно так, как это произошло.

Ему следует учитывать, что все его грандиозные теории не в состоянии доказать всю важность «2–3–74», если он сам не разберется в том, что же это было. Затем, как бы безумно это ни звучало, он расщепляет себя на «Фила Дика» и «Жирного Лошадника» («Филип» по-гречески означает «любитель лошадей», а «Дик» по-немецки – «жирный»). Читатель оказывается в курсе, что Лошадник – душевнобольной, жертва нервного срыва. А кто же рассказчик? Фил Дик, который признается: «Я Жирный Лошадник, я пишу это от третьего лица, чтобы придать повествованию столь необходимую объективность».

Перед нами парадокс Эпименида («Все критяне лжецы; я – критянин»), который впервые был использован Филом для образа главного героя/дурачка Джека Исидора в «Исповеди недоумка». Парадокс не решаем, это бесконечный регресс. В «Валисе» читатель не может быть полностью уверен в том, что «Жирный» действительно спятил, потому что если это так, то как «Фил» может быть объективным? И от кого ведется это ясное, забавное повествование? «Валис» – автобиография или роман? И то и другое. Как Фил объясняет в мартовском письме 1979 года: «Как ни странно, но самые причудливые события там правдивы (или, точнее – и в этом есть принципиальная разница, – я верю, что они

правдивы)».

От первого лица персонажа «Фила», то появляющегося, то исчезающего в сюжете «Валиса», рассказывается о поисках Жирного Лошадника, совершенно забавного Дурака, ищущего Бога. В отличие от Парсифаля из мифа о Граале, Толстяк живет в современном округе Ориндж, где все люди, желающие того же, чего столь упорно хочет Лошадник – найти Бога, Истину, Делание, – все они чокнутые. «Фил» пытается объяснить это Жирному. Но в глубине души «Фил» вместе с читателем знают, что надежда мира заключается в том, в чем Лошадник никогда не будет убежден. *Tractates Cryptica Scriptura*, который завершает «Валис», содержит концентрат «Экзегезы» Жирного. «Фил» издевается над ними. (Реальный Фил признается, что записи 7 и 9 в *Tractates* ему открыл «телепатический» голос ИскИна – искусственного интеллекта.)

На протяжении всего романа Жирный Лошадник окружен друзьями и любовницами, которые придают силы его вере, даже когда высмеивают его рассуждения. Как раньше было отмечено, образ жены Жирного, Бет, навеян Тессой, а его больная раком подружка Шерри Сольвиг в большой степени основана на Дорис. Морис, великодушный врач Жирного, который использует агрессивный подход, чтобы встряхнуть толстяка и вывести его из состояния суицидального уныния, во многом обязан психотерапевту Барри Спатсу, который лечил Фила после его попытки самоубийства в феврале 1976 года. Друг Лошадника Дэвид – наивный, добродушный, верующий католик – «срисован» с Пауэрса. А друг Кевин – едкий, ироничный, но величественный в своем правдоискательстве – это портрет Джетера. В интервью Джетер подчеркивает стилизованную природу персонажей «Валиса»:

> Тим не являлся законченным религиозным фундаменталистом или ревностным католиком. Я не был законченным, издевающимся над церковью скептиком, и Фил не был полностью одурманенным человеком. На самом деле в каждом из нас были фрагменты всего этого и были частичные совпадения с темами разговоров, которые мы вели. Но в книге Фил особо выделил этих героев так, чтобы их отношения стали более прозрачными. […] Ведь мы не говорим о достоверности, когда идем смотреть кино, точно так же и книга отличается от реальности. Хотя, как раз было и кино, которое мы все вместе ходили смотреть.

Это фильм «Человек, который упал на Землю»[283] режиссера

Николаса Роуга с Дэвидом Боуи в главной роли. Филу он очень понравился, и в скором времени они с Джетером стали внимательно слушать альбомы Дэвида Боуи в надежде разглядеть скрытый внезапный знак Бога/Валиса/Зебры. Безуспешно. Но провалившийся эксперимент мог стать полезным для сюжета, и в «Валисе» Лошадник и Кевин идут смотреть фильм под названием «Валис», где изображена борьба между персонажами «Альбемута» Николасом Брейди (который пронизан силой розового света) и воплощением зла – Президентом Феррисом Фримонтом. Лошадник знакомится с рок-звездой Эриком Лэмптоном и его женой Линдой, которые оба играют в этом фильме. Жирный убежден, что они знают о ВАЛИСе – Всеобъемлющей Активной Логической Интеллектуальной Системе – и могут спасти его от духовной изоляции.

Лэмптоны живут в Сономе, пейзаж которой был еще свеж в памяти Фила из-за лета, проведенного с Джоан. В честь их предполагаемого визита Жирный, Кевин и Дэвид создают «Общество Рипидон» – это название реальный Фил услышал во сне от ИскИна в 1974 году. *Rhipidos* по-гречески значит «веер», и благодаря своим веероподобным плавникам «рыбы не носят оружия». Жирный верит, что в этом девизе содержится вся сущность христианства. В Сономе они узнают, что Валис – это информационное передающее устройство со звездной системы Альбемут, и, что еще более удивительно, ВАЛИС и Линда родили дочку – Софию. Это Пятый Спаситель, по подсчетам Жирного, и первый, воплощенный в женскую форму.

Во время их самой первой встречи София развеивает то, что «Фил» воплощал в «Жирном Лошаднике». Она дарует здравомыслие, мудрость, доброту. Но автор саундтрека к фильму под названием «Валис», композитор Брент Мини, который тоже был облучен информацией ВАЛИСа, из-за чего заболел и медленно умирал, случайно убивает Софию с помощью лазера в попытке извлечь из нее максимум информации.

Жирный Лошадник возвращается. Пронзенный горем Лошадник дает клятву отправиться в путешествие по миру в поисков дальнейших знаков от ВАЛИСа. А Фил-персонаж в своей одинокой квартире переключает каналы телевизора в поисках скрытых ключей.

В Bantam были более чем просто напуганы «Валисом». Херст уже сошел со сцены, и Bantam не решались публиковать роман до самого окончания действия контракта. В «Экзегезе» бедный Фил задавал обеспокоенные вопросы «И-Цзин»: примет ли его другое издательство, если Bantam окончательно откажется печатать?

«Валис» озадачил многих верных читателей Фила; он снискал

себе репутацию трудной книги.

Но «Валис», наряду с «Палмером Элдричем», считается величайшим произведением Фила – кратким изложением духовной жизни Америки, где путь к Богу проходит по разбросанным в попсовом «отстое» подсказкам. Безумный святостью, буйный, как бред длинной ночи, он разрывает мрачные цепи догмы, чтобы оставить нас если не просветленными, то свободными в поисках.

Что все это значит? В записях «Экзегезы», которые Фил делал на протяжении всей своей жизни, он снова и снова возвращался к «Валису», пораженный каждой новой интерпретацией, как будто бы роман был написан кем-то другим.

Глава 12
1979–1982

Я ищу ключи к невидимому гигантскому бытию, чьи очертания туманны, но реальны для меня. Я называю это бытие Христом. Но я не знаю его настоящего имени (одно время это был Убик, потом Валис). Это имена, которые придумал я сам. […] Это моя цель: узнать подлинное имя. И выяснить, что я с ним встречусь, и услышать, как он говорит со мной. Об этом знает только он сам. Я однажды его видел; я увижу его снова. Если я продолжу свои поиски.

Фил, дневник (ноябрь 1981 г.)

Я поставил сам себе такое условие, здесь, в последнем образе течения моей жизни. Я знаю это и беру на себя ответственность за это. Единственно, почему? Почему я хочу быть изолированным? Что я от этого получу? Много времени, чтобы писать и думать. БЧС – большая чертова сделка. […] Я думаю о людях, которых я любил (dilexi – латинское слово, которое обозначает: «Я любил»), но где они сейчас? Рассеянные по миру, мертвые, мне неизвестно, где они и как они. […] Это страшно; я должен жить в настоящем и быть привязан к будущему. Ну да, я привязан ко времени; я ожидаю издания ВАЛИСА. «Он чокнутый, – таким будет ответ. – Принимал наркотики, видел Бога. БЧД. Харлан Эллисон прав

насчет него».

Фил, письмо (декабрь 1980 г.)

Его филантропия, его тепло, его верность, его преданность своему искусству и изменчивость его настроений.

Мэри Уилсон, ответ на вопрос в интервью: «Какие пять качеств были у Фила постоянны»

Большие «бабки» и комфорт кондоминиума, первый проданный нью-йоркскому издателю «мейнстримный» роман, голливудский блеск «Бегущего по лезвию», но всего этого мало для мира, взывающего к искуплению, а упрямая реальность остается неопределенной, но время вышло, и Фил знает об этом

Фил наслаждался приятными воспоминаниями о своем *tour de force*[284] с «Валисом». Роман, который мучил его в течение четырех лет, внезапно обрел форму за две недели. Естественно, он уже замышлял продолжение под названием *Valis Regained*[285], в духе Мильтона. Но Филу нужно было время для передышки – ему уже не хватало физической выносливости, чтобы нырять из одного романа в другой, как это было в шестидесятых годах. Однако еженощные «исследования» в «Экзегезе» продолжались все с той же регулярностью.

Между тем, ценность Фила на нью-йоркском книжном рынке поднялась впечатляюще. Роялти при переизданиях и перепродаже прав позволили Филу заработать 101 тысячу долларов в 1978 году и 75 тысяч долларов в 1979 году. В январе 1979 года был заключен выгодный пакетный договор на переиздание трех его наименее уважаемых произведений, изданных Асе, – 14 тысяч долларов за книги «Марионетки мироздания», «Доктор Будущее» и *The Unteleported Man*[286]. Это даже заставило Фила отправить телеграмму в Агентство Мередита: «Продажа Расса Галена в Berkley Books – лучшая в моей карьере. Пожалуйста, поздравьте его. Он невероятно улучшил мою карьеру». У Фила также было проницательное намерение улучшить карьеру молодого Галена. Наконец, почти через тридцать лет, Фил нашел воистину заинтересованную поддержку в агентстве. Он намеревался это сохранить.

Наряду с финансовым успехом пришла уверенность в том,

что контркультурная молодежь продолжает получать удовольствие от его влияния. Две разные панк-группы взяли свои названия из его романов в 1979 году: «Ай ин скай» и «Йот-Йот-180» (наркотик из романа «Когда наступит прошлый год»). Затем, в мае, Фил узнал, что роман «Помутнение» выиграл Главный приз Фестиваля в Меце. В июне он закончил новый рассказ «Стылый полет», который Гален продал журналу *Playboy*. Фил не задавался философией *Playboy* и пожертвовал свой четырехзначный гонорар в помощь пострадавшим от голода в Камбодже. В то же время он гордился этой крупной продажей на писательском рынке, и еще больше гордился, когда рассказ (опубликованный в декабре 1980 года) заработал ему награду «Лучший новый участник»[287]. Еще одна удача произошла, когда рассказ «Дело Раутаваары» появился в октябре 1980 года в журнале *Omni*. Третий новый рассказ, «Под прицелом», был представлен осенью 1979 года в журнале *Rolling Stone. College Papers*. (Обсуждение этих рассказов смотрите в сборнике *I Hope I Shall Arrive Soon* в «Хронологическом обзоре».)

К своей великой радости, Фил смог восстановить тесные связи с Лорой и Изой. Они обе часто навещали его на протяжении этого времени. Иза, которая приезжала к нему три раза в конце семидесятых годов, вспоминает:

> Мы не виделись друг с другом достаточно долго, но я вроде понимала, что он просто не решался на это. Что произойдет, когда я приду к нему и мы сблизимся? Мы бы обнимались и болтали, а когда мне приходилось идти домой, это было ужасно. Я бы плакала, и я знаю, что он тоже. Поэтому намного лучше было не видеться друг с другом, поскольку расставание было очень тяжелым.
>
> Он как-то сказал мне, что, когда он был женат на Тессе, то увидел ангела – над головой играющего в песочнице Кристофера. Он заплакал, говоря: «Это правда, я действительно это видел». Для него было важно, чтобы я поверила, что он и вправду видел этого ангела.
>
> У него было столько забот, что он не мог меня толком никуда сводить. Единственное место, куда мы ходили каждый день, это был небольшой рынок, где продавали сэндвичи. Он совсем не занимался спортом. Мы играли с ним в кикбол[288], но через пять или десять минут его сердце начинало сильно биться от бега, и ему приходилось передохнуть. День за днем он сидел в темной квартире. Он ложился спать поздно, вставал

поздно и спал в середине дня. Он не заботился о своей одежде или внешности. Я не воспринимала его как писателя. Он никогда не говорил мне о своем творчестве. Он был просто моим папой.

Фил и Лора толком никогда не встречались целых пятнадцать лет до ее приезда в феврале 1979 года. Слухи о том, что с Филом не все в порядке, сделали Энн недоверчивой. Но Филу и Лоре удалось переписаться и поговорить по телефону в течение семидесятых, и теперь, когда она была в студенческом возрасте, уже не могло быть никаких возражений против того, чтобы она прилетела в Санта-Ану. Лора вспоминает:

Он был такой смешной, невероятное чувство юмора. А также таким вежливым – его манеры были безупречны. Когда он прогуливался с женщинами, он ходил по внешней стороне улицы, ближе к дороге. Он открывал двери передо мной, подавал мне одежду. И он был таким остроумным и быстрым. Половину времени, когда он давал интервью, он внутри себя смеялся над сказанными вещами. Хотя люди, похоже, об этом даже не догадывались.

Его квартира была полна Библий в разных изданиях и религиозных книг, энциклопедий и научной фантастики. Множество пластинок, особенно с операми Вагнера. Но это все было в беспорядке, свалено в кучу и грязно – я даже не хотела пользоваться ванной. Там была плесень по углам и грибы в душе. Это его не беспокоило.

Он был одним из самых пугливых людей, которых я когда-либо знала. Он хотел сделать людей счастливыми. Он был гениальным и сочувствующим. Но он был в ловушке из собственных страхов. Толпы, машины, автострады, путешествия, выступление перед людьми. Всякий раз он говорил, что собирается что-то совершить, но так ничего и не делал. Билеты в места, где он так никогда и не побывал, – я находила их во время уборки его квартиры, после того как он умер.

Он сказал, что я могу переехать к нему и посещать Калифорнийский университет в Ирвайне. Я не отнеслась к этому предложению серьезно. Я не могла видеть его взволнованным из-за моего присутствия там день за днем. Удаленность друг от друга лишь способствовала нашим хорошим отношениям.

Он делал все, что мог, и делал это очень хорошо. Я никогда не чувствовала, что он не был хорошим отцом.

Он был тем, кем он был.

Некоторые аспекты отцовства вызывали у Фила трудности. Иза и Лора обе сходились во мнении, что обращаться к отцу за финансовой помощью было делом ненадежным. Фил пожертвовал более 5000 долларов в 1979 году в такие благотворительные организации, как «Дети, Инк.» и «Дом Завета» (нью-йоркский приют для беженцев). Но по каким-то причинам Фил был настороже, когда Иза или Лора обращались к нему за деньгами. Вспоминает Иза: «Много раз, когда мы просили у него денег, он становился похож на параноика и твердил: «Нет, я совершенно разорен». Он был очень щедрым, когда ему хотелось. Но, если вы попросите сами, он станет подозрительным и странным».

Спонтанность, кажется, была ключом. Фил немедленно отправил Лоре чек на 4000 долларов, когда узнал о ее поступлении в Стэнфордский университет. Позже он обещал ей присылать по 200 долларов в месяц, но вскоре прекратил; чувство взятых на себя обязательств убивало радость. Нежелание Фила здесь поразительно, учитывая, что он продолжал обижаться на своего отца за неспособность оказать помощь с расходами на обучение, когда Фил посещал Калифорнийский университет в Беркли в 1949 году. Говорит Лора: «Как и многие вещи, о которых он говорил, его намерения были хорошими, но все только словами и ограничивалось. Он как-то прислал мне рождественскую открытку, в которой было написано, что он отправил деньги детям Биафры[289] от моего имени. Я была в бешенстве – я сказала ему, что я буду отдавать деньги на благотворительность или на что-то еще, если сама захочу. Он был добр ко многим людям, но он отказал мне, когда я попросила у него в долг 1000 или 2000 долларов, а я тогда трудилась на трех работах в Стэнфорде».

Напротив, Тесса подчеркивает щедрость Фила, помогавшего ей и Кристоферу материально. Фил не только продолжал выплачивать требуемые по закону алименты на содержание ребенка в размере 200 долларов в месяц, но и добровольно увеличил сумму до 400 долларов в месяц. Позднее он помог Тессе купить дом и внес существенный вклад в оплату частной школы и игрушек для сына. Заметим, Тесса (в отличие от его предыдущих жен и дочерей) была в Санта-Ане, чтобы настойчиво защищать свои интересы.

Если Фил иногда был весьма осмотрителен в финансировании дочерей, живущих вдали от него, он, тем не менее, мучился из-за своих собственных недостатков как отца, в чем сам себе не боялся признаться.

В майском письме 1979 года к Лоре он описывает непрекращающийся, одержимый труд над «Экзегезой», который, как он чувствовал, удерживал его от детей:

> Я пренебрегаю целыми частями моей жизни, такими как отношения с моими детьми, из-за собственных забот и истощения. Я стал машиной, которая думает и больше ничего не делает. Это пугает меня. Как это произошло? Я поставил перед собой проблему, и я не могу ее забыть и не могу ее решить, поэтому я влип, словно муха на липучке. Я не могу освободиться; это как наложенная самим на себя кармическая работа. С каждым днем мой мир становится все меньше. Я работаю больше, а живу все меньше. […]

Фил не всегда считал, что его работа над «Экзегезой» вызывает уныние. Тим Пауэрс подтверждает, что, хотя Фил видел себя, в первую очередь, писателем-фантастом, он считал «Экзегезу», пожалуй, своим наиболее значительным произведением. Джеймс Блейлок вспоминает, что писатель Фил был счастлив, когда сочинял письма и работал над «Экзегезой». С другой стороны, К. У. Джетер рассказывает, что однажды он перехватил Фила на пути к мусоросжигателю со стопкой страниц «Экзегезы». Уверенность Фила в ценности его размышлений, возможно, колебалась, но его желание заниматься ими ночь за ночью было непоколебимо. Их публикация не имела для него значения. В конце концов, это было средство создания теорий для романов, которые пробивали неизгладимые дыры в официальной реальности. И со своими друзьями Фил мог поделиться забавными мыслями и внезапными видениями. Пауэрс вспоминает эпизод в марте 1979 года, когда Фил, придя в отчаяние от правды, решил потребовать несколько ответов:

> Он позвонил мне вечером в понедельник и сказал, что прошедшей ночью, в воскресенье, покурил немного марихуаны, которую ему оставил гость, и пришел в то уже знакомое состояние, когда являлись видения (преимущественно не связанные с наркотиками, если не считать наркотиком витамин С), и он сказал: «Я хочу увидеть Бога. Позволь мне увидеть Тебя».
>
> И затем, сразу же, он почувствовал себя раздавленным таким неимоверным ужасом, которого никогда раньше не испытывал, и он увидел Ковчег Завета, и услышал голос (Голос?), говоривший: «Ты не обнаружишь меня с помощью логических доказательств,

или веры, или чего-то еще, ибо я должен убедить тебя иным образом». Занавес на Ковчеге распахнулся, и он ясно увидел пустоту и око в треугольнике, смотрящее прямо на него. (Как прозаично я все это описываю, при том что я полностью верю, что это правда!) Фил сказал, что он пал ниц, объятый абсолютным ужасом, наблюдая Блаженное Видение с девяти часов вечера воскресенья до пяти утра понедельника. Он сказал, что был уверен, что умирает, и если бы был в состоянии добраться до телефона, то вызвал бы «Скорую». В результате Голос сказал ему: «Ты пытался убедить себя в том, что не веришь во все остальное (более мягкое и подходящее для человеческого восприятия) из того, что я позволил тебе увидеть, но этого ты никогда не сможешь забыть, или воспроизвести, или исказить».

Фил сказал, что во время этого «божьего суда» он сам произнес: «Я больше никогда не стану снова употреблять наркотики!», – а Голос сказал: «Дело не в этом».

Подстрекаемый подобными встречами, труд Фила над «Эксегезой» приносил заметные плоды. Конечно, качество записей значительно различалось. Но Фил был одарен потрясающей способностью рассуждать, что предоставляло ему предпосылки для создания замечательных миров, придававших избранным фрагментам «Экзегезы» мощь сродни той, что присутствует в его лучших романах. Его наиболее постоянной отправной точкой была «двуначальная космогония», обсуждаемая в «Валисе»: наша кажущаяся, но ложная вселенная (*natura naturata*[290], майя, докса[291], Сатана) частично искуплена своим постоянным смешением с подлинным источником бытия (*natura naturans*[292], брахман, эйдос, Бог). Вместе два источника – настройка и основание – создают своего рода голографическую вселенную, которая обманывает нас. Освобождение реальности от иллюзии является целью просветления, и сущность просветления – это анамнесис Платона (как в «2–3–74»): воспоминания о вечных истинах, известных нашим душам до нашего рождения в этом мире. Но просветление – это вопрос благодати. Бог дарует это, когда мы пребываем в нашем крайне возвышенном состоянии, в ответ на нашу потребность и готовность получить истину. Это основные темы Фила в «Экзегезе». Естественно, вариации этих тем близки к бесконечности.

Иногда Фил печатал формулировки, которые особенно нравились ему. Одной из лучших среди них является притча 1979

года о явном отсутствии божественной мудрости в нашем мире:

> Вот пример иерархического ранжирования. Новая машина «Скорой помощи» заполнена бензином и припаркована. На следующий день ее осматривают и обнаруживают, что топливо фактически исчезло, а подвижные части слегка изношены. Это похоже на пример энтропии, потери энергии и формы. Однако, если кто-то понимает, что «Скорая помощь» использовалась, чтобы доставить умирающего в больницу, где его жизнь была спасена (на это тратилось топливо, и это изнашивало детали машины), то, иерархически ранжируя, может усмотреть не только потери, но и практическую чистую прибыль. Чистая прибыль, однако, может быть измерена только вне замкнутой системы новой машины «Скорой помощи». Каждая победа Бога, как разум и воля, достигается по этой шкале уровней вовлеченности, и никак иначе.

Фил часто звонил по междугородной связи, чтобы рассказать Галену поздним утром о результатах своей ночной работы над «Экзегезой». Во время отпуска в сентябре 1979 года Гален наконец-то нанес писателю столь восхитивший его визит. Гален вспоминает:

> Фил заказал китайскую еду навынос и «Коку», и мы беседовали с шести вечера до шести утра; к этому времени я был совершенно истощен, и мне нужно было уходить. Я не был готов к таким беседам – я еще не приспособился к Филу в личном плане. Беседа проходила так быстро и так насыщенно, что я даже не знал, о чем мы разговаривали. Я был восхищен, но это был такой напор идей, что мне уже захотелось спать. Фил не подавал никаких знаков усталости. Я не думаю, что вставил хоть слово на протяжении двух, а то и трех часов подряд. Он говорил о 1974 годе, о политике, о технологии, – у него десять тем могли занять несколько минут, или одну тему он мог растянуть на два часа. Я мог это переносить в малых дозах – в виде писем или получасовых телефонных разговоров. Но двенадцать часов…

В октябре здание, где находилась квартира Фила, было преобразовано в кондоминиум. Фил чувствовал себя там в безопасности и не хотел переезжать. Он взял кредит в 10 тысяч

долларов у Агентства Мередита, который, вместе с его собственными сбережениями, позволил сразу же выкупить свое жилье за 52 тысячи долларов. Но это преобразование дома вынудило его подругу Дорис Саутер съехать. В следующем августе она покинула округ Ориндж окончательно, и их разлука была мучительна для Фила.

Другие жильцы также вынуждены были выселиться. Фил, который прекрасно знал то головокружение, вызываемое потерей своего дома, ответил на это своим рассказом «Нечаянные воспоминания о смерти» (включенным в сборник *I Hope I Shall Arive Soon*), где подробно говорит о кризисе в жизни своей соседки – «Лизольной[293] Леди»: «Меня беспокоило только то, что я знал о единственной вещи, которая разделяет меня с сумасшедшей Лизольной Леди, – это деньги на моем сберегательном счете. Деньги – это официальное подтверждение здравомыслия».

Горе Фила по поводу того, что Дорис Саутер уже не живет по соседству с ним, было очень сильным. Теплота их соседских отношений вдохновила Фила на сочинение в 1979 году рассказа «Цепи воздушные, сети эфира», где изображены два капризных колониста с Земли, живущих под разными куполами на отдаленном астероиде. Лео МакВэйн хочет раствориться в фантазиях певицы Линды Фокс (ее прообразом стала Линда Ронстадт), но Рибус Ромни страдает от рассеянного склероза и нуждается в помощи Лео, чтобы выжить. Лео, в свою очередь, приходит посмотреть, лежит ли возможность спасения в проявлении доброты.

Первую половину этого рассказа Фил решил взять в качестве начала *Valis Regained*, продолжения «Валиса», и значительно расширил сюжет. Фил сумел завершить новый роман за две недели упорного труда, который был закончен 22 марта 1980 года и продан издательству Simon and Schuster, опубликовавшему его в 1981 году под названием «Всевышнее вторжение».

Во «Всевышнем вторжении» Фил объединил свои религиозные идеи с научно-фантастической историей о вторжении. Рибус – в новом озвучании Рибис – Ромни была оплодотворена Яхом (*Yah* от еврейского *YHWH*[294], или Тетраграмматона – сокрытого имени Бога в Торе). Лео, которого теперь зовут Херб Эшер (от еврейского *Ehyeh asher ehyeh*: «Я Тот, Кто Я Есть», – так Бог называет себя в Книге Исхода) играет своего рода роль Иосифа, который сопровождает Рибис обратно на Землю, которая находится под духовным игом Белиала (от еврейского *bell ya'al*: ничтожный, негодный).

Ях действует странным образом. В чреве у Рибис – если

только она и Херб сумеют выжить – божественный мальчик Эммануил (по-еврейски *Emmanuel*: «с нами Бог»), и лишь он один сможет восстановить правду и смысл в поглощенном мире. Чтобы сопровождать этих не очень приятных родителей, Ях посылает убогого старого бродягу Элиаса Тэйта, который является Илией-пророком, вечным заступником и другом человечества. Но, по трагической случайности (или это происки Белиала?), Рибис умирает. Эммануил рождается из искусственной матки с повреждением в мозгу и не в состоянии вспомнить, что он – Бог. Зина Паллас, юная девушка, которая является женским аспектом Бога, восстанавливает память Эммануила. Она довершает его сотворение, и космос исцелен.

Фил сомневался, является ли «Всевышнее вторжение» продолжением «Валиса». Хотя в романе упоминается «Всеобъемлющая Активная Логическая Интеллектуальная Система», и, собственно, фильм «Валис», но два эти романа можно только весьма абстрактно рассматривать (как, впрочем, и сам Фил относился к этому в некоторых записях в «Экзегезе») в качестве произведений, образующих некое убедительное единство.

После завершения работы над «Всевышним вторжением» Фил переключился на новый роман на тему «альтернативного мира» – *The Acts of Paul*, краткий синопсис сюжета которого он сделал в январе 1980 года. Альтернативный мир существует в нашем настоящем времени, как это было и в «Высоком замке». Манихейство с его дуализмом доброго и злого богов оказывается главной мировой религией. Христианство умерло в третьем веке (как, собственно, манихейство в нашем мире). Предполагаемый повествователь, ученый, который хочет найти, где скрываются «тайные христиане», в котором жива вера, напоминает изображенный Филом в поздние годы портрет епископа Тимоти Арчера.

Помимо «Экзегезы», Фил не занимался никакими определенными писательскими проектами в конце 1980 года. И в то же время, будучи регулярным участником встреч по вечерам в четверг у Пауэрса, Фил тщательно планировал свои выходы во внешний мир. Когда Пауэрс и Серена попросили Фила стать свидетелем на их июньской свадьбе, Фил с сожалением отказался. Пауэрс это понял: «Он не был отшельником – ему просто не хотелось идти туда, где будут толпы людей, которых он не знал».

В качестве свадебного подарка Фил постоянно предлагал купить молодой паре кондоминиум в его доме, но это предложение они любезно отклоняли. Близкие друзья Фила знали, что он был весьма деликатным человеком и никогда не

навязывался со своими предложениями. Но у него бывали какие-то вспышки щедрости, когда, к примеру, он дал тысячу долларов банковской кассирше, которая пожаловалась ему о ее финансовых проблемах. Доброта Фила выходила за рамки выписывания чеков. Гуляя по улице, он начинал беспокоиться о детишках, которые тут играли, и искал родителей, которым следовало заботиться о них. И у него был дар сочувствия к тем несчастным душам, от которых другие люди отворачивались. В интервью с Энди Уотсоном и Дж. Б. Рейнольдсом Пауэрс вспоминает:

> […] Фил и я взяли друга […] в Медицинский центр округа Ориндж, в психиатрическое отделение, чтобы этого друга там оставить. Друг просто сидел – вот так (кататонический взгляд, застывшая поза). А потом приковылял какой-то незнакомец и, глядя на нас несфокусированным взглядом, говорит: «Вы могли бы сделать пересадку легкого». Фил говорит: «Да, вы могли бы». Фил был склонен согласиться со всеми, кто что-либо говорил в стрессовых ситуациях. Так что парень идет, пошатываясь, прочь, а затем, через некоторое время, возвращается и говорит: «Вазэктомия[295] – это простая операция. Вы может сделать её сами себе». Фил говорит: «Возможно, так». Парень уходит, возвращается снова и говорит: «Я собираюсь её себе сделать». Вазэктомию. «С кем бы мне поговорить, чтобы получить разрешение?» И Фил говорит: «Вон там дамы за столом. Получите разрешение в письменной форме». (*Смех*). И парень уходит. Я сказал: «Почему в письменной форме, Фил?» И он говорит: «Он слышит одобряющие голоса, но для того, чтобы увидеть лист бумаги с разрешением, нужен дополнительный психоз».

Даже если «Валис» не должен был выйти из печати до начала 1981 года, Фил продолжал привлекать к себе целый поток журналистов – они видели в нем источник для копирования. *Slash*, панковский музыкальный журнал, прислал Гэри и Николь Пантер для того, чтобы взять у него интервью для летнего выпуска 1980 года. В этом интервью Филу удалось «перепанковать» панков, поскольку он заявил, что молодежная революция, которая разрушит бесчеловечный правительственный аппарат, возможна и желательна: «Это моя мечта. Не то, что эти ребятишки стали править, но то, что они бы сделали невозможным функционирование изощренной технологии. У меня возникает импульсивное желание, когда я пью апельсиновую газировку, желание залить полбанки апельсиновой

газировки в мой телевизор».

У Фила и Николь завязалась крепкая дружба. Она вспоминает:

> Фил действительно вызвал у меня огромную симпатию во время интервью, может быть, потому что я была тупой и не читала ни одной из его книг. Вопросы в интервью, вроде: «Что у вас в холодильнике?» – мои. Ему это нравилось. Он не смотрел на меня свысока, поскольку мой интеллект работал в другом направлении, нежели у тех заучек с аналитическим умом, которые в большом количестве приходили к нему.
>
> Он проверял тебя, чтобы узнать, чем сам он тебя привлекает. Я думаю, ему трудно было поверить, что кому-то он нравился сам по себе. Однажды он предложил мне работу – стать буфером между ним и другими людьми. Я не знаю, что это должно было значить, поскольку я была привлекательной, а он мне казался похотливым, но вокруг него толпилось множество людей с предложениями снять фильм и с прочими вопросами, и он попросту не справлялся со всем этим потоком.
>
> Я отказалась, сказав ему, что такая работа на него будет похожа на уход за ребенком, и я кого-нибудь обязательно убью. Кроме того, результат этого мог бы быть как удар ногой по затылку. Фил поставил бы тебя в положение, при котором у тебя было бы преимущество. Но если ты этим воспользуешься, то окажешься дерьмом.
>
> У нас была добрая, но болезненная дружба. Мы говорили о лекарствах, о замороженных продуктах, депрессии и маниакальных фазах. Он был со странностями, и сам знал об этом. Он думал совсем не так, как остальные люди. Впрочем, его это вовсе не смущало. Обладал ли он даром «визионера»? Да ни хрена – он был просто неряшливым мужчиной средних лет.
>
> Он привлекал к себе внимание примерно таким образом: он мог позвонить по телефону и сказать: «Я больше не буду принимать лекарства от болезней сердца». После этого я в течение сорока пяти минут должна была уговаривать его все-таки делать это. Его тошнило от приема лекарств. Если бы он не был достаточно сильным физически, чтобы жить без сердечных лекарств, он бы их вовсе не стал принимать.

> Для меня это был какой-то детский способ привлечь к себе внимание. Это было хорошо. Талантливые личности часто бывают придурковатыми и странными.

Конечно, он привлекал к себе внимание, но усилия Фила по уменьшению зависимости от прописанных ему лекарств тоже были довольно искренними и трудными. В этот период Филу периодически прописывали антигипертензивные средства, такие как «Апресолин» и «Диазид», от высокого артериального давления, «Индерал» от сердечной аритмии, «Дарвон» как анальгетик, а также «Амитриптилин», «Синекван» и «Транксен» в качестве антидепрессантов. Как-то Фил поклялся избавиться от антидепрессантов, несмотря на то что они были назначены ему психиатрами. Джетер вспоминает:

> Фил, наконец, решил, что отпускаемые по рецепту лекарства ничем не отличаются от уличных наркотиков с точки зрения создания реальной зависимости. Поэтому он резко перестал употреблять повышающие настроение препараты, и это привело к «ломке», от которой он ужасно страдал. Он впал в глубокую депрессию, позвонил мне, и я пришел к нему.
>
> Он едва мог говорить. Это был «мертвый» голос Фила – он был таким низким, что звучал не громче чуть усиленного шепота. Я знал, что он испытывал отчаяние, когда говорил таким образом. Но Фил решил, что положит конец стимуляторам настроения и что он лучше умрет, чем откажется от этого решения. У него была огромная сила воли.

Аналитическая сила воли Фила была также источником удивления для Джетера: «Ты мог видеть, как он проникается верой, кружит вокруг нее и испытывает на предмет абсолютной истины. Он верил в Бога, и у него были определенные традиционные религиозные убеждения. Он также чувствовал, что личный опыт дал ему больше прав говорить о некоторых религиозных материях, чем большинству священников. Но я не думаю, чтобы он хоть раз забыл, в любом месте «Экзегезы», что он принимал данность за гипотезу». В прекрасном фантастическом романе Джетера 1985 года *The Glass Hammer* персонаж Дольф Бишофски, пытающийся собрать разбитое витражное окно собора, для которого уже не существует оригинального образца, – это дань уважения Джетера другу и наставнику.

В августе 1980 года Фил наметил в общих чертах еще один роман, который так и не написал, *Fawn, Look Back*. Главного героя,

за основу которого Фил взял сам себя, зовут Назвар Флегборн. Работа Назвара (как художника) и его жизнь «раскололись», расщепившись надвое, вызвав шизофрению. Вот что пишет Фил о Назваре – о самом себе:

> Это было его спасением и его гибелью, этот «раскол».
>
> В определенном смысле он представлял собой близнецов (внутри себя), и один близнец процветал, а другой болел и умирал (что подчеркнуто невозвратимой потерей Джарди, которая воплощает в себе всех его любимых женщин, начиная с Эринс [стилизованная версия третьей жены Энн]).
>
> Однако в конце он уже не шизофреник, а, так сказать, шизофреник наполовину: наполовину расколотый. Его работа все еще связывает его с реальностью.

Фил особенно срочно искал новый подходящий роман. Он беспокоился, так как голоса ИскИна, которые он постоянно слышал, начиная с «2–3–74», затихли сразу же после того, как он закончил «Всевышнее вторжение». В октябрьском интервью 1980 года, опубликованном в газете *Denver Clarion*, Фил излагает довольно плоское «или/или»: «У тебя либо есть прямое общение с божественным, либо у тебя нет никакого общения с божественным». К ноябрю отсутствие прямого общения терзало его.

17 ноября в 11.00 утра Фил околачивался у себя на кухне, совершенно обкуренный, и болтал со своим другом Рэем Торренсом (который вспоминает, что в этом не было ничего необычного).

Бац. Отличный прямой контакт.

В тот же самый день Фил по горячим следам напечатал для «Экзегезы» набросок в пять страниц о «филдиковском» видении – вздорную и тоскливую элегию, которая никогда раньше не публиковалась. Вот ее полный текст.

> 17 ноября 1980
>
> Бог явился мне в виде бесконечной пустоты, но она не была бездной; это был небесный свод с голубым небом и клочьями белых облаков. Это был не какой-то иностранный Бог, а Бог моих отцов. Он был любящим и добрым, и он обладал личностью. Он сказал: «Теперь ты мало страдаешь в своей жизни; это так мало по сравнению с великими радостями, с блаженством,

которое ожидает тебя. Не думаешь ли ты, что Я в своей теодицее[296] допущу, чтобы ты страдал пропорционально твоему вознаграждению?» Затем он дал мне знать о том блаженстве, которое должно будет прийти; оно было бесконечно и сладостно. Он сказал: «Я бесконечен. Я покажу тебе. Там, где Я, – там бесконечность; где бесконечность, там Я. Выстрой линии рассуждений, чтобы понять твой опыт 1974 года. Я заполню пространство их изменчивой природы. Ты считаешь, что они логичны, но это не так; они бесконечно творческие».

Я размышлял и размышлял, а затем началось бесконечное круговое движение тезисов и антитезисов. Бог сказал: «Вот Я; вот бесконечность». Я думал над другим объяснением; снова бесконечный ряд мыслей расходился в диалектической антитетической реакции. Бог сказал: «Вот бесконечность; вот Я». Затем я подумал о бесконечном количестве объяснений, идущих одно за другим, которые объясняли «2–3–74»; каждое из них приводило к бесконечной прогрессии внезапных поворотов от тезиса к антитезису, и так постоянно. И всякий раз Бог говорил: «Вот бесконечность; вот Я». Я пытался бесконечное количество раз; и всякий раз возобновлялось бесконечное круговое движение, и всякий раз Бог говорил: «Бесконечность. А значит, Я здесь». Затем он сказал: «Всякая мысль приводит к бесконечности, не правда ли? Найди ту, которая не приводит». Я постоянно пытался. Все они вели к бесконечному круговому движению, к диалектике, к тезису, антитезису и новому синтезу. Всякий раз Бог говорил: «Вот бесконечность; вот Я. Попробуй еще». Я постоянно пытался. И всегда это заканчивалось словами Бога: «Бесконечность и Я. Я здесь». Затем я увидел еврейскую грамоту с множеством свитков, и все эти свитки вели к общему выводу, и он был бесконечностью. Бог сказал: «Это Я сам. Я – это бесконечность. Где бесконечность, там и Я. Где Я, там и бесконечность. Все дороги – все объяснения для «2–3–74» – ведут к бесконечности Да-Нет, Это-То, С-Без, Один-Ноль, Инь-Ян, диалектика, бесконечность над бесконечностью, бесконечность всех бесконечностей. Я повсюду, и все дороги ведут ко Мне; *omniae [v]iae ad Deum ducent*[297]. Попробуй еще. Подумай о другом возможном объяснении «2–3–74». Я так и делал; это вело к

бесконечному круговому движению, к тезису, антитезису и новому синтезу. «Это не логика, – сказал Бог. – Не думай в терминах абсолютных теорий; думай, наоборот, в терминах возможностей. Погляди туда, где громоздятся стопки, там теория по существу повторяет саму себя. Сосчитай количество перфокарт в каждой стопке. Какая стопка самая высокая? Ты никогда не узнаешь, что это было – «2–3–74», и это несомненно. Что, с точки зрения статистики, наиболее вероятно? Здесь твой ключ к разгадке: всякая теория ведет к бесконечности (цикла тезиса, антитезиса и нового синтеза). В чем тогда возможность того, что Я – причина «2–3–74», поскольку, где бесконечность, там и Я? Ты сомневаешься, ты сам – сомнение, как в этих строках:

Больны, кто мной пренебрегает.
Я весь сомненье, не обман.
Я крылья вам – тем, кто летает.
Я гимн – тот, что поет Брахман.

Ты не сомневающийся; ты сам – сомнение. Поэтому не пытайся узнать; ты не можешь знать. Гадай по самой высокой стопке компьютерных перфокарт. Это бесконечная кипа в нагромождении, отмеченном как БЕСКОНЕЧНОСТЬ, а я приравнял бесконечность к самому Себе. Каков тогда шанс, что это Я? Ты не можешь судить определенно, ты будешь сомневаться. Но какова твоя догадка?»

Я сказал: «Вероятно, это ты, поскольку здесь, передо мной, бесконечность бесконечностей».

«Это единственный ответ, который ты можешь дать», – сказал Бог.

«Ты мог бы притворяться, что ты Бог, – сказал я, – а на самом деле быть Сатаной».

Еще одна бесконечность тезиса, антитезиса и нового синтеза, еще одно бесконечное круговое движение началось.

Бог сказал: «Бесконечность».

Я сказал: «Ты мог бы тестировать логическую систему в гигантском компьютере, а я…». Снова бесконечное круговое движение.

«Бесконечность», – сказал Бог.

«Она будет всегда бесконечной? – спросил я. – Бесконечность?»

«Попробуй еще раз», – сказал Бог.

«Я сомневаюсь в том, что ты существуешь», – сказал я. И бесконечное круговое движение началось снова.

«Бесконечность», – сказал Бог. Кипа компьютерных перфокарт росла; это была, без сомнения, самая большая из стопок; она была бесконечной.

«Я буду играть в эту игру вечно, – сказал Бог. – Или до тех пор, пока ты не устанешь».

Я сказал: «Я найду мысль, объяснение, теорию, которая остановит бесконечное круговое движение». И как только я это сказал, бесконечное круговое движение началось. Бог сказал: «На протяжении периода в шесть с половиной лет ты разрабатывал теорию за теорией, чтобы объяснить «2–3–74». Каждой ночью, когда ты ложишься в постель, ты думаешь: «Наконец, я нашел это. Я выдвигал теорию за теорией, пока сейчас, наконец, у меня не появилась верная». А затем, на следующее утро ты просыпаешься и говоришь: «Есть один факт, который эта теория не объясняет. Мне надо подумать над другой теорией». Вот так ты и поступаешь. Сейчас тебе очевидно, что ты собираешься обдумать бесконечное количество теорий, ограниченных только продолжительностью твоей жизни, но не ограниченных твоим творческим воображением. Каждая теория порождает следующую теорию, и это неизбежно. Позволь мне спросить тебя; Я открылся тебе, и ты увидел, что Я – это бесконечная пустота. Я не нахожусь в мире, как ты думал; Я трансцендентален, Я божество евреев и христиан. То, как ты видишь Меня в мире, заставляет тебя утвердить пантеизм, сквозь который проходит Мое бытие – расколотое, разбитое на осколки и искаженное множественностью изменчивого мира; это Моя сущность, да, но лишь малая часть ее: обломки тут и там, вспышка, порыв ветра… а теперь ты увидел Меня трансцендентальным, отделенным от мира и иным, нежели он, и Я больше, чем он; Я есть бесконечность пустоты, и ты знаешь меня таковым, каков Я есмь. Ты веришь в то, что ты видел? Ты принимаешь то, что, где бесконечность, там и Я, и где Я, там бесконечность?»

Я сказал: «Да».

Бог сказал: «Твои теории бесконечны, и вот Я здесь. Без понимания этого сама бесконечность твоих теорий указывает на решение; они указывают на Меня, и ни на кого, кроме Меня. Ну а теперь ты удовлетворен? Ты

видел, как Я показал себя в Богоявлении; теперь Я разговариваю с тобой; ты испытал, будучи живым, снизошедшее на тебя блаженство; немногие люди испытывали это блаженство. Позволь мне спросить тебя: это было конечное или бесконечное блаженство?»

Я ответил: «Бесконечное».

«Так что никакие земные обстоятельства, ситуации, сущности или вещи не могли бы породить его».

«Нет, Господь», – сказал я.

«Итак, это Я, – сказал Бог. – Ты удовлетворен?»

«Позволь мне испытать еще одну теорию, – проговорил я. – Что случилось «2–3–74», было тем…» – и тут же началось бесконечное круговое движение.

«Бесконечность, – сказал Бог. – Попробуй еще раз. Я буду играть вечно – ради бесконечности».

«Вот новая теория, – сказал я. – Я спросил себя: «Какой Бог любит играть в игры? Кришна. Ты Кришна». А затем мне сразу же пришла мысль: «Но есть, возможно, бог, который пародирует других богов; этот бог – Дионис. Это может быть вовсе не Кришна; это может быть Дионис, притворяющийся Кришной». И бесконечное круговое движение началось.

«Бесконечность», – сказал Бог.

«Ты не можешь быть *YHWH*, Тем, Который говорит, что Он есть, – сказал я. – Потому что *YHWH* говорит: «Я тот, кто Я есмь», или: «Я буду тем, кем Я буду». А ты…»

«Я изменяюсь? – спросил Бог. – Или твои теории меняются?»

«Ты не меняешься, – ответил я. – Меняются мои теории. Ты и «2–3–74» остаетесь постоянными».

«Значит, это ты Кришна, играющий со Мной», – сказал Бог.

«Или я мог бы быть Дионисом, – сказал я, – который притворяется Кришной. И я этого не узнаю; та часть игры, которой являюсь я, я сам, об этом не знает. Таким образом, я Бог, который не понимает этого. Вот она, новая теория!» – и тут же бесконечное круговое движение началось; возможно, я был Богом, а тот «Бог», который говорил со мной, таковым не был.

«Бесконечность, – сказал Бог. – Играй снова. Другой ход».

«Мы оба Боги», – сказал я. И новое бесконечное круговое движение началось.

«Бесконечность», – сказал Бог.

«Я это ты, и ты это ты, – сказал я. – Ты разделил себя на две части, чтобы играть против самого себя. Я, который является одной половиной, я не помню, но ты помнишь. Как сказано в «Гите», как Кришна говорит Арджуне: «Мы оба прожили много жизней, Арджуна; я помню их, но ты – нет». И бесконечное круговое движение началось; я мог бы с тем же успехом быть возницей Кришны, его другом Арджуной, который не помнит своих прежних жизней.

«Бесконечность», – сказал Бог.

Я промолчал.

«Играй снова», – сказал Бог.

«Я не могу играть до бесконечности, – сказал я. – Я умру, прежде чем она настанет».

«Тогда ты не Бог, – сказал Бог. – Но Я могу играть на протяжении всей бесконечности; я Бог. Играй».

«Возможно, я буду реинкарнирован, – сказал я. – Возможно, мы делали это раньше, в другой жизни». И бесконечное круговое движение началось.

«Бесконечность, – сказал Бог. – Играй снова».

«Я слишком устал», – сказал я.

«Тогда игра закончена».

«После того как я отдохну…»

«Ты отдохнешь? – сказал Бог. – Джордж Герберт[298] написал обо мне:

> Пусть он других людей хранит,
> Но пусть хранит заботливо и с жалостью.
> Пусть он богат, но скромен его вид.
> Коль не добром он движим, а усталостью,
> Пускай прильнет ко мне и спит.

«Герберт написал это в 1633 году, – сказал Бог. – Отдых и игра заканчиваются».

«Я буду играть дальше, – сказал я, – после того как отдохну. Я буду играть до тех пор, пока, наконец, не умру от этого».

«И тогда ты придешь ко Мне, – сказал Бог. – Играй».

«В этом мое наказание, – сказал я, – что я играю, что я пытаюсь разглядеть, был ли это ты в марте 1974 года». И тут же в голову пришла мысль: что это – мое наказание или моя награда? И начался бесконечный ряд тезисов и антитезисов.

«Бесконечность, – сказал Бог. – Играй снова».

«В чем мое преступление? – сказал я. – В том, что я вынужден заниматься этим?»

«Или твоя заслуга», – сказал Бог.

«Я не знаю», – сказал я.

Бог сказал: «Потому что ты не бог».

«Но ты ведь знаешь, – сказал я. – Или, может быть, ты не знаешь, и ты пытаешься разузнать». Бесконечное круговое движение началось.

«Бесконечность, – сказал Бог. – Играй снова. Я жду».

Фил был столь сильно потрясен этой «теофанией» (богоявлением), что решил отказаться от того, что он теперь называл «адской работой» над «Экзегезой». 2 декабря, после нескольких хороших попыток проанализировать «11–17–80» («Бог сказал, что я не могу знать с определенностью, но, вместо того, мне нужно было смотреть, где свалены в стопки компьютерные перфокарты. Хорошо. […]»), он написал: «КОНЕЦ», – и сделал титульный лист для тысяч сваленных в кучу листов бумаги, в которых было все о нем:

20 марта 1974–2 декабря 1980

ДИАЛЕКТИКА: Бог против Сатаны & Окончательная Победа Бога, предсказанная и показанная.

Филип К. Дик
ЭКЗЕГЕЗА
Apologia Pro Mia Vita[299]

Но к 12 декабря он поместил под обложку листы с новыми заметками. А потом Фил вернулся к «Экзегезе» опять. Разве он не сказал Богу, что сыграет в игру снова, как только отдохнет?

Для парня, который только что был удостоен теофании, у Фила было прямо-таки унылое Рождество. Он был печальным, потому что, казалось, не с кем разговаривать о тех идеях, которые имели для него значение. В «Экзегезе» Фил признавался, что разговор с ним иногда звучал как «религиозная чепуха & оккультная чепуха», но где-то в глубине всего этого была истина. И он никогда не найдет ее. Сам Бог заверил его в этом. Итак, наступил сочельник 1980 года, и он был один, выбрав просмотр по телевизору полуночной мессы Папы и не увидев никаких признаков Христа в этом ритуальном представлении.

К Новому году Фил восстановил частично свой интерес к предположениям. И он боролся со своим ощущением потери энергии, строго соблюдая диету. В относительно короткое время Фил похудел, впервые с начала шестидесятых годов. Он находил

диетическую дисциплину легкой – то, что он называл своим «трипом самоотречения», позволило ему насладиться отказом от любимых блюд, таких как консервированный стейк и пироги с почками из Ирландии. Изменение в физическом облике устраивало Фила. Крис Арена, постоянный участник вечерних собраний по четвергам, вспоминает предыдущую неуверенность Фила из-за его веса:

> Однажды вечером мы с Филом пререкались друг с другом, и я сказал ему: «Ты просто толстый старик». Фил встает, как бы все о'кей, а сейчас я надаю тебе пинков. Потом снова садится и говорит: «Я толстый старик». Врач порекомендовал ему сбросить вес и перестать выпивать, и это побудило Фила сесть на диету. Но еще до этого он знал, что я говорил ему правду.

Обновленный, стройный Фил начал играть удивительную роль в ассоциации владельцев кондоминиума. Хуан и Сью Перес, которые стали новыми соседями Фила и близкими друзьями, после того как Дорис Саутер переехала, вспоминают, что новым жильцам нравилось иметь «творческого чудака» в доме, но они подозревали, что Фил курит много травки. Те немногие, кто рискнул прочитать его книги, были в ужасе. Так как, черт возьми, Фил стал председателем домового «Комитета правил и жалоб»? «Он всегда был дома, – объясняет Хуан. – И Фил был обеспокоен тем, что кто-то будет слишком строг по отношению к кошкам и громкой музыке».

Фил и Хуан, который работал над магистерской диссертацией по психологии (он использовал два романа Фила для примера бредовых состояний), фантазировали о книжном проекте, который сочетал бы в себе познания Хуана в области химии и психологии с философскими и религиозными знаниями Фила. Сью вспоминает, что Фил, их частый гость в обеденное время, нередко жаловался на свои неудачи с женщинами и просил ее совета. «Я бы сказала ему: «Не говори им настолько много о себе так быстро».

Но в начале 1981 года произошло событие, которое затмило даже стремление к женщинам: Крупная Голливудская Кинокартина!

В итоге переговоры об экранизации «Андроидов» закончились сделкой. Продюсер Майкл Дили взялся за проект с Ladd Company, которая занималась бы дистрибьюцией фильма. Ридли Скотт («Чужой»), который должен был стать режиссером фильма, названного «Бегущий по лезвию», и Харрисон Форд («Звездные

войны» и «В поисках утраченного Ковчега») сыграет Рика Декарда, чья работа состоит в том, чтобы убивать «репликантов» (так в фильме называются «андроиды» Фила), которые устраивают побеги с колонизированных планет. Съемки должны были начаться в Голливуде, совсем недалеко, если ехать по шоссе, от места жительства Фила, – в первой половине 1981 года.

Чтобы осмыслить влияние всего этого на Фила, важно понять, что на ранних этапах производства «Бегущий по лезвию» был вероятным кандидатом на то, чтобы стать следующими «Звездными войнами». Никакие два имени не были тогда более популярны, чем Ридли Скотт и Харрисон Форд. Бюджет, в конечном итоге, достиг 25–30 миллионов долларов – солидная ставка для спонсоров из фирмы. «Бегущий по лезвию» только постепенно заработал прибыль, чтобы оправдать эту азартную игру, – с самого начала отзывы были смешанными и неоднозначными, кассовые сборы – так себе, дополнительные источники прибыли и мерчендайз – стали полным провалом. В конце концов фильм получил значительный доход от международной дистрибьюции, продажи на видео и рынка проката. В Японии «Бегущий по лезвию» считается культовой классикой, и это ключевой фактор, стоящий за выдающимся литературным статусом Фила в этой стране. Но в Америке фильм не получал широкого распространения в первом прокате, не трудно понять, почему Фил был так взволнован в то время.

Фил также скептически относился к тому, что фильм воздаст должное его роману. Но никто не застрахован от «голливудских грез» и даже у Фила были фантазии об известности и славе. Однако реальность проявилась достаточно быстро. Филу был отвратителен сценарий Хэмптона Фэнчера, прочитанный в декабре 1980 года. Его ответ стал декларацией войны проекту. В заметке, помещенной в выпуске журнала *SelecTV Guide* за февраль – март 1981 года – журнала кабельного ТВ, на которое был подписан Фил, – он раскритиковал самый знаменитый хит Ридли Скотта: «При всем своем ослепительном графическом воздействии, в «Чужом» (беря его как пример) не было ничего нового, что привело бы нас к концепциям, которые пробуждают разум, а не чувства».

Весьма сомнительно, что кто-либо из руководителей проекта «Бегущий по лезвию» обратил внимание на эту маленькую заметку Фила. Дэвид Пиплз, которого в начале 1981 года пригласили, чтобы он переписал сценарий Фэнчера, не помнит, чтобы имя Фила когда-либо звучало во время совещаний. Пиплз думал, что первоначальный сценарий Фэнчера превосходен, и он никогда не читал «Андроидов», до или после переписывания

сценария. Второй вариант Фил (изменив свое мнение на 180 градусов от предыдущего презрения ко всему проекту) восхвалял до небес, после того как прочитал его в августе 1981 года. Окончательный сценарий, с указанным совместным авторством Фэнчера и Пиплза, меняет или ликвидирует ключевые элементы сюжета «Андроидов» (см. «Хронологический обзор»); к примеру, эмпатическая религия Мерсера полностью отсутствует. Но Фил хорошо знал о разнице языка литературы и кино, и никогда не думал, что буквальное перенесение книги на экран возможно или даже желательно.

В то время как борьба со сценарием закончилась счастливо, возникло весьма болезненное и личное недопонимание в переписке между Филом и Урсулой Ле Гуин. В феврале 1981 года Ле Гуин выступила с речью в Университете Эмори, на которой присутствовал писатель-фантаст Майкл Бишоп. Он написал восхищенные рецензии на «Убик» и недавно выпущенный «Валис» и переписывался с Филом. (С тех пор Бишоп опубликовал роман *The Secret Ascension or Philip K. Dick Is Dead, Alas*, в котором покойный автор реалистических романов Филип К. Дик не смог при жизни найти признание для своей подрывной фантастики.) Бишоп проинформировал Фила о некоторых комментариях Ле Гуин, содержание которых Фил посчитал достаточно оскорбительным, что послужило основанием для публичного ответа в фэнзине *Science Fiction Review*, в котором задиристая переписка является одним из важных предметов развлечения читателя:

> Я смотрю на недавнее письмо от Майкла Бишопа. Майкл любит мой новый роман «Валис», но он узнал, что Урсула Ле Гуин была чрезвычайно разочарована в нем «не только потому, что в книге рассматриваются, возможно, неразрешимые метафизические вопросы (в которые, и она этого, видимо, боится, вы погружаетесь, рискуя никогда снова из них не выбраться), но и из-за отношения к женским персонажам – каждый из которых, как утверждает она, несет в основе (я не могу вспомнить ее точную фразу) ненавистную и не вызывающую доверия фигуру смерти. […] Она чрезмерно восхищалась работами Филипа К. Дика, которого позорно игнорировали в этой стране и который погружался в самого себя и медленно сходил с ума в Санта-Ане, штат Калифорния». Ее смятение, как говорит Майкл, «является результатом исключительно подлинной человеческой заботы о вашем интеллектуальном и эмоциональном

благополучии».

В письме Фила также цитируется жалоба Ле Гуин на то, что он не смог изобразить искупительную силу искусства в его собственном автопортрете в «Валисе».

Со своей стороны, Ле Гуин глубоко сожалела об оскорбленных чувствах Фила. Она давно была убежденным публичным защитником таланта Фила, и ее роман 1971 года «Резец небесный», по ее собственному признанию, испытал заметное влияние его произведений шестидесятых годов. Письмо с ее извинениями и разъяснениями прилагается в том же летнем выпуске *SFR* 1981 года. В интервью Ле Гуин объясняет, что она никогда серьезно не опасалась за душевное здоровье Фила и не помнит, что называла его темы «неразрешимые». «Я могла бы сказать «чокнутый» как о Филе, так и о Вирджинии Вулф[300]. Но мне не нравятся книги его более позднего периода, в частности, «Валис». Я думаю, в тех книгах есть безумие, из которого он не выходил, – Вирджиния Вулф могла из него выйти, а Фил – не всегда. Это «не всегда» трансмутировало в искусство». Ле Гуин подтверждает свою неприязнь к женским персонажам в романах того десятилетия, которое предшествовало «Валису». «Женщины были символами – будь то богиня, сука, ведьма, карга, – но в его книгах, где когда-то были женщины, не осталось ни одной».

Фил и Ле Гуин окончательно примирились путем взаимной переписки. Но важно отметить, в каких случаях Фил твердо отстаивал свои взгляды, а где уступал в ответ на ее критику. Что касается ее предполагаемой неприязни к неразрешимым метафизическим предположениям, то Фил многозначительно ответил своим письмом в *SFR*: «Я никогда не проводил границу между идеями, которые можно рассматривать, и идеями, которые рассматривать нельзя. Для меня лично это опасно – ведь некоторые идеи лучше оставить в покое, для блага и душевного здоровья всех заинтересованных сторон». Конечно, проблема его здравомыслия была более болезненным вопросом. В письме в *SFR* Фил настаивал на том, чтобы «Валис» воспринимался как плутовской роман, а не как автопортрет: «Тот факт, что мой главный герой, Жирный Лошадник, сумасшедший, не доказывает, что я, автор, сумасшедший, даже если я скажу: «Я – Жирный Лошадник», потому что именно так пишутся определенные виды книг. В романе есть сцены яростных споров между Филом Диком и Лошадником».

Что касается искупительной роли художника, это всегда была одной из наименее любимых тем. В письме в *SFR* Фил с гордостью изложил свое пролетарское авторское кредо, неизменное со

времен Беркли. «Мой ответ: мой роман – это мое оправдание, не то, что я присваиваю себе как личности, как романисту. […] Этот [писательский] талант […] не делает меня выше людей, которые ремонтируют обувь или водят автобусы». Вызов Фила здесь, безусловно, связан с его давним чувством отличия между его статусом и статусом Ле Гуин. Он был жанровым писателем, она же – элегантным стилистом, намного опередившей его по собранным НФ-премиям, ее «мейнстримные» рассказы принимались в журнал *New Yorker*, а романы выходили в издательстве Knopf. Еще в 1978 году в записи в «Экзегезе» Фил предложил сравнительное объяснение их судеб:

> Выдавать популярную форму [НФ] за «серьезную» – вот что вы делаете, если она не расходится. Это умная тактика. Тогда вас приветливо пригласят в […] Это то, как ЧЖТ [Черная Железная Тюрьма] поступит, если не сможет это размазать и сокрушить. Следующий шаг – они заставляют вас представить им для критики свои НФ-произведения. «Структурная критика» вычистит весь «мусор» – и ты получишь то, что пишет Урсула.

Что касается проблемы женщины в его творчестве, ответ Фила *SFR* – что женщины, наравне с мужчинами, в «Валисе» изображаются мошенниками из плутовского романа – неуместен и неубедителен для самого Фила. В последующем письме к Галену Фил признал, что в его творчестве до «Всевышнего вторжения» «мое изображение женщин было неадекватным и даже несколько порочным». В мае 1981 года после завершения «Трансмиграции Тимоти Арчера» с любовно выписанным портретом Энджел Арчер, Фил напишет Ле Гуин с радостью и триумфом: «Это самый счастливый момент в моей жизни, Урсула, – встретиться лицом к лицу с этой яркой, задиристой, остроумной, образованной, нежной женщиной, […] и, если бы не ваш анализ моих произведений, я, вероятно, никогда бы не открыл ее».

На фронте «Бегущего по лезвию» назревали новые проблемы. Инвесторы фильма очень хотели выпустить новеллизацию сценария на рынок вместе с релизом фильма. Гален отстаивал переиздание самих «Андроидов» как медиапродукта под названием «Бегущий по лезвию», а не издание наспех написанной переделки киносценария. Инвесторы в своем майском ответном письме предложили классический «кнут и пряник».

«Пряник»: если Фил согласится на новеллизацию, то может написать ее сам с авансом в 50 тысяч долларов плюс 50

процентов чистой прибыли от всех печатных медиапродуктов: сувенирных журналов, постеров, комиксов и т. д.[301]. Если фильм удастся, Фил получит на одних роялти от 250 тысяч до 400 тысяч долларов. Но «Андроиды», его собственный роман, будет задвинут в угол.

«Кнут»: Фил откажется, но у инвесторов все еще будут права на издание печатных медиапродуктов, объемом в 7500 слов или менее, без обязательного одобрения Фила – и Фил тогда не увидит ни цента. И если любой издатель возьмется за переиздание «Андроидов», то ему придется использовать только оригинальное название, без какого-либо упоминания об отношении книги к «Бегущему по лезвию».

Как оказалось, Фил мог заработать, по оценке Галена, примерно 70 тысяч долларов на новеллизации, и только около 20 тысяч на печатных медиапродуктах. Но во время выбора стратегии Филом и Галеном на кону стояли в целом 400 тысяч долларов. И в самый важный момент пришло предложение от Дэвида Хартвелла, редактора, который купил «Всевышнее вторжение» для издательства Simon and Schuster, заключил контракт с Филом на реалистический роман. Фактически Хартвелл, в течение однодневного визита к Филу в апреле 1981 года, согласился на издание трех романов: 7500 долларов аванса за «мейнстримный» роман *Bishop Timothy Archer* (рабочее название), 17 500 долларов за научно-фантастический роман, который должен называться *The Owl in Daylight*[302] (никогда не был написан), и 3500 долларов за переиздание в мягкой обложке «Исповеди недоумка» для импринта Timescape. Доверие Хартвелла к таланту Фила было безоговорочным. В интервью он вспоминает:

> Фил почти шесть часов необычайно подробно рассказывал о том, что станет «Тимоти Арчером». Вся структура книги у него уже была – все, что нужно было сделать, так это сесть и написать ее.
>
> Что касается *The Owl in Daylight*, у меня никогда не было формального письменного предложения. Фил однажды сказал мне, что он может сделать какую-нибудь заявку редакторам и агентам до двух часов дня, и это звучало убедительно, но в два часа приходила его почта, а у него к ней было почти фетишистское отношение, он не мог ничего закончить писать, пока не увидит письма. В описание сюжета *The Owl in Daylight*, которое я получил в день своего визита, было что-то от Данте, от Томаса

Манна, от «Валиса», от «Всевышнего вторжения», и в тот момент я его не подталкивал. Позже я получил письмо с несколькими параграфами описания, но это было самое смутное описание в стиле Филипа К. Дика.

К концу того дня я решил купить все три книги и сказал ему об этом. Фил поднял своего кота и сказал ему: «Мальчик, я у нас горяч». Мы поужинали и отлично провели время».

Итак, Фил заключил первый контракт с нью-йоркским издательством на «мейнстримный» роман, стоимостью всего 7500 долларов, в то время как Голливуд предлагал толстую сигару в 400 тысяч долларов за ерундовую новеллизацию. Фил часто описывал эти два варианта как жизненно важный выбор или проверку на его честность. Гален вспоминает ход переговоров так:

Фил рассказал многим людям, что я говорил о двух предложениях: «Арчер» за 7500 долларов или новеллизация за 400 тысяч долларов, за что беретесь? Его версия приукрашивает историю, и она не правдива. Он не должен был выбирать и мог работать с двумя проектами.

На самом деле его первоначальная реакция была такой – звучит здорово, давайте это рассмотрим. Я говорил ему – нет, это ужасно, если вы напишете новеллизацию, никто не будет читать «Андроидов». Он хотел знать, сколько они предлагали, и люди стараются об этом не помнить, но Фил вышел из мира наемных писателей, и деньги, определенно, имели для него значение. Он не мог понять, почему я отказывался от выгодной сделки. Мы поговорили, и он, наконец, согласился: «Я думаю, ты прав».

Заключительный контракт позволял переиздать «Андроидов» под названием «Бегущий по лезвию», и инвесторы фильма получают роялти в один процент. В интервью, взятом перед согласованием окончательных условий, Фил осудил идею новеллизации, но также отметил, что, если бы он захотел ее написать, то «финансово, как объяснил мой агент, я был бы обеспечен на всю жизнь. Я не думаю, что мой агент рассчитывает, что я собираюсь жить долго».

Но это именно Фил, не Гален, чувствовал предвестие смерти. В этом не было ничего нового: Фил ощущал предвестники умирания несколько раз за прошедшее десятилетие, как, к примеру, во время эпизода с «ксерокопированным посланием»

в марте 1974 года. Разница заключалась в том, что теперь Фил чувствовал не некую угрозу, а просто смертельную усталость. Мнение Галена, что Фил мог завершить оба проекта, верны с точки зрения контракта, но Фил лучше знал собственные силы и возможности.

В апреле – мае 1981 года он вернулся к написанию «Трансмиграции Тимоти Арчера» и испытал мощное чувство того, что воздержался от соблазна: «Мои духовные устремления претерпели испытание раскаленным железом. […] Наконец, я прямо сейчас торжествую, так как пишу «Арчера», – отметил Фил в «Экзегезе». Он подчеркнул: «Литература не проблема. Измышлять видения «анохи» [с иврита: Я есть Господь] так, как я пишу, вот проблема. Для меня здесь нет иной проблемы. Чистое самосознание». В то время как литературные цели Фила были возвышенными, его манера их подпитывать таковой не была. Полу Уильямсу он признался, что каждую ночь выпивал приличный объем шотландского виски «Лафройг», когда работал над романом, – и чувствовал, что тем самым подвергает опасности свое здоровье.

«Арчер» – это исследование души человека, для которого, как и для Фила, «видение» и «самосознание» являются сущностью жизни. Ни в одном другом романе Фила так ясно не прослеживается коренное различие между Филом-мыслителем и Филом-художником. Ибо, рассказывая историю неудавшегося существования епископа Арчера, его несчастной семейной жизни, горького внебрачного романа и бездушных интеллектуальных оправданий, Фил по существу отвергает абстракции своей собственной «Экзегезы» в пользу простых, повседневных добродетелей – человеческого тепла и доброты.

Также «Арчер» является, что не типично для Фила, простым *roman à clef*[303]. Епископ Арчер, который умирает в Иудейской пустыне в поисках «анохи» в виде гриба *Vita verna*[304], является психологическим портретом епископа Пайка. Письмо о жизни епископа, отправленное Энджел Арчер к «Джейн Марион» во второй главе, очень напоминает письмо Фила в феврале 1981 года к Джоан Дидион (которая написала эссе о Пайке для *The White Album*[305]). Джефф Арчер совершает самоубийство, как и сын епископа Пайка, Джим-младший, но ключевыми моделями для Джеффа были два друга Фила, Том Шмидт и Рэй Харрис. Любовница Арчера Кирстен Лундборг списана с Марен Хакетт. Учитель Эдгар Барфут основан на Алане Уоттсе.

А Билл Лундборг, сын-шизофреник Кирстен, который верит, что душа епископа Арчера переселилась в него, частично основан

на самом Филе. Мысль о том, что епископ Пайк каким-то образом находился внутри него, продолжала преследовать Фила, как в этой записи «Экзегезы» 1981 года: «2–3–74»: я был околдован. Цель: воссоздать Джима, чтобы он мог продолжать […] говорить (через мое письмо, и не только через книгу «Арчер»)». Но Джим Пайк, воссозданный в «Арчере», является самым неоднозначным портретом. Его пустынный поиск «анохи» – поступок неразумного, неуправляемого человека. Энджел Арчер, рассказчица, пишет о нем:

> Не может быть оспорено то, что в конечном итоге Тима Арчера уничтожила попытка тщательно проверить любую возможную идею. Он проверял слишком много идей, отбирал их, изучал их, использовал их некоторое время, а затем отвергал их… Некоторые идеи, однако, как будто бы обладая собственной жизнью, обойдя с тыла, возвращались к нему и овладевали им. […] Но он умер не сразу, можно сказать, что он умер, нанося ответный удар. Судьба должна была убить его.

Хотя сюжет романа сфокусирован якобы на епископе Арчере, это его невестка Энджел Арчер, практичная и нежная, вдова в свои тридцать с небольшим лет, которая управляет музыкальным магазином в Беркли, полностью доминирует в повествовании. Ключевым вдохновением для Энджел была дочь Лора (чье второе имя – Арчер). Донна, великая любовь Фила времен Санта-Венеции, была еще одной моделью для этого персонажа, согласно «Экзегезе». Но эти реальные модели переросли в нечто большее. Простое превосходство Энджел над абстрактными размышлениями епископа дали Филу ощущение, что он наконец примирился с женским началом, *anima*, внутри себя. В «Экзегезе»: «Когда Бог смотрит на меня, он видит Энджел Арчер, потому что это то, чем сделал меня Христос: новая жизнь: новое рождение. [Женский] голос ИскИна – это голос моей собственной души».

Восторг от создания образа Энджел Арчер заставил Фила снова жаждать обрести статус автора «мейнстрима». Если «Арчер» будет хорошо принят, то появится шанс, что двери перед Филом, наконец, откроются. В письме Галену от июня 1981 года Фил допускал, что исключение его из основного литературного потока «было трагедией, и очень длительной трагедией моей творческой жизни». Он предложил посвятить себя в дальнейшем усилиям в «мейнстриме» и попросил совета своего агента. Письмо Галена в ответ было сдержанным: он преданно убеждал Фила отказаться от фантастики, если он сам того пожелает. Но сердце Галена на самом деле не лежало к этому. В интервью Гален вспоминает:

> Вот что я пытался сказать в том письме: не переставайте писать научную фантастику. Я не был в состоянии это сделать – чувствовал, что это разобьет его сердце. Если бы он дожил и увидел, что «Арчер» не имел успеха, и «Арчер» неудачен, это было бы очень тяжело: повторение 1958 года снова и снова. Я должен был бы представить его следующий мейнстримный роман двадцати пяти издательствам и получить двадцать пять отказов.
>
> На мой взгляд, его «реалистическая» проза не была и на одну десятую так хороша, как его научная фантастика. Это нельзя было сказать ему в лицо. Теперь он мертв, и он мученик, и это комфортная точка зрения – на Фила как на человека, который мог бы быть «серьезным» писателем, но грязная гнилая издательская индустрия никогда не давала ему шанс. Я не думаю, что это так.

Скромный тираж «Трансмиграции Тимоти Арчера» не разошелся, даже хотя он был опубликован весной 1982 года, сразу после смерти Фила. Переиздание в мягкой обложке в 1983 году принесло небольшую прибыль. Его впоследствии опубликованные «мейнстримные» произведения получили такую же низкую прибыль и тихое уважение.

Подозревал ли Фил худшее? В августе 1981 года в письме к Галену Филу казалось, что он избавился от мечты о «мейнстриме». «Да, я думаю, что я буду продолжать писать фантастические романы. Это у меня в крови, и мне не стыдно быть автором НФ». Он «боролся» с *The Owl in Daylight*, представляя разные сюжеты в письмах к Галену и Хартвеллу и размышляя о «склеивании» их всех. В одной из версий структура дантовских *Inferno* – *Purgatorio* – *Paradiso*[306] образует фон рассказа об ученом, заключенном в парке аттракционов разгневанным компьютером. Только решив этические дилеммы, ученый сможет, оказавшись в теле мальчика, достичь *Paradiso* и вспомнить свою истинную сущность. Парк включает в себя атмосферу Беркли и фигуру Тони Бучера, который помогает мальчику стать писателем-фантастом.

Другим элементом сюжетного «варева» в *The Owl in Daylight* был *Ditheon* – слово, которое приснилось Филу в июне 1981 года. Благотворное лекарство появилось в этом сне в виде цилиндра с этикеткой, на которой надпись – намек на «Убик»! – «ДИТЕОН». Утром Фил набросился на справочники и, сделав грамматический разбор, выявил греческие слова: *di* (два) и *theon* (бог). В «Экзегезе»

Фил ликовал: «Термин – понятие – Дитеон – это полное, абсолютное, всеобщее, точное, отчетливое, окончательное, предельное объяснение «2–3–74». Человек, одержимый Дитеоном, объединил в себе две предшествующие формы божественной мудрости – справедливость Торы и благодать Христа – в третью и высшую духовную мудрость – возвращение к чистому бытию, выраженному в концепции идей Платона. В июльском письме Фил объяснял: «Как человек относителен андроиду, так и Дитеон относителен человеку».

Какую роль Дитеон должен будет играть в *The Owl in Daylight*? Фил почти никогда этого не касался. Если бы он еще пожил, пришло бы время для лихорадочной двухнедельной работы, которая окончательно решила бы такие вопросы. В интервью, которое он дал своему другу Гвену Ли в феврале 1982 года, всего за несколько дней до первого из тех инсультов, что убили его, Фил предложил вариант, который должен был стать окончательной версией сюжета *The Owl in Daylight*. Главный герой – композитор, откровенно вдохновленный Бетховеном, который, как считал Фил, сочинил свою самую лучшую музыку после того, как стал глухим. Такое возможно, полагает Фил, потому что музыка – это концептуальный акт, обрабатываемый правым полушарием мозга.

Композитор Эд Фирмли живет в захолустье, может быть, в Орегоне. Он относится к типу странных неудачников – бездарный музыкант, который зарабатывает на жизнь сочинением саундтреков для дешевой кинофантастики. Затем он внезапно меняется: «У них есть этот по-настоящему тухлый научно-фантастический фильм об этом детективе, который выслеживает этих андроидов». (Пародия на «Бегущего по лезвию».) Фирмли «пишет слащавую партитуру к этому фильму. […] И теперь его легко выследить, потому что он хорошо известен». Кто выслеживает Фирмли? Пришельцы с планеты, на которой музыка – или любой звук – неизвестны. Цвет является основой их языка. Один такой инопланетянин обнаруживает музыку посредством религиозного опыта и прибывает на Землю, чтобы научиться ее сочинению. «Я должен писать с точки зрения существа, которое использует цвет в качестве языка, и для кого эта сокровенная планета подобна отысканию Бога». Фирмли – невольный объект этого священного поиска. «Пришелец решает имплантировать себя в виде биочипа и войти в симбиоз с мозгом человека-носителя». Фил не предоставляет концовку *The Owl in Daylight*, но формулирует ее конечную тему:

> Проблема в том, хочет ли человек симбиоз своего

> мозга с пришельцем? Я могу сделать это центральной темой. Ты меня подлавливаешь, когда я в действительности выстраиваю роман. Это самая важная часть написания книги, чем я сейчас и занимаюсь. Мы меняем точки зрения. Человек, который является композитором, будет идеальным хозяином для этого пришельца. […] Он находится там, чтобы наслаждаться музыкой. Это трансцендентальный религиозный опыт.

Смысл названия? «Совы не могут видеть при дневном свете, они сбиты с толку. Это просто означает человека, чье суждение затуманено».

Идеи для «Совы» приходили и уходили, но Фил не мог заставить себя начать писать. Фил признавался в письме: «Боюсь, я откусил больше, чем смогу прожевать; я устал, работая над «ТРАНСМИГРАЦИЕЙ ТИМОТИ АРЧЕРА» […], и просто сбиваюсь с шага». Фил боялся, что последует за судьбой Херба Холлиса и друга с Пойнт Рейес, автора вестернов Билла Кука – оба они умерли в начале среднего возраста от сердечных приступов. Затем, в начале сентября, Фил прочитал в информационном бюллетене издательства Berkley Books о том, что два их автора перенесли сердечные приступы, один со смертельным исходом. Его ответ был отчаянным:

> После того как я прочитал новости […], я перестал делать заметки для своего нового романа, лег спать, встал, поехал в продуктовый магазин, поехал домой и протаранил опорную колонну в нашей подземной парковке. Мое подсознание сказало мне: «Хватит». Я знал, что собираюсь врезаться в опорную колонну, и даже после удара я продолжал двигаться; я хотел ударить ее. Я хотел протестовать против тех двух сердечных приступов […]; я хотел протестовать против собственного порабощения, когда я десятилетиями должен писать для того, чтобы оплатить супружеские алименты, алименты на детей, отправить старшую дочь в Стэнфорд, моего младшего мальчика в частную школу, купить моей бывшей жене Тессе дом за 150 тысяч долларов, когда меня подгоняют сроки, когда надо брать напрокат смокинг для гала-премьеры «Бегущего по лезвию»; все эти междугородние телефонные звонки, все эти ответы на письма читателей, которые планируют совершить самоубийство и хотят, чтобы я отговорил их от этого, потому что я написал о своей попытке

> самоубийства в «Валисе», и они знают, что я их пойму. Я понимаю. Я понимаю, что расплата для писателей – и редакторов тоже! – которые работают день за днем по шестнадцать часов в сутки, семь дней в неделю, – это […] не счастье, а внезапная смерть или полная нетрудоспособность; они, как сказал Иисус, словно «отцы ваши ели манну в пустыне и умерли»[307].

Авария вызвала травму ноги, и ему было трудно ходить даже вокруг дома. Сильное физическое проявление эмпатии и ярость были неотъемлемыми чертами характера Фила. Когда он узнал об убийстве в 1981 году президента Египта Анвара Садата, Фил раздавил алюминиевую банку с газировкой и порезал себе запястье. Это были протесты на грани самоубийства, но они быстро заканчивались. Фил хотел жить. Он с нетерпением ждал премьеры «Бегущего по лезвию», запланированной на середину 1982 года, и, несмотря на его жалобы, деньги не были главной проблемой. Но Фил был уставшим – и более чем уставшим. Он жаждал искупления для себя и для мира.

Бесконечные объяснения «2–3–74» оставляли его накуренным и пьяным, и он это понимал. Через неделю после аварии он написал Галену, приложив одну страницу «Заключительного заявления» об «Экзегезе». Его сопроводительное письмо объяснило, что «2–3–74» реально, «но что это, я просто не знаю, и я не ожидаю когда-либо узнать». В «Заключительном заявлении» он признает свое невежество, но утверждает, что возможна не просто вера, а именно знание об истинной «гиперструктуре» Вселенной. Новый биологический вид с более высоким уровнем осознанности, чем люди, может эволюционировать, и «гиперструктура» «активно участвует» в этой эволюции. «Это является метасущностью в прямом смысле и представляет собой обширную, насущную тайну, заслуживающую нашего глубочайшего внимания».

Все это звучит как нечто, с чем могла бы согласиться скептичная Энджел Арчер. Но Фил встретил «гиперструктуру» непосредственно в «2–3–74» и делал бесконечные ставки в игре с Богом «11–17–80». Признание тайны не могло удовлетворить его; это мог сделать только фактический контакт. Что касается лучшего мира, то перспектива медленной эволюции на протяжении веков не была большим утешением.

В 1979 году голос ИскИна сказал Филу: «Время, которого ты ждал, пришло. Работа завершена; окончательный мир здесь. Он трансплантирован и жив». Голос ИскИна добавил, что спаситель будет найден на острове. Ночью 17 сентября 1981 года Фил едва

начал засыпать, как вдруг был напуган и разбужен гипногогическим видением этого спасителя по имени Тагор, который жил на Цейлоне. В письме от 19 сентября к Галену он заявил, что «я получил больше чем информацию, больше чем слова через голос ИскИна; я действительно видел Тагора, хотя не совсем отчетливо. Видение останется со мной навсегда». В «Экзегезе» Фил назвал это учением (*kerygma*), информацию о котором он должен передать. Поэтому 23 сентября он отправил письмо редактору фэнзина *Niekas* Эду Мескису (который его опубликовал) и еще примерно восьмидесяти пяти друзьям и корреспондентам, в котором описал Тагора и его учение. По словам Фила, Тагор был темнокожим индуистом или буддистом, работающим в сельской местности с группой ветеринаров. «Хотя Тагор является вторым воплощением Христа, для местного населения он Князь Кришна». Религиозные ярлыки вряд ли играют какую-то роль – на карту поставлено выживание земли и духа человека:

> Тагор обожжен и покалечен; он не может ходить, поэтому его нужно носить. Насколько [Жирный] Лошадник мог понять, Тагор умирает, но он умирает добровольно: Тагор взял на себя грехи человечества против биосферы. В основном это сброс в мировые океаны токсичных отходов, который проявляется на теле Тагора в виде серьезных ожогов. *Kerygma* Тагора, которое является Третьим Заветом (после Моисеева и Христианского), заключается в следующем: биосфера свята и должна быть сохранена, защищена, почитаема и лелеема – как единство. […]
>
> Тагор учит, что, когда сгорает биосфера, сгорает и сам Бог. […] Такое макрораспятие происходит здесь и сейчас, в нашем мире, но мы этого не видим. Тагор, новое воплощение Логоса в человеческой форме, говорит нам об этом, призывает нас остановиться. Если мы продолжим, мы потеряем Божественную Мудрость, и, наконец, мы потеряем наши собственные физические жизни.

В письме отмечается сходство между учением Тагора о биосфере как Космическом Христе и «Феноменом человека» Тейяра де Шардена[308]. Но для де Шардена священное раскрывается в эволюции; Тагор приходит путем всевышнего вторжения в наш мир.

В этом открытом письме (а не в своем предыдущем письме к Галену) Фил приписывал видение Жирному Лошаднику: «Он

заставил меня написать это письмо как способ рассказать миру – читательскому кругу *Niekas*, об этом как можно более точно. Бедный Жирный! Теперь он полностью безумен, поскольку полагает, что в своем видении он на самом деле узрел нового Спасителя». Фил никогда не отрицал перед друзьями или интервьюерами, что он видел Тагора. Но в ироничном голосе *alter ego* – Жирного Лошадника, было что-то успокаивающее. В спорах Фила с Ле Гуин в феврале 1981 года эта ирония послужила защитой от обвинений в сумасшествии. В «Экзегезе» в 1981 году он признавал: «Все эти 7 лет я боялся, что чокнулся (поэтому Ж. Лошадник так и описан)».

Как Фил относился к видению Тагора? Критик из *Village Voice* Грег Сэндоу посетил Фила в начале октября и вспоминает их беседу за выпивкой в баре по соседству: «Он сказал, что получал несколько сообщений от Бога и что они запутали и обеспокоили его. Он говорил об этом по-деловому и очень прямолинейно, совсем не пытаясь внушить мне благоговейный страх. Из-за травмы ноги Фил идентифицировал себя с Тагором – то, что происходило со Спасителем, то происходило и с ним самим. Он был озабочен смертью, но это также казалось ему совершенно естественным, в том смысле, что сам Спаситель умирает, когда мир в ужасном состоянии». Вот как Фил говорит о борьбе в «Экзегезе»: «Я должен спросить, что Бог хочет от меня. Обнародовать *kerygma* Тагора? Или пожертвовать собой? На сегодняшний день я вижу, что только последнее в моей власти; у меня нет сил прийти к первому, поэтому Бог не может хотеть первого. Я должен подражать Тагору».

Видение Тагора стало еще одной частью пазла, который никогда не сложится. Оно не остановило Фила в его исканиях, как не остановили события 11–17–80. Но концентрация на *kerygma* не означала, что нужно сохранять атмосферу праведности и отказаться от веселья. Через неделю после того, как Фил отослал письмо Тагора, он выдал язвительную самопародию (в форме рецензии на «Всевышнее вторжение») для фэнзина *Venom*. В обзоре делается вывод:

> Это достаточно несерьезно, но, видимо, Дик пытается отработать негативную карму, якобы приобретенную им за год или годы общения с людьми улицы: преступниками, яростными агитаторами и просто – по большему счету – подонками Северной Калифорнии (это все произошло, кажется, после распада одного из его многочисленных браков). Рецензент считает, что лучшим способом загладить свою вину было бы взять

заслуженный *R&R*[309]: перестань писать, Фил, посмотри ТВ, может, выкури косячок, да и еще одно похмелье тебя не убьет, вообще расслабься, пока сами Плохие Старые Деньки и реакция на Плохие Старые Деньки не утихнут в твоем воспаленном мозгу.

* * *

Фил все еще любил плести дикие ночные истории о гностических мистериях и контрзаговорах КГБ с Джетером, Блейлоком и Пауэрсом. Все трое постоянно получают срочные телефонные звонки от Фила по любому поводу. Вспоминает Блейлок:

> Однажды он получил чек примерно на 20 тысяч долларов в качестве части платежа за «Бегущего по лезвию». Поэтому он звонит и говорит: «Иисусе, одиннадцать вечера, а у меня есть 20 тысяч, и что я могу с этим сделать?» Я сказал: «Что ты хочешь больше всего?», и он ответил: «Я готов убить за сэндвич с ветчиной». Я ему: «В округе Ориндж в одиннадцать вечера – это слишком сложно». Тогда он спрашивает: «А как насчет девушки?»

Еще в 1978 году девушка – Тереза, – которая предложила ему свое тело, вызвала отвращение Фила до глубины души. Шутка Фила проявила эту боль и обнажила его одиночество. Разве он не знал всегда, что даже Бога недостаточно без любви хорошей женщины? В этом отношении у него было четырехлетнее затишье.

Но затем удача улыбнулась ему, или так показалось.

В октябре он встретил «Сьюзен», жену одного знакомого. Ей было за двадцать, она была умной и яркой. Ее брак был шатким, а муж не жил в этом штате. Она привлекла Фила; Сьюзен ответила на его чувства. Самое время влюбиться: «Я помню тот тихий вечер, и как я почувствовал: мир ожил для меня, как будто я возродился. Я покинул свою раковину, в которую забрался после того, как расстался с Джоан в далеком 1977 году». У них была короткая, но страстная связь. Но вскоре Сьюзен призналась, что скоро ей предстоит переехать на север Зоны Залива. Эта новость омрачила надежды Фила. Он увидел в этом классическую парную связь «люби меня – я ухожу». Ее статус замужней женщины терзал его, так как супружеская измена не была «правильным поступком» по меркам Тагора. И Фил не должен был следовать за ней на север, как не последовал за Джоан четыре года назад. В

ноябрьском письме Сьюзен он довел дело до конца. Карьера, друзья, семья и стабильный дом превзошли его страсть:

> Все, что им угрожает, – это комплекс, идущий встречным курсом с моей жизнью, вот что из этого следует. Мой способ бытия (*Dasein*) собирательный, я все еще его дополняю – после десятилетий расстройства, и интоксикации, и разрушения, и ухода, и простых блужданий по лику Земли. За девять лет я планомерно и неуклонно строил и проецирую все эти годы в будущее. Я намерен продолжить строительство.

Как бы храбро и разумно это ни звучало, прекращение отношений оказалось для Фила чрезвычайно болезненно. Напечатанный на машинке пространный самоанализ уточняет детали его внутренней борьбы в этот ноябрьский период. Однажды ночью Фил испытал «океанический ужас» и попросил Тессу прийти; она успокаивала его всю ночь, и он чувствовал узы, которые все еще держали их вместе. В то же время Фил был потрясен, что и Сьюзан, и Тесса были для него материнскими фигурами: «Это очень горько, больно и страшно – быть вечно в поисках хорошей матери (нежной, доброй, любящей матери), которой у тебя никогда не было, и вот ты думаешь, что наконец-то ты ее нашел, – а потом обнаруживаешь, что вернулся туда, откуда начал: ты связан с жестокой, ненавидящей, подозрительной, осуждающей матерью, дурной матерью, снова и снова».

Затем Фил вступил в короткий платонический роман с соседкой по кондоминиуму. Были моменты блаженства, в которых, как он писал, «благодаря тебе, я вернулся в реальность, которую я покинул много лет назад». Но у нее был молодой любовник, а старая тоска Фила по любви, чего бы это ни стоило, поменялась: «Я спросил себя, влюблен ли я в […]? Нет. И я не люблю [Сьюзан] больше. Тесса? Пожалуй. Это все работа, письмо».

Тем не менее отношения с Тессой были теплыми. Их совместная забота о Кристофере обеспечивала им чувство семьи, которого так жаждал Фил. Они обсуждали возможность повторного брака. Подход Фила к этому вопросу был типичным для него способом справляться со сложными эмоциональными проблемами – он играл за разные стороны в разное время. Своим друзьям он изображал это как желание Тессы, которому он не хотел бы подчиняться. Тессе же он говорил о совместном ведении домашнего хозяйства.

В разгар всей этой возвышенной драмы Фил наслаждался

устойчивой и уютной дружбой с одной женщиной. Мэри Уилсон[310] была его близким другом с 1972 года, а последние шесть месяцев его жизни они общались почти ежедневно. Мэри, актриса, знала все про голливудский блеск и шумиху, а Фил время от времени имел дело с Голливудом. Съемки «Бегущего по лезвию» закончились в сентябре 1981 года, и пошли слухи о том, что Disney Studios реализуют свой опцион на «Вспомнить все», сценарий по мотивам рассказа Фила 1966 года «Мы вам все припомним». (После смерти Фила этот кинопроект стал реальностью – см. сборник «Сохраняющая машина» в «Хронологическом обзоре.») Время от времени он даже участвовал в голливудских вечеринках, как, например, организованной ради привлечения инвесторов для фильма *Claw*[311]. (Сценарий основан на повести 1953 года «Вторая модель».)

Но огромным событием стало ноябрьское приглашение от киногруппы «Бегущего по лезвию» на просмотр эпизодов со спецэффектами, разработанными для фильма. В июне Фил уже случайно увидел короткий клип из «Бегущего по лезвию» по телевизору в местных новостях и был очень доволен красотой стиля «технонуар». Теперь ему прислали приглашение на приватный показ. Мэри посоветовала ему, чтобы он запросил лимузин с водителем, – и студия это выполнила! Фил позировал с Ридли Скоттом для рекламы, на фото которой Фил, а не маститый режиссер, носил галстук.

Фил и Мэри, бывало, вели бесконечные ночные беседы в их кондоминиуме. Фил подробно анализировал все возможности, будь тема связана с Голливудом, Богом, искусством или женщинами, и это составляло большую часть их разговоров. Он заряжался крепчайшим кофе «Суматра Блю» и частыми понюшками табака «Декан Свифт». Фил вместе с Мэри планировал триумфальное возвращение во Францию. Организаторы фестиваля в Меце пригласили его снова приехать в 1982 году в качестве почетного гостя, со всеми расходами за счет устроителей. По дороге они остановятся в Нью-Йорке, и Фил наконец посетит город, в котором публикуют его книги. После Парижа и Меца, возможно, они заглянут в Германию. Мэри вспоминает, что они начали обсуждать их отношения как «партнерство» и что Фил хотел оформить официальные документы на этот счет. Если он умрет – а он, казалось, чувствовал, что у него осталось мало времени – партнерство даст ей справедливую долю наследства. Но идея документов беспокоила Мэри: «Я не хотела этого делать, как будто бы я расписываюсь в том, что мне нужны его деньги, а не он сам».

Говоря с друзьями, Фил отрицал, что он когда-либо намеревался вступить с ней в официальное партнерство.

В конце декабря дочь Иза позвонила ему по междугородней связи. Ей было уже пятнадцать лет, и она очень волновалась из-за того, что звонила из учительской в школе, а Фил утешил ее. Немедленно после звонка он написал ей длинное письмо, которое просил ее сохранить – она поймет это лучше, когда станет старше. Там же он говорил о человеческой душе, которой нет места в этом мире. Ответом на бедственное положение души является Божья благодать. Бог вмешивается, когда наше бремя становится слишком тяжким, но только тогда, когда мы призовем Бога, – «вот почему не все люди спасены, потому что не все люди понимают на протяжении всей своей жизни, что они живут благодаря Богу, через Бога и только одного Бога […]».

В январе 1982 года, по словам Тессы, Фил сделал ей предложение, и она согласилась. Она пишет: «Фил на этот раз убедил меня, что мне не нужно бояться однажды найти его труп, придя домой из супермаркета. Мой самый сильный страх был, что Фил успешно предпримет попытку самоубийства и что я найду тело, или, может быть, наш ребенок найдет его. Фил убедил меня, что он хочет жить, будет жить. Он ошибался». Говоря с друзьями, Фил отрицал, что он когда-либо планировал повторное предложение.

Как-то вечером в конце января Фил слушал ток-шоу по радио KNX FM. Гостем был Бенджамин Крем, шотландский художник и мистик, который провозгласил мировое пришествие богоподобного учителя – одновременно второе пришествие Христа и прибытие будущего Будды, Майтрейи[312]. Этот учитель жил где-то в Европе и был важным лектором в своем сообществе, но свою истинную духовную сущность он сохранял в тайне. Он явится миру в конце весны, и наступит новая духовная эпоха – Эра Водолея.

Предсказания Крема были не очень далеки от видения Тагора, явившегося Филу. Фил был в восторге от шоу и прислал экземпляры «Валиса» и письмо о Тагоре в штаб-квартиру «Тара Центра» Крема в Голливуде. Затем он купил пару книг «Тара Центра», которые подробно изучил и посчитал их замечательными, после чего пожертвовал туда 150 долларов. В письме от 12 февраля в журнал *Childworld* Фил признал учение Крема истиной: «Основная доктрина его нового завета заключается в том, что мы, промышленно развитые страны, должны нести ответственность непосредственно за питание и заботу о бедных людях «третьего мира»; мы должны делиться богатством, энергией и ресурсами мира со всем человечеством.

Наш собственный образ жизни должен стать более простым; мы должны не только копить ресурсы мира, мы также должны перестать тратить их впустую». Интервьюеру Греггу Рикману он подробно рассказал о своей вере в пришествие Майтрейи; это интервью появится в книге *Philip K. Dick: The Last Testament*.

Рикман пишет, что, когда интервью было закончено и диктофон выключился, Фил признался в некоторых сомнениях относительно предсказаний Крема о новой эпохе духовности. Он планировал исследовать этот вопрос глубже во время поездки в Европу, посетив Бельгию и Нидерланды. Мэри вспоминает эти планы: «Фил сказал, даже если ты не уверен, что это правда, не страшно в этом разобраться, – он предпочел бы быть одним из тех, кто решает, кому собирать урожай, чем быть одним из сборщиков урожая. Я думаю, что это был сценарий его следующей книги – я на самом деле так думаю». «Экзегеза» подтверждает, что Фил взялся за Крема, чтобы проверить истинную природу всевышнего вторжения. И одна запись 1982 года говорит о том, почему Фил ждал, пока магнитофон не выключится, чтобы выразить сомнение – такое сомнение могло бы помешать его цели оказывать влияние на общественное мнение:

> Я понял: я обладаю властью. С точки зрения моего творчества и с точки зрения того, что я делаю с деньгами, которые получаю за свое творчество. Ключевой термин: эффективность.
>
> Меня интересует только одно: вместо того чтобы общество формировало меня, я формирую его
>
> (1)в моем творчестве;
>
> (2)в том, что я делаю с деньгами;
>
> (3)в интервью;
>
> (4)в кино. […]
>
> Появляются обширные доктрины на эту тему. […] Но весь их смысл сводится к ожиданию грядущего царствования Божьего. В других словах, *kerygma*.

В интервью Гвену Ли, которое он дал в последнюю неделю пребывания в сознании, Фил смешал бремя пророчеств с сюжетом «Совы» и признался в великой усталости:

> Я хотел написать о парне, который разгоняет свой мозг до предела, знает, что он достиг своего предела, но добровольно решает пойти еще дальше, понимая, что придется заплатить за последствия. Я отдавал себе отчет, что это просто иная формулировка всего пророчества. То же самое может быть и с деньгами, приобретением

имущества. Это истинное стремление – человек осознает, что все, к чему он стремится, выражается в стоимости.

Стоимость растет выше и постоянно сокращает разрыв. Постепенно планка стоимости повышается. Это то, что я раньше не осознавал в самом себе. Хотя я думаю, что мои произведения становятся все лучше, мое физическое состояние уже не такое, как прежде. […] Я все еще могу писать хорошо, но это дорогого стоит – я вижу в своем уме график, на котором линия стоимости встречается с линией пользы и пересекает ее. И это неизбежно.

В ночь на 17 февраля Фил звонил психиатру Барри Спатсу. Он беспокоился, потому что во время интервью с Рикманом в тот вечер часто противоречил сам себе и во время записи, и после, и не только по отношению к Крему. У него также резко ухудшилось зрение. Что это за психологический симптомом – попытка избежать некой правды, которую он не хотел видеть? Спатс рекомендовал Филу немедленно обратиться в госпиталь, потому что все это звучит как серьезные физиологические симптомы. Фил пообещал это сделать, но не сделал.

На следующий день сосед видел, как Фил забрал свою газету. У него была назначена встреча со Спатсом, и он пропустил ее. Мэри пыталась дозвониться до него по телефону и не смогла. Это были его соседи Хуан и Сью Перес, которые нашли Фила без сознания на полу своей квартиры и вызвали «Скорую помощь». В госпитале у Фила был диагностирован инсульт, от последствий которого он со временем мог восстановиться. Он не говорил, но улыбался и глазами находил лица друзей и любимых, пришедших навестить его. Но дальше последовали новые кровоизлияния, сопровождающиеся остановкой сердца.

Фил умер в госпитале 2 марта 1982 года в возрасте пятидесяти трех лет.

По решению отца Фила, Эдгара, он был похоронен в городке Форт Морган, штат Колорадо, – город, мимо которого Фил проезжал, будучи маленьким мальчиком, когда его семья переезжала в Калифорнию.

Рядом с ним похоронена его сестра Джейн.

Хронологический обзор

Одна из главных ошибок литературной критики – думать, что собственные взгляды автора можно вывести из его творчества; Фрейд, к примеру, повторяет эту злобную ошибку снова и снова. Успешный писатель может принимать точку зрения своих персонажей в соответствии с их ролью; это мера его мастерства, способность освободиться в своей работе от своих собственных предрассудков.

Фил, фэнзин Double: Bill magazine (1969)

Люди говорили мне, что все, связанное со мной, каждая грань моей жизни, души, опытов, мечтаний и страхов – все это воплощено в моем творчестве, что из свода моих работ можно абсолютно и точно сделать выводы об авторе. Это правда.

Фил, вступление к сборнику The Golden Man (1980)

Фил Дик был слишком плодовит, чтобы можно было коснуться всех его работ в ходе жизнеописания.

Этот хронологический обзор предлагает руководство к «филдиковскому» миру как некоему целому для тех, кто заинтересован в дальнейшем исследовании. Книги обсуждаются в порядке написания. Чтобы застраховаться от бессмысленной аргументации, я оценил каждое из произведений по шкале от 1 до 10. Эта шкала внутренне обоснована: 10 приравнивается лучшей работе Фила, которая, по-моему, действительно очень хороша. Пусть читатели, столкнувшись с выбором между пятьюдесятью названиями, извлекут для себя пользу. Если произведения были рассмотрены ранее, я предоставил ссылки на соответствующие

главы.

Издательство Underwood/Miller сослужило огромную службу, выпустив в 1986 году элегантный пятитомник *The Collected Stories of Philip K. Dick* (который включает прежде неопубликованные рассказы). Тем не менее я подхожу к рассмотрению его рассказов по мере появления сборников: A *Handful of Darkness* (1955), *The Variable Man and Other Stories* (1957), «Сохраняющая машина» (1969), *The Book of Philip K. Dick* (1972), *The Best of Philip K. Dick* (1977), *The Golden Man* (1980) и *I Hope I Shall Arrive Soon* (1985) – потому что они содержат лучшие из его рассказов (Фил лично помогал в процессе отбора для *The Best* и *The Golden Man*).

В книге *Only Apparently Real* Пол Уильямс разместил романы Фила в хронологическом порядке, основываясь на датах получения рукописей Литературным агентством Скотта Мередита (далее ЛАСМ). Я расхожусь с Уильямсом (на основании текстологических ключей) в установлении дат написания «Время собираться», как 1949–1950 годы и «Мэри и великан» как 1953–1954 годы. Если установленный год написания (н.) или год публикации (п.) различаются, то это отмечено особо.

1. *Return to Lilliput* (н. 1941–1942). См. главу 2. Уильямс резонно рассуждает, что, «возможно, есть и другие ранние романы, от которых не осталось ни рукописей, ни названий».

2. *The Earthshaker* (н. 1948–1950). См. главу 4. Возможно, как отмечает Уильямс, это «давний реалистический роман», о котором Фил упоминает как о предшественнике «Доктора Бладмани». Другим вероятным предшественником был *Pilgrim on the Hill*, утраченный «мейнстримный» роман 1956 года, который сохранился только в виде синопсиса на карточке каталога ЛАСМ. (Филу могло бы понравиться такое странное положение вещей). См. синопсис *Pilgrim* далее.

3. «Время собираться» (н. 1949–1950). Трое изолированных американцев в новом коммунистическом Китае обнаруживают, что их личная жизнь лишена подлинных ценностей. См. главу 3. Это, скорее всего, первый законченный роман Фила. В нем 481 страница, и книга просто взывает к сокращению. Юный, невинный Карл ведет дневник, который предопределяет «Экзегезу». Там есть история о «мертвой-кошке-как-обвинении-Бытию», очень напоминающая похожую историю в «Валисе». И впервые «темноволосая девушка» в любом из романов Фила появляется ретроспективно в мечтаниях Карла. Одна из прошлых любовниц Верна, женщина по имени Тедди, несомненно, была

вдохновлена воображаемой сестрой молодого Фила Тедди (см. главу 1). В конце романа намечены параллели между Америкой/Римской империей и Китаем/Ранними христианами. Но этот роман на самом деле не о политике, несмотря на кажущуюся сюжетную основу. Речь там идет о сексе, предательстве и медленном, тяжелом умирании идеалов любви. Рейтинг: Фил учится на своих ошибках.

4. «Голоса с улицы» (1952–1953). Молодой человек, который борется с не устраивающей его работой и со скучным браком, впадает в полное отчаяние, когда рушатся его политические и религиозные идеалы. Этот неопубликованный «мейнстримный» роман, довольно бессвязный, сохранился в виде 547-страничного черновика, но все же представляет ряд сильных персонажей. У Джима Фергессона, владельца фирмы «Продажа и обслуживание современных телевизоров», – образ, навеянный Холлисом, – покровительственные, но придирчивые отношения с продавцом Стюартом Хэдли, этаким денди в свои двадцать с небольшим лет, который, несмотря на все свои претензии, является потерянной и напуганной душой, и Фергессон дает ему прозвище «Недотепа». Хэдли наскучил своей жене Эллен, от которой у него есть сын; однажды он даже ударил ее. Хэдли обожает свою красивую старшую сестру Сэлли, которая как только может защищает его от этого мира (в этом портрете изображена сестра-близнец Джейн). Его друзья Голды, еврейская чета социалистов, вызывают у него отвращение (несмотря ни на что) своим поведением жертв. Хэдли тянется к сильным, экстремальным типам, вроде Марши Фрейзер, высокой, мрачной, редактирующей фашистский журнал «Суккуб», и Теодора Бекхайма, харизматичного черного проповедника, который возглавляет Общество Часовых Иисуса. У Хэдли была горькая связь с Маршей, которая напоминает мать Фила Дороти по телосложению и властному темпераменту. Стюарт Хэдли не является автопортретом Фила, но между ними есть сходные черты: к примеру, оба посещали специальные школы в Вашингтоне, округ Колумбия. Фергессон увольняет Хэдли, когда тот слишком часто погружается в себя в поисках своей идентичности. Это вызывает его запой (изображенный, вероятно, под влиянием главы «Ночной город» из «Улисса» Джойса) и заканчивается несчастьем. Фергессон эпизодически появляется во «Время собираться» и возвращается вместе с Хэдли (в виде черного человека) в «Докторе Бладмани» (п. 1964). Хэдли также изображен в «Пороге между мирами» (п. 1966), где он и его босс Дариус Петель составляют параллель паре Хэдли – Фергессон. Рейтинг: 2.

5. «Марионетки мироздания», первоначально названный *A Glass of Darkness* (н. 1953, п. 1956 в декабрьском номере журнала *Satellite Science Fiction*, п. 1957 в слегка расширенном виде в Ace Double). Маленький городок в штате Вирджиния неожиданно становится ареной битвы за полный контроль над вселенной. Это единственный чисто фэнтезийный роман Фила. Первоначальное название было вдохновлено изучением тревожного Первого послания к коринфянам апостола Павла; двадцатью годами позже, в «Помутнении», эта метафора возвращается в более поразительной форме. Миллгейт, родной город Тэда Бартона, расколот на части непрерывной борьбой между Добром и Злом, что персонифицировано в зороастрийском дуализме сражающихся божеств – Ормузда и Аримана. Книга слабо написана, и сюжет ее грубо сколочен, но она предвещает те идеи, которым Фил найдет лучшее применение в последующих произведениях. Бартон должен напоминать Ормузда (который живет в Миллгейте в человеческой форме). Бог, который забывает о своей природе, вернется в образе юного Эммануила в «Всевышнем вторжении» (п. 1981). А Мэри, мудрая маленькая девочка, которая помогает Бартону, в реальности является Армаити, единственной дочерью Ормузда, предшественницей Софии в «Валисе» (п. 1981) и Зины во «Вторжении» – обеих юных женских инкарнаций божественного духа. В письмах, написанных в июле 1974 года, Фил подтверждает, что события «2–3–74» были зороастрийскими по духу. Рейтинг: 3.

6. *A Handful of Darkness* (н. 1952–1954, п. 1955). Первая книга Фила в твердом переплете, собрание ранних рассказов, опубликованное издательством Rich & Cowan в Лондоне. К тому времени Фил считал свои фэнтезийные рассказы лучшими, но издатели считали, что фэнтези – это чтение для детей. Были выбраны только два: «Дама с пирожками» (н. 1952, п. 1953), вариация на тему Гензеля и Гретель, и пугающий рассказ «На тусклой Земле», за основу которого Фил взял легенду об Орфее, где влюбленный стремится освободить свою Эвридику от отнимающих жизнь ангелов. О «Колонии» (н. 1952, п. 1953) и «Самозванце» (1953), двух лучших рассказах в книге, см. главу 4. Рейтинг: 4.

7. «Солнечная лотерея», первоначально озаглавленная *Quizmaster Take All* (н. 1953–1954, п. 1955). В двадцать третьем веке любой может стать абсолютным лидером мира, если магнитная лотерейная бутылка «укажет» на его или ее «карту

власти». Но эта система случайного выбора, которая, как предполагается, должна предотвратить чрезмерную концентрацию власти, проваливается с треском, и все идет к тому, что бесправный рабочий класс готов к отчаянным мерам, чтобы вернуть свои права. Это был первый научно-фантастический роман Фила, изданный Ace Double. Британское издание 1955 года в твердом переплете, озаглавленное *World of Chance,* несколько отличается от предыдущего из-за редакторской правки. «Лотерея» во многом обязана бесконечным социальным переворотам в сюжетах Альфреда Ван Вогта и немного – стратегическим теориям игр, характерным для пятидесятых годов. До «Мечтают ли андроиды об электроовцах?», переизданного как медиапродукт под названием «Бегущий по лезвию», «Лотерея» с тиражом в 300 тысяч экземпляров была бестселлером Фила. Редактор Ace Дональд Уоллхейм объяснял, что это связано с ограниченным количеством научно-фантастических книг в пятидесятые годы. Сюжет: Тед Бентли, как и Тед Бартон в «Марионетках мироздания», идеалистичный молодой человек, достаточно прямолинейный, хотя это качество персонажей исчезнет в романах шестидесятых годов. Его миром правит деспотичный Верховный крупье Веррик, который стоит во главе коррумпированного общества (не ставящего себе цели часто «крутить» ненадежную бутылку) высокопоставленных «белых воротничков» – «Классифицированных» и презираемых «синих воротничков» – «Не классифицированных». Леон Картрайт, «филдиковский» герой-ремонтник, смещает Веррика, выиграв игру в «бутылку», но его нервы не выдерживают преследования со стороны «Пеллинга» – андроида-убийцы, управляемого в случайной последовательности дюжиной разных человеческих сознаний, чтобы обойти телепатические Охранные Отряды Картрайта. Тем временем культ Престонитов (к которому Картрайт принадлежит) пытается установить точное местонахождение «мифической» десятой планеты, открытой их основателем, эксцентричным старым астрономом Джоном Престоном. Название планеты – Пламенный Диск, и этот «Пламенный Диск» Престона – первая из многих альтернативных реальностей («книга-в-книге») в романах Фила. Рейтинг: 5.

8. «Мир, который построил Джонс», первоначально озаглавленный *Womb for Another* (н. 1954, п. 1956). Фанатик получает власть благодаря своей способности заглядывать на год вперед в будущее, но затем узнает, что ограниченное предвидение может быть хуже чего бы то ни было. В «Солнечной лотерее» правление случайных сил было фальшью, благодаря

которой общество считало, что оно защищено от тирании. В «Джонсе» после ядерной катастрофы двадцать первого века фальшью является «релятивизм», который умерщвляет человеческий дух, отрицая все идеалы, которые нельзя объективно доказать. (Подобный же мир предстает в *Stability* – рассказе, который Фил написал в старшей школе. См. главу 3.) Флойд Джонс, рассерженный предсказатель судьбы (рожденный в Грили, штат Колорадо, – родном городе Дороти, матери Фила) может заглядывать в будущее только на один год. Он становится подобным Гитлеру демагогом, подстегивая изголодавшееся по идеалам население угрозой со стороны «бродяг» – огромных одноклеточных сгустков протоплазмы, которые, возможно, вскоре высадятся на Земле. Джонс представляет собой трагического лидера: его ограниченная способность к предвидению делает его совершенно беспомощным, потому что он не может воевать против того, что, как он знает, должно будет случиться. «Джонс» – это первый фантастический роман Фила, в котором речь заходит о наркотической субкультуре; здесь в ночном клубе на Норт-Бич Сан-Франциско двадцать первого века подают героин и марихуану и представляют танцующих гермафродитов-мутантов, которые меняют свой пол в процессе совокупления на сцене. Рейтинг: 4.

9. *The Book of Philip K. Dick* (н. 1952–1955, п. 1973). В интервью с Д. Скоттом Эйпелем и Кевином Бриггсом (интервью было опубликовано в книге *Philip K. Dick: The Dream Connection* в 1987 году) Фил вспоминает, что Дон Уоллхейм был недоволен рассказами этого сборника издательства DAW, жалуясь на то, что все «сливки» достались издательству Ballantine для тома *Best of Philip K. Dick* (контракт на эту книгу был подписан в начале семидесятых, а сама она вышла в 1977 году). Что ж, Уоллхейм был прав. «Игра в ракушки» (н. 1953, п. 1954) – лучший рассказ в этом сборнике, служащий прообразом к обжигающей проблематике «Кланов Альфанской Луны» (1964): как ты можешь защититься против вторжения инопланетян, если каждый на нашей планете клинически безумен? В «Игре в ракушки» группа параноиков доказывает, что ты никогда не сможешь опровергнуть возможность захвата тебя кем-то; остается только уповать на человеческое доверие, но кто настолько глуп, чтобы полагаться на него? Рейтинг: 3.

10. *The Variable Man and Other Stories* (н. 1952–1955, п. 1957). Лучшим рассказом в этом раннем сборнике, выпущенном Асе, является «Вторая модель» (н. 1952, п. 1953), в котором действие

происходит в будущем во время советско-американской войны (которая напоминает траншейные битвы Первой мировой, которую маленькому Филу описывал Эдгар). Но человекоподобный киллер «коготь», произведенный американскими автономными подземными фабриками, в равной степени угрожает выживанию как русских, так и американцев, поскольку фабрики начали сами по себе создавать новые разновидности «когтей» в тех формах, которые вызывают человеческое сочувствие: раненый солдат, маленький мальчик с плюшевым медведем, доброжелательный союзник и привлекательная женщина (Тассо, ранняя злобная «темноволосая девушка»). «Вторая модель» вдохновила некоторых «лазутчиков» из Голливуда, и Дэн О'Бэннон написал сценарий, который должен был продюсироваться киностудией Capitol Pictures[313]. В «Автофабрике»[314] (н. 1954, п. 1955) (где используется название, которое Фил придумал для автономных фабрик во «Второй модели») эти автофабрики не могут прекратить производство (и потребление), всяческого сырья. Томас Диш назвал «Автофабрику» одним из самых ранних научно-фантастических экологических предупреждений. Рейтинг: 5.

11. «Мэри и великан» (н. 1953–1955, п. 1987). У молодой женщины возникают проблемы со страхами, идеалами и пробуждением сексуальности в маленьком городке на севере Калифорнии в пятидесятые годы. См. главу 4. «Мэри» – несовершенное, но увлекательное произведение, которое пробудило интерес издателей «мейнстримной» литературы еще в 1955–1956 годах. Мэри Энн Рейнольдс – наиболее привлекательный женский персонаж до Энджел Арчер в последнем романе Фила «Трансмиграция Тимоти Арчера». Мэри двадцать лет, она худощава, с темными волосами и глазами «соломенного цвета». Ее отец издевался над ней, и теперь, когда она достигла совершеннолетия, Мэри хочет многого, но мало во что верит. Она фригидна, но заводит нескольких любовников, надеясь найти прибежище. Карлтон Туини, чернокожий певец, посвящает ее в злой старый ночной мир блюза. Джо Шиллинг, владелец магазина грампластинок (вдохновленный образом Холлиса) нанимает ее на работу и влюбляется в нее – тот самый «великан» из заглавия, но он весьма немолод, и ему не хватает смелости, которая так требуется Мэри. Греггу Рикману (в его книге *Philip K. Dick: In His Own Words* [1984]) Фил описывает этот роман как пересказ моцартовского «Дон Жуана», где Шиллинг соблазнен и уничтожен молодой женщиной. Но Шиллинг в большей степени соблазнитель, чем соблазненный, и утрата Мэри подстегивает его к большему углублению в себя. Последняя глава

– предвосхищение ее счастливого брака с молодым бибоп-пианистом Полом Нитцем – крайне неубедительна. Совершенно очевидно, что в ответ на просьбы издателя Фил в 1955 году изменил печальный конец (нынче утраченный), так же, как и цвет кожи Нитца – с черного на белый. Этот роман много теряет от неудачных второстепенных персонажей, но Туини, Шиллинг и Мэри – это мощный триумвират. Шиллинг и своенравная Мэри Энн (теперь ее фамилия МакКлейн) появляются в модифицированной форме в «Игроках с Титана» (п. 1963). Мэри Энн Доминик в «Пролейтесь, слезы, сказал полицейский» (п. 1974) обладает сердечной чистотой и предвосхищает Энджел Арчер. Рейтинг: 5.

12. «Небесное око» (н. 1955, п. 1957), первоначально названный *With Opened Mind*. См. главу 4. Рейтинг: 7.

13. «Человек, который умел шутить» (н. 1955, п. 1956). Футуристический волшебник от пропаганды устал поддерживать свое мрачное правительство и решил поставить его на колени при помощи сатиры. «Человек, который…» – единственный НФ-роман пятидесятых годов, который был опубликован под заглавием, которое ему дал сам Фил. К сожалению, это также худший из всех его романов. В двадцать втором веке после ядерной катастрофы обществом правит «Морек» («Моральная Рекламация»): обычная мораль сведена к неустойчивым ханжеским крайностям и вынуждает граждан шпионить друг за другом. Единственной альтернативой унылому режиму «Морека» является эскапистская планета Другого Мира, которой управляют коварные психиатры. Аллен Перселл, который становится главой «Телемедиа», главного пропагандистского канала «Морека», отправляется в Другой Мир, в Санаторий Душевного Здоровья, где у него распознают редкий психонический талант: чувство юмора. Перселл, который берет себе псевдоним «Коутс», пока проходит обследование, удивлен до потрясения своим психиатром и входит в мир, где Коутс реален. Еще более душераздирающее расщепление идентичности приключается с Робертом Арктором в «Помутнении» (п. 1977). Телевизионные «насмешки» Перселла – это плагиат из «Скромного предложения» Джонатана Свифта, но, в конце концов, первый, утраченный роман Фила назывался «Возвращение в Лилипутию» (*Return to Lilliput*). Рейтинг: 2.

14. *A Time for George Stavros* (н. около 1955). Этот утраченный реалистический роман был частично переработан в «Шалтай-Болтай в Окленде» (н. 1960, п. 1987). Краткое содержание *Stavros* сохранилось в виде веселого синопсиса, написанного неким

«ДжБи» в учетной карточке архива ЛАСМ за 10/24/56, уже после того, как Фил согласился переписать роман: «Мне это не нравилось прежде, не нравится и сейчас. Длинный, многословный, беспросветный роман о шестидесятипятилетнем греческом иммигранте, у которого есть слабовольный сын, неинтересный второй сын, жена, которая его не любит (она еще и неверна ему). Ничего не происходит. Парень продает гараж и выходит на пенсию, пытается купить другой гараж в новой застройке, терпит ряд неудач и умирает в конце. Взгляд мутный, но похоже, мир распадается, а Ставрос должен быть символом энергичной личности, ставшей «отработанным материалом». В письме 1960 года Фил дает комментарий к главному герою *Stavros*: «Контакт с дурными людьми не разрушает, или заражает, или обрекает на гибель высшее начало; человек может продолжать свое дело и добиваться успеха, если он продолжает борьбу. Нет никакой хитрости в том, что дурной человек может сослужить добрую службу; добрые люди защищены Богом или, по крайней мере, своими добродетелями».

15. *Pilgrim on the Hill* (н. 1956). Утрачен. (См. *The Earthshaker*, выше.) Вот еще один синопсис «ДжБи» в учетной карточке ЛАСМ (11/8/56), у которого снова трудный день: «Еще один многословный, неровный, мутный роман. Человек с послевоенным психозом думает, что убил свою жену, и убегает. Он встречает трех эксцентриков: мужчина-импотент, который отказывается заниматься сексом со своей женой; жена – красивая женщина, которая обращается к доктору за лечением; художник-анималист с амбициями, но без таланта. У мужчины интрижка с женой, муж выгоняет его вон, тот пытается помочь грубияну. В конце концов он терпит неудачу, попадает в больницу, вылечивается, возвращается домой. НО ЧТО ВСЕ ЭТО ЗНАЧИТ? Предложить мисс Пэт Шартл[315] в Appleton». Привет, Пэт! У меня есть книга для тебя!

16. «Разбитый шар Фисбы Холт» (н. 1956, п. 1988 под названием «Разбитый шар»). Жизни пожилой и молодой супружеских пар переплетаются, и все извлекают для себя ценные уроки, проверяя свои истинные идеалы и слабости. Джим Брискин – фамилия персонажа встречается еще в фантастике: трех рассказах и двух романах (особенно запоминается в «Пороге между мирами»). Все эти ребята Брискины человечны и полны эмпатии. В этом реалистическом произведении он диджей, специализирующийся на классической музыке, разведенный со своей уже бывшей женой Пэт, поскольку он стерилен, хотя они

все еще любят друг друга. Они знакомятся с супружеской парой, которым нет еще и двадцати, Артом и Рэйчел. У Пэт страстная интрига с Артом, которого она по-матерински любит, хотя он бьет ее кулаком в глаз. Джим и Рэйчел тоже увлечены друг другом, и она предлагает растить своего ребенка вместе с ним в Мексике. В конце романа, как в шекспировской комедии, заблудшие персонажи вновь соединяются со своими прежними партнерами. Невероятно странный состав второстепенных персонажей включает Ферде Хайнке, начинающего писателя-фантаста (фантастический рассказ Хайнке «Подглядывающий человек» – это пародия на псионические домыслы, столь любимые редактором *Astounding* Джоном Кэмпбеллом, – включен в «Шар»), и саму Фисбу Холт – женщину с большим бюстом, которой, к несчастью, приходится зарабатывать на жизнь, развлекая похотливых участников съезда оптометристов тем, что она заходит голой в огромный пластиковый шар (с отверстиями для дыхания), который они могут пинать ногами и катать, как им захочется. В февральском письме 1960 года Фил заметил по поводу этого романа: «Он полон страха, дурных предчувствий и ненависти. Я отождествляю это с наиболее беспомощными, наиболее беззащитными и слабыми членами общества – с детьми». Рейтинг: 2.

17. «Прозябая на клочке земли» (н. 1957, п. 1985). См. главу 5. Рейтинг: 5.

18. *Nicholas and the Higs* (н. 1957, переписан 1958). Утрачен. В февральском письме 1960 года Фил делает следующий его беглый обзор: «Он довольно странный – наполовину традиционный, наполовину научно-фантастический. Низший по положению человек может уничтожить высшего; Роберт Хиг может войти и выгнать Николаса, поскольку у него, Хига, нет никакой морали. […] Только полагаясь на технику, Николас может выжить. […] Знания об этом достаточно, чтобы вышвырнуть Николаса; он должен покориться, потому что победить – значит проиграть; он вовлечен в ужасный парадокс, как только Хиг принимает его обличье. Иными словами, вы никак не можете превзойти Адольфа Хидерса; можно только ограничить их успех». Синопсис сотрудника ЛАСМ «ХаЭм» (1/3/58) дает подробности сюжета: «Очень длинная, сложная история, что так присуще таланту Дика. В обществе будущего товарные купоны заменили деньги, люди живут в сотнях миль от места своей работы (передвигаясь со скоростью 190 миль в час), создают жилые массивы. Машины часто ломаются, поэтому у них есть

дорожный механик, занятый полный рабочий день. Механик стар, у него больная печень, и кажется, что он умирает. Люди, живущие здесь, собирают средства на покупку искусственного органа, но этот человек умирает через несколько дней и «возвращается обратно» слегка тронутым. Побочная сюжетная линия касается человека, у которого жители приобрели орган (что незаконно), и как его присутствие вызывает моральное разложение людей в жилом массиве». ЛАСМ отнесли *Higs* к «мейнстриму». Старый механик, который нуждается в искусственном органе, появляется в «Предпоследней правде» (п. 1964) (как и персонажи по имени Роберт Хиг и Николас); в рассказе Фила 1954 года «Последний властитель» есть подобный Христу робот, который нуждается в ремонте своих частей.

19. «Порвалась дней связующая нить» (н. 1958, п. 1959). См. главу 4. Рейтинг: 7.

20. «На территории Мильтона Ламки» (н. 1958, переписан 1959, п. 1985). Поистине роман в стиле «нуар», в котором действуют три персонажа – одинокий холостяк и молодая супружеская пара, которые сражаются, чтобы найти свои души, но терпят неудачу. Брюс Стивенс – молодой продавец, не очень далекий. Он женится на Сьюзан Фэйн, разведенной женщине с детьми, которая старше его; она была его учительницей в пятом классе в 1945 году (в этом году Фил, ученик старших классов, влюбился в учительницу английского языка Маргарет Вулфсон). Мильтон Ламки, продавец средних лет, который стремится к высшим идеалам, влюблен в Сьюзан, но, так или иначе, помогает молодому человеку. Они отправляются вместе в путешествие, во время которого Ламки убеждает молодого человека заняться поисками Бога и духовности. Брюс смеется ему в лицо, тем не менее их дружба продолжается. Мы знаем, что Ламки умирает от болезни Брайта (заболевание почек, от которого страдала Дороти). Брюс получает моральный урок, когда пытается ради получения быстрой прибыли продавать дешевые пишущие машинки; но это новое озарение не может спасти его ненадежный брак. В последней главе Брюс представляет себе будущее, в котором его брак восстанавливается; в том самом будущем смерть Ламки приводит его к пониманию, что «общения было недостаточно». На самом деле – вполне достаточно – и Ламки в результате терпит неудачу. Рейтинг: 3.

21. «Доктор Будущее» (н. 1953 как повесть *Time Pawn*, п. 1954 в *Thrilling Wonder Stories*; переписан до объема романа в 1959-м, п.

1960 в Ace Double, под одной обложкой с «Работорговцами космоса» Джона Браннера). Медицинские навыки врача XXI века необходимы, чтобы спасти жизнь лидеру повстанцев XXV века, которые намереваются перевернуть бесплодный мир антиутопии. Да уж… В 1959 году, когда Фил выдавливал из себя эту простенькую историю о путешествии во времени, его интерес к научной фантастике достиг своего надира. Это сразу видно. Доктор Джим Парсонс вырван из своего комфортабельного мира и перемещен в 2405 год, где царит евгеника (когда кто-то умирает, из «Ящика Душ» появляется новая зигота – прощай, перенаселение), а медицинская помощь признана незаконной. От Парсонса требуется исцелить лидера группы повстанцев; он влюбляется в богоподобную Лорис (в которой течет чистая кровь ирокезов) и испытывает блаженство двоеженства сквозь века. Котелок, в котором булькают только одни пузыри. Рейтинг: 1.

22. «Исповедь недоумка» (н. 1959, п. 1975). См. главу 5. Рейтинг: 8.

23. «Молот Вулкана» (н. 1953–1954, п. 1956 как повесть в журнале *Future,* переписан в 1959–1960, чтобы попасть в чистилище Ace Double (под одной обложкой с *The Skynappers* Джона Браннера. Дела как у Фила, так и у Браннера шли все лучше, и Браннер начал продвигать произведения Фила в британских фантастических кругах). Человечество слишком сильно полагалось на компьютеры, а теперь эти проклятые штуковины воюют друг с другом. См. роман «Доктор Будущее», в котором тоже выразилось падение интереса Фила к научной фантастике. В будущем после ядерной катастрофы технократы – «белые воротнички» и их помешанный на власти компьютер «Вулкан 3» держат «Движение целителей» «синих воротничков» под контролем. Выясняется, что «Целители» были основаны их прежним лидером «Вулканом 2». «Вулкан 3» рассыпается в сцене, которую можно обозвать «антиразвязкой». Фил никогда не имел намерения писать плохие книги, но любой, кто пытался заработать на жизнь научной фантастикой, пек как блины дешевку вроде этой, чтобы оплатить свои счета. О'кей? О'кей. Рейтинг: 1.

24. *The Man Whose Teeth Were All Exactly Alike* (н. 1960, п. 1984). См. главу 5 о контракте с Harcourt Brace, в соответствии с которым были написаны *Teeth* (и «Шалтай-Болтай в Окленде»). *Teeth* – это самое основательное исследование Филом страстей, обид и страхов, которые господствуют в аду несчастливого брака.

Повествование от третьего лица фокусируется на жизни то одной, то другой семьи из Вест Марин – обе они совершенно разные, но в равной степени несчастные: Уолт и Шерри Домброзио, которые находятся в сложном браке (напоминающем брак Фила с Энн), и Лео и Дженет Рансибл (изображенные под впечатлением от семейной пары, жившей по соседству в Пойнт Рейес Стейшен, – их уже нет в живых). Когда острая на язык Шерри устраивается пиарщицей в компанию Уолта, то ее бесцеремонное вторжение на его территорию ведет к тому, что Уолт насилует ее, чтобы она забеременела и он смог бы выставить ее. Последующая борьба Шерри в защиту ее стремления сделать аборт – безжалостная супружеская ссора, которую вы сможете найти в любом романе. Лео и Дженет Рансибл живут в другом «чистилище»: Дженет – послушная жена, сломленная духом, а Лео – риелтор, обладающий моральным мужеством. Он действует по совести, когда хочет установить рациональную систему водоснабжения для «Каркинеса» (основано на участии Фила в кампании сбора петиций по установке системы водоснабжения в Пойнт Рейес Стейшен), и это приводит его на грань банкротства. Контакты между двумя этими парами минимальны, но, как водится среди соседей, которые ненавидят друг друга, всякий их контакт сосчитан. В поздние годы жизни Фил согласился с редактором Дэвидом Хартвеллом, который проявил интерес к *Teeth…,* но посчитал, что роман следует переписать, – Фил решил, что вернется к нему после завершения работы над *The Owl in Daylight.* Рейтинг: 6.

25. «Шалтай-Болтай в Окленде» (н. 1960, п. 1987). Горькая жизнь двух людей из рабочего класса, живущих в Зоне Залива, изображена непоколебимо и детально: представляется, что катастрофическая бедность разлагает саму способность к любви и доверию. См. главу 5 о контракте с Harcourt Brace, в соответствии с которым Фил пересмотрел свой роман 1955 года *A Time for George Stavros,* чтобы получилась эта книга. Он говорил своей третьей жене Энн: «Шалтай-Болтай в Окленде» – это роман о мире пролетариата, увиденном изнутри. Большинство книг о мире пролетариата написано писателями из среднего класса». Стареющий Джим Фергессон, который владеет гаражом по ремонту машин, боится сердечного приступа (у Фила были те же страхи во время написания) и решает продать свой бизнес. Тут же появляется пронырливый капиталист Крис Харман и уговаривает старика инвестировать вырученные деньги в застройку округа Марин. Джим несговорчивый, но порядочный рабочий парень («списано» с Херба Холлиса). Эл Миллер, молодой человек со

скверным характером, продавец подержанных машин, работающий по соседству с гаражом старика, глотает наркотики, когда у него сдают нервы, и этого часто достаточно, чтобы влачить жалкое, беспомощное существование. Джим и Эл почти друзья, но их обоюдное отчаяние слишком глубоко. Их жены, которые не могут им помочь, – это второстепенные персонажи в повествовании. Сюжет погружается в унылый, исполненный страхов мир Эла, в то время как мерзкий Крис оказывается отличным парнем. Джим умирает от сердечного приступа, которого так боялся. Откровенно реакционный роман. Рейтинг: 4.

26. «Человек в Высоком замке» (н. 1961, п. 1962, премия «Хьюго», 1963). Смотрите главу 5. Рейтинг: 9.

27. «Мы вас построим», первоначально озаглавленный *The First in Your Family* (н. 1962, п. 1969 в ноябрьском номере *Amazing* под названием *A. Lincoln, Simulacrum* с последней главой, написанной редактором Тедом Уайтом; п. 1972 издательством DAW без заключительной главы Уайта. Уайт утверждает, что Фил одобрил его главу, на сам Фил это отрицает; сохранившиеся письма поддерживают позицию Уайта). Два «филдиковских» предпринимателя решили быстро разбогатеть, построив роботов-симулякров, сделанных внешне по образцу знаменитых американцев, но вскоре они выясняют, что их симулякры знают о реальности больше, чем должны. См. главу 5. В романе необычно смешаны научная фантастика и «реалистическое» повествование, а действие происходит в недалеком будущем – в 1982 году. Партнеры Мори Рок (в основу положен друг Фила по Беркли Искандер Гай) и Луис Роузен решают, что ностальгия по Гражданской войне все еще в моде, и изготавливают симулякры Эдвина М. Стэнтона, военного министра Линкольна, и самого Линкольна. «Мы вас…» был написан сразу после столетия Гражданской войны. Друг Фила Билл Кук, автор вестернов, был фанатом Гражданской войны, а Фил посетил Диснейленд и видел там робота-имитацию Линкольна. Одним из ключевых эпизодов романа является спор между симулякром Линкольна и жадным магнатом Сэмом Бэрроузом на тему: что есть человек, – спор с человеком, не с машиной, отрицающим существование души. Но основное внимание Фил сосредоточивает в стороне от дымовой завесы сюжета, на мучительной связи между Луисом и юной дочерью Мори, Прис Фраунциммер. «Мы вас…» является наиболее ярким исследованием одержимости Фила «темноволосой девушкой». Прис Фраунциммер («женственность» и «шлюха» – таков двойной перевод Луисом этого имени с

немецкого языка) – воплощение этой одержимости в самом расцвете. Но текст «Мы вас…» часто забавен и мудр, а симулякр Линкольна встает в один ряд с мистером Тагоми как один из самых замечательных персонажей Фила. Рейтинг: 6.

28. «Сдвиг времени по-марсиански», первоначально озаглавленный *Goodmember Arnie Kott of Mars* (н. 1962, в сокращенном виде под названием *All We Marsmen* п. 1963 в августовском номере *Worlds of Tomorrow,* п. 1964 в книжном издании). Жизнь в унылых марсианских колониях имеет разительное сходство с обычным бизнесом на современной Земле. См. главы 2 и 5. В засушливых марсианских колониях хваткий Арни Котт является главой мощного профсоюза водопроводчиков (на основе кооператива в Беркли пятидесятых годов, который Фил презирал за его непримиримые политические распри). Маленький человек, ремонтник Джек Болен – экс-шизофреник, живущий с последствиями шизофрении. Ребенок-аутист, Манфред Штайнер, беспомощно скользит вперед-назад во времени, в царстве энтропии и смерти. Ключевым источником мыслей Фила о шизофрении – в «Сдвиге времени» и на протяжении двух последних десятилетий – был швейцарский психоаналитик Людвиг Бинсвангер, чье исследование шизофрении *Der Fall Ellen West*[316] ужаснуло Фила, когда он прочитал его в начале шестидесятых. Фил использовал термин Бинсвангера «мир гробниц» (шизофреник, пойманный в собственную ловушку) в нескольких фантастических произведениях шестидесятых годов. Джек Болен описывает душевную болезнь «как разлагающуюся сырую гробницу, место, куда и откуда никто и ничто не входит и не выходит». В октябрьском письме 1976 года Фил писал Дороти: «В больнице у меня была возможность перечитать свой роман 1964 года СДВИГ ВРЕМЕНИ ПО-МАРСИАНСКИ. Я понял, что он слабый по драматургии (слабый по сюжету), но экстраординарный по своим идеям. Я обнажил вселенную вплоть до ее базовой структуры. Я полагаю, что всегда делаю так, когда пишу: анализирую Вселенную, чтобы увидеть, из чего она сделана. Стропила и несущие балки Вселенной можно увидеть в моих романах». Фил делал противоречивые заявления по поводу многих своих произведений, но это суждение просто поражает меня. Рейтинг: 9.

29. «Доктор Бладмани, или Как мы стали жить после бомбы» (н. 1963, п. 1965. Фил предлагал два заглавия: *In Earth's Diurnal Course* и *A Terran Odyssey*). Эта идиллия после ядерной катастрофы один из самых душевных и «читабельных» романов Фила. См.

главу 1; см. также *The Earthshaker*, выше, где речь идет о возможных «мейнстримных» предшественниках. Конечно, броское название было попыткой редактора Асе Уоллхейма заработать на сходстве с названием фильма Кубрика «Доктор Стрейнджлав, или Как я научился не волноваться и полюбил атомную бомбу». Странно сказать, но «Доктор Бладмани» имеет некоторое сходство с «уэссексскими» романами Томаса Гарди – широкая панорама пасторальной жизни в округе Вест Марин. Такие детали, как сбор грибов или городские собрания, резко отличаются от образа жизни Фила в начале шестидесятых годов в Пойнт Рейес Стейшен. За основу образа доброго психиатра доктора Стокстилла взят Доктор Икс, психоаналитик Фила и Энн. Лабиринтит – воспаление внутреннего уха, от которого страдает доктор Блютгельд («кровавые деньги» – вдохновлен «отцом атомной бомбы» Эдвардом Теллером), и то, как он идет неровной походкой по Калифорнийскому университету в Беркли, списано Филом с собственных ужасных ощущений в классах старшей школы. Мир постъдерного холокоста отнесен в 1981 год, и роман «Доктор Бладмани» решительно избегает реализма, например последствий взрывов и радиоактивных осадков. Рейтинг: 9.

30. «Игроки с Титана» (н. 1963, п. 1963). После того как пришельцы захватывают Землю, выжившими людьми правят с помощью космической версии «Монополии», которая определяет не только где им жить, но и с кем им спать. См. также «Мэри и великан». «Игроки» – это закрученная, захватывающая история, в которой встречаются определенные сюжетные элементы из «Солнечной лотереи» (социальная Игра и уклонение от телепатического зондирования), но здесь прямолинейный главный герой «Лотереи» Тед Бентли заменен на Пита Гардена – типичного мужчину-лидера фантастики Фила шестидесятых годов: склонный к самоубийству, ищущий забвение в таблетках и алкоголе, навязчиво стремящийся к деструктивным женщинам. XXII век; война между Америкой и Китаем, в которой «излучение Хинкеля» (разработка нациста Бернарда Хинкеля), использованное в качестве оружия, оставило большинство выживших людей стерильными. Земля завоевана «вогами» с Титана, спутника Сатурна. Чтобы подстегнуть рост населения, воги изобрели Игру, которая знакомит людей в случайном порядке. Играть в нее могут только те, кто обладает собственностью; все дело заключается только в заключениях пари, когда крутится игровое колесо. Фил взял пари из «Монополии», а крутящееся колесо – из «Жизни». Пит Гарден (не правда ли, здесь совершенно очевиден Марвин Гарденс?)

оказывается первым, кто понимает, что среди окружающих его людей могут быть симулякры, шпионящие для вогов. К несчастью, это понимание пришло сразу же после того, как Пит принял «пять таблеток «Снузекса», «пригоршню таблеток метамфетамина» и еще немного выпил. Когда Пит понимает, что его психиатр (который спрашивает его о том, что мир начинает казаться нереальным) – это вог, – психоз ли это, вызванный быстродействующей смесью, или это правда, которой мы, люди, боимся заглянуть в лицо? И не следует пренебрегать той возможностью, что психоз снижает защитные реакции и может невольно дать Питу телепатические способности. В главной финальной Игре «спиды» помогают Питу сблефовать и окончательно выиграть. Рейтинг: 6.

31. «Симулякры», первоначально озаглавленный *The First Lady of Earth* (н. 1963, п. 1964; часть этого романа была адаптирована в рассказ «Такого вы еще не видели», п. 1964 в февральском номере *Fantastic*). Из всех романных сюжетов Фила этот, наверное, самый сложный. Итак, немецкий наркокартель производит президентов-симулякров, которые стоят у власти как подставные лица, в то время как прекрасная Николь Тибодо, первая леди, действительно руководит этим шоу, чтобы давать понять о его интригах и вывертах. Увы, «Симулякры» – замечательный роман, в котором попусту растрачиваются лучшие идеи. В XXI веке Соединенные Штаты Европы и Америки – по существу, слившиеся Германия и Америка – находятся под управлением восхитительной пары: Руди Кальбфляйша («холодное мясо») Дер Альте («старик»), симулякра, и Николь Тибодо, роскошной, образованной Первой Леди (вдохновленной Жаклин Кеннеди), которая борется с заговорами против ее милосердного и беспристрастного самодержавного режима. Среди заговорщиков два немецких картеля, которые часто изображаются в НФ-произведениях Фила шестидесятых годов: фармацевтическое предприятие A. G. Chemie и Karp und Sohnen Werke, который производит лучших «симов» (включая Дер Альте). Население Земли разделено между элитарными «Гесами» (*Geheimnis* – «секрет»), которые знают правду о Дер Альте, и «Бесами» (*Befehaltrager* – «исполняющий приказы»), которые просто верят и выполняют указания. (Такое же основанное на правде разделение: элита/массы, – встречается в «Абсолютном оружии» и «Предпоследней правде», оба н. 1964.) Полоумный Люк зарабатывает на жизнь, продавая ракеты-развалюхи, что позволяет доведенным до отчаяния семьям эмигрировать на Марс. Эл Миллер сильно напоминает Полоумного Люка; его друг,

Йэн Данкан, влюблен в телевизионный образ Николь. Тем временем Ричард Конграсян, виртуозный шизоидный психокинетический пианист, больше не может справляться с публичными выступлениями. Так много «шаров было в воздухе», но все они «попадали» из-за ужасного затухающего окончания романа. Но отдельные сцены, например, когда душа Конграсяна поглощается внешним миром, могут быть признаны лучшими среди произведений Фила шестидесятых годов. Рейтинг: 7.

32. «Когда наступит прошлый год» (н. 1963, переписан 1965, п. 1969). Постаревший, но все еще любимый массами мировой лидер использует все свои «слишком человеческие» хитрости и уловки, чтобы предотвратить захват Земли пришельцами, похожими на нацистов. См. главы 2 и 6. Ипохондрик, мировой диктатор, добрая душа, Джино Молинари занимает особое место в сердце Фила наряду с Гленом Ранситером из «Убика» и Лео Булеро из «Палмера Элдрича». Согласно Филу, Молинари – это соединение Христа, Линкольна и, особенно рельефно, – Муссолини. Муссолини? Фил усматривал в нем предшественника экзистенциализма: ставить дело выше *ex post facto*[317] оправданий. Филу, для которого теоретизирование было самой жизнью, противоположная позиция давала богатую пищу размышлениям. Но Фил не симпатизировал власти фашистов. «Высокий замок» говорит сам за себя. Рейтинг: 7.

33. «Кланы Альфанской луны» (н. 1963–1964, п. 1964). «Кланы» отвечают на вековечный вопрос: что могло бы случиться, если бы пациенты бежали из своей психушки? В данном случае «психушкой» становится отдаленная луна в системе Альфана, но это не причина упускать из виду замечательное сходство того, что происходит там, с жизнью на нашей, официально здравомыслящей Земле. См. главу 6. Норман Спинрад высказывается о «Кланах»: «Психотики, пребывающие в лунной психиатрической больнице, восстают и создают функциональное общество, которое управляется кастовой системой на основе их клинических диагнозов. […] Частично это пародия, но это также и описание того, как отклоняющиеся и даже поврежденные индивидуальные сознания могут совокупно создать функциональное целое. Возможно, это коренная парадигма Дика для условий человеческого существования». Кланы душевнобольных включают в себя «Паров» (устойчивых параноиков: лидеров, которые живут в Адольфвилле); «Манов» (маньяков: изобретателей и жестоких воинов, которые живут в Да Винчи Хайтс); «Шизов» (шизофреников: мистиков-визионеров,

которые живут в Гандитауне); «Гебов» (гебефреников: чернорабочих и аскетических мистиков, которые тоже живут в Гандитауне); «Поли» (полиморфных шизофреников: самых веселых и уравновешенных, потому что иногда неустойчивость приводит их в почти нормальное состояние); «Об Комов» (обсессивно-компульсивных невротиков: полезных функционеров); и «Депов» (депрессивных: апатичных душ, которые живут в Коттон Мазер Эстейт; ни один из кланов не любит депов). К несчастью, слишком мало Кланов верны своим кланам, и слишком многие из них вовлечены в громоздкие заговоры между Земным ЦРУ и инопланетянами с Альфана. Во все это погружается архетипический «филдиковский» герой Чак Риттерсдорф, чья жена Мэри, блестящий психиатр, демонстрирует презрение к его работе в ЦРУ – программированию пропагандистских симулякров (работа, которая странно напоминает написание научной фантастики ради куска хлеба). Наиболее запоминающимся персонажем является Боже Бегущая Улитка, обладающий телепатией гриб-слизевик с Ганимеда (навеяно собиранием грибов Филом в округе Марин), который считает, заодно с апостолом Павлом, что любовь есть главная добродетель. «Кланы» – неровный роман, но ничего ему подобного нет. Рейтинг: 7.

34. «Порог между мирами» (первая половина н. 1963 и п. в июле 1964-го как *Cantata 140* в *F&SF*; вторая половина н. 1964; весь роман целиком п. 1966). В будущем политики разрабатывают воистину радикальные меры по борьбе с перенаселенностью и неполной занятостью. Они замораживают лишних граждан и ждут лучших времен. Но странная трещина в небе может (или нет) открыть путь в альтернативный мир, который может быть населен с помощью разморозки множества людей. «Порог» – это редкость среди других романов Фила Дика – действительно скучная книга. Нельзя сказать, что в ней нет нескольких интересных идей: некоторые брошенные мимоходом замечания могли бы служить целым сюжетом для менее значительных авторов. Взять хотя бы существо по имени Джордж Уолт – мутант-близнец с двумя телами, но одним мозгом (у Джорджа правое полушарие, а у Уолта левое). Один из этих близнецов (непонятно кто) умер при рождении, а другой был так одинок, что сконструировал его синтетическую замену. Как и в «Докторе Бладмани», травма от смерти Джейн перенесена в запоминающуюся форму жизни мутантов. Главный сюжет «Порога» связан с опасностями, которые воплощает в себе чернокожий кандидат в президенты (а прежде «новостной клоун») Джим Брискин. Название, данное

первой части повести, *Cantata 140* имеет отношение к сочинению Баха под названием *Wachet auf* («Спящие, проснитесь»). Спящие здесь – это миллионы людей (преимущественно чернокожих), живущих в состоянии отложенного оживления, поскольку для них нет работы. Либеральная история с добрыми намерениями. Рейтинг: 2.

35. «Стигматы Палмера Элдрича» (н. 1964, п. 1965). См. главу 6. Рейтинг: 10.

36. «Абсолютное оружие» (н. 1964; печатался с ноября 1965-го по январь 1966-го как *Project Plowshare* в *Worlds of Tomorrow*; п. 1967 в виде книги). Лидеры правительств Востока и Запада мудро понимают, что реальные системы вооружения не нужны для того, чтобы держать население в покорности под игом страхов холодной войны. Видеть – значит верить, так почему бы не отказаться от дорогостоящих разработок оружия и не начать выпускать ослепительные опустошающие видео? См. главу 2. «Абсолютное оружие» было написано одновременно с «Предпоследней правдой» (см. ниже) в марте – апреле 1964 года. Оба романа изображают правительства, которые обманывают свои народы с помощью эрзац-медиареальности, ценой загубленной психики как у обманщиков, так и у обманутых. Оба романа были написаны очень быстро (Фил заявлял, что за этот период он написал двенадцать сотен страниц за три недели – по пятьдесят семь страниц в день) с помощью амфетаминов, которые он принимал во время окончательного разрушения брака с Энн. И оба романа непредсказуемы и иногда выходят из-под контроля. Но они совершенно разные по тональности. «Предпоследняя правда» – роман мрачный, в то время как «Абсолютное оружие», при всех его сюжетных дырах и хромающих стилистических конструкциях, смешной и диковато умный. Одна из причин изменения тональности заключается в том, как писалось «Абсолютное оружие»: редактор Pyramid Books, издательства, выпускающего книги в мягких обложках, решил заказать два романа с характерными и продаваемыми жанровыми названиями – *Space Opera* и «Абсолютное оружие». Джек Вэнс взялся за первый; Фил, увлеченный новым проектом, на котором можно «обналичить» премию «Хьюго», схватился за «Оружие». Сюжет: дизайнер «вид-ор» (видов оружия) Ларс Паудердрай играет роль создателя многочисленных эрзац-шоу, изображающих военную мощь, чтобы одурачивать массы «чипро» (чистые простофили), и это подрывает его как морально, так и сексуально, что приводит к отчаянной связи с женщиной из Нар-Востока, Лило Топчевой. Обе

– Лило и Марен Фейн, другая любовница Ларса, вдохновлены Энн. «01'Орвилл», система наведения ракет «лемех» (см. пророчество Исайи[318]) в говорящей игрушке делает все, чтобы помочь Ларсу. «Чувственно-Телепатический Псевдочеловеколабиринт» – игра, которая буквально засасывает, спасает Землю от вторжения. Сэрли Г. Феббс, параноидальный «чипро», заброшенный во власть, получает мой голос как самый смешной персонаж из всех, что создал Фил. Фил описывал Феббса интервьюеру Чарльзу Плэтту как «обратную сторону Джека Исидора [из «Исповеди недоумка»]». Рейтинг: 7.

37. «Предпоследняя правда», первоначально озаглавленный *In the Mold of Yancy* (н. 1964, п. 1964). Циничные мировые лидеры держат свое население согнанным в подземные бомбоубежища, хотя на самом деле война уже давно закончилась; эти лидеры предпочитают занимать роскошные огромные поместья, а не открыть правду. См. также «Абсолютное оружие». «Предпоследняя правда» опирается на четыре рассказа Фила: «Защитники» (1953), «По образу и подобию Янси» (1955), «Ветеран войны» (1955) и «Неперестроенная М» (1956). «Правда» – это самое отточенное исследование правительственной лжи. Но серьезность этой темы притуплена неуклюжим стилем и запутанным сюжетом. Стентон Броуз, чистейшее зло и лидер «янсменов» (пропагандистов-спичрайтеров и фильмейкеров, которые обманывают подземный народ), целиком собран из механических, искусственных органов, за исключением его мозга; он своего рода близкий родственник Палмеру Элдричу. Томас Диш пишет, что Фил «знал по себе, как быть янсменом, хотя и на низших уровнях власти – в качестве писателя-ремесленника, производящего научно-фантастические книжки в мягких обложках. Для озвучивания этого факта и желая поделиться им с теми немногими несчастными, которые будут читать его романы как автобиографию в форме фантазма, Дик дал Агентству, ответственному за распространение этого глобального обмана, нынешний адрес своего литературного агента Скотта Мередита – Пятая авеню, дом 580. Диш отмечает, что тема проникающего повсюду обмана у Фила параллельна роману «1984» Оруэлла. Как это происходит в «Абсолютном оружии» (писавшемся одновременно с «Правдой…»), Ларс Паудердрай, за которым следит некий аналог Большого Брата, спрашивает себя: «Но кто может обвинить их? Оруэлл упустил этот момент. Они могут быть правы, а мы можем ошибаться». Фил всегда учитывал все возможности. Рейтинг: 4.

38. *The Unteleported Man* или «Обман Инкорпорэйтед» (н.

1964–1965, п. 1966, 1983, 1984 в разных редакциях). Фашистская мегакорпорация соблазняет колонистов переселиться на загадочную дальнюю планету Китовая Пасть через систему односторонней телепортации. Главный герой, Рахмаэль бен Аппельбаум, решает провести расследование, незаконно проникнув в звездолет. После многих замысловатых наркотических «трипов», Рахмаэль предупреждает Землю об ужасах, подобных нацистским, на Китовой Пасти. У «Обмана» самая запутанная история публикаций из всех романов Фила. В декабре 1964 года он опубликовал повесть *The Unteleported Man* в журнале *Fantastic*. Редактор Ace Уоллхейм выразил заинтересованность в расширенной версии; Фил написал тридцать тысяч слов в дополнение, которые предоставил ЛАСМ в мае 1965 года. Эта вторая часть состоит преимущественно из «кислотных» исследований главного героя Аппельбаума (это связано с коротким периодом, когда сам Фил принимал ЛСД). Увы, эти изгибы реальности не имеют ни черта общего с первой частью и ее сюжетом о колонизации. Уоллхейм отверг вторую часть, что привело Фила в ярость, и он написал в ЛАСМ в мае 1965 года, что «внутренние» элементы необходимы «истинному роману», и что они противостоят ремесленной форме «космической оперы» в первой части. (К 1977 году Фил признал, что вторая часть была написана слабо.) Ace опубликовал в 1966 году первую часть под названием *The Unteleported Man* в виде половинки «перевертыша» Ace Double. В 1983 году издательство Berkeley опубликовало первую часть вместе со второй под тем же заглавием. В 1984 году, после обнаружения исправлений, которые Фил внес в 1979 году, Gollancz опубликовал третью версию под названием «Обман Инкорпорэйтед» (с двумя короткими пассажами, заполнявшими пробелы, написанными Джоном Слейдеком). Резюме всего этого: первая часть с историей о перенаселении и миграции в альтернативный мир преображается в хоррор об агрессивной ирреальности, как в «Палмере Элдриче», а затем обратно, с некоторыми намеками на «2–3–74» (из-за правки 1979 года) для равновесия. Два базовых элемента фантастики шестидесятых годов вышли на передний план: гнусные нацисты, путешествующие во времени, и подобная «И-Цзин» книга-в-книге: «Истинная и полная экономическая и политическая история Нью-Колонайзедленда, написанная доктором Бладом». Чертовски странно. Рейтинг: 5 с минусом.

39. «Время, назад», первоначально озаглавленный *The Dead Grow Young and The Dead Are Young* (н. 1965, п. 1967). Время внезапно потекло назад, мертвые пробудились, и все взрослые

должны столкнуться со смертью в своем младенчестве. Когда полновластный чернокожий лидер, Анарх Пик, поднимется из своей гробницы, мощные силы вырвутся наружу. Развернутый из рассказа «Встреча состоится вчера» (*Amazing*, август 1966), «Время, назад» стал первым возвращением Фила к последовательному написанию романа после творческого кризиса, который включал в себя плохо склеенный фрагментарный роман «Обман…» и неровную работу над «Ганимедом» в сотрудничестве с Реем Нельсоном. Во «Время, назад» изображен мир 1998 года; время течет назад, согласно Реверсу Хобарта, псевдонаучно описанный (в лучших традициях НФ) как «один из самых значительных звездных процессов, случающихся каждые несколько миллиардов лет». Все жизни движутся от возрождения в могиле к возвращению в утробу. «Будущие» идеи и изобретения исчезают или, скорее, уничтожаются Уничтожителями, которые управляют Народной Тематической Библиотекой и имеют своей пустяковой целью сохранение бесконечно удаляющегося *status quo*. Главный герой, Себастьян Гермес, владелец «Колбы Витариума Гермеса» (аллюзия на алхимическое духовное воскресение), одного из многих Витариумов в бизнесе по выкапыванию и последующей продаже воскрешенных мертвых, которые чувствуют ужас, оказавшись в ловушке «Изможденного места» (гробницы; ср. шизофреническую ловушку «мира гробниц» у швейцарского психиатра Людвига Бинсвангера, о чем шла речь в «Сдвиге времени по-марсиански»). Себастьян разрывается между своей добросердечной, но несамостоятельной женой Лоттой («срисована» с Нэнси, четвертой жены) и беспринципной Эн МакГуир (скопирована с Энн, третьей жены). Анарх Пик, – оживленный Реверсом Хобарта и освобожденный из гробницы с помощью «Колбы Гермеса», – чернокожий религиозный мыслитель, который (в основе этого образа – епископ Джеймс Пайк) был изгнан из епископальной церкви по обвинению в ереси. Пик более привлекателен, нежели епископ Тимоти Арчер, – персонаж, навеянный Пайком, в последнем романе Фила. В сюжете «Время, назад» Фил не бросает вызова регрессирующему миру; «Убик», написанный годом позже, возместит эту неудачу с лихвой. Рейтинг: 5.

40. «Сохраняющая машина» (н. 1953–1966, п. 1969). Это прекрасное собрание рассказов, составленное и изданное ныне покойным Терри Карром, заслужило похвалы от Фила сразу, как только появилось. Но впоследствии его превзошли по качеству два более поздних собрания – *The Best of Philip K. Dick* (1977) и *The Golden Man* (1980), каждое из которых включает также рассказы,

появившиеся в «Сохраняющей машине». Но только в «Сохраняющей машине» единственный раз представлен рассказ «Мы вам все припомним» (1966) – закрученная история об имплантатах памяти и тайной шпионской деятельности на Марсе, которая в момент написания этой книги экранизируется на студии Carolco под рабочим названием «Вспомнить все»; в фильме главную роль играет Арнольд Шварценеггер, снимает фильм режиссер Пол Верховен («Робокоп»), и его проектный бюджет – 50 миллионов долларов; планируемая дата выхода на экраны – лето 1990 года. Другой уникальный рассказ в этом томе – «Синдром» (1965) – это устрашающая научно-фантастическая история о вторжении, где также эксплуатируется тема имплантированной памяти, и каким-то образом сплетается напряжение в семейных отношениях Фила с шпионским сюжетом. Рейтинг: 6.

41 «Захват Ганимеда», в соавторстве с Реем Нельсоном; первоначально озаглавлен *The Stones Rejected* (н. 1964–1966, п. 1967). Обитатели Ганимеда – черви-телепаты – оккупировали Землю и удерживают свою власть при помощи малодушных человеческих подчиненных. Но возникает сопротивление, и будущая свобода станет возможной, если только чернокожий лидер Перси Икс преодолеет свое сильное недоверие к белым потенциальным союзникам. См. главу 7. Нельсон пишет, что «Ганимед» представляет собой «предварительный набросок» для *Ring of Fire* – задуманного сиквела «Высокого замка», который должен будет изобразить гибридную культуру Амеразии. В «Ганимеде» черви являются «комической метафорой» махинаций Японского Императорского двора, в то время как главная героиня Джоан Хиаси – это составной портрет жен соавторов – Нэнси Дик и Кирстен Нельсон. Джоан Хиаси становится «девушкой из ниоткуда» в результате гнусной терапии психиатра-землянина, нацистского толка, Рудольфа Балкани, шефа Бюро Психоделических Исследований. Перси Икс, чернокожий лидер сепаратистов, который побуждает землян к мятежу против захватчиков с Ганимеда, становится жертвой собственной жажды власти в финальной сцене, в то время как эмпатия гуманного психиатра доктора Пола Риверса торжествует. Интеллигентская халтура. Рейтинг: 3.

42. «Мечтают ли андроиды об электроовцах?»; первоначальные названия: *The Electric Toad; Do Androids Dream?; The Electric Sheep; The Killers Are Among Us! Cried Rick Deckard to the Special Man* (н. 1966, п. 1968). Рик Декард зарабатывает себе на жизнь, охотясь на сбежавших андроидов. Когда он начинает

испытывать к ним чувства, то узнает разницу между человеческой душой и машиной. «Андроиды» вдохновили на создание фильма «Бегущий по лезвию» (см. главу 12 о встрече Фила с Голливудом), и роман был переиздан под этим заглавием. «Андроиды» – это замечательный роман, появившийся в том же «урожайном», 1966 году, что и «Убик». Рик Декард, «охотник за головами», который зарабатывает на жизнь в 1992 году, убивая «анди» (андроидов), которые сбежали из своего рабства в марсианских колониях и пытаются вести себя как люди на мрачной Земле после ядерной катастрофы («анди» Рой и Ирмгард Бати смоделированы с прототипов – Рея и Кирстен Нельсонов). Радиоактивные осадки привели к двум результатам: к вымиранию фактически всех видов животных (обладание настоящей совой или овцой – в отличие от их симулякров – показатель высокого статуса) и к появлению новой категории людей, известных как «особенные» (мутанты, включая «придурков» с низким IQ). Джон Исидор, названный «мудрым дураком» в «Исповеди недоумка», – одинокий «придурок», чье сострадание к милой «анди» Прис Страттон оказывается печально неуместным. Тем временем у Рика Декарда и его жены Айрэн (образ вдохновлен Нэнси) тяжелые времена, и они постоянно обращаются за помощью к Органу настроения Пенфилда, который настроен на программу «888: Желание смотреть ТВ, не важно, что там идет». У Декарда кризис совести, ведущий к бездушной связи с «анди» Рэйчел Розен (в фильме Декард и Рэйчел преодолевают свои различия и влюбляются друг в друга). Оба, и Декард, и Исидор, впадают в отчаяние «мира гробниц», из-за того им не удается вызвать эмоции у «анди». Оба они восстанавливаются благодаря спасительному вмешательству Уилбура Мерсера (это не вошло в фильм), с которым можно общаться, взявшись за ручки «эмпатического ящика» (см. «Маленький черный ящичек» (1964) и эмпатический «Лабиринт» в «Абсолютном оружии»). Мерсера дискредитирует знаменитость с ТВ – подонок Бастер Дружби, открывая в прямом эфире, что тот на самом деле грошовый актер Эл Джерри (дань уважения «патафизику» Альфреду Жарри). Но это не важно: любовь к ближнему преодолевает все ловушки. Впервые возникает «филдиковский» неологизм *kipple* – аккумуляция мусора, который иллюстрирует «окончательный беспорядок во всех формах» (был придуман другом Фила Мириам Ллойд). «Андроиды» – один из лучших романов Фила. Рейтинг: 9.

43. *The Glimmung of Plowman's Planet* (н. 1966, п. 1988 в Британии в Gollancz под названием *Nick and the Glimming*). Мальчик и его семья сражаются за свободу и достоинство на

странной новой колонизированной планете. Glimming, который считается НФ для подростков, был первоначально отвергнут двадцатью издательствами. Возвращаясь в 1962 год, заявка на фантастический роман для детей *The Thrasher Bashersschoolboys ward off an alien invasion* тоже не была принята. В *Glimming* есть свое очарование – в первую очередь, это необычная фауна планеты Пахарей, на которую эмигрировали мальчик-герой Ник вместе со своей семьей, потому что перенаселенная Земля не ценит человеческое достоинство, а содержание домашних животных считает незаконным. Кот Гораций (названный в честь кота самого Фила, Горация Голда, в свою очередь названного в честь редактора) и Ник сражаются на стороне светлых сил (которыми руководят «печатники» – бесформенные создания, которые могут принимать любую физическую форму) против темных сил (которыми руководит Глиммунг). Гноящаяся рана от копья Глиммунга напоминает о Короле-Рыбаке из легенд о Граале. Рейтинг: 2 для взрослых; 7 для подростков.

44. «Убик», первоначально озаглавленный *Death of an Anti-Watcher* (н. 1966, п. 1969). См. главу 7. Рейтинг: 10.

45. «Мастер всея Галактики» (н. 1967–1968, п. 1969). Полубожественный пришелец Глиммунг собирает разношерстную группу безработных ремесленников с Земли, включая реставратора керамики Джо Фернрайта, чтобы отправиться на далекую планету Сириус Пять и поднять затонувший собор Хельдскалла со дна темного Маре Ностурм. Но Глиммунг требует от тех, кто за ним последует, большего, чем только их ремесло, – он требует от них веры, и это та вера, которой Фернрайту особенно не хватает. См. главу 7. Фил часто недооценивал своего «Мастера» в последующие годы. Я стал бы возражать: это несправедливо. «Мастер» – это драгоценный камень, прекрасно ограненный, это ироничная и восхитительно смешная притча о пути мелкого ремесленника Джо Фернрайта к тому, чтобы избавиться от своей одинокой, бессмысленной жизни, – и о падениях с этого пути. Глиммунг (который имеет относительное отношение к одноименному «божественному» персонажу в *Nick and the Glimming*), может быть, и не соперник по величию и власти богоподобным персонажам в таких произведениях, как «Палмер Элдрич», «Убик» и «Валис», но, повторим, что ни в одном из них нет такого бурного «озового» веселья (а Фил любил в детстве книги про «Страну Оз») полувсесильного Глиммунга. Если бы Честертон писал научную фантастику, она бы читалась так же, как и эта книга. Рейтинг: 8.

46. «Лабиринт смерти», первоначально озаглавленный *The Name of the Game Is Death* (н. 1968, п. 1970). Группа колонистов сталкивается с необъяснимыми событиями, включая жестокие убийства на вроде бы необитаемой планете Дельмарк-Ноль. Позднее они понимают истинность максимы Мильтона: сознание создает свой собственный ад или рай. См. главу 6 по поводу употребления Филом ЛСД (и то, что описано в главе 11 по поводу «Лабиринта») и главу 7, где речь идет об отношениях Фила и епископа Пайка. В своем «Введении» к «Лабиринту» Фил ссылается на помощь Уильяма Сэрилла в создании «абстрактной, логичной» религии, которая показана в этом романе. Сэрилл, в интервью, заявляет, что он только выслушивал теории, что строил Фил поздними ночами. Сюжеты «Ока», «Убика» и «Лабиринта» совершенно одинаковые: группа людей внезапно оказывается в какой-то необычной и весьма неприятной реальности и пытаются воспользоваться личным восприятием (*idios kosmos*), чтобы понять, что происходит с ними всеми (*koinos kosmos*). Только в «Оке», написанном десятью годами раньше, эта попытка оказывается успешной. В «Убике» и «Лабиринте», совсем наоборот, индивидуальное откровение и вера – единственные средства проникнуть в головоломку реальности. В «Лабиринте» лишь Сет Морли избегает судьбы остальных «колонистов» XXII века на Дельмарке-Ноль (которые на самом деле являются командой поврежденного космолета, лежащие в полиэнцефалическом сне, чтобы остаться здоровыми) благодаря его вере в Заступника. В «Лабиринте» «четверица» богов – смесь гностицизма, неоплатонизма и христианства: Производитель, который творит (Бог); Заступник, который снимает Проклятие с творения своей жертвой (Христос); Ходящий-по-Земле, который дает утешение (Святой Дух); и Разрушитель Форм, чья отделенность от божественного вызывает энтропию (Сатана/Архонт/Демиург). Рыба, издавна обитающая на Дельмарке-Ноль, является «кодовым знаком» Христа. Рейтинг: 7.

47. «Друг моего врага» (н. 1968–1969, п. 1970). Репрессивное полицейское земное государство стремится к полному подчинению населения, но некие могущественные силы – пришельцы с Фроликс-8 – несут иные идеи. Фил расценивал роман как пустышку. Сюжетно он близок к произведениям пятидесятых годов, вроде «Солнечной лотереи». Богатый гений/космический путешественник Торс Провони (лидер «Низших людей») пытается найти помощь в свержении диктатуры у обитателей Фроликс-8; есть параллели с Пламенным Диском Джона Престона (лидера «престонианцев») в «Солнечной

лотерее». Но Престон, будучи профессионалом, стоит за индивидуальность и упорный труд, в то время как Провони (уродливая комбинация суперинтеллекта «Новых людей» с экстрасенсорикой «Аномалов») получает поддержку от мудрых фроликсиан благодаря эмпатии. В это время «Новые люди» и «Аномалы» терроризируют генетически обычное большинство – «Старых людей» (нас), все еще живущих в XXII веке. Ник Эпплтон, один из тех самых «Старых людей», беспокойный, глотающий таблетки шиномонтажник (профессия Джека Исидора в «Исповеди недоумка»), влюблен в темноволосую девушку Шарлотту. «Друг» – это остросюжетный «полицейский» роман без темы измененной реальности, которая доминировала в книгах Фила конца шестидесятых годов. Шеф полиции и «аномал» Уиллис Грэм предшествует вызывающим симпатию полицейским: Феликсу Бакмэну из «Пролейтесь, слезы…» и Роберту Арктору из «Помутнения». Рейтинг: 4.

48. «Пролейтесь, слезы…» (н. 1970, переписан в 1973-м, п. 1974; Премия Джона У. Кэмпбелла). См. главу 7. Рейтинг: 7.

49. *The Best of Philip K. Dick* (н. 1952–1973, п. 1977). Сборник из девятнадцати рассказов, отобранных самим Филом, в частности, два трогательных рассказа о детстве – «Фостер, ты мертв!» и «Отец-двойник» (см. главу 2); истории из «зеленой» юности Фила в Беркли, такие как «Рууг», «Вкус уаба», «Вторая модель», «Колония» и «Самозванец» (см. главу 4 и *A Handful of Darkness*); и лучший из всех рассказов Фила, «Электрический муравей». (См. главу 7.) Рейтинг: 10.

50. *The Golden Man* (н. 1952–1973, п. 1980). Превосходное собрание рассказов, составленное редактором Марком Херстом при участии самого Фила. «Вступление» и «Заметки о рассказах», написанные Филом, сами по себе являются превосходными художественными произведениями. Лучший рассказ «Бесценное сокровище» (н. 1963, п. 1964) о том, что нужно для надежды человечеству, побежденному пришельцами с Проксимы. «Маленький черный ящичек» (1964), который был заключительной частью «Захвата Ганимеда», но был удален из окончательной версии, представляет собой концепцию эмпатической религии «мерсерианства», играющей столь существенную роль в «Андроидах». «Король эльфов» (1953) (см. главу 4) – жемчужина среди рассказов Фила в жанре фэнтези. Рейтинг: 8.

51. «Помутнение» (н. 1973, переписан 1975, п. 1977). См.

главы 8 и 9. Рейтинг: 9.

52. «Господь Гнева», в соавторстве с Роджером Желязны; первоначально озаглавленный *The Kneeling Legless Man* (н. 1964–1975, п. 1976). Может ли художник воплотить абсолютную истину? Живописец Тибор МакМастерс пытается осуществить эту невозможную задачу, отправляясь на поиски великого бога Карлтона Люфтойфеля, который в своем гневе наслал ядерное опустошение на Землю. См. главы 6 и 10. Первым соавтором Фила в написании этого романа был Тед Уайт, быстро потерявший энтузиазм, но предложивший в 1967 году Желязны в соавторы. Их сотрудничество стало счастливым: они преимущественно общались по почте, особенно продуктивно – в 1970 и 1975 годах, и Фил с Роджером, наконец, сочинили трогательный роман о мучительном духовном «пало» (паломничестве) безрукого, безногого «непа» (неполноценного) Тибора МакМастерса, выдающегося художника постапокалиптического двадцать первого века. Желязны, чьим романом «Князь света» (1967), заслужившим премию «Хьюго», Фил восхищался, был весьма снисходительным соавтором и говорил, что считает этот проект «книгой Фила», а когда Роджер узнал о финансовых трудностях Фила в 1975 году, он снизил свою долю в разделении роялти с половины до трети. «Господь Гнева», по сути, книга Фила, сюжет которой чрезвычайно точно соответствует синопсису, выигравшему контракт издательства Doubleday в 1964 году. Два ранних рассказа Фила, «Великий К» (1953) и «Пересадочная планета» (1953) легли в основу сюжета, но в большей степени на содержание книги повлиял «Доктор Бладмани», где действие тоже происходит после ядерной катастрофы, и есть очевидное сходство между доктором Блютгельтом и Хоппи Харрингтоном в «Докторе Бладмани» и Карлтоном Люфтойфелем и Тибором МакМастерсом в «Господе Гнева». Люфтойфель («небесный дьявол»), бывший активный защитник ядерной войны – инструмента рациональной политики, теперь обезображен и сведен с ума машинами разрушения, которые он сам пустил в ход, превратившись в человеческое воплощение Гневного Бога (*Deus Irae*). Паломничество МакМастерса завершается триумфом, ему открывается божественное видение, но он умирает в горьком одиночестве, ведя дневник, в котором звучит вопрос: является ли его портрет *Deus Irae* подлинным? Очевидная параллель с «Экзегезой». «Господь Гнева» это впечатляющая смесь Фила шестидесятых годов (вспомним эпизод, в котором Пит Сэнд ведет речь идет о препаратах, вызывающих удивительные видения) и Фила

семидесятых годов («Сад Пальмовых Деревьев» – естественный дар видения). Рейтинг: 7.

53. *The Dark-Haired Girl* (н. 1972, 1975, п. 1988). См. главу 8, где обсуждаются *The Dark-Haired Girl, The Evolution of a Vital Love, The Android and the Human* – три главных текста, включенных в эту книгу. Эклектическое собрание писем, очерков, рассказов и стихов могут вдохновить тех, кто хочет погрузиться в душу Фила-влюбленного. От романтических писем, включенных в *The Dark-Haired Girl*, может перехватить дыхание, а может появиться сплин. Как проницательно отмечал Пол Уильямс, написавший предисловие к книге, суждениям Фила об обожаемых им женщинах не всегда стоит доверять. В самом горьком состоянии Фил мог прийти в состояние непонимающего андроида, которое презирал. В состоянии же обожания он неотразим, по крайней мере, для читателя. Эта книга – обнаженный внутренний мир писателя, жизнь, которую он прожил. Как отмечено в главе 8, Фил делал оговорки по поводу писем, позднее вошедших в книгу. *Man, Android and Machine* (1975) – это довольно сложное, закрученное эссе (первоначально предназначенное для выступления Фила на конференции в Лондоне, куда он не поехал), в котором исследуется концепция «ортогонального» и «слоистого» времени, что является хорошим введением к этой ключевой теме «Экзегезы». Рейтинг: 6.

54. «Свободное радио Альбемута», первоначально озаглавленное *Valisysterm A* (н. 1976, п. 1985). Музыкальный продюсер Николас Брейди и писатель-фантаст Филип Дик ведут борьбу с Империей, Которой Нет Конца. Смотрите главы 2, 10 и 11. «Альбемут» был куплен в 1976 году редактором издательства Bantam Марком Херстом, верным союзником Фила в его творчестве. Когда Херст предложил кое-что поменять в рукописи, он и не думал, что Фил, не желая халтурить, через два года напишет совершенно новый, вовсе не похожий на этот роман, а именно – «Валис», его шедевр, рядом с которым «Альбемут» – лишь подготовительный набросок. В «Альбемуте» Фил впервые появляется как автобиографический персонаж, и под своим собственным именем. Но другой главный герой, Николас Брейди, – это тоже Фил: юный Фил времен Беркли, который не стал писателем-фантастом, а начал работать менеджером по репертуару – должность в звукозаписывающей компании, которую Филу предлагали когда-то. Николас видит самого себя, стоящего у собственной постели, как и Фил в пятидесятые годы, и ему является восьмичасовое видение Мексики, как и Филу в 1971

году. События «2–3–74» для Николаса распространяются на пятидесятые и шестидесятые годы, когда он в контакте (под контролем?) с Валисом (Богом? спутником, сконструированным инопланетным интеллектом? кем-то иным?), и это составляет часть борьбы света с мраком Ферриса Ф. Фримонта (Ричарда Никсона) и тиранической Империей, Которой Нет Конца. В пятнадцатой главе Брейди получает ксерокопию рекламы обуви, и это параллель «ксерокопированному посланию», которое Фил получил в марте 1974 года. Муки совести Брейди в связи с его сотрудничеством с Друзьями Американского Народа (ДАН) подобны отношению Фила к собственной связи с ФБР в 1974 году. Рейтинг: 6 с минусом.

55. «Валис» (н. 1978, п. 1981). См. подробное обсуждение в главах 11 и 12. Рейтинг: 10.

56. *I Hope I Shall Arrive Soon* (н. 1953–1980, п. 1985). Это посмертное собрание, изданное Марком Херстом и Полом Уильямсом, включает, в частности, вступительную речь 1978 года под весьма точным «филдиковским» заглавием: «Как создать вселенную, которая не рассыпется через пару дней» (в которой Фил признается, что ему больше нравится создавать вселенные, чем разрушать их), так же как и три первоклассных рассказа, опубликованных в 1980 году: «Цепи воздушные, сети эфира» (переписан в роман «Всевышнее вторжение»), «Дело Раутаваары» (в котором мозговая активность умирающего человека-астронавта становится окном в иной мир для исследователей с Проксимы) и заглавный рассказ *I Hope I Shall Arrive Soon* (впервые опубликованный под названием «Стылый полет», в котором компьютер космического корабля безуспешно пытается обнаружить воспоминания о счастливой жизни, чтобы заполнить ими сознание астронавта, просыпающегося после криогенного сна во время десятилетнего космического путешествия). Рейтинг: 7.

57. «Всевышнее вторжение», первоначально озаглавленный *Valis Regained* (н. 1980, п. 1981). См. главу 12. Рейтинг: 7.

58. «Трансмиграция Тимоти Арчера», первоначально озаглавленный *Bishop Timothy Archer* (н. 1981, п. 1982). См. главу 12. Рейтинг: 8.

59. *The Owl in Daylight.* Последний проект романа Фила. См. главу 12.

Источники и примечания

Я подумал, что лучше избегать кучи мелких сносок внутри данного текста. Эти сноски направят заинтересованного читателя к первоисточникам. Особые ссылки даются на прямое цитирование. Источники полезной информации или вдохновляющих идей (которые прямо не цитируются в тексте) просто перечислены для каждой главы.

Большая часть основных сведений в нашей книге взята из неопубликованных текстов ФКД – его рукописей, писем и прочих материалов, – находящихся как в PKD Estate Archive – Архиве Наследия ФКД (в Глен Эллен, Калифорния, у Пола Уильямса, литературного душеприказчика), так и в Особом собрании библиотеки[319] Калифорнийского университета в Фуллертоне (главный библиотекарь – Линда Херман), к тому же сам автор лично взял более сотни интервью. Особое упоминание этих источников дается только тогда, когда они точно цитируются. В случаях прямого цитирования я сам заключаю в скобки цитируемый текст. Там, где я привожу цитаты из «Экзегезы» и других неопубликованных рукописей, я позволяю себе самостоятельно исправлять очевидные грамматические ошибки.

Поскольку существует множество изданий большинства романов Филипа К. Дика, я, для порядка, цитирую их без указания страницы, ссылаясь только на главу, и отталкиваюсь только от года первой публикации. Что касается «Экзегезы», то мне приходилось разбираться со страницами, разложенными в картонных коробках в PKD Estate Archive; поскольку большая часть записей Фила не датирована, мне приходилось определять их хронологию в соответствии со стилистикой авторского письма в то или иное время.

Что касается неопубликованных писем, дневниковых записей и рукописей (их копии, с отмеченными исключениями, находятся в Архиве Наследия ФКД), ссылка дается на дату (письма) предполагаемому получателю. Цитаты из всех неопубликованных произведений других писателей даются по заглавию рукописи или главы.

Я благодарен всем собратьям-писателям и тем, у кого я брал интервью, без которых не состоялась бы эта книга. Хотя я не делал конкретных ссылок на них, я должен признать бесценным источником для проверки фактов о жизни ФКД книгу *PKD: A Philip K. Dick Bibliography* составленную Дэниелом Дж. Х. Леваком (Underwood/Miller, 1981). Из множества предыдущих работ о ФКД четыре книги особенно помогли мне в процессе составления

биографии: *Philip K. Dick: The Dream Connection* Д. Скотта Эйпеля (The Permanent Press, 1987); *Search For Philip K. Dick* Энн Дик (написана в 1982–1985 гг. и пока еще не опубликована, что является позором[320]); *Philip K. Dick: In His Own* Words Грегга Рикмана (Fragments West/The Valentine Press, 1984); и *Only Apparently Real: The World of Philip K. Dick* Пола Уильямса (Arbor House, 1986).

ВСТУПЛЕНИЕ

Книги и статьи

Станислав Лем, «Научная фантастика: безнадежный случай с исключениями» в *Philip K. Dick: Electric Shepherd* под редакцией Брюса Гиллеспи (Nostrilla Press, 1975).

Интервью автора

С Норманом Спинрадом, февраль 1986 года.
С Харланом Эллисоном, март 1986 года.

Цитаты в тексте

«Впервые обнаруженная фантастика»: ФКД, в эссе *Self Portrait*, написанном в 1968 году (возможно, по просьбе издателя с рекламными целями), опубликовано в фэнзине *Philip K. Dick Society (PKDS) Newsletter #2* (декабрь 1983 года.).

«Пишу о людях, которых люблю»: ФКД, предисловие к сборнику *The Golden Man* (Berkley, 1980).

«Беллетризованный философ»: «Экзегеза», 075 (1981).

«О Пьере Менаре»: Хорхе Луис Борхес, «Пьер Менар, автор «Дон Кихота».

«Я говорю о…»: Машинописный лист, датируемый 21 марта 1975 года, PKD Estate Archive.

«Неустойчивые состояния сознания»: Уильям Джеймс, «Многообразие религиозного опыта» (Наука, 1993).

Чарльз Фрэк, из «Помутнения» (1977).

«Он безумен»: письмо ФКД к Патриции Уоррик, 27 декабря 1980 года.

ГЛАВА 1

Книги и статьи

Double Feature в журнале *Canada's Newsletter for Parents of Twins, Triplets and Quads, Vol. 7, No. 2* (весна 1984 года.).

The Vanishing Twin Хэлен Лэнди, Лоис Кейт и Дональда Кейта (1982).

Интервью автора

С Энн Дик, февраль 1986 года.

С Клео Мини, март 1986 года.

С Барри Спатсом, март 1986 года.

С Нэнси Л. Сигал, доктором наук (специалистом в области психологии близнецов), сентябрь 1986 года.

Цитаты в тексте

«Первые шесть недель»: письмо Дороти Хаднер к ФКД, 2 августа 1975 г.

«Получил все, что надо»: из книги Энн Дик *Search for Philip K. Dick*.

Бесси: «Жизнь на ферме в холмах», из неопубликованных мемуаров Дж. Эдгара Дика *As I Remember Them*.

«Трудные времена»: «Люди, еще больше людей», из *As I Remember Them*.

«Ушел»: из интервью, взятого у Дж. Эдгара Дика Греггом Рикманом в 1982 году (магнитофонная запись расшифрована автором).

«Газовые атаки»: неопубликованное предисловие ФКД (написанное, вероятно, в 1976 году для сборника *Best of Philip K. Dick*; было использовано более краткое предисловие) к рассказу 1963 года «Кукольный домик». PKD Estate Archive.

«Особое событие»: Элизабет М. Брайан, *The Death of a Newborn Twin: How Can Support for Parents Be Improved* (1986).

«Боязнь микробов; поцелуи»: письмо Дороти Хаднер к ФКД, август 1975 года.

«Стал совершенно безумен»: Пол Уильямс, *Only Apparently Real* (1986).

«Я боюсь такой смерти»: «Сон о Святой Софии», «Экзегеза»,

005 (1975).

«Джейн теперь во мне»: там же; о близнецах: доктор Джордж Энгель, *Death and Reunion: The Loss of a Twin* (1981).

«Жаль, что не могу выбраться»: из «Доктора Бладмани» (1965).

«Сделайте что-то для меня»: из «Доктора Бладмани»; «она (Джейн) борется»: «Экзегеза», 013 (1978–1979).

«Смена информации»: в *Tractates Cryptica Scriptura*, «Валис» (1981).

ГЛАВА 2

Труды ФКД

«Экзегеза», 005 (1975).

Книги и статьи

Интервью, взятое у Тессы Дик Тимом Пауэрсом и Дж. Б. Рейнольдсом в 1986 году (полную расшифровку которого автору любезно предоставил Рейнольдс). Слегка отредактированная версия этого интервью появилась в *PKDS Newsletter #13* (февраль 1987 года.).

Интервью автора

С Линн Сесил, февраль 1986 года.
С Нилом Хаднером, февраль 1986 года.
С Барри Спатсом, март 1986 года.
С Лорой Коэльо, сентябрь 1986 года.

Цитаты в тексте

«Никакого физического контакта»: письмо Дороти Хаднер к ФКД, 2 августа 1975 года.

«Дружелюбный юноша»: письмо из Института защиты детей к Дороти Хаднер от 12 августа 1931 года (PKD Estate Archive).

«Миловидный паренек»: интервью, взятое Греггом Рикманом у Дж. Эдгара Дика, 1982 года. (запись расшифрована автором).

«Реакции проявляются быстро»: Отчет об умственном

состоянии, июнь 1933 года. (PKD Estate Archive).

«Промоутер»: интервью, взятое Греггом Рикманом у Дж. Эдгара Дика. Джейн – девочка-ковбой: письмо Тессы Дик автору, 21 июля 1986 года.

«Псалмы»: интервью, взятое Греггом Рикманом у Дж. Эдгара Дика.

«Белокурый бедолага»: письмо ФКД Тессе Дик от 18 августа 1976 года.

«Дисциплинарный подход Эдгара»: Энн Дик *Search for Philip K. Dick*.

«Гремучая змея и кролики в капканах»: Энн Дик, *Search for Philip* K. Dick.

«Игра в футбол»: интервью, взятое Греггом Рикманом у Дж. Эдгара Дика. «Физически ленив»: там же. «Болезнь и забота Дороти»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*.

Тед Уолтон из «Отец-двойник» (1954). «Два отца»: послесловие к сборнику *The Best of Philip K. Dick* (1977).

«Ясное синее небо»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*. «Ревность»: интервью автора с Линн Сесил, февраль 1986 года.

«Борьба Дороти за опекунство»: письмо Дороти Хаднер к ФКД, 2 августа 1975 года.

«Бабуля»: письмо Дороти Хаднер к ФКД, 2 августа 1975 г. «Дисциплинарный подход Бабули»: письмо Тессы Дик автору, 21 июля 1986 года.

«Растление в детстве»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*.

«Убежище» из «Фостер, ты мертв» (1955).

«Отдаление от Бабули»: письмо Дороти Хаднер к ФКД, 2 августа 1975 года.

«Вашингтон, округ Колумбия»: ФКД, эссе *Self Portrait* (н. 1968) в *PKDS Newsletter #2,* декабрь 1983 года.

«Горе и одиночество»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*.

«Песня Филипа»: одностраничная машинописная рукопись из PKD Estate Archive. Его мать Дороти сохранила это стихотворение вместе с другими образцами детских сочинений Фила. Мой редактор, Майкл Питч, предположил, что это стихотворение слишком взрослое, чтобы быть написанным пятилетним мальчиком, и его автором может быть сама Дороти. Такое, конечно, возможно, но мне так не кажется: оно выглядит слишком незрелым для взрослой женщины, и к тому же, если Дороти написала и озаглавила его, она, без сомнения, описала бы там своего сына. Я склонен думать, что Дороти напечатала на машинке текст своего рано созревшего ребенка.

«Умер не тот»: интервью автора с Клео Мини, февраль 1986 года.

«Вера в женщин»: письмо ФКД к Джей-Энн Форг от 23 ноября 1970 года.

«Сложение историй»: табель успеваемости из PKD Estate Archive.

«Сатори с жуком»: Рикман, *Philip K. Dick: In His Own Words*.

«Детское чтение»: ФКД в эссе *Self Portrait* (1968).

«Великая перемена»: интервью, взятое Греггом Рикманом у Дж. Эдгара Дика.

«Поведение Джима»: табель успеваемости из PKD Estate Archive. «Скучно в школе»: письмо Дороти Хаднер к Тессе Дик от 10 августа 1977 года.

«Согласие»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*.

«*Daily Dick*»: из PKD Estate Archive.

«Визит к отцу»: письмо ФКД к Дороти Хаднер, май 1940 г. (точная дата отсутствует).

«Фил и отец»: интервью автора с Клео Мини, февраль 1986 года.

«Он мертв»: стихотворение из PKD Estate Archive.

«Книги о стране Оз»: ФКД в эссе *Self Portrait* (1968).

«Соблазн НФ»: ФКД, эссе *Notes Made Late at Night by a Weary SF Writer* (н. 1968) в журнале *Eternity Science Fiction*, июль 1972 года.

«Пёрл-Харбор»: письмо ФКД к Лоре Коэльо от 2 апреля 1979 года.

«Девушки»: интервью автора с Леоном Римовом, февраль 1986 г. «Презервативы и гомосексуалисты»: интервью автора с Джорджем Колером, март 1986 года.

«Первая подружка»: письмо ФКД к Лоре Коэльо от 29 октября 1974 года.

«*The Truth*»: из PKD Estate Archive.

«Время собираться»: фрагмент неопубликованного романа ФКД из PKD Estate Archive.

«Интроверт»: интервью автора с Леоном Римовом.

«*Return to Lilliput*»: интервью, взятое у ФКД Майком Ходелем для для лос-анджелесской радиопрограммы «Двадцать пятый час» 13 июня 1976 года. Магнитофонную запись расшифровала Джейнис Джейкобсон для PKD Estate Archive.

Все цитаты из произведений ФКД (1942–1944) для колонки «Клуб молодых писателей» в *Berkeley Gazette* взяты из вырезок, вклеенных в ежедневник (что сделано, по всей видимости, самим ФКД, поскольку они сопровождаются его собственными юношескими авторскими комментариями); находится в PKD Estate Archive.

Грегг Рикман в переписке с автором предположил, что еще несколько стихотворений и прозаических произведений в той же

колонке в 1944 году, подписанных псевдонимом «Тедди», обращены к христианской тематике в возвышенной, традиционной манере, и одно из них затрагивает легенду о Фаусте – вероятно, это произведение принадлежит ФКД. Предположение Рикмана, что псевдоним «Тедди» дал возможность ФКД выразить свои религиозные чувства, что иначе выглядело бы неловко в атеистической атмосфере Беркли; Рикман считает, что «Тедди» – это своего рода ключ, поскольку домашним именем отца ФКД было «Тед», и к тому же «Тедди» – это имя, которое (согласно Тессе Дик) Фил придумал для своей воображаемой подруги (возможно, связь с Джейн). Рикман заслуживает всяческой похвалы за свои исследовательские усилия, но я скептически отношусь к этой гипотезе по следующим причинам:

(1) ФКД постоянно описывал свое детство и отрочество как состояние неприятия христианской (или какой-либо иной) религии; посмотрите хотя бы на сделанную мной выписку из «Экзегезы» в главе 10, где этот период его жизни описан как «культурный».

(2) ФКД попытался организовать Библейский клуб в старших классах средней школы, и он не боялся продемонстрировать свои религиозные пристрастия, хотя одноклассники принимали его за агностика, а не верующего человека.

(3) Что же, в личной записной книжке он так и не отметил «Тедди» – почему?

(4) В «Экзегезе» Фил иногда оглядывался на прошедшую жизнь и те события, которые как бы подтверждают истинность произошедшего «2–3–74». Он вспоминал старого бородатого бездомного, сатори и жука, слышал голос, который дал ему ответы на школьный тест по физике (см. главы 2 и 3, где я описываю данные события). Почему он ничего не сказал о стихах набожного «Тедди»?

(5) В конце концов, для меня эти стихи «Тедди» не имеют ничего общего с творчеством ФКД.

«Каталог города Охай»: в PKD Estate Archive.

«Жизнь в Охае»: письма ФКД к Дороти Хаднер в октябре 1942 и мае 1943 годов (точных дат нет).

«ФКД в школе»: письмо ФКД к Лоре Коэльо от 17 марта 1974 года.

«Головокружение»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*. «Переживания в старших классах»: письмо ФКД к Изе Дик от 26 декабря 1981 года.

«Маленький Джеки»: «Сдвиг времени по-марсиански» (1964).

ГЛАВА 3

Произведения ФКД

Stability – неопубликованный рассказ, написанный ФКД в старших классах (PKD Estate Archive).

«Время собираться» – неопубликованный роман, написанный в 1949–1950 гг. (PKD Estate Archive).

Цитаты в тексте

«Дом и Дороти»: Джеральд Акерман, *Remembrances of Philip K. Dick*, октябрь 1983 года; мемуары на восьми машинописных страницах из PKD Estate Archive.

«Беспорядочное состояние»: интервью Энн Дик с Диком Дэниелсом, 1982 или 1983 года (запись расшифрована автором). «О Маргарет Вулфсон»: в рукописном блокноте ФКД (в PKD Estate Archive). «ФКД в старших классах»: интервью автора с Маргарет Вулфсон, февраль 1986 года.

«Слишком тяжело в старших классах»: письмо ФКД к Лоре Коэльо от 29 октября 1974 года.

«Полиомиелит»: интервью автора с Джорджем Колером, март 1986 года. «Музыкальные пристрастия»: ФКД, эссе *Self Portrait* (1968). «Придумывание приколов и самовлюбленность»: интервью Энн Дик с Диком Дэниэлсом, 1982 или 1983 год (запись расшифрована автором). «Страхи в концертном зале»: интервью автора с Диком Дэниэлсом, февраль 1986 года.

«Жалобы на других»: интервью Энн Дик с Диком Дэниэлсом, 1982 или 1983 год (запись расшифрована автором).

«*Idios kosmos*»: ФКД, эссе *Schizophrenia & The Book of Changes*, фэнзин *Niekas* № 11, март 1965 года.

«Рукопожатия»: Джеральд Акерман, *Reminiscences of Philip K. Dick,* октябрь 1983 г.

«Проверка голоса»: «Экзегеза», 001 (1980).

«Не смущен»: интервью автора с Джорджем Колером, март 1986 года. «Трудясь над интуитивными процессами»: интервью автора с Барри Спатсом, март 1986 года.

«Опыт подросткового общения с психиатром»: Д. Скотт Эйпель, *Philip K. Dick: The Dream Connection*.

«Тест Роршаха»: письмо ФКД к Джей-Энн Форг от 23 ноября 1970 года. «Диагноз – агорафобия»: интервью автора с Барри Спатсом, март 1986 года. «Склонности ФКД к шизофрении и

ипохондрии»: интервью автора с Энн Дик, февраль 1986 года.

«Восхитительный контроль над внешним миром»: интервью автора с Клео Мини, февраль 1986 года.

«День рождения: двадцать один год»: письмо ФКД Хербу Холлису от 16 декабря 1949 года, *PKDS Newsletter* #11, май 1986 года.

«Война закончилась»: письмо Лоре Коэльо от 20 февраля 1975 года.

«Фил не тратит время на Холлиса»: интервью автора с Диком Дэниэлсом, февраль 1986 года.

«Радио KSMO»: машинописная одностраничная рукопись из Архива Наследия ФКД. «Большинство работ автобиографичны»: «Экзегеза», 014 (1978).

«Фергессон открывает магазин»: из «Голосов с улицы», неопубликованного «реалистического» романа, написанного в 1952–1953 гг.; рукопись из PKD Estate Archive.

«Записка Булеро»: из «Стигматов Палмера Элдрича» (1965).

«Антигерой и крайний сюрреализм»: Уве Антон, интервью с ФКД в Метце, Франция, 1977 год (расшифровка из PKD Estate Archive).

«Радиоколонки и светофоры»: *Philip K. Dick: The Last Testament* Грегга Рикмана (1985).

«Никаких денег за работу»: Уве Антон, интервью с ФКД в Метце, Франция, 1977 год. «Переезд из дома»: письмо ФКД Лоре Коэльо от 29 октября 1974 года.

«Версия Дороти о переезде»: письмо Дороти Хаднер к Тессе Дик от 10 августа 1977 года.

«Побеждая Эдипа»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*. «Запись в дневнике 1981 года»: рукопись в тринадцать машинописных страниц, 13 ноября 1981 года, из PKD Estate Archive.

«Данкен, опера и марихуана»: Джеральд Акерман, *Reminiscences of Philip K. Dick*, октябрь 1983 года.

«Запись дисков»: Акерман цитируется по книге Экберта Фааса Young *Robert Duncan: Portrait of the Poet as Homosexual in Society* (Black Sparrow Press, 1983).

«Вверх по лестнице»: ФКД, эссе *Self Portrait* (1968). «ФКД в Беркли и фоны НФ»: интервью, взятое Ричардом Лупоффом на радио KPFA в ноябре 1977 года.

«По поводу гомосексуальных флиртов»: интервью автора с Джеральдом Акерманом, сентябрь 1986 года.

«Фил – сумасбродный водитель»: интервью автора с Винсентом Ласби, февраль 1986 года.

«Фил-ухажер»: интервью автора с Винсентом Ласби, февраль 1986 года.

«Эдгар о Жанетт»: интервью Грегга Рикмана с Дж. Эдгаром Диком, 1982 год (кассета расшифрована автором).

«Квартира Фила и Жанетт»: Джеральд Акерман, *Reminiscences of Philip K Dick,* октябрь 1983 года.

«Сокровище продано дорого»: из «Время собираться».

«Тесса о его первом браке»: письмо Тессы автору, 21 июля 1986 года.

«Конни Барбур»: два интервью автора с Клео Мини в феврале и июле 1986 года.

«Сознание и свобода выражения»: письмо Фила к Мэри, без даты. «Свеженькая Бетти Джо – киношная романтика»: интервью автора с Бетти Джо Риверс, февраль 1986 года.

«ФКД не подходит к ее кругу»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*. «Надписи в книгах»: интервью автора с Бетти Джо Риверс, февраль 1986 года. «Германский миф» и «Привлекательность Фила»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*.

«Придумывая кого-то, кто бы разделил тяжкую ношу»: интервью автора с Бетти Джо Риверс, февраль 1986 года.

«Исключен из Калифорнийского университета»: Предисловие к сборнику *The Golden Man* (1980).

«Ужасные переживания в Калифорнийском университете»: интервью автора с Искандером Гаем, февраль 1986 года.

«О нервном срыве»: из Пол Уильямс, Only Apparently Real.

«Примечания к *The Earthshaker*»: написаны в 1947 году. Рукопись из PKD Estate Archive.

«Сексуальное разочарование Карла»: из «Времени собираться».

ГЛАВА 4

Книги и статьи

The History of the Science Fiction Magazine, Vol. 2: 1936–1945 (Henry Regnery Company, 1975) и *Vol. 3: 1946–1955* (Contemporary Books, 1976) под редакцией Майкла Эшли.

Предисловие Ричарда Лупоффа к переизданию сборника *A Handful of Darkness* (Gregg Press, 1978).

Джефф Вагнер, *In the World He Was Writing About: The Life of Philip K Dick*, фэнзин *Foundation 34*, осень 1985 года.

Произведения и письма ФКД

Интервью с ФКД, включенные в книгу: Рассел Хилл, *Reflections of the Future* (Ginn and Company, 1975).

Переписка между ФКД и Горацием Голдом 1954 года из PKD Estate Archive.

Интервью автора

С Ричардом Лупоффом, февраль 1986 года.

С Эвелин Глаубман, февраль 1986 года.

С Харланом Эллисоном, март 1986 года.

С Норманом Спинрадом, март 1986 года.

С Александрой Апостолидес, август 1986 года.

С Глэдис Фабун, август 1986 года.

Цитаты в тексте

«Свидание в ресторане и брачное предложение»: интервью автора с Клео Мини, февраль 1986 года.

«О Дороти и свадебной церемонии»: там же.

«В доме на Франциско-стрит»: из «Свободного радио Альбемута» (1985).

«Отказы и кухонная мышка»: интервью автора с Клео Мини, февраль 1986 года.

«Об Энтони Бучере»: ФКД, эссе *Self Portrait* (1968).

«Одно предварительное замечание»: интервью автора с Роном Гулартом, май 1986 года.

«Успех фантастического рассказа»: ФКД, эссе *Self Portrait* (1968).

«Лающий Борис»: «Рууг» (1953).

«ФКД о рассказе «Рууг»: участие ФКД (вместе с Майклом Муркоком и Фрицом Лейбером) в материале *First Sale* для журнала *Unearth*, зима 1979 года. Письмо-отказ: отрывок из послесловия к собранию рассказов *The Best of Philip K. Dick* (Ballantine, 1977). «Почта»: ФКД, *Self Portrait* (1968).

«Каламбур Мини»: интервью автора с Клео Мини, февраль 1986 года.

«Второй нервный приступ»: Пол Уильямс, Only Apparently Real (1986). «Задыхаясь»: интервью автора с Клео Мини, февраль 1986 года.

«Никогда НФ не жилось так хорошо»: Майкл Эшли, *The History of the Science Fiction Magazine, Vol. 3: 1946–1955* (1976).

«Рассказы, написанные, когда жизнь стала проще»: послесловие к *The Best of Philip K. Dick*.

«Кухонные разборки»: «Колония» (1953).

«О «Колонии»: послесловие, *The Best of Philip K. Dick*.

«Отказ продаваться Голду»: ФКД, *Memoir,* в сборнике *Galaxy: Thirty Years of Innovative Science Fiction* под ред. Фредерика Пола и Мартина Гринберга (Playboy Press, 1980).

«Седрах выходит из среды огня: «Король эльфов» (1953). НФ и фэнтези: ФКД, эссе *My Definition of SF* из фэнзина *Just SF 1* (1981).

«Рассказы из глубины души»: интервью ФКД, взятое Ричардом Лупоффом в ноябре 1977 года на радио KPFA (запись расшифрована автором).

«Тайная любовь»: письмо ФКД к мистеру Хаасу от 16 сентября 1954 года.

«Робот Спенс: «Самозванец» (1953). «О рассказе «Человек»»: послесловие к *The Best of Philip K. Dick*.

«Архетипический рассказ Кэмпбелла»: Джон У. Кэмпбелл цитируется по книге Фредерика Пола *The Way the Future Was: A Memoir* (Ballantine, 1978).

«Кэмпбелл о фантастике и псионике Фила»: *Memoir* ФКД в сборнике Пола и Гринберга.

«Издатели не могут найти дистрибьюторов»: Фредерик Пол, *The Way the Future Was*. «Сложные фильмы»: интервью автора с Клео Мини, февраль 1986 года.

«Дурно одет»: письмо ФКД к Лоре Коэльо от 27 мая 1978 года.

«Зоомагазин Lucky Dog»: предисловие к сборнику *The Golden Man* (Berkley, 1980).

«Клео о чувстве униженности у Фила»: интервью автора с Клео Мини, февраль 1986 года.

«Джеймс Джойс без дураков»; там же. «Чтение Маймонида»: Грегг Рикман, *Philip K. Dick: The Last Testament*. «Клео о Маймониде, мистическом единении и анимизме»: интервью автора с Клео Мини, февраль 1986 года.

«Фигура, стоящая у кровати»: интервью Ричарда Лупоффа с ФКД, ноябрь 1977 года, на радио KPFA (запись расшифрована автором). «Воспоминания Клео об этом»: интервью автора с Клео Мини, февраль 1986 года.

«Болезнь Мэрион»: интервью автора с Линн Сесил, февраль 1986 года.

«Дороти о смерти Мэрион»: из двух напечатанных на машинке страниц дневника Дороти, датированных 18 ноября 1952 года (копии этих страниц предоставлены автору Линн Сесил).

«ФКД и Джозеф Хаднер»: интервью автора с Искандером Гаем, февраль 1986 года.

«Визит к Эдгару»: интервью автора с Клео Мини, февраль 1986 года. «Ватага мальчишек»: примечание ФКД в качестве

автора палп-журнала, сентябрь – октябрь 1953 года, которое цитирует Ричард Лупофф в предисловии к переизданию собрания рассказов *A Handful of Darkness* (Gregg Press, 1978).

«Поклонники, словно тролли»: примечание ФКД, которое цитирует Ричард Лупофф в предисловии к переизданию собрания рассказов *A Handful of Darkness*. «Писатель-фантаст в роли Кассандры»: ФКД, эссе *Pessimism in*

Science Fiction в журнале *Oblique*, декабрь 1955 года.

«Совет Ван Вогта»: из рассказа «Водяной паук» (1964). «Костюмчик Ван Вогта»: интервью автора с Клео Мини, февраль 1986 года. «Об уделе фантаста»: интервью автора с Полом Андерсоном, февраль 1986 года.

«ФКД анализирует все на свете»: интервью автора с Вирджинией Ласби, февраль 1986 года. «Автограф Херба Голда»: из предисловия к сборнику *The Golden Man* (1980).

«Агенты ФБР и слежка в США»: интервью автора с Клео Мини, февраль 1986 года.

«Фил о своих родителях»: интервью с Искандером Гаем, взятое Энн Дик, 1982 года. (запись расшифрована автором).

«Любовная история Фила»: интервью автора с Клео Мини, февраль 1986 года. «Гордость за свою бывшую супругу»: интервью автора с Энн Дик, февраль 1986 года.

«Переключение с рассказов на романы»: ФКД, *Self Portrait* (1968).

«Мечты о «мейнстриме»: интервью автора с Клео Мини, февраль 1986 года.

«Написал НФ, потому что так случилось»: интервью автора с Искандером Гаем, февраль 1986 года.

«Совершенные произведения»: интервью автора с Винсентом Ласби, февраль 1986 года. «Прибегая к НФ «штучкам»: интервью Грегга Рикмана с Джоном Гилдерсливом, 1985 г. (запись расшифрована автором). «Создание из Гилдерслива персонажа и скорость печати ФКД на машинке»: интервью Энн Дик с Джоном Гилдерсливом, 1985 г. (запись расшифрована автором).

«Странное поведение»: интервью автора с Чаком Беннетом, февраль 1986 года.

«О «Солнечной лотерее»»: интервью автора с Клео Мини, февраль 1986 года. «НФ рассказы и романы»: неопубликованная машинописная рукопись. Предисловие к сборнику «Сохраняющая машина» (1969) в PKD Estate Archive.

«Уоллхейм о НФ, ФКД, их неожиданная встреча в 1969 году и жизнь издательства Асе»: интервью автора с Дональдом Уоллхеймом, июнь 1986 года.

«Марксистский социологический взгляд»: «Экзегеза», 011

(1979–1980).

«Аннотации»: с 4-й стороны обложки и оборота 1-й стороны обложки первого издания «Небесного ока» (1957). «Глаз»: седьмая глава «Небесного ока».

«Уину требуются изменения»: авторские интервью с Полом Андерсоном и Дональдом Уоллхеймом, июнь 1986 г. «Галлюцинирующие миры»: «Экзегеза», 019 (1978). «Капитан Видео и ответ Клео»: интервью автора с Клео Мини, февраль 1986 года.

«Уоллхейм о «реалистических» усилиях ФКД»: интервью автора с Дональдом Уоллхеймом, июнь 1986 года.

«Любовная сцена»: из «Прозябая на клочке земли» (н. 1957, п. 1985).

«Стойка для безалкогольных напитков»: из «Порвалась дней связующая нить» (1959).

«Один и тот же роман, который все пишется и пишется»: «Экзегеза», 015 (1978).

«Теория Эйнштейна»: письмо ФКД Александру Топчиеву от 4 февраля 1958 года.

ГЛАВА 5

Книги и статьи

Помимо прямых цитат, я в долгу, Энн Дик и ее неопубликованной биографии *Search for Philip K. Dick*, в которой содержится много увлекательных материалов о ее годах вместе с ФКД. Смотрите также работы Людвига Бинсвангера в сборнике *«Экзистенциальная психология. Экзистенция» (М., 2001)*.

Произведения ФКД

«Экзегеза», 013 (1978).

Интервью автора

С Хетт Блейджер, январь 1986 года.
С Мириам Ллойд, февраль 1986 года.
С Линн Сесил, февраль 1986 года.
С Винсентом и Вирджинией Ласби, февраль 1986 года.
С Искандером Гаем, февраль 1986 года.

Цитаты в тексте

«Незначительный фантаст»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*.

«Интересный собеседник»: там же.

«Скажи о вещах напрямую»: интервью автора с Клео Мини, август 1988 года.

«Признание в любви»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*. «Харизма»: интервью автора с Энн Дик, февраль 1986 года.

«Сентиментальный»: интервью автора с Клео Мини, февраль 1986 года. «Нат Энтайл в суде»: «реалистический» роман ФКД «Исповедь недоумка» (н. 1959, п. 1975). «Одной вещью больше»: интервью автора с Клео Мини, февраль 1986 года.

«ФКД после телефонного звонка»: письмо ФКД к Энн Дик от 27 декабря 1958 года.

«Непереносимость»: там же. «О Ренессансе Сан-Франциско»: письмо ФКД к Уолтеру Ланферману от 30 декабря 1958 года.

«Не читайте чушь»: интервью автора с Джейн Браун, февраль 1986 года.

«Взрослые не чувствуют себя хорошо»: там же. «Совершенно замечательная жена»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*. «Не следует разбрасываться добрыми друзьями»: интервью автора с Клео Мини, февраль 1986 года. «Я наказан»: «Экзегеза», 013 (1978).

«Асе, нижайшее из низких, предпочитает фэнтези»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*. «Двадцатилетние старания»: там же.

«Застольные разговоры»: там же.

«Жизнь ФКД»: письмо ФКД к Элеанор Димофф от 1 февраля 1960 года, опубликовано в *PKDS pamphlet* #1 (1983).

«Очищая огни»: интервью автора с Джейн Браун, февраль 1986 года. «Джейн свое наверстала»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*. «Медовый месяц»: интервью автора с Энн Дик, апрель 1984 года.

«Не в состоянии переписать»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*.

«На границе с сюрреализмом»: там же. «О Джеке Исидоре»: письмо ФКД к Полу Уильямсу от 19 января 1975 года, опубликованное в предисловии Уильямса к «Исповеди недоумка» (Entwhistle Books, 1975).

«Комментарии к «Исповеди недоумка»»: заметки на полях, сделанные ФКД в сентябре 1980 года в экземпляре первого издания от Entwhistle Books и позднее переданные Крису Арене, который любезно позволил автору скопировать их содержание в феврале 1986 года.

«Ветер обрушивается на нее»: из гл. 11 «Исповеди недоумка».

«Вовлечена, потому что муж умирает»: из гл. 11 «Исповеди

недоумка». «Вдали от мамы»: там же. «Голос Фэй»: из гл. 5 «Исповеди недоумка». «Образцы речи Фэй»: заметки на полях авторского экземпляра «Исповеди недоумка».

«Энн о Фэй»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*.

«О Джеке Исидоре»: письмо ФКД к Полу Уильямсу от 19 января 1975 года.

«Ответ Энн» и «Опасайтесь человека из Порлока»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*.

«Слова приходят из рук»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*.

«Интуитивный метод»: письмо ФКД к Элеанор Димофф от 1 февраля 1960 года. «Умри или заведи ребенка»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*.

«Средиземноморская семья»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*.

«Аборт»: интервью автора с Энн Дик, февраль 1986 года.

«Фантастическая жизнь с Прис»: из «Мы вас построим» (н. 1961–1962, п. 1972). «Прис как жизнь и антижизнь»: из «Мы вас построим». «Мужняя жена не поможет»: письмо ФКД к Элеанор Димофф от 1 февраля 1960 года.

«Кастрирование самок»: рассказ ФКД «Недолюди» (1974). «Любовь, а не гнев»: послесловие к сборнику *The Golden Man* (1980).

«Исправить И-Цзин»: интервью автора с Искандером Гаем, февраль 1986 года.

«НЛО не кажутся безумием»: заметки на полях авторского экземпляра «Исповеди недоумка».

«Черная полоса в небе и ответ Энн»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*.

«ФКД и Дороти»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*.

«Мать отказывается»: там же. «Взгляд вуду»: интервью автора с Джерри Креси, февраль 1986 года. «Серебряный треугольник»: из «Человека в Высоком замке» (1962).

«Энн в ювелирном бизнесе»: интервью автора с Энн Дик, апрель 1984 года.

«Третий нервный срыв»: Пол Уильямс, *Only Apparently Real* (1986).

«Решает покончить с писательством»: интервью Дэниэла ДеПреза с ФКД для *Science Fiction Review*, 10 сентября 1976 года.

«Никогда не жуй жвачку дважды»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*.

«Посвящение»: из первого издания «Человека в Высоком замке» (1962).

«Метафоры Замка»: письмо ФКД к Патриции Уоррик от 8 октября 1977 года.

«Множественная нарративная точка зрения»: письмо ФКД к

Патриции Уоррик от 31 июля 1978 года.

«Тагоми сходит с ума»: из «Человека в Высоком замке».

«Бейнс о нацистах»: из «Человека в Высоком замке».

«Гексаграмма Внутренней Истины»: из «Человека в Высоком замке». «И-Цзин» как злой дух»: интервью Дэниэла ДеПреза с ФКД.

«Концовка «Человека в Высоком замке»: письмо ФКД Джозефу Милисиа от 7 августа 1978 года.

«Человек в Высоком замке» и «Сдвиг времени по-марсиански»: Пол Уильямс, *Only Apparently Real*.

«Отказ Уоллхейма»: интервью автора с Дональдом Уоллхеймом, июнь 1986 года.

ГЛАВА 6

Книги и статьи

Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*.

Интервью автора

С Хэтт Бледжер, январь 1986 года.

С Нэнси Хакетт, март 1986 года.

С Энн Монблан, февраль 1986 года.

С Майком Хакеттом, февраль 1986 года.

Цитаты в тексте

«Мощный и блестящий»: интервью автора с Энн Дик, апрель 1984 года.

«Сучий язык»: интервью автора с Энн Дик, февраль 1986 года.

«Убив первого мужа» и «Неприятности с машиной»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*.

«Срочно необходим муж»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*.

«Охота на пекари»: интервью автора с Харланом Эллисоном, март 1986 года.

«Возмутительные вещи»: интервью автора с Искандером Гаем, февраль 1986 года.

«ФКД преувеличивает»: интервью автора с Линн Сесил, февраль 1986 года.

«Замок на аптечке»: интервью автора с Линн Сесил, февраль 1986 года. «Убивая себя наркотиками»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*.

«Диагностировано маниакально-депрессивное расстройство»:

Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*. «Все коренится в браке»: интервью автора с Энн Дик, февраль 1986 года.

«Память Хэтт о вождении»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*.

«История болезни»: там же. «Действие «Стелазина»: там же.

«Чак и Марв»: из романа «Кланы Альфанской Луны» (1964). «Синдром Корсакова»: из романа «Когда наступит прошлый год» (1966).

«Говорящее такси»: из «Когда наступит прошлый год».

«Схватил за руку»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*. «С религиозным отношением»: там же. «Социальный рост»: интервью Чарльза Плэтта с ФКД в книге *Dream Makers: The Uncommon People Who Write Science Fiction* (Berkley Books, 1980).

«Лицо в небе»: неопубликованное предисловие из PKD Estate Archive (написанное в 1976 году, вероятно, для сборника *The Best of Philip K. Dick;* вошло с сокращениями) к рассказу 1963 года «Кукольный домик». «Определенные химические вещества»: эссе *Will the Atomic Bomb Ever Be Perfected, and If So, What Becomes of Robert Heinlein?* из фэнзина *Lighthouse*, октябрь 1966 года. «Психоделические наркотики»: письмо ФКД к Ричу Брауну от 21 августа 1967 года.

«Воспоминания о противогазе»: неопубликованное предисловие к рассказу «Кукольный домик». «*Idios kosmos* нуждается в здравом уме»: письмо ФКД к Брюсу Гиллеспи от 8 июня 1969 года, опубликовано в книге Гиллеспи *Philip K. Dick: Electric Shepherd* (1975). «Что могла сказать Энн»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*.

«Символизм Мессы»: К. Г. Юнг, *Transformation Symbolism in the Mass* в книге под редакцией Джозефа Кэмпбелла *The Mysteries: Papers from the Eranos Yearbooks* (Princeton University Press, 1978). «Дьявол в баптистерии»: Энн Дик *Search for Philip K. Dick*.

«День на берегу»: из «Стигматы Палмера Элдрича» (1965).

«Заверения Булеро»: там же.

«Все одно и то же»: там же.

«Отец ФКД как Элдрич и Булеро»: предисловие к расказу «Кукольный домик».

«Chew-Z»: материал Пола Уильямса *The True Stories of Philip K. Dick* из журнала *Rolling Stone*, 6 ноября 1975 года; включен в книгу Уильямса *The True Stories of Philip K. Dick* (1986).

«Евхаристия»: К. Г. Юнг, *Transformation Symbolism in the Mass*. «Высокомерный»: «Экзегеза», 014 (1978). «Булеро как Сын Человеческий»: «Экзегеза», 021 (1978).

«Любовь-вспышка»: интервью автора с Гранией Дэвис, февраль 1986 года. «Пистолет и насилие»: там же.

«Мочевой пузырь, безумие и сложности»: интервью автора с

Гранией Дэвис, февраль 1986 года.

«Оторван от детей»: письмо Грании Дэвис к Синтии Голдстоун от 17 июля 1964 года.

«Прекрасные письма»: интервью автора с Гранией Дэвис, февраль 1986 года. «Громкоговоритель Зоны Залива»: коллективное письмо ФКД и Грании к Терри и Кэрол Карр от 9 октября 1964 года.

«Прогрессирующая параноидальная шизофрения»: письмо ФКД к Терри и Кэрол Карр от 4 октября 1964 года.

«Нельсон о продолжениях «Человека в Высоком замке»: Рэй Нельсон, эссе *A Dream of Amerasia* в книге под редакцией Д. Скотта Эйпеля *Philip K. Dick: The Dream Connection*.

«ФКД о построении фантастического романа»: письмо ФКД к Рону Гуларту, недатированное, но написанное весной – летом 1964 года, согласно Гуларту, который любезно предоставил автору копию.

«Гуларт о ФКД»: интервью автора с Роном Гулартом, май 1986 года. «Глядя на него»: источник интервью пожелал остаться анонимным.

«О флирте на конвенте»: интервью автора с Терри и Кэрол Карр, февраль 1986 года.

«Изменение системы веры и костюм-тройка»: интервью автора с Диком Эллингтоном, февраль 1986 года.

«Общение»: письмо ФКД к Кэрол Карр, в шутку датированное: «12 ноября 1902 года (день, когда президент Гамп был убит гнилой, отравленной морковкой прямо между глаз)»; правильная дата, скорее всего, 12 ноября 1964 года.

«Моногамный секс»: интервью автора с Гранией Дэвис, февраль 1986 г. «Страховой полис»: письмо Дж. Дж. Ньюкома к автору от 20 января 1987 года.

«Кислотный трип в «Лабиринте смерти»: письмо ФКД к Клаудии Буш от 15 июля 1974 года.

«Кислотные видения»: письмо ФКД к Ричу Брауну от 21 августа 1967 года.

«О галлюцинациях»: эссе *Drugs, Hallucinations, and the Quest for Reality*, фэнзин *Lighthouse*, ноябрь 1964 года.

«Кирстен и ФКД»: интервью автора с Кирстен Нельсон, март 1986 года.

«Стихотворение «К Нэнси»: рукопись в PKD Estate Archive. «Я люблю тебя за то, что ты есть»: письмо ФКД к Нэнси Хакетт от 16 декабря 1964 года.

«Переезжай ради меня»: письмо ФКД к Нэнси Хакетт от 16 декабря 1964 года.

«Она сломает меня»: письмо ФКД к Кэрол Карр от 25 декабря

1964 года.

ГЛАВА 7

Произведения ФКД

«Экзегеза» 003 (1977–1978), 010 (1977–1978), 018 (1978), 019 (1978), 021 (1978), 029 (1978), 032 (1977).

Интервью автора

С Энн Монбриан, февраль 1964 года.
С Энн Дик, апрель 1984-го и февраль 1986 года.
С Терри и Кэрол Карр, февраль 1986 года.

«Все больше и больше из этого»: интервью автора с Нэнси Хакетт, февраль 1986 года.

«Влияние Нэнси на ФКД»: там же. «Воспевание»: письмо ФКД к Кэрол Карр от 25 декабря 1964 года.

«Последние события»: письмо ФКД к Кэрол Карр от 28 февраля 1965 года. «Гармония с Нэнси»: Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*.

«Эксперименты без ЛСД»: интервью автора с Нэнси Хакетт, февраль 1986 г. «Веселый, уютный и несобранный»: интервью автора с Нэнси Хакетт, февраль 1986 года.

«Как они беседовали»: интервью, взятое у Нэнси Хакетт Джеффом Вагнером в 1985 году (авторская расшифровка записи, любезно предоставленной Вагнером). «Кризисный наркоман»: интервью автора с Мириам Ллойд, февраль 1986 года.

«Об «И-Цзин»: эссе *Schizophrenia and the Book of Changes* фэнзин *Niekas*, № 11, март 1965 года. «Зануда в компании и «кислотные» цвета»: письмо ФКД Джеку Ньюкому от 17 ноября 1965 года.

«Заметки о сеансе»: эссе *Transcript of a Seance*, издано в *PKDS Newsletter* #12, октябрь 1986 года.

«Сразу же после смерти»: письмо ФКД Джеймсу Э. Пайку и Марен Хакетт (существует в двух черновых вариантах). «Продуктивное общение»: «Экзегеза», 020 (1978).

«Джим склоняется к ереси»: письмо ФКД к Клаудии Буш от 15 июля 1974 года (это письмо включено в «Экзегезу», папка 004 (1974) – он держал его вместе с другими материалами «Экзегезы», как он поступал с своими письмами 1974–1976 годов, детализирующих опыт «2–3–74»). Рассуждения ФКД о его

возможных пересечениях с Пайком в 1974 году включены в «Экзегезу» 004, как и в другие разделы «Экзегезы». «Нечего сказать»: «Экзегеза», 054 (1981).

«Джо Чип и дверь»: из «Убика» (1969).

«Рекламные ролики Ранситера»: там же.

«Убик об Убике»: сентенция из «Убика». «Евангелие от Иоанна»: эссе Питера Фиттинга *Ubik: The Deconstruction of Bourgeois SF* из книги под редакцией Джозефа Д. Оландера и Мартина Гринберга *Writers of the 21st Century: Philip K. Dick* (Taplinger, 1983). Хотя Фиттинг отмечает отсылки к Евангелию от Иоанна, он не считает «Убик» христианским произведением; более того, он пытается извлечь из сюжета марксистский взгляд на разрушение буржуазных реальностей и (на языке Фиттинга) «новые коллективные возможности». Следует отметить, что ФКД в «Экзегезе» много рассуждал об истинном смысле «Убика» – так же он поступал и по отношению к некоторым другим своим романам, как будто бы их написал кто-то другой, – и там не было ничего близкого к марксистскому толкованию «Убика» или – на ту же тему – в каком-либо из его прочих романов шестидесятых годов и позднее. Природа предельной реальности, к пониманию которой пришел ФКД, не предполагала фундаментальных базисных экономических переориентаций. В особенности в семидесятые годы, после взлома в ноябре 1971 года, ФКД стал чрезвычайно недоволен интерпретациями его произведений в марксистском духе, хотя он использует в «Экзегезе» элементы марксистской социологической критики (частично почерпнутые из чтения Чарльза Райта Миллса) в некоторых его романах пятидесятых годов. См. клаву 4 и примечания к ней.

«Убик» и «Палмер Элдрич»: спасительная информация»: «Экзегеза», 032 (1977).

«Я не пишу красиво»: «Экзегеза», 039 (1978).

«Привлеченный мусором»: «Экзегеза», 014 (1978).

«О «Мастере вся Галактики»: «Экзегеза», 054 (1981).

«Не верил в брак»: интервью автора с Нэнси Хакетт, февраль 1986 года. «Люди добрые»: письмо ФКД к Синтии Голдстоун от 27 февраля 1967 года.

«Шкаф с документами»: письмо ФКД к Синтии Голдстоун от 27 февраля 1967 года. «Поездка в больницу»: интервью автора с Майком Хакеттом, февраль 1986 года.

«Чувствительная личность, спасатель, желающий видеть ее дома»: интервью автора с Нэнси Хакетт, февраль 1986 года. «Сосредоточение на Нэнси, пока не повзрослеет»: интервью автора с Линн Сесил, февраль 1986 года.

«Перемена в отношениях после рождения Изы»: интервью

автора с Майком Хакеттом, февраль 1986 года.

«Состязание по грудному вскармливанию»: интервью автора с Нэнси Хакетт, февраль 1986 года.

«Непрошеный фургон»: интервью автора с Гранией Дэвис, февраль 1986 г. «ФКД и Дороти, самолечение, деньги»: интервью автора с Нэнси Хакетт, февраль 1986 года.

«Депрессии, работа над «Мечтают ли андроиды об электроовцах»: там же. «Умные наркодрузья»: интервью автора с Мириам Ллойд, февраль 1986 года. «Страшная боязнь сойти с ума»: интервью автора с Нэнси Хакетт, февраль 1986 года.

«Известность дома ФКД среди соседей»: интервью автора с Хэтт Бледжер, январь 1986 года.

«Нервный приступ 1967 года»: письмо ФКД к Кэрол Карр от 7 июля 1967 года (смотрите также письмо ФКД к Ричу Брауну от 18 июля 1967 года).

«Чем все это может кончиться?»: письмо ФКД к мистеру Уордлоу (агенту Налогового управления) от 2 сентября 1967 года. «Петиция с протестом против налогов»: журнал *Ramparts*, февраль 1968 года.

«ФКД обдумывает петицию»: «Экзегеза», 040 (1979).

«Вступление Эллисона»: *Dangerous Visions* под ред. Харлана Эллисона (Berkley, 1967).

«Эллисон о ФКД»: интервью автора с Харланом Эллисоном, март 1986 года.

«Выбрасывая ее заначку»: интервью автора с Мириам Ллойд, февраль 1986 года.

«Наркотусовка»: интервью автора с Мириам Ллойд, февраль 1986 года.

«Статус достигнут»: письмо ФКД к Лоуренсу Эшмиду от 7 сентября 1968 года.

«Ни одной важной книги с 1964 года»: письмо ФКД к падчерице Тэнди от 7 мая 1969 года. «Карсон Пул»: из рассказа «Электрический муравей» (1969). «Писательский тупик»: письмо ФКД к Линн Сесил от 21 марта 1969 года.

«Сюжет и писательский метод»: письмо ФКД к Рэю Брауну от 21 марта 1969 года.

«Двойная утрата»: Пол Уильямс, *Only Apparently Real* (1986).

«Страхи Нэнси и попытки их сдержать»: интервью автора с Нэнси Хакетт, февраль 1986 года.

«ФКД об употреблении амфетаминов»: Пол Уильямс, *Only Apparently Real*.

«Мескалин»: письмо ФКД к Джиму от 17 сентября 1970 года.

«Величайшая слабость научной фантастики»: письменный ответ ФКД на вопросник, разосланный девяноста четырем

писателям-фантастам; все ответы опубликованы в фэнзине двух Биллов – Билла Малларди и Билла Боуэрса *Double: Bill Symposium* (1969).

«Мистическая любовь»: письмо ФКД к Энн Дик от 18 сентября 1970 года.

«Милейший парень, немного псих»: интервью автора с Гонором Джексоном, февраль 1986 года. «Уехав прочь»: интервью автора с Изой Дик, февраль 1986 года.

ГЛАВА 8

Произведения и письма ФКД

Рассказ *Cadbury, the Beaver who Lacked* (1972), рукопись из PKD Estate Archive.

Письма в ФБР от 28 октября и 4 ноября 1972 года.

Письма к инспектору Шайну от 4 и 9 ноября 1972 года.

Письмо к Уильяму Вольфсону от 6 октября 1972 года.

Письмо в Банк округа Марин от 21 апреля 1973 года.

Книги и статьи

Энн Дик, *Search for Philip K. Dick*. Особенно ценна шестая глава с описанием молодежи, сделавшей дом ФГД в Санта-Венеции местом своей тусовки.

Цитаты в тексте

«Страх Фила»: интервью автора с Берни Монбрианом, февраль 1986 года. «Страх перед полицией»: интервью автора с Майком Хакеттом, февраль 1986 года.

«До трех дней»: интервью автора с Берни Монбрианом, февраль 1986 года. «Документально зафиксированная борьба»: ежедневник ФКД 1970–1971 годов в PKD Estate Archive.

«Жизнь в доме отшельника»: письмо ФКД к Джей-Энн Форг от 25 ноября 1970 года.

«Заставил почувствовать вас вовлеченными»: интервью автора с Томом Шмидтом, февраль 1986 года.

«Весело и трудно»: интервью автора с Майком Хакеттом, февраль 1986 года.

«Бедовые женщины»: интервью автора с Томом Шмидтом,

февраль 1986 года.

«Разочарование для ФКД»: интервью автора с Джей-Энн Форг, февраль 1986 года. Джей-Энн Форг упоминается в ежедневнике ФКД за 1970–1971 годы.

«Его мать испытывает горечь от его желании жить с Джей-Энн»: ежедневник ФКД 1970–1971 годы.

«Посмотри, Дороти»: дневниковая запись в форме письма ФКД к «Кесси» (вымышленное имя), которое ФКД никогда (по его собственному утверждению там же) не намеревался посылать, от 15 декабря 1970 года.

«Как Джейн, объят страхом»: ежедневник ФКД 1970–1971 годы.

Все цитаты из дневника Джозефа Хаднера переписаны автором (дочь Хаднера, Линн Сесил, любезно предоставила дневник в распоряжение автора).

«Проницательный»: записи Стэнфордской Университетской больницы, как они были зачитаны вслух доктором Гарри Брайаном в интервью с автором в феврале 1986 года. «Ориентированный на людей»: интервью автора с доктором Брайаном.

«Очень драматичен, параноидален»: интервью автора с Линн Сесил, февраль 1986 года.

«Гуру»: Пол Уильямс, *Only Apparently Real* (1986).

«Не считал себя старым»: интервью автора с Лорен Кейвит, февраль 1986 года.

«Фантазирующий»: там же.

«Донна»: письмо ФКД к Клаудии Буш от 14 июля 1974 года.

«Восемь дней в постели»: эссе *The Evolution of a Vital Love* (1972), из сборника *The Dark-Haired Girl* (1988). «Опыт Тако»: «Экзегеза», 039 (1978). «ФБР или ЦРУ»: Энн Дик *Search for Philip K. Dick*. «Все в порядке»: интервью автора с Уильямом Вольфсоном, февраль 1986 года.

«Шейла» цитируется по интервью автора с анонимным источником, февраль 1986 года.

«Чернокожие боевики»: Пол Уильямс, *Only Apparently Real*.

«Дневниковая запись»: ежедневник на спирали за 1971–1972 годы, PKD Estate Archive.

«Аврам Дэвидсон»: Пол Уильямс, *Only Apparently Real.*

«Замки систематически ломались»: машинописные дневниковые страницы, вероятно, август – сентябрь 1971 года, в PKD Estate Archive. «Возможно, Филу это удалось»: интервью автора с Томом Шмидтом, февраль 1986 года.

«Сержант полиции»: напечатанные подряд одиннадцать страниц дневника от 30 октября 1972 года из PKD Estate Archive.

«Полицейский рапорт»: Пол Уильямс, *Only Apparently Real*.

«Тайная полиция»: письмо ФКД к редактору от 7 июня 1973 года, опубликованное в журнале *The Alien Critic*, август 1973 года.

«Как выясняется, все правда»: интервью автора с Норманом Спинрадом, март 1986 года.

«Самые эффективные формы саботажа»: из «Помутнения» (1977).

«Слушая *Sticky Fingers*»: Тим Пауэрс, эссе *Some Random Memories of Philip K. Dick*, напечатано в *PKDS Newsletter* #2, декабрь 1983 года.

«Нашел чье-то подтверждение»: ежедневник ФКД на спирали, 1971–1972 годы.

«Энтропия, изоляция»: там же.

«Когда ты теряешь того, кого любишь»: там же.

ГЛАВА 9

Произведения и письма ФКД

Собрание писем и эссе ФКД *The Dark-Haired Girl* (1988).
«Экзегеза», 003 (1978), 042 (1979).
Письмо Эдварду Ферману, 15 февраля 1973 года.
Письмо Мерри Лу Мэлоун, 7 марта 1973 года.
Письмо «Донне», 9 марта 1972 года.
Письмо в «Сентер Пойнт», 9 марта 1972 года.
Письмо Терри и Кэрол Карр, 9 марта 1972 года.
Письмо Уиллису МакНелли, 9 марта 1972 года.
Письмо Энн Дик, 12 марта 1972 года.
Письма Горану Бенгтсону, 4 мая и 7 декабря 1973 года.
Письмо Патрику Дювику, 2 мая 1973 года.
Письмо Лоре Коэльо, 28 сентября 1973 года.
Письмо в Агентство Мередита, 26 октября 1973 года.
Письмо Нэнси и Изе, 5 декабря 1973 года.

Интервью автора

С Гарри и Нитой Басби, март 1986 года.
С Тимом Пауэрсом, март 1986 года.
С Харланом Эллисоном, март 1986 года.
С Артом Шпигельманом, июнь 1986 года.
С Дорис Саутер, июль 1986 года.
С Лорой Коэльо, сентябрь 1986 года.

Цитаты в тексте

«Подводя итог мысли»: письмо ФКД Брюсу Гиллеспи от 31 октября 1972 года.

«Цитаты из выступления»: ФКД, эссе *The Android and the Human* из сборника *Philip K. Dick: Electric Shepherd* под редакцией Гиллеспи.

«Описание титульной страницы»: рукопись цитируется Полом Уильямсом в предисловии к сборнику *The Dark-Haired Girl*. (Сборник также содержит эссе *The Android and the Human,* упоминавшееся в предыдущей ссылке.) «Пытаясь найти центр»: «Экзегеза», 048 (1979). «Так мило»: *The Dark-Haired Girl*.

«Сон о лошади»: из *The Dark-Haired Girl*.

«Мужские солярные божества»: фраза, использованная ФКД в *The Android and the Human.* «Андреа ушла»: из *The Dark-Haired Girl*.

«Пребывание с Майклом и Сьюзен Уолш»: все цитаты взяты из интервью автора с Майклом и Сьюзен Уолш, апрель 1986 года.

«Голова в хорошем месте»: письмо ФКД к Урсуле Ле Гуин от 14 марта 1972 года.

«Всего лишь наберите последнюю цифру, поговорите с консультантом, действуйте методично»: интервью ФКД с Артуром Байроном Кавером для журнала фантастики *Vertex*, февраль 1974 года.

«Более мрачный отчет, динамичный опыт, движение к саморазрушению»: письмо ФКД к Рэю, 30 марта 1972 года.

«Здесь проблема»: письмо ФКД к Сью, 5 апреля 1972 года.

«Безродный и напуганный»: Тим Пауэрс, эссе *Some Random Notes on Valis and Philip K. Dick's Mystical Experiences* из *PKDS Newsletter* #4, сентябрь 1984 года.

«Вид как у потерянного щенка»: интервью автора с Мерри Лу Мэлоун, март 1986 года.

«В основном счастлив»: интервью автора с Мэри Уилсон, март 1986 г. «Пристрастился к лести»: интервью автора с Линдой Леви/Тэйлор, март 1986 года.

«Книги становятся все более странными»: из *The Dark-Haired Girl*.

«Ухаживания, разрыв и последствия»: интервью автора с Линдой Леви/Тэйлор, март 1986 г.

«Казалось, все стало более ясным»: письмо Тессы Дик к автору, 21 июля 1986 года.

«Свет сиял, развлечения, ссора в Диснейленде»: там же.

«Радость Фила»: из *The Dark-Haired Girl*.

«Американские горки»: письмо Тессы Дик к автору, 20 июля 1986 года. «Как помешался»: интервью Дж. Б. Рейнольдса с Тессой

Дик в *PKD Newsletter* #13, февраль 1987 года. «Настроение переменчиво, спал мало»: письмо Тессы Дик к автору, 20 июля 1986 года.

«Когда не было убедительных аргументов»: письмо Тессы Дик к автору, 21 июля 1986 года.

«Насилие»: Линда Леви/Тэйлор, письмо к редактору *PKDS Newsletter* #20, апрель 1989 года.

«Ничего более обнадеживающего»: письмо ФКД к Роджеру Желязны, 1 декабря 1972 года.

«Мусорная стихия»: письмо ФКД к Станиславу Лему, 4 сентября 1973 года.

«Изобрести ее»: письмо ФКД к Томасу Дишу, 26 ноября 1972 года.

«Визит Смерти»: письмо ФКД к Патрику Дювику, 14 февраля 1973 года.

«Играющие дети, диагнозы»: авторское послесловие к «Помутнению» (1977).

«НФ выпотрошена»: интервью автора с Лоуренсом Эшмидом, июнь 1986 года. «Костюм-болтунья»: из «Помутнения».

«Во время каждого брака»: письмо ФКД к Марселю Таону, 5 сентября 1973 года.

«Одно полушарие вашего мозга»: из «Помутнения».

«Помощь в войне с наркотиками»: письмо ФКД в Министерство юстиции, 17 февраля 1973 года (в следующем письме в Министерство юстиции от 21 апреля 1973 года ФКД предложил посвятить роман Генеральному прокурору Ричарду Кляйндинсту).

«Большой брикет гашиша»: из «Помутнения».

«Трансмутировать те ужасные дни»: «Экзегеза», 050 (1977).

«Гипертензия»: письмо ФКД к Нэнси и Изе, 8 апреля 1973 года.

«Почему она вышла замуж за ФКД, образцовый отец»: письмо Тессы Дик к автору, 21 июля 1986 года.

«После родов»: письмо ФКД к Дороти Хаднер, 7 сентября 1973 года.

«Склонность смотреть вниз»: письмо ФКД к Дороти Хаднер, 10 сентября 1973 года. «Подлинная реальность»: письмо ФКД к Марселю Таону, 5 сентября 1973 года.

ГЛАВА 10

Произведения ФКД

«Экзегеза», 004 (1974–1975), 005 (1975–1976), 009 (1978), 015 (1978), 018 (1978), 040 (1979), 041 (1979), 044 (1979).

«Помутнение» (1977).

«Валис» (1981).

«Всевышнее вторжение» (1981).

«Свободное радио Альбемута» (1985).

Письма ФКД

Следует учесть, что многие письма, написанные ФКД в 1974–1976 годах, были включены им в разрастающуюся массу бумаг для «Экзегезы». Я отметил в концевых примечаниях к этой главе все те случаи, когда копии цитируемых писем включены в папки «Экзегезы» в PKD Estate Archive. Поскольку переписка ФКД 1974 года дает полезную информацию для этой главы, я не стану отдельно перечислять нецитированные письма-источники.

Книги и статьи

Д. С. Блэк, эссе *Puttering About the Silver Screen* в фэнзине *PKDS Newsletter* #11, май 1986 года.

Цитаты по тексту

«Запрограммирован на смерть»: «Экзегеза», 015 (1978). «Гражданское неповиновение»: письмо ФКД к Дороти Хаднер, 12 сентября 1973 года, теперь часть «Экзегезы», 005 (1975–1976).

«Милость к нему»: «Экзегеза» 018 (1978).

«Доставка по рецепту и золотая рыбка»: письмо ФКД к Урсуле Ле Гуин от 23 сентября 1974 года, теперь часть «Экзегезы», 004 (1974–1975).

«Заставляет вас вспомнить»: «Экзегеза», 083 (1980).

«Сочетание пентотала и золотой рыбки»: «Экзегеза», 088 (1980). «Вспоминая мир «Деяний»: «Экзегеза», 021 (1978).

«Маленький мальчик и нищий»: из пролога «Свободного радио Альбемута» (н. 1976, п. 1985).

«Сон о летающем монстре»: «Экзегеза», 005 (1975–1976).

«Шипение рептилии»: Тесса Дик, фрагмент эссе *The Search for Valis* из *PKDS Newsletter* #6, April 1985.

«Экспериментирование, оба полушария включены»: «Экзегеза», 004 (1974–1975).

«Видения в середине марта»: письмо ФКД к Луизе Циммерман от 25 июля 1974 года, теперь в «Экзегезе», 004 (1974–1975).

«Начальная ступень»: письмо ФКД к Дороти Хаднер, 15 сентября 1976 года, теперь в «Экзегезе» 005, (1975–1976).

«Три дня в марте»: одностраничный машинописный отчет ФКД, датированный 21 марта 1975 года, в PKD Estate Archive.

«Ксерокопированное послание»: седьмая глава романа «Валис» (1981).

«Описание «ксерокопированного послания»: письмо Тессы Дик к автору, 21 июля 1986 года.

«Поверила ему»: там же. «Хороший результат теста»: «Экзегеза», 018 (1978). «Я машина»: «Экзегеза», 088 (1980).

«Интерес к сочинительству»: письмо заместителя директора ФБР Уильяма К. Салливана к ФКД от 28 марта 1974 года.

«Сотрудничая с угнетателями»: «Экзегеза», 041 (1979). «Простите меня»: «Экзегеза», 042 (1979).

«Николас – пидорас»: из «Свободного радио Альбемута» (1985). «Оба слышали музыку»: интервью Дж. Б. Рейнольдса с Тессой Дик для *PKD Newsletter* #13, февраль 1987 года.

«Евхаристия хот-догом»: из «Валиса» (1981).

«Опыты во сне»: письмо ФКД к Луизе Циммерман от 25 июля 1974 года.

«Информация о будущем»: письмо ФКД к Питеру Фиттингу, июль 1974 года (конкретная дата не поставлена), теперь в «Экзегезе», 004 (1974–1975).

«Фрагменты языка»: там же.

«Пропетые страницы, принужден читать, религиозные фанатики, гипнагогические голоса»: «Экзегеза», 004 (1974–1975) и «Экзегеза», 005 (1975–1976). «Трехглазые существа»: из «Валиса» (1981).

«Жирный Лошадник теряет связь с реальностью»: из «Валиса» (1981). «Рассказывая своему психиатру»: «Экзегеза», 004 (1974–1975).

«Не та же самая личность»: «Экзегеза», 004 (1974–1975).

«Приводя дела в порядок»: интервью Чарльза Плэтта с ФКД для книги *Dream Makers* (Berkley, 1980). «Dogshit Books»: письмо ФКД к Лоуренсу Эшмиду от 7 мая 1974 года, (возможно, оно не было отправлено).

«Измерение артериального давления»: из «Валиса» (1981).

«Незначительные штрихи»: письмо Тессы Дик автору, 20 июня 1986 года.

«Быть вместе веселее»: письмо Тессы Дик автору, 21 июля 1986 года.

«В Кливленде»: интервью Тима Финни с ФКД, май 1974 года. (магнитофонную запись этого интервью Финни любезно предоставил автору). «Видение золотого прямоугольника»: из «Свободного радио Альбемута» (1985).

«Предельный эстетический вид»: «Экзегеза», 004 (1974–1975).

«Смерть Пинки»: письмо ФКД к Клаудии Буш, написанное в конце 1974 года, но не датированное, теперь в «Экзегезе», 004 (1974–1975).

«*Strawberry Fields* и Крисси»: «Экзегеза», 050 (1977).

«*Strawberry Fields* и случайный мусор»: «Экзегеза», 001 (1980). «Луч розового света»: «Экзегеза», 090 (1981).

«Великий рационалист, разговор о снах»: интервью автора с Томасом Дишем, июнь 1986 года.

«Интервью Д. С. Блэка с Жан-Пьером Гореном»: из эссе *Puttering About the Silver Screen* в *PKDS Newsletter* #11, май 1986 года.

«Переговоры с Фэнчером»: интервью автора с Хэмптоном Фэнчером, июнь 1986 года.

«Паранойя и религиозная вера»: Пол Уильямс, *Only Apparently Real* (1986).

«Сад Пальмовых Деревьев»: «Экзегеза», 090 (1981). «Ходил, как доктор Абернати»: письмо ФКД к Дороти Хаднер, 12 сентября 1986 года, теперь в «Экзегезе», 005 (1975–1976).

«Сад Пальмовых Деревьев в «Господе Гнева»: из романа «Господь Гнева» (1976), написанном в соавторстве с Роджером Желязны. В интервью автору в августе 1986 года Желязны признался, что этот фрагмент был написан исключительно самим ФКД.

«По дороге на почту»: из *Letter from Tessa*, материала Тессы Дик в *PKDS Newsletter* #4, сентябрь 1984 г.

«Мир не злой»: машинописная недатированная страница, найденная среди корреспонденции 1975 года в PKD Estate Archives.

«Автоинтервью ФКД»: «Экзегеза», 044 (1979).

«Экстрасенсорные» или «эмпирические» феномены»: статья Питера Глура, Андре Оливье, Луиса Ф. Куэсни *The Role of the Limbic System in Experiential Phenomena of Temporal Lobe Epileps* в журнале *Annals of Neurology*, Vol. 12, No. 2 (август 1982 года.).

«Симптоматика эпилепсии височной доли»: Харольд Каплан и Бенджамин Дж. Садок, *Comprehensive Textbook of Psychiatry* (1980). Я в долгу перед моим другом Уильямом Р. Дикелем, доктором медицины, который предположил эпилепсию височной доли как вероятный диагноз.

«Пройти духовный суд»: Уильям Джеймс, «Многообразие

религиозного опыта» (М.: Академический проект, 2019 года.).

«Не одухотворен в общепринятом смысле»: «Экзегеза», 005 (1975–1976).

«Перспектива Тессы»: письмо Тессы Дик автору, 21 июля 1986 года.

«Предупреждение святого Иоанна Креста»: цитируется по книге Эвелин Андерхилл *Mysticism* (Meridian Books, 1958).

«Видение Паскаля»: цитируется по книге Эмиля Кайе *Pascal: The Emergence of Genius* (Harper and Row, 1961).

ГЛАВА 11

Интервью автора

С Клео Мини, февраль 1986 года.
С Мириам Найт, февраль 1986 года.
С Харланом Эллисоном, март 1986 года.
С Норманом Спинрадом, март 1986 года.
С Марком Херстом, июнь 1986 года.
С Расселом Галеном, июнь 1986 года.
С Роджером Желязны, август 1986 года.

Цитаты по тексту

«Чертовски мрачный и тупой»: письмо ФКД к Клаудии Буш от 3 января 1975 года.

«Ортогональная мелодия»: эссе ФКД *Man, Android and Machine* в книге *Science Fiction at Large* под редакцией Питера Николлса (Gollancz, 1976 года.).

«Ортогональное время как реальное время»: письмо ФКД к Урсуле Ле Гуин от 5 марта 1975 года, теперь в «Экзегезе», 005 (1975–1976).

«ФКД о рассказе Эллисона «Птица смерти»: письмо ФКД к Норману Спинраду от 8 февраля 1973 года.

«Все еще есть мистические видения»: письмо ФКД к Томасу Дишу от 31 июля 1975 года.

«Теперь настал великий мир»: «Экзегеза», 005 (1975–1976). «Подписывая книги»: эссе Тима Пауэрса *Some Random Memories of Philip K. Dick* в фэнзине *PKDS Newsletter* #2, декабрь 1983 года.

«Грязный старик»: «Экзегеза», 005 (1975–1976).

«На взгляд Тессы»: письмо Тессы к автору от 20 июня 1986 года.

«О пребывании в одиночестве»: письмо ФКД к Кэрол Карр от 7 июля 1975 года. «Вспышка гнева»: «Экзегеза», 005 (1975–1976).

«Религиозные верования ФКД»: интервью автора с Дорис Саутер, апрель 1986 года.

«Первая битва за глоток воздуха»: там же.

«Связь с людьми в беде»: там же.

«Никогда не надзирайте»: из дневника Тима Пауэрса, переписанного автором в процессе интервью с Пауэрсом в марте 1986 года. «Технически мертв»: четвертая глава романа «Валис» (1981).

«Тесса как Бет»: письмо Тессы к автору от 21 июля 1986 года.

«Стеклянный глаз Сэмми Дэвиса-младшего видел Бога либо слишком рано, либо слишком поздно»: четвертая глава «Валиса» (1981). «Визит Дорис»: интервью автора с Дорис Саутер, апрель 1986 г.

«Не отдаляйся»: письмо ФКД к Линде от 8 января 1977 года.

«Переключатель двух режимов ФКД»: интервью автора с Дорис Саутер, апрель 1986 года.

«Прибытие в больницу»: из дневника Тима Пауэрса, переписанного автором во время его интервью с Пауэрсом в марте 1986 года. «Визит Пауэрса»: эссе Тима Пауэрса *Some Random Memories of Philip K. Dick* в фэнзине *PKDS Newsletter* #2, декабрь 1983 года.

«О «принципе Зебры»: письмо ФКД к Марку Херсту от 11 февраля 1977 года.

«Дюжина романов»: «Экзегеза», 029 (1977).

«Ценность сочинительства»: «Экзегеза», 030 (1977).

«Эмоциональная сторона ФКД»: интервью автора с Пауэрсом в марте 1986 года.

«Глубина его доброты»: интервью автора с Джеймсом Блэйлоком в марте 1986 года.

«Гипотеза минимума»: интервью Энди Уотсона с К. У. Джетером в *PKDS Newsletter* #5, декабрь 1984 года.

«Обретение внутренней веры, скептицизм Джетера»: интервью автора с К. У. Джетером, май 1986 года.

«Начал галлюцинировать»: письмо ФКД к Джоан Симпсон от 20 мая 1977 года.

«Первая встреча»: интервью автора с Джоан Симпсон, апрель 1984 года.

«Узнала от него»: там же.

«Распятие ручной работы»: интервью автора с Ричардом Лупоффом, февраль 1986 года.

«Основные принципы»: письмо Дэвида Мэя к автору от 15 января 1986 года.

«Постоянный компаньон»: интервью автора с Джоан Симпсон, апрель 1984 года.

«Время и энергия»: интервью автора с Джоан Симпсон, апрель 1984 года.

«ФКД – конкурент»: интервью автора с Робертом Силвербергом, февраль 1986 года. «Ломаная латынь»: эссе Роберта Силверберга *Philip K. Dick: A Premature Memoir* в книге Грегга Рикмана *Philip K. Dick: The Last Testament* (Fragments West/ The Valentine Press, 1985 г.).

«Тихий в приватных беседах»: интервью автора с Робертом Силвербергом, февраль 1986 года. «По фотографиям нельзя судить»: эссе Д. Скотта Эйпеля *Phil As I Knew Him* в книге *Philip K. Dick: The Dream Connection* (1987).

«Телефонный обзвон»: из эссе Эйпеля *Phil As I Knew Him*.

«Заявлено о нервном расстройстве»: интервью автора с Джоан Симпсон, февраль 1986 года.

«Бог – Программист-Перепрограммист»: речь Фила *If You Find This World Bad, You Should See Some of the Others*, машинописная рукопись в PKD Estate Archive.

«Воспоминания Желязны»: эссе Роджер Желязны, *Musings From Melbourne (on Dick, Deus Irae, and alternate time tracks)* в *PKDS Newsletter* #16, январь 1988 года.

«Воспоминания Эллисона»: интервью автора с Харланом Эллисоном, март 1986 года.

«ФКД несовместим с Эллисоном»: интервью автора с Джоан Симпсон, апрель 1984 года. «Личность наркомана»: интервью Энди Уотсона с К. У. Джетером в *PKDS Newsletter* #5, декабрь 1984 года.

«Телефонные номера»: интервью Энди Уотсона с К. У. Джетером в *PKDS Newsletter* #5, декабрь 1984 года. В моем интервью с Джетером в апреле 1986 года был установлен мотив, по которому ФКД посещал группу для получения рецептов.

«Страдания малых сих»: эссе ФКД *Cosmogony and Cosmology*, машинописная рукопись от 23 января 1978 года, в PKD Estate Archive.

«Только теперь»: «Экзегеза», 018 (1978). «Интеллектуальные лабиринты»: «Экзегеза», 022 (1978).

«Грех и зло»: «Экзегеза», 022 (1978).

«Все могло быть сделано»: интервью автора с Расселом Галеном, июнь 1986 года. «Гален указывает верный путь»: письмо ФКД к Расселу Галену от 29 ноября 1978 года.

«Объединяя сюжеты»: письмо ФКД к Клаудии Буш от 25 февраля 1975 года, теперь в «Экзегезе», 004 (1974–1975). «Два Брейди»: письмо ФКД к Роберту Оренштейну от 4 марта 1975

года, теперь в «Экзегезе», 005 (1975–1976).

«Роман должен быть написан»: «Экзегеза», 021 (1978).

«Я – Жирный Лошадник»: первая глава «Валиса» (1981).

«Странные события истинны»: письмо ФКД к Джону от 5 марта 1979 года.

«Трактаты 7 и 9 открыты голосом ИскИна»: письмо ФКД к Кэрролл Джой от 12 февраля 1982 года. «Стилизованные персонажи»: интервью Энди Уотсона с К. У. Джетером в *PKDS Newsletter* #5, декабрь 1984 года.

ГЛАВА 12

Интервью автора

С Тимом Пауэрсом, март 1986 года.

С Николь Пантер, март 1986 года.

С Дэвидом Пиплзом, июль 1986 года.

Произведения ФКД и его письма

К Патриции Уоррик от 27 декабря 1980 года, от 12 января, 15 июля и 16 августа 1981 года.

К Дэвиду Хартвеллу от 21 мая и 14 июля 1981 года.

К Расселу Галену от 28 августа 1981 года.

К Виктории Шокет от 4 сентября 1981 года.

К Винсенту Эвансу от 6 сентября 1981 года.

К «Сьюзен» (вымышленное имя) от 4 ноября 1981 года.

К Шери от 26 декабря 1981 года.

Машинописные наброски к роману *Bishop Timothy Archer* (опубликован как «Трансмиграция Тимоти Арчера») в PKD Estate Archive.

Рецепты на лекарства из аптеки, из PKD Estate Archive.

Книги и статьи

Джеймс Ван Хайз, статья *Philip K. Dick on Blade Runner*, в журнале *Starlog*, февраль 1982 года.

Цитаты по тексту

«Недостаточно виделись друг с другом»: интервью автора с Изой Дик, февраль 1986 г.

«Воспоминания Лоры»: интервью автора с Лорой Коэльо, сентябрь 1986 года.

«Деньги»: интервью автора с Изой Дик, февраль 1986 года.

«Благие намерения»: интервью автора с Лорой Коэльо, сентябрь 1986 г. «Пренебрежение некоторыми сторонами жизни»: письмо ФКД к Лоре Коэльо от 27 мая 1979 года.

«Ночь понедельника»: эссе Тима Пауэрса *Some Random Notes on Valis and Philip K. Dick's Mystical Experiences* в *PKDS Newsletter* #4, сентябрь 1986 года.

«Притча об иерархической расстановке»: «Экзегеза», 046 (1979).

«Визит Галена»: интервью автора с Расселом Галеном, июнь 1986 года.

«Единственное, что отделяет его»: рассказ «Нечаянные воспоминания о смерти» из сборника рассказов *I Hope I Shall Arrive Soon* (Doubleday, 1985 года.).

«Предполагаемый новый роман»: напечатанный на восьмидесяти страницах синопсис романа *The Acts of Paul*, датированный 30 января 1980 года, в PKD Estate Archive.

«Не был отшельником»: интервью автора с Тимом Пауэрсом, март 1986 года.

«Привести друга в больницу»: интервью Дж. Б. Рейнольдса и Энди Уотсона с Тимом Пауэрсом и Джеймсом Блэйлоком в *PKDS Newsletter* #8, сентябрь 1985 года.

«Сон ФКД»: интервью Гэри Пантера с ФКД в журнале *Slash*, Vol. 3, No. 5 (1980).

«Дружба с Николь Пантер»: интервью автора с Николь Пантер, март 1986 года.

«Без разницы, на какие препараты выписывают рецепты»: интервью автора с К. У. Джетером, май 1986 года.

«Обретение внутренней веры»: там же.

«Назвар Флегборн»: машинописный набросок сюжета ФКД для романа *Fawn, Look Back*, датированный 24 августа 1980 года, в PKD Estate Archive.

«Прямая связь с божественным»: Джордж Кэйн и Дана Лонго, *Philip K. Dick: Confessions of an SF Artist*, интервью в *Denver Clarion*, 23 сентября 1980 года.

«Богоявление 17 ноября»: «Экзегеза», 001 (1980).

«Адская работа, титульный лист, новое начинание»: там же.

«Толстый старик»: интервью автора с Крисом Ареной, март 1986 года.

«Творческий чувак, всегда дома, советы по поводу женщин»:

интервью автора с Хуаном и Сью Перес, март 1986 года.

«ФКД о «Чужом»: эссе ФКД *Universe Makers… and Breakers* для журнала *SelecTV Guide*, февраль-март 1981 г.

«ФКД о комментариях Ле Гуин»: письмо ФКД редактору от 20 февраля 1980 года; опубликовано в фэнзине *Science Fiction Review*, лето 1981 года.

«Ле Гуин о ФКД»: интервью автора с Урсулой Ле Гуин, июль 1986 года.

«Никогда не подводил черту, Жирный Лошадник, роман как подтверждение»: ФКД в *Science Fiction Review*.

«ФКД о себе и Ле Гуин»: «Экзегеза», 016 (1978).

«Неадекватное изображение женщин»: письмо ФКД к Расселу Галену от 29 июня 1981 года. «Самый счастливый момент»: письмо ФКД к Урсуле Ле Гуин от 13 мая 1981 года.

«Воспоминания Хартвелла»: интервью автора с Дэвидом Хартвеллом, июнь 1986 года.

«Переговоры»: интервью автора с Расселом Галеном, июнь 1986 года. «На всю жизнь»: Джон Бунстра, статья *TZ Interview: Philip K. Dick* в журнале *Rod Serling's The Twilight Zone Magazine*, июнь 1982 года.

«Духовные устремления»: «Экзегеза», 079 (1981). «Заколдованный»: «Экзегеза», 080 (1981).

«Энджел Арчер о Тимоти Арчере»: из «Трансмиграции Тимоти Арчера» (1982).

«Когда Бог смотрит на меня»: «Экзегеза», 081 (1981). «Реалистическая» трагедия»: письмо ФКД к Расселу Галену от 29 июня 1981 года.

«Пытаясь сказать»: интервью автора с Расселом Галеном, июнь 1986 года. (упомянуто письмо Галена к ФКД от 15 июля 1981 года, копия в PKD Estate Archive).

«Продолжает писать НФ»: письмо ФКД к Расселу Галену от 1 августа 1981 года. «Дитеон»: «Экзегеза», 091 (1981).

«Кем человек приходится андроиду»: письмо ФКД к Патриции Уоррик от 15 июля 1981 года.

«ФКД о *The Owl in Daylight*»: интервью Гвен Ли с ФКД, февраль 1982 года. (магнитофонная запись этого интервью Ли любезно предоставила автору, откуда он и выписал цитаты).

«Откусил больше лжи, чем может прожевать»: письмо ФКД к Винсенту Эвансу от 6 сентября 1981 года.

«Врезаясь на автомобиле»: письмо ФКД к Виктории Шокет от 4 сентября 1981 года.

«Заключительное утверждение о гиперструктуре»: письмо ФКД к Расселу Галену от 11 сентября 1981 года.

«Время, которое вы ждали, больше чем информация»: письмо

ФКД к Расселу Галену от 19 сентября 1981 года.

«Тагор»: письмо ФКД к Эду Мескису, редактору фэнзина *Niekas*, от 23 сентября 1981 года.

«Боялся, что я рехнулся»: «Экзегеза», 090 (1981).

«Воспоминания Сэндоу»: интервью автора с Грегом Сэндоу, август 1987 года.

«Что Бог хочет от меня»: «Экзегеза», 062 (1981).

«Рецензия в *Venom*»: письмо ФКД в фэнзин *Venom* от 29 сентября 1981 года.

«Чек на 20 тысяч долларов»: интервью автора с Джеймсом Блэйлоком, март 1986 г. «Все еще помню ту ночь»: письмо ФКД к «Сьюзен» (вымышленное имя) от 10 ноября 1981 года.

«Опасается за посылку»: письмо ФКД к «Сьюзен» от 9 ноября 1981 года.

«Океанический ужас, в поисках матери»: машинописные страницы дневника ФКД, 13 ноября 1981 года. «Реинтегрированная реальность»: письмо Фкд к «Кейт» (вымышленное имя) от 28 декабрч 1981 года. «Влюбленный в писательство»: письмо ФКД к Шери от 26 декабря 1981 года.

«Партнерство, ее нежелание»: интервью автора с Мэри Уилсон, март 1986 года. «Почему не все люди спасены»: письмо ФКД к Изе Дик от 26 декабря 1981 года.

«ФКД убеждал ее»: письмо Тессы Дик к автору от 21 июля 1986 года.

«Центральная доктрина»: письмо ФКД в журнал *Childworld* от 12 февраля 1982 года. «Фил сомневается»: Грегг Рикман, *Philip K. Dick: The Last Testament* (1985).

«Даже если ты не уверен»: интервью автора с Мэри Уилсон, март 1986 года. «Внутренняя сила»: «Экзегеза», 057 (1982).

«Подталкивая свой мозг к пределу его возможностей»: интервью Гвен Ли с ФКД, февраль 1982 года.

«Телефонный звонок Спатсу»: интервью автора с Барри Спатсом, март 1986 года. «Обнаружен без сознания»: интервью автора с Хуаном и Сью Перес, март 1986 года.

notes

Примечания

1

Названия произведений, не издававшихся на русском языке, даются на языке оригинала (здесь и далее – примечания редактора, примечания автора см. в главе «Источники и примечания»).

2

Фильм «Помутнение» режиссера Ричарда Линклейтера, с Киану Ривзом, Робертом Дауни-младшим и Вайноной Райдер в главных ролях, вышел в 2006 году.

3

The Daily Show – американская телепрограмма, представляющая собой политическую сатиру и пародию на телевизионные новости. Неоднократно награждена премией «Эмми».

4

Ежегодная международная премия за вклад в радио и телевидение. Впервые была вручена в 1941 году.

5

Речь идет о романе «Моби Дик, или Белый Кит» (1851) знаменитого американского писателя Германа Мелвилла (1819–1891).

6

Stirring Science Stories – американский журнал фантастики, издававшийся в 1941–1942 годах под редакцией Дональда Уоллхейма. Авторы – Айзек Азимов, Джеймс Блиш, Кларк Эштон Смит, Роберт Говард и др.

7

Людвиг Бинсвангер (1881–1966) – крупнейший швейцарский психолог и психиатр, основоположник экзистенциального психоанализа; *Dasein* (*нем.*) – «бытие-в-мире» – философский термин выдающегося немецкого мыслителя Мартина Хайдеггера (1889–1976).

8

Уильям Сьюард Берроуз (1914–1997) – американский писатель, яркий представитель бит-поколения.

9

Джеймс Томас Фаррелл (1904–1979) – известный американский писатель левого толка (не следует путать с ирландским писателем Джеймсом Гордоном Фарреллом).

10

Филип Милтон Рот (1933–2018) – весьма популярный и дипломированный американский писатель.

11

Американское издательство, специализировавшееся на издании фантастики (с 1953 г.). С 1973 г. утратило свое независимое существование, став подразделением других издательств.

12

Знаменитый трактат (1427) немецкого католического богослова и мистика Фомы Кемпийского (1380–1471).

13

Перевод с испанского Е. Лысенко//Борхес Х. Л. Соч.: В 3 т. Т. 1. Рига, 1994. С. 295.

14

Exegesis.

«О моей жизни» (*лат.*).

16

Выдержки из «Экзегезы» были изданы Сутиным в книге In *Pursuit of VALIS: Selections from the Exegesis* (1991). Позднее Джонатаном Летемом был издан и сам корпус «Экзегезы» (*The Exegesis of Philip K. Dick*, 2011).

17

Это, собственно, и есть февраль – март 1974 г.

18

Джеймс, Уильям (1842–1910) – выдающийся американский философ и психолог, основоположник прагматизма.

19

Капсулы с секобарбиталом – весьма сильным снотворным.

20

Калифорнийская винодельческая компания по производству элитных вин.

21

Примерно 1850 г.

22

Примерно 1590 г.

23

Мой грех (*лат.*).

24

Экранизация (1930, режиссер Льюис Майлстоун) одноименного знаменитого романа (1929) немецкого писателя Эриха Марии Ремарка (1898–1970).

25

Намек на Ильзу Кох, жену штандартенфюрера СС Карла Коха, коменданта концлагерей Бухенвальд и Майданек. Обвинялась в изготовлении из кожи заключенных абажуров, книжных переплетов и т. д. Карл был казнен СС за коррупцию и убийства, Ильзу же нацисты оправдали. Она покончила с собой после войны, в тюрьме. Вот с кем сравнивал свою мать ФКД.

26

Сизигия (*здесь*) – психологический термин, обозначающий любую комплементарную пару противоположностей как в состоянии объединения, так и в состоянии оппозиции; наиболее универсальная сизигия – это «мужское – женское», Ян и Инь.

27

В оригинале – «g’acious».

28

Бихевиоризм (от *англ.* behavior – поведение) – направление в американской психологии XX века, отрицающее сознание как предмет психологического исследования и сводящее психику к формам поведения, которое представлялось совокупностью реакций организма на стимулы внешней среды. Представители: Д. Уотсон, А. Вейс, У. Хантер, К. Лешли и др.

29

Совершенно не ядовитая, хотя и хищная, рептилия из подсемейства ужей.

30

На русском языке недавно переиздан в сборнике «Электрические сны Филипа К. Дика».

31

Первое произведение Дика, опубликованное в СССР (журнал «Огонек», 1958 год).

32

Одноэкранный кинотеатр в районе Кливленд-парк, Вашингтон. Был открыт в 1936 году, а не в 1935-м, как в рассказе Дика.

33

Чрезвычайно популярный фильм (1930) режиссера Говарда Хьюза про военных летчиков.

34

«C» (*Creditable*) – «Похвально», что примерно соответствует нашей тройке с плюсом. Оценки в американских школах буквенные; самая высшая «O» (*Outland*) – «Запредельно» (5+); самая низшая – «F» (*Fall*) – «Провал» (2).

35

В медитативной практике дзен-буддизма – состояние внутреннего переживания истинной природы человека и просветление.

36

Подлинное имя Будды.

37

Излюбленная американцами сладость, производившаяся с 1847 года в Новой Англии фирмой «Некко».

38

Уильям Рендольф Херст (1863–1951) – крупнейший американский газетный издатель; в своих изданиях делал деньги преимущественно на сплетнях и сенсациях.

39

См. роман «Убик», гл. 3.

40

Джеймз Стивенз (1880–1950) – чрезвычайно своеобразный поэт и писатель, в творчестве которого смешаны философия и ирландский фольклор, гротеск и абсурд.

41

Окказионализм, сочетающий собственно название города и берсерка – свирепого, неистового и неуязвимого скандинавского воина. Так город называли в период наивысшего радикализма в США.

42

В оригинале – *importen*.

43

«Бак Роджерс» – 12-серийный фильм, основанный на комиксах и начавший выходить с 1939 года. В нем речь идет о головокружительных приключениях лейтенанта Энтони «Бака» Роджерса (его играет Бастер Крэбб), и там затронута тема освоения космоса.

44

Франклин Делано Рузвельт.

45

Герман Роршах (1884–1922) – швейцарский психолог, разработавший систему тестов («пятна Роршаха»), в которых использовал таблицы (точнее, 10 таблиц) с вертикально симметричными чернильными кляксами. Толкование этих «рисунков» пациентом позволяло оценить его психико-эмоциональное состояние.

46

Психодиагностическая методика, разработанная в Гарвардском университете психологами Генри Мюрреем и Кристианой Морган в 1930-х годах. Представляет собой ряд картинок, изображающих людей в разных бытовых ситуациях. Направлена на выявление эмоциональных побуждений, комплексов, воображения и т. д.

47

Циклотрон лаборатории Беркли. Первая модель создана Э. Лоуренсом в 1930 году.

48

Рубен Люциус Голдберг (1883–1970) – знаменитый американский карикатурист, инженер, изобретатель; особой популярностью пользовалась так называемая «машина Руба Голдберга», представлявшая собой громоздкое и очень сложное сооружение, предназначенное для выполнения простейших функций, например передвижения ложки от тарелки до рта.

49

Фонограф, выпускавшийся в первой половине XX века на американской фирме Victor.

50

Юмористический журнал со смелыми для своей эпохи шутками и темами.

51

Опубликован в 1994 году.

52

Вымышленный персонаж, придуманный в 1921 году Брюсом Бартоном для рекламирования пищи. Популярность «ее» рецептов и поваренных книг была неимоверной.

53

С похвалой (*лат.*).

54

Astounding Stories – один из самых влиятельных журналов научной фантастики. Издается с 1930 года по настоящее время (уже под названием *Analog*). В 1953 году в нем будет опубликован и рассказ Дика «Самозванец».

55

«Magnavox» (громкий голос – *лат.*) – американская компания, с 1917 года производившая бытовую технику. В данном случае речь идет о проигрывателе.

Здесь: самооценка (*фр.*).

57

Генри Эгард Уоллес (1888–1965) – американский политический деятель. Продолжал политический курс Ф. Д. Рузвельта. В 1948 году выдвинул свою кандидатуру на пост президента, но потерпел поражение и отошел от политики.

58

Чарльз Райт Миллс (1916–1962) – популярный американский социолог леворадикального толка.

59

Марио Савио (1942–1996) – американский леворадикальный общественный деятель, борец за права человека, ключевая фигура Свободного движения в Беркли.

60

Герхард Хюш (1901–1984) – один из самых знаменитых немецких оперных певцов XX века. Обладал лирическим баритоном; выступал на сценах Берлина, Вены, Лондона, Милана.

61

Древнегреческая торжественная хоровая песня, первоначально посвященная Аполлону.

62

Американская компания, существующая с 1892 года и производящая электро- и радиоприборы.

63

Здесь: бренд швейцарских часов класса люкс, производимых с 1865 года.

64

Роберт Данкен (1919–1988) – американский поэт, гомосексуалист, весьма влиятельный благодаря своим социально-ироническим текстам и организации забавных студенческих демонстраций.

65

Джек Лестер Спайсер (1925–1965) – популярный среди университетской богемы в Беркли поэт. Поклонник Рембо и Лорки – не столько из-за их таланта, сколько из-за гомосексуальных наклонностей. Организатор поэтических фестивалей, которые всерьез пробудили интерес к поэзии в США и были названы «Ренессансом Сан-Франциско».

66

Игорь Кипнис (1930–2002) – виртуозный американский клавесинист, пианист и дирижер.

67

Эдна Сент-Винсент Миллэй (1892–1950) – известная американская поэтесса; писала свои эссе под псевдонимом «Нэнси Бойд»; третья из женщин-лауреатов Пулитцеровской премии по литературе (1923). Убежденная феминистка и достойная пацифистка.

68

Уильям Сомерсет Моэм (1874–1965) – всемирно известный английский писатель; был бисексуален, хотя и печалился по этому поводу – при всех его многочисленных здоровых семейных радостях.

69

Эдвард Эстлин Каммингс (e. e.cummings – именно так он себя позиционировал) (1894–1962) – американский поэт, прозаик, драматург, художник. Одна из самых выдающихся фигур в мировой литературе XX века, в чьем творчестве органично сочетались авангард и классика.

70

Скорее всего: «Ад», песнь 21.

71

«Потерянное поколение» – понятие, введенное в обиход американской писательницей Гертрудой Стайн (1874–1946), обозначавшее поколение, пришедшее в литературу между двумя мировыми войнами. Это понятие отразилось на творчестве таких выдающихся писателей, как Э. Хемингуэй, Э.-М. Ремарк, Л.-Ф. Селин, А. Барбюс, Р. Олдингтон, Ф. Скотт Фицджеральд, Т. Вулф и мн. др. Причиной потерянности явилось то, что бывшие юноши-фронтовики, не будучи в силах приспособиться к мирной жизни, оказывались отщепенцами и нередко от отчаяния спивались, сходили с ума, кончали с собой.

72

Американское детское телевизионное шоу, которое пользовалось популярностью и среди взрослых Его постоянные участники – куклы Кукла (в оригинале – русское слово) и Олли (обе они изготовлены и озвучены Берром Тиллстромом) и актриса Фрэн Эллисон. Шоу существовало с 1947 по 1957 год.

73

Дитрих Букстехуде (1637–1707) – датско-немецкий органист, один из крупнейших композиторов эпохи барокко.

74

В оригинале: ROTC (Reserve Officers' Training Corps) – служба подготовки офицеров резерва.

Первое издание вышло в США в 1994 г.

Здесь: любовный треугольник (*фр.*).

Богема (*фр.*).

78

Марлайс Томас Дилан (1914–1953) – выдающийся валлийский поэт, прозаик, драматург.

79

Литературное агентство (Scott Meredith Literary Agency), основано в 1946 году Скоттом Мередитом (1923–1993). Среди клиентов были такие писатели, как П. Вудхаус, Н. Мейлер, А. Кларк, Дж. Баллард.

80

Болезненное состояние психики, когда человек переносит на других и приписывает им свои собственные недостатки и фобии.

81

Перевод Б. Александрова.

См. Библию. Книга пророка Даниила, 1: 6, 7.

83

Образ жизни (*лат.*).

84

Моисей Маймонид (*евр.* Моше бен Маймон) (1135–1204) – выдающийся средневековый еврейский мыслитель. Толкуя Священное Писание, сочетал традиции Аристотеля и арабских философов. Оказал сильное влияние на развитие европейской схоластики.

85

Оригинально вышеназванный трактат вышел в Египте в 1190 г. и был написан на арабском языке.

86

Вильгельм Райх (1897–1957) – австрийский и американский психолог, в своих воззрениях сочетавший радикальные крайности учений Маркса и Фрейда. Выступал в качестве практикующего психоаналитика, врача и философа. Помимо выступлений за отмену репрессивной морали и интенсивное сексуальное просвещение, он создал теорию «оргонической энергии», то есть некоей универсальной энергии жизни, которой человек может управлять с помощью особой, придуманной Райхом камеры («ящика»). «Оргонным генератором», например, активно пользовался Уильям Берроуз. К науке, как и к медицине, это имеет весьма далекое отношение. Трагическая гибель Райха и последующее уничтожение агентами ФБР его архивов породили ряд теорий заговора.

87

Дианетика – псевдонаучное «учение» об очищении разума, разработанное писателем-фантастом и мошенником Лафайетом Рональдом Хаббардом (1911–1986). Также он организовал учение и секту – Церковь сайентологии, «запрещенную на территории РФ». Дианетикой увлекались целый ряд видных писателей-фантастов – Альфред Ван Вогт, Альгис Будрис и Джон Кэмпбелл.

88

Харлан Эллисон (1934–2018) – один из самых оригинальных американских фантастов, писавший исключительно «малую» прозу.

89

Натанаэль Уэст (Натан Ванштайн) (1903–1940) – американский писатель из семьи русско-еврейских эмигрантов, ставший популярным посмертно.

90

Джозеф Реймонд Маккарти (1908–1957) – американский сенатор от партии республиканцев. «Прославился» своими истерическими нападками на всех «инакомыслящих» (особенно – людей идеологически «левого» толка). Был весьма влиятелен. Термин «маккартизм» существует до сих пор. Очень многие люди пострадали из-за травли со стороны «маккартистов». Это одна из самых позорных строк в истории США.

91

Ворота перед входом в Калифорнийский университет в Беркли. В те годы, о которых идет речь, под этими воротами часто собиралась студенческая молодежь, и эти митинги были наивно-левого толка.

92

Free Speech Movement – массовое студенческое протестное движение, начатое в 1964 году в Калифорнийском университете Беркли под руководством аспиранта Марио Савио. Главной идеей движения было гражданское неповиновение, связанное, в первую очередь, с вьетнамской войной.

93

Уильям Кларк Стайрон (1925–2006) – известный американский писатель. Обозначенный в тексте первый его роман (1951) с его пронзительно драматичным сюжетом принес автору известность. Более поздние произведения не разочаровали читателя.

94

Бернард Маламуд (1914–1986) – талантливый американский писатель русско-еврейского происхождения. В еврейской (преимущественно) тематике его произведений переплетаются фантастика, гротеск и трагичность.

95

Сигрид де Лима (Лайма) (1921–1999) – американская писательница с мексиканскими корнями.

Автор получает роялти – определенный процент от продажи каждого экземпляра книги. Часть суммы выплачивается в виде аванса, до издания и продаж. Так что возможна ситуация, когда у книги небольшие продажи, автор получает из-за этого небольшие роялти, и они даже не выходят за пределы выданного аванса. В иных случаях книга «выходит на роялти», и после покрытия аванса автор начинает получать роялти – проценты с книг, продающихся в дальнейшем.

97

Дэйвид Юм (1711–1776) – выдающийся шотландско-английский философ-агностик. В его теории познания ставится под сомнение реальность самих предметов, поэтому он исследует собственно впечатления, а не объекты. Причинно-следственную связь он также считал недоказуемой.

98

Джордж Беркли (1685–1753) – крупнейший ирландско-английский философ-идеалист. С 1734 года епископ в Клойне (Ирландия). Вещи, по Беркли, представляли собой лишь совокупность отдельных ощущений. Отвергая бытие материи, Беркли признавал существование только духовного бытия.

99

Иммануил Кант (1724–1804) – великий немецкий философ. В основе его философии лежит учение о «вещи в себе», которая окончательно не может быть познана, и о «явлении», то есть о том, как нам представляется эта «вещь». Познанием движут априорные («доопытные») категории, которые изначально присущи нашему сознанию и с помощью которых, однако, человеческий разум лишь «скользит по поверхности» «вещи», не будучи в состоянии ее полностью постичь.

Здесь: решающий, завершающий удар (*фр.*).

101

Сверхмощный протонный ускоритель.

102

Союз ветеранов Первой мировой войны, созданный в 1919 году.

103

В иудейской религиозной традиции – четырехбуквенное истинное и непроизносимое имя Бога (Яхве или Иегова).

104

«Баб» по-персидски означает «Врата», титул Сейида Али Мухаммада Ширази, основателя и пророка бабидской религии.

105

Жена главного героя, Леопольда Блума, в романе Джеймса Джойса (1882–1941) «Улисс» (1922). Своего рода воплощение супружеской неверности.

106

Александр Васильевич Топчиев (1907–1962) – советский химик, вице-президент АН СССР.

107

Этот Закон США вступил в силу в 1967 году.

108

Neurotica – достаточно известный в литературных кругах журнал битников.

109

Мемуары были опубликованы в 1995 году.

110

Намек на сталинское судопроизводство.

111

Здесь и ниже, где слово «бог» начинается со строчной буквы, – инициатива исключительно ФКД.

112

«На дороге» (1957) – роман Джека Керуака (1922–1969), которого называли «королем битников».

113

Гэри Шерман Снайдер (р. 1930) – поэт, эссеист, один из представителей «Ренессанса Сан-Франциско»; яркий выразитель идей битников.

114

Роберт Данкен (1919–1988) – поэт, драматург, также причислявшийся к движению битников.

115

Книга стихов Алана Александра Милна (1882–1956), автора «Винни-Пуха».

116

Семоксидрин (метамфетамина гидрохлорид) – психостимулятор, применялся как антидепрессант. С 1971 года, согласно Конвенции ООН о психотропных веществах, находится в списке Управления по борьбе с наркотиками США.

117

Хинидин – экстракт коры хинного дерева, применявшийся при аритмии.

118

Около четырех литров.

119

Красное сухое калифорнийское вино, 13,5 %. Производитель «Буэна Виста» из округа Сонома, сорт винограда – Зинфандель.

120

Или «бентам»; карликовая порода декоративных кур; родом из Индонезии.

121

Лошадь была породы American Quarter Horse. Старейшая порода скаковых лошадей США, выведена в 1660 году. Название связано с победами в беге на дистанции в четверть мили.

Также ФКД любил сигары «Антоний и Клеопатра».

123

«Буря и натиск» – предромантическое литературное направление в Германии конца XVIII века. Названием обязано одноименной пьесе Фридриха Максимилиана Клингера (1752–1831). К этому литературному направлению, в частности, примыкали Гёте и Шиллер.

124

Одно из крупнейших американских издательств, основанное в 1919 году. Публиковали Вирджинию Вульф, Т. С. Элиота, Синклера Льюиса, Гюнтера Грасса.

125

City Lights Bookshop – легендарный независимый книжный магазин (и издательство), основанный в 1953 году.

126

Адель Дэвис (1904–1974) – американский диетолог. Ее книги о «здоровом питании» были чрезвычайно популярны, но, мягко выражаясь, спорны.

127

Понятно, что никакой Севильи в Калифорнии нет. Здесь вполне понятная контаминация.

128

Гештальт (Gestalt – образ, форма (*нем.*)) – термин психологии, обозначающий функциональную структуру, которая по присущим ей законам упорядочивает многообразие отдельных явлений.

129

Заболевание, вызванное спастическим сокращением мышц привратника желудка. Может быть вызвано стрессом, неправильной диетой, кофеином, никотином.

130

Небольшой комнатный клавишный инструмент, напоминающий клавесин.

131

Диссоциативная фуга – патология психики когнитивного типа, характеризующаяся внезапной потерей памяти пациента о своем происхождении и прошлом.

132

У христиан – день поминовения распятия Христова; отмечается, естественно, накануне Пасхи.

133

Св. Христофор, ханаанеянин гигантских размеров, который получил это имя («несущий Христа») от самого Иисуса. По легенде, перенес младенца Иисуса через бурный поток (символизировавший переход из одной формы жизни в другую), и это несмотря на то, что жил он в III веке, когда Иисус преимущественно находился уже в другом месте. Очень почитаем в христианском мире, особенно католиками. Медалей и медальонов с его изображением множество. Часто изображается с головой пса.

134

The Grasshopper Lies Heavy – полностью доверяя автору данной биографии, мы в виде заглавия «внутреннего» романа приводим цитату именно из этой ветхозаветной книги (Экклезиаст 12, 5), хотя в английских переводах Библии эти слова звучат несколько иначе. В то же время есть вариант перевода Г. Корчагина и И. Петрушкина (Л., 1992. С. 444), в котором с той же целью используется совершенно другая библейская цитата, несущая совершенно иной смысл («Из дыма вышла саранча», Откровение 9, 3).

135

Уорд Мур (1903–1978) – американский писатель, известный своими сатирико-фантастическими произведениями.

136

Рексфорд Гай Тагуэлл (1891–1979) – американский экономист и политик, какое-то время работавший в администрации Ф. Д. Рузвельта.

«Сверхчеловеки» (*нем.*).

Здесь: замкнутый в себе человек (*нем.*).

139

Следующий мир (*нем.*).

140

«Dies irae» (*лат.*). Несколько видоизмененное начало средневекового церковного гимна (XIII в.): «Dies irae, dies illa» («Тот день, день гнева») – в основе которого лежит библейское Пророчество Софонии (1, 15).

141

Трифлуоперазин. Нейролептик и антипсихотик. Эффективен при шизофрении.

142

Милосердие (*лат.*).

82 с небольшим градуса по Цельсию.

144

Читается: «Кэнди» – леденец (*англ.*).

145

Chew по-английски значит «жевать»; однако здесь существует еще одна смысловая коннотация: название этого снадобья созвучно выражению «choose it», то есть «выбери это».

146

Грания Дэвис (1943–2017) – редактор, автор романов и рассказов. Лауреат премий «Небьюла» и «Локус».

Повесть позднее была снова переработана, в роман «Обман инкорпорэйтед», который вышел посмертно в 1983 году.

148

Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955) – выдающийся испанский философ. Приведенная в тексте мысль выражена в его знаменитом труде «Восстание масс» (1929).

149

«Фамилия» «героя» может быть переведена как «полное ничтожество» (впрочем, в оригинале тоже не два, а три слога, разве что две основы); вторая «фамилия» действительно на английском языке состоит из одного слога и может быть переведена как «угрюмый, мрачный».

150

«Агнец Божий, искупающий прегрешения мира…» (*лат.*) – слова из католической литургии, обращенной к Иисусу Христу.

151

«Избави меня, Господи, от смерти вечной!» (*лат.*) – начальный стих католического реквиема.

152

Одна из характеристик монады в книге выдающегося немецкого мыслителя Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1716) «Монадология» (1714). Монада – «бестелесная простая субстанция», «истинный атом природы», которая играет всеобщую смысло- и формообразующую роль.

153

Уильям Батлер Йейтс (1865–1939) – ирландский поэт и драматург; одна из крупнейших фигур в мировой поэзии XX века.

154

Тит Лукреций Кар (первая половина первого века до н. э.) – выдающийся римский поэт-мыслитель. Главный труд – философско-поэтический трактат «О природе вещей», написанный в стихах. Кстати, последователь Эпикура – с его жизнерадостностью и торжественным «материализмом».

155

Еврипид (ок. 479–407 или 406 до н. э.) – величайший греческий драматург-трагик. Лирических произведений, судя по всему, не писал, но его поэтический гений отразился в пьесах.

156

Эдмунд Спенсер (1552–1599) – английский поэт, один из ярчайших представителей раннего английского Возрождения.

157

Франц Петер Шуберт (1797–1828) – австрийский композитор, один из основоположников романтизма в музыке; особо популярны его песенные циклы. «Die Winterreise» – «Зимний путь» (*нем.*) – второй (после «Прекрасной мельничихи») песенный цикл Шуберта, состоящий из 24 произведений.

158

Уильям Блейк (1757–1827) – английский поэт и художник; автор ряда визионерских «пророческих» поэм, среди которых «Бракосочетание Рая и Ада» (около 1790), куда входят упомянутые «Пословицы Ада».

С 1972 года он называется Университет штата Калифорния в Сан-Хосе.

160

Марка нюхательного табака *Dean Swift*, названная по имени Джонатана Свифта (1667–1745), который действительно был деканом (настоятелем) собора Св. Патрика в Дублине.

161

Д. А. Пайк, «Диалог с потусторонним миром» (М., Крон-Пресс, 1998).

162

«Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся», 1-е послание к коринфянам 15:51.

163

«Свитки Мертвого моря», или «Кумранские рукописи», обнаружены в 1947 году в Иудейской пустыне. Содержат библейские и (преимущественно) апокрифические тексты, написанные с середины третьего века до н. э. по 68 год н. э. и излагавшие учение и принципы иудеохристианской секты ессеев.

164

Альфред Жарри (1873–1907) – французский писатель, весьма колоритная и провокационная фигура в литературе рубежа веков. Оказал сильное влияние на сюрреалистов. Здесь имеется в виду его гротескная трилогия о короле Убю (1896–1900) и не менее непристойно-уморительная книга «Деяния и мнения доктора Фаустроля, патафизика» (1898).

165

Скрытый Бог (*лат.*).

166

High speed – возможный намек на «кайф» и на «спиды», т. е. амфетамины.

167

Конфронтационная терапия – одна из практик поведенческой психотерапии, используемая при борьбе с фобиями и тревожными расстройствами. Заключается в столкновении с ситуациями и объектами, являющимися источником страхов.

168

Чуть менее 320 кг.

169

То есть полицейская машина, а возможно (скорее всего), катафалк.

170

Дух времени (*нем.*). Возможно, автор употребляет это слово в связи с особой любовью ФКД к немецким мыслителям, в частности, к Вильгельму Дильтею (1833–1911), который обозначил этим «термином» эпоху романтизма как своего рода «общественное настроение» того давнего периода.

171

Тимоти Лири (1920–1996) – психолог, писатель, проповедник использования ЛСД. Человек, серьезно повлиявший на «психоделическую» культуру 1960–1970-х годов.

172

Конвент писателей-фантастов, проводимый на берегу Залива («Вау») в Сан-Франциско.

173

Тетрагидроканнабинол – содержится в соцветиях и листьях конопли; обладает, помимо прочего, психоактивным действием.

174

Фенциклидин (*по-английски* – PCP) – синтетический препарат для внутривенного наркоза; с 1979 года запрещен к производству.

175

Мескалин – психоделик. Содержится в галлюциногенных кактусах, но может быть синтезирован искусственно. С мескалином экспериментировали такие писатели, как Эрнст Юнгер, Олдос Хаксли и Станислав Лем.

176

Партия чернокожих американцев, основанная в Окленде (Калифорния) и весьма широко распространившаяся по США и за их пределами. Выступая за равные права темнокожих граждан, эта партия в своей идеологии не чурается «черного» национализма, экстремизма и агрессивности. Таким образом, намек Дика вполне прозрачен.

177

Перевод В. Баканова.

178

«Grateful Dead» («Благодарный мертвец» (*англ.*)) – культовая американская рок-группа, основанная в 1965 году в Сан-Франциско. Манера их песен весьма эклектична, но доминирует психоделика. Один из символов 60-х и эпохи хиппи.

179

Джавахарлал Неру (1889–1964) – видный индийский политический деятель. Пиджак, носящий его имя, – это, по существу, упрощенная модель традиционного индийского аристократического полупальто шервани.

180

Здесь и далее в книге используются вымышленные имена в случае, когда некто представлен по первому имени в кавычках (*примеч. авт*).

181

«Raid» – популярный инсектицид.

Reflections of the Future (Grin and Co, 1975), под редакцией Рассела Хилла.

183

Перевод приблизительный. В оригинале «a bibbity-boppity», на самом деле «bibbity-bobbity-bo» – это рефрен песенки феи-крестной из диснеевского мультфильма «Золушка» (1950), которую та поет в процессе знаменитых превращений.

The Evolution of a Vital Love (первое журнальное издание в фэнзине в мае 1975 года, первое книжное издание в сборнике *The Dark Haired Girl* в 1988 году).

185

Мексиканская свернутая маисовая лепешка с начинкой из мяса, сыра и овощей.

186

В одном из своих писем Полу Уильямсу ФКД сообщает, что его пистолет был позднее изъят у боевика «Черных пантер».

187

Экстремистская ультраправая организация, ставящая себе целью борьбу с коммунистами и хиппи.

188

Дорис Элейн Саутер – подруга ФКД (см. далее), соавтор книги *What If Our World Is Their Heaven? The Final Conversations of Philip K. Dick* (The Overlook Press, 2000).

189

The Manchurian Candidate – политический триллер Джона Франкенхаймера 1962 года с Фрэнком Синатрой в главной роли. Экранизация одноименного романа Ричарда Кондона.

190

Vancouver SF Convention или V–Con – конвент, проводимый с 1971 года в Ванкувере, Канада.

191

The Android and the Human (1972). Первая книжная публикация в сборнике *The Dark Haired Girl* в 1988 году.

Опубликована в одноименном сборнике в 1988 году.

193

Частный детектив, «сквозной» персонаж ряда произведений Дэшила Хэммета (1894–961).

Здесь: самое лучшее, самое ловкое (*фр.*).

195

Center Point – открытый в 1969 году реабилитационный центр и ряд клиник в округе Марин. Сейчас спектр оказываемой помощи расширен (СПИД, ПТСР и т. п.).

Что еще интереснее, они учились вместе в школе в Беркли, но были незнакомы.

197

Автор намекает на Мир гробниц Мерсера из «Мечтают ли андроиды об электроовцах?».

+1604–872–3311.

199

Nada – ничего (*исп.*).

200

Линда Сьюзен Мария Ронстадт (р. 1946) – американская певица, автор и исполнитель кантри-рок музыки, чрезвычайно популярная во второй половине XX века; обладала яркой и красивой внешностью и своеобразным тембром. Естественно, брюнетка.

201

Уильям Клод Дукенфилд (Филдс) (1880–1946) – знаменитый американский комический актер, писатель, автор забавных афоризмов.

202

Одна из самых значимых профессиональных наград в области фантастики. Присуждается ежегодно Американской ассоциацией писателей-фантастов начиная с 1965 года.

203

Les éditions OPTA (Office de Publicité Technique et Artistique) – французское издательство, специализирующееся на детективах и фантастике с 1933 года.

The Ruins of Earth: An Anthology of Stories of the Immediate Future (G. P. Putnam's Sons, 1971), под редакцией Томаса М. Диша (кроме рассказа ФКД, содержит произведения Курта Воннегута, Джеймса Балларда, Джина Вулфа и др.).

Billion Year Spree: the History of Science Fiction (Doubleday, 1973), расширенное издание Trillion Year Spree вышло в 1985 году.

Краковское издательство Wydawnictwo Literackie не могло провести лицензионные платежи в иностранной валюте, только в польских злотых, которые автор должен был получать лично, в кассе. Лем, как составитель серии и автор послесловия, Дику в этом помочь не мог.

207

Science Fiction Writers Association (SFWA), основана в 1965 году писателем и критиком Деймоном Найтом.

208

Это не опечатка. Дело в том, что в западноевропейской традиции персонифицированная Смерть – создание мужского пола (скорее, рода), что поддерживается нижеследующим текстом. Поэтому нам приходится прилагать к этому персонажу местоимение «он».

209

Многозначный термин; в самом общем смысле – связь (не слияние!) противоположностей.

210

Ричард Гэри Бротиган (1935–1984) – американский писатель и поэт, одна из знаковых фигур в контркультуре 1960–1970-х гг. Названный роман (1967) – одно из самых известных его произведений.

211

Джуди-Линн дель Рей (1943–1986) – легендарный редактор фантастики, жена писателя и редактора Лестера дель Рея. Основательница ведущего импринта Del Rey Books (издательство Ballantine). Лауреат премии «Хьюго» в номинации «Лучший профессиональный редактор».

212

Эффект световых кругов, возникающий при нажатии на глазное яблоко.

213

Прямая аллюзия на слова из 13-й главы (12-й стих) обозначенного Послания: «Теперь мы видим, как бы сквозь *тусклое* стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан».

214

В апреле 1973 года, в результате Уотергейтского скандала, министр юстиции Кляйндинст подаст в отставку.

Говор, жаргон (*фр.*).

216

Таймс-сквер – центральная площадь на Манхэттене в Нью-Йорке; расположена между 42-й и 47-й улицами (отсюда – «сороковые»).

217

Solar Shoe Salesman (вариант названия: *Solar Shoe-Salesman… Ph*l*p K. D*ck* (*Chipdip K. Kill*) – рассказ Джона Слейдека. Первое журнальное издание в мартовском выпуске *F&SF* за 1973 год.

«Год Чудес» (*лат.*).

219

Ежегодная литературная премия, вручающаяся с 1973 года лучшему англоязычному фантастическому произведению. В отличие от других премий, комитет жюри состоит из нескольких человек.

220

Тиопентал натрия, в мелких дозах используется как наркозный препарат при кратковременных хирургических операциях, в сверхдозах – в качестве смертельной инъекции. По словам Тессы, это был не пентотал, а доза «Перкодана», широко известного как «Оксикодон».

221

Другое название – пропоксифен, опиат, слабый наркотический анальгетик, близкий к метадону; применяется как обезболивающее. Запрещен в некоторых странах.

Препараты лития применяются для купирования маниакальных и гипоманиакальных фаз при биполярном (маниакально-депрессивном) расстройстве, а также для профилактики депрессий.

223

Симон Волхв – библейский и апокрифический персонаж, современник апостолов, маг, основатель гностицизма.

Orthomolecular Psychiatry: Vitamin Pills for Schizophrenics.

225

Международная Единица в фармакологии – единица измерения дозы вещества в зависимости от его биологической активности.

226

Красис (от *греч.* слова *krasis* – пропорция, смешение) – понятие древнегреческой медицины, отражающее зависимость состояния организма от смешения основных жидкостей («соков») – крови, слизи, желчи.

227

The Nixon Crowd. Письмо к Брюсу Гиллеспи от 1 сентября 1973 года. Позднее издано в его фэнзине (*SF-Commentary,* № 39, ноябрь 1973) и в фэнзине Пола Уильямса (*PKDS Newsletter,* № 17, апрель 1988).

228

В оригинале «*Vast Active Living Intelligence System*», что буквально переводится как «обширная активная живая разведывательная система».

229

Фомальгаут – самая яркая звезда в созвездии Южной Рыбы; Сириус, соответственно, – самая яркая звезда в созвездии Большого Пса; Альбемут – изобретение ФКД.

230

Гипнагогия – промежуточное состояние между сном и бодрствованием, часто сопровождается слуховыми, зрительными, тактильными и логическими галлюцинациями. Характеризуется сознательным восприятием образов из бессознательного. Не является психической патологией.

231

Дословный перевод: «Ты должен надеть шлепанцы,/Чтобы идти навстречу рассвету».

232

Иное название – хлорпромазин, или аминазин. Нейролептик антипсихотического и успокаивающего действия. Применяется при психозах, шизофрении и т. п. В общем, превращает человека в «овощ».

233

В английском языке применительно к животным (как и к неодушевленным предметам) употребляется местоимение «it». «He» и «she» («он» и «она») используются только для обозначения людей.

234

В оригинале все яснее и оскорбительнее – *Dogshit Books* и агент *Skim Morewithit*.

235

Леонардо Пизанский, по прозвищу Фибоначчи (1170 – ок. 1250) – крупнейший итальянский средневековый математик.

236

Жан-Пьер Горен (род. 1943) – французский кинорежиссер, сценарист и профессор. Ученик Фуко и Лакана. Представитель «новой волны» французского кинематографа. В середине 70-х преподавал в Калифорнийском университете в Сан-Диего.

237

Линетт Элис «Пискля» Фромм (р. 1948) – член «Семьи» Чарльза Мэнсона. После его ареста оставалась на свободе и в 1975 году совершила неудачное покушение на президента США Джеральда Форда.

Anthony Hiss «*Three Days in L.A.*». В статье, кстати, фигурируют имена двух новых котов Фила – Саша и Харви Уоллбангер.

Charles Platt *Dream Makers: The Uncommon People Who Write Science Fiction* (Berkley Books, 1980).

240

Височная эпилепсия (*Temporal lobe epilepsy*) – тип эпилепсии, приступы которой сопровождаются галлюцинациями и обманом восприятия без потери сознания. Может сопровождаться аурой в виде ясного ощущения дежавю или страха.

241

«Уже видел» (*фр.*) – ощущение, что происходящее с тобой сейчас, уже происходило в прошлом; и «никогда не видел» (*фр.*) – ощущение, что хорошо знакомое место или человек воспринимаются как совершенно неизвестные.

242

Уайлдер Грейвс Пенфилд (1891–1976) – выдающийся американско-канадский нейрохирург, занимавшийся преимущественно изучением эпилепсии. В «Андроидах», например, фигурирует бытовой прибор – «Орган настроения Пенфилда», – программирующий эмоции персонажей.

243

Св. Иоанн Креста (известен как Хуан де ла Крус, 1542–1591) – христианский мистик, католический святой, писатель и поэт.

244

Джулиана из английского города Норич (1341–1416) – мистик и богослов, первая женщина, написавшая книгу на английском языке («Шестнадцать откровений Божественной любви», ок. 1393), где рассказала о своих прозрениях и видениях. Чрезвычайно почитается как католиками, так и протестантами, хотя канонизирована не была.

245

Шепа Дордже Миларепа (1052–1135) – чрезвычайно популярный до сегодняшнего дня учитель тибетского буддизма и практикующий йог.

246

Вышедшее в 1974 году 15-е издание «Британской энциклопедии» в 28 томах.

247

Первое книжное издание в антологии *Science Fiction at Large: A Collection of Essays, by Various Hands, About the Interface Between Science Fiction and Reality* (Gollancz, 1976) под редакцией Питера Николса.

248

Арт Шпигельман – американский художник, в будущем лауреат Пулитцеровской премии за графический роман «Маус» (1986). В 1970-х годах занимается карикатурой и андеграундными комиксами. *Arcade: The Comics Revue* (1975–1976) – подпольный сборник комиксов, оказавший сильное влияние на последующие поколения художников и сценаристов, например на Алана Мура. В *Arcade* печатались Роберт Крамб, Уильям Берроуз, Чарльз Буковски.

249

Имеется в виду фантастический тематический парк «Tomorrowland» в Диснейленде, впервые открытый в 1955 году.

Ubik: The Screenplay (Corroboree, 1985).

251

Crawdaddy! – американский журнал, который выходит с 1966 года и является одним из первых журналов, посвященных рок-музыке и контркультуре, предшествуя таким изданиям, как *Rolling Stone*. Основатель – журналист и писатель Пол Уильямс (тот самый создатель фэнзина *PKDS Newsletter,* автор известного интервью с ФКД 1974 года, книги *Only Apparently Real: The World of Philip K. Dick* и душеприказчик Дика).

252

Гипотеза в психологии, в которой речь идет о том, что познавательная функция у человека была некогда раздельна: одна часть мозга являлась «говорящей», а другая «слушающей». Т. е. внутренний диалог воспринимался людьми в качестве внешних слуховых ощущений или галлюцинаций. Не было интроспекции и внутреннего мира сознания. Конец «двухпалатного ума» наступил в бронзовый век в связи с адаптацией и появлением субъективного сознания человека. Согласно этой теории, голоса богов, глоссолалия, расщепление личности и т. д. являются рудиментами «двухкамерности».

253

Имеется в виду Джеймс Босуэлл (1740–1795) – шотландский писатель и мемуарист, прославившийся двухтомной «Жизнью Сэмюэла Джонсона» [имеется в виду знаменитый английский литературный критик и поэт (1709–1784)], которая по сей день считается величайшей биографией на английском языке.

254

Слова «consummate» (превосходный, великолепный) и «Goddammit» (черт бы тебя подрал) звучат по-английски в рифму.

255

Епископальная церковь Пресвятого Таинства в городке Пласентия, восточнее Фуллертона, в северной части округа Ориндж. Построена в 1956 году.

Наперстянка содержит действующее лекарственное вещество – сердечный гликозид дигоксин, чрезвычайно токсичный в высоких дозах.

257

Популярный в 1970-е годы транквилизатор, один из первых препаратов этой группы. Не рекомендуется принимать с алкоголем.

258

«Кваалюд» – снотворное средство, содержащее метаквалон. В 1970-х годах часто употреблялся в качестве рекреационного «клубного» наркотика, наравне с кокаином.

259

Гипотензивный препарат, при передозировке мог вызвать сосудистый коллапс.

260

La noche oscura del alma, поэма ранее упомянутого Иоанна Креста.

261

Испанский квартал.

262

Альбом *Dragon Fly* (1974) группы «Джефферсон Старшип», новой инкарнации группы «Джефферсон Эйрплейн».

263

Епископальная церковь допускает ординацию – возведение женщин в духовный сан.

264

Первое издание перевода на англ. (Clarkson N. Potter Inc, 1964) книги *Méduse et compagnie* Роже Калуа.

Между собой они называли себя «Бандой вечера четверга» (The Thursday Night Gang).

266

Socialist Workers Party, SWP – американская коммунистическая партия, основанная в 1938 году, являлась секцией Четвертого интернационала, разделяла идеи Троцкого, поддерживала латиноамериканскую герилью, вела борьбу против войны во Вьетнаме.

267

Метод «нарезки» (cut-up) – художественный прием, впервые использованный Брайоном Гайсиным и популяризованный Уильямом Берроузом. Этим методом одно время пользовался, например, Дэвид Боуи.

268

Галлюцинации между сном и бодрствованием – при засыпании и пробуждении.

269

С 1986 года это Центр развития Сонома, госпиталь для пациентов с нарушениями развития. Находится в округе Сонома, в так называемой Лунной Долине. В истории госпиталя есть темное прошлое – в нем в 1920-е годы проводились программы по евгенике, стерилизации душевнобольных пациентов и т. д.

270

Билл Грэм (1931–1991) – легендарный импресарио и менеджер, был промоутером целой плеяды культовых музыкантов: Дженис Джоплин, «Грэйтфул Дэд», «Кантри Джо энд Фиш», «Джефферсон Эйрплэйн», Джоан Баэз, «Оллман бразерс», «Лед Зеппелин», поэтов-битников.

271

Слова из песни группы «Айсмен» *She's a fox* (1966 год), в записи принимал участие молодой Джимми Хендрикс.

Где-то 8 часов.

Написан в 1977 году, издан только в 1987 году.

Philip K. Dick: The Dream Connection (The Permanent Press, 1987).

275

Второй международный фестиваль научной фантастики в Меце (19–25 сентября 1977 года).

Si vous trouvez ce monde mauvais, vous devriez en voir quelques autres. Первое книжное издание в *сборнике L'année 1977–1978 de la Science-Fiction et du Fantastique* (Julliard, 1978). На английском языке эссе вышло только в 1991 году.

277

Первый благотворительный конвент округа Сонома, организованный клубом любителей фантастики «Спеллбиндерс». Проводился 22–23 октября 1977 года, собрал около 1500 участников. Всего было четыре конвента.

278

Брайан Ино (род. 1948) – британский авангардный рок-композитор, клавишник, специализирующийся в области электронной музыки; минималист; создатель стиля «эмбиент». Сотрудничал с Дэвидом Боуи, с «Рокси Мьюзик», с Петром Мамоновым, с Борисом Гребенщиковым.

Cosmogony and Cosmology. Первое книжное издание – в слипкейсе вместе с лимитированным выпуском «Валиса» (Kerosina Books, 1987).

How to build a Universe that doesn't fall apart two days later. Первое издание – в сборнике рассказов *I Hope I Shall Arrive Soon* (Doubleday, 1985).

281

Феррис Ф. Фримонт (Ferris F. Fremont, или FFF, то есть 666, число Зверя из Апокалипсиса).

282

About "Roog" (1979). Есть только журнальная публикация в восьмом выпуске *Unearth*.

283

The Man Who Fell to Earth (1976). Фильм является экранизацией одноименного романа Уолтера Тевиса.

Проявлении изобретательности (*фр.*).

285

Валис возвращенный (*англ.*).

286

The Unteleported Man. Издан в 1983 году как «Обман Инкорпорэйтед».

Добавим еще, что в 1981 году рассказ попал в шортлист премии «Локус» и был издан Терри Карром в его антологии *The Best Science Fiction of the Year #10*.

288

Это игра, напоминающая бейсбол, но в весьма упрощенном виде.

289

Биафра – самопровозглашенная республика, возникшая в мае 1967 года на юго-востоке Нигерии и прекратившая свое существование в январе 1970 года.

Природа порожденная (*лат.*).

291

Мнение, вероятное суждение (*гр.*).

Природа порождающая (*лат.*).

293

«Лизол» – торговая марка американских чистящих и дезинфицирующих средств.

Яхве или Иегова, монотеистическое авраамическое божество.

295

Вазэктомия – хирургическая операция, заключающаяся в иссечении семявыводящего протока. Делает мужчину «стерильным», но не влияет на потенцию.

296

Теодицея – «оправдание бога», общее обозначение религиозно-философских доктрин, стремящихся согласовать идею «благого» и «разумного» божества с наличием мирового зла.

297

Все дороги ведут к Богу (*лат.*).

298

Джордж Герберт (1593–1633) – английский поэт-метафизик, автор преимущественно духовной лирики.

299

Оправдание моей жизни (*лат.*).

300

Вирджиния Вулф (1882–1941) – выдающаяся английская писательница; яркий представитель модернизма в литературе; пережила несколько тяжелых психических кризисов, в результате чего покончила с собой.

301

Отметим, что для поддержки проката фильма в 1982 году были изданы сувенирные журналы фэн-клуба, фотороман и комикс от Marvel.

Одноименный роман был позднее написан и издан самостоятельно Тессой Дик в 2009 году. По требованию наследников (sic!) ей пришлось изъять книгу из продажи.

303

«Роман с ключом» (*фр.*) – роман, в котором под вымышленными именами выведены реальные лица.

Подлинная жизнь (*лат.*).

305

«Белый альбом» (Simon & Shuster, 1979) – вторая книга Дидион. Сборник эссе о Калифорнии 60–70-х годов. В «Трансмиграции Тимоти Арчера» книга фигурирует под названием *The Green Cover*.

Ад – Чистилище – Рай (*итал.*).

307

Евангелие от Иоанна 6:49.

308

Пьер Тейяр де Шарден (1881–1955) – французский иезуит и священник, виднейший католический теолог, философ-эволюционист, антрополог, палеонтолог. Один из создателей теории ноосферы. «Феномен человека» (1955) – основной трактат де Шардена, посвященный идее эволюции человечества в ноосферу и достижения «точки Омега» – создания коллективного высшего сознания.

309

Rest and recreation – американский армейский термин, обозначающий «отдых и восстановление сил».

310

Мэри Уилсон написала впоследствии книгу воспоминаний о ФКД – *The Other Side of Philip K. Dick: A Tale of Two Friends* (2016).

311

В 1995 году фильм все же вышел, с Питером Уэллером в главной роли, под названием «Screamers» – «Крикуны».

312

Грядущий Будда, 5-й Будда, «тот, кто есть любовь».

313

Имеется в виду сценарий *Claws*, экранизированный в 1995 году как «Крикуны».

«Автофабрика» также была экранизирована в рамках телесериала «Электрические сны Филипа К. Дика» в 2017 году.

315

Патриция Шартл Мирер (1923–2010) – первая женщина главный редактор в Нью-Йорке 50-х годов, литературный агент Мэри Хиггинс Кларк и Патриции Хайсмит.

См. «Экзистенциальная психология. Экзистенция» (М., 2001).

317

Исходя из совершившегося позднее (*лат.*).

318

Исайя, 2:4.

319

В 2008 году наследники Дика изъяли архивы, так как Университет не смог оплатить названную ими цену в 2 миллиона долларов.

320

Книга была опубликована в 2010 году.